

В.В. ЩУКИН А.Н. ПАВЛЮК

ЗЕМЛЯКИ

Очерки
истории еврейской общины
города Николаева

(конец XVIII – начало XX вв.)

ד' לא' נדסל ע"ט

УДК 94 (477.73) (= 411.16) «18/20»
ББК 63.3 (4 УКР) 5
Щ 95

*Рекомендовано к изданию Ученым советом Института истории и права
Николаевского государственного университета им. В.А. Сухомлинского
(Протокол № 8 от 2.04.2009 г.)*

Рецензенты:

А.Г. Черных – доктор исторических наук, профессор
Л.Л. Левченко – кандидат исторических наук, директор Государственного архива Николаевской области

Научный редактор:

Н.Н. Шитюк – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины

Щ 95 **Щукин В.В., Павлюк А.Н. Земляки. Очерки истории еврейской общины города Николаева** (конец XVIII – начало XX вв.) / В.В. Щукин, А.Н. Павлюк / Научный редактор Н.Н. Шитюк / Государственный архив Николаевской области. – Николаев: Издательство Ирины Гудым, 2009. – 352 с.

ISBN 978-966-8592-52-2

В книге освещены различные аспекты истории еврейского населения города Николаева с момента его основания до 1917 г. Раскрыты особенности правового положения евреев в Николаеве, их вклад в социально-экономическое развитие города, специфика религиозной жизни еврейской общины, участие евреев в развитии здравоохранения и просвещения.

Книга адресуется исследователям-краеведам, всем, кто интересуется отечественной историей и историей родного края.

УДК 94 (477.73) (= 411.16) «18/20»
ББК 63.3 (4 УКР) 5

ISBN 978-966-8592-52-2

© Щукин В.В., Павлюк А.Н., 2009
© Издатель Гудым И.А., 2009

Город Николаев с момента своего возникновения и до сегодняшнего дня формировался как город многонациональный, что придавало его облику и атмосфере, жизненному укладу особую оригинальность. Значительную часть городского населения традиционно составляли евреи. К началу XX в. к этой этнической группе принадлежал каждый пятый житель города. История евреев в Николаеве исполнена особого драматизма. Дважды властями предпринимались попытки выселения их из города, неоднократно вводились различные ничем не оправданные ограничения по отношению к евреям как на общегосударственном, так и на местном уровнях. Николаевской еврейской общине удавалось преодолевать эти трудности, при этом она приложила немало усилий к превращению Николаева в один из крупнейших экономических центров региона и Российской империи.

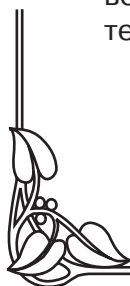
В силу бурных событий XX в. Николаев потерял большую часть своего еврейского населения, при этом город утратил значительную часть своего неповторимого обаяния. Авторы не случайно вынесли в название книги слово *ל'א'נדסל'ייט*, которое в переводе с языка идиш (а на этом языке говорило большинство николаевских евреев) означает «земляки». Мы надеемся, что у тех, кто прочтет эту книгу, не останется сомнения в том, насколько значительную лепту евреи внесли в развитие и процветание города Николаева.

Сведения о жизни евреев в Николаеве для большинства жителей города черпались, в основном, из воспоминаний очевидцев, которые прошли через своеобразное «редактирование» двух-трех поколений, обросли легендами и анекдотическими деталями, сегодня уже трудно отделить домыслы от истины. Авторам хотелось исправить этот недостаток. Реконструируя историю еврейской жизни в нашем городе, мы стремились максимально опираться на документальные свидетельства.

Следует признать, что картина жизнедеятельности еврейской общины, представленная в книге, выглядит достаточно мозаичной, основной причиной этого является то, что значительная часть документальных и иных источников не сохранилась до нашего времени, ушли из жизни большинство современников описываемых событий. Вместе с тем, авторы осознают, что ими выявлены далеко не все источники, их поиск и выявление продолжаются, и работа по исследованию истории николаевского еврейства еще будет иметь логическое продолжение. Это даст возможность в перспективе увидеть многое из того, что ныне еще скрыто от нас, а то, что уже известно, увидеть по-новому.

Авторы приносят искреннюю благодарность директору Государственного архива Николаевской области Л.Л. Левченко, сотрудницам архива О.В. Шамборе, Н.В. Моряновой, Л.В. Лунгол за большую помощь в поисках и подборе архивных материалов, использованных в данной работе. Особая благодарность сотрудницам отдела литературы по краеведению и отдела редкой книги Николаевской областной универсальной научной библиотеки им. А. Гмырева за большое внимание и благожелательное отношение, проявленное к авторам.

В.В. Щукин, А.Н.Павлюк

Менора — Николаев.
Дарен на память о синагоге.
Адрес: на Николаевском Тел. Зв. № 10.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Историография истории николаевского еврейства

Первым исследователем истории Юга Украины является А.А. Скальковский. На основе анализа статистических материалов он доказывает, что евреи были уже среди первых поселенцев в Новороссийском крае. Еврейское население не было предметом специального исследования для данного автора, но упоминания о евреях в его работах свидетельствуют о его позитивном отношении к этой этнической группе.

О евреях, в большей или меньшей степени, упоминают авторы большинства работ по истории Николаева и южноукраинского региона, созданных в XIX – начале XX вв. Евреи упомянуты среди первых жителей города в анонимной брошюре «Михаил Леонтьевич Фалеев, или Начало города Николаева», изданной в Николаеве в 1864 г. [515].

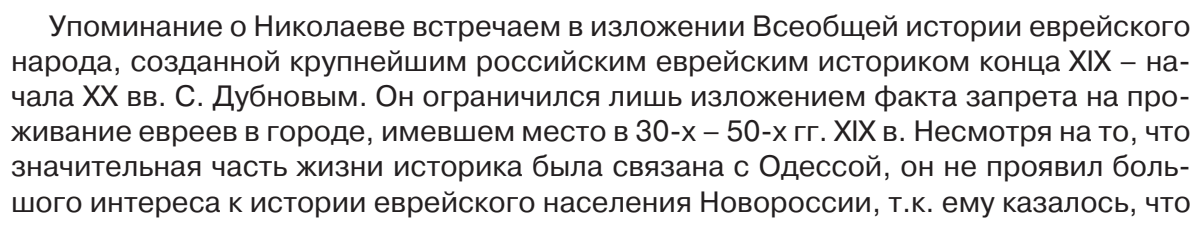
Интересный эпизод, характеризующий место и роль еврейской общины в жизни города во II половине XIX в., а также отношение к ней со стороны городской общности и администрации, описан в работе известного николаевского автора протоиерея П.П. Еланского [475].

Большое внимание истории николаевского еврейства уделил Г.Н. Ге в «Историческом очерке столетнего существования города Николаева при устье Ингула (1790-1890)». Он указывает, что евреи были уже среди первых жителей города, к началу XIX в. они играли исключительную роль в развитии городской торговли и ремесла; крайне негативно оцениваются исследователем последствия выселения евреев из города, согласно императорскому указу 1829 г. Автор пользовался многими источниками, которые не сохранились до нашего времени, в силу этого данная работа обретает характер источника [452].

Одну из первых работ по истории заселения Новороссийского края создал известный украинский историк Д.И. Багaley, она была издана в 1889 г. В нескольких эпизодах, связанных с историей Николаева, в этой работе неизменно упоминается и о евреях [448].

Один из первых российских еврейских историков И.Г. Оршанский упоминает о Николаеве в очерке об истории формирования российского законодательства по еврейскому вопросу [525].

Безусловный интерес для понимания роли евреев в процессах освоения Новороссийского края и его экономического развития представляют книги Ю. Янсона и О. Лернера [509, 577].

Упоминание о Николаеве встречаем в изложении Всеобщей истории еврейского народа, созданной крупнейшим российским еврейским историком конца XIX – начала XX вв. С. Дубновым. Он ограничился лишь изложением факта запрета на проживание евреев в городе, имевшем место в 30-х – 50-х гг. XIX в. Несмотря на то, что значительная часть жизни историка была связана с Одессой, он не проявил большого интереса к истории еврейского населения Новороссии, т.к. ему казалось, что еврейство этого региона, пренебрегая жестким исполнением Традиции, постепенно утрачивает свою национально-религиозную идентичность [472-473].

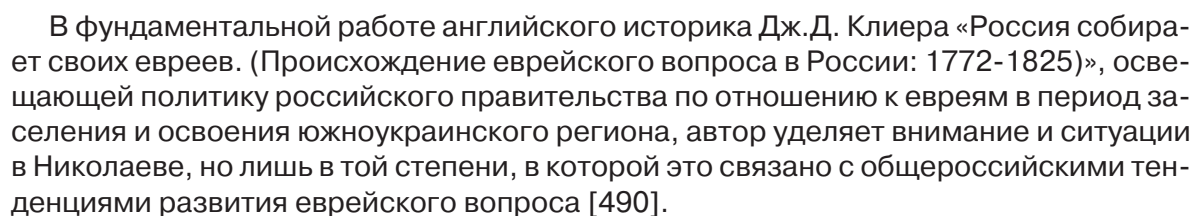
Неоднократные упоминания о Николаеве содержатся в работах одного из крупнейших российских еврейских историков Ю. Гессена, его внимание к нашему городу, в основном, связано со спецификой правового положения еврейского населения в городе. Ю. Гессен является автором статьи о Николаеве, помещенной в «Еврейской энциклопедии», изданной в начале XX в. издательством Ефрона и Брокгауза [453-455]. Данная энциклопедия до сегодняшнего дня остается одним из наиболее информативных изданий по истории российского еврейства. Упомянутая статья не лишена ряда неточностей, что вполне объяснимо, учитывая то, что автор не имел возможности работать с местными архивными материалами.

Достаточно часто упоминается о евреях в рукописи В.И. Стрельского «История Николаевщины», хранящейся в отделе краеведческой литературы Николаевской областной универсальной научной библиотеки. Рукопись была создана в 30-х гг., когда автор жил и работал в Николаеве [545]. В целом же, в советский период историческая иудаика считалась неактуальным направлением исследований как в общеисторическом, так и в регионалистическом контексте. Евреи на долгие годы превратились в фигуру умолчания в отечественной исторической науке. Даже в наиболее репрезентативном историко-регионалистическом издании советского периода «Історія міст і сіл Української РСР. Миколаївська область» (1971 г.) в очерке о Николаеве о евреях есть лишь одно упоминание в перечне этнических групп населения города, кроме того, упоминаются несколько евреев-революционеров.

В конце 70-х гг. XX в. в работах отечественных историков В.М. Кабузана и Е.И. Дружининой южноукраинский регион впервые становится отдельным предметом исследования. В.М. Кабузан на основе анализа статистических материалов ревизий (переписей населения) конца XVIII – начала XIX вв. впервые в советской историографии обратил внимание на то, что евреи составляли третью по численности этническую группу в составе населения крупнейших городов Новороссийского края (Одессы, Николаева, Херсона и др.). В работах Е.И. Дружининой содержатся упоминания о существенной роли евреев в социально-экономическом развитии городов южноукраинского региона в период освоения и заселения края, в этом контексте упоминается и Николаев [470-471; 486].

Большое внимание развитию подрядного судостроения в Николаеве, значительная часть которого осуществлялась еврейскими предпринимателями, уделено в книге Б.Н. Зубова, изданной в 1990 г. [480].

В 1992 г. появилась первая книга об истории евреев Украины. Ее авторы Я.С. Хонигсман и А.Я. Найман не ставили целью выявить специфику исторического развития еврейских общин разных регионов Украины, в силу этого, упоминания о Николаеве в данной работе носят лишь фрагментарный характер. Такая же фрагментарность характерна и для коллективной работы «Нариси з історії та культури євреїв України» под редакцией Л. Финберга и В. Любченко, изданной в 2005 г. Это свидетельствует о том, что Николаев пока еще, во многом, остается *tabula rasa* для большинства отечественных исследователей еврейской истории [519; 547].

В фундаментальной работе английского историка Дж.Д. Клиера «Россия собирает своих евреев. (Происхождение еврейского вопроса в России: 1772-1825)», освещающей политику российского правительства по отношению к евреям в период заселения и освоения южноукраинского региона, автор уделяет внимание и ситуации в Николаеве, но лишь в той степени, в которой это связано с общероссийскими тенденциями развития еврейского вопроса [490].

Книга израильского исследователя М. Полищука «Евреи Одессы и Новороссии» представляет собой одно из наиболее фундаментальных исследований истории еврейской общины Одессы, которая исследуется в тесной взаимосвязи с общей ситуацией в Новороссии. В этой работе упоминания о ситуации в Николаеве единичны, гораздо чаще упоминаются Херсон и Елисаветград, что следует признать несправедливым, причем упоминания о Николаеве, в основном, даются по материалам еврейской прессы, без ссылки на архивные документы. В силу этого ряд утверждений данного автора относительно жизнедеятельности еврейской общины в г. Николаеве звучат спорно и не всегда подтверждаются документально [532].

Для большинства современных исследователей отправной точкой для их работ стала статья о Николаеве в «Краткой еврейской энциклопедии» (повторена в «Электронной еврейской энциклопедии»), которая в достаточно лаконичной форме (в соответствии с форматом издания) излагает двухвековую историю еврейской общины города [438, т. 5, ст. 719-720].

Одна из первых попыток изложения истории николаевского еврейства предпринята И.М. Шайкиным. Его небольшой очерк опубликован в 1998 г., одним из его недостатков следует признать ограниченное число источников, использованных автором [552].

Большое внимание вопросам еврейской демографии в г. Николаеве, а также специфике взаимоотношений Николаевских военных губернаторов с еврейской общиной города уделено в работах Л.Л. Левченко. Ею впервые введены в научный оборот многие архивные материалы, в частности документы о еврейских погромах конца XIX в. в Николаеве. Эта исследовательница приложила немало усилий к организации издания двухтомного сборника «Еврейское население на Николаевщине» [505-508].

Не обошел своим вниманием историческую судьбу еврейского населения Николаева известный исследователь-краевед Ю.С. Крючков. Он был первым, кто обратил внимание на ту исключительную роль, которую играли евреи в организации поставок для Черноморского флота в начале XIX в., а также в подрядном судостроении, производившемся на частных верфях, владельцами которых чаще всего были евреи [439; 497-503]. Детальный квалифицированный анализ деятельности частных верфей в контексте истории развития кораблестроения на Украине осуществлен Н.А. Рыжевой, которая сумела аргументированно доказать, что эти верфи часто работали эффективнее и оперативнее, корабли для Черноморского флота на них строились быстрее, качественнее и с меньшими затратами, чем на казенных верфях.

Ю.И. Гузенко является первым из николаевских исследователей, кто обратился к истории развития местной еврейской благотворительности в общем контексте формирования общественной благотворительности в южноукраинском регионе в конце XIX – начале XX вв. [466-467].

В статье немецкого исследователя В. Сартора приведены факты открытия в Николаеве в конце XIX в. филиалов и отделений международных еврейских торговых фирм, которые контролировали местную хлебную торговлю и во многом способствовали тому, что Николаевский порт превратился в один из крупнейших экспортных портов в Европе [537].

Херсонскими исследователями Е. Синкевичем и Н. Кузововой дан анализ состояния еврейского образования в Николаеве в общем контексте развития национального образования в регионе в конце XIX – начале XX вв. [540].

Известный историк отечественного судостроения А.Г. Сацкий, исследуя формирование системы подрядов для Черноморского флота, не мог обойти вниманием активное участие николаевских евреев в этой сфере деятельности [538].

Результатом многолетней поисковой деятельности стали работы краеведов Ф. Когана и Е. Гриневиц, в которых делается попытка осветить различные аспекты повседневной жизни николаевской еврейской общины [451-565; 493-494].

Значительное количество персоналий о жизни и деятельности евреев, оставивших заметный след в истории и общественной жизни г. Николаева помещено в энциклопедическом словаре «Николаевцы» [440].

В 2008 г. опубликовано первое монографическое исследование об истории еврейского населения в Херсонской губернии. Его авторы Н.Н. Шитюк и В.В. Щукин отдельный раздел посвятили исторической судьбе евреев в Николаевском и Севастопольском военном губернаторстве, а с начала XX в. – в Николаевском градоначальстве, их участию в органах городского самоуправления, положению в сфере образования. Авторы стремятся выявить специфику формирования еврейской общины в Николаеве в сравнении с другими крупными городами Новороссийского края, прежде всего Херсоном и Одессой [553].

В определенной мере этапами подготовки данной работы стали публикации результатов исследований, осуществленных авторами этой книги, стремившимися максимально расширить источниковую базу и выявить упоминания об истории николаевского еврейства в работах отечественных и зарубежных исследователей, что позволило по-новому увидеть многие факты из жизни николаевской еврейской общины, а также максимально персонализировать историю еврейского населения в Николаеве [426-530, 533, 558-575].

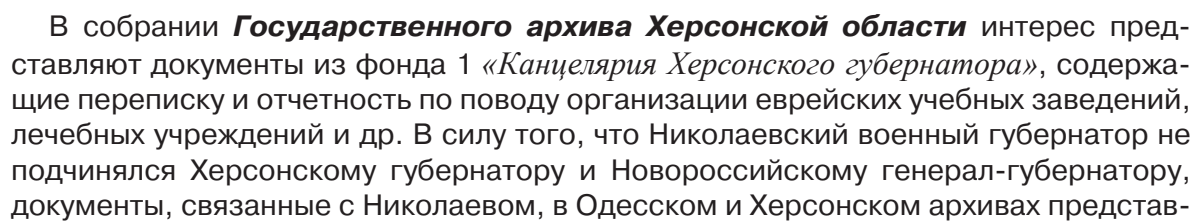
Обзор источников

Самый значительный массив источников, использованных в исследовании, составляют архивные материалы. При подготовке данной работы авторами использовано 333 архивных дела из различных хранилищ.

Авторы воспользовались документами израильского архива ***The Central Archive for the History of the Jewish People***. Они представляют собой, в основном, копии документов из российских архивов, иллюстрирующих процессы поселения евреев в Новороссии в I половине XIX в. Особый интерес представляют отчеты Николаевской (старой) синагоги, отсутствующие в отечественных архивах [1-5].

Документы ***Центрального государственного исторического архива Украины в г. Киеве*** из фонда 356 «*Николаевский военный губернатор*», 1850-1900 гг., содержат сведения о еврейских погромах, имевших место в г. Николаеве в конце XIX – начале XX вв. [6-9].

В ***Государственном архиве Одесской области*** наибольший интерес представляют документы из фонда 1 «*Управление Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора*» и фонда 5 «*Управление временного Одесского генерал-губернатора*», 1879-1889 гг., представляющие собой отчетную документацию и переписку между Николаевским военным губернатором и Новороссийским генерал-губернатором, значительная часть которой связана с различными аспектами жизни николаевской еврейской общины [328-331].

В собрании **Государственного архива Херсонской области** интерес представляют документы из фонда 1 «*Канцелярия Херсонского губернатора*», содержащие переписку и отчетность по поводу организации еврейских учебных заведений, лечебных учреждений и др. В силу того, что Николаевский военный губернатор не подчинялся Херсонскому губернатору и Новороссийскому генерал-губернатору, документы, связанные с Николаевом, в Одесском и Херсонском архивах представлены фрагментарно [332-333].

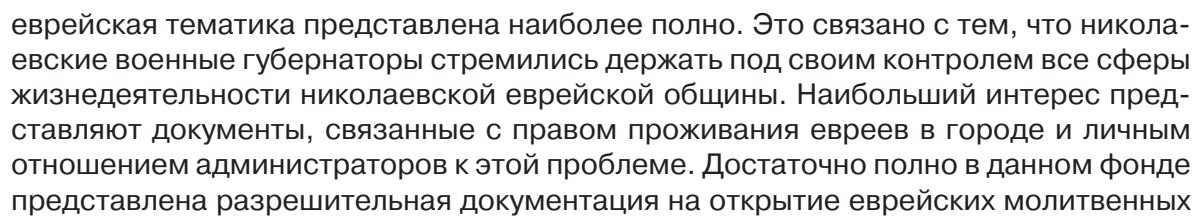
Наиболее активно авторами использованы документы из **Государственного архива Николаевской области**.

В фонде 131 «*Николаевское высшее начальное училище*» содержатся материалы о деятельности Николаевской еврейской училищной комиссии в 60-80-х гг. XIX в., которая контролировала работу хедеров, Талмуд-Торы и других частных еврейских учебных заведений. Богатый статистический материал дает возможность отследить динамику развития еврейского образования в Николаеве в течение более 20 лет. В данном фонде также представлены списки учащихся и копии свидетельств об окончании Николаевского начального училища, что дает возможность выявить количество евреев среди учащихся данного учебного заведения.

Достаточно полно и разнообразно представлена еврейская проблематика в фонде 216 «*Николаевская городская управа*», 1870-1920 гг. Более 50 дел из этого фонда отражают различные аспекты жизнедеятельности еврейской общины города. В делах об отдаче в откупное содержание коробочного сбора отражена конкуренция, имевшая место среди еврейских купцов. Дела о расходах сумм коробочного сбора содержат информацию о деятельности еврейских религиозных организаций, учреждений здравоохранения, образования, благотворительности и др. Дела о выборах городского раввина содержат списки евреев-купцов и ремесленников, которые являлись основными выборщиками, что позволяет проследить динамику роста этих сословных групп в составе еврейского населения города. Ценную информацию содержит массив документов, связанных с еврейским коробочным сбором. Дополняют эти сведения документы фонда 222 «*Николаевская городская Дума*» 1797-1920 гг., содержащие списки гласных Николаевской городской Думы разных созывов, что позволяет определить степень участия евреев в деятельности данного органа городского самоуправления. Представляют также интерес протоколы заседаний городской Думы, на которых обсуждались различные проблемы городской еврейской общины. В фонде также содержатся ведомости о числе жителей и домов в Николаеве, списки ремесленников, купцов, различных групп мецан, что позволяет сделать анализ места евреев в социальной структуре городского населения.

Фонд 229 «*Канцелярия Николаевского градоначальника, г. Николаев Херсонского уезда Херсонской губернии*», 1887-1919 гг., содержит значительное количество документов, связанных с жизнедеятельностью и правовым положением еврейского населения в конце XIX – начале XX вв. Достаточно полно представлены разрешительные и отчетные документы, связанные с деятельностью еврейских учебных и лечебных учреждений, благотворительных обществ, культурно-массовых мероприятий и др. В них выразительно просматривается стремление городской и губернской администрации поставить под жесткий контроль все стороны жизни еврейской общины, особенно те, где социальная активность евреев проявлялась наиболее ярко. В документах, связанных с утверждением на выборные должности или на службу в государственные учреждения евреев, четко выражены дискриминационно-ограничительные устремления городской администрации.

В Фонде 230 «*Канцелярия Николаевского военного губернатора*», 1805-1901 гг.,

еврейская тематика представлена наиболее полно. Это связано с тем, что николаевские военные губернаторы стремились держать под своим контролем все сферы жизнедеятельности николаевской еврейской общины. Наибольший интерес представляют документы, связанные с правом проживания евреев в городе и личным отношением администраторов к этой проблеме. Достаточно полно в данном фонде представлена разрешительная документация на открытие еврейских молитвенных домов, учебных заведений, благотворительных учреждений, а также разнообразная статистика, характеризующая роль евреев в социально-экономической жизни города. Значительным числом документов представлена переписка Николаевского военного губернатора с правительственными учреждениями по еврейским проблемам и нормативные акты по данной проблематике, получаемые канцелярией от Новороссийского генерал-губернатора и столичных министерств. Важным источником также является документация о попытках их выселения из города в начале XX в.

Фонд 231 *«Николаевская городская полиция»*, 1860-1916 гг., содержит документы о праве проживания евреев в Николаеве, о деятельности благотворительных организаций, инструктивные документы МВД по еврейскому вопросу. Отдельный массив представляют документы о еврейских погромах и их последствиях.

В фонде 239 *«Николаевский городской статистический комитет»* интерес представляют статистические данные, связанные с динамикой роста численности еврейского населения в Николаеве, а также отчеты о количестве и показателях деятельности промышленных, ремесленных и торговых учреждений города.

Фонд 243 *«Канцелярия строения города Николаева»*, 1787-1798 гг., содержит документы о застройке Николаева в первые годы его существования, особую ценность представляют договора с купцами о поставках стройматериалов, инструментов и проч., их анализ дает возможность выявить степень вклада евреев в процессе становления города. Особый интерес представляет одно из первых описаний г. Николаева, а также журналы исходящей казенной корреспонденции.

В фонде 280 *«Николаевский городской магистрат»*, 1804-1866 гг., содержатся данные ревизий, документы о причислении в Николаев купцов и ремесленников, в числе которых были евреи, ревизские сказки евреев-ремесленников и др.

Фонды 297 *«Николаевский судостроительный завод «Наваль»* и 300 *«Николаевский судостроительный завод Российского судостроительного общества «Руссуд»* позволяют определить процентное соотношение евреев среди поставщиков, служащих и рабочих этих заводов.

Фонд 484 *«Коллекция метрических книг учреждений религиозных культов, существовавших на территории Николаевской области»* содержит коллекцию метрических книг николаевской синагоги, анализ которых дает богатый материал по еврейской демографии и семейно-брачным отношениям [10-327].

Среди **опубликованных документов и материалов**, прежде всего, следует обратить внимание на «Полное собрание законов Российской империи», в котором содержатся законодательные и нормативные документы, определявшие правовое положение еврейского населения в Николаеве с конца XVIII до начала XX вв. «Свод законов Российской империи» содержит в консолидированном виде законодательные нормы, действовавшие по отношению к еврейскому населению со II четверти XIX в. [409]. В силу запутанности и бессистемности российского законодательства по еврейскому вопросу уже в середине XIX в. возникла необходимость собрать воедино всю совокупность законодательных и нормативных актов по данной тематике за весь период существования Российской империи. Эту задачу с успехом выполнил

В.О. Леванда. Сборник, составленный им, опубликован в 1874 г. и до сегодняшнего дня сохраняет ценность для исследователей, т.к. представляет собой наиболее полную публикацию актов российского законодательства по еврейскому вопросу [405-408]. Сложность российского законодательства о евреях требовала квалифицированных комментариев, уточнявших правоприменительную практику, которые были осуществлены известными юристами конца XIX – нач. XX вв. Я.И. Гимпельсоном, Л. Зайденманом, М.И. Мышем. Для современных исследователей они играют роль ценного источника, к ним примыкают обзоры истории формирования российского законодательства, регулировавшего различные аспекты жизнедеятельности евреев, осуществленные известными юристами Н.Д. Градовским, А.А. Гольденвейзером, М.И. Кулишером, М.Г. Моргулисом [334; 457; 476; 504; 518].

Первые упоминания о евреях в связи со строительством городов Херсона и Николаева содержатся в ордерах, распоряжениях Г.И. Потемкина и его переписке с М.Л. Фалеевым [339; 347; 419].

Публикация ряда архивных материалов, связанных с историей еврейской общины Николаева осуществлена в сборнике «Евреи Одессы и Юга Украины», подготовленном сотрудниками Государственного архива Одесской области [335]. Еще больший интерес в этом отношении представляют сборники «Еврейское население на Николаевщине», подготовленные сотрудниками ГАО [336-337].

Значительный статистический материал по еврейской демографии, развитию еврейского образования, динамике роста еврейского населения содержат обзоры Николаевского военного губернаторства, а с 1901 г. – отчеты Николаевского градоначальства, более детальную картину социальной структуры, образовательного уровня, возрастной стратификации еврейского населения дают материалы переписи населения, проводившейся в г. Николаеве в 1875 г. и Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. по г. Николаеву [341-346; 352-366; 404].

Достаточно большой массив материалов о еврейском образовании и обучении еврейских детей в казенных (нееврейских) учебных заведениях содержат отчеты николаевских школ грамотности, коммерческого училища им. С.Ю. Витте, отчеты Херсонского губернского земства о народном образовании [341; 349-350; 367-378].

Богатый материал по еврейской благотворительности содержат уставы и ежегодные отчеты о деятельности благотворительных обществ, к ним примыкают отчеты Николаевской еврейской больницы [383-403; 423-426].

В качестве источников и справочного материала использованы ежегодные «Адрес-календари» г. Николаева и «Памятные книги Херсонской губернии». К сожалению, материалы, приведенные в них, достаточно часто грешат неточностями и не всегда подтверждаются архивными или иными документальными материалами [427-431; 437; 441-444].

В качестве нарративного источника авторами широко использованы материалы российской еврейской прессы конца XIX – начала XX вв. Обращаясь к

Уставы и отчеты еврейских благотворительных организаций г. Николаева

Российская еврейская пресса

николаевской еврейской общины нашли отражение только на страницах прессы. В целом, жизнь николаевской еврейской общины освещалась еврейской прессой достаточно скудно. Исключение составляет газета «Восход», где в начале XX в. часто печатались довольно острые заметки и статьи автора под псевдонимом «Нениколаевец», хорошо информированного о жизни николаевского еврейства, выяснить его подлинное имя пока не удалось [578-583]. Определенный интерес представляют воспоминания известного юриста Г.Б. Слиозберга о жизненном укладе и традициях еврейских общин, а также эпизод в мемуарах известного государственного деятеля С.Ю. Витте, о его встрече с известным николаевским подрядчиком-судостроителем А. Рафаловичем [449, 474].

Таким образом, выявленный круг исторических источников и совокупность исследований, осуществленных отечественными и зарубежными историками, николаевскими краеведами, со всей очевидностью свидетельствуют о необходимости осуществления комплексного исследования различных аспектов истории николаевской еврейской общины, ее роли и места в историческом развитии г. Николаева.

данному источнику, не следует забывать, что вся еврейская пресса рассматриваемого периода в большей или меньшей степени была втянута в общероссийскую дискуссию по еврейскому вопросу, в силу чего любая, даже самая мелкая, заметка в газете превращалась в аргумент в этой дискуссии. При проверке фактов, приводимых в прессе иными источниками, можно обнаружить неточности, вполне объяснимые субъективным видением авторов и полемичностью подачи материалов. При этом не следует пренебрегать данным источником, т.к. ряд фактов и явлений из жизни

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ В НИКОЛАЕВЕ

(конец XVIII – начало XX вв.)

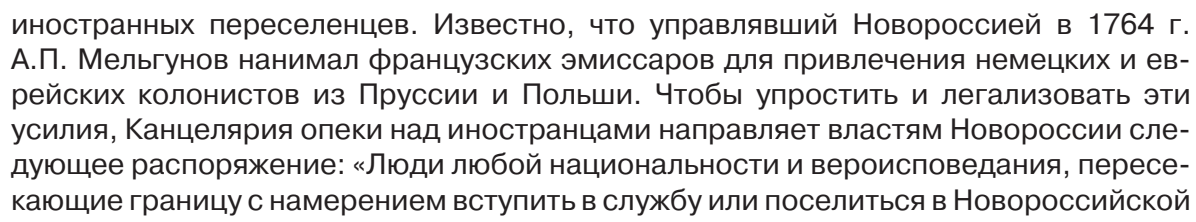

Правовое положение евреев, проживавших в Николаеве, определялось, в первую очередь, законодательством Российской империи, а также постановлениями Новороссийского генерал-губернатора, Николаевского и Севастопольского военного губернатора (командующего Черноморским флотом), позже – Херсонского губернатора, Николаевского градоначальника и т.д. Следует отметить, что российское законодательство по еврейскому вопросу располагало огромным количеством законодательных актов, изданных в разное время и по разным поводам. В силу этого оно было крайне запутанным, неоднократные попытки классифицировать его завершались безуспешно. Все это давало возможность местным властям нарушать законные права евреев, впрочем, иногда они смотрели сквозь пальцы на нарушения законов даже в тех случаях, когда эти нарушения происходили в пользу евреев.

Формирование российского законодательства по еврейскому вопросу относится ко времени правления Екатерины II. К началу ее правления в России действовал запрет на проживание и поселение евреев, утвержденный ее предшественницами Анной Иоанновной и Елизаветой Петровной. В 1738 г. Сенатом было рассмотрено дело еврея Бороха Лейбова и флотского капитан-поручика Александра Возницына «О превращении оного Возницына из православия в жидовский закон...», в связи с этим 11 июля 1740 г. императрица Анна Иоанновна наложила резолюцию на сообщение Сената «о высылке живущих в Малороссии жидов за границу». Такой курс был продолжен Елизаветой Петровной, которая не только запрещала евреям проживание в Российской империи (указ от 2 декабря 1742 г., резолюция на докладе Сената от 16 декабря 1743 г.: «От врагов христовых не желаю интересной прибыли»), но и их временное пребывание для торговли на ярмарках (указ от 25 января 1744 г.) [407, с. 11-22].

Ситуация меняется с приходом к власти императрицы Екатерины II. В первом манифесте по случаю ее воцарения (1762 г.), разрешавшем всем иностранцам беспрепятственно селиться в России, содержалась оговорка «кроме жидов», однако во втором манифесте (1763 г.) такой оговорки уже не было. В 1764 г. Екатерина II удовлетворила просьбу украинского «шляхетства и старшин» о позволении евреям «временно» приезжать в Малороссию.

В 60-х гг. XVIII в. начинается активное заселение земель Новороссии, один из путей решения этого вопроса российское правительство видело в привлечении

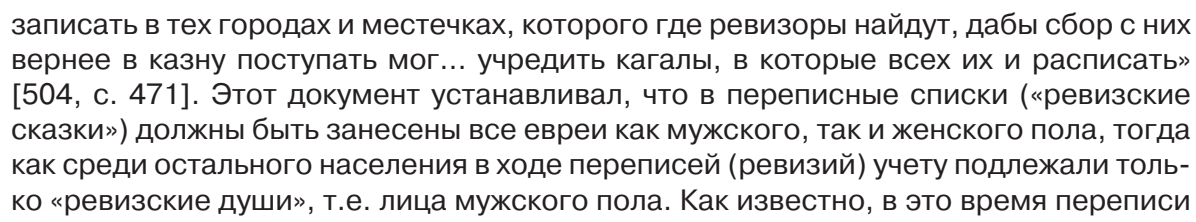

иностранных переселенцев. Известно, что управлявший Новороссией в 1764 г. А.П. Мельгунов нанимал французских эмиссаров для привлечения немецких и еврейских колонистов из Пруссии и Польши. Чтобы упростить и легализовать эти усилия, Канцелярия опеки над иностранцами направляет властям Новороссии следующее распоряжение: «Люди любой национальности и вероисповедания, пересекающие границу с намерением вступить в службу или поселиться в Новороссийской губернии, должны немедленно допускаться в названную губернию. У них не следует ни спрашивать об их нации и вере, ни просить предъявить паспорт» [490, с. 67-68], данное распоряжение давало евреям возможность обойти действовавшие запрети-тельные законы. В ноябре 1769 г. в указе Киевскому генерал-губернатору императрица разрешила евреям селиться во вновь созданной Новороссийской губернии. Очевидно, это был первый законодательный акт, узаконивший право проживания евреев в южноукраинских землях. Таким образом, еще до присоединения к Российской империи территории современной Николаевщины (это произошло офици-ально после подписания в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского и в 1791 г. Ясского мир-ных договоров) евреи уже имели законное право поселения и проживания на этих землях, учитывая, что присоединенные земли сразу же были включены в состав Но-вороссийской губернии. Между тем, вплоть до 1802 г. в официальных документах евреи приравнивались к иностранцам, что, впрочем, не исключало необходимости уплаты ими налогов в российскую казну.

Толчком к дальнейшему развитию российского законодательства по еврейскому вопросу стали три раздела Речи Посполитой (1772, 1792, 1795 гг.), в результате ко-торых большая часть евреев, ранее проживавших на белорусских, западноукраин-ских землях и Правобережной Украине, входивших в состав польского государства, становятся жителями Российской империи. С этого времени законодательство по отношению к евреям все в большей степени приобретает дискриминационный ха-рактер.

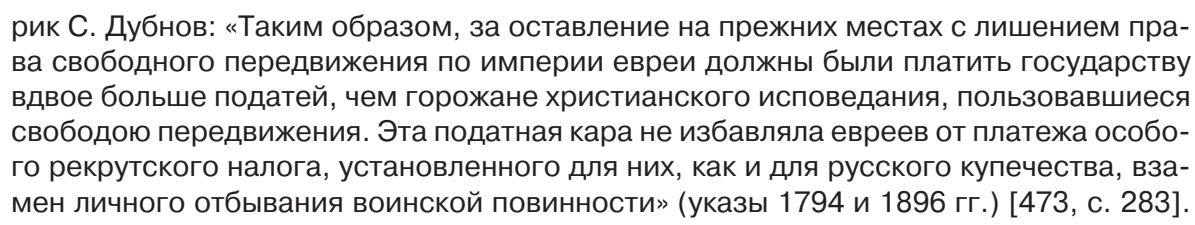
В 1773 г. евреи отнесены к городским сословиям, т.е. им следовало записаться в купечество, ремесленники или мещане (позже ремесленников включили в состав мещан), что было подтверждено последовавшими позже законодательными акта-ми: Жалованной грамотой городам (21.04.1785 г.); «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (7.11.1785 г.). В этих документах подтвержда-лись равные права евреев с другими жителями империи. По Городовому уложению евреи также получили равные с другими права на представительство в органах го-родского самоуправления – магистратах (позднее, согласно «Положению о евреях» 1835 г., еврейское представительство в магистратах было ограничено до 1/3). Ука-зом Сената с 1786 г. евреям предоставлялось право обращаться в государственные суды. В это же время, путем казуистического толкования положений данного указа, на практике устанавливалось правило, согласно которому евреи-купцы могли поль-зоваться сословными привилегиями только там, где они могли проживать согласно предписанию властей.

Российское правительство стремилось установить контроль за еврейским насе-лением, особенно в том, что касалось интересов казны. «Дабы сбор с них (жидов) в казну вернее поступать мог, то учредить кагалы, в которых всех их и записать, чтобы каждый из жидов, когда он куда для промыслов своих ехать и где для промы-слов сиих поселиться захочет, от кагала получал паспорта. Поголовные же деньги платить должен кагал и вносить оные в провинциальную канцелярию» [405, т. XX, № 14522]. Указом 1776 г. была предпринята первая попытка осуществить перепись еврейского населения. В документе говорилось «...жидов в поголовную перепись

записать в тех городах и местечках, которого где ревизоры найдут, дабы сбор с них вернее в казну поступать мог... учредить кагалы, в которые всех их и расписать» [504, с. 471]. Этот документ устанавливал, что в переписные списки («ревизские сказки») должны быть занесены все евреи как мужского, так и женского пола, тогда как среди остального населения в ходе переписей (ревизий) учету подлежали только «ревизские души», т.е. лица мужского пола. Как известно, в это время переписи населения проводились для обложения основным налогом – подушной податью, таким образом правительство намеревалось пополнить казну, обложив этим налогом все еврейское население «поголовно», при том, что среди нееврейского населения налогоплательщиками были лишь лица мужского пола (исключая дворянство, духовенство и купечество).

23 октября 1791 г. Екатерина II подписала указ, подтверждавший равенство в правах еврейских купцов и ремесленников с другими купцами и ремесленниками, проживающими в городах и местечках. Но при этом отмечалось, что евреи не имеют права записываться в купцы и ремесленники «во внутренние российские города и порты», а следовательно, и постоянно проживать в них. К числу местностей, разрешенных для проживания евреев, были отнесены белорусские губернии, а также Екатеринославское наместничество и Таврическая область (позже реорганизованные в Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую губернии). Данный указ фактически положил начало законодательному оформлению «черты еврейской оседлости» [405, т. XXII, № 17.006]. Указом от 23 июня 1794 г. список территорий, разрешенных для постоянного проживания евреев, был расширен (за счет украинских губерний), но было установлено, что евреи обязаны платить налоги «...вдвое противу положенных с мещан и купцов христианского закона разных исповеданий; которые же не похотят остаться, таковым дать свободу... по заплате трехлетней двойной подати, выехать из империи нашей». [490, с. 17, 224]. Едва ли можно согласиться с мнением известного еврейского историка начала XX в. Ю. Гессена, считавшего, что данный указ был принят с целью подтолкнуть евреев к переселению на южные земли, т.к. он распространялся и на евреев, уже проживавших на этих землях или переселявшихся сюда. Ю. Гессен также полагал, что двойное налогообложение существовало до 1809 г., но известно, что и в 1812 г. евреи обращались в министерство финансов по поводу отмены налога. Только 19 апреля 1818 г. Сенат постановил освободить евреев от «двойного оклада подати». В 1811 г. было принято правительственное постановление о ревизской переписи евреев. В нем вновь подчеркивалось, что «ревизскими душами» (т. е. лицами, обязанными платить налоги) были лица обоего пола, а это означало, что все они являлись налогоплательщиками. Хотя упомянутое постановление относилось только к прибалтийским губерниям, на практике оно действовало и в других местах. Подтверждением этому могут служить ревизские сказки евреев, проживавших или селившихся в Николаеве. Если учесть, что число женского населения среди евреев нередко превышало численность мужского, получалось так, что даже после отмены двойного налогообложения, они выплачивали государству налогов, по меньшей мере, вчетверо больше, чем остальные категории населения. Так или иначе, неравенство в налогообложении по отношению к евреям в разных формах сохранялось постоянно, т.к. министерство финансов стремилось получить от евреев побольше доходов для казны, при этом министерство внутренних дел регулярно создавало препятствия для нормальной хозяйственной деятельности евреев и тем самым снижало их платежеспособность для налогообложения. Впрочем, искать какую-либо логику в действиях российского правительства по отношению к евреям, очевидно, бессмысленно. Как справедливо отмечал известный еврейский исто-

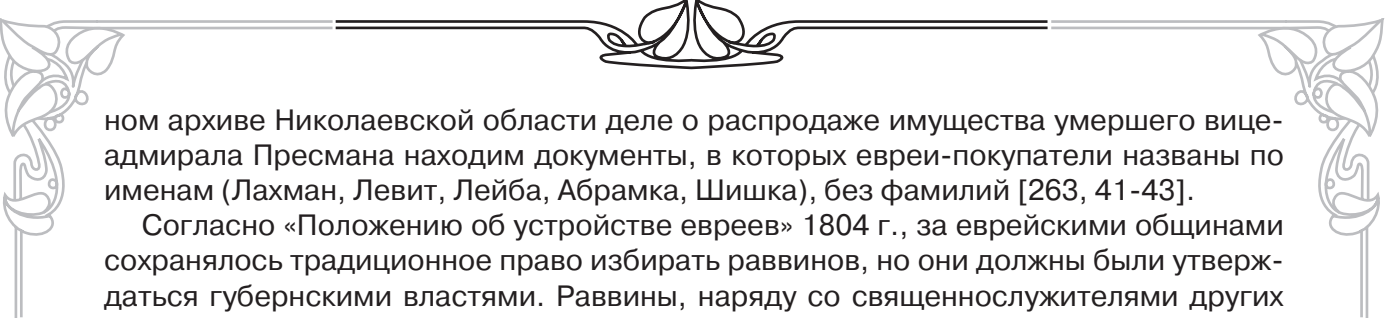
рик С. Дубнов: «Таким образом, за оставление на прежних местах с лишением права свободного передвижения по империи евреи должны были платить государству вдвое больше податей, чем горожане христианского исповедания, пользовавшиеся свободой передвижения. Эта податная кара не избавляла евреев от платежа особого рекрутского налога, установленного для них, как и для русского купечества, взамен личного отбывания воинской повинности» (указы 1794 и 1896 гг.) [473, с. 283]. Указом от 26 августа 1827 г. на евреев была распространена рекрутская повинность, причем в более жесткой форме, чем по отношению к христианскому населению.

Окончательное законодательное закрепление «черта еврейской оседлости» получила в «Положении об устройстве евреев» 1804 г., и с этого времени вплоть до 1915 г. ее границы оставались неизменными. Единственным исключением, как мы увидим далее, оказались Николаев и Севастополь, позже Ялта, которые территориально находились в пределах «черты оседлости», но здесь, со временем, были введены особые ограничения, которыми данные города были фактически исключены из ее состава.

Все евреи должны были быть приписаны к еврейским общинам – кагалам, но, если ранее кагалы были религиозными самоуправляемыми общинами, теперь они становились территориальными (городскими, уездными, губернскими). Нам удалось обнаружить документы, свидетельствующие о деятельности кагала в Николаеве с конца XVIII в. до выселения евреев из города в конце 20-х гг. Известно, что сбор и подача «ревизских сказок» от евреев и последующая передача их в городской магистрат, согласно «Положению об устройстве евреев» 1804 г., должны были производиться кагалом, кроме того, каждый такой документ удостоверялся ответственным должностным лицом от кагала. Особым указом кагалы обязывались до 1 июля 1818 г. произвести приписку всех евреев и с этого времени прекратить взимать с них двойной налог, что и было подтверждено сенатским указом в 1818 г. [518, с. 82]. Впрочем, кагалы, отвечавшие за уплату налогов евреями, не очень стремились их регистрировать. Кагалы были ликвидированы в 1844 г.

Евреи обязаны приписаться к городским сословиям, т. к. указами 1795 и 1797 гг. фактически им запрещалось постоянное проживание в сельской местности, это подтверждалось и «Положением об устройстве евреев» 1804 г. Правительство неоднократно предпринимало попытки выселения евреев из сел (указы 1819 г., 1830 г., «Положение о евреях» 1835 г. и последующие), но эти действия, как правило, не затрагивали южные (новороссийские) губернии. Но указом 1820 г. евреям запретили держать в домашнем услужении христиан.

Указом от 9 января 1804 г. евреи были обязаны взять себе фамилии, в связи с этим в 1806 г. николаевским магистратом была проведена перепись еврейского населения города. Каждый еврей обязан предоставить в городскую ратушу объявление о том, что он избирает определенную фамилию и просит зачислить его в определенное городское сословие, к которому он ранее фактически относился. К данному объявлению прилагалась «ревизская сказка» о составе семьи. Такие документы сохранились, есть также несколько справок от херсонского уездного кагала и других кагалов о евреях, которые уже прошли эту процедуру в других местах, но проживали в Николаеве [306]. Эти данные, к сожалению, являются неполными, т. к. архивные дела, содержавшие ревизские сказки, сильно пострадали во время пожара архива в период войны и сохранились лишь частично. Образцы этих документов приведены в приложении (см. приложения 1-3). Несмотря на то, что все евреи приняли официальные фамилии, их по-прежнему называли, в основном, по именам иногда даже при совершении сделок. Например, в сохранившемся в Государствен-

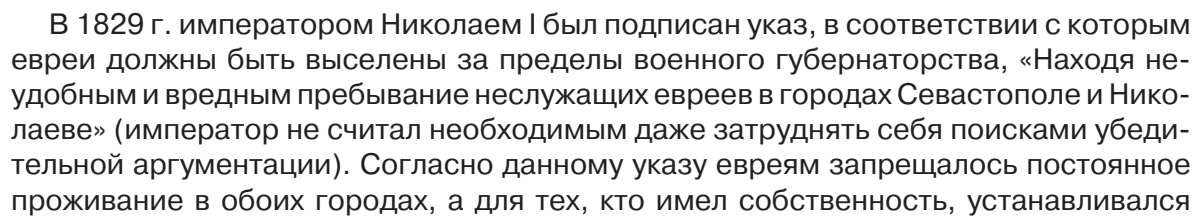
ном архиве Николаевской области деле о распродаже имущества умершего вице-адмирала Пресмана находим документы, в которых евреи-покупатели названы по именам (Лакман, Левит, Лейба, Абрамка, Шишка), без фамилий [263, 41-43].

Согласно «Положению об устройстве евреев» 1804 г., за еврейскими общинами сохранялось традиционное право избирать раввинов, но они должны были утверждаться губернскими властями. Раввины, наряду со священнослужителями других исповеданий, состояли также при армии и флоте. На протяжении XIX в. издан ряд указов и постановлений по армии и флоту, регламентировавших исполнение обрядов, религиозных праздников и проч. для военнотружущих евреев. Неоднократно издавался также «Календарь важнейших еврейских праздников, в которые военнотружущие евреи могут быть уволены от обязанностей службы».

В соответствии с российским законодательством, нормы семейного права относились к ведению церкви. До 1835 г. единственным актом о гражданском состоянии евреев были «ревизские сказки». В законе 1835 г. указывалось: «...обряд обрезания, дать имя младенцу, бракосочетание и погребение может совершать раввин или его помощники в его присутствии, или с его письменного согласия». В обязанности раввина вменили ведение четырех метрических книг: Родившиеся, Бракосочетавшиеся, Умершие, Разведенные. Таким образом, синагога теперь выполняла роль органа регистрации актов гражданского состояния для еврейского населения. Записи в регистрационных книгах производились на русском и еврейском языках (подробнее об этом см. в очерках 5, 7) [505]. К примеру, в 1862 г. Николаевская городская Дума обращается к городскому раввину Абраму Лавуту и «... просит уведомить, свидетельствуются ли должным порядком акты и обязательства между евреями, вступающими в брак?» В своем ответе раввин обстоятельно разъясняет, что при заключении брака между евреями соблюдаются нормы еврейского закона. При этом фиксировались взаимные обязательства супругов, обязательным также являлось добровольное согласие сторон. Брачные обязательства регистрировались в метрических книгах и выдавались соответствующие свидетельства на гербовой бумаге на еврейском и русском языках, что соответствовало 1806 ст. гражданских законов Российской империи [71].

Известно, что евреи проживали в городе Николаеве с момента его основания и во многом способствовали строительству и развитию города, а также хозяйственному освоению причерноморских земель, недавно присоединенных к Российской империи. Упоминания о евреях есть уже в переписке Г. Потемкина и первого строителя судоверфи и города М.Л. Фалеева. Среди упомянутых в этих документах евреев есть ремесленники достаточно редких профессий. Г. Потемкин присылал их для жительства и выполнения работ в строящиеся города, подчеркивая при этом, что других евреев, кроме присланных им, селить в городе не следует.

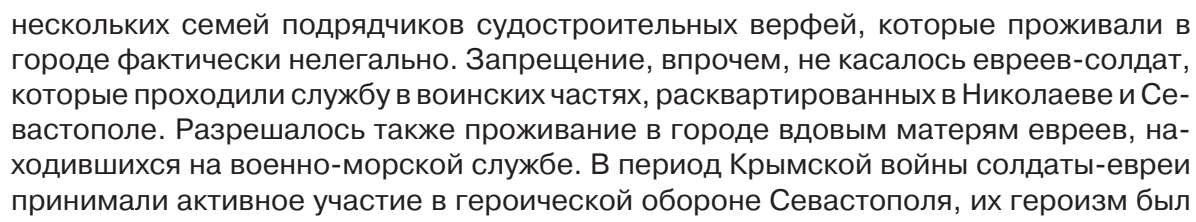
Со временем значение и статус города изменялся, в 1795 г. в Николаев из Херсона было переведено Адмиралтейство (командование Черноморского флота), Севастополь же становится главной военно-морской базой российского Черноморского флота, и с 1805 г. был установлен порядок, в соответствии с которым адмирал, назначаемый командующим Черноморским флотом, одновременно занимал должность военного губернатора Николаева и Севастополя, а оба города получали статус губернских городов (при этом не имея собственных губерний). Российское правительство небезосновательно считало, что эти города приобретали огромное военно-стратегическое значение для всей империи, поэтому постепенно созревала мысль о введении ограничений на право проживания в них для определенных категорий населения. Не удивительно, что первыми же жертвами этих ограничений становятся евреи.

В 1829 г. императором Николаем I был подписан указ, в соответствии с которым евреи должны быть выселены за пределы военного губернаторства, «Находя неудобным и вредным пребывание неслужащих евреев в городах Севастополе и Николаеве» (император не считал необходимым даже затруднять себя поисками убедительной аргументации). Согласно данному указу евреям запрещалось постоянное проживание в обоих городах, а для тех, кто имел собственность, устанавливался двухлетний срок для продажи этой собственности [406, т. IV, № 3.286]. Фактически, этот указ выводил Николаев и Севастополь из состава «черты оседлости».

Одним из наиболее активных противников исполнения данного указа выступил военный губернатор А.С. Грейг, который обратился 20 декабря 1829 г. с рапортом на высочайшее имя в Петербург, разъясняя, что выселение евреев из Николаева и Севастополя нанесет вред развитию судостроения и благополучию городов. Авторитет командующего флотом возымел действие и в ответе на рапорт, последовавшем 5 января 1830 г., говорилось: «...дозволяю вам разрешить на сей только раз Черноморскому Департаменту к поставкам, потребным оному в нынешнем 1830 году припасов и материалов допустить на законном основании и евреев, но с тем, чтобы обязательства их с казною по сим поставкам не простирались долее годовичного срока» [4]. В 1830 г. военный губернатор обращается к министру внутренних дел, указывая, что до сих пор евреи, которых на этот момент числилось 1115 мужских душ, наравне с другими жителями несли обязанности по военному постое, которым город был крайне обременен; по содержанию органов городского управления и исполняли другие городские повинности. После их выселения тяготы будут переложены на христианское население, которое едва ли сможет с этим справиться. Кроме того, указывалось, что город лишится большинства своих ремесленников, т.к. «ремеслами и другими художествами наиболее занимаются евреи». Указывалось также, что массовая продажа евреями недвижимости повлечет убытки и разорение для многих из них [408, с. 278]. Результатом этого обращения было то, что выселение было отложено до 1832 г., а затем этот срок был отодвинут до 1834 г.

В 1833 г. адмирал А.С. Грейг завершил службу на Черноморском флоте и отбыл в Санкт-Петербург, а 26 декабря того же года министр внутренних дел сообщил еврейской общине, что по просьбе А.С. Грейга евреям разрешено остаться в Николаеве и Севастополе еще на три года. Тем не менее, выселение евреев началось уже в 1834 году, чему активно способствовал новый командующий Черноморским флотом М.П. Лазарев, который не очень интересовался нуждами города и не имел намерения препятствовать выселению из него евреев. Когда в 1834 г. А.С. Грейг, будучи членом Государственного Совета, обратился с новым ходатайством о приостановлении выселения евреев, из МВД ему официально был дан ответ о том, что все евреи из Николаева уже выселены. Запрещения на проживание евреев в Николаеве было подтверждено «Положением о евреях» 1835 г. В «Устав о паспортах» был внесен пункт, согласно которому евреям разрешалось постоянное жительство в Херсонской губернии, кроме Николаева [408, с. 279]. Окончательное же выселение евреев из города произошло, как полагают, в 1837 году, о чем и рапортовал императору военный губернатор М.П. Лазарев в докладной записке от 21 января 1837 г.; но уже в 1841 г. в докладной записке правительству тот же адмирал отмечал, что с выселением евреев упала торговля в Николаеве и Севастополе и просил о предоставлении обоим городам тех же льгот, какими пользуются и «...знатные торговые города Одесса, Керчь, Таганрог и Феодосия» [479], (т.е. вернуть право проживания евреям). При выселении в Николаеве было сделано исключение лишь для

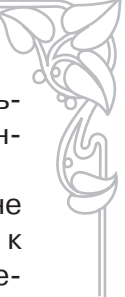

нескольких семей подрядчиков судостроительных верфей, которые проживали в городе фактически нелегально. Запрещение, впрочем, не касалось евреев-солдат, которые проходили службу в воинских частях, расквартированных в Николаеве и Севастополе. Разрешалось также проживание в городе вдовым матерям евреев, находившихся на военно-морской службе. В период Крымской войны солдаты-евреи принимали активное участие в героической обороне Севастополя, их героизм был отмечен памятником, но и это обстоятельство не изменило отношения правительства к рассматриваемой проблеме. На предложение МВД о разрешении проживать в Севастополе и Николаеве родителям евреев-военнослужащих, Николай I согласился сохранить такую льготу только для вдовых матерей военнослужащих. Любопытным в этом плане представляется следующий эпизод: в 1855 г. из Херсонской губернской казенной палаты на имя Николаевского военного губернатора поступил запрос о необходимости предоставления ежегодного отчета о свечном и коробочном еврейских сборах. Запрос и бланк отчета были переадресованы в Николаевскую городскую Думу, откуда последовал рапорт, что т. к. «...в Николаеве жительство евреям по Высочайшему повелению воспрещено, то и предписание министра внутренних дел к Думе не относится», а бланк отчета был возвращен адресату без указания суммы [60]. Следует добавить, что с 1857 г. из Николаева в Вознесенск был выслан раввин Мошко Разумный, ранее состоявший при флоте, т.к. все нижние чины из евреев были переданы из морского ведомства в сухопутное (это означало, что евреев теперь не брали на службу во флот).

В свете изложенного не случайными выглядят последующие события. В 40-50-х гг. XIX в. российское правительство утратило интерес к Черноморскому флоту. Николаев и Севастополь переживали период экономического упадка, т.к. вся городская промышленность и торговля были связаны с нуждами военно-морского ведомства. В 1859 г. евреям-купцам I гильдии было предоставлено право жительства и торговли за пределами «черты оседлости». Учитывая данные обстоятельства, министр финансов П.Ф. Брок предложил разрешить ограниченное проживание евреям в Николаеве и Севастополе, что и было оформлено правительственным постановлением от 29 июня 1859 г., согласно которому было позволено поселение в обоих городах евреям – почетным гражданам, купцам, а также членам их семей и служащим у них приказчикам, конторщикам и проч. Разрешено приезжать в Николаев «фабрикантам, заводчикам и купцам всех гильдий» по делам, а также молодым евреям, «...как для усовершенствования в ремеслах, так и для обучения ремеслам, а равно фабричному и заводскому производству» [407, с. 919]. 17 сентября 1859 г. последовало отношение военного губернатора Г.И. Бутакова к городской полиции и Думе, о том, что на них возлагался контроль за соблюдением евреями условий поселения, занятий торговлей и ремеслами.

Данные шаги были вызваны отнюдь не заботой о евреях, но катастрофическим экономическим положением городов Николаева и Севастополя, т. к. в связи с поражением в Крымской войне Россия утратила право иметь военный флот на Черном море, и военное судостроение в Николаеве значительно сократилось. Предполагалось, что пребывание в Николаеве и Севастополе евреев поможет оживить в них экономическую жизнь.

Еще в 1852 г. приняты «Изменения и дополнения в своде ремесленных постановлений», в частности, евреям теперь разрешалось поступать в ремесленные цехи, иметь учеников и подмастерьев из христиан. Лица, не относившиеся к числу ремесленников, должны были быть записанными в неремесленные еврейские цехи (мостовщики, землекопы, плотники, извозчики, садовники, работники на фабриках

и заводах и проч.). После указанных процедур ремесленники получали свидетельство, а ремесленные работники – цеховой билет, выдаваемые городской ремесленной управой и цеховыми старшинами [56, л. 5-7, 8-11].

С 1865 г. евреям-ремесленникам было предоставлено право жительства вне пределов оседлости без приписки к новым местам. Таким образом, препятствий к проживанию евреев в Николаеве и Севастополе становилось все меньше. Фактически все упиралось в отношение к ним со стороны местной администрации и военноморского ведомства, которому были подчинены оба города.

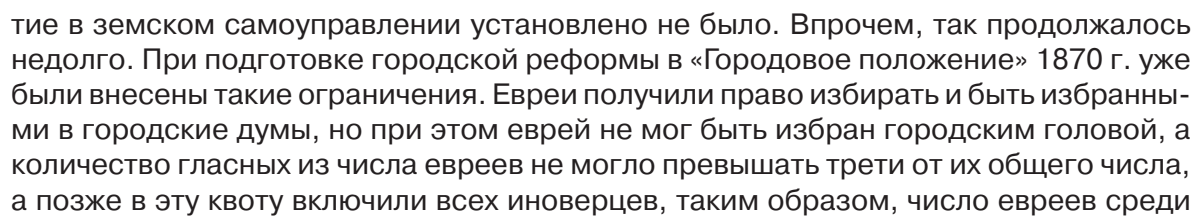
Новый этап в жизни городов начался в 1860 году с назначением Б.А. Глазенапа главнокомандующим Черноморским флотом и военным губернатором Николаева и Севастополя. Он начал осуществление широкой программы возрождения городов. Б.А. Глазенап настойчиво ходатайствовал перед правительством о снятии ограничений на проживание евреев, аргументируя это необходимостью возрождения судостроения и экономическими нуждами городов [506, с. 46-47]. В 1860 г. право жительства получили евреи – отставные солдаты, матросы и члены их семей, а с 1861 г. – ремесленники [406, № 36.264].

Высочайшим указом от 26 марта 1866 г. все ограничения на постоянное проживание в городе Николаеве евреев были сняты. Разрешено евреям всех сословий «иметь жительство и постоянную оседлость» в Николаеве. При этом не было издано ни одного документа, который свидетельствовал бы о том, что эти города вошли в состав «черты еврейской оседлости». Через столетия этот факт окажется очень существенным для еврейского населения Николаева.

Только в ст. II «Устава о паспортах» 1890 г. было зафиксировано, что право проживания в Николаеве «принадлежит всем евреям, без различия состояний». В связи с тем, что под конец XIX в. как местными властями, так и органами центральной власти все чаще допускалось нарушение указа от 1866 г. (они делали вид, что не знают о его существовании), евреям часто приходилось отстаивать свои права в судебном порядке, в 1896 г. последовало разъяснение кассационного департамента Правительствующего Сената (№ 43). В нем отмечалось: «Законом 24.03.1866 г. завершился последовательный ряд узаконений, поставивший г. Николаев в общие условия, действию которых подчинены местности, назначенные для постоянного жительства евреев вообще, без различия состояний» [132, л. 8]. Данный документ, однако, не смог пресечь нарушений прав николаевских евреев, которые к началу XX в. приобрели планомерный характер.

Еврейская община Николаева начинает быстро расти, что имело, безусловно, позитивные последствия. Не случайным совпадением представляется и то, что уже с начала 70-х годов XIX в. Николаев становится третьим по объему операций среди коммерческих портов Российской империи, а по торговле хлебом уступал лишь Одессе, по масштабам судостроения – только Петербургу. Статус городов изменялся: с 1895 г. командование Черноморского флота было переведено в Севастополь, и с 1899 г. в Николаеве военное губернаторство было ликвидировано, он становился заштатным городом в составе Херсонской губернии и управлялся градоначальником. Еврейское население становилось существенным элементом в этнической и социальной структуре жителей города. Еще более существенным был его вклад в экономическую жизнь города и края.

С началом реформ 60-х гг. у российского еврейства крепились иллюзии относительно возможности отмены правовой дискриминации, т.к. первоначально эти реформы не содержали каких-либо ограничений относительно евреев. Положением о земском учреждении 1 января 1864 года никаких ограничений прав евреев на учас-

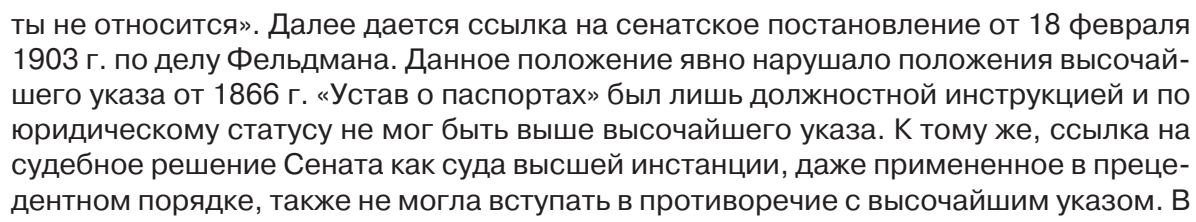
тие в земском самоуправлении установлено не было. Впрочем, так продолжалось недолго. При подготовке городской реформы в «Городовое положение» 1870 г. уже были внесены такие ограничения. Евреи получили право избирать и быть избранными в городские думы, но при этом еврей не мог быть избран городским головой, а количество гласных из числа евреев не могло превышать трети от их общего числа, а позже в эту квоту включили всех иноверцев, таким образом, число евреев среди гласных становилось еще меньшим.

Еще более дискриминационным оказалось «Городовое положение», изданное в 1892 г. В соответствии с этим документом, евреи вообще были лишены избирательного права при выборах в думы. Вместо этого губернская власть получила право по собственному усмотрению назначать определенное количество евреев в качестве гласных, но при этом их число не должно было превышать 10 % от общего количества гласных (позднее эта норма будет увеличена до 20 %). В Николаеве в начале XX в. местная власть делала попытки лишить евреев даже такого представительства, ссылаясь на ограничения для проживания евреев в городе, зафиксированные «Уставом о паспортах». Кроме того, евреям запрещалось занимать ответственные должности в городском управлении. При этом подчеркивалось, что данные нормы имеют временный характер и будут действовать до принятия нового законодательства о местном управлении, но фактически эти ограничения так никогда и не были отменены до 1917 г. [408, с. 404-406; 476, с. 44-49].

В 1897 г. были внесены изменения в «Устав о паспортах» издания 1865 г., но они фиксировали право повсеместного проживания евреев в Херсонской губернии, включая и Николаев, только за купцами и почетными гражданами, что было явной (случайной или умышленной) ошибкой законодателей [123, л. 5].

Уже в начале XX в. губернские и городские власти, при попустительстве со стороны правительственных кругов, все чаще позволяли себе игнорировать, а иногда и откровенно нарушать положения указа от 1866 г. К примеру, 13 января 1901 г. Николаевский градоначальник разрешил провести собрание для обсуждения вопроса об учреждении в Николаеве еврейского неремесленного цеха извозчиков. После проведения собрания градоначальнику направили прошение за 38 подписями. Администратор достаточно долго раздумывал, и 1 мая того же года был дан ответ: «... учреждение неремесленных цехов для евреев дозволяется в черте общей их оседлости и потому в г. Николаеве, не составляющем черту общей оседлости, для них названного цеха не может быть допущено» [165, л. 1-2, 6-7]. О другом случае в 1902 г. сообщала газета «Будущность», которая писала, что бывшим купцам, разорившимся во время экономического кризиса в связи с неурожаем 1901 г., Херсонская казенная палата запретила приписываться в Николаеве к мещанскому сословию. По этому поводу было запрошено разъяснение Министерства финансов, в котором говорилось: «... по точному смыслу закона 24 мая 1868 г. водворение в Николаеве на постоянное жительство дозволяется лишь евреям-купцам I и II гильдии, а также торгующим с записью в гильдии почетным гражданам» [578, 1902, № 12, ст. 230].

В 1903 г. принят новый «Устав о паспортах», где в приложении 1 к ст. 68 указано, что г. Николаев изъят из числа местностей, где евреям «дозволяется постоянное жительство». В документе указано: «Николаев, в отношении местностей, в которых вообще евреям жительство дозволено, занимает особое положение и не принадлежит к числу местностей черты еврейской оседлости. Ввиду этого, Сенатом признано, что еврей с выбытием из купечества г. Николаева, как имеющий право и обязанность избрать род жизни, может быть причислен лишь к обществу в черте постоянной еврейской оседлости, но не к Николаеву, который к числу мест этой чер-

ты не относится». Далее дается ссылка на сенатское постановление от 18 февраля 1903 г. по делу Фельдмана. Данное положение явно нарушало положения высочайшего указа от 1866 г. «Устав о паспортах» был лишь должностной инструкцией и по юридическому статусу не мог быть выше высочайшего указа. К тому же, ссылка на судебное решение Сената как суда высшей инстанции, даже примененное в прецедентном порядке, также не могла вступать в противоречие с высочайшим указом. В том же приложении к ст. 68. оставлено «право водворения на общих основаниях» в Николаеве за купцами и почетными гражданами из евреев, но «...право сие не распространяется на евреев, состоящих под следствием, судом или надзором полиции, равно как и тех, кои опорочены судебным приговором». При этом о выселении евреев-мещан, проживавших в городе, в документе не упоминалось, т.е. этот вопрос оставался открытым и не мог не порождать беспокойства среди николаевских евреев [422, с. 142-143].

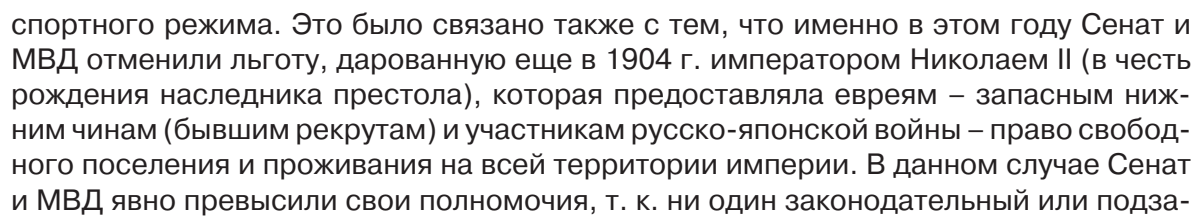
Именно упомянутые положения «Устава о паспортах» позволили Николаевскому градоначальнику отказать в назначении гласных из числа евреев в городскую Думу в 1905 г.

22 мая 1907 г. П.А. Столыпиным, совмещавшим в это время посты премьер-министра и министра внутренних дел, издан циркуляр МВД, предписывавший не изгонять евреев, незаконно поселившихся за пределами «черты еврейской оседлости», до 1 августа 1906 г., имевших «семью и доходность» и признанных «невредными для общественного порядка». Этот документ, по мнению правительства, имел целью облегчить положение евреев, но при его казуистическом толковании, как это ни парадоксально, лишний раз напоминал местным властям о том, что Николаев и Севастополь относятся к местностям, для которых установлены особые ограничительные правила, т. е. не входят в «черту оседлости». Это развязывало руки Николаевскому градоначальнику и давало основание начать выселение евреев из города. Полицейстеру были даны указания о том, что подлежат выселению евреи, «...пробывание коих признавалось вредным для общественного порядка и вызывающим неудовольствие со стороны местного населения», т. е. лица неблагонадежные, опороченные по суду, криминальные элементы, уличенные во вредной деятельности и поселившиеся в городе после 1 августа 1906 г.

Выселение евреев началось уже в 1907 г., но пока это были лишь единичные случаи. Поводами чаще всего были нарушения «правил винной торговли», выселены несколько держателей гостиниц, обвиненные в «содержании притонов» (на самом деле это было элементарное нарушение правил регистрации постояльцев). Нередко запрещалось вновь селиться в городе лицам, которые ранее здесь проживали, но на время выезжали из города (за границу, на лечение, для прохождения воинской службы и др.).

Иной была позиция Николаевской городской Думы и городской управы, о чем свидетельствует ситуация, связанная с сотрудниками управы И.Я. Капланом и Г.Д. Клейфом, которых городской голова отказался уволить, несмотря на требование николаевского отдела монархической организации «Союза русского народа», поступившее к нему 30 сентября 1908 г. Следует отметить, что в данном случае городской голова шел на явное нарушение правительственного постановления от 1892 г., запрещавшего евреям занимать должности в органах городского управления за пределами «черты оседлости», хотя и временно, «до особого распоряжения» [50; подробнее об этом см. 561, с. 198-199].

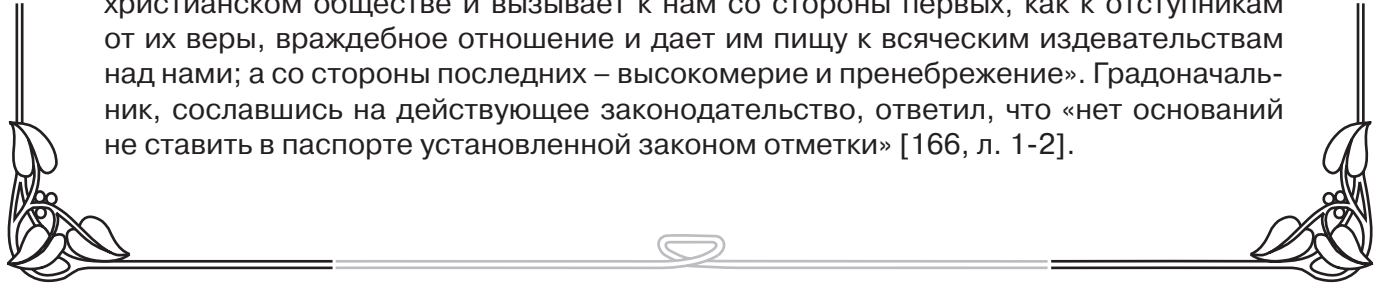
С 1910 г. действия властей по выселению из города евреев приобретали все более активный и планомерный характер, что было связано с общим ужесточением па-

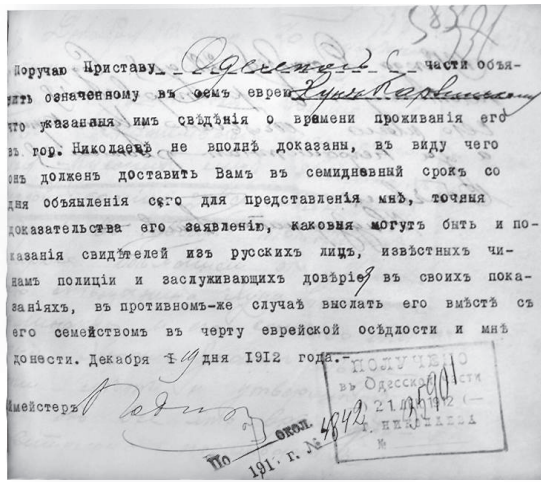

спортивного режима. Это было связано также с тем, что именно в этом году Сенат и МВД отменили льготу, дарованную еще в 1904 г. императором Николаем II (в честь рождения наследника престола), которая предоставляла евреям – запасным нижним чинам (бывшим рекрутам) и участникам русско-японской войны – право свободного поселения и проживания на всей территории империи. В данном случае Сенат и МВД явно превысили свои полномочия, т. к. ни один законодательный или подзаконный акт в Российской империи не мог иметь силы, если он противоречил монаршей воле, но на местах данный порядок нередко нарушался. Херсонский губернатор достаточно оперативно отреагировал на данную ситуацию, издав циркуляр № 4572 от 15.10.1910 г., в котором говорилось, что закон 1904 г. не может быть применяем по отношению к местностям, «...в коих в отношении жительства евреев установлены особые ограничительные правила» [441, ч. 2]. Хотя в данном документе и не было упоминания о Николаеве, было понятно, что речь шла именно о нем, т. к. территория всей Херсонской губернии была включена в состав «черты оседлости». Единственным населенным пунктом в пределах губернии, где сохранялись ограничения, оставался Николаев. Данный циркуляр должен был подтолкнуть Николаевского градоначальника и полицмейстера к более активным действиям по выселению евреев. Поэтому на десятки обращений евреев, пользовавшихся льготой, предоставленной высочайшим именем, градоначальником давался стандартный (отпечатанный типографским способом) ответ, что «...это право (проживания) не распространяется на местности, где установлены особые ограничительные правила». Обращение в МВД, как правило, не приносило желаемого результата. К примеру, в письме Департамента общих дел МВД, направленном николаевскому градоначальнику, говорилось, что «...проживающие в Николаеве по Московской улице в доме № 30/3 запасные нижние чины Моисей Меер и Кива Шлемов Никитерман, как несшие непорочную службу в действовавших на Дальнем Востоке войсках, на основании Высочайшего указа 11 августа 1904 г. пользуются правом повсеместного жительства в империи, но это право не распространяется на местности, в коих в отношении жительства евреев установлены особые ограничительные правила» [153, л. 72].

Ограничения в праве проживания для евреев не распространялись на караимов. По этому поводу П.А. Столыпин 5 апреля 1910 г. направил специальное письмо губернаторам и градоначальникам, в котором говорилось: «Караимы, находясь под покровительством общих законов империи, пользуются всеми правами, предоставленными русским подданным..., и что ограничительные постановления относительно евреев не должны быть применяемы к караимам» [146, л. 158].

Не действовали также ограничения по отношению к евреям, принявшим христианство, но в их паспортах в графе «вероисповедание» ставилась пометка: «В православии из иудейства». По этому поводу в январе 1906 г. николаевский мещанин Николай Вирон обратился к градоначальнику. Он сообщал, что в 1904 г. вместе с женой и 6 детьми принял православие и просил разрешить исключить в его паспорте упомянутую запись, аргументируя просьбу таким образом: «Прошу Ваше Превосходительство дать нам возможность порвать окончательно с прошлым, так как подпись на паспорте ложится тяжестью на нас, принявших христианство по убеждению, не говоря уж о материальном и в нравственных отношениях как в еврейском, так и в христианском обществе и вызывает к нам со стороны первых, как к отступникам от их веры, враждебное отношение и дает им пищу к всяческим издевательствам над нами; а со стороны последних – высокомерие и пренебрежение». Градоначальник, сославшись на действующее законодательство, ответил, что «нет оснований не ставить в паспорте установленной законом отметки» [166, л. 1-2].

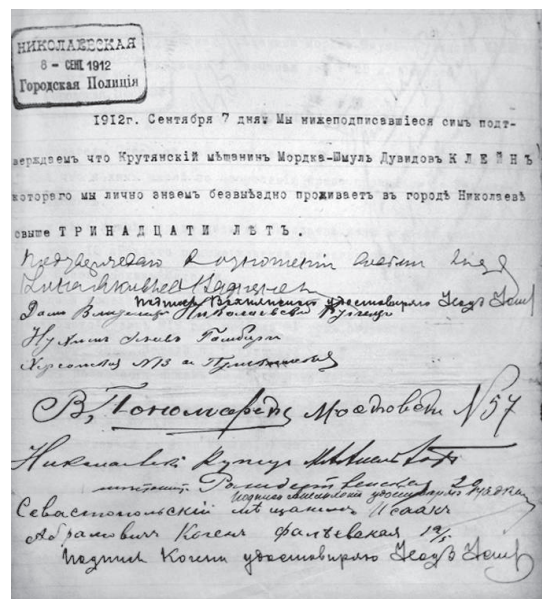
Предписание полицмейстера о сборе сведений на право проживания еврея в Николаеве [291, л. 583]

ющие министерства, которые должны разъяснить директору гимназии и местной полиции незаконность их поведения [582, 1910, № 11, ст. 36]. Эта история имела своеобразное продолжение. Позже газета «Рассвет» сообщала, что «в Николаеве, по предписанию из Петербурга, проводится перепись еврейского населения, ввиду требований учебным начальством от экзаменующихся евреев удостоверений о праве жительства в г. Николаеве. Предполагают, что перепись связана с возникновением сомнений в том, является ли Николаев чертой оседлости» [582, 1910, № 36, ст. 20]. Достаточно сомнительно, что такой мелкий повод послужил толчком к еврейской переписи в городе, но она была проведена достаточно оперативно. В дальнейшем (1912-1913 гг.) часто встречаются прошения евреев о выдаче им свидетельств на право проживания в городе для предъявления в учебные заведения, куда поступали на обучение их дети.

Порой доходило до абсурда. К примеру, 25 сентября 1911 г. херсонская газета «Юг» сообщала, что в Николаеве проводились торги на аренду городской земли для сооружения купальни. Одним из условий для будущих ее владельцев выдвигалось то, что лица иудейского исповедания смогут посещать купальню только при предъявлении удостоверения от Николаевского полицмейстера о том, что они имеют право жительства в Николаеве.

Уже в августе 1910 г. городской полицией были подготовлены «Сведения о переписи еврейского населения г. Николаева», в которых значилось, что в городе проживают 22585 евреев, из них имеют право постоянного жительства 4624 (т. е. 17961 человек подлежат выселению, что составляло 79, 5% всех евреев, проживавших в городе) [154, л. 192]. Приставам полицейских ча-

Кроме прямых угроз выселения, городская полиция чинила и другие препятствия для евреев. В начале 1910 г. присяжные заседатели Я.Л. Шварц и Невельштейн от имени группы евреев-мещан обратились к депутату Государственной Думы Нисселовичу с телеграммой, в которой говорилось, что директор гимназии потребовал от евреев, желавших держать экзамен на аттестат зрелости, предоставить документ о праве их жительства в Николаеве. Полиция такой документ выдавать отказывалась. Срок подачи документа истек 15 марта. «Ссылка на закон 4-го марта 1866 г., разрешивший евреям-мещанам жительство в Николаеве, игнорируется». Далее содержалась просьба обратиться в соответствующие

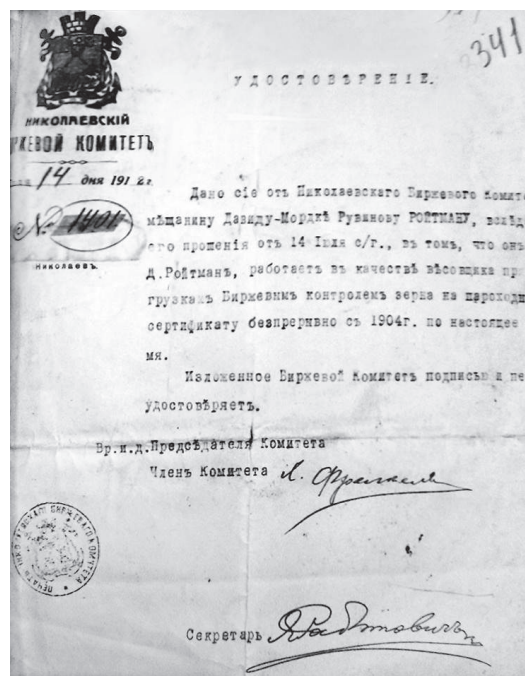

Подтверждение проживания М.-Ш. Д. Клейна в Николаеве с подписями свидетелей [290, л. 418]

стей были даны предписания разобраться, насколько законно проживают евреи на подведомственных им территориях. Большинству евреев предстояло доказать, что они проживали в городе до 1 августа 1906 г. Доказательствами могли служить заявления не менее двух православных домовладельцев или квартирных хозяев. Подавались свидетельства за подписью жителей города о том, что они знают данного человека на протяжении многих лет, и все это время он безвыездно жил в Николаеве. В качестве доказательства проживания в городе подавались квитанции оплаты за съем квартир и квитанции по оплате городского больничного сбора.

Часто встречаются ходатайства Биржевого комитета (Хлебной биржи), свидетельствовавшие, что тот или иной человек работал на бирже в указанное время [303]. Очевидно, они принимались во внимание администрацией. К примеру, председатель биржевого комитета Г.А. Властелица ходатайствовал о невыселении Александры Гольденберг, характеризуя которую он писал: «Работая продолжительное время в аналитическом бюро при Николаевской бирже, является очень умелой и не только полезной, но даже необходимой для бюро анализаторшей» [144, л. 76]. За дамского портного Мойшу Берковича Базилевского, к примеру, свидетельствовали его заказчицы, которые заявили, что они являлись его клиентками в течение 20 лет (градоначальник принял это во внимание, и портному разрешили жить в городе). Тем, кому удавалось убедить администрацию и полицию в законности своего проживания в городе, давалось примерно такое резюме полицмейстера: «Как удостоверили свидетели, заслуживающие доверия в своих показаниях, проситель Волкенштейн действительно поселился в Николаеве до 1 августа 1906 г., не судился, почему и имеет право жительство в г. Николаеве» [159, л. 72-74, 77, 118, 124]. Есть даже свидетельства норвежского, португальского и шведского вице-консулов в Николаеве.

Решающим при решении вопроса о выселении чаще всего было мнение полиции. К примеру, на рапорт полицмейстера о том, что Хава и Давид Ляховецкие, содержащие гостиницу «Пальмира», производят «незаконную продажу казенных спиртных напитков постояльцам», 12 февраля 1912 г. последовало распоряжение градоначальства «Воспретить [им] пребывание в Николаеве, как состоящем вне черты оседлости»; аналогичным образом поступили и с держателем гостиницы «Театральной» Абрамом Усиковым, который был выслан «со всем имеющимся у него семейством» [153, л. 1, 20, 48, 62]. По поводу разрешения проживания в городе Л.И. Купизора и его поверенного Б. Богуславского, заключивших подряд на содержание казенной городской почтовой станции, градоначальник обратился в МВД. Ответ гласил, что прошение «...признано не подлежащим удовлетворению, т.к. Купизор не лишен возможности иметь заведывающего станцией из евреев, пользующихся правом жительства в Николаеве» [153, л. 24-25].

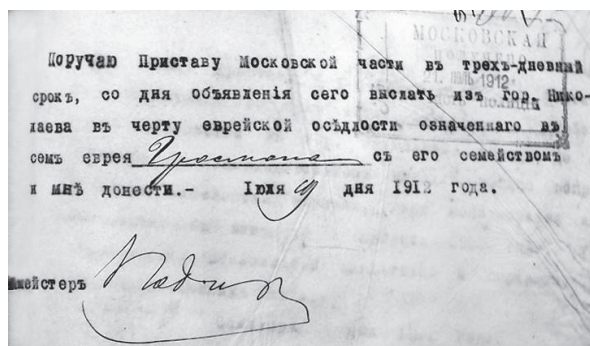
Удостоверение биржевого комитета, подтверждающее право проживания Д. Ройтмана [291, л. 341]

За разрешением на поселение в Николаеве теперь нужно было обращаться непосредственно к градоначальнику, который запрашивал сведения у полицмейстера. К примеру, на запрос о возможности поселения в городе Меера Шварца в 1912 г. начальник охранного отделения информировал, что тот в 1906 г. состоял членом боевой дружины эсеров, был арестован и выслан в Олонецкую губернию, поэтому предлагалось запретить проживание в Николаеве. Аргументы М. Шварца о том, что это были заблуждения молодости и за прошедшее время он успел пройти действительную военную службу, впечатления на градоначальника не произвели (*приложение 20-22*) [154, л. 445-446].

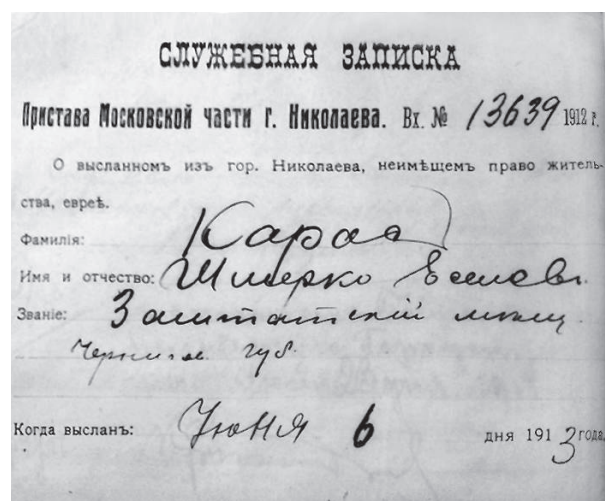
Кампанию по выселению полиция нередко использовала для того, чтобы избавиться от политически неблагонадежных лиц. К примеру, в 1913 г. полицмейстер информировал, что Абрам Янгенберг изобличен в агитации к забастовкам на судостроительных заводах и «посему надлежит выселению из Николаева, как вредный элемент» [154, л. 382]. Бенциону Каданеру – члену партии коммунистов-анархистов, в 1906 г. высланному в Вологодскую губернию, запрещено проживание в Николаеве (1912 г.) [163, л. 262].

На временное проживание также требовалось получить особое разрешение градоначальника. Причем, получить такое разрешение порой было сложнее, чем разрешение министра или его заместителя. К примеру, разрешение на временное пребывание в городе евреев-артистов театральной труппы Медведева разрешение выдал товарищ министра внутренних дел, о чем и было сообщено телеграммой Николаевскому градоначальнику [154, л.153]. Лично министр внутренних дел дал разрешение на пребывание в Николаеве в течение 8 дней 12 евреям-музыкантам греческой труппы и в течение 12 недель 7 евреям-артистам опереточной труппы (1913 г.)

В связи с намечавшимися гастролями популярного московского театра-варьете «Летучая мышь», его руководитель Н. Балиев сообщал в телеграмме на имя градоначальника: «В труппе «Летучая мышь» есть 2 еврея, имеющих право жительства во всех городах Российской империи. Прошу разрешить спектакли. Уведомить Шеффера» [154, л. 8, 27, 205]. Несколько инцидентов в связи с такими обстоятельствами произошло 1914 г. В Николаеве был отменен концерт в пользу коммерческого училища, т.к. местная администрация запретила приезд трех артистов-евреев из Киева, не имевших права жительства в Николаеве. Николаевское отделение Императорского

Предписание полицмейстера на высылку из Николаева еврея Гросмана с семейством [298 л.671]

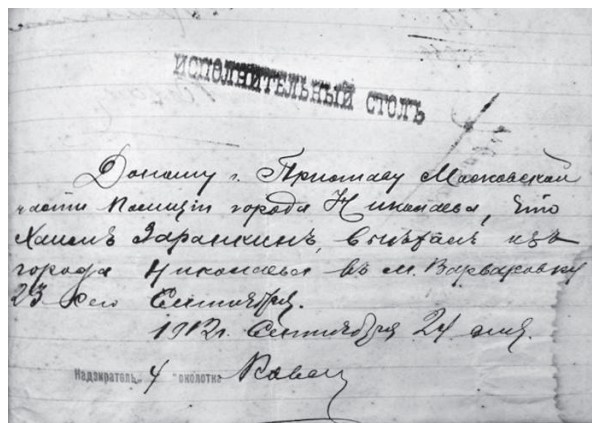

Служебная записка полицейского пристава о выселении из Николаева Ш.Е. Караса [290, л. 1415]

музыкального общества вынуждено отменить концерт (разрешенный администрацией) из-за препятствий, чинимых полицией приезжим музыкантам-евреям. В этой связи обратились в президиум Российского музыкального общества, который, в свою очередь, обратился к министру внутренних дел. Последовал ответ: «Министр внутренних дел предписал николаевской администрации впредь не чинить препятствий к устройству общественных концертов, если таковые получили со стороны ее же самой разрешение». Полиция попыталась выслать из города 26 евреев – участников опереточной труппы Рафальского и Августова, гастролировавшей в Николаеве. Содержатель труппы Рафальский обратился с жалобой к министру внутренних дел, который разрешил пребывание труппы в городе в полном составе. Прибывшему на гастроли в составе труппы артисту-еврею Корику администрация предложила немедленно выехать из города, в результате чего 2 объявленных спектакля пришлось отменять [582, 1914, № 5, ст. 35; № 18, ст. 29; № 28, ст. 33]. Что же касается возможности гастролей в городе для еврейских театральных трупп, то их зачастую запрещали. Так, 17 июня 1912 г. градоначальником была получена телеграмма от товарища (заместителя) министра внутренних дел, в которой говорилось: «Ходатайство о разрешении артистам еврейско-немецкой труппы временного пребывания в Николаеве мною отклонено, за отсутствием законных оснований к его удовлетворению» [153, л. 244].

Наибольших масштабов выселение достигло в 1912-1913 гг. В списке, поданном приставом Одесской части указано, что с 1 по 15 декабря 1912 г. им выслано из города 7 евреев (без учета членов их семей); за пределы Николаевского градоначальства с 15 по 31 декабря 1912 г. выселены 42 человека; в период с 15.03 по 1.04.1913 г. их число составило 26 человек (не считая членов семей); с 1 по 15 июля того же года из Одесской части выслано 17 человек; с 1 по 15 августа из той же части выселены 9 человек [289, л. 984-986, 990-991; 290, л. 12; 291, л. 3]. Количество документов, которые составлялись и собирались полицией по делам о праве жительства евреев, просто поражает (некоторые из них приведены в иллюстрациях). Остается только удивляться тому, как она успевала еще и заниматься своими прямыми обязанностями по поддержанию порядка в городе. Комплекс этих документов, насчитывающий тысячи листов, так и остался неупорядоченным.

Интересно, что не подлежали выселению евреи, пожелавшие принять христианство, но такие случаи имели лишь единичный характер, во всяком случае, в архиве Николаевской области удалось обнаружить только четыре упоминания о переходе евреев в христианство в рассматриваемый период. О том, что запрещение на проживание негативно отражалось на экономическом состоянии города, свидетельствует прошение к градоначальнику от владельцев портняжных мастерских г. Николаева, поданное в январе 1914 г. Они просили «...о разрешении временного пребывания в пределах градоначальства подмастерьям-евреям, не имеющим права жительства, в числе двух подмастерьев на каждую мастерскую. Это благотворно отразится на урегулировании цен и даст населению города возможность иметь более дешевую цену» [159, л. 9].

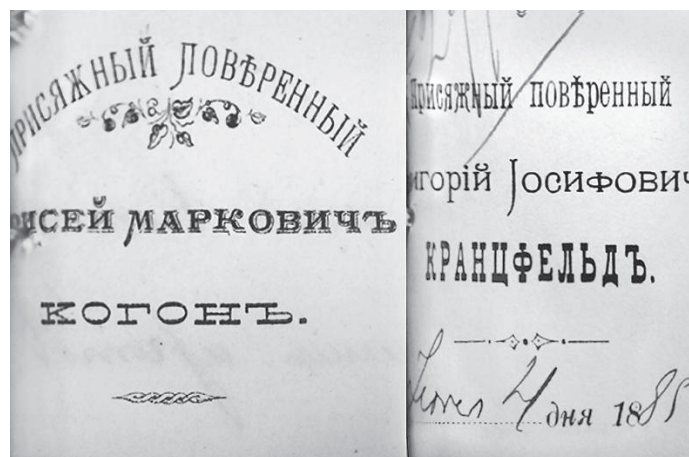
Донесение околоточного надзирателя о выезде еврея из Николаева [290, л. 272]

Активизация действий местной администрации по выселению евреев породила панические настроения в коммерческих кругах. Обеспокоенный управляющий Николаевского отделения Государственного банка обратился к градоначальнику с секретным запросом, в котором просил сообщить: «Все ли евреи подлежат выселению, или же некоторые, и какие именно, а равно и в течение какого срока? Сведения эти крайне необходимы для принятия мер по сокращению, либо постепенному закрытию еврейских кредитов, во избежание крупных потерь для Государственного банка». Градоначальником был дан успокаивающий ответ о том, что «выселению подлежат лишь те, кои будут выявлены, как незаконно здесь поселившиеся» [153, л. 455-456]. Установить точное количество евреев, высланных из Николаева за указанный период, не представляется возможным, но в любом случае, это выселение часто рушило семьи, ломало устоявшийся жизненный уклад, многих лишало работы и средств к существованию. Не вызывает сомнения и то, что эти немотивированные репрессии против еврейского населения негативно отразились на социально-экономической жизни города.

Только после начала Первой мировой войны 28 июля 1914 г. последовало распоряжение министерства внутренних дел, в котором говорилось: «Ввиду чрезвычайных обстоятельств на время военных действий приостановить производство дел о выселении евреев, не допуская, однако, новых поселений». 15 августа 1915 г. был издан правительственный циркуляр, снимавший запреты на проживание евреев в городах за пределами «черты оседлости», за исключением столиц. Окончательная ликвидация «черты оседлости», а с нею и ограничений в правах проживания для евреев, произошли лишь после Февральской (1917 г.) революции в России [457, с. 143-145].

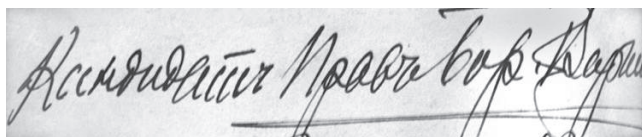
Дискриминационные ограничения по отношению к евреям вводились и в рамках судебной системы. В ходе судебной реформы, которая началась в 1862 г., первоначально никаких ограничений касательно службы или иного участия евреев в деятельности судебных органов не существовало. Позже, при Александре III (в 80-х гг.), юристов-евреев уже полностью запретили принимать на государственную службу в судебное ведомство, хотя в законах Российской империи было сказано однозначно: «Различие вероисповедания или племени не препятствуют определению на службу, если желающие вступить в оную имеют на сие право... Евреи, имеющие ученые степени..., допускаются на службу по всем ведомствам...». Евреев не принимали на службу в прокуратуру, полицию и следственные органы. В такой ситуации евреям

оставался один путь – в присяжные поверенные (адвокаты), это была единственная должность, которую евреям пока позволяли занимать. Прошло еще немного времени, и в Петербурге решили, что адвокатура переполнена евреями, и с 1889 года «с Высочайшего утверждения» ввели новое правило: «лица не христианских исповеданий» получили право на занятие адвокатской практикой лишь с личного согласия министра юстиции по каждой кандидатуре, а такое согласие

Угловые штампы евреев – присяжных поверенных

на практике почти никогда не давалось. Заканчивая университеты, юристы-евреи могли стать лишь помощниками присяжных поверенных и формально не имели права самостоятельно вести дела, если даже и выделялись своими знаниями и профессиональными способностями среди коллег.

Автограф Б. Варшавера

В судах они выступали только в качестве помощников адвокатов, хотя фактически осуществляли полноценную судебную защиту своих клиентов. Ситуация в Николаеве вполне отражала общероссийскую тенденцию. Так, согласно материалам Всероссийской переписи населения по Николаеву, в таблице распределения еврейского населения по занятиям в графе «Администрация, полиция, суд» указан лишь один еврей [404, с. 230-231]. Достаточно характерным представляется и следующий пример. Один из самых известных в городе юристов Б.Е. Варшавер прослужил юрисконсультom при Николаевском биржевом Комитете (хлебной бирже) в течение 18 лет, успешно занимался адвокатской деятельностью. Об одном из судебных процессов сообщала газета «Южная Россия»: суд обвинял М. Фельдштейна в умышленном поджоге собственного дома. «Варшавер защищал М. Фельдштейна и доказал, что обвиняемый не совершал поджога дома, в котором его обвиняли. Присяжные признали обвиняемого невиновным» [586, 1903 г., 8 мая]. При этом Б.Е. Варшавер был лишь помощником присяжного поверенного только потому, что был евреем. В 1902 г. в обращении биржевого Комитета к Николаевскому градоначальнику было указано: «...председатель Комитета полагает справедливым и своевременным ввиду безупречной и полезной деятельности г. Варшавера в качестве юрисконсульта, в виду личных его качеств и солидных познаний, побудивших Комитет избрать его своим юрисконсультom, проявленных им в ведении судебных дел, а также юридических советов, преподанных Биржевому Обществу, возбудить ходатайство пред г. Министром Юстиции о предоставлении г. Варшаверу звания присяжного поверенного...» [521, с. 41]. В связи с этим Департамент полиции прислал Николаевскому градоначальнику шифрованную телеграмму с требованием сообщить подробные сведения о Б. Варшавере. В ответной телеграмме градоначальник Тикоцкий отметил, что сведения «вполне благоприятны, сообщены почтой». Никакого ответа из Петербурга так и не последовало [106].

Евреи имели право участвовать в судебных заседаниях в составе присяжных заседателей. В списках присяжных заседателей по г. Николаеву за 1902 г. зафиксировано 119 человек, из них евреев – 21 (17,6%) [280, л. 7-16].

О запретительно-ограничительных мерах, которые действовали по отношению к евреям в сфере образования, избирательного права и участия в органах самоуправления, идет речь в других очерках.

Следует отметить, что при всей дискриминационности российского законодательства, оно не содержало большого количества ограничений в сфере права собственности, во всяком случае, по отношению к еврейскому населению Новороссии. Евреи имели право владения и распоряжения недвижимым имуществом, в т. ч. землей. «Положение о евреях» 1804 г. предоставило право евреям, желающим заниматься земледелием, покупать незаселенные земли в западных губерниях или переходить на казенные земли, где переселенцам будут отведены определенные участки, с освобождением их на первые годы от казенных податей. В 1807 г. с разрешения правительства на казенных землях были созданы первые еврейские земледельческие колонии в Новороссии: Нагартав, Ефингар, Сейдеминуха, Израилевка,

Камянка. Впрочем, с 1810 г. переселение евреев было приостановлено. 26 декабря 1844 г. было утверждено «Положение о евреях-земледельцах», согласно которому евреям – добровольным переселенцам правительство предоставляло (практически в собственность) даровые участки земли, пособия на обустройство и содержание (большая часть этих средств так и остались лишь обещаниями), а также различные временные льготы в виде освобождения от податей, рекрутства и др. При этом «Положение» 1844 г. содержало и ряд ограничений, в частности, поселенцам запрещалось продавать и отдавать в аренду свою землю посторонним лицам (не-евреям), переход поселенцев в городские сословия был возможен только по прошествии 25 лет со дня водворения. Желавшие перейти в другие сословия должны были внести все подати в казну за льготное время, отбыть рекрутскую повинность. Упомянутое «Положение» разрешало евреям приобретать земли для поселения в частную и общественную собственность. В 1853 г. было принято положение, разрешавшее приобретение евреями земли только при условии перехода их в земледельческое состояние, исключение делалось лишь для купцов, которым разрешалось покупать земли для поселения своих единоверцев, устройства хозяйственных и промышленных заведений, а также скотоводства. После освобождения крестьян (Положением от 26 апреля 1862 г.) евреям было дозволено покупать землю в тех помещичьих имениях, в которых обязательства крестьян к владельцам окончательно прекращены [472, т. 2, с. 316]. Позднее в западных губерниях правительство запретило продавать имения евреям, но это запрещение не касалось Новороссийского края. Что же касается движимого имущества, то ограничений в праве собственности для евреев практически не существовало.

20 марта 1917 г. было издано «Постановление Временного Правительства об отмене вероисповедных и национальных ограничений». В этом документе впервые приводился список российских законов по отношению к евреям. В этом списке значилось 140 законов, извлеченных из разных частей 12 томов «Свода законов Российской империи» [457, с. 115]. Эти ограничительные законы, одновременно изданные, плохо между собой согласованные, со временем обросшие массой толкований, циркуляров и проч., поражают не только своей несправедливостью, жестокостью, но еще и крайней непоследовательностью и бессмысленностью. Более 125 лет на территории Российской империи действовали многочисленные дискриминационные правовые нормы по отношению к еврейскому населению, которые с особой тяжестью отразились на судьбах евреев города Николаева.

ЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ НИКОЛАЕВА в 1788-1830 гг.

Заселение города и формирование николаевской еврейской общины

В результате победы России в Русско-турецкой войне (1768-1774 гг.) по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1775 г. земли между реками Днепр и Южный Буг отошли к Российской империи. Актуальными задачами российского правительства становятся: во-первых, срочное создание собственного флота на Черном море, во-вторых, заселение и освоение новых земель.

Указом 14 февраля 1775 г. территории Новороссии между Бугом и Днепром, земли Кинбурна и часть Полтавской губернии были объединены в Новороссийскую губернию. Российское правительство проводило активную политику по заселению и освоению этих земель. Новороссийская губерния заселялась выходцами из северной части украинских земель, разных регионов России и иностранными колонистами, среди которых были и евреи.

Разделы Польши (1793 г. и 1795 г.), по которым вместе с территорией Правобережной Украины и большей части Волыни Российская империя получила 1 200 000 евреев, которые там постоянно проживали, породили волну еврейской миграции в Новороссию. Эта миграция (в т. ч. с польских земель и частично из западноукраинских земель, оказавшихся в составе Австрийской империи) имела торгово-ремесленный характер. Именно в таких переселенцах и были заинтересованы российские власти для активизации экономической жизни в Новороссии. Еврейское переселение сулило финансовые вливания в молодую экономику края, его насыщение квалифицированной рабочей силой [536].

Г.Н. Ге, автор первой истории города Николаева, отмечал: «Сохранившееся распоряжение Новороссийского губернатора Муромцева (от 11 июня 1776 г.) показывает, что местность теперешнего Николаева в то время представляла именно ту, которую хотели поскорее заселить. Сюда-то направлял Муромцев выходцев из польской Руси. Между ними были и евреи. Муромцев не отказывал их просьбам, но при этом требовал, чтобы поселяющийся еврей привел с собой пять христиан» [452, с. II].

Требования губернатора к переселявшимся евреям заключались в следующем:

- переселенцы не должны быть нищими, иметь капитал или владеть ремеслом, о чем необходимо подать именные списки с обозначением, кто каким ремеслом владеет, а также, кто какую сумму денег сможет пустить в оборот;

- переселившиеся обязаны жить в Новороссии постоянно, принять присягу на верность;

- каждая семья переселенцев должна вывезти из Польши в Новороссию пять или более семей поляков (или иных христиан), за что назначалось денежное вознаграждение.

По поводу последнего условия евреи балтского кагала обратились к Муромцеву, отметив, что при наличии возможности они выведут с собой пять христианских семей, но ходатайствовали о неприменении к ним какого-либо наказания, если это условие все же выполнить не удастся.

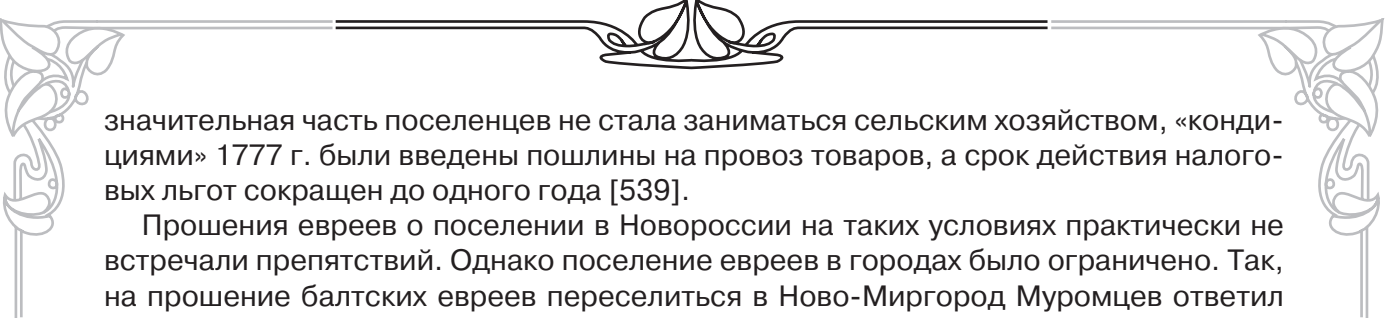
В ответ на экономические ограничения власти к переселявшимся евреям балтская община выдвинула ряд встречных требований, обычных для иностранных колонистов:

- 1) установить пошлины в 1 руб. за ведро провозимой из Польши водки;
- 2) разрешить продажу водки и иных продуктов в своих магазинах;
- 3) отменить таможенные пошлины на имущество при пересечении границы;
- 4) освободить их от налогов на 7 лет;
- 5) разрешить нанимать работников из числа христиан.

Порядок расселения евреев в земледельческих колониях на Днепре и Буге определялся так называемыми «кондичиями» 1776 г. Евреям-поселенцам предоставлялся ряд льгот (государственный заем на строительство, частичное освобождение от налогов на 7 лет, возможность привозить из Польши водку и др.) Но поскольку

Николаев в начале XIX в.
(с картины Ф.Я. Алексеева)

значительная часть поселенцев не стала заниматься сельским хозяйством, «кондичиями» 1777 г. были введены пошлины на провоз товаров, а срок действия налоговых льгот сокращен до одного года [539].

Прошения евреев о поселении в Новороссии на таких условиях практически не встречали препятствий. Однако поселение евреев в городах было ограничено. Так, на прошение балтских евреев переселиться в Ново-Миргород Муромцев ответил отказом, указав, что им разрешено селиться «от устья Ингула по реке Буг до его устья вверх». Позднее именно на этом месте был основан город Николаев, но тогда евреи от этого предложения отказались [535, с. 55], так как эта территория (современная Николаевская область) на тот момент представляла собой пустынную, практически незаселенную землю.

Следует отметить, что, всемерно заботясь о заселении Новороссийского края, Г.А. Потемкин все же призывал соблюдать в этом деле осторожность. Так, в своем ордере графу вице-канцлеру Ивану Андреевичу Остерману от 25 марта 1783 г. он отметил: «В соответствие почтенных писем: о желающих поселиться в Херсоне корсиканских и других фамилиях и также жидях дюком де Крильоном вызванных, ответствовано, что желательно, чтобы польза их тамо поселения могла наградить знатные издержки на сих иностранцев употребляемые. Время еще окажет, а между тем не считаю полезным умножать числа сих переселенцев» [347].

Таким образом, несмотря на то, что российское правительство планировало заселение еврейских поселенцев как раз на территории современного Николаева, евреи появляются здесь лишь с момента основания судостроительной верфи (1788 г.) и начала строительства города. Причиной тому, как уже указывалось, был торговоремесленный характер миграции евреев в Новороссию, для такой деятельности им не подходили пустынные земли края.

В 1788 г. в устье р. Ингул основана судостроительная верфь, ставшая началом нового города – Николаева. Сведения о проживании евреев в Николаеве в первые годы его существования крайне скудны и фрагментарны. Известно, что они появились в еще строящемся поселении около заложенной верфи. Об этом свидетельствуют сохранившиеся документы.

В «Рапортах поверенного инженер-подпоручика Ивана Соколова о поставке материалов, леса, бутового камня, провозе из Польши угля, расходах на строения в г. Николаеве, Богоявленске, Спасском, на постройку фрегатов и кораблей, починку судов...» имеется счет И. Соколова о деньгах, поставленном лесе и материалах за 1788 и 1789 гг., согласно которому за перевозку леса из графства Смоленского в Николаев еврей Маркусу Хаскелевичу в 1789 г. было выдано 484 руб. 21 коп. [298, л. 152]. Другой еврей – польский купец Ицка Абрамович проживал в городе в декабре 1789 г. [440, с. 13].

Евреи, селившиеся в Николаеве, объединялись в организованную саморегулирующуюся замкнутую группу населения. Об этом свидетельствует сохранившийся ордер М.Л. Фалеева николаевскому городничему от 13 июня 1791 г. К М. Фалееву обратилось «общество евреев в Николаеве живущих». Исходя из текста ордера это «общество» следило за передвижением его членов, соблюдением ими законодательства. Таким образом, зарождение николаевской еврейской общины, как организованной инфраструктуры еврейского населения, произошло уже к 1791 г. – второму году существования города [ГАНО Ф. 243, оп. 1, д. 73, л. 109].

Согласно «Ведомости о числе людей и строений в городе Николаеве в 1792 году» в Николаеве насчитывалось 1 566 жителей, из них – 289 евреев (205 мужского и 84 женского пола), что составляло 18,45% от всего населения [419, с. 772].

Таблица 3.1.

«Ведомость о числе людей и строений в городе Николаеве в 1792 году»

Жителей:		
Отставных офицеров		2
Вахмистров и сержантов		3
Купцов		516
их жен и детей		215
Иногородних купцов и промышленников		198
Французов		2
Немцев		7
их жен и детей		7
Греков		59
их жен и детей		9
Молдаван		8
Цыган	мужского пола	10
	женского пола	8
Евреев	мужского пола	205
	женского пола	84
Итого:		1566
Временно проживающих рабочих и другого звания людей		1734
Всего:		3300

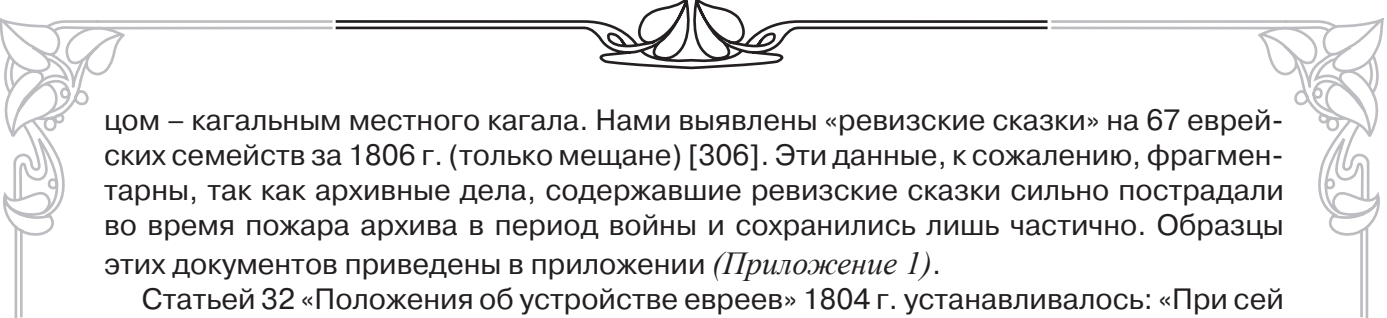
[419, с. 772]

Этот документ содержит наиболее полные статистические сведения о населении Николаева конца XVIII – первой четверти XIX вв. Интересно, однако, замечание Г.Н. Ге: «до ревизии (переписи) 1795 г. Николаев, хотя и управлялся ратушей, но легального городского общества в нем не было. Все его купцы были людьми иногородними, а мещане – либо тоже иногородними, либо ни к какому городу Российской империи не приписанными» [452, с. 5]. Этим объясняется то, что все жители, числившиеся в городе до 1795 г., не были и не могли быть николаевскими купцами и мещанами. Только в ходе первой переписи жители стали ходатайствовать о причислении в николаевское городское общество, которое легально оформилось в 1796-97 гг.

Евреи же впервые были официально приписаны к Николаеву в 1806 г. на основании «Положения об устройстве евреев» 1804 г. в связи с проведением ревизии (регистрации и переписи) еврейского населения (ст. 30, 31 «Положения» 1804 г.).

Евреи, проживавшие в городе, обязаны были подать в городской магистрат прошения, в которых впервые указывалась выбранная ими «наследственная фамилия», выражалась просьба о зачислении в одно из городских сословий (купечество или мещанство), к которому они ранее фактически относились. Одновременно подавалась «ревизская сказка» с перечислением всех членов семьи «...по самой истине и без всякой утайки, а буде тем впредь обличен, явно или по свидетельству найдется, что кого-либо утаил, то повинен положенному по указам штрафу без всякого милосердия» [309, л. 101-102].

К документу прилагались подписи двух поручителей из числа евреев, которые ручались за то, что податель «ревизской сказки» будет исправно выплачивать все положенные налоги и сборы. Документ мог также удостоверяться должностным ли-

цом – кагалным местного кагала. Нами выявлены «ревизские сказки» на 67 еврейских семейств за 1806 г. (только мещане) [306]. Эти данные, к сожалению, фрагментарны, так как архивные дела, содержавшие ревизские сказки сильно пострадали во время пожара архива в период войны и сохранились лишь частично. Образцы этих документов приведены в приложении (*Приложение 1*).

Статьей 32 «Положения об устройстве евреев» 1804 г. устанавливалось: «При сей переписи каждый еврей должен иметь или принять известную свою наследственную фамилию или прозвание, которое и должно уже быть сохраняемо во всех актах и записях без всякой перемены, с присовокуплением к оному имени, данного по вере или при рождении, мера сия необходима для лучшего устройства гражданского их состояния, для удобнейшего охранения их собственности и для разбора тяжб между ими» [407, с. 32]. Несмотря на обязанность евреев принять и использовать наследственные фамилии, еще довольно долго даже в официальных документах, а также при совершении сделок евреи подписывались именем (возможно, с указанием имени отца). Что касается женщин, то вдовы и разведенные часто указывали не только фамилию бывшего мужа, а также его имя: «бывшая жена цесарскоподданного Абрама Зильбершмида Хана Айзикова дочь», «вдова цесарскоподданного Лейбы Берембеума Симка» [311].

Следующая ревизия, частичные данные о которой также удалось выявить, проходила в 1811 г. Нами найдены сведения о 71 мещанском семействе – 273 человека (*Приложение 2*), а также о 4 семьях купцов 2-й гильдии Нусина Зельмановича Пуретца, Мозуса Когуна, Вульфа Нахмановича Левита, Бейниша Ицковича Когуна – всего 30 человек [307, л. 1-111; 308, л. 1-3, 51].

Данные этой ревизии также фрагментарны и неполны. Кроме имен и фамилий, указанных в самих ревизских сказках подающими или членами семей, удалось разобрать около 50 имен поручителей и подписавшихся (за неграмотных), не указанных в сказках. Представляется также маловероятным наличие всего четырех еврейских купеческих семейств в Николаеве 1811 г. Нельзя не обратить внимание на то, что ревизские сказки мещан-евреев в магистрате были скомплектованы отдельно от ревизских сказок мещан христианского исповедания, тогда как ревизские сказки евреев-купцов за 1811 г. в отдельное дело не выделялись.

В выписках из журнала Николаевского городского магистрата 1829-1830 гг. [311, л. 1-150]. по делам о выселении евреев из Николаева есть упоминания о ревизии, проводившейся в 1816 г., однако более-менее обобщенных данных выявлено не было [311].

О том, что евреи составляли значительную часть населения города, свидетельствуют воспоминания иностранцев, побывавших в Николаеве в начале XIX в. Так, Д.И. Багaley приводит свидетельство иностранного путешественника (речь идет о Херсоне): «...жителей в нем гораздо более, чем в Николаеве... Здесь столько же находится жидов, как и в Николаеве, – и они здесь также бедны» [448, с. 42].

Ю.С. Крючков приводит отрывок из воспоминаний французского купца Сикарда о посещении им Николаева в 1808 г.: «Жителей в городе около девяти тысяч [цифра эта, по всей вероятности, сильно преувеличена, – А.П.], почти все – служащие во флоте или жида; сии имеют отвратительный вид» [501, с. 28]. Очевидно, автор также хотел подчеркнуть бедность большинства евреев, кроме того, евреи, в большинстве недавно поселившиеся в городе, еще носили традиционную еврейскую одежду и тем очень отличались от большинства городских жителей, что произвело на заезжего купца неблагоприятное впечатление.

Евреи прибывали в Николаев из разных мест, в основном, местечек Правобережной и Западной Украины. При этом то, что западноукраинские земли после разделов Речи Посполитой отошли в состав Австрийской империи, не служило препятствием для еврейской миграции. Свидетельством этому может служить ревизская сказка на 25 еврейских семей (60 человек) цесарскоподданных, т. е. выехавших с территории Австрийской империи, зарегистрированных в Николаеве в январе 1824 г. (*Приложение 3*), и отдельные дела о причислении цесарскоподданных евреев в николаевское общество [309; 310; 311].

Согласно сохранившейся «Ведомости о домах и живущих в них в части Адмиралтейской» на 1 января 1825 г. в этой части города проживало 36 евреев (19 мужчин и 17 женщин – 3,25% от общего постоянного населения района – 1 109 человек обо-его пола (без учета 4 704 военнослужащих)) [184, л. 3-4]. Такой низкий процент не свидетельствует об уменьшении еврейской общины Николаева, основным местом проживания евреев в городе в это время была его Городовая часть, сведений о населении которой за этот период выявлено, к сожалению, не было.

Таблица 3.2.

**«Ведомость о родившихся, умерших и браком сочетавшихся
по городу Николаеву и Адмиралтейской части
за 1824 год обоего пола души»
дает следующие показатели:**

	браком сочет.	старых		молодых		итого	
		м	ж	м	ж	роди- лось	умерло
Христиан							
Родилось	-	-	-	313	331	644	-
Умерло	-	59	63	112	82	-	316
Заклучивших брак	106	-	-	-	-	-	-
Евреев							
Родилось	-	-	-	39 (11,07% *)	16 (4,61%)	55 (7,87%)	-
Умерло		7 (10,6%)	7 (10%)	8 (6,67%)	8 (8,89%)	-	30 (8,67%)
Заклучивших брак	9 (7,83%)	-	-	-	-	-	-
Всех:							
Родилось	-	-	-	352	347	699	-
Умерло	-	66	70	120	90	-	346
Заклучивших брак	115	-	-	-	-	-	-

[184, л. 7]

* В скобках указано процентное отношение родившихся, умерших и заключивших брак евреев по отношению к общему населению.

Из данных таблицы видно, что активность в семейной жизни у еврейского населения гораздо выше, чем у христианского. При 3,25% от общего населения района количество браков и родившихся детей среди евреев больше, чем среди христиан (7,83% и 7,87% от общего количества соответственно).

Благоприятная обстановка для пребывания евреев в Николаеве, развития и роста еврейского населения города в 1829 г. резко сменилась категорическим запретом на проживание евреев в Николаеве и принудительным выселением согласно указу Николая I «О воспрещении неслужащим евреям иметь постоянное пребывание в городах Севастополе и Николаеве» от 20 ноября 1829 г. Массовое переселение евреев из Николаева с конца 1829 г. не могло не отразиться в официальных документах городского магистрата. Сохранившиеся документы о выселении евреев из Николаева дают нам относительно полную статистическую картину о еврейском населении города. Согласно рапорту Николаевского городского магистрата в канцелярию Николаевского и Севастопольского военного губернатора в декабре 1829 года в Николаеве числились купцы, объявившие гильдейский капитал на 1830 г.: 1-й гильдии – 1 (вероятно, указан Ш. Рафалович, документы о его переезде сохранились в делах городского магистрата), 2-й гильдии – 1 и 3-й гильдии – 21; мещан, плативших подати и отбывающих рекрутскую повинность, – 691 [185, л. 11]. Евреи составляли более трети податного населения города Николаева, а что касается купцов – почти половину, из числа объявивших капитал на 1830 г. [185, л. 13].

Таблица 3.3.

«Население Николаева по сословиям и вероисповеданию в 1829 г.»

	Купцы			Мещане
	1-й гильдии	2-й гильдии	3-й гильдии	
Христиане	1	1	46	2 000
Евреи	1	1	21	691
Караимы	-	-	3	-

[185]

Учет населения проводился по данным последней проведенной к этому моменту ревизии 1816 г. Известно также, что после этой ревизии до конца 1829 г. родилось 360 человек евреев мужского пола (рожденные женского пола учтены не были). Из числа указанных евреев Николаева после ревизии 1816 г. было причислено: из Вознесенска – 369 человек (239 мужского и 130 женского пола) и из Киева – 4 человека (3 мужского и 1 женского пола) – всего 373 человека.

Кроме причисленных к городскому еврейскому обществу, в Николаеве в 1829 г. проживали 333 человека (182 мужчин и 151 женщина, в том числе из Киева – 8 (3 – мужского и 5 – женского пола), подавших документы на причисление в николаевское общество, однако не получивших к тому времени соответствующих подтверждений.

Таким образом, к декабрю 1829 г. в Николаеве проживало податного еврейского населения: купцов – 23 семьи, мещан – 691 семья, приписанных к городу, и 333 – причисляющихся. К сожалению, на сегодняшний день невозможно привести полной картины о количестве еврейского населения города, так как неизвестно количество лиц женского пола (ни при указанных евреях города (691), ни среди рожденных после ревизии 1816 г., а лишь среди причисляющихся из других городов).

В ГАНО сохранилась сводная таблица о количестве населения города Николаева на 1830 г., составленная на основании вышеприведенных сведений:

Таблица 3.4.

«Табель, сколько в Николаеве мужеска пола купцов и мещан христианского и еврейского исповедания и сколько каких чем занимается»

1	Число душ	
	муж.	жен.
2	3	
Христиан:		
Купцов в капиталах 1 гильдии	1	-
----- 2 гильдии	1	-
----- 3 гильдии	42	-
По гостинной статье	3	-
Караимов	3	-
Мещан	2000	-
В том числе хлебопашцев	206	-
Евреев:		
Купцов в капиталах 1 гильдии	1	-
----- 2 гильдии	1	-
----- 3 гильдии	21	-
Мещан	691	-
----- рожденных после ревизии [1816 г. – А.П.]	360	-
Причисляющихся из разных лиц	182	-
	1233	-
В том числе перечислившихся:		
из Вознесенска	239	138
из Киева	3	1

[185, л. 17]

По приведенным данным следует сделать ряд замечаний. Во-первых, в таблице (за исключением последних двух строк) указано только податное население и несущее рекрутскую повинность, не указано население женского пола. Во-вторых, качество статистических сведений того времени оставляет желать лучшего, в приведенной таблице есть ряд неточностей и ошибок. Так, подсчитанное количество (1 233 человека) евреев-мещан, проживавших в Николаеве, неверно, так как одновременно подсчитано податное население, рожденные после ревизии 1816 г., а также прибывшие и причисляющиеся в николаевское мещанское сословие (только лица мужского пола). Достоверно известно, что среди причислявшихся к городу женщин были и самостоятельные, например, сохранилось дело Николаевского городского магистрата «О причислении в николаевские мещане еврейки Ривки Бродской с сыном ее Нухином» 1829 г. К делу прилагалась ревизская сказка от 19 декабря 1829 г.:

Мать – Ривка Бродская – 60 лет;

Сын – Нухин Янкелев сын Бродский – 23 года;

Жена Нухина – Шендля Мордкина дочь – 18 лет;

Дочь Нухина – Сура – 1 [310, л. 201-210].

То есть, в указанных статистических данных не учтены не только самостоятельные женщины, но и члены семей мещан и купцов женского пола.

Кроме того, представляются также не вполне точными статистические данные о количестве евреев Николаева, поданные в рапорте А.С. Грейга министру внутренних дел* в 1830 г.: 24 купеческие семьи, 691 – мещанская и 424 причисляющихся к городу, а всего 1 115 лиц мужского пола [407, с. 266]. Данные, представленные выше, свидетельствуют о том, что в конце 1829 г. к городу причислялось 333 лица обоего пола (из них мужчин – 182). В данных, представленных А.С. Грейгом, к числу причисляющихся отнесены: лица мужского пола, причислившиеся к николаевскому мещанскому обществу за период 1816-1829 гг. – 242 человека; и 182 причисляющихся лица мужского пола. Поэтому и общие данные (1 115 человек мужского пола) представляются неверными.

Указанные А.С. Грейгом 24 купеческие семьи также не совпадают с данными магистрата (23), однако представляются более точными, поскольку А.С. Грейг пишет о двух купцах первой гильдии в Николаеве: Ш. Рафаловиче и М. Серебряном.

Таким образом, обобщенные статистические данные (на основе выявленных) о евреях Николаева перед выселением их из города выглядят следующим образом:

- купцов 1-й гильдии – 2 (Ш. Рафалович (8 членов семьи) и М. Серебряный);

- купцов 2-й гильдии – 1;

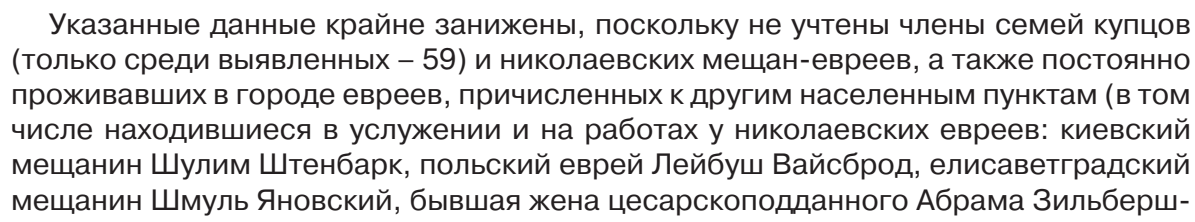
- купцов 3-й гильдии – 21 (купец 3-й гильдии Лейба Азипстик; купец 3-й гильдии Пейсих Иоселевич Бегун (5 членов семьи); Гершлейб Берков, купец 3-й гильдии Файбиш Абрамович Бланк (5 членов семьи); Ионя Гринберг, купец 3-й гильдии Нахман Янкелевич Дулицкий (10 членов семьи); Моисей Дубенский, купец 3-й гильдии Берко Заблудовский (2 члена семьи, в том числе николаевский 3-й гильдии купеческий сын Лазарь Заблудовский, выделенный в отдельное семейство); Лейба Зельцер; Давид Исаков; купец 3-й гильдии Нахман Когон; купец 3-й гильдии Рахмиль Бейнишович Когун (10 членов семьи); Арон Рубенштейн; Абрам Стал, купец 3-й гильдии Фроим Виделевич Фаньюнг (6 членов семьи); купец 3-й гильдии Абрам Вениаминович Филиппов (1 член семьи); купец 3-й гильдии Мошка Давидович Фильдштеин (5 членов семьи); Либер Фелчер (Фельдзер); Фелдштр (?); купец 3-й гильдии Янкель Филькинштейн (Финкельштейн) (7 членов семьи); купец 3-й гильдии Рывкин Айзин) [311; 5];

- мещан, причисленных к городу Николаеву, – 691, в том числе 373 человека, причисленных с 1816 по 1829 гг.;

- мещан, подавших документы на причисление, но не получивших еще окончательного одобрения, проживавших в Николаеве – 333 человека (182 мужчин и 151 женщина, среди них: цесарскоподданный еврей Ицка Вульфович Розенфельд (2 члена семьи); Сруль Лазаревич Каневский (3 члена семьи); Абрам Лейб Айзикович Обуховский (1 член семьи); Ривка Бродская (3 члена семьи); цесарскоподданный еврей Мардко Барамбеум; вдова цесарскоподданного Лейбы Берембеума Симка (3 члена семьи); цесарскоподданный Израиль Гимель; цесарскоподданный Соломон Кочка; цесарскоподданный Гершко Гринберг; цесарскоподданные Гдаль и Абрам – сыновья умершего Майорки Бронта; вознесенский мещанин Меер Гершков; бывшая жена Меера Гершкова Ривка Давидовна (2 члена семьи);

- детей мещан, рожденных после ревизии 1816 г., – 360 лиц мужского пола.

* А соответственно, и в Еврейской энциклопедии, ссылающейся именно на этот рапорт, отраженный в Указе от 10 июня 1830 г. [387, т. V, № 3703; 455].

Указанные данные крайне занижены, поскольку не учтены члены семей купцов (только среди выявленных – 59) и николаевских мещан-евреев, а также постоянно проживавших в городе евреев, причисленных к другим населенным пунктам (в том числе находившиеся в услужении и на работах у николаевских евреев: киевский мещанин Шулим Штенбарк, польский еврей Лейбуш Вайсброд, елисаветградский мещанин Шмуль Яновский, бывшая жена цесарскоподданного Абрама Зильбершмида Хана Аайзиковна, Давида Колтуна, еврейка из колонии С.-М. Зубкова, Эйзик Гершкович Винокур, Яков Монен Быховской, минский мещанин Беликин и др.; а также из указанного выше рапорта А.С. Грейга в министерство внутренних дел и других сохранившихся документов известно, что в городе проживали полтавский купеческий сын Самойло Зеленский, уманский купец 3 гильдии Захарий Дорфман, одесский купец Самойло Бригер, херсонский купец 1-й гильдии Маркус Варшавский) [311].

Не имея ограничений в правах, евреи были допущены ко всем сферам городской жизни, в том числе они имели право владеть землей и иным недвижимым имуществом в Николаеве, приобретая его на общих основаниях, получая землю для строительства или приобретая ее на основании договоров. Выделять городские земли под строительство имела право городская Дума с разрешения военного губернатора городов Николаева и Севастополя. В сохранившемся журнале отвода земли Николаева (1792 г.) есть запись от 18 июля 1793 г. о выдаче билета николаевскому жителю еврею Ицке Абрамовичу «на отведенное в Николаеве место в квартале 18 длиной 25 шириною 8 $1/2$ сажень* с тем, что ежели он от нижеписанного числа через пять месяцев места того не застроит каменным зданием, то оное обратно и отдано будет другому» [53, л. 11].

В распоряжении военного губернатора И.И. де Траверзе по прошению купца П. Шарлаимова смотрителю Депо карт по земельному спору от 22 июня 1805 г. указывалось, что упомянутый херсонский купец Борох Лейбович в 1797 г. купил участок земли около города 142 x 68 сажень с кирпичным заводом на нем. 9 июня 1798 г. Борох Лейбович продал участок купцу П. Шарлаимову [53, л. 45-46].

В «Журнале отведенным местам в Городовой и Адмиралтейской частях Николаева с 1805 г.» значится запись о выделении земельного участка коммерции советнику А. Перетцу для конторы адмиралтейских поставок (1809 г.) [53, л. 101-107]. Вообще, у А. Перетца в период 1809-1814 гг. в Николаеве было не менее 5 домов [183, л. 41-42]. Таким образом, евреи не были ограничены в сфере гражданского оборота и заключения сделок на общих основаниях с христианскими подданными.

Некоторые статистические данные можно почерпнуть из списков домовладельцев города. Так, согласно составленным 28 марта 1805 г. «Спискам домам 1-й и 2-й частей города Николаева» в 1-й части из 252 домов евреям принадлежали 4 (коммерции советнику А. Перетцу – дом и торговая контора, черкасскому купцу Иосилу Шлемовичу, мещанину Марку Арановичу), а во 2-й – 16 из 339 домов принадлежали евреям: Срулю Мортковичу, мещанину Азику Гершковичу, Марку Нусиновичу, мещанину Менделю Моеровичу, мещанину Шмулю Моеровичу, херсонскому купцу Гецелю Гершковичу Леви, мещанину Копелю Менделевичу, мещанину Шмарье Мортковичу, мещанину Симону Ицковичу, Абрамии Вольфовичу, цесарскоподданному Бертке Портнову, мещанину Гершке Вольфовичу, мещанину Абрамии Ицковичу, мещанину Абрамке Ильковичу [53, л. 76-84].

* Сажень – русская линейная мера, употреблявшаяся до введения метрической системы мер, равная трем аршинам, или 2,134 м.

Особое значение наличие у евреев в собственности недвижимого имущества имело после начала выселения их из Николаева, согласно указу 1829 г.:

- Максимальным сроком продажи недвижимого имущества (дома, земли, торговые павильоны) переселяемым евреям было определено два года, в противном случае такое имущество должно было быть оценено органами государственной власти и продано с публичных торгов в течение трех месяцев;

- Переселяемым евреям разрешалось проживать в Николаеве до продажи принадлежавшей им недвижимости (до 2 лет), однако в течение года они должны были получить приписку к другому городу;

- Предусматривались различные сроки выселения евреев из города в зависимости от наличия недвижимости и приписки к Николаеву:

1) 2 года – лицам, проживавшим и имевшим недвижимость в Николаеве;

2) 1 год – имевшим приписку к Николаеву;

3) 1/2 года – не имевшим ни приписки ни имущества в городе.

Достоверно известно, что в конце 1829 – в начале 1830 гг. некоторые евреи Николаева имели собственные дома: николаевский мещанин Лазарь Киевич Бродский (вторая Городовая часть, 19 квартал, № 121), николаевский мещанин Мортка Барнбом (собственный дом купил в 1829 г.), уманский купец 3-й гильдии Захарий Дорфман, николаевский мещанин Гершко Фроимович Гиммельфарб, николаевский 1-й гильдии купец Шлема Рафалович, николаевский 3-й гильдии купец Нахман Дулицкий, николаевский мещанин Мошка Брон, Маркус Соломонович Варшавский, купеческий сын Самойло Зеленский и др. [311, л.19-23, 25, 31, 36, 57, 78, 93, 132; 440, с. 80; 2].

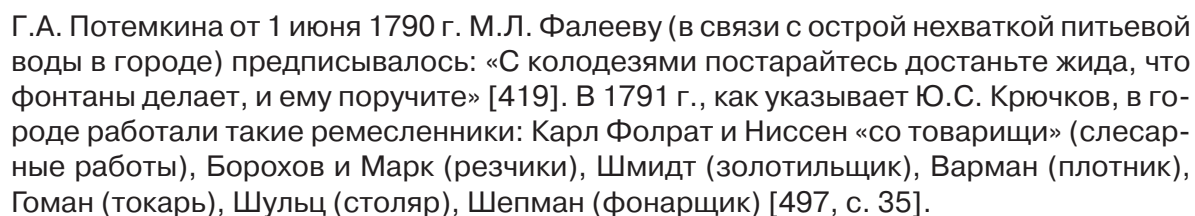
Довольно большая, быстрорастущая николаевская еврейская община, безусловно, нуждалась в культовых сооружениях. Уже в 1805 г. среди строений числится Еврейский молитвенный дом. Распоряжением Николаевского военного губернатора И.И. де Траверзе в Депо карт по прошению Николаевского еврейского общества о постройке купальни (миквы) принято решение о выделении земли. 19 августа 1805 г. Копель Менделевич получил открытый лист (разрешение) на постройку купальни в городской части в двух сажнях от моста в квадрате 3 1/2 сажени [53, л. 65, 95-100]. Кроме того, евреи города содержали богадельню* для призрения нуждающихся членов общины (1805 г.) [53, л. 76-84]. Еврейское кладбище располагалось на тогдашней окраине города, южнее Спасского холма, позже за этим районом закрепилось название Пески.

Евреи в социально-экономической жизни Николаева от основания города до их выселения

Обязанность евреев записываться в мещанское или купеческое сословие городов, иметь капитал или владеть ремеслом надолго определила основные занятия николаевских евреев.

В строящихся около новой верфи поселениях была острая необходимость в специалистах различных профессий, особенно ремесленниках, обеспечивавших нормальный быт и условия проживания людей, селившихся здесь. Так, ордером князя

* Богадельня (от слов Бога дела, то есть для Бога) – богоугодное заведение для призрения лиц, почему бы то ни было неспособных к труду, как то: престарелых, немощных, увечных и выздоравливающих (кроме временно больных и умалишенных, для которых существуют специальные учреждения).

Г.А. Потемкина от 1 июня 1790 г. М.Л. Фалееву (в связи с острой нехваткой питьевой воды в городе) предписывалось: «С колодезьями постарайтесь достаньте жида, что фонтаны делает, и ему поручите» [419]. В 1791 г., как указывает Ю.С. Крючков, в городе работали такие ремесленники: Карл Фолрат и Ниссен «со товарищи» (слесарные работы), Борохов и Марк (резчики), Шмидт (золотильщик), Варман (плотник), Гоман (токарь), Шульц (столяр), Шепман (фонарщик) [497, с. 35].

В другом ордере от 1 июля 1790 г. князь Г.А. Потемкин писал (для Херсона): «Лучше вдесятеро заплачу, нежели отдам жиду такому поставщику. Пора отстать нам от мошенников-подрядчиков, кои истощают суммы. Через них разворовано много» [419]. Однако, оперативность и наличие достаточных капиталов у еврейских купцов были основаниями для дальнейшего заключения с ними договоров по поставкам для города и флота различных товаров. Среди таких поставщиков были: кременчугский купец Юкель Гершкович (поставка леса для строительства казарм и смолы из Кременчуга в 1790-1795 гг.), Ашер Леви (поставка дубовых досок для обшивки кораблей в 1790-1791 гг.), херсонский купец Борох Лейбович (поставка угля, бочек, ведер, ушатов, шаек и др. 1794-1796 гг.) [299, л. 87; 300, л. 10; 302, л. 17].

Привлечение еврейских купцов к поставкам Черноморскому флоту началось еще при Г.А. Потемкине и И.И. де Траверзе, наибольшие объемы поставок пришлось на период губернаторства адмирала А.С. Грейга. Когда в I половине XIX в. началось бурное развитие флота, судостроения и города, множество евреев переселилось в Николаев, заняв почти всю сферу внутригородской торговли (вытеснив из этой сферы греков), а также поставок Черноморскому флоту.

С 1813 по 1830 гг. из 52 поставщиков на нужды флота 30 были евреями, то есть 58%. В их числе были: Абрам Перетц, Фавель Исаков, Самуил Бертанзон, Маркус Варшавский, Михель Серебряный, Файбиш Бланк, Анна Бригерова, Соломон Бригер, Шлема Добровенский (Дубровенский), Шифрин, Мойсей Дубенский, Нусин Перетц, Лейб Зельцер, Шавель Рабинович, Михель Шлемов, Шлема Рафалович, Халанай, Ауслендер, Натанзон, Берко Барановский, Лейба Айзеншток, Пейсих Бегун, Фельдзер, Штулькарц, Ровенский, Нахман Берков, Гальпер, Ицка Финкельштейн и др. [500].

Подрядками для Черноморского департамента занималась относительно постоянная группа лиц из местных купцов (в основном, евреев) и мелких помещиков, почти каждый из которых поставлял материалы, припасы и проч. одновременно по нескольким контрактам. Так, в 1826 г. снабжением черноморских адмиралтейств занимались: купец М.Ш. Серебряный (доставка в Николаев из Подольской губернии дубовых лесов, поставка имевшихся у него в наличии собственных лесов); купец М.С. Варшавский (доставка из Аккермана в Николаев дубовых лесов, поставка в Херсон, Николаев и Севастополь припасов, поставка в Николаев сосновых дров); купчиха Бригерова (поставка в Николаев, Херсон и Севастополь каменного и древесного угля); купец Зеленский (перевозка из Подольской губернии в Николаев лесов); помещик Чернявский (поставка в Севастополь караичевых кряжей); купец Ушаков (поставка конопляного масла); купец Дубровенский (поставка смолы и конопляного масла); купец Бартензон (поставки сукна); купец Шифрин (поставка в Херсон пеньки); купец Август (поставка английских инструментов); помещик Мартыно (поставка в Севастополь дров); купец Андросов (поставка брезента и тика); купец Бланк (поставка пеньки); купец Дубенский (поставка в Херсон камыша).

Занимаясь в течение многих лет подобными поставками, прекрасно ориентируясь в ценах и потребностях адмиралтейства, поддерживая тесные отношения с чиновниками соответствующих служб, подрядчики всегда заранее знали о будущих

подрядах. Это позволяло им договариваться об установлении завышенных цен. Тот из них, кто получал подряд, распределял прибыль между договорившимися. «В России составилась особый класс людей, носящих звание казенного поставщика, – писал директор комиссариатского департамента Морского министерства князь Д.А. Оболенский. – Чтобы быть казенным подрядчиком, достаточно иметь залог (обычно чужой) и известную долю ловкости, проворства и оборотливости. Поэтому казенный подрядчик в общественном мнении признается более или менее плутом» [538, с. 60].

Еврейские купцы-поставщики орудовали достаточно крупными суммами денег. Так, согласно рапорту М.Л. Фалеева М.В. Каховскому от 26 января 1792 г., купцу Юкелю Гершковичу за мачты, леса и стекла подлежало выдать 15 371 руб. 15 коп. А согласно указу императора Александра I «О количестве капиталов, каковое должны объявлять купцы по гильдиям» для причисления в купеческое сословие необходимо было иметь: по 1-й гильдии – 50 000 руб., по 2-й – 20 000 руб., по 3-й – 8 000 руб. [407, с. 70].

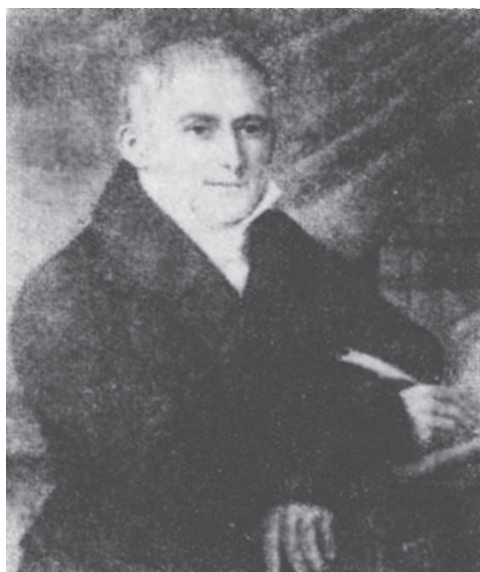
Флот вообще был широким полем деятельности и представлял значительный интерес для купцов: ежегодно через него проходило от 8 до 12 миллионов рублей, поэтому еврейские купцы были заинтересованы участвовать в поставках для него.

Анализируя записки английского путешественника Роберта Кер Портера, посетившего Николаев в период между 1817 и 1820 гг., Л.Д. Хлопинская обращает внимание на то, что англичанин дал достаточно подробную и квалифицированную характеристику ситуации в городе и обратил особое внимание на то, что евреи составляли значительную часть населения в городе и через их руки и посредничество проходила большая часть капиталов, задействованных в его экономической жизни [548].

В 1794 г. из Херсона в Николаев было переведено Черноморское адмиралтейское управление. Николаев становится базой судостроения на юге России [522,

Красные (торговые) ряды на Слободке
(с фотографии кон. XIX в)

*Все подданный
Абрамъ Израилъ
Коммандиръ Вѣстниш.*

Портрет и автограф А. Перетца

с. 14]. В 1805 г. Высочайшим указом от 20 марта было учреждено особое военное Николаевское губернаторство, просуществовавшее более 100 лет. Губернатором его по должности являлся Главный командир Черноморского флота. После осуществления этого указа город Николаев окончательно становится флотским городом.

Однако, далеко не все суда строились на казенных стапелях Адмиралтейства. С начала XIX в. в Николаеве было построено несколько частных («вольных») верфей, которые, работая параллельно в адмиралтейскими, внесли значительный вклад в строительство судов для Черноморского флота. Примечательно, что владельцами этих верфей были, в основном, еврейские купцы.

Первый «вольный» эллинг построил с подряда в Адмиралтействе коммерции советник Абрам Израилевич Перетц (1771-1833 гг.), который с 1809 г. жил в Николаеве, занимался поставками Черноморскому флоту различных материалов, строил на собственной верфи в Херсоне мелкие суда для Черноморского флота, пристани, магазины в Николаеве [440, с. 258].

В 1809 г. занявший должность Главного командира Черноморского флота и военного губернатора Николаева Н.Л. Языков добился разрешения на строительство корабля и транспорта с подряда. Этот подряд в 1810 г. достался А. Перетцу. Он должен был соорудить новый эллинг со всеми вспомогательными сооружениями и на нем построить в 1811 г. корабль «Кульм». Однако, работа по сооружению «вольной верфи» и постройке корабля затянулась и была завершена только в 1814 г. Одновременно с этими работами А. Перетц построил в Херсоне с подряда три 32-пушечных фрегата и большой транспорт.

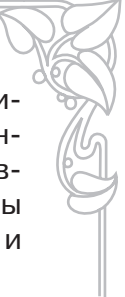
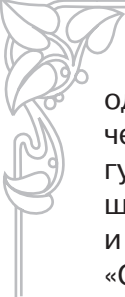
«Вольный эллинг» А. Перетца был построен на территории Адмиралтейства рядом с уже существовавшими казенными эллингами.

Во время строительства «вольного эллинга» и корабля «Кульм» Абрам Перетц жил в Николаеве в собственном доме, который находился на территории усадьбы Главного командира и выходил фасадом на (современную) ул. Пушкинскую.

В 1816 г. пост Главного командира Черноморского флота и военного губернатора Николаева занял вице-адмирал А.С. Грейг. Проверив работу Адмиралтейства, А.С. Грейг обнаружил ряд переplat подрядчикам, в том числе А. Перетцу. В приказе по Адмиралтейству А.С. Грейг отметил: «Перетцу денег задавали много лишних, а успеху в строении не было». В связи с этим у подрядчика было изъято 67 337 руб. и 12 коп., которые пошли в счет нового контракта на постройку транспортов.

В 1818-1820 гг. на эти деньги А. Перетц построил транспорты «Мария» и «Ингул». Однако, в это же время он, видимо, разорился, так как в Николаевском областном государственном архиве хранится дело полиции за 1816 г. о распродаже имущества Перетца для погашения долга. Известно также, что дом его в Николаеве был продан Морскому ведомству. Умер А. Перетц в 1833 г. в возрасте 63 лет [502].

В 1818 г. приступила к производственной деятельности верфь, построенная

одесским (позднее николаевским) купцом первой гильдии Михелем Шоломоновичем Серебряным (ок. 1780 г. – до 1847 г.). Она располагалась на левом берегу р. Ингул, на участке между Адмиралтейством и госпитальным садом. На верфи, получившей название «Серебряный док», были построены понтоны для Бугской переправы и различные мелкие суда для флота, в том числе в 1818-1821 гг. бриги «Ганимед» и «Орфей», несущие 22 и 24 орудия соответственно [480, с. 210].

На этой верфи М. Серебряный построил с подряда 12 канонерских лодок типа «Дерзкая», проект которых разработал А.С. Грейг (1821-1822 гг.), 9 транспортных судов, два катера и две лоцманские лодки (с 1825 по 1827 гг.).

В 1825 г. А.С. Грейг, предвидя приближающуюся войну с Турцией, обратился в правительство с предложением построить с подряда в Николаеве корабли и фрегаты в счет экстраординарных сумм. На постройку четырех кораблей и четырех фрегатов было выделено более 8 млн. руб. Торги выиграл М. Серебряный, но император Николай I отказался отдавать такую сумму «иноверцу» и велел передать подряд действительному статскому советнику А. Перовскому. А.С. Грейг снова обратился к царю, подчеркивая то, что М. Серебряный – опытный и проверенный в деле подрядчик. Николай I распорядился разделить подряд между А. Перовским и М. Серебряным [502].

В 1827 г. М. Серебряный на территории Адмиралтейства, по правому берегу Ингула, построил новую «вольную верфь», включавшую эллинг для постройки 10-пушечных кораблей, пристани. В период 1828-1831 гг. на этой верфи были построены 108-пушечные линейные корабли «Адрианополь» и «Память Евстафия», а также большие фрегаты «Эривань» и «Энос» 60-пушечного ранга. Строили их под руководством известных корабельных инженеров: генерал-майора М.И. Суровцева, полковников И.Я. Осьминина и А.К. Каверзнева [480, с. 210].

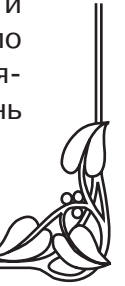

Через несколько лет «вольные эллинги» М. Серебряного были выкуплены в казну. Впоследствии на них продолжали строить суда.

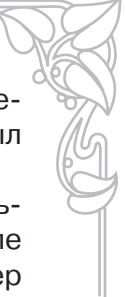

В конце XIX в. вокруг этого эллинга образовалась «самостроем» улочка «Серебряный док». В «Серебряном доке» производили постройку первых черноморских подводных лодок в начале XX в. [502].

В связи с указом о выселении евреев из Николаева и Севастополя М.Серебряный переехал в Одессу.

Еще одна частная верфь была основана херсонским купцом Маркусом Соломоновичем Варшавским (ок. 1775 г. – после 1830 г.) еще выше по Ингулу, за госпитальным садом. Она получила наименование «Маркусов эллинг» [480, с. 211].

На этой верфи М. Варшавский в 1826 г. построил транспорт «Буг», а в 1826-1827 гг. были построены вооруженные транспорты «Ингулец» и «Редут-Кале» [502]. На этой же верфи с подряда построено первое на Черном море грузопассажирское паровое судно для Одесского порта. Проект и чертежи парохода разрабатывались под руководством М.И. Суровцева, а наблюдение за его строительством командующий флотом поручил опытному, уже построившему два военных парохода, полковнику корпуса корабельных инженеров И.С. Разумову. Согласно заключенному контракту (26 августа 1827 г.), М.С. Варшавский обязался закончить изготовление корпуса парохода, получившего название «Одесса», в срок до 15 марта 1827 г. На пароходе размещались 35 пассажиров в помещениях первого и второго классов и еще 30 человек в летнее время – на палубе. Постройка затянулась, и судно прибыло в Одесский порт только 12 июля 1828 г. Рейсы на линии Одесса – Ялта осуществлялись нерегулярно, с большими перерывами. Стоимость мест для тех лет была очень высокой, билет первого класса до Ялты стоил 60 руб., а место на палубе – 15 руб.

В дальнейшем М. Варшавский, проиграв контракт на постройку кораблей и фрегатов в 1826 г. и не выдержав конкуренции с М. Серебряным и А. Перовским, закрыл дело в Николаеве и вернулся в Херсон [480, с. 211].

В Херсоне, где у М. Варшавского была более производительная верфь и меньше конкурентов, он построил несколько канонерских лодок и еще ряд судов. После выхода указа о выселении евреев из Николаева переселился в Одессу, где и умер (после 1830 г.) [502].

О потомках М. Варшавского и М. Серебряного пишет в своих воспоминаниях С.Ю. Витте:

«Во время войны (с Турцией в конце XIX в.) главным подрядчиком по интендантству была компания, состоявшая из Варшавского, Грегера, Горвица и Коген... В конце концов на всех этих подрядах компания наживала довольно большие деньги...

Компания считала, что она недополучила от казны несколько миллионов рублей и пробовала искать эту сумму путем закона, но, видя, что она не в состоянии будет выиграть дело и получить эту сумму, она поручила все дело присяжному поверенному Серебряному.

Этот Серебряный был еврей...

После того, как это дело уже было решено и компания получила большую сумму, я был в Мариенбаде, где находился и Серебряный» [449, с. 208-209].

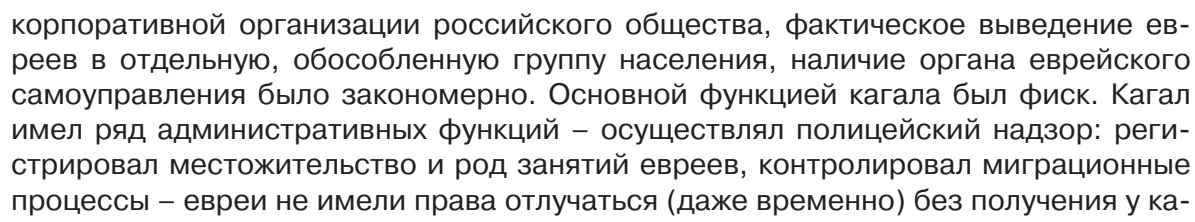
Всего в двадцатые годы XIX в. в Николаеве на адмиралтейской и частных верфях было построено свыше 95 различных судов [480, с. 211].

Кроме подрядного судостроения и поставок различных товаров для строительства верфи, города и судов, евреи были допущены к торговле и производству. 14 января 1792 г. М.Л. Фалеев предписывал секунд-майору Г.С. Бибикову, что податели-евреи желают взять на откуп винную продажу в слободах Знаменке и Богдановке по окончании срока откупа прежнего содержателя. Было решено допустить евреев к торгу, варению пива и строительству там солодовни. «Товарищи сего жиды заводят пивоварню в Николаеве, и солод для нее распоить где признают, а кстати содержать там и откуп...» [301, с. 9]. В 1797-1798 гг. херсонский купец еврей Борох Лейбович владел кирпичным заводом в окрестностях Николаева (в Поповой балке) [53, л. 45-46]. Ицка Абрамович в 1789 г. содержал перевоз через устье р. Ингул, в 1793 г. взял на откуп трактир в Богоявленске на берегу р. Южный Буг.

Сведений о становлении и первоначальном развитии торговли в Николаеве почти не сохранилось. По мнению Г.Н. Ге, основным тормозом развития торговли в городе (особенно экспортной) было изначальное предназначение Николаева как военной верфи, военного порта, базы Черноморского военного флота. В таких условиях торговля имела исключительно внутренний характер и велась для обеспечения нужд Адмиралтейства и бытовых потребностей населения [452, с. 17-19]. Важное место среди различных отраслей торговли для поселявшихся в Николаеве евреев занимала торговля вином. Так, уже в 1791 г. М.Л. Фалеев ордером предписывал городничему следить за соблюдением евреями правил такой торговли [ГАНО Ф. 243, оп. 1, д. 73, л. 109].

Г.Н. Ге отмечал также, что с самого основания города евреи занимали уверенные позиции в сфере торговли. Наличие значительных капиталов, умение оперативно реагировать и приспосабливаться к различным условиям, высокая конкурентоспособность позволила евреям вытеснить из николаевской торговли греков и самим занять в ней основные ведущие позиции [452, с. 17-19].

С момента присоединения к России польских и белорусских земель правительство сохранило за евреями органы самоуправления – кагалы. В рамках сословно-

корпоративной организации российского общества, фактическое выведение евреев в отдельную, обособленную группу населения, наличие органа еврейского самоуправления было закономерно. Основной функцией кагала был фикс. Кагал имел ряд административных функций – осуществлял полицейский надзор: регистрировал местожительство и род занятий евреев, контролировал миграционные процессы – евреи не имели права отлучаться (даже временно) без получения у кагала паспортов. Безусловно, административные функции кагала были тесно связаны с фискальными, так как позволяли контролировать податное население города [436, Кагал в России].

Основными полномочиями кагала по «Положению» 1804 г. (ст. 54 раздела VI «О должности кагалов») были: взимание податей с евреев, надзор за исправным платежом налогов, распоряжение общественными (видимо, имелось в виду еврейская община), а также отчет о полученных суммах и расходах. Однако фактически кагал сохранил и некоторые административные функции. Так, евреи были обязаны приписываться к городскому еврейскому кагалу. Он отвечал за ревизии, регистрировал изменение состава еврейской общины (брак, рождение детей, смерть), выдавал паспорта для временной отлучки из города или для переезда на другое постоянное место проживания, – тем самым кагал выполнял для евреев функции, возложенные на полицию и магистрат (для других групп городского населения) [311].

В сохранившихся документах часто ходатайства от имени еврейского населения города и официальная переписка с городскими властями велась не от имени кагала, как представительного органа общины, а от имени «еврейского общества». Ю. Гессен отмечал два возможных объяснения такой тенденции: во-первых, роль кагала в городе, где евреи приравнивались к городскому населению и получили право участия в органах местного самоуправления наравне с другими гражданами, постепенно за ненадобностью сводится к нулю, его место часто занимает «общество» – собрание влиятельных членов общины, обращавшихся от имени последней к органам власти; во-вторых, органы власти, стремившиеся к уменьшению обособленности евреев, их самоорганизации и самоуправлению, при необходимости обращались не в кагал, а к «обществу» или его представителям. Часто это и был фактически кагал, однако в официальной переписке использовался термин «общество» [436, Кагал в России].

Такая двойственность прослеживалась и в Николаеве. Так, например, магистрат по вопросам причисления евреев обращался непосредственно в кагал, а обращения к военному губернатору исходили от николаевского еврейского общества [53; 310; 311]. Кроме того, в делах о причислении евреев в Николаев, кагал запрашивал согласия еврейского общества о принятии нового члена, что являлось одним из оснований для ходатайства магистрата перед Херсонской казенной палатой о приписке лица к николаевской еврейской общине [310, л. 69, 74, 76, 150, 203]. Таким образом, «еврейские общества» (которых могло быть несколько в городе, например, «мещанское еврейское общество») и кагал действовали одновременно, каждый орган выполнял свои функции, кагал, в том числе, выступал посредником между магистратом и еврейскими обществами.

Евреи довольно активно участвовали как во внутриеврейской жизни, так и в городском самоуправлении. Так, в делах ГАНО о переселяемых по указу 1829 г. евреях значатся:

- николаевский 3-й гильдии купец Нахман Янкелевич Дулицкий за время пребывания в Николаеве избирался на должности оценщика на 3 года («за службу вел себя честно, должность исправлял как должно»), по торговым делам – депутата, ратмана магистрата – 3 года;

- николаевский 3-й гильдии купец Пейсиха Иоселевич (Иоскович) Бегун избирался на должность гласного Думы на 3 года;

- николаевский 3-й гильдии купец Фроим Виделевич Фанчюнк – избирался на должности гласного Думы на 3 года, словесного судьи в словесном суде* – 1 год, кагальным еврейского кагала – 1 год, ратмана магистрата – 4 месяца;

- николаевский купец 3-й гильдии Рахмиль Бейнишович Когун состоял на выборных должностях: словесным судьей, кагальным в Николаевском еврейском кагале, в 1829 г. – член кагального (комитета), смотритель еврейской больницы, «учрежденной для предосторожности холеры, а также по случаю открывшейся в прилежащих местах опасной холерической болезни» [311].

Нельзя не уделить внимание одной из наиболее известных и знаменитых фигур, имевших непосредственное отношение к социально-экономической жизни николаевской еврейской общины, – Юлии Михайловне Грейг (1800 г., г. Могилев – 1882 г., г. Санкт-Петербург). Личность Юлии Михайловны окружена мифами и легендами, от которых порой сложно отделить реальные факты. Основываясь на биографических очерках николаевского краеведа Ю. Крючкова, отметим следующее:

Дочь могилевского трактирщика еврея Михеля Сталинского, Юлия Михайловна прибыла в Николаев для заключения контракта на поставку леса для строительства судов в 1820 г. Добилась встречи с А.С. Грейгом. Вскоре стала его фактической женой (де-юре была его экономкой) [440, с. 111].

Брак Юлии с А.С. Грейгом вызвал противоречивые настроения в окружении адмирала. Даже среди ближайшего окружения военного губернатора были шовинистически и юдофобски настроенные лица (Ф.Ф. Вигель, Яцын, М.П. Лазарев и др.), а особо громким было дело мичмана В. Даля (будущего знаменитого лексикографа), написавшего «грязные стишки» о Юлии, ее сестре Белле и их матери [подробнее см. 440; 479; 498; 499;]. С другой стороны, Ю.М. Грейг была окружена довольно влиятельными людьми (Н.Д. Критский, В. Метакса, Ш. Рафалович) [440, с. 111].

Ю.М. Грейг

Ф.Ф. Вигель писал, что Юлия Михайловна, о происхождении которой знал весь Новороссийский край, была одной из двух красавиц-дочерей содержателя гостиницы в Могилеве. О ней и ее младшей сестре Белле, «дивной красоты», вспоминал И.П. Липранди. «Могилевская Белла» вызывала восхищение и приятеля А.С. Пушкина В.П. Горчакова. Юлия и Белла послужили А.С. Пушкину прообразами Дуни из «Станционного смотрителя» [458].

* Торговые Словесные суды состояли при Магистратах или Ратушах в каждой части города. В 1766 году издана была Инструкция от Главного Магистрата, которая подробно определяла занятия и образ отправления дел в Словесных судах. Они производили суд по частным заемным письмам и по купеческим записным книгам и счетам, также в бесписьменных торговых делах, в покладах и ссудах, и вообще по всем бесспорным и не требовавшим письменного производства делам и не продолжая ни в каком случае следствия далее восьми дней. Они должны были вести о всех делах и просьбах, вступавших на их рассмотрение, журнальную записку по числам и «за руками присутствующих». В состав Словесного суда входили один или более словесных судей и нескольких выборных, избираемых из числа купцов и мещан. Суть такого суда – «словесное разбирательство по словесной просьбе в делах гражданских; до письменных просьб и до уголовных дел Словесному суду дела нет» [484].

Памятник А.С. Грейгу и городская управа
(с открытки II половины XIX в.)

В Николаеве Ю.М. Грейг занималась благотворительностью. Несмотря на то, что она приняла католицизм, покровительствовала еврейской общине, пригласила в Николаев наиболее влиятельную купеческую семью Рафаловичей. Евреи Николаева называли ее «царицей Эсфирь Николаевской», заступницей евреев [499].

Одна из версий жизни семьи Грейг предложена Ю.С. Крючковым в его художественном историческом эссе «Храм Весты» [503].

Таким образом, первые сведения о евреях в Николаеве появляются с момента основания города. Официально евреи приписываются к городу на основании «Положения об устройстве евреев» 1804 г. по ревизии, проведенной в 1806 г. Отсутствие ограничительных мер для еврейского населения способствует достаточно быстрому росту и развитию еврейской общины. Евреи Николаева были допущены во все сферы экономической и социальной жизни города, гражданскому обороту, казенным контрактам, имели немало недвижимой собственности, участвовали в национальном и общегородском самоуправлении. Благодаря наличию немалых капиталов, умению приспособиться, оперативно реагировать, конкурировать, евреи быстро вошли в экономическую инфраструктуру города, способствовали ее развитию, создавали конкуренцию и вливание значительных денежных средств.

К концу третьего десятилетия XIX в. составляли весьма большую часть городского населения, треть купеческого сословия, занимали ведущие позиции в экономической жизни города.

ВЫСЕЛЕНИЕ ЕВРЕЕВ ИЗ НИКОЛАЕВА в 30-х – 50-х гг. XIX в.

За годы правления императора Николая I (1825-1855 гг.) была создана целая система законодательных актов по борьбе с еврейским религиозным «фанатизмом». Как известно, при Николае I было издано около 600 нормативных актов, направленных на регулирование различных сторон жизни российских евреев.

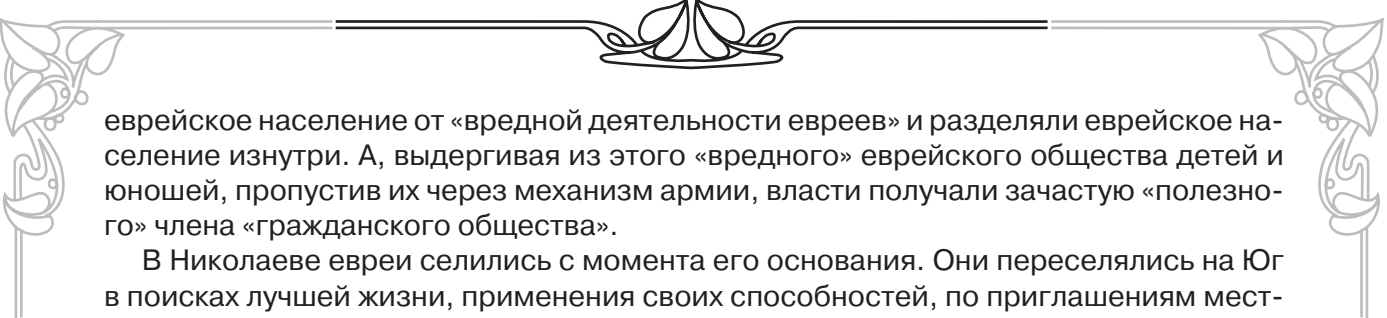
Основными задачами, которые ставили перед собой власти, были: социальная, религиозная, экономическая и бытовая интеграция евреев с «гражданским обществом».

Однако, при этом евреи не были выпущены из черты оседлости для расселения по всей Российской империи и постепенной ассимиляции, напротив, они все больше стеснялись запретами на проживание в отдельных местностях даже внутри черты оседлости. Так, 2 декабря 1827 г. было принято решение выселить евреев из Киева; им запрещено селиться в Гродненской губернии; 20 ноября 1829 г. издан указ о выселении евреев из городов Николаева и Севастополя; в том же году выселяются евреи из Курляндии; 1830 г. – из Киевской губернии; 1837 г. – запрещено селиться в г. Ялта и, наконец, в 1843 г. решено выселить евреев с 50-верстной приграничной территории.

Введенная в 1827 г. натуральная рекрутская повинность для евреев была прекрасным репрессивным механизмом, который действовал, видимо, даже лучше, чем ожидали его создатели. Во-первых, понятно, что данная норма вводилась не для укрепления боеспособности армии, а для того, чтобы евреи (многие из которых были просто детьми 8-12 лет), попавшие на воинскую службу на 25 лет, разбросанные по всей огромной стране, могли освободиться от «религиозно-национальных предрассудков», а в лучшем случае – принять христианство. Зачастую они более не возвращались к своим семьям [436, т. 11, ст. 617]. Во-вторых, были и другие последствия введения рекрутских наборов для евреев, которые гораздо хуже отразились на еврейском обществе. Тот факт, что кандидатов в рекруты должны были определять сами евреи, породил вражду внутри еврейской общины.

Так пишет о том, что происходило внутри еврейской общины поэт Иехуда Лейб Левин: «Детей хватили из колыбели, женихов уводили из-под хуппы, чтобы отдать их в солдаты... И каково было мне увидеть то, что увидели мои глаза? Ловцы – евреи, кагал – евреи, и они же словно львы, рвущие жертву, выхватывают из материнских объятий младенцев, птенчиков малых. Думаю, что и разбойники не сотворили бы подобного даже с евреями, а тут евреи творят такое с евреями же! Что же это такое?» [485, с. 48].

Таким образом, уплотняя еврейское население (в географическом отношении) ограничениями в праве на жительство, власти отделяли христианское и другое не-

еврейское население от «вредной деятельности евреев» и разделяли еврейское население изнутри. А, выдергивая из этого «вредного» еврейского общества детей и юношей, пропустив их через механизм армии, власти получали зачастую «полезного» члена «гражданского общества».

В Николаеве евреи селились с момента его основания. Они переселялись на Юг в поисках лучшей жизни, применения своих способностей, по приглашениям местной власти или жителей города как специалисты высокого класса, зачастую, владельцы немалых капиталов.

Поскольку Николаев был изначально заложен как судостроительная верфь, центральное место в экономике города с первых его дней занимало Адмиралтейство. Николаевская верфь имела более выгодное положение по сравнению с Херсоном, но, в отличие от Одессы, имела исключительно военное назначение (так, до 1862 г. в Николаеве не было более-менее солидного коммерческого порта). Поэтому Николаев довольно быстро становится центром военного судостроения Юга Российской империи и главной базой Черноморского флота.

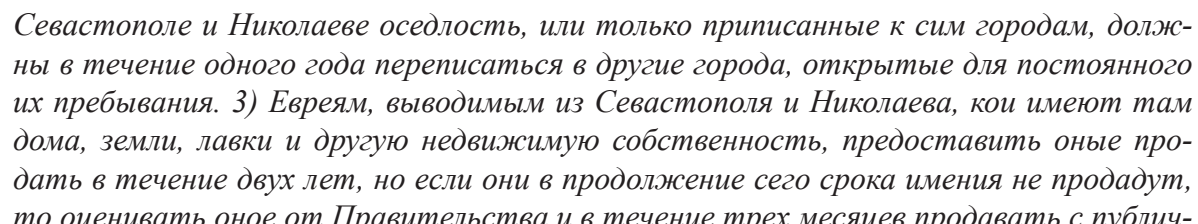
Таким образом, основные занятия евреев, как и других горожан в Николаеве, были естественно связаны с флотскими потребностями. Евреи, имея большой опыт торговли, становятся ведущими поставщиками и подрядчиками Адмиралтейства и Черноморского флота в целом. Их преимущественное положение в данной отрасли, особенно при адмирале А.С. Грейге, породило большое количество завистников и недовольных, результатом стало множество жалоб и доносов о «еврейском засилье». Одно из самых громких дел, возникавших на этой почве, был спор по поводу торгов на подряд для постройки 4 кораблей и 4 фрегатов. Торги выиграла черниговский помещик действительный статский советник А.А. Перовский, а также евреи М.Ш. Серебряный и М.С. Варшавский. Бухгалтер Яцын написал донос на А.С. Грейга, будто весь подряд отдан евреям из-за «непатриотичности» адмирала и его потакания «сожительнице из евреев». С большим трудом А.С. Грейгу удалось убедить Николая I в несправедливости доноса, и царь велел разделить весь подряд (8 миллионов) между А.А. Перовским и М.Ш. Серебряным [500].

Закревский отмечал, что пока город отстраивался, присутствие евреев в Николаеве иногда было просто необходимо, но позже, когда в Адмиралтействе были обнаружены хищения, несмотря на то, что виновными чаще всего были чиновники, было решено убрать из города евреев, будто при их отсутствии некому будет продавать краденые вещи [436, т. 11, ст. 704-705].

При этом 7 мая 1829 года завершено углубление Ингульского и Очаковского фарватеров, что позволило проводить из николаевской верфи суда всех рангов без камелей. По распоряжению Г.А. Потемкина упразднены все службы и команды Херсонского адмиралтейства и переведены в Николаевское [517, с. 22]. С переводом из Херсона в Николаев Черноморского адмиралтейского правления Николаев окончательно становится военной базой Черноморского флота, закрытым военным портом, в который иностранцу попасть было практически невозможно.

На такой «благоприятной» почве 20 ноября 1829 г. Николаем I и был издан Указ о выселении евреев из городов Николаева и Севастополя. Приводим полный текст этого указа:

«Находя неудобным и вредным пребывание неслужащих евреев в городах Севастополе и Николаеве, Повелеваю на счет поселившихся в сих городах евреев, постановить следующие меры: 1) Евреи не должны иметь в Севастополе и Николаеве постоянного пребывания, ни заведений для отправления обрядов веры их, равным образом не могут они приписываться к тамошним городским обществам. 2) Евреи, имеющие ныне в

Севастополе и Николаеве оседлость, или только приписанные к сим городам, должны в течение одного года переписаться в другие города, открытые для постоянного их пребывания. 3) Евреям, выводимым из Севастополя и Николаева, кои имеют там дома, земли, лавки и другую недвижимую собственность, предоставить оные продать в течение двух лет, но если они в продолжение сего срока имения не продадут, то оценивать оное от Правительства и в течение трех месяцев продавать с публичного торга в пользу хозяев имения. 4) До продажи недвижимого имения, то есть в течение двух лет, оным владеющие могут оставаться в Севастополе и Николаеве со своими семействами, но последний год уже не иначе, как по паспортам того города, в который переписались они по истечении первого года. 5) Окончательную высылку евреев из Севастополя и Николаева провести: имеющих недвижимую собственность по прошествии двух лет; приписанных к тем городам, но не имеющих таковой собственности, по истечении года; а проживающих там без приписки к оным, по прошествии шести месяцев, со дня издания настоящих правил. 6) Евреям, кои имеют какие-либо по упомянутым городам с казною обязательства, дозволить оставаться там до окончания их обязательств. 7) Евреи могут, по надобностям своим, приезжать в Николаев и Севастополь временно, но не иначе, как на точном основании правил, изданных для временного приезда евреев в города России; в сем случае местные начальства поставляются в обязанность исполнять без всякого послабления означенные правила; и 8) Все сии меры не должны относиться до евреев Караимов, коим отнюдь не воспрещается жить и владеть собственностью в Севастополе и Николаеве на прежнем основании. Вы не оставите учинить нужные распоряжения о приведении мер сих во всей их силе и пространстве в надлежащее исполнение, но при этом строжайше наблюдати, чтоб при исполнении сем, делано не было евреям, какими-либо притязаниями притеснений, что и возлагается на непосредственную вашу ответственность» [407, с. 258].

С первых слов указа становится ясно, что власти не могли найти каких-либо более-менее веских причин для выселения евреев из Николаева и Севастополя. Необходимо было просто поддерживать линию выбранной политики в отношении евреев.

Согласно пункту 3 данного указа, евреям, имеющим недвижимое имущество в Николаеве и Севастополе, дана возможность продать его в течение двух лет, однако, если имущество продано не будет, то оно должно быть оценено «от Правительства» и в течение трех месяцев продано с публичных торгов в пользу хозяев имения. При этом следует отметить, что на момент издания указа в Николаеве проживало около 1 115 евреев мужского пола (24 купеческих семьи, 691 мещанская и 424 холостяка. [Эти официальные цифры представляются не вполне верными. Подробнее о количестве евреев в Николаеве на момент выселения см. Главу 2 – А.П.] [2]. Закономерен вопрос: найдется ли такое количество покупателей для недвижимого имущества, принадлежавшего выселяемым евреям, и удастся ли «строжайше на наблюдати, чтоб при исполнении сем, делано не было евреям, какими либо притязаниями притеснений»?

Исполнение указа Николаевский и Севастопольский военный губернатор адмирал А.С. Грейг возложил на Временный распорядительный комитет [506]. 20 декабря 1829 г. в рапорте на имя Николая I адмирал обращал внимание на то, что выселение затруднит подрядные договоры с евреями и просит разъяснить «..какие надлежит принять меры к заготовлению потребных Черноморскому Департаменту материалов и припасов на наступающий 1830 год» [4, л. 2].

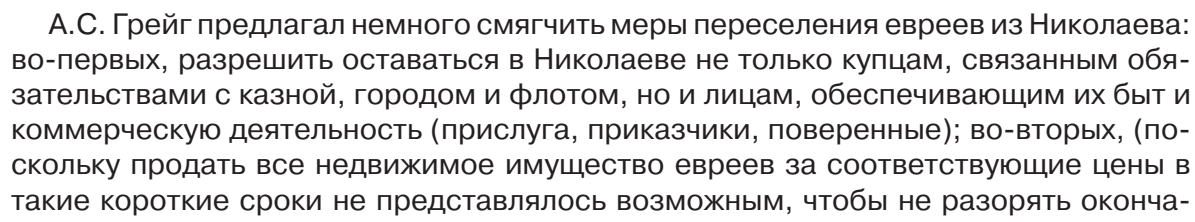
Следует вспомнить, что к 1830 г. 58% поставщиков флоту были евреями [Подробнее см. Главу 2].

Ответом императора (от 5 января 1830 г.) было разрешено евреям продолжать заниматься поставками в Николаеве: «...я дозволяю вам разрешить на сей только раз Черноморскому Департаменту, к поставкам потребных оному в нынешнем 1830-м году припасов и материалов допустить на законном основании и Евреев; но с тем, чтобы обязательства их с казною по сим поставкам не простирались далее годовичного срока» [4, л. 2].

Еврейское купечество, установившее за многие годы сотрудничества с Черноморским ведомством тесные связи с его интендантским, комиссарским и другими подобными подразделениями, предпринимало, естественно, все возможные меры, чтобы не лишиться этого, причем для многих из них основным источником благосостояния. А многочисленные «прошения о невыселении» свидетельствуют о том, что евреи продолжали жить в городе Николаеве и после указанного срока (июнь 1830 г., май 1831 г., март 1832 г.) [5, л. 24-31].

Предвидя последствия, к которым может привести выселение евреев из Николаева, городские власти пытались предотвратить их, ходатайствуя перед высшими чиновниками государства. Так, Николаевский и Севастопольский военный губернатор адмирал А.С. Грейг сообщал министру внутренних дел о ряде негативных последствий выселения евреев: «...николаевские 1-й гильдии купцы-евреи: Серебряный и Рафалович и проживающий там в собственном доме полтавский купеческий сын Зеленский, в поданных ему адмиралу просьбах изъяснили о встречаемых ими затруднениях в исполнении лежащих на них казенных обязательств по подрядам и поставкам, по причине сближения срока, определенного Высочайшим указом 20 ноября 1829 года на высылку из Николаева тех из евреев, которые находятся у них в услужении, занимая разные по коммерциям их обязанности и в домашней услуге; что по просьбам сим поручено было Николаевской городской полиции, обще с магистратом и думою, удостовериться в истине показываемых обстоятельств, и уведомить: чем могут быть отвращены сии затруднения; и что оное присутствие в рапорте временному распорядительному комитету, объясняя, что представляемые просителями обстоятельства оказываются действительно справедливыми, и что они неминуемо должны будут остаться неисправными в исполнении обязательств своих с казною, если лишаться тех прислуг, коими себя доньше обеспечили, донесло при том, что к отвращению таковых последствий, общее присутствие не находит никаких средств, кроме той же высочайшей власти, по повелению коей учинено распоряжение евреев» [407, с. 265].

Кроме того, выселение евреев из Николаева влекло за собой довольно тяжелые последствия и для благосостояния города. Так, еврейское население задолжало в городской капитал более 100 000 рублей, возратить которые, в связи с разорением из-за спешной и очень дешевой продажи имущества, было не в состоянии. Все евреи Николаева, наравне с остальными горожанами, до сих пор участвовали в затратах на отбывание воинского простоя, «которым город крайне обременен», в содержании городских присутственных мест, квартирной комиссии, иных повинностей. С выселением же еврейской части населения все эти повинности должны лечь на плечи оставшихся граждан, которые «выполнять их едва ли будут в состоянии». А, помимо всего прочего, город почти полностью лишится своих ремесленников, поскольку ремеслами, более остального населения, занимались именно евреи.

А.С. Грейг предлагал немного смягчить меры переселения евреев из Николаева: во-первых, разрешить оставаться в Николаеве не только купцам, связанным обязательствами с казной, городом и флотом, но и лицам, обеспечивающим их быт и коммерческую деятельность (прислуга, приказчики, поверенные); во-вторых, (поскольку продать все недвижимое имущество евреев за соответствующие цены в такие короткие сроки не представлялось возможным, чтобы не разорять окончательно и без того, в основном, бедное население) если недвижимое имущество евреев не будет продано, оценивать его и выкупать за казенные деньги; в-третьих, особое внимание и уважение правительства проявить к вдовам и сиротам [407, с. 266].

Выселение из Николаева и Севастополя привело евреев, проживавших в этих городах, к разорению, нищете и голоду. Поэтому, не дождавшись ответа из Петербурга, А.С. Грейг, на свой страх и риск, остановил выселение евреев из Николаева и Севастополя. 13 мая 1830 г. он уже отдал об этом приказ в Николаеве, 22 мая 1830 г. – в Севастополе. Ответ из Министерства внутренних дел пришел лишь через три недели [506].

При рассмотрении этого вопроса начальник Морского штаба генерал-адъютант князь Меншиков Александр Сергеевич предложил следующие меры:

1) Евреям, имеющим в Севастополе и Николаеве недвижимую собственность, определить крайним сроком выселения 31 декабря 1832 г.;

2) Разрешить евреям, пребывающим в Севастополе и Николаеве до продажи имущества или окончания обязательств, иметь на все это время при себе прислугу из евреев по мере необходимости;

3) Евреям, имеющим обязательства с казной, до окончания обязательств разрешить иметь в необходимом количестве приказчиков и поверенных;

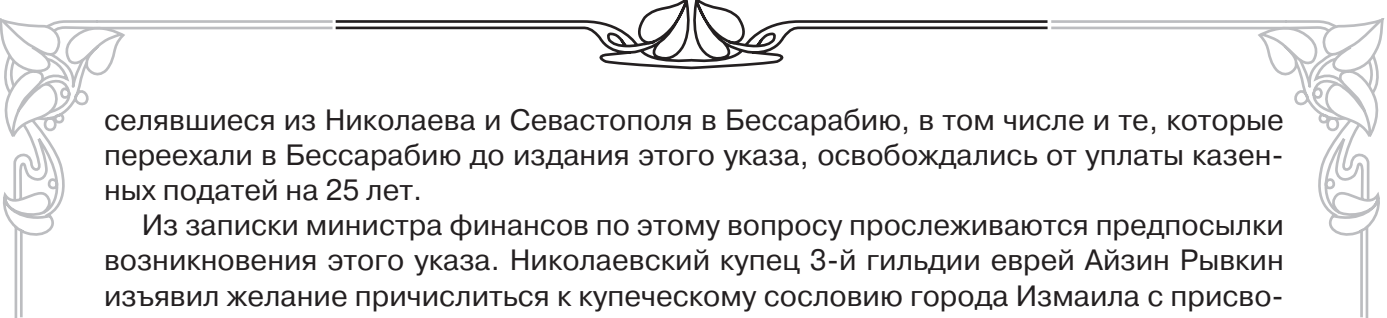
4) Евреям, не имеющим оседлости в Севастополе и Николаеве, назначить крайний срок пребывания до 1 мая 1831 г.

Министр внутренних дел, внесший на рассмотрение данные разрешения князя А.С. Меншикова, в свою очередь прибавил, что за евреями, оставшимися на это время в Севастополе и Николаеве, со стороны городского начальства должно быть установлено строгое наблюдение, «дабы под сим предлогом не оставались в Николаеве и Севастополе евреи, не имеющие права пользоваться сим дозволением»; по окончании же этих сроков чтобы высылка произошла без всяких послаблений, а непроданное недвижимое имущество было подвергнуто публичной продаже.

Так предложения князя А.С. Меншикова (с замечаниями министра внутренних дел) были закреплены высочайше утвержденным положением Комитета министров от 10 июля 1830 г.

А.С. Грейг принял ряд мер, направленных на облегчение тяжелого положения евреев: тем, кто уже продал дома, разрешено было проживать в Николаеве и Севастополе до 31 декабря 1832 г.; остальные получили право продавать недвижимость по свободным ценам; в ноябре 1831 г. был отдан приказ по Черноморскому ведомству, согласно которому все учреждения и чины, а также частные лица были обязаны возратить долги евреям, рассчитавшись с ними полностью [506].

Однако следует заметить, что правительство при выселении евреев из Николаева действовало не только репрессивными методами, но и предоставляло переселявшимся евреям некоторые льготы. Так, указом 20 декабря 1830 г. «О предоставлении евреям, желающим перейти из городов Севастополя и Николаева в Бессарабию, льготы, определенной высочайшим указом 26 сентября 1830 г. для тех из российских купцов, кои до издания сего указа водворились в Бессарабии», евреи, пере-

селявшиеся из Николаева и Севастополя в Бессарабию, в том числе и те, которые переехали в Бессарабию до издания этого указа, освобождались от уплаты казенных податей на 25 лет.

Из записки министра финансов по этому вопросу прослеживаются предпосылки возникновения этого указа. Николаевский купец 3-й гильдии еврей Айзин Рывкин изъявил желание причислиться к купеческому сословию города Измаила с присвоением ему льготы, пожалованной этому городу высочайшим указом от 6 октября 1828 г., по которому Измаилу предоставлялась 25-летняя льгота (с 1829 г.). Согласно положению Комитета Министров, высочайше утвержденному 21 января 1830 г., жители новороссийских губерний, переселявшиеся в города, имеющие льготы, таковыми не пользовались. Министр финансов полагал, что поскольку А. Рывкин вынужден был переехать из Николаева не по своему желанию, а по решению правительства, то ему, как и остальным евреям, переселявшимся из Николаева и Севастополя, в связи с указом от 20 ноября 1829 г., в Бессарабию, необходимо предоставить данную 25-летнюю льготу [407, с. 292].

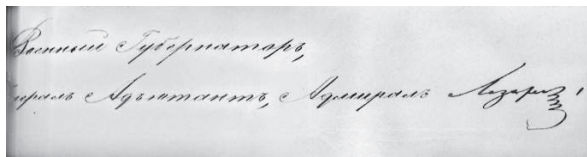
Несмотря на предоставленную отсрочку исполнения указа о выселении евреев из Севастополя и Николаева и предоставляемые льготы, на имя чиновников различных рангов продолжали поступать прошения, ходатайства о прекращении выселения евреев из этих городов. Эти прошения исходили не только от местных властей, но и от самих горожан, а также от купцов соседних городов (прошения 17 мая 1831 г. и 10 марта 1832 г.) [5, л. 24-31].

И вот уже 5 июля 1832 г. следует очередное высочайше утвержденное положение Комитета Министров «Об отсрочке высылки евреев из Николаева на один год». Мотивируя тем, что в 1830-1831 гг. была эпидемия холеры в губерниях, открытых для свободного проживания евреев, в это же время в губерниях, присоединенных от Польши, в которых евреям также разрешено было селиться, происходил мятеж, а, готовясь к переселению, николаевские евреи прекратили все свои коммерческие дела и поэтому практически лишены средств к существованию, евреи города Николаева, за которых вновь ходатайствовал А.С. Грейг, просили предоставить им отсрочку выселения еще на 5 лет. Однако, министр внутренних дел посчитал, что будет достаточно отсрочки выселения на один год, с чем согласились Комитет Министров и Николай I [407, с. 318-319].

13 августа 1833 г. А.С. Грейг снова писал министру внутренних дел, что из переселившихся евреев «около 1/3 части оных померло от нищеты» и еще раз просил отменить выселение. В конце 1833 г. А.С. Грейг был назначен членом Государственного Совета и переехал в Петербург. Очередная отсрочка выселения николаевских и севастопольских евреев была предоставлена также благодаря его ходатайствам. Так, 26 декабря 1833 г. министр внутренних дел сообщил еврейским общинам, что по просьбе бывшего военного губернатора А.С. Грейга им разрешено оставаться в Николаеве и Севастополе еще на три года. Последним днем выезда назначено 31 декабря 1836 г. [506].

Находясь в Петербурге, А.С. Грейг продолжал ходатайствовать перед правительством о прекращении выселения евреев из Николаева и Севастополя. Однако, в 1837 г. министр внутренних дел ответил на это, что все евреи из Николаева уже выселены.

Попытки дальнейших послаблений мер указа о выселении евреев из Николаева и Севастополя оканчивались почти полной неудачей. Последние разрешения на проживание евреев в Николаеве и Севастополе были даны Николаем I в 1837 и 1838 годах. Так, на предложение министра внутренних дел по соглашению с на-

Автограф адмирала М.П. Лазарева

чальником Главного морского штаба (1837 г.) разрешить оставаться в Николаеве и Севастополе родителям евреев, пребывающих в этих городах на службе в военно-морском флоте, Николай I согласился сделать исключение лишь для вдовых матерей [436, т. 11, ст. 705]. В

следующем же 1838 г. император отменил разрешение Комитета Министров малолетним (до десяти лет) детям проживать в Николаеве и Севастополе со своими родителями (если отец служил в Черноморском флоте) в отношении только сыновей. По поводу этого решения Комитета он писал: «согласен, но сыну не иначе, как ежели отец согласен включить сына в военные кантонисты, что впредь принять за правило» [436, т. 11, ст. 709-712].

И все же, почти вся еврейская община (за исключением отдельных семей) была выселена из Николаева. Активному их выселению способствовал новый Главный командир Черноморского флота, военный губернатор городов Николаева и Севастополя адмирал М.П. Лазарев, сменивший А.С. Грейга на этом посту в 1833 г. Вступив в должность, он занялся выселением евреев репрессивно-полицейскими «строжайшими мерами», «без всякой пощады и помилования». Николаевская и севастопольская еврейские общины обращались с жалобами к Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору М.С. Воронцову, который просил М.П. Лазарева не выселять евреев до принятия Комитетом Министров окончательного решения. О прекращении выселения евреев просил адмирала М.П. Лазарева и начальник Главного морского штаба князь А.С. Меншиков. Однако, лишь ходатайства А.С. Грейга приостановили выселение евреев из Николаева и Севастополя зимой 1833 г.

По окончании всех отсрочек, предоставленных выселяемым евреям, несмотря на то, что некоторые еврейские семьи все-таки оставались в Николаеве и Севастополе, 21 января 1837 г. М.П. Лазарев рапортовал императору об окончании выселения евреев из Николаева и Севастополя. После выселения из 715 еврейских семейств в Николаеве осталось 14 еврейских семейств (в Севастополе – 12) [506].

Выселение евреев из Николаева стало причиной значительных нарушений в экономической инфраструктуре города. Все предположения адмирала А.С. Грейга о негативном влиянии выселения евреев на экономику города и развитие Черноморского флота сбылись: резко упали цены на недвижимость, прекратилось домостроительство, отток значительных средств еврейских купцов привел в упадок экспортную торговлю города, негативно отразился на розничной торговле, город лишился почти всех своих ремесленников (одна из наиболее незащищенных категорий городского населения). Оставшиеся купцы-христиане, с выездом основных конкурентов, начали получать колоссальную прибыль от мелкой розничной торговли, крупные торговцы, занимавшиеся экспортной торговлей, переводят свои капиталы из оптовой в розничную местную торговлю. Понимая, что конкурировать не с кем, купцы договорились и, чтобы еще увеличить и без того огромные прибыли, начали искусственно поднимать цены.

Военный губернатор адмирал М.П. Лазарев пытался бороться с недостатком купцов и ремесленников в городе. Он ходатайствовал о предоставлении николаевским купцам льгот по уплате сборов за право торговли для привлечения новых капиталов в Николаев. Так, в своей докладной записке военный губернатор указывал на то, что с выселением евреев из Николаева и Севастополя торговля в этих городах остановилась, и просил предоставить обоим городам льготы, которыми пользовались

такие «знатные торговые города: Одесса, Керчь, Таганрог и Феодосия». После чего 7 января 1838 г. именным указом Николая I было предоставлено николаевским и севастопольским купцам право в течение 10 лет платить за гильдейские свидетельства половину необходимой суммы, а поселяющихся в Николаеве и Севастополе купцов (которые строят себе дома) этот указ на 3 года вовсе освободил от каких-либо денежных повинностей [436, т. 11, ст. 709-712]. Кроме того, причислявшиеся в николаевское купечество иногородние купцы получали те же льготы даже в случае, если продолжали проживать в других городах.

Что касается ремесленников, они также были освобождены на 3 года от уплаты всяких натуральных и денежных сборов в пользу города [452, с. 19-20].

Данных о переселении купцов и ремесленников в Николаев после издания этого указа нет, однако можно с уверенностью утверждать, что эти льготы не произвели желаемого эффекта, а лишь уменьшили доход казны и города, поскольку по окончании указанного срока их действие не было остановлено, а напротив, они оставались в силе и далее [436, т. 11, ст. 709-712].

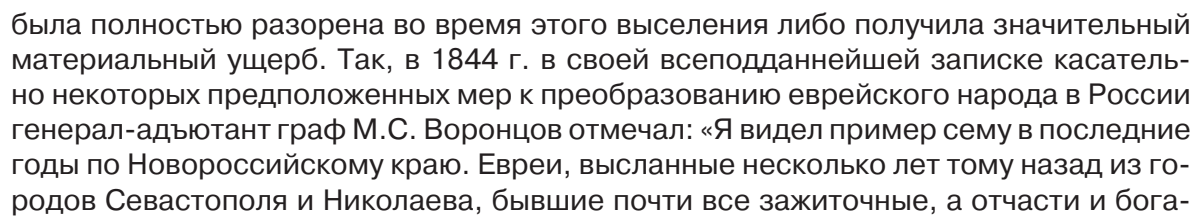
Как пишет Г.Н. Ге: «...можно думать, что это мероприятие только побудило многих купцов окольных городов, не трогаясь с места, перечислиться в николаевское купечество. А купцы отдаленных городов, надо думать, не поднимались и на это при тогдашних путях и средствах сообщения» [452, с. 20].

Таким образом, выселение из Николаева значительного числа купцов, основной массы ремесленников не могло положительно отражаться на развитии города, его экономике, социальной структуре его населения. Можно назвать основные негативные моменты для города, связанные с выселением евреев, таковыми были: падение цен на недвижимость; остановка градостроения; отток капиталов; нехватка ремесленников-профессионалов, производивших качественную продукцию по доступным ценам; упадок торговли; резкое повышение цен на товары широкого спроса и, как следствие, обеднение населения города, снижение его покупательной способности; колоссальное уменьшение поступлений в казну и в пользу города.

С другой стороны, выселение евреев из Николаева крайне негативно отразилось и на самих выселяемых евреях. Многие из них, прожившие всю жизнь в Николаеве, занимаясь ремеслом и торговлей, должны были сняться с места и искать себе новое жилье (далеко не по тем ценам, по которым вынуждены были продать свое), новое место для занятия своим ремеслом или промыслом. Значительная часть николаевских евреев

Еврей на улице города
(с фотографии нач. XX в.)

была полностью разорена во время этого выселения либо получила значительный материальный ущерб. Так, в 1844 г. в своей всеподданнейшей записке касательно некоторых предположенных мер к преобразованию еврейского народа в России генерал-адъютант граф М.С. Воронцов отмечал: «Я видел пример сему в последние годы по Новороссийскому краю. Евреи, высланные несколько лет тому назад из городов Севастополя и Николаева, бывшие почти все зажиточные, а отчасти и богатые, подпали в это короткое время в крайнюю бедность и нищету» [335, с. 59]. Нелишне будет еще раз вспомнить записку А.С. Грейга от 13 августа 1833 г. министру внутренних дел, в которой он указал, что из-за нищеты умерла 1/3 переселяющихся евреев.

Основными местами переселения евреев из Николаева были Херсон, Одесса, Измаил, Аккерман, Берислав, Ольвиополь, Алешки, то есть, в основном, это были более-менее крупные торговые центры и порты, где евреи могли заниматься привычными для них ремеслами и торговлей [311].

На протяжении многих лет евреи не имели права постоянно проживать в границах Николаевско-Севастопольского военного губернаторства. Их пребывание там разрешалось лишь в исключительных случаях: 1) для принятия наследства; 2) для защиты прав и законных интересов в судебных инстанциях; 3) по торговым делам, для торгов на подряды, поставки и откупы. В этих случаях полиция самостоятельно разрешала евреям находиться в губернаторстве ровно шесть недель. Дальнейшее пребывание зависело от военного губернатора, который мог продлить установленный срок в Севастополе на один, а в Николаеве – на два месяца.

Правительство продолжило свою политику выселения евреев из Николаева и после Крымской войны (1853-1856 гг.). Сокращался Черноморский флот, и выселение коснулось уже евреев – нижних чинов Черноморского флота. Их передали из морского в сухопутное ведомство. Не нужны стали раввины при морском ведомстве. Хаим Фройзельман Разумный, более двадцати лет прослуживший раввином на Черноморском флоте, в 1857 г., несмотря на старость и болезни, был обязан выехать из Николаева.

Вообще, в 1857 г. в Николаеве из 37 703 жителей евреев было 68 мужчин и 71 женщина (0,4%), в адмиралтейских поселениях и на хуторах евреи вообще не проживали [506]. В Николаеве оставались: во-первых, крупные подрядчики-строители верфей и судов для Черноморского флота (семья Рафаловичей) и их работники, а во-вторых, жены, вдовы матери, малолетние дочери и сыновья (если родители согласны были их отдать в кантонисты) служащих в Черноморском флоте евреев – по разрешениям Николая I 1837 и 1838 гг. Поэтому количество женского населения несколько выше, чем мужского.

Лишь с приходом на престол Александра II правительство начало постепенно смягчать политику относительно права жительства евреев. В 1858 г. министр финансов П.Ф. Брок предложил Еврейскому комитету предоставить право проживать в Николаеве и заниматься торговлей и промыслами некоторым категориям евреев. Морской министр и Еврейский комитет благоприятно отнеслись к подобному предложению, было решено внести соответствующий законопроект в Государственный Совет. Вскоре предложение П.Ф. Брока получило силу закона [436, т. 11, ст. 709-712].

29 июня 1859 г. выходит высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О дозволении евреям-купцам всех трех гильдий водворения и торговли в городах Николаеве и Севастополе»:

«Государственный Совет, в Департаменте законов и в Общем собрании, рассмот-

рев представление министра финансов о дозволении евреям купцам всех трех гильдий водворения и торговли в городах Николаеве и Севастополе, согласно с сим заключением, мнением положил: в изменение и дополнение подлежащих статей Свода законов, постановить:

1. Евреям почетным гражданам, потомственным и личным, производящим торговлю с записью в гильдии, и купцам всех трех гильдий даруется право водворения, промыслов, торговли, откупов и приобретения недвижимой собственности в городах Николаеве и Севастополе, на общих основаниях, установленных в местах, для постоянного жительства евреев определенных, но без распространения на них существующих в Николаеве и Севастополе льгот.

Примечание. Право сие не распространяется на евреев, состоящих под следствием, судом или под надзором полиции, равно как и на тех, кои опорочены судебным приговором или оставлены по суду в подозрении.

2. Переселяющиеся в означенные выше города евреи могут переходить туда с членами своих семейств, в одном с ними капитале записанными.

3. Евреям, переходящим в купечество сих городов, дозволяется иметь необходимое число приказчиков, конторщиков и сидельцев из евреев же, по собственному их в том усмотрению, соответственно кругу и свойству производимой торговли и промышленности, с соблюдением в отношении означенных людей правил, постановленных о приказчиках в Своде учреждений торговых, и с тем при том, чтоб они, по управлению или наблюдению за подрядами, поставками и всякого другого рода предприятиями, а равно и по откупам, отнюдь не употребляли там, кроме своих приказчиков, сторонних евреев. Независимо от сего для постоянных домашних услуг дозволяется иметь: купцам 1-й и 2-й гильдии четырех, а 3-й гильдии – двух обоего пола слугителей из евреев, на каждое семейство.

Примечание. Относительно приказчиков, конторщиков, сидельцев и домашней прислуги наблюдается, чтобы они так же, как выше постановлено о самых хозяевах, не состояли под следствием, судом или надзором полиции и не были опорочены судебным приговором или оставлены по суду в подозрении.

4. Иногородним евреям фабрикантам, заводчикам и купцам всех трех гильдий дозволяется: а) приезжать в Николаев и Севастополь на ярмарки, для производства торговли на общем основании, и б) вступать по означенным городам в подряды, поставки и откупа, отнюдь не употребляя по управлению или наблюдению за оными, кроме своих приказчиков, сторонних евреев. В отношении же нужных им приказчиков, конторщиков и сидельцев они обязаны руководствоваться вышеизложенным 3-м пунктом, а в отношении домашних слугителей статьею 1496 Свода Зак. о сост., Т. IX, изд. 1857 г., соответственно коей дозволяется, во время пребывания в Николаеве и Севастополе, иметь купцам 1-й и 2-й гильдии двух, а купцам 3-й гильдии – одного слугителя.

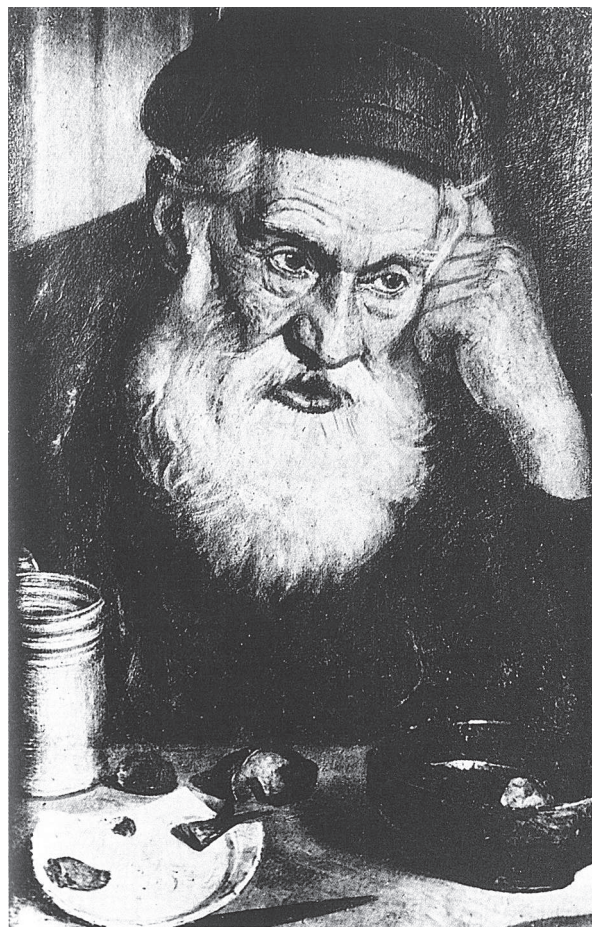
5. Молодым евреям дозволяется приезжать в Николаев и Севастополь как для усовершенствования в ремеслах, так и для обучения ремеслам, а равно фабричному и заводскому производству, по формальным на то условиям с мастерами, фабрикантами и заводчиками и с соблюдением правил по сему предмету, изложенных в Ремесленном уставе и Уставе о паспортах;

6. Всем евреям окрестным жителям как Николаева и Севастополя, так и других городов, в черте оседлости евреев находящихся, дозволяется приезжать в Николаев и

Севастополь в обыкновенные торговые и базарные дни, для производства там торговли, на общем основании, всякого рода припасами, также сельскими произведениями, рукоделиями и изделиями и предметами торговли свободной для всех состояний в государстве» [407, с. 918-919].

Не записанным в гильдии и цехи купцам и мещанам (ремесленникам) «ни в коем случае не разрешалось проживать в Николаеве и заниматься ремеслами в своих заведениях, хотя бы они имели установленные свидетельства на звание мастеров» [506]. Надзор за соблюдением правил поселения евреев в Николаеве был возложен военным губернатором Г.И. Бутаковым на городскую Думу и полицию, которые тут же принялись «крайне эффективно» осуществлять свои новые полномочия, причиняя тем самым переселяющимся евреям множество затруднений, возводя искусственные преграды.

По требованию ремесленной управы, Думы и полиции Г.И. Бутаков 17 сентября 1859 г. распорядился, чтоб евреи, желающие поселиться в Николаеве, предварительно записывались в гильдии городов черты оседлости, а потом переезжали в Николаев. Даже при исполнении всех требований при поселении в Николаев Дума и ремесленная управа создавали новые препятствия. Причиной такому отношению была конкуренция. 24 апреля 1860 г. Герц Фельдман, Хаим Гринштейн и Зельман Фельдман жаловались, что, несмотря на их присягу выполнить все пункты ремесленного устава, ремесленная управа не разрешает им заниматься своим ремеслом.

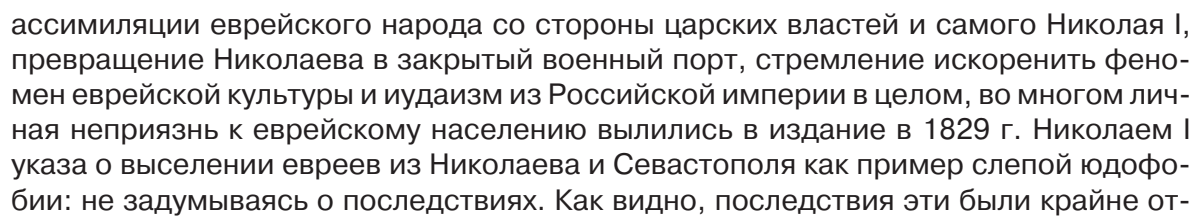
Скудный ужин (с картины И. Пэна)

Два дня спустя Янкель Табак писал, что пока он объявил свой капитал в г. Херсоне, где имел постоянную оседлость, ремесленная управа до того усилила свое давление, что уже не только невозможно открыть мастерскую дамского портного, но и вовсе нельзя заниматься этим ремеслом.

Таким образом, видим довольно вольное толкование местными властями положений нормативных актов высшего уровня и неоднозначное отношение к еврейским ремесленникам, селящимся в городе после официального выведения Николаева из черты еврейской оседлости.

Однако, несмотря на все препятствия и трудности, еврейская община города начинает свое второе развитие. Так, к концу 1859 г. в Николаеве еврейское население насчитывало 90 мужчин и 96 женщин. А в 1861 г. их было уже 338 мужчин и 270 женщин [506]. Дальнейшими указами (1860-1866 гг.) были ликвидированы все ограничения на право проживания евреев в Николаеве, однако официально город не был включен в черту оседлости.

Таким образом, желание скорейшей

ассимиляции еврейского народа со стороны царских властей и самого Николая I, превращение Николаева в закрытый военный порт, стремление искоренить феномен еврейской культуры и иудаизм из Российской империи в целом, во многом личная неприязнь к еврейскому населению вылились в издание в 1829 г. Николаем I указа о выселении евреев из Николаева и Севастополя как пример слепой юдофобии: не задумываясь о последствиях. Как видно, последствия эти были крайне отрицательными для города. Выселение евреев из Николаева крайне негативно отразилось не только на положении евреев, но и на самом городе, его экономике и благосостоянии. Более того, это выселение было, как оказалось, абсолютно невыгодным для Черноморского флота и казны империи.

Выселение большей частью коснулось наименее состоятельной части еврейского населения Николаева и повлекло еще большее ухудшение его положения, а зачастую – полное разорение.

Огромную роль в осуществлении выселения евреев из Николаева играли местные власти. Очевидно, что при более-менее лояльном отношении к евреям выселение неоднократно откладывалось на различные сроки, в город возвращались евреи, необходимые для его нормального экономического развития, допускалось нелегальное проживание евреев в Николаеве. И наоборот: юдофобские настроения местной власти были причиной реализации указа о выселении репрессивными полицейскими методами, способствовали максимально скорому и «эффективному» выселению.

Период изгнания евреев из Николаева с 1829 до начала 60-х годов стал периодом упадка городской экономики, застоєм в его развитии. И лишь с приходом на престол Александра II ограничения на проживание евреев в Николаеве постепенно снимаются. В город возвращались необходимые ему капиталы и мастера. Это стимулировало возрождение города, превращение его в значительный экономический центр Российской империи, один из наиболее известных экспортных коммерческих портов России.

ЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ НИКОЛАЕВА ВО II ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

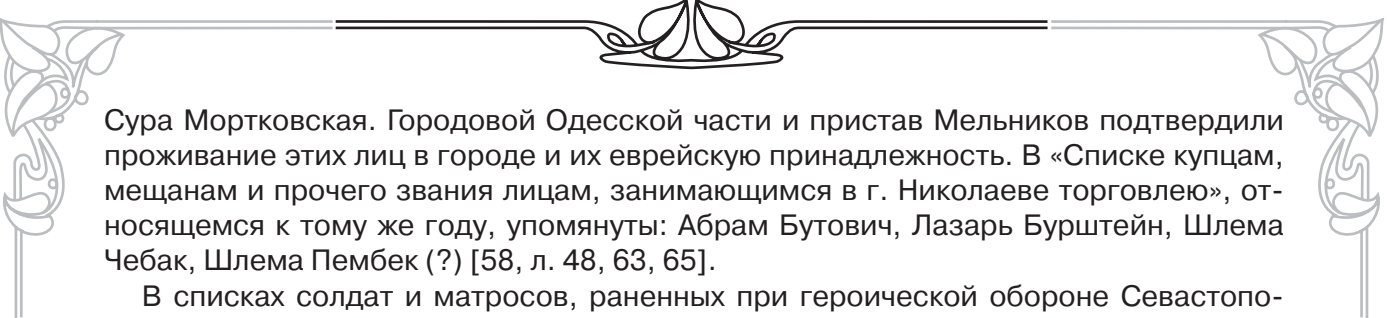
Возвращение евреев

В середине XIX в. продолжали действовать положения указа 1829 г. о запрете на проживание «неслужащих» евреев в г. Николаеве. Местные власти строго следили за их соблюдением.

Одной из немногих еврейских семей, которые, в нарушение запретов, не покидали город, была семья купцов-подрядчиков Рафаловичей, но они не могли быть приписаны к николаевскому купечеству и числились кишиневскими купцами. Фамилия Рафаловичей не упоминалась в списках купцов, проживавших в городе за 1851 и 1853 гг. [57, л. 12-13; 58, л. 44-45]. Очевидно, это было сделано намеренно, дабы не раздражать вышестоящее начальство. Рафаловичи же именно в эти годы выполняли крупные подряды морского ведомства, осуществляя на приватной Спасской верфи строительство самых больших кораблей для Черноморского флота. Внучка Рафаловича Ф. Морейнис-Муратова в своих воспоминаниях указывает, что Рафалович «...в то время, когда не допускалось проживание евреев в этом городе, имел право приписывать к себе служащих и рабочих евреев и приписал таким образом несколько сот человек», к числу которых относился и ее отец. Документального подтверждения этому утверждению пока найти не удалось, но исключать такую возможность не следует. Единственное, что в приведенном фрагменте вызывает сомнение, это указанное количество приписанных евреев. Как нам кажется, в лучшем случае речь могла идти о нескольких десятках человек [435, с. 160].

Большинство среди немногочисленных евреев, проживавших в Николаеве к середине XIX в., составляли «нижние чины», служившие на флоте и в учреждениях военно-морского ведомства (мастеровые ластовых команд), а также члены их семей. В 1857 г. из 37703 жителей города евреи составляли 133 человека (0,4%). Одним из редких свидетельств того, что среди николаевских мастеровых были евреи, семьи которых проживали в городе, является сохранившееся архивное дело об избииении в 1851 г. неизвестными лицами мастерового Меира Кулика, в результате чего он три дня провел в госпитале. Упоминается супруга пострадавшего, обратившаяся в полицию. Никаких упоминаний о том, что инцидент произошел на почве этнической или религиозной неприязни, в деле нет [190].

В «Списке мещанам, торгующим на Привозной площади..., с коих следует взискать в пользу города», составленном в 1853 г., упомянуты: жена мастерового Лия Шифман, жена отставного солдата Табака, еврейка Лиза (?) Погорелова, еврейка

Сура Мортковская. Городовой Одесской части и пристав Мельников подтвердили проживание этих лиц в городе и их еврейскую принадлежность. В «Списке купцам, мещанам и прочего звания лицам, занимающимся в г. Николаеве торговлею», относящемся к тому же году, упомянуты: Абрам Бутович, Лазарь Бурштейн, Шлема Чебак, Шлема Пембек (?) [58, л. 48, 63, 65].

В списках солдат и матросов, раненных при героической обороне Севастополя, которых доставляли специальными транспортом в николаевские госпитали на протяжении апреля-августа 1855 г., мы насчитали 15 евреев. Среди них Хаим Болштай, Шмуль Шварц, Ицка Трейгер, Хаим Кислер, Мошка Шинфельд и др. [420]. Так как ранения, в основном, были достаточно тяжелыми, вполне возможно, что часть из них умерли и были похоронены в двух общих могилах, сохранившихся на старом николаевском некрополе, или на старом еврейском кладбище, не сохранившемся до наших дней.

В том же году имел место эпизод, связанный с временным пребыванием в Николаеве достаточно большой группы евреев. 4 августа 1855 г. Херсонский губернатор сообщал Николаевскому военному губернатору о том, что направляется «из Минской губернии для поселения в Новороссийском крае партия евреев из 76 душ». Путь их следования будет проходить через Николаев. Предписывалось обеспечить их ночлегом, «необходимыми пособиями» и медицинской помощью. 16 августа николаевской полиции по этому поводу было отдано соответствующее распоряжение [187].

Запреты на проживание «неслужащих» евреев продолжали действовать, семьям служащих нижних чинов проживание в городе разрешалось, выходя же в отставку, они обязаны были покинуть город вместе с семьей. В этой связи, представляет интерес эпизод, произошедший в 1857 г. 29 апреля Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор А.Г. Строганов просил Николаевского военного губернатора сообщить через него министру внутренних дел (такая сложная субординация необходима была потому, что Николаевский военный губернатор подчинялся только морскому ведомству и не был подотчетен МВД), может ли быть разрешено пребывание в Николаеве жены отставного мастерового Мендли (Мильды) Берман. Предварительно в канцелярию губернатора было подано ее прошение на разрешение проживания в Николаеве в связи с тем, что она еще не завершила продажу собственного дома. В ответ губернатор Г.И. Бутаков сообщал, что, согласно высочайшему постановлению о запрещении пребывания евреев в Николаеве, прошение М. Берман не может быть удовлетворено. Далее, с нескрываемым раздражением, адмирал пишет: «Берманова не может оставаться в Николаеве и потому, что при высылке отсюда евреев делались им неоднократные отсрочки для распродажи имущества и устройства дел их, после чего все евреи уже выехали, одна Берманова не воспользовалась этим» [196, л. 1-7]. Очевидно, дом так и не был продан, т.к. в 1860 г. семья Берманов вновь появилась в Николаеве.

Администрация следила за тем, чтобы евреи-ремесленники не нарушали запретов на проживание в городе, но иногда довольно снисходительно решала вопросы в их пользу, особенно когда речь шла о недобросовестной конкуренции. К примеру, 11 ноября 1850 г. цеховой мастер В. Сорокин пожаловался военному губернатору М.П. Лазареву на то, что Ицка Бурт и Мошка Гафтер незаконно занимаются золотошвейными и шмуклерскими* работами, отбивают у него клиентов; причем, один из них живет в Варваровке, а другой – в городе на постоялом дворе. Началь-

* Шмуклерство – изготовление шнуров, кистей и др. для украшения одежды.

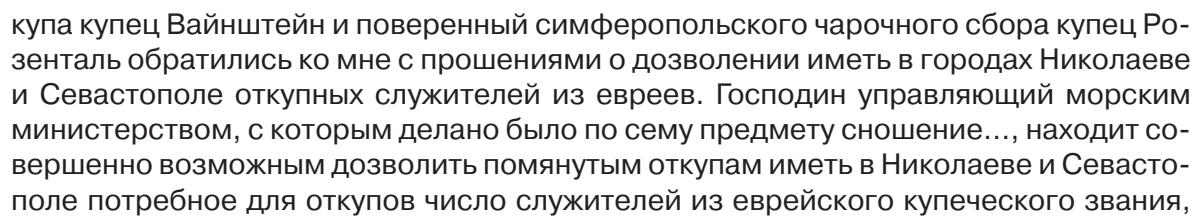
ник городской полиции, производивший проверку жалобы, доложил, что оба еврея «...имеют постоянное жительство в Одесского уезда местечке Варваровка, откуда они временно приходят в город для взятия себе работ». Никакого нарушения в их действиях проверявший не усмотрел [186].

2 августа 1857 г. ремесленная управа подала жалобу в городскую Думу, в ней говорилось: «Проживающие в селении Варваровке на Одесской земле вольные евреи часто, без дозволения начальства, тайно приходят в город, берут на дом у разных лиц работу..., чем николаевских ремесленников лишают заработков, с тем делают ощутительный подрыв в ремесле и самом жизненном существовании» [187, л. 1]. Ремесленники требовали запретить деятельность «вольных евреев» в пределах города. Городская Дума отнеслась к жалобе позитивно, но особых мер так и не приняла.

В июле 1859 г. Николаевская ремесленная управа, по поручению портновского цеха, обратилась к военному губернатору с просьбой запретить евреям, не имеющим права проживания в городе, заниматься здесь портняжными работами. К прошению был приложен список. Мастера портновского цеха писали: «Означенные евреи ходят по домам и забирают работы, чрез что мы, цеховые мастера, не в состоянии уплачивать требующихся цеховых и других потребностей и содержать свои заведения и даже лишены возможности иметь для себя семейное дневное пропитание». 27 июля того же года исполнявший обязанности военного губернатора Г.И. Рогуля дал распоряжение полиции о высылке из города «вольных евреев», занимавшихся портняжным промыслом. Неизвестно, было ли исполнено его распоряжение, но 4 сентября 1859 г. из ремесленного портновского цеха поступила докладная записка военному губернатору Г.И. Бутакову. В ней говорилось, что несмотря на распоряжение о высылке, «...не известно нам почему, упомянутые евреи не только не уменьшаются, напротив, еще прибавляются, стесняют в найме квартир и изыскании пропитания, а также и содержании заведений и, проживая таким образом безгласно, не выполняют никаких городских и цеховых повинностей». Вновь предлагалось выслать их из города, но на сей раз позиция мастеров была более толерантной. Они предлагали не высылать тех евреев, которые пожелают записаться в цех мастерами и подмастерьями. При этом давалась ссылка на мнение Государственного Совета от 29 июня 1859 г., гласившего: «Иногородним евреям – фабрикантам, заводчикам и купцам всех трех гильдий дозволяется приезжать в Николаев и Севастополь на ярмарки для производства торговли на общем основании и вступать по означенным городам в подряды поставки и откупа» [197, л. 1-2. 8-9, 17]. В данном случае ремесленников едва ли можно было приравнять к фабрикантам и заводчикам.

В феврале 1859 г. интендантство Черноморского флота обратилось к военному губернатору с просьбой разрешить компании из четырех херсонских и одесских евреев-купцов и их приказчикам, купившим с торгов старые суда, временное проживание в Николаеве до окончательной разборки этих судов (всего 24 корабля). 13 марта губернатор Г.И. Бутаков сообщил, что «...согласен допустить временное пребывание в Николаеве еврейским купцам... и их приказчикам, но только в самом необходимом числе тех и других и на сроки, какие нужны будут для выполнения их обязательств перед казною». 8 июня военный губернатор сообщил, что евреям было разрешено пребывание в городе не более трех месяцев, поэтому «купленные ими суда могут они разбирать лишь в гавани за чертою г. Николаева» [198].

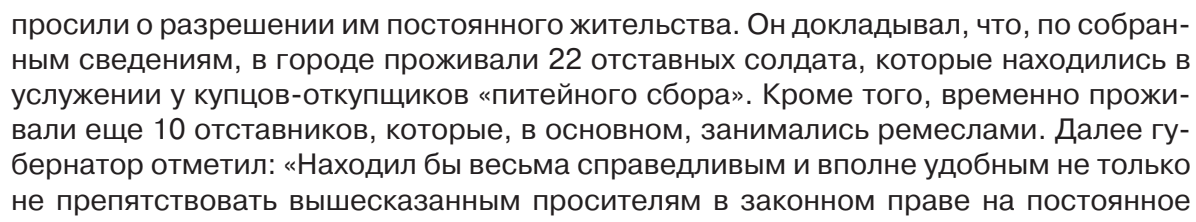
28 апреля 1859 г. министр финансов направил Николаевскому военному губернатору письмо следующего содержания: «Содержатель херсонского чарочного от-

купа купец Вайнштейн и поверенный симферопольского чарочного сбора купец Розенталь обратились ко мне с прошениями о дозволении иметь в городах Николаеве и Севастополе откупных слугителей из евреев. Господин управляющий морским министерством, с которым делано было по сему предмету сношение..., находит совершенно возможным дозволить помянутым откупам иметь в Николаеве и Севастополе потребное для откупов число слугителей из еврейского купеческого звания, ограничив это дозволение, если настоит надобность, пятью человеками для каждого сбора». По этому поводу военный губернатор Г.И. Бутаков в письме морскому министерству отметил, что не имеет возражений, учитывая то, что «...испрашиваемая данными откупам мера есть сама по себе лишь временная». Таким образом, первыми евреями-купцами, которым официально разрешили заниматься коммерцией в Николаеве, оказались откупщики казенной торговли спиртными напитками, в чем евреи имели большой опыт, достойно оцененный казной. Любопытно, что в данном случае оба министерства явно действовали в обход императорского указа 1829 г. и превышали свои полномочия. Более интересными представляются рассуждения, высказанные Г.И. Бутаковым в конце упомянутого письма. Он писал: «К этому я считаю долгом присовокупить, что при нынешних обстоятельствах оказывается уже нужным разрешить вопрос о дозволении всем евреям, кто из них пожелает, свободного жительствова в гг. Николаев и Севастополь, и на сем основании я собираю некоторые по этому предмету сведения, дабы вслед за сим внести особое представление г. управляющему морским министерством, независимо от настоящего» [208, л. 4, 10]. Под «нынешними обстоятельствами» губернатор имел в виду экономический упадок, в котором находились оба города, что было последствием поражения России в Крымской войне, последовавшими за этим ликвидацией Черноморского флота и прекращением строительства военных кораблей. Разрешение на жительство в этих городах евреям, по мысли администратора, должно способствовать оживлению в них экономической жизни, увеличению собираемости налогов и городских сборов.

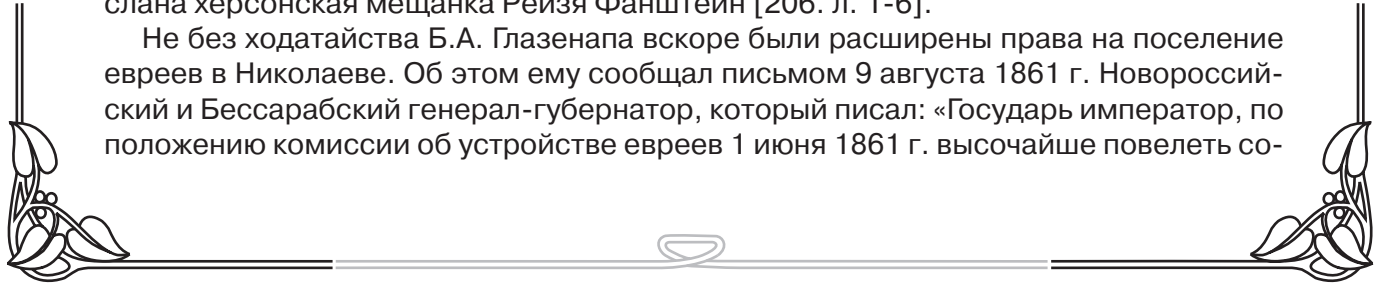
Не удалось выяснить, успел ли Г.И. Бутаков подать в морское министерство обещанное «особое представление», но правительственным постановлением от 29 июня 1859 г., утвержденным императором (т.е. получившим силу закона), разрешено проживание в Николаеве купцам-евреям, а местным властям предписано контролировать, чтобы те были зарегистрированы по цехам и гильдиям. В связи с этим 17 сентября того же года военный губернатор отдал распоряжение городской Думе и полиции строго следить за тем, чтобы евреи не нарушали правил поселения в городе. В связи с тем, что Николаевская ремесленная управа, а за нею Дума и полиция отказывались регистрировать прибывающих евреев, губернатор распорядился, чтобы, евреи, желающие поселиться в городе, предварительно записывались в гильдии и цеха тех местностей, откуда они прибывали. Впрочем, названные местные органы продолжали чинить препятствия прибывавшим евреям, стремясь устранить их из местной торгово-ремесленной деятельности как потенциальных конкурентов. К примеру, 25 апреля 1860 г. херсонские мещане Герш Фельдман, Хаим Гринштейн, Зельман Фельдман и Марк Гольденберг жаловались военному губернатору на то, что они просили «...здесьнюю ремесленную управу записать нас в цех временно, на срок наших паспортов, с тем, что мы обязываемся выполнять все правила в Ремесленном Уставе изложенные, но она ни производить нам здесь ремесло, ни обучать других не дозволяет» [197, л. 29-30].

11 апреля 1860 г. Б.А. Глазенап направил рапорт на запрос Морского министерства по поводу проживания в городе отставных нижних чинов из евреев, которые

просили о разрешении им постоянного жительства. Он докладывал, что, по собранным сведениям, в городе проживали 22 отставных солдата, которые находились в услужении у купцов-откупщиков «питейного сбора». Кроме того, временно проживали еще 10 отставников, которые, в основном, занимались ремеслами. Далее губернатор отметил: «Находил бы весьма справедливым и вполне удобным не только не препятствовать вышесказанным просителям в законном праве на постоянное жительство в г. Николаеве, но и распространить это право и на других желающих проживать здесь или в иных местах, – в той степени и настолько, насколько могут лишь позволить соображения высшей администрации. К этому я считаю обязанности почтительнейше присовокупить..., что по отзыву здешней градской полиции, со времени дозволения купцам-евреям жительство здесь, еще не было ни одного дела, в котором бы отставные солдаты из евреев обвинялись и даже подозревались в нарушении благочиния или других проступках, потому полиция, со своей стороны, не находит препятствия к дозволению им постоянного жительство в Николаеве» [197, л. 44; 508, с. 153-154]. Рассуждения николаевского военного губернатора нельзя не признать достаточно смелыми, тем не менее, рапорт имел положительные последствия. 24 ноября 1860 г. Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор сообщал Б.А. Глазенапу: «Государь император, по положению комитета об устройстве евреев, в 28 день прошлого октября Высочайше соизволил разрешить отставным нижним чинам из евреев постоянное в г. Николаеве жительство, с дозволения местного морского начальства». Позднее было подчеркнуто, что «Означенное право не распространяется на евреев, состоящих под судом и следствием или под надзором полиции, равно как и на тех, кои опорочены судебным приговором или оставлены по суду под подозрением». В связи с этим полицией были собраны сведения о 35 отставных нижних чинах и мастеровых-евреях, которые к этому времени жили в городе. При этом оказалось, что только 24 из них не состояли под судом и следствием и имели «беспорочную службу», каковы были последствия этого расследования – установить не удалось [197, л. 49, 59, 66-71]. Об использовании местной полицией права выдворения из города евреев, «угрожающих общественному спокойствию» свидетельствует рапорт николаевского полицмейстера В.М. Карабчевского от 30 ноября 1860 г. В нем идет речь о ссоре жены отставного рядового Ицки Рольника Лахмана и отставного мастерового Симхи Бермана с женою, «...между коими была обоюдная ссора, вызвавшая затем драку; было предложено, не пожелают ли они миролюбиво прекратить между собою этого дела, на что Бермановы согласились и дали в том подписку, а Хая Лахманова не согласилась и не дала никакой подписки, почему, согласно постановлению полиции, составленному 21 ноября, объявлено Лахмановой и Бермановым, что они, как обоюдно поссорившиеся, потеряли право иска. О немедленном же выселении всех штрафованных евреев сделано должное распоряжение» [202, л. 2]. Аналогичным образом поступили и в другом случае, имевшем место в октябре 1860 г. По приговору гласных городская Дума и магистрат просили полицию выслать из города отставного рядового Мошку Маклера с семьей. Он был уличен в незаконной торговле хлебом и обвесе своих клиентов [196]. В августе 1862 г., по ходатайству городской Думы, за незаконную бакалейную торговлю из города выслана херсонская мещанка Рейзья Фанштейн [206. л. 1-6].

Не без ходатайства Б.А. Глазенапа вскоре были расширены права на поселение евреев в Николаеве. Об этом ему сообщал письмом 9 августа 1861 г. Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор, который писал: «Государь император, по положению комиссии об устройстве евреев 1 июня 1861 г. высочайше повелеть со-

Генералъ-Адмиралъ Глазенапъ

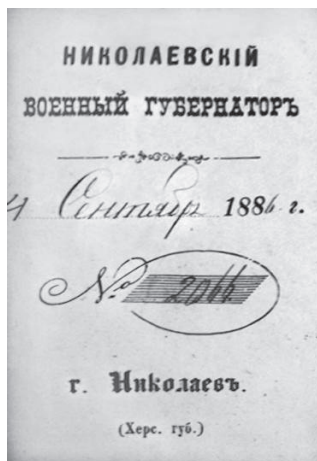
Автограф адмирала Б.А. Глазенапа

изволил: дозволяется заниматься в городах Николаеве и Севастополе производством ремесел как на правах иногородних лиц, так с правом водворения в них». 29 августа того же года исполнявший обязанности Николаевского во-

енного губернатора Г.И. Рогуля в письме к городской управе изложил содержание Высочайшего повеления, добавил: «О таком Высочайшем повелении... даю знать городской Думе для зависящего распоряжения» [57, л. 17; 187, л. 73]. Этим разрешением попытались воспользоваться еврейские колонисты, занимавшиеся ремеслами, но на их прошение по этому поводу Б.А. Глазенап сообщил 3 ноября 1861 г., что в указе императора идет речь только о ремесленниках-мещанах, о колонистах же ничего не сказано. Он предложил Новороссийскому генерал-губернатору самостоятельно принять постановление по этому поводу, добавив, что не видит препятствий для положительного решения вопроса [197, л. 78].

Б.А. Глазенап проявлял редкую последовательность, добиваясь полной отмены всех запретов на проживание евреев в Николаеве. В январе 1865 г. в письме к военному министру он отмечал, что постоянное жительство в городе пока разрешено только лицам, занимающимся ремеслом, торговлей и отставным нижним чинам, остальным же евреям-мещанам проживать в городе запрещено. Далее он писал: «Какими бы соображениями правительство ни руководствовалось при ограничении местожительства евреев в империи вообще, я полагаю, что соображения эти едва ли могут требовать ограничения прав одного только мещанского сословия в городе Николаеве... Не находя со своей стороны никакой причины к такому ограничению, я, напротив, думаю, что разрешение евреям-мещанам, хотя бы и не ремесленникам, свободного жительства в Николаеве имело бы благоприятные последствия для этого города, уменьшая постоянно растущую дороговизну на предметы первого потребления, происходящую главнейше от недостатка конкуренции в торговле и в занятиях мещанскими промыслами вообще». Запрещение приводит к тому, что многие евреи селятся в окрестных деревнях и местечках, «...под предлогом временного пребывания, посещая этот город, производят в нем различную торговлю, избавляясь с тем вместе от платежа как казенных, так и городских сборов». Автор просил министра ходатайствовать перед императором «соизволения на дозволение всем без исключения евреям-мещанам иметь жительство и постоянную оседлость в городе Николаеве» [187, л. 152].

Мнение военного губернатора было воспринято позитивно и Высочайшим указом от 26 марта 1866 г. все ограничения на постоянное проживание в городе Николаеве евреев были сняты.

Угловой штамп и печать Николаевского военного губернатора

Метрическая регистрация евреев

Одной из главных функций сначала старой, а затем хоральной синагоги была регистрация еврейского населения. Метрические книги велись казенным раввином. В еврейских метрических книгах, форма которых была законодательно установлена в 1835 г. и оставалась без изменений до 1917 г., фиксировались такие данные: «а) обрезание всякого младенца мужского пола и наречение имени младенца женского пола с означением их родителей и дня рождения... б) всякое бракосочетание и всякий развод, с означением имен и прозваний, лет и состояния заключающих или расторгающих супружество и бывших при том свидетелей... в) погребение умерших всякого пола и возраста, с означением имен и прозваний, лет, состояния и болезни, от коей умер...». Для регистрации всех упомянутых данных ежегодно заводились по 4 вида метрических книг [406, т. X, № 8054; 496, с. 84]. В докладной записке, поданной 30 июня 1879 г. на имя военного губернатора бывшим Николаевским раввином М. Коганом, сообщалось: «Важность метрических книг с правильным ведением оных, с одной стороны, и случаи злоупотребления при ведении их, с другой, известны всякому. Эти книги... ведутся раввинами в двух экземплярах и пишутся на еврейском и русском языках, а по окончании каждого года представляются на поверку в городские управы. Между тем, в этих управах очень часто вовсе нет члена из евреев, который мог бы поверять вместе и упомянутые еврейские статьи книг, по закону одинаково обязательные с их параллельными русскими статьями» [222, л. 5].

В 1872 г. Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор П.А. Коцебу направил циркулярное письмо на имя Николаевского военного губернатора. В нем особо подчеркивалось: «...общественные молитвы, а также обряды их веры, могут быть совершаемы только в синагогах и молитвенных школах. Никакие другие лица, кроме утвержденных правительством раввинов и помощников их..., не имеют права исполнять религиозные обряды евреев. Виновные в нарушении приведенных правил подвергаются ответственности...», далее речь шла о том, что действующее законодательство «...вменяет раввинам, между прочим в обязанность наблюдать, чтобы бракосочетание приезжих евреев было допускаемо не иначе, как с письменного дозволения раввина того города или селения, к коему вступающие

в брак принадлежат, каковое дозволение должно быть засвидетельствовано местным полицейским начальством. Между тем, по вверенному управлению моему краю замечено, что приведенные законоположения не соблюдаются. Так, например, случается, что для совершения брака 10 евреев собираются в каком-либо доме и один из них совершает обряд. Хотя подобные браки... признаются незаконными, но брачующиеся, присваивая им значение обряда, правильно совершенного, пользуются ими нередко для достижения преступных целей... Считаю нужным обратить на этот

Семейная фотография нач. XX в.
(Музей Николаевского общества
еврейской культуры)

предмет особенное внимание Вашего Превосходительства, я прошу Вас, милостивый государь, строго внушить, чрез кого следует раввинам и их помощникам... необходимость точного соблюдения установленных законом правил относительно совершения молитв и религиозных обрядов и, вместе с тем, обязанность их неуклонно содействовать местным властям в обнаружении и преследовании установленным порядком нарушителей закона» [217, л. 1-3]. О том, что подобные случаи имели место и в Николаеве, свидетельствует докладная записка, поданная городовым раввином военному губернатору 9 августа 1900 г. В ней говорилось: «Некая госпожа Песя Корфман, вышедши замуж в Николаеве в 1886 году и находящаяся фактически в разлуке со своим мужем с 1890 года, обратилась с прошением на высочайшее имя о расторжении ее брака и разрешении ей вступить в новый брак. Прошение ее, как видно из приложенного при сем, оставлено без последствий. Между тем, означенная Песя Корфман, как видно из представленного мне еврейского брачного акта, тайно обвенчалась с одним евреем в прошлом году, от какового тайного брака на днях родился ребенок мужского пола, о чем мне и заявлено для внесения в метрические записи. Так как ее брак, на основании закона, недействителен и ребенок, следовательно, незаконнорожденный...». Раввин находился в растерянности и не знал, как поступить в данном случае, при этом подчеркивал, что «это первый случай в нашей одиннадцатилетней практике» [95, л. 98, 107].

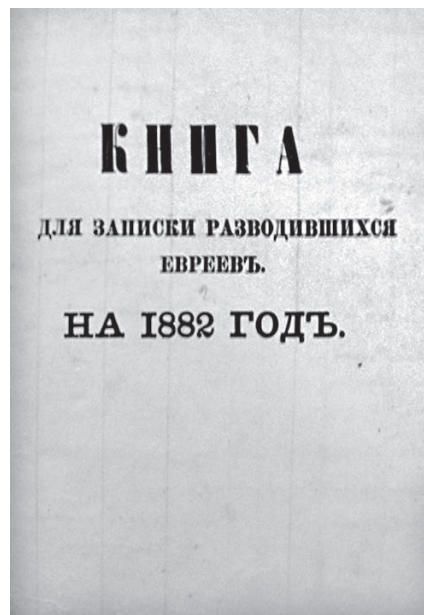
Таблица 5.1.

Статистика браков, заключенных между евреями по г. Николаеву

Годы	Всего заключено браков	В т.ч. еврейских	%	% еврейского населения в городе	Браков на 1 тыс. еврейского населения
1870	523	43	8,1	9,2	8,9
1880	597	87	14,6	15	9,2
1895	597	151	25,2	18,7	10,3
1897	621	130	20,9	18,9	8,4
1898	675	127	18,8	19,2	8,1
1902	700	162	23,1	20,06	8,2
1903	804	192	23,9	20,05	9,6
1906	985	173	17,6	19,2	8,9
1908	794	130	16,4	19,3	6,6
1912	1003	179	17,8	19,1	8,6
1913	1087	148	13,6	18,9	8,5
1914	1014	151	14,9	18,1	7,1

[294, л. 3, 5, 24; 295, л. 25, 31, 53; 346, 355-357, 360-368]

Как показывают данные таблицы, процентное соотношение еврейских браков, как правило, было близко к показателю доли еврейского населения среди жителей города, но в 1895-1897 гг. и в 1902-1903 гг. первый показатель достаточно значительно превысил второй, в дальнейшем соотношение между ними оставалось противоположным. Показатель численности заключенных браков на 1 тыс. еврейского населения сохранял относительную стабильность на протяжении конца XIX и первых лет XX вв., достигнув наивысшего показателя в 1895 г., но, начиная с 1908 г., наблю-

Метрическая книга записи разводов евреев

далось снижение показателя, что, в определенной мере, можно объяснить усиливавшимся среди еврейского населения ощущением нестабильности, связанным с регулярными попытками выселения евреев из города, которые предпринимались в этот период властями. Самый низкий показатель наблюдался в 1906 г., что было своеобразной шоковой реакцией на погромные события 1905 г.

Нам показались наиболее интересными для характеристики семейных отношений «Книги для записи разводов между евреями г. Николаева». При анализе этих книг нельзя не обратить внимание на то, что число разводов было небольшим и относительно стабильным, несмотря на достаточно быстрый прирост еврейского населения в городе, оно колебалось от 18 (1883 г.) до 33 (1891 г.), незначительное возрастание наблюдалось в начале XX в.: в 1903 г. – 39, в 1904 г. – 37, в 1906 г. – 40. Причина развода формулировалась раввином по собственному усмотрению, и в период 1880-1890 гг. в боль-

шинстве случаев в качестве причины стандартно указывалось «по ненависти», что едва ли соответствовало истине. В последующее десятилетие формулировки причин становятся более мягкими. Чаще всего указывалось «по семейному несогласию супругов», иногда причиной являлась «неуживчивость супругов», «нежелание продолжать семейную жизнь», изредка встречается запись «развод по причине бездетности», только один раз (за 26 лет) зафиксирован развод «по причине принятия другой веры» (супруг принял христианство). Согласно нормам еврейского семейного права, развод регистрировался не только между супругами, находящимися в браке, но и между обрученными, которые только собирались вступить в брак. В этих случаях формулировки причин были более разнообразны, чаще всего указывалось: «неуживчивость, препятствующая вступлению в законный брак», «нелюбовь» или «друг друга не любят», «нерасположение обрученных», «по взаимному согласию». Наиболее интересными представляются случаи разводов, связанных с традицией левирата*. За 1880-1890 гг. из общего числа 219 разводов было только 4 случая развода через халицу**. В качестве причины в таком случае указывалось: «по закону веры», «по обычаю» или «по случаю смерти мужа бездетным». Стандартная регистрационная запись в таком случае могла выглядеть таким образом: «Зелик Пышнов разводит через халицу бывшую жену умершего бездетного брата его Хайкеля Пышнову Суру». За последующие 16 лет (1891-1906 гг.) было зарегистрировано 393 развода, но не встречается ни одного случая применения халицы. При этом выявлено 13 случаев развода, где причиной указывалась «болезнь мужа» или «болезнь одного из супругов» (за предшествовавшее десятилетие таких разводов было только 4). Причина выглядит достаточно странной, т. к. в еврейской Традиции болезнь супруга не является поводом для развода. Ситуация проясняется тем, что в одном

* Левират (левиратный брак) – обычай, согласно которому бездетная вдова умершего старшего брата становилась женой младшего или ближайшего родственника по линии мужа. Левират не действовал, если у вдовы оставались дети от умершего супруга.

** Халица – традиционный обряд расторжения левиратного брака, производился с согласия нового мужа и считался оскорбительным.

из указанных случаев записано: «Болезнь мужа, чтобы избавить жену от халицы». В отдельных случаях под записью о разводе раввином делалась приписка примерно такого содержания: «Развод условный, на случай смерти мужа в течение 6 месяцев, считая с 27 апреля 1905 г.», далее приписка: «Развод стал действительным со дня его совершения по случаю смерти мужа, умершего 2 июня 1905 г.». Один из таких разводов был зарегистрирован даже через 2 недели после смерти мужа. Совершенно очевидно, что данная категория разводов была вызвана стремлением избежать вступления в силу традиции левирата и обряда халицы.

Развод. 1907 г.
(с картины И. Пэна)

на стремлением избежать вступления в силу традиции левирата и обряда халицы. В этом случае вдова была свободна в случае, если она пожелает вторично вступить в брак [322-325; подробнее об этом см. 574].

В ведении метрических книг иногда допускались нарушения. Одно из самых значительных нарушений – несвоевременная запись проведенных актов, было обнаружено военным губернатором Н.А. Аркасом в 1878 г., за что раввину М. Волкенштейну было сделано строгое внушение. Были и другие нарушения, которые обнаруживались по прошествии многих лет. Чаще всего они касались ошибок и упущений при регистрации новорожденных. Так, в 1888 г. раввин А. Розенберг просил военного губернатора разрешить «внести в метрическую книгу о родившихся в 1878 году евреев в г. Николаеве дополнительным актом пропущенного акта о рождении у купца Остринского дочери Шейны-Годес». 1 марта 1889 г. от мещанки Баси Кругляк поступило прошение, в котором она писала: «20 февраля 1886 г. родился у меня сын, над которым своевременно, по обряду еврейкой веры, был совершен обряд обрезания и..., как видно из прилагаемого при сем удостоверения Николаевского городского раввина... оказывается, что акт о его рождении по метрической книге пропущен. Не желая скрывать от власти состав моего семейства, имею честь просить о наведении полицией дознания о верности моего показания, чтобы затем внести моего сына Самуила в метрическую книгу». В обоих случаях, в результате полицейского дознания справедливость была восстановлена. Но такой благополучный исход следовал не всегда. В 1888 г. мещанин Абрам Хаимович Шифман жаловался военному губернатору на то, что его сына Давида не приписывают к призывному участку для отбывания воинской повинности, т.к. он не может получить метрического свидетельства о дате рождения от раввина, потому что «он пропущен в метрических книгах о родившихся по городу Николаеву», т.е. по какой-то причине не была сделана метрическая запись о рождении. По данному случаю также было назначено полицейское дознание, по результатам которого 19 июля 1890 г. военный губернатор сообщил: «Ввиду того, что факт рождения у гомельского мещанина Абрама Шифмана сына Давида дознанием полиции не подтвержден, ходатайство его оставлено без последствий» [235, л. 1, 23; 239, л. 1, 23].

В метрической книге родившихся евреев за 1902 г. под № 122 зафиксирована

запись о том, что в семье потомственного почетного гражданина Лейвика Залманова Шнеерсона у его жены Ханы 5 апреля родился (обрезание совершено 12 апреля) сын Менахем Мендель, которому в будущем предстояло стать седьмым Любавичским Ребе, одним из наиболее известных евреев XX в. [305, л. 31]

Еврейская демография Николаева

Число евреев среди жителей города достаточно быстро возрастало. В 1859 г. оно составляло 186 чел., в 1860 г. – 328, в 1861 г. – 608 [507, с. 153]. В рапорте городского головы от 10 августа 1862 г. говорилось: «В Николаеве в настоящее время состоит населения еврейского общества всех сословий обоего пола около 600 душ» (более 140 семейств) [205]. Более точные данные приведены в списках евреев, проживавших в городе, которые составлены для военного губернатора в том же году. В «Списке евреев-купцов, записанных в Николаеве и проживающих с их семьями, приказчиками и прислугою» значилось 167 лиц обоего пола. Список ремесленников с семьями состоял из 239 человек. «Список отставным нижним чинам с семьями» включал 387 человек [197, л. 99-127]. Таким образом, в 1862 г. в Николаеве официально постоянно проживали 793 еврея.

В 1870 г. в губернаторстве евреи составляли 6,9% населения.

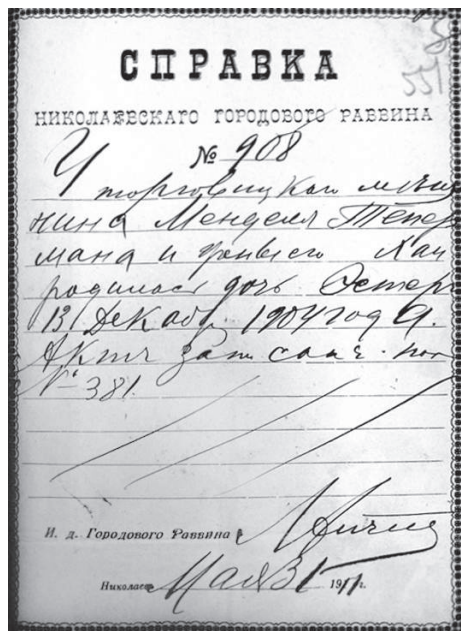
Достаточно быстрый прирост еврейского населения, в определенной мере, способствовал тому, что в 1882 г. Николаев по числу населения значился одиннадцатым городом в Российской империи, к этому времени евреи составляли более 15% его населения [438, с. 2].

Как отмечали составители обзоров Николаевского военного губернаторства и градоначальства, приводимые ими статистические данные не являются точными. Они иногда не совпадают с данными, приводимыми в «Адрес-календарях». В обзоре за 1880 г. указано проживание в городе 9462-х евреев, а согласно данным, собранным полицией в 1881 г., в Николаеве с хуторами проживали 9372 еврея [275, л. 91]. Особенно значительно расхождение данных обзора за 1897 г. и Всероссийской переписи 1897 г., которые заслуживают большего доверия (см. приложение 5, б, 9). Очевидно, в обзорах учтены только евреи, которые были постоянными жителями губернаторства и градоначальства, тогда как в ходе переписи учитывались все, кто фактически проживал в городе на тот момент. В любом случае, приведенные данные позволяют проследить основные тенденции, связанные с приростом еврейского населения.

Как видно из данных таблицы (приложение 5, 23), в 1870 г. еврейское население по всем показателям, кроме соотношения между числом родившихся и умерших уступало общегородским показателям, но через десятилетие картина изменилась в противоположную сторону. При этом нельзя не обратить внимание на то, что за рассматриваемое десятилетие общая численность городского населения возросла на 25,1%, для еврейского населения этот показатель составил 49,3%. В дальнейшем, по мере приближения к началу XX в., показатель еврейской рождаемости постепенно падает, и в 1906 г. он впервые становится ниже общегородского, что, в определенной мере, можно объяснить последствиями погромов 1905 г. В 1908 г. этот показатель вновь оказывается ниже общегородского. В 1912 г. показатели уравниваются, но в последующие годы показатель еврейской рождаемости стабильно значительно меньше общегородского. В целом, показатель рождаемости среди еврейского населения, в основном, имел те же колебания, которые наблюдались и в соответствующем общегородском показателе.

Еврейские семейные фотографии XIX – начала XX вв.
(Из коллекции Николаевского общества еврейской культуры)

Справка Николаевского раввина
о рождении ребенка [290, л. 551]

Сравнивая показатели естественного прироста еврейского населения с его фактическим приростом (приложение 23), можно сделать следующие выводы. В период с 1870 по 1897 гг. фактический прирост значительно превышал прирост естественный. В этом контексте для объяснения динамики роста еврейского населения вполне можно использовать замечание составителей «Обзора Николаевского военного губернаторства за 1897 г.», которые писали: «Увеличение народонаселения г. Николаева в последние 20 лет произошло не только от естественного прироста, а, главным образом, вследствие прогрессивного роста торговли и промышленной деятельности г. Николаева, вызвавших усиленный приток сюда коммерческого и торгового люда» [356, с. 12]. С другой стороны, не следует забывать и об ограничениях на поселение евреев в городе, которые вводились местными властями именно в этот период.

В дальнейшем, в течение 1898-1903 гг. показатели естественного и фактического прироста существенно не различались, что можно считать, с одной стороны, показателем того, что еврейское население становилось все более стабильной частью населения города. Это подтверждается и показателями процента еврейского населения в числе жителей города, в указанный период этот показатель колебался в пределах 19,2-20,06% и выше этого максимума больше никогда не поднимался. Только в 1906 г. показатель естественного прироста превысил прирост фактический (в этом году фактический прирост впервые имел отрицательный показатель на 638 человек). Уже с 1908 г. естественный прирост значительно уступал приросту фактическому, что свидетельствовало о возобновлении еврейской миграции в г. Николаев, которая происходила, несмотря на ограничительные меры со стороны властей.

В таблице нельзя не обратить внимание на показатель смертности на 1 тыс. еврейского населения, который на протяжении всего рассматриваемого периода почти в два раза ниже, чем соответствующий общегородской показатель.

Традиционные еврейские учреждения

Среди традиционных еврейских учреждений в городе была еврейская баня с миквой*. Первая баня была создана еще в 1820 г. В 1899 г. городская управа докладывала: «Еврейская общественная баня с купальнею при ней (миквою)... начата постройкою и окончена, главным образом, на средства коробочного сбора..., начиная с 1 января 1871 г.». В 1884 г. баня была перестроена, она имела 2 собственных колодца, что было важно в связи с постоянной нехваткой воды в городе, а также соответствовало религиозным требованиям по устройству миквы. Доходы от услуг тратились на ремонт и благоустройство. Вероятно, в 80-х гг. баня была сдана в аренду

* Миква (микве) – бассейн для ритуального омовения.

частным лицам, и финансирование ее из средств коробочного сбора не производилось, но с середины 90-х гг. субсидии из коробочного сбора возобновили. Как отмечалось при составлении сметы расходов коробочного сбора в 1895 г., в предыдущий период отчислений для еврейской бани не предусматривалось, но, принимая во внимание, что «...в последние годы баня не составляет, как прежде, предмет частной эксплуатации, а находится в хозяйственном заведовании назначенного управою комитета, который заботится о том, чтобы сделать баню, по возможности, доступной для беднейшей части еврейского населения и соответствующей действительному своему назначению, комитет определил на содержание бани 800 руб. [в год]». В 1903 г. в состав комитета по заведованию еврейской баней входили С. Имас, Б. Закс, П. Рашковский, Д. Рафалович, М. Либих, А. Клейман. Основными источниками ее финансирования были средства от продажи билетов (201-305 руб. в месяц) и поступления из коробочного сбора, которые составляли 1000 руб. в год. За соблюдением правил «кошерства» в микве надзирали раввины Айзенштейн и Яновский [111, л. 30, 34; 242, л. 2; 258. л. 13; 508, с. 284].

Ежегодно к празднику Песаха организовывалась выпечка мацы (опресноков), которая продавалась еврейскому населению города. Пользуясь высоким спросом и монопольным положением, поставщики завышали цены на продукт. Это вызывало недовольство большинства евреев – жителей города. 13 апреля 1891 г. ими была подана жалоба военному губернатору. В ней говорилось, что до 1885 г. изготовление мацы «...было предметом свободного промысла и цены на опресноки взимались произвольные..., означенные неудобства устранены были николаевским

Баня
(гравюра С. Юдовкина)

Домашняя утварь из еврейских семей
кон. XIX – нач. XX вв.

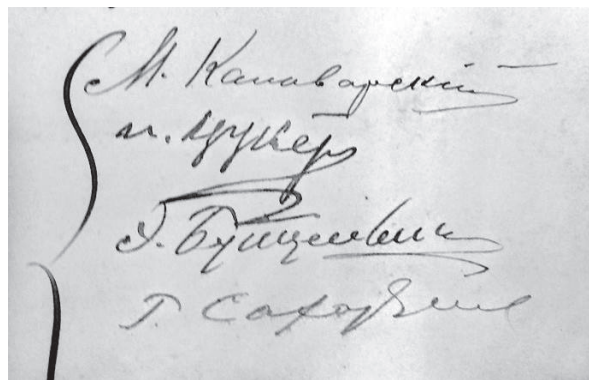
(Музей Николаевского общества еврейской культуры)

купеческим сыном Самуилом Имасом, который... приобрел на собственный свой капитал тестопрокатный станок, инвентарь, муку, заготовлял опресноки, которые продавал потребителям за выгодную цену, а из прибыли, полученной им, Имасом, от означенной операции в размере 1338 руб. 72 коп. пожертвовал в пользу бедных евреев, не имеющих средств к приобретению опресноков... В 1886-1889 гг. операция по изготовлению опресноков, по неизвестной нам причине, перешла в руки николаевского мещанина Берки Закса...» В связи с ростом цен, стали поступать требования установить таксу на продажу мацы – для ограничения произвола монополиста. Далее просители писали: «В настоящем 1891 г. явились в качестве распорядите-

лей по заготовке опресноков николаевские жители Гутман Рашковский, Абрам Кнебельман и Иосиф-Меер Белик, которые установили себе цену за опресноки из муки 3 сорта по 3-3,50 коп, а за 2 [сорта] – по 4,25-4,50 за пуд, не взирая на... дешевизну в настоящем году пшеничной муки, низкие цены за наем рабочих людей... В соседних Одессе, Херсоне и Елисаветграде опресноки самого лучшего 1 и 2 сорта муки продаются по 2,20-2,50 коп за пуд». Николаевские евреи просили администратора «... об установлении на опресноки таксы и разрешении добровольного пожертвования потребителями таковых в пользу бедных евреев, не имеющих средств на приобретение опресноков, отменить налог, существующий на опресноки» [246, л. 1-2]. Реакция военного губернатора на прошение неизвестна.

Еврейское кладбище появилось в городе, вероятно, уже с первых лет его существования. Открытым остается вопрос о том, где оно находилось первоначально. Вероятно, в 50-60-х гг. оно просто возобновилось на том же месте, в районе, который в это время уже называли Пески. Если предположить, что после возвращения евреев в город им было выделено новое место для кладбища, достаточно сомнительным кажется то, что в течение 20 лет оно было бы полностью заполнено. К началу 70-х гг. старое еврейское кладбище оказалось в черте города, к тому же оно уже исчерпало свои возможности. Постановление о его закрытии было принято в 1874 г. Традиционно для еврейских общин в городе действовало религиозно-благотворительное погребальное братство («носители гробов»), которое ведало всеми похоронными делами и отвечало за благоустройство кладбища.

В 1876 г. военный губернатор дал указание об отводе места для нового еврейского кладбища взамен закрытого старого. Земля была выделена «за городской стеною вблизи вокзальной дороги». При этом военный губернатор предложил передать заведование делами кладбища от погребального братства в руки духовного правления хоральной синагоги, поскольку погребальные братства «повсеместно ликвидируются», о чем просили и представители еврейской общины. Предложено разработать временные правила для заведования кладбищем и сформировать состав Комитета заведования еврейским кладбищем. В 1877 г. военный губернатор утвердил членами этого комитета врача Моисея Кальварского, купцов Исаака Ротгольца, Илью Бунцельмана, частного поверенного Григория Сахарзона, отставного унтер-офицера Исаака Цукера [45]. Исполнение обязанностей членами комитета производилось бесплатно. Бессменным казначеем комитета стал Г. Сахарзон. За его подписью составлялись все документы и сметы расходов и доходов, которые направлялись в городскую управу первоначально ежемесячно, позже – ежегодно.

Автографы членов Комитета по заведованию Николаевским еврейским кладбищем

В дальнейшем в документах часто подчеркивалось, что «комитет по заведыванию еврейским кладбищем собственно не благотворительное [учреждение, – В.Щ.], а религиозное..., благотворительная сторона его деятельности заключается в производстве бесплатно за счет прочих его доходов, похорон неимущих» [111, л. 14].

Основными статьями поступления средств были оплата за погребение, за право установки памятников, а также выплаты из коробочного сбора и частные пожертвования. Основными

статьями расходов были затраты на содержание кладбища и оплату труда работников, на исполнение обрядов, на погребение бедняков. Временные правила по заведованию еврейским кладбищем и такса стоимости погребения впервые были утверждены военным губернатором и городской управой в 1877 г. Позднее с изменениями утверждались еще несколько раз. Средства на содержание кладбища и организацию погребений регулярно выделялись из средств коробочного сбора. Согласно отчету «Комитета еврейского кладбища» за 1888-1889 гг. «...всего умерших евреев по Николаеву было 601, из них 191 погребено на свои собственные средства, общество к ним ничего не доложило и ничего не воспользовалось, 298 – всецело на счет общества, а за 112 общество получило плату, начиная с одного до ста рублей. На погребение 298 потребовалось расхода около 1450 рублей». В 1895 г. при обсуждении сметы коробочного сбора на следующее четырехлетие комиссия отметила: «На погребение бедных необходимо оставить прежнюю сумму в 600 руб. Затем, вследствие заявления членов комиссии по заведованию кладбищем и признанной комиссией необходимостью усилить религиозный надзор при похоронах, на каковой предмет... находит нужным ассигновать 500 руб. в год». По отчету за 1901 г. главными источниками поступления средств являлись: оплата за погребение – 2804 руб. и поступления из коробочного сбора «на погребение бедных умерших и содержание кладбища в порядке» – 1399 руб. [43, л. 54; 111, л. 13-14; 258. л. 13].

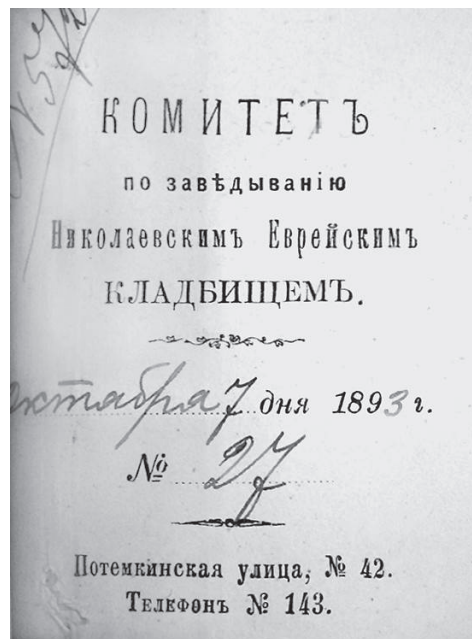
23 июня 1904 г. комитет Николаевского еврейского кладбища ходатайствовал о награждении высочайшей наградой купца Ильи Хаимовича Бунцельмана, который более 11 лет состоял членом комитета и способствовал благоустройству и наведению порядка на кладбище, «за его безвозмездную, полезную и многолетнюю службу». Императорским указом от 17 апреля 1905 г. николаевскому купцу И. Бунцельману пожалована золотая медаль с надписью за усердие на станицах Таврической губернии [48, л. 32, 32].

На закрытом старом кладбище постоянно дежурил сторож. В 1903 г. в городской управе обсуждался вопрос о ликвидации старого еврейского кладбища. Поскольку законом и санитарными нормами запрещалось сооружать строения на месте кладбищ, предполагалось на этом месте разбить сквер.

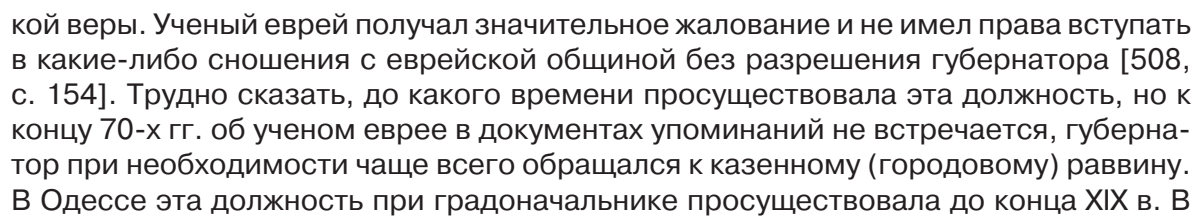
К числу традиционных еврейских учреждений также относились детские приюты, богадельня, больница, религиозные начальные школы-хедеры, училище Талмуд-Тора, деятельность которых подробно освещена в других очерках.

Дискуссия о должности ученого еврея

В 70-х гг. XIX в. при военном губернаторе была учреждена должность ученого еврея. Назначение на должность производил сам губернатор. Главным критерием для кандидата было хорошее знание еврейских языков, традиций и законов еврей-

Угловой штамп Комитета по заведованию Николаевским еврейским кладбищем

кой веры. Ученый еврей получал значительное жалование и не имел права вступать в какие-либо сношения с еврейской общиной без разрешения губернатора [508, с. 154]. Трудно сказать, до какого времени просуществовала эта должность, но к концу 70-х гг. об ученом еврее в документах упоминаний не встречается, губернатор при необходимости чаще всего обращался к казенному (городовому) раввину. В Одессе эта должность при градоначальнике просуществовала до конца XIX в. В 1879 г. бывший Николаевский раввин М. Когон подал Николаевскому военному губернатору довольно подробную докладную записку, в которой обосновывал необходимость введения при военном губернаторе или городской управе специальной должности чиновника по исполнению особых поручений по еврейским делам (он предлагал собственную кандидатуру для занятия этой должности), но положительного ответа не получил, несмотря на весьма верноподданнический тон записки [337, т. 1, с. 70-88].

В начале XX в. Николаевский градоначальник В.М. Зацаренный предложил вновь учредить должность ученого еврея при градоначальнике, но с оплатой в 600 руб. в год из коробочного сбора. Предыстория этого предложения была такова. 27 октября 1906 г. в канцелярию градоначальника обратился с прошением учитель закона еврейской веры в гимназии и реальном училище И. Дульцин. Он сообщал, что с 1888 г. постоянно выполнял поручения помощника начальника жандармского управления по переводу на русский язык изымаемой нелегальной литературы на еврейских языках. На основании этого он просил принять его на должность ученого еврея при Николаевском градоначальстве. К прошению прилагалось ходатайство заместителя начальника Херсонского жандармского управления, который отмечал, что за свою работу И. Дульцин получал лишь разовые вознаграждения в ограниченном размере, но со временем потребность в его помощи стала возрастать. «За последнее время в Николаеве возникла исключительно еврейская организация под названием «Николаевская организация Бунд», а равно и значительная часть еврейской молодежи принимает участие в других преступных организациях, выпускающих прокламации на еврейских языках». Градоначальник отнесся к идее положительно и отослал письмо в МВД, прося разрешить внести в сумму расходов коробочного сбора оплату должности ученого еврея. В целом, департамент духовных дел министерства высказался положительно, и градоначальник считал дело решенным. Он даже предложил оплатить деятельность ученого еврея за 1907 г. за счет излишков коробочного сбора за предыдущий год. Совершенно неожиданно в конце того же года пришло письмо из отдела городского хозяйства МВД, в котором просили сообщить, «есть ли приговор евреев города Николаева о согласии их на отпуск упомянутых 600 руб. из местного коробочного сбора». Дважды градоначальнику напоминали из Петербурга, что не получили требуемой информации. Понимая, что дело приобрело нежелательную огласку, он предложил городской управе организовать собрание евреев. Такое собрание было проведено 12 марта 1908 г., о чем сообщил исполнявший обязанности городского головы В.А. Даценко. Он заявил, что собрание евреев, в котором участвовали члены духовных правлений синагог, молельных домов и представители благотворительных организаций, приняло решение «О несогласии на отпуск по 600 руб. из коробочного сбора по городу Николаеву на содержание лица, которое будет определено на должность ученого еврея при канцелярии Вашего Превосходительства». В подтверждение прилагался протокол собрания. В нем говорилось: «По всестороннем рассмотрении предложенного вопроса, собрание единогласно высказало свое полное несогласие на отпуск [указанной] суммы, так как

все функции ученого еврея при канцелярии Николаевского градоначальника может исполнять местный раввин или его помощник, получающие вознаграждение.

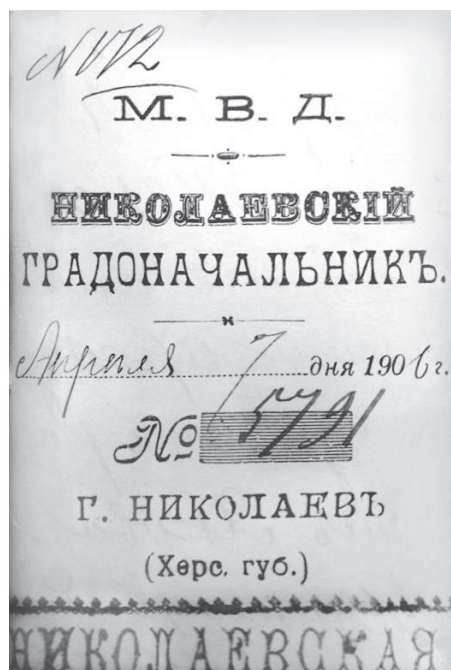
По произведенной затем баллотировке большинством 48 голосов против 4 голосов, вопрос был отвергнут». Не вызывает сомнения, что среди голосовавших «против» был городской раввин Л. Анчилевич, но он, среди других, подписал протокол [135]. Данный сюжет, на наш взгляд, интересен прежде всего тем, что это был один из немногих случаев, когда еврейская община не побоялась пойти наперекор городской администрации, используя свои права, предусмотренные законом. Этот случай в качестве примера для других общин приводила столичная газета «Рассвет» [582, 1908, № 16, ст. 36].

История эта имела свое продолжение. В октябре 1910 г. градоначальник А.И. Мязговский обратился с письмом к министру внутренних дел. В нем говорилось: «Ко мне нередко поступают ходатайства местных еврейских благотворительных учреждений о разрешении устройства на увеличение их средств музыкально-вокально-драматических вечеров, причем, в представляемых программах вечеров подлежащие исполнению на них нумера пения или декламации изложены, преимущественно, на еврейском жаргоне. Не имея в своем распоряжении чинов, знающих еврейский язык, на которых я мог бы возложить наблюдение за тем, чтобы исполняемые пения, декламации и драматические пьесы на таких вечерах не отступали от цензурированных произведений, прошу Ваше Высокопревосходительство не отказать в рассмотрении и сообщении мне указаний, не представляется ли возможным, ввиду приведенного затруднения, не допускать исполнение на вечерах произведений на еврейском языке». Каким был ответ министра, к сожалению, выяснить не удалось [150, л. 1].

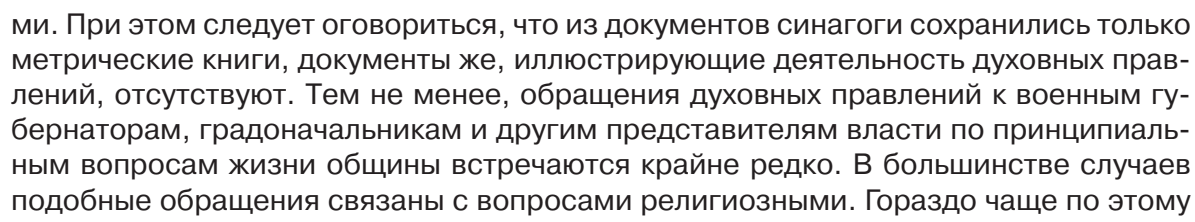
К вопросу об органах правления николаевской еврейской общины

Создание единого органа правления еврейской общины города (после ликвидации кагалов в 1844 г.) не предусматривалось российским законодательством. По мере необходимости городская управа проводила собрания представителей еврейской общины для решения различных вопросов ее жизнедеятельности. Чаще всего это было связано с выборами городских раввинов, а также членов попечительных советов или правлений различных еврейских учреждений.

Мнение израильского исследователя М. Полищука относительно того, что «в Николаеве жизнь общины контролировали члены духовных правлений двух синагог», представляется достаточно спорным, к тому же, оно вступает в противоречие с часто повторяемыми утверждениями того же автора о высокой степени «аккультурированности» и низкой степени религиозности николаевской общины [532, с. 273]. Кроме того, указанное мнение не находит подтверждения архивными документа-

Угловой штамп Николаевского градоначальника

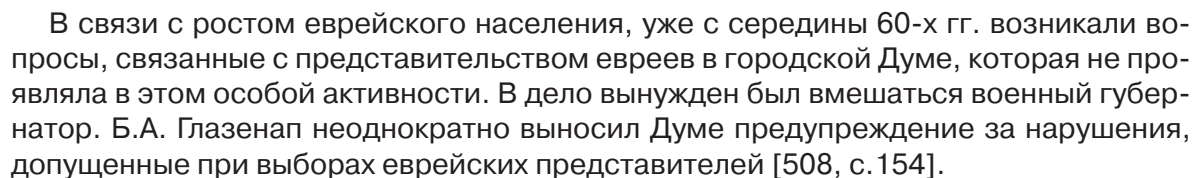
ми. При этом следует оговориться, что из документов синагоги сохранились только метрические книги, документы же, иллюстрирующие деятельность духовных правлений, отсутствуют. Тем не менее, обращения духовных правлений к военным губернаторам, градоначальникам и другим представителям власти по принципиальным вопросам жизни общины встречаются крайне редко. В большинстве случаев подобные обращения связаны с вопросами религиозными. Гораздо чаще по этому поводу встречаются обращения к властям евреев-купцов, ремесленников, мещан, членов правлений и попечительных советов еврейских учреждений. Есть документы, упоминающие о собраниях членов духовных правлений всех николаевских синагог и молитвенных домов, которые время от времени собирались по инициативе городской Думы или управы. По мнению М. Полищука, в 1889 г. создано Николаевское духовное правление синагог и молитвенных домов. Нами обнаружено лишь несколько документов этой организации, чаще ее называют раввинатом, но влияние и авторитет этого органа также не стоит переоценивать. Упомянутый автор считает, что наибольшего влияния николаевский раввинат достиг в период пребывания в должности городского раввина Л. Виленского (1903-1906 гг.)

Обнаружен только один документ, в котором идет речь о руководстве еврейской общины (Ваада) и ее имуществе, он относится к 19 июня 1920 г. Это «Выписка из докладной записки комиссии по ликвидации бывшей еврейской общины (ВААДА)». В ней предлагается проект приказа исполкома Николаевского губисполкома следующего содержания:

«Совет еврейской общины считать распущенным. Всякая явная и тайная попытка со стороны членов этого Совета к нарушению данного приказа будет считаться поступком контрреволюционным, виновные будут привлечены к суду Ревтрибунала. Коммуналделу принять дела по заведованию еврейским кладбищем, национализировать нацпекарню, разобрать с еврейской дешевой столовой» [326, л. 1-2].

Часть лиц, входивших в состав духовного правления синагог, удалось выяснить при анализе метрических книг, которые велись городским раввином, но ежемесячно их подписывали по 2-3 члена духовного правления. Так, на протяжении 1880-1890 гг. в книгах фиксируются подписи Давида Рафаловича, Пинкуса Рашковского, Абрама Либмана, Арона Фреденберга, Самуила Имаса, Абрама Кнебельмана, Шлемы Вольфсона, Хаима Резина, Абрама Книжникова, Нухима Либкинда, Генриха Передеркина, Мардуха Либиха, Хайсиля Зейтмана, З. Фабера, Х. Зеликмана [322]. В 1891-1906 гг., кроме перечисленных, встречаются подписи М. Слуцкера, Ш. Либермана, М. Ланиса, Сруля Айзенштейна, Ш. Гольденберга, М. Кравца, Б.Ш. Остринского, С.Т. Имаса, Б.М. Гальперина, Абрама Резникова, М. Бомштейна, Л. Тимена, М. Тененбаума, Л. Хайковского, Бенциона Трояновского, Иосифа Билянского, Б. Зильберглейта, Э. Ставицкого, Е.А. Бланка, Я. Сегеля, Ш. Лифшица, И. Цукера, Лейба Мешуреса [322-325]. Эти имена заслуживают упоминания хотя бы потому, что это были достаточно авторитетные и уважаемые члены николаевской еврейской общины.

Евреи в органах городского самоуправления

В связи с ростом еврейского населения, уже с середины 60-х гг. возникали вопросы, связанные с представительством евреев в городской Думе, которая не проявляла в этом особой активности. В дело вынужден был вмешаться военный губернатор. Б.А. Глазенап неоднократно выносил Думе предупреждение за нарушения, допущенные при выборах еврейских представителей [508, с. 154].

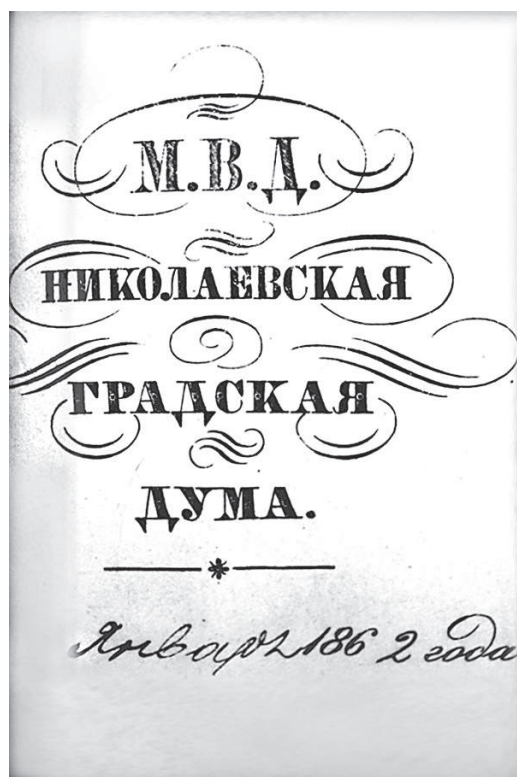
В первых списках избирателей в Николаевскую городскую Думу 1872 г. евреи были включены в общие списки.

В списке гласных николаевской Думы за 1884 г. встречаем имена М.А. Гурфинкеля, Г.Б. Вулиха, А.К. Фельдмана, И.С. Каменецкого, А.Я. Бирштейна, М.М. Ландау, Я.Г. Каминского [90, л. 1].

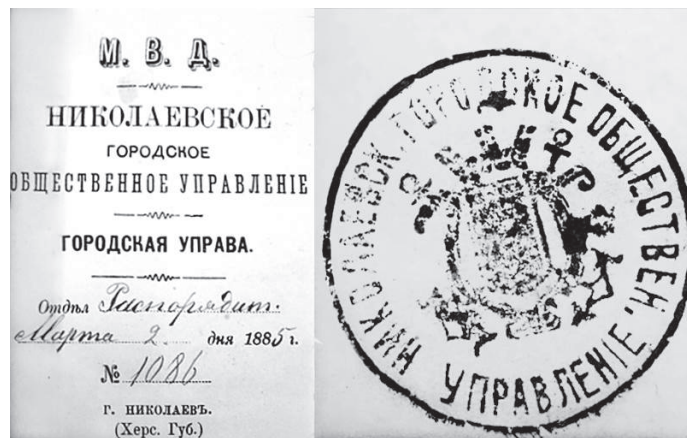
В Николаевской городской Думе число евреев-гласных в 1893-1897 гг., в соответствии с законодательством, составляло 5 гласных (9,6%), но в следующем четырехлетии (1897-1901 гг.) их число сократилось до 3 гласных (5,8%), что было наименьшим количеством за весь предыдущий период ее существования [428, с. 144.]. В целом, в истории Николаевской Думы до 1906 г. не было такого момента, чтобы в ее составе не было гласных из числа евреев, поэтому утверждение израильского исследователя М. Полищука относительно того, что «в 1900 г. в связи с тем, что Николаев не входил в состав черты [оседлости – В.Щ.], в городской Думе не было гласных-евреев», следует признать безосновательным [532, с. 309]. Об этом свидетельствуют данные, приведенные в таблице, составленной по материалам николаевского «Адрес-календаря» (*приложение 7*). Из таблицы видно, что за первые 27 лет существования Думы число гласных-евреев составляло в разные периоды от 3 до 11 человек. Наивысший показатель – 16,2% относится к периоду 1888-1892 гг. Всего за 27 лет из 449 гласных городской Думы 42 были евреями, что составляло 9,4%.

Очевидно, городские власти не скрывали намерений лишить евреев представительства в Думе на следующее четырехлетие (1902-1905 гг.), что вызвало недовольство представителей еврейской общины города. Как сообщала в 1901 г. газета «Восход», «В Николаеве группа купцов и домовладельцев-евреев подала в городскую управу заявление, в котором указывается, что в настоящее время Херсонская губерния включена вся, не исключая и Николаева, в число губерний, предназначенных для постоянного местожительства евреев, и что, стало быть, нет оснований для полного устранения живущих в Николаеве евреев в делах городской управы... [Они] просят составить списки евреев, имеющих право быть гласными и войти с представлением о назначении от их числа гласных на следующее четырехлетие» [579, 1901, № 3, ст. 8].

В 1905 г. ситуация повторилась. 20 января группа николаевских купцов и домовладельцев обратилась к градоначальнику с прошением, в котором говорилось, что городская управа, в нарушение законов, отказывается назначить в состав Думы на следующее четырехлетие гласных из числа евреев, тем самым лишая еврейское население города представительства своих интересов в данном органе. В конце прошения было сказано: «В силу власти, предоставленной Вам законом по надзору за законностью действий городского управления..., благовольте, в за-

Угловой штамп Николаевской городской Думы

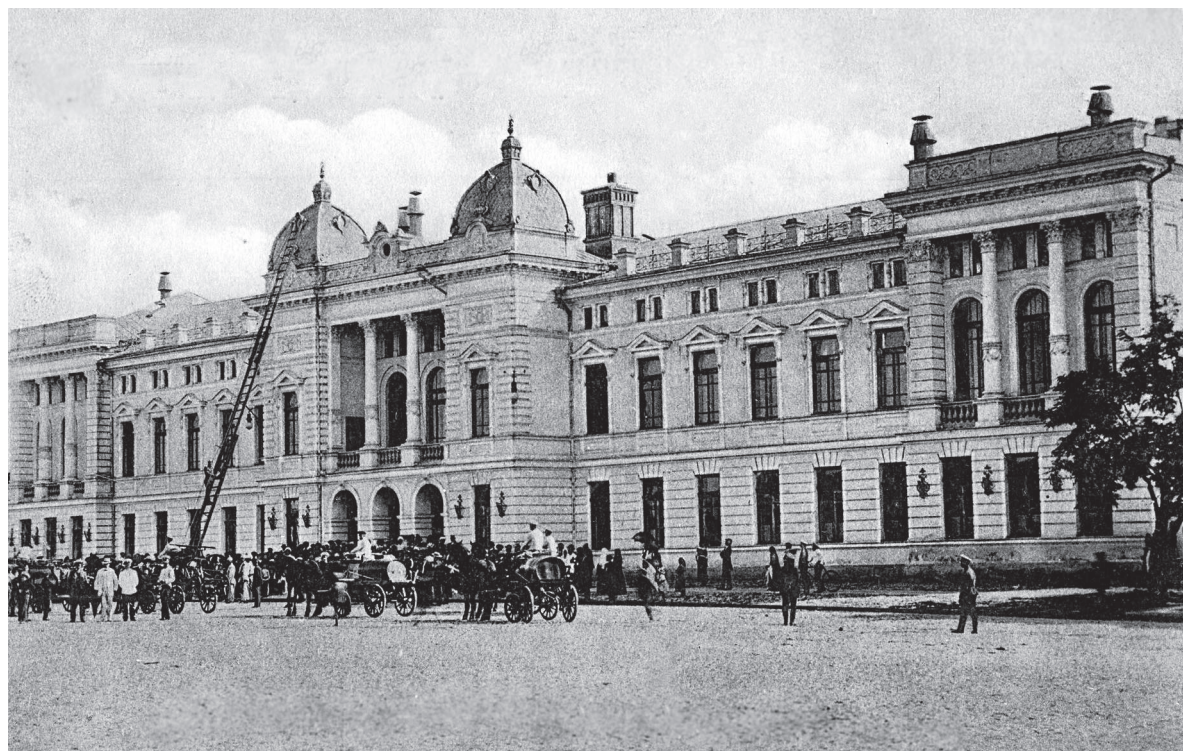

Угловой штамп и печать
Николаевской городской управы

щиту дарованных нам законом прав, распорядиться, чтобы Николаевская городская управа... исполнила закон о назначении гласных из евреев». Прошение подписали Лейб Мешурес, Яков Каминский, Герш Сахарзон, Григорий Бродский, Арон Клейман, М. Кобылинский. К прошению приложена подробная записка, в которой излагается история законодательного закрепления права проживания евреев в Николаеве. Авторы ссылались на указ от 24.03.1866 г., которым разрешено проживание в городе

евреям «без различия состояний», подчеркивалось, что данный указ никогда не был отменен. Далее отмечено: « В последние годы, однако, стало проявляться стремление ограничить права евреев-мещан: им отказывали в выдаче промысловых документов, в укреплении за ними недвижимого имущества, в причислении к местному мещанскому обществу, их лишили права быть гласными городской Думы.

Это настойчивое стремление административных учреждений нашло, наконец, свое выражение в новом «Уставе о паспортах» издания 1903 года. В нем... в простом конфиденциальном порядке отменен закон от 24 марта 1866 года». Вполне

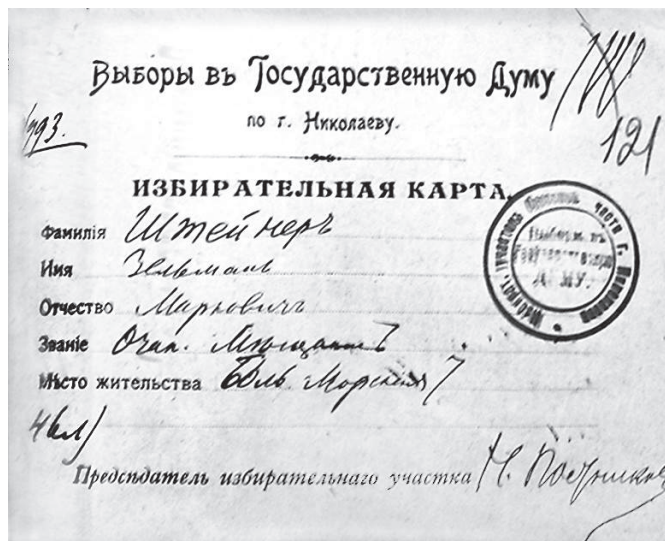
Городская управа
(с открытки нач. XX в.)

логично указывалось, что высочайший указ может быть отменен лишь документом того же статуса, каковым «Устав о паспортах» не является. Далее просители подчеркивают: «Ваше превосходительство, мы не просим милости, мы не домогаемся новых прав. Мы ходатайствуем лишь о том, чтобы сообразно воле законодателя были защищены права еврейского населения». 1.04.1905 г. градоначальником было направлено письмо в городскую полицию. В нем, в частности, говорилось: «Объявить николаевским купцам и домовладельцам Лейбу Мешуресу, Якову Каминскому, Гершу Сахарзону, Григорию Бродскому, Арону Клейману, М. Кобылинскому в ответ на прошение их о предложении Николаевской городской управе назначить гласных Николаевской думы из евреев, что означенное прошение оставлено мною без удовлетворения, так как город Николаев не входит в черту еврейской оседлости» [132].

В числе гласных Николаевской городской Думы от еврейского населения в разные периоды были представлены купцы А.Я. Бирштейн, А.О. Каневский, А.М. Билик, И.А. Рабинович, Г.И. Косо́до; врачи И.С. Каменский, М.Г. Кенигсберг, С.И. Давидсон; присяжный поверенный Г.И. Кранцфельд, помощник присяжного поверенного А.М. Блиндерман и др. Работали в городской управе Герман Давидович Клейф – чертежник, Исаак Яковлевич Каплан – делопроизводитель.

Евреи принимали участие в выборах в губернское земское собрание. В списке гласных Херсонского губернского земского собрания за 1865-1874 гг. из 209 лиц представлено 6 евреев. В «Общем списке земских деятелей Херсонской губернии» за этот же период представлено 12 евреев из общего числа 243 гласных [333, л. 46-109]. Николаевских евреев среди них нет, что, впрочем, и не удивительно, т.к. численность еврейского населения в городе в этот период была еще невелика и добиться избрания гласных из своего числа, учитывая достаточно сложную процедуру выборов, им было бы затруднительно.

Следует отметить, что евреи не были ограничены в праве участвовать в выборах в Государственную Думу в 1906 году. Они регистрировались в избирательные курии наравне с другими подданными Российской империи и получали соответствующие удостоверения. Из общего числа зарегистрированных 4530 «лиц, имеющих право по выборам в Государственную Думу по г. Николаеву», евреи составляли 1221 человек, т.е. 26,95% всех избирателей города, что превышало их долю в составе городского населения [ГАНУ. Ф. 222, оп. 1, д. 1684, л. 1-43]. Приведенная статистика свидетельствует о том, что евреи принимали активное участие в выборах, возлагая большие надежды на Государственную Думу, от которой они ожидали отмены «черты еврейской оседлости» и других законодательных ограничений. Как показали дальнейшие события, эти надежды оказались иллюзорными.

Избирательная карта по выборам
в Государственную Думу 3.М. Штейнера
[292, л. 121]

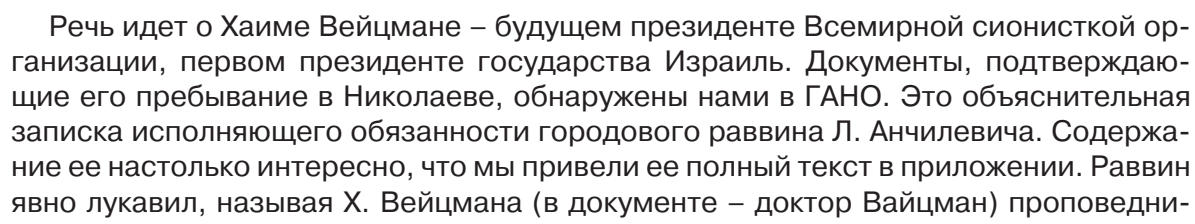
Участие евреев в сионистских и политических организациях

Одно из первых упоминаний о пропаганде идей близких к сионизму в Николаеве относится к 1882 г., когда полицмейстер Стройников подал военному губернатору А. Пещурову копию письма, присланного из Петербурга «Братством Сиона» раввину Абраму Лавуту, в котором евреев агитировали к эмиграции из России [508, с. 155].

24 октября 1890 г. Одесский градоначальник направил письмо Николаевскому военному губернатору. В нем сообщалось, что 9 февраля 1889 г. в Одессе создано «Общество вспомоществования евреям-землевладельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине». По мнению администратора, общество нарушало свой устав, организовав незаконный сбор средств. Кроме того, оно «...рассылает в значительном количестве воззвания к своим единоверцам, приглашая [к] посильным взносам или пожертвованиям». Для этого обществом создается сеть агентов в разных городах России и проводится активная вербовка новых членов. Далее градоначальник подчеркивал: «Я, со своей стороны, сделал соответствующее по сему предмету распоряжение для прекращения дальнейших в этом ложном направлении действий сего общества». Далее подан список из 5 человек, которые являлись агентами этого общества в Николаеве: В.Н. Сербин, Рувим Шухман, С.С. Имас, А.З. Кнебельман, Л.Л. Тимен. Николаевскому военному губернатору предложено «...сделать распоряжение к привлечению поименованных... лиц к ответственности за производимый ими без надлежащего разрешения, а потому незаконный сбор денег». На основании данного письма, военным губернатором было дано распоряжение полиции «произвести расследование и наказать виновных» [243, л. 1-3]. Какими были меры наказания, выяснить не удалось. Вероятно, они не были слишком строгими, учитывая то, что в поданном списке упомянуты достаточно влиятельные и уважаемые члены николаевской еврейской общины.

Первый сионистский кружок в городе возник в 1899 г. Отсутствие единства и противоборство между различными его течениями были одной из главных отличительных черт, характерных для этого движения с момента его возникновения и до сегодняшнего дня. Не избежали такой участи и сторонники сионизма в Николаеве. Уже в 1901 г. в городе было несколько кружков, между которыми не было единства.

Нениколаевец (постоянный корреспондент газеты «Восход» в Николаеве) в 1901 г. отмечал, что сионистские кружки в городе крайне пассивны и разобщены. «Я не рискну сказать, что у нас совсем умерло сионистское движение, но что это движение находится в какой-то переходной стадии, переживает серьезный перелом в своем первоначальном направлении, перелом, превративший прежний широкий и шумный поток в еле заметный, чуть слышно журчащий ручеек, этого никто у нас отрицать не станет. Без особого энтузиазма приезжал уполномоченный г. Темкин [известный палестинофил, крупный деятель сионистского движения в России начала XX в. – В.Щ.]. Пробуждение интереса к сионизму вызвал приезд из Цюриха д-ра Вейцмана, который имел встречу с местными сионистами». С разрешения городского раввина Анчиловича д-р Х. Вейцман выступал в одной из городских синагог. Под предлогом того, что об этом не была предупреждена городская полиция, выступление было прервано, Х. Вейцмана пригласили последовать в полицейский участок. «Общество наше до сих пор не оправилось от этой нравственной пощечины, которая имела еще и свое продолжение... раввину был сделан официальный выговор, напечатанный в местном органе от имени представителя власти...» [579, 1901, № 51, с. 23].

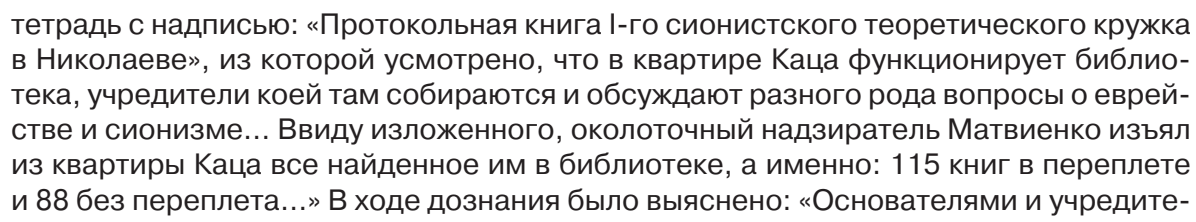

Речь идет о Хаиме Вейцмане – будущем президенте Всемирной сионистской организации, первом президенте государства Израиль. Документы, подтверждающие его пребывание в Николаеве, обнаружены нами в ГАНУ. Это объяснительная записка исполняющего обязанности городского раввина Л. Анчиловича. Содержание ее настолько интересно, что мы привели ее полный текст в приложении. Раввин явно лукавил, называя Х. Вейцмана (в документе – доктор Вайцман) проповедником, которому он разрешил 14 августа 1901 г. произнести проповедь «на еврейском жаргоне» (идиш) в молитвенном доме по ул. Черниговской, № 15. При этом он подчеркивал, что лично присутствовал при выступлении «на случай, если оратор станет уклоняться от темы или характера проповеди, остановить его». Л. Анчилович воспользовался тем, что никто из представителей полиции и городских властей не владел идишем. О том, что власти были заранее оповещены о выступлении и крайне обеспокоены этим, свидетельствует то, что прервать выступление Х. Вейцмана явился сам полицмейстер, не доверяя сделать это своим подчиненным. Никаких сведений об аресте Х. Вейцмана нами не обнаружено, вероятно, полицмейстер ограничился только предупреждением, т.к. оратор был иностранным подданным (*приложение 13*).

Наказание последовало незамедлительно. 17 августа 1901 г. издан приказ Николаевского градоначальника № 49/6068 следующего содержания: «Временно исполняющему должность городского раввина Анчиловичу объявляю выговор за допущение постороннего лица на произнесение в одной из местных синагог поучения, противного общественному порядку». К тексту приказа сделана приписка: «Копии сообщены городскому раввину и редакции газ. «Южанин» [102, л. 9-10]. Впоследствии Л. Анчилович, которого градоначальник неоднократно вновь назначал исполнять обязанности городского раввина, проявлял особую осторожность во всем, что связано с сионизмом. К примеру, в 1910 г. газета «Рассвет» писала: «На днях местная национальная интеллигенция пожелала организовать панихиду по усопшему еврейскому писателю и общественному деятелю Левинскому. Было получено разрешение градоначальника, когда же обратились к раввину А[нчиловичу] с просьбой предоставить помещение хоральной синагоги, то получили отказ. «Идите и скажите градоначальнику, что я не разрешаю» – наложил резолюцию А. Его решение осталось непоколебимым». Когда организаторы благотворительного вечера в пользу общественного хедера принесли на утверждение раввину программу, он вычеркнул из нее одну из песен, аргументируя тем, что «она слишком пахнет сионизмом» [582, 1910, № 48, ст. 84].

В 1901 г. в городе продолжалась борьба между различными течениями сионистов. Демократическая группа сионистов отправила делегатом на Базельский конгресс Р.Г. Шухмана, противники отослали на конгресс протест с заявлением, что он самозванец и не является законным представителем местных сионистов [579, 1901, № 79, с. 13]. Отсутствие единства среди николаевских сионистов отмечалось и в 1902 г., когда в городе насчитывалось 6 сионистских кружков [508, с. 156].

Не имея инструкций из Петербурга, местная администрация не могла четко определить свое отношение к сионистскому движению. Свидетельством тому можно считать рапорт полицмейстера, направленный градоначальнику 11 сентября 1902 г. В нем говорилось: «В 2 часа ночи 11 августа сего года мещанин Виктор Карнозо заявил приставу Московской части о том, что в квартире мещанина Абрама Менделя Каца по Московской улице, в доме № 18 [происходит] собрание евреев с неизвестно какою целью, куда, по поручению пристава, явился околоточный надзиратель Матвиенко, но никого в квартире Каца не обнаружил, а усмотрел, что на столе лежала

тетрадь с надписью: «Протокольная книга I-го сионистского теоретического кружка в Николаеве», из которой усмотрено, что в квартире Каца функционирует библиотека, учредители коей там собираются и обсуждают разного рода вопросы о еврействе и сионизме... Ввиду изложенного, околоточный надзиратель Матвиенко изъял из квартиры Каца все найденное им в библиотеке, а именно: 115 книг в переплете и 88 без переплета...» В ходе дознания было выяснено: «Основателями и учредителями означенной выше библиотеки, как объяснил тот же Абрам Кац, являются: сын его Моисей Кац, Шоель Броун, Иосиф Крайман, Иосиф Осинковский, Лейба Дробинский, Арон Чудновский, Хаим-Бер Тульчинский, Волько Абрамович и Мендель Шрайбер...» Далее полицмейстер отмечает: «К этому имею честь доложить, что как устройство библиотеки в квартире Каца, так и собрание в ней евреев вытекают из вопроса о сионизме, для распространения которого евреи собираются и образуют кружки во многих городах, в том числе и в Николаеве, без ведома полиции инкогнито; преследование же толкователей сионизма и их собраний представляется крайне затруднительным, за неимением каких-либо указаний относительно сионизма». Участников сионистского кружка полицмейстер предложил «подвергнуть аресту при полиции сроком на один месяц каждого». Градоначальник своим постановлением от 8 октября 1902 г. смягчил наказание, оставив арест на 1 месяц для 4 человек, а остальным пяти, с учетом их несовершеннолетия, срок ареста сокращен до 15 суток [168, л. 2-4; д. 58, л. 20-21]. В данном случае наказание налагалось не за сионистскую деятельность, а за проведение собраний и создание библиотеки без разрешения на то полиции. Желая знать мнение вышестоящего начальства, он отправил шифрованную телеграмму в Департамент полиции МВД. 24 октября была получена ответная телеграмма, она гласила: «Министерством ранее представления Вашего Превосходительства предположено... разрешить вопрос об отношении к сионистским организациям, до разрешения какого принципиального вопроса желательно отложить исполнение постановления об аресте Каца и др.» Градоначальник в тот же день вновь отправил телеграмму, в которой говорилось: «Постановление приведено в исполнение еще 15 октября, но не за организацию, а за нарушение действующих обязательных постановлений о воспрещении незаконных денежных сборов и недозволенных сходок. Если необходимо всем освобождение, прошу дальнейших указаний» [170, л. 25-27].

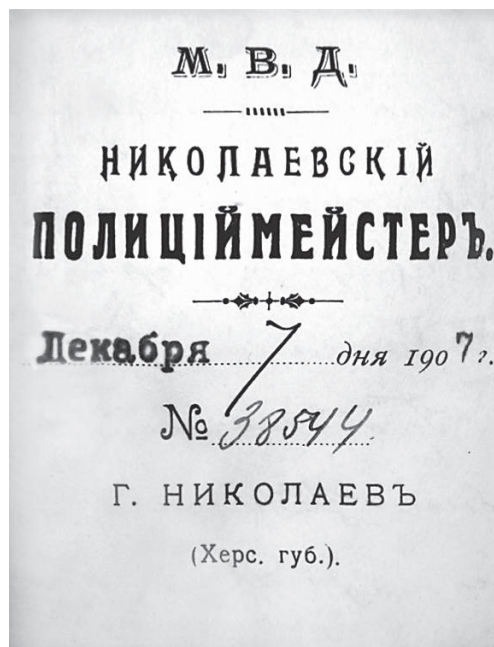
В ходе проведения дознания по данному делу, полицмейстером было затребовано письменное объяснение от членов кружка. Объяснительную записку составили М. Кац, Ш. Броун и М. Шрайбер. Ее содержание интересно, прежде всего, тем, как современники наблюдали зарождение сионистского движения в городе. В записке говорилось: «Когда в Николаев проник несколько лет тому назад слух о сионизме, здесь быстро начали возникать среди еврейского населения кружки для собственного изучения сионизма. Эти кружки, не обладая большим количеством членов и состоя по большей части из знакомых, не могли, однако, долго держаться и вследствие различных причин стали распадаться. Распался таким образом и 6-й кружок сионистов. От этого кружка остались письма о сионизме и несколько книжек исключительно еврейского содержания, касающихся еврейской истории. Один из наших товарищей, вышеуказанный Моисей Кац просил, чтобы эти книги и письма были переданы ему, т.к., не читав их раньше, он очень интересовался их содержанием». Впоследствии у него на квартире стали собираться 3 человека для изучения и обсуждения еврейской истории. Состав кружка постепенно расширялся и увеличился до 9 членов. Авторы подчеркивали, что при этом пользовались лишь изданиями, разрешенными цензурой. Далее подчеркивалось: «...для наших чтений

мы не могли иметь возможности собираться ни в синагоге, ни в общественной библиотеке потому, что в первой мешали бы нашим занятиям молящиеся, а во второй нельзя и слова выговорить... Таким образом, мы уже в числе 9 человек продолжали иногда сходиться по субботам у кого-нибудь, опять-таки исключительно для чтения еврейской истории. Для того, чтобы не шуметь и не перебивать друг друга в объяснениях по истории, мы выбрали одного, который бы следил за порядком» [170, л. 18-19]. Участники кружка, с учетом сложившихся обстоятельств, лукавили, сводя цели своих встреч только к обсуждению проблем еврейской истории, но в приведенном документе, безусловно, интересен взгляд непосредственных участников событий на процесс распространения идей сионизма в г. Николаеве и отношение к ним еврейского населения города. В любом случае, нет оснований утверждать, что эти идеи получили широкое распространение и влияние в рассматриваемый период. История эта имела продолжение. Очевидно, градоначальник запросил мнение МВД о том, как поступить с книгами, изъятыми из сионистской библиотеки. 29 мая 1903 г. директор Департамента полиции МВД Лопухин направил письмо, в котором говорилось: «...из числа книг, входивших в состав устроенной евреем Моисеем Кацем без установленного разрешения библиотеки, дозволенные цензурою подлежат возвращению названному лицу, а недозволенные должны быть конфискованы». Позже пришло еще одно письмо по этому же поводу, в нем предписывалось отправить книги, «недозволенные цензурою», в главное управление по делам печати того же министерства. В секретном рапорте полицмейстера градоначальнику указывалось, что было изъято «...недозволенных цензурою 80 книг, 67 гектографированных и печатанных по «ремингтону» листов о сионистах, 16 разных листов рукописи на русском языке по поводу сионизма и протоколов собраний сионистов в г. Николаеве, 1 воззвание к еврейской учащейся молодежи, 6 полулистов на еврейском языке (гектография) о сионизме, 3 тетради в переплете и 1 тетрадь с отрывными купонами и 3 экземпляра журнала «Восход», входившие в состав библиотеки Моисея Каца» [170, л. 28, 31, 52]. Как видно из приведенного перечня, участники кружка занимались далеко не только изучением еврейской истории, тем не менее им удалось отделаться минимальным наказанием.

Ситуация начала резко меняться в 1903 г. Активизация сионистского движения в Российской империи стала вызывать серьезное беспокойство правительственных кругов, которые выявили намерение предпринять репрессивные меры в этом направлении.

По данным МВД, последователи сионизма (в том числе и в Николаеве) развернули деятельность, связанную с организацией в одном из городов империи съезда с целью подготовки к Всемирному конгрессу сионистов, который предусматривался осенью 1903 г. По этому поводу градоначальником было получено письмо из Департамента полиции МВД, направленное 30 апреля 1903 г. В нем предписывалось «...принять зависящие меры к тому, чтобы этот замысел сионистов не получил осуществления» [170, л. 1; 461, с. 98].

Угловой штамп Николаевского полицмейстера

Николаевский градоначальник в июле того же года выдал предписание полицмейстеру, в котором говорилось: «...по вопросу о принятии мер к предупреждению и пресечению... сионистских организаций и развития сионистского движения в[о] вредном направлении, предписываю Вашему Благородию безотлагательно предоставить мне самые подробные сведения о существующих в Николаевском градоначальстве сионистских кружках и соображения Ваши об их значении с точек зрения государственной и национальной» [169, л. 8].

Это был лишь первый сигнал. Уже 24 июля того же года губернаторам, градоначальникам и полицмейстерам было направлено секретное циркулярное письмо за подписью министра внутренних дел В.К. Плеве. В нем говорилось: «Из имеющихся в Департаменте полиции сведений о так называемых сионистских сообществах усматривается, что таковые... направили свою деятельность на развитие и укрепление национальной еврейской идеи, проповедуя сплочение в замкнутые организации евреев в местах их нынешнего пребывания. Направление это, будучи враждебно ассимиляции евреев с другими народностями, усугубляя между первыми и последними племенную рознь, противоречит началам русской государственной идеи и по-

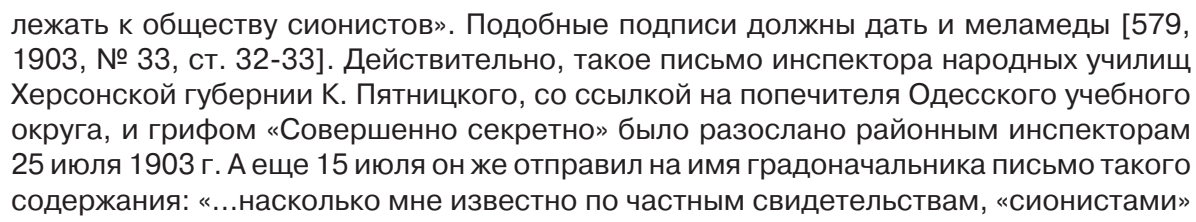
тому не может быть терпимо». Местным администраторам предписывалось собрать сведения о сионистских организациях и степени их влияния на еврейское население. Кроме того, давались указания, направленные «к предупреждению и пресечению утверждения начал сионистских организаций и развития сионистского движения во вредном направлении». Они сводились к следующему:

- запретить любую публичную пропаганду сионистских идей;
- запретить деятельность сионистских организаций, ведущих публичную пропаганду своих идей;
- не разрешать съезды и собрания участников сионистских организаций;
- не разрешать сборы пожертвований на сионистские цели, а суммы уже собранные направить на еврейские благотворительные учреждения;
- «иметь наблюдение» за созданием и деятельностью еврейских школ, библиотек, субботних школ и др., не допускать, чтобы они приобрели «характер учреждений для развития национальной обособленности российского еврейства»;
- не допускать к утверждению на выборные должности лиц, причастных к сионистскому движению [170, л. 2-3].

Газета «Восход» сообщала: «Инспектор училищ получил от высшего начальства предписание – предложить всем содержателям частных еврейских училищ и состоящему при них педагогическому персоналу подписать обязательства о том, что они не принадлежат и не будут принад-

Объявление о собрании сионистов. 1917 г.
(Музей Николаевского общества еврейской культуры)

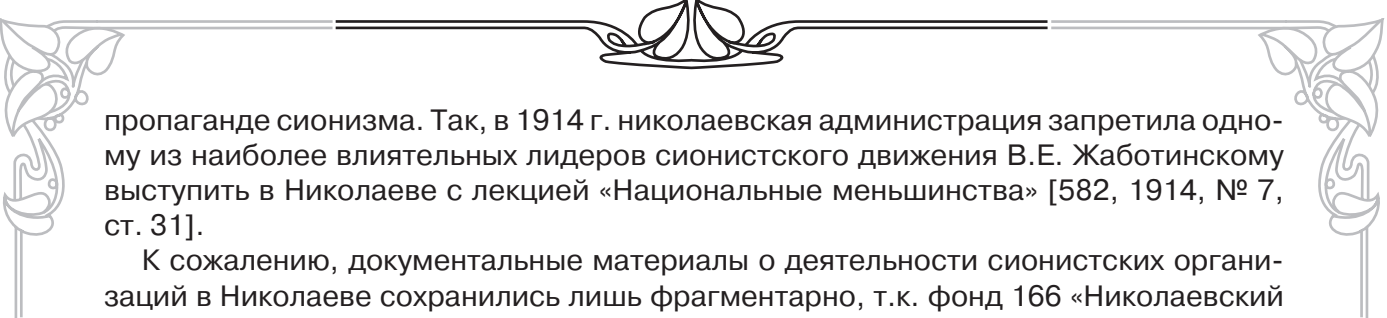
лежать к обществу сионистов». Подобные подписи должны дать и мелаеды [579, 1903, № 33, ст. 32-33]. Действительно, такое письмо инспектора народных училищ Херсонской губернии К. Пятницкого, со ссылкой на попечителя Одесского учебного округа, и грифом «Совершенно секретно» было разослано районным инспекторам 25 июля 1903 г. А еще 15 июля он же отправил на имя градоначальника письмо такого содержания: «...насколько мне известно по частным свидетельствам, «сионистами» в Николаеве являются учителя двухклассного еврейского училища Евсей Гицельтер и Хаим Фиалков [вторая фамилия вычеркнута карандашом, – В.Щ.], содержательница частного еврейского училища по Малой Морской улице в доме № 14 Малка Гурвич, учитель частного же училища Вулих Ханна Куперштейн, имеющий звание начального учителя, содержащий хедер в том же здании, где помещается училище Гурвич, Аврум Гилевич и мелаеды, содержащие там же хедера, Берко Польский, Самуил Пинхусович, Израиль Секерницкий». Далее шла просьба сообщить мнение городских властей о том «...должны ли быть немедленно закрыты указанное выше училище Гурвич и хедера, содержимые сионистами» [170, л. 10, 16; 54]. На сей раз все обошлось благополучно, т.к. все перечисленные в письме лица (за исключением Х. Фиалкова) дали подписку в том, что они не состоят и впредь не будут состоять ни в каких сионистских организациях.

Одной из первых жертв борьбы против сионизма стал учитель еврейского училища Хаим Хаимович Фиалков. В июле 1903 г. полицмейстер в секретном рапорте докладывал градоначальнику: «...учитель казенного двухклассного еврейского училища в г. Николаеве Хаим Фиалков есть рьяный последователь сионизма и принимает деятельное участие в местных кружках сионистов настолько, что уполномочен на поездку за границу в гор. Базель для участия в подготовке предстоящего Всемирного конгресса сионистов, об этом мною получены сведения негласным путем» [169, л. 5]. В том же месяце попечитель Одесского учебного округа уволил Х. Фиалкова, о чем особо сообщил градоначальнику. Уволенный «...хлопотал у попечителя Одесского учебного округа об отмене его увольнения, попечитель нашел возможным допустить его к занятиям в училище еще на год». Очевидно, свою роль сыграло секретное письмо из Департамента полиции МВД, направленное 1 августа. В нем говорилось: «Департамент полиции имеет честь уведомить Ваше Превосходительство, что вопрос о сионистском движении находится в настоящее время в рассмотрении высших правительственных учреждений, ввиду чего, впредь до разрешения такового, никаких распоряжений по делам сионистов вообще и по делу выезда за границу сиониста Хаима Фиалкова, в частности, делать не следует» [169, л. 12-13; 579, 1903, № 37, ст. 20].

Николаевские евреи не проявляли особой активности в общероссийских акциях сионистских организаций по сбору средств. К примеру, в 1908 г. газета «Рассвет» сообщала, что, согласно отчету сионистского ЦК, поступлений от членских взносов или других денежных средств из Николаева не поступило, но отмечено, что производилась продажа сионистской литературы [582, 1908, № 10, ст. 40]. В следующем году та же газета сообщала, что в Николаеве подписались на 7 акций «Палестинской землеустроительной компании» Я. Мазо, А. Гилевич, Р. Шухман, Б. Польский, З. Кагарлицкий, Н. Гольдин, Г. Умальский. Для сравнения, в этот же период в других городах подписались: в Одессе на 60 акций, в Екатеринославе – на 18, Херсоне – на 12. За 1908 г. из Николаева за 8 акций получено 17 руб., из Одессы – 378, Екатеринослава за 22 акции – 195руб. 82коп. [582, 1908, № 19, ст. 36; 1909, № 3, ст. 12].

Городские власти и в дальнейшем продолжали чинить препятствия развитию и

пропаганде сионизма. Так, в 1914 г. николаевская администрация запретила одному из наиболее влиятельных лидеров сионистского движения В.Е. Жаботинскому выступить в Николаеве с лекцией «Национальные меньшинства» [582, 1914, № 7, ст. 31].

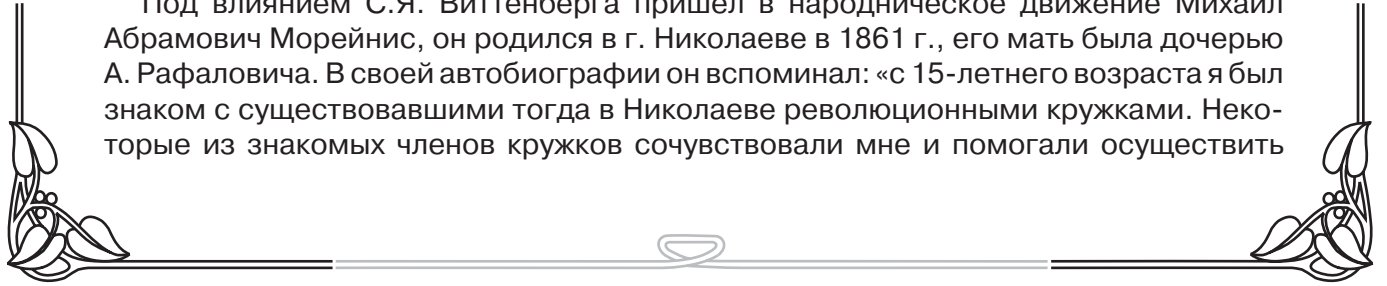
К сожалению, документальные материалы о деятельности сионистских организаций в Николаеве сохранились лишь фрагментарно, т.к. фонд 166 «Николаевский комитет еврейской сионистической партии» в ГАО был утрачен в период немецкой оккупации Николаева в во время Великой Отечественной войны [434, с. 150].

В целом же, в отличие от соседней Одессы, Николаев так и не стал крупным центром хаскалы, палестинофильского и сионистского движения. Причиной тому относительно невысокая концентрация еврейского населения в городе, что позволяло полиции более тщательно отслеживать и пресекать проявления национального движения среди евреев; нельзя сбрасывать со счетов и определенную пассивность николаевских евреев.

С середины XIX в. общероссийской тенденцией стало активное участие еврейской молодежи в создании и деятельности народнических, а затем и социалистических революционных кружков и организаций. Их привлекали в социалистической пропаганде идеи гражданского равенства, равенства наций и их права на самоопределение. Не видя перспектив обретения гражданского равенства в рамках сохранения Российской империи, молодые люди видели выход из положения в ее разрушении. Можно сказать, что сам российский царизм своей дискриминационной политикой толкал еврейскую молодежь к радикализму. Как отметил российский исследователь С.А. Лукьянов: «ответной реакцией на «невнятную» правительственную политику в отношении еврейского населения империи будет его активное участие в революционном движении» [511, с. 107].

Одной из наиболее ярких фигур революционного народнического движения в Николаеве был Соломон Яковлевич Виттенберг, который родился в Николаеве в 1852 г. в семье ремесленника, обучался в местной гимназии, но не окончил ее. По воспоминаниям современников, «...перед самым окончанием гимназии у него вышел незначительный инцидент с одним из учителей, и, по постановлению педагогического совета, Виттенберг должен был отсидеть два часа в карцере. Считая это постановление несправедливым, он отказался ему подчиниться и оставил гимназию, в которую попал с таким трудом». Затем он обучался в Венском технологическом институте. В 1875 г. С.Я. Виттенберг возвратился в Николаев и стал активным участником местных народнических кружков. Вскоре ему пришлось перейти на нелегальное положение. Это было время, когда народническое движение переходило от пропагандистской деятельности и «хождения в народ» к активной революционной борьбе, одним из направлений которой становится индивидуальный политический террор. С.Я. Виттенберг вместе с Логовенко стал одним из организаторов группы, которая задумала организовать взрыв во время посещения Николаева императором Александром II в августе 1876 г. Членов группы вскоре арестовали. Приговором суда по данному делу 28 человек были приговорены к смертной казни через повешение. В августе 1879 г. в районе Поповой балки С.Я. Виттенберг был казнен [435, с. 154-157; 440, с. 86].

Под влиянием С.Я. Виттенберга пришел в народническое движение Михаил Абрамович Морейнис, он родился в г. Николаеве в 1861 г., его мать была дочерью А. Рафаловича. В своей автобиографии он вспоминал: «с 15-летнего возраста я был знаком с существовавшими тогда в Николаеве революционными кружками. Некоторые из знакомых членов кружков сочувствовали мне и помогли осуществить

мою заветную мечту [поступить в университет, – В.Щ.]» М.А. Морейнис был арестован, содержался в николаевской тюрьме, привлечен к суду по «процессу 28» и приговорен к смертной казни, но мера наказания была смягчена и заменена ссылкой в Восточную Сибирь. В Николаеве он смог возвратиться лишь в конце 90-х гг. и еще длительное время находился под надзором полиции. Его сестра Фани (Фейга) Абрамовна Морейнис-Муратова также была активной участницей революционных террористических кружков в Николаеве, Одессе и Петербурге, принимала участие в подготовке к организации покушения на императора Александра II группой А.И. Кибальчича. В 1883 г. была осуждена военным судом и сослана в Восточную Сибирь [435, с. 154-157]. К этому периоду относятся документы, обнаруженные нами в ГАО. 10 октября 1884 г. Николаевский полицмейстер сообщал приставу Московской части: «Согласно предписанию Николаевского военного губернатора от 24 марта 1881 г. за № 31 разыскивается привлеченная в качестве обвиняемой к дознанию по делу о государственном преступлении еврейка Фейга Абрамовна Морейнис. Каковым розыском безусловно известно, что во вверенной Вам части проживает мещанин Абрам Хаимович Морейнис, посему предписываю... дознать, не дочь ли его разыскиваемая Фейга Морейнис, и сообщить, не представляется ли возможным собрать сведения где она находится в настоящее время». Вскоре околоточный надзиратель доложил: «По собранным мною сведениям оказалось, что Фейга Морейнис есть родная дочь Абрама Морейниса, которая в настоящее время находится в ссылке на поселении в отдаленных местах Сибири, но где именно дознаться не представляется возможным» [270, л. 12-13]. В данном случае военный губернатор и полицмейстер проявили явную неосведомленность, продолжая розыск Ф.А. Морейнис, которая к этому времени была уже арестована, осуждена и сослана.

Активной участницей революционных народнических кружков в Одессе и Петербурге была уроженка Николаева Х.Н. Гринберг. В Николаеве начиналась революционная деятельность Соломона Чудновского, Владимира и Григория Айзманов.

В конце XIX – нач. XX вв. участие еврейской молодежи в революционной борьбе становилось все более активным. Среди участников и создателей эсеровских и социал-демократических кружков в городе было много евреев, большой популярностью среди них пользовались также идеи анархизма.

В ведомости Николаевской городской полиции за 1902 г. указано 5 лиц, находившихся под гласным надзором полиции. И в их числе было трое евреев: Б.Г. Кранцфельд, Р.М. Мейдман, О.М. Шах. Все трое были осуждены «за государственное преступление» [273, л. 4-5].

Об активном участии евреев в рабочем движении свидетельствуют отчеты об «уличных беспорядках», которые происходили в Николаеве 21-23 июля 1903 г. В эти дни в городе происходили демонстрации, в ходе которых рабочие оказали сопротивление полиции. За участие в этих выступлениях полицией было арестовано 104 человека, в их

Угловой штамп и печати Николаевской городской полиции

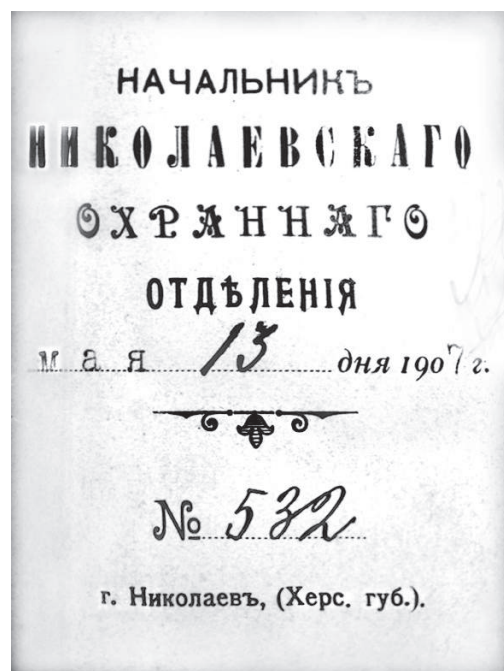
числе было 25 евреев, большинство из них составили рабочие местных заводов. Многие арестованные объясняли, что попали в толпу демонстрантов случайно, но в протоколах особо отмечали, что И.А. Зингер задержан на улице Потемкинской с красным флагом, при нем обнаружена прокламация; Л.П. Симляк (15 лет, ученик в котельной мастерской французского завода) задержан с прокламацией в кармане. В числе 23 обвиняемых и 24 привлеченных к дознанию об участии в беспорядках были Шлема Цинман, Исаак Зингер, Лейба Мирский, Абрам и Мендель Неменовы, Соня Красник, Фроим Львов, Берко Комдан, Лейба Симпляк. Большинство из них приказом градоначальника оставлены под арестом на 3 месяца [282, л. 24, 79, 84-89].

Представляет интерес «Дело о побеге из Николаевской городской тюрьмы заключенного Лейзера Лapidуса». Л. Лapidус, обвиняемый в «хранении и распространении нелегальных изданий», был арестован в ноябре 1903 г. и отправлен в Николаевскую городскую тюрьму. Пользуясь тем, что он не был переодет в тюремную одежду, арестованный сумел смешаться с толпой посетителей и вечером покинул тюрьму. Как отмечено в материалах дела, «Принятые меры по розыску Лapidуса не увенчались успехом» [171].

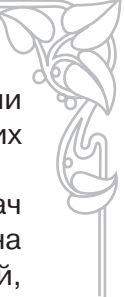

Активное участие принимала еврейская молодежь в революционных событиях 1905-1907 гг., при этом власти предприняли немало усилий для того, чтобы свалить вину за эти события именно на евреев. В 1907 г. Николаевский полицмейстер докладывал градоначальнику: «Из групп населения только евреи остаются по-прежнему крайне враждебны к существующему государственному строю, но и они стараются не высказывать этого слишком явно, как это делалось во время наибольшего подъема освободительного движения в 1905-1906 гг.» [179, л. 31]. Николаевская исследовательница Н.В. Калкутина приводит такие данные: в июне 1906 г. в николаевском исправительном арестантском отделении содержались 27 политзаключенных, из них 17 – евреи [487].

В городе активно действовали организации еврейских социал-демократических партий БУНД и «Поалей-Цион».

По докладу ротмистра отдельного корпуса жандармов Ерандакова, ответственным редактором нелегальной газеты «Борьба» издаваемой в Николаеве совместно РСДРП и БУНДОМ, являлся Нахман Самуил Букерман, распространителями – Элий Озерянский, Хаим Моисей Хусид, Хана Штейнман [169]. 26 января 1907 г. была арестована и обыскана акушерка-практикантка Фрима Шимоновна Бейз, 19 лет от роду. У нее обнаружено несколько прокламаций и газета «Борьба». Ее обвинили в распространении нелегальной литературы и агитации к голосованию за партию РСДРП на выборах в Государственную Думу, за что распоряжением временного военного губернатора № 1653 от 5.02.1907 г. ей предписано: «Запретить жительство в г. Николаеве все время состояния его на военном положении» [138, л. 92-93].

Угловой штамп Начальника Николаевского охранного отделения

Евреи активно участвовали в деятельности николаевской организации партии социалистов-революционеров (эсеров), особенно ее боевых дружин, ставивших целью организацию террористических актов против представителей власти.

Одним из наиболее активных деятелей организации эсеров был известный врач М.Г. Кенигсберг. Как отмечалось в документах жандармского корпуса, в его доме на Пушкинской улице проводились сходки членов местных эсеровских организаций, он проводил «усиленную пропаганду среди местной интеллигенции», «щедро снабжал деньгами революционные организации на приобретение оружия». 6 февраля 1906 г. он был арестован и приговорен к ссылке в Якутию сроком на 5 лет, но впоследствии наказание смягчили, в апреле он должен был выехать из города, но вскоре по разрешению временного военного губернатора А.Н. Ступина ему разрешили возвратиться в город [550, с. 82].

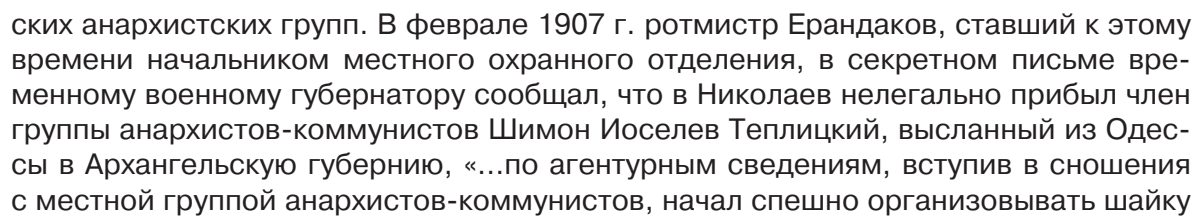
Согласно секретному донесению жандармского ротмистра Ерандакова, в 1904 г. был задержан один из активнейших членов местной организации социалистов-революционеров Садук Шимон Раецкий «...за распространение прокламаций, составленных им самим, с его арестом деятельность эсеров в городе почти прекратилась, но, когда в декабре 1904 г. он был отпущен, организация вновь ожила; заметив наружное наблюдение, [он] скрылся в Петербург, где состоял сотрудником одной из революционных газет». В декабре 1906 г. он возвратился в Николаев и развернул активную организаторскую работу по сплочению местных эсеров, одновременно готовил проведение террористического акта на 1 сентября того же года, но вскоре «был арестован и обыскан, но ничего противозаконного не обнаружено». Тот же ротмистр Ерандаков предлагал временному военному губернатору Ступину выслать задержанного из г. Николаева. 10 января 1906 г. последовало распоряжение о высылке С.Ш. Раецкого в Вологодскую губернию под надзор полиции [138, л. 6, 10].

В донесениях начальника Николаевского охранного отделения за 1907 г. сообщалось: «Содержащиеся в Николаевской тюрьме нелегальные Самуил и Сара Геллер намереваются совершить побег и тайно сносятся с членами организации социалистов-революционеров»; «Ведется розыск членов партии социалистов-революционеров Ицки Ковтуна, Адама Когана, Якова Цуркана». 29 сентября того же года охранное отделение ходатайствовало о высылке студента Новороссийского университета Левы Штейнберга, члена партии эсеров, подозреваемого в подготовке террористического акта, а также Мозеса, у которого при обыске найдена нелегальная литература и партийные документы [174, л. 22-23, 25-26].

В декабре 1906 г. Николаевский градоначальник сообщал в МВД секретным письмом: «Помимо существования в г. Николаеве вредных политических партий под наименованием «Николаевский комитет социал-демократической партии» и «Николаевская организация социалистов-революционеров» с боевою дружиною последней, в коих евреи принимают видное участие, здесь еще образовались в сравнительно недавнее время исключительно еврейские национальные партии под именами «Бунд», «Поалэ [Поалей] Цион», группа «сионистов» и другие преследующие революционные цели еврейские организации. Борьба с еврейскими революционерами затрудняется в высшей степени тем, что вся отбираемая от них в огромном количестве нелегальная переписка, различного рода литературные произведения как гектографические, так и печатные, ведутся исключительно на еврейском языке. В числе же чинов местного жандармского надзора и полиции не имеется лица, знающего этот язык» [135, л. 3].

Достаточно большую активность евреи проявляли в организации террористиче-

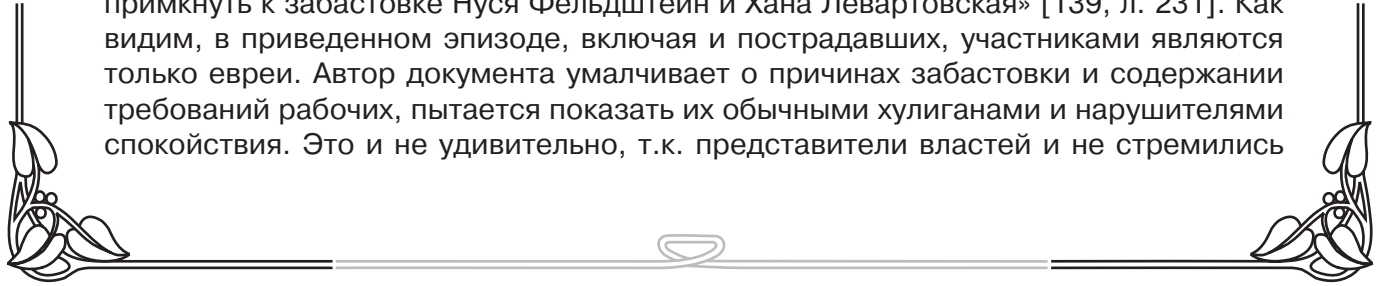

ских анархистских групп. В феврале 1907 г. ротмистр Ерандаков, ставший к этому времени начальником местного охранного отделения, в секретном письме временному военному губернатору сообщал, что в Николаев нелегально прибыл член группы анархистов-коммунистов Шимон Иоселев Теплицкий, высланный из Одессы в Архангельскую губернию, «...по агентурным сведениям, вступив в сношения с местной группой анархистов-коммунистов, начал спешно организовывать шайку экспроприаторов для совершения ограблений. В случае удачи эта шайка должна была совершить террористические акты в городе Николаеве». 2 февраля Ш. Теплицкого арестовали и «этапным порядком» выслали в Вологодскую губернию под надзор полиции [138, л. 123, 125].

29 сентября 1912 г. в секретном рапорте полицмейстер докладывал градоначальнику, что в город тайно прибыл Бенцион Каданер – член партии анархистов-коммунистов, который ранее неоднократно подвергался обыскам и арестам, в 1906 г. был выслан в Вологодскую губернию, ему запрещено дальнейшее проживание в Николаеве. За ним и Ш. Линецким установлен тайный надзор полиции [155, л. 262, 265, 268].

Нами обнаружен достаточно редкий документ, свидетельствующий о деятельности в Николаеве еврейской социал-демократической партии «Поалей-Цион». Это рапорт Николаевского полицмейстера Подгорного № 7192 от 8.03.1907 г. временному военному губернатору Ступину о тайном собрании членов николаевской организации этой партии. Полный текст этого документа приведен в приложении к книге. К рапорту приложены протоколы обысков, проведенных по месту жительства ряда участников собрания, в которых, в основном, зафиксировано, что «ничего явно преступного не найдено», за исключением нескольких изъятых книг и брошюр. Далее полицмейстер докладывал, что 7 участников «сходки» сообщили ложные адреса и скрылись. В приложенном общем списке из 21 человека обращает на себя внимание возраст участников, им всем от 16 до 20 лет, и можно предположить, что профессиональных революционеров среди них не было. Постановлением временного Николаевского военного губернатора № 3926 от 17.03.1907 г. участники собрания подвергнуты заключению в тюрьму сроком на 3 месяца. 4 апреля того же года полицмейстер сообщал об аресте Х. Хусида, М. Гофман и Б. Пархомовской, которые ранее скрывались (приложение 17) [138]. К сожалению, фонд 165 «Николаевский комитет еврейской социал-демократической партии «Поалей-Цион» в ГАНО был утрачен в период Великой Отечественной войны, поэтому осветить более подробно деятельность этой партии в Николаеве не представляется возможным [434, с. 150].

Об активном участии евреев в рабочем движении свидетельствует рапорт Николаевского полицмейстера Подгорного от 8 июня 1907 г. В нем сказано: «Работавшие на картонажной фабрике «Якорь» мещане Абрам Дашевский, Куня Оксенгендер, Моше Менделевич, Блюма Склярская, Сарра Спектор, Хая Козленко и Сима Козленко и Иошуа Клейнц составили союз рабочих и изображали собой правление этого союза, удерживали деньги с рабочих на революционные цели и проводили забастовку с целью добиться своих требований, а когда были рассчитаны, то не допускали на фабрику рабочих, производя над ними насилия. Так, 6 июня был избит не желавший примкнуть к забастовке Нуся Фельдштейн и Хана Левартовская» [139, л. 231]. Как видим, в приведенном эпизоде, включая и пострадавших, участниками являются только евреи. Автор документа умалчивает о причинах забастовки и содержании требований рабочих, пытается показать их обычными хулиганами и нарушителями спокойствия. Это и не удивительно, т.к. представители властей и не стремились

объективно разобраться в ситуации, предпочитая решать все возникающие проблемы репрессивными методами.

Самой известной фигурой, чья деятельность связана с рабочим движением в Николаеве был Лев Давидович Бронштейн (Троцкий), в Николаеве начиналась его революционная деятельность, здесь он приобщался к марксизму. Он появился в городе в 1895 г., будучи учащимся

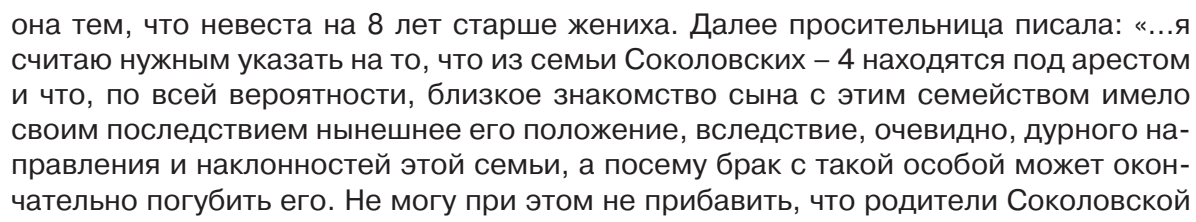

Л.Д. Троцкий
*Фотография со справки о революционной
деятельности в Департаменте полиции*

реального училища, он стал активным участником «Южнорусского союза рабочих», организовал подпольную типографию, где печатались прокламации и газета «Наше дело». В своих воспоминаниях он писал: «Я удивляюсь, с какой легкостью нам, небольшому кружку юношей, удалось войти в доверие николаевских рабочих – среды довольно культурной, идейной, затронутой разными видами сектантства в старшем поколении и атеизмом – в младшем... Николаевская организация заключала в себе 250 рабочих, что по тому времени было весьма много. Николаевским рабочим я был известен под именем Львова. Мы вели кружковые занятия, устраивали небольшие массовки в лесах, издавали прокламации, газеты. Политическое невежество масс было весьма глубокое. В сущности, я ни одной революционной книги тогда не читал. Даже с «Коммунистическим манифестом» познакомился впервые, читая и разъясняя его в кружках». О существовании и деятельности кружка через провокаторов вскоре стало известно властям. «Ареста ждали мы со дня на день, так как в Николаеве всех нас называли по именам, мы считали «неудобным» уклоняться от ареста, ежели он обрушится на организацию. 28 января 1898 г. я был арестован...». В своих воспоминаниях Л.Д. Троцкий ошибся в дате ареста. В Госархиве Одесской области сохранилась выписка из протокола его допроса, происходившего 23 января 1898 г. в николаевской тюрьме. Во время допроса он сообщил о себе такие данные: «Зовут меня Лейба Давидов Бронштейн, родился 15 ноября 1877 года в д. Яновке Херсонской губернии Кетрисановской волости Елисаветградского уезда, вероисповедания иудейского, происхожу из колонистов-землевладельцев, еврей, русскоподданный, колонист, место постоянного жительства г. Николаев. Приписан к обществу колонистов колонии Громоклея Кетрисановской волости Елисаветградского уезда. По отбывании воинской повинности приписан к Бобринскому (Елисаветградский уезд) призывному участку и подлежу призыву в 1899 г. Последнее время занимался частными уроками. Плата, получаемая за уроки, была моими средствами к жизни» [Цит. по: 335, с. 152].

Л.Д. Бронштейн был заключен в николаевскую, а затем в одесскую тюрьму, считается, что именно там служил надзиратель Троцкий, чью фамилию революционер взял себе в качестве псевдонима.

В Николаеве он познакомился со своей будущей супругой Александрой Львовной (Лейбовной) Соколовской, которая также была членом кружка. Молодые люди имели намерение обвенчаться в тюрьме. Узнав об этом намерении, мать Л.Д. Троцкого Анета Бронштейн 12 декабря 1898 г. обратилась к прокурору Одесской судебной палаты с прошением запретить им вступить в брак. Аргументировала свою просьбу

она тем, что невеста на 8 лет старше жениха. Далее просительница писала: «...я считаю нужным указать на то, что из семьи Соколовских – 4 находятся под арестом и что, по всей вероятности, близкое знакомство сына с этим семейством имело своим последствием нынешнее его положение, вследствие, очевидно, дурного направления и склонностей этой семьи, а посему брак с такой особой может окончательно погубить его. Не могу при этом не прибавить, что родители Соколовской люди бедные и что брак этот рассчитан скорее на то, чтобы этим путем заставить меня и мужа тратиться на них». Отец же А. Соколовской, напротив, к перспективе брака отнесся положительно. В письме, которое он написал будущему зятю, говорилось: «...что относится к вопросу о согласии твоих родителей, то мне очень жаль за тебя, а за Сашеньку только отчасти, именно только отчасти, потому, что нам даже это, собственно, не прискорбно и даже, напротив, есть довольно основания быть довольным этим положением, потому что они гордятся в гораздо большей мере своими богатствами, чем твоими личными достоинствами». В январе 1899 г., находясь в Одесской тюрьме, Л.Д. Троцкий написал письмо своей невесте, которая находилась в той же тюрьме, и попытался передать его через своих товарищей, но письмо перехватили жандармы. Благодаря этому оно и сохранилось. В этом письме будущий пламенный революционер предстает влюбленным, заботливым и даже сентиментальным молодым человеком [Цит по: 335, с. 152].

В 1899 г. по приговору суда они были сосланы в Восточную Сибирь. По этому же делу были осуждены Элий Лейбович и Герш Лейбович Соколовские. [440, с. 327; 435, с. 720-721]. В сопроводительном письме Иркутский генерал-губернатор подчеркивал: «...лица эти, состоя членами преступного сообщества, именовавшего себя «Южнорусским рабочим союзом», вели в 1897 г. деятельную пропаганду социалистических идей среди рабочего населения г. Николаева, для чего организовали там тайные кружки, устраивали сходки, а также составляли и распространяли преступные воззвания» [164, л. 2]. Достаточно подробно историю первой любви Л.Д. Троцкого и биографию А.Л. Соколовской изложила николаевский краевед Е.В. Гриневиц [465].

Ита Львовна Соколовская, сестра А.Л. Соколовской, проживала в Николаеве. Сестры долгие годы поддерживали переписку. В 1936 г. И.Л. Соколовскую арестовали и осудили. Главным обвинением в ее адрес было то, что она имела связи с «врагами народа» и вела троцкистскую пропаганду [456, с. 16-17].

Членом «Южнорусского союза рабочих», а впоследствии Николаевского комитета РСДРП(б) был Исаак Израилевич Шварц (партийный псевдоним «Семен»). В 1902 г. арестован и сослан в Восточную Сибирь. Впоследствии стал видным организатором советской власти на Украине [440, с. 355].

В числе самых известных лидеров социал-демократов (большевиков) Пинкус Лазаревич Ровнер, партийный псевдоним «Аким». Начал революционную деятельность в 1902 г., работая кузнецом на судостроительном заводе, неоднократно арестовывался, отбывал тюремное заключение. Один из лидеров Николаевского комитета РСДРП(б), редактировал подпольную газету «Борьба». Погиб в 1919 г. [440, с. 284].

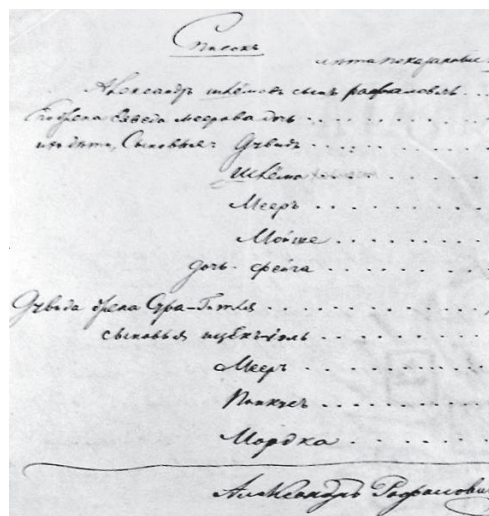
ЕВРЕИ В СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА

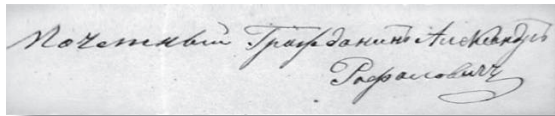
В 1859 г. правительство разрешает вернуться в Николаев еврейским купцам. Евреи-купцы достаточно активно добивались права быть причисленными к числу николаевских купцов. Когда в ноябре 1859 г. городская управа пригласила для составления сметы коробочного сбора 7 еврейских купцов, поселившихся в Николаеве, среди них не было ни одного николаевского купца. Под проектом сметы, составленным в феврале 1860 г., стояло 10 подписей купцов, среди них уже именовали себя николаевскими 6 человек: Александр и Ривка Рафаловичи, Герш Гринберг, Мошка Фельдман, Берко Вильскерт, Иуда Калниболоцкий [63, л. 5, 15].

Среди первых статус николаевского купца получил кишиневский 1-й гильдии купец Александр Шлемович Рафалович с семейством [64, л. 1-4]. 22 июня 1864 г. решением Правительствующего Сената ему присвоен статус потомственного почетного гражданина. В сентябре 1865 г. он обратился в городскую Думу с прошением о внесении его семьи в книгу почетных граждан г. Николаева. К прошению приложен список состава семьи из 12 человек. Дума, очевидно, не очень торопилась с исполнением, т. к. впоследствии с несколькими прошением по этому поводу обращались его жена и сын Шлема Рафалович [35]. Дело растянулось до 1877 г. и было решено положительно, т.к. в дальнейшем сыновья Александра Рафаловича Шлема и Давид – крупные николаевские купцы и предприниматели в документах подписывались как потомственные почетные граждане. Семья Рафаловичей, кроме того, до конца 60-х гг. пришлось добиваться от казны возмещения расходов, понесенных ими при выполнении подрядов на строительство кораблей для Черноморского флота в 50-х гг.

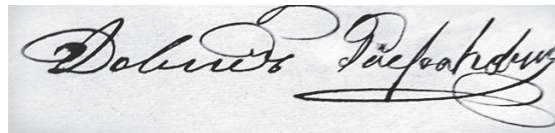
Рафаловичи и их родственники составляли в Николаеве достаточно влиятельный и обособленный семейный клан. Заметки об их жизненном укладе оставила в автобиографии внучка Рафаловича Ф. Морейнис-Муратова. Она вспоминала: «Дед имел очень много детей, и мы вращались в среде своих многочисленных родных, составлявших своего рода еврейскую аристократию и почти не водивших знаком-

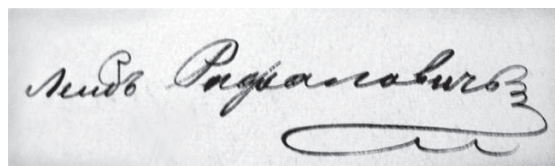
Список семьи А.Ш. Рафаловича [37, л. 1]

Автограф А.Ш. Рафаловича

Автограф Д.А. Рафаловича

Автограф Л.А. Рафаловича

ства с остальным еврейским населением города. Быт был настолько патриархален, что выдавали замуж и женили своих детей так, что жених и невеста видали друг друга только перед венцом. Таким образом вышла замуж и моя мать, причем дед взял зятя – моего отца к себе в дом с тем, чтобы он, ранее изучавший только Талмуд, постепенно привык к коммерческим делам. С русскими не допускались в семье никакие отношения. Вся прислуга была еврейская, за исключением одной только русской девушки, которую держали для выполнения мелких работ в субботу. С евреями также было очень мало отношений, потому что семья смотрела на них сверху вниз – одни из них были бывшие служащие деда, другие, вновь прибывшие, часто представля-

лись недостаточно религиозными. Я распространяюсь так много о своем дед, так как память о нем наложила печать на все наше воспитание: нам постоянно твердили, что мы внуки Рафаловича, что на Рафаловичей смотрит весь город и т.д. Моя мать была женщина неяркая – она была неглупая и добросовестно несла семейные обязанности, была религиозна, но не отличалась фанатизмом, и если бы не влияние отца, которого она обычно во всем слушалась, не была бы особенно стойкой в соблюдении правил старого быта. Но отец [Абрам Морейнис – А.П.] был человек незаурядный – он выдавался своим умом, своей волей, своей религиозностью, доходившей до фанатизма, и своей честностью, доходившей до самоотвержения. Он занимался экспортом хлеба, заключая соглашения с представителями зарубежных фирм» [435, с. 160]. Естественно, вести такой замкнутый образ жизни могла себе позволить только такая состоятельная и влиятельная семья, как Рафаловичи, но не подлежит сомнению, что большинство еврейских семей сохраняли достаточно консервативный традиционный жизненный уклад.

Между тем, большинство евреев-мещан, селившихся в городе, сохраняли приписку к городам и местечкам, из которых они переселились. В конце 1869 г. Николаевская городская Дума докладывала военному губернатору, что «в николаевские мещане причислено всего три семейства евреев». В 1872 г. под прошением об открытии молельного дома в Одесской части поставлено 34 подписи мещан, среди них только один николаевский мещанин Мовша Шейнин. В 1879 г. под подобным же прошением об открытии молельного дома по ул. Пограничной стоят 33 подписи, из них только 3 николаевских мещанина. [211, л. 4; 216, л. 4; 223, л. 2]. Приведенные факты свидетельствуют о том, что Николаевская дума и мещанская управа не проявляли стремления к тому, чтобы приписать евреев к числу полноправных мещан города. Десятилетиями они числились мещанами, приписанными к другим местностям, что делало их положение в городе достаточно нестабильным, но это не мешало властям требовать от них своевременной уплаты налогов и повинностей в пользу города.

Расчет Б.А. Глазенапа на то, что евреи будут способствовать оживлению экономической жизни города, оказался вполне оправданным Уже с начала 60-х гг. евреи занимают все более заметное место в разных сферах городской экономики. К при-

меру, в 1863 г. из 48 членов портновского ремесленного цеха было 18 евреев, из 26 мастеров сапожного цеха – 7, из 40 мастеров часового цеха – 11, по 3 мастера-еврея было в булочном и каретном цехах. Из действовавших в 1864 г. в городе 22-х постоянных дворов 9 содержались евреями. Из 34 содержателей трактирных заведений – 3 еврея, значительное число их было среди приказчиков и служащих «питейной конторы» [72, л. 3-6; 73, л. 2-9]. Еще более динамично происходил рост числа еврейских купцов. Если в «именном списке» за 1860 г. их числилось 13 (а с членами семей, приказчиками и прислугой – 141 человек), то в мае 1862 г. их число увеличилось до 29. Если учесть, что в этом году городской управой было выдано 160 торговых свидетельств купцам всех трех гильдий, то окажется, что евреи составляли 18% от общего числа лиц, занимавшихся торговой и коммерческой деятельностью в Николаеве [67, л. 4-5; 68, л. 24; 45, л. 3]. Как писал в своем письме Новороссийский генерал-губернатор: «...по доставленным городской Думою сведениям, евреев в Николаеве в 1865 г. находилось: купцов – 39, приказчиков – 157, мещан и ремесленников – 27, подмастерьев – 70; всего же там проживали 263 еврейских семейства, а потому, если считать в каждом из них только по три члена, еврейское население Николаева простиралось до 760 душ; отставных же нижних чинов из евреев проживало в том же году в Николаеве: постоянно 68 и временно 24». Особенно впечатляющим был прирост числа еврейских купцов. В «Списке купцам-евреям г. Николаева» за 1867 г. указано 48 человек [79, л. 19-20, 61].

С конца 60-х гг. в городе проживало значительное число евреев, которые не были российскими подданными. К примеру, в «Списке евреев-иностранцев, проживающих в г. Николаеве» за 1881 г. указано 156 человек (без членов семей). В их числе подданные Турции, Румынии, Молдавии, Австрии и Пруссии.

Дом Л.Е. Мешуреса

Рост еврейского населения в Николаеве не мог не привлечь внимание со стороны российской еврейской прессы, которая также в это время переживала период своего становления. 29 июля 1868 г. Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор А.Г. Строганов писал Николаевскому военному губернатору, что к нему обратился за содействием «Редактор издаваемой в Одессе еврейской газеты «Гамелиц» Александр Цедербаум, предпринимая поездку по главным местам оседлости еврейской в Малороссийском крае, с целью лично ознакомиться с бытом их, изучить на месте их надобности... Предпринимаемая им поездка может принести значительную пользу как изданию, так и еврейскому обществу». Администратор просил оказать содействие в деятельности редактора. 5 августа того же года М.П. Манганари, исполнявший в это время обязанности военного губернатора, выдал распоряжение николаевской полиции, в котором говорилось: «Предлагаю оказывать Цедербауму покровительство и возможное содействие в случае нужды и справедливых требований к выполнению принятого им на себя исследования» [209]. В данном эпизоде сталкиваемся с редким случаем, когда оба высокопоставленных администратора добровольно, без распоряжений сверху, дали согласие содействовать в делах, касающихся евреев.

В списках купцов и лиц, получивших гильдейные свидетельства (т.е. имевших право заниматься торговлей) по г. Николаеву за 1892 г. неевреи составляли 186 человек (59,4%), а евреи – 127 человек (40,6%) (*Приложение 2*) [121, л. 10-16].

Большинство евреев-торговцев занимались мелкой торговлей, обеспечивая потребности городского населения в самом необходимом. В качестве примера такой торговли можно привести сведения о Любе Исааковне Кейсерман, которая в 1915 г. торговала рыбой в деревянной лавке в селедочном ряду на городском рынке. За аренду лавки она оплачивала 200 руб. в год, особо указывалось, что торгует «сама

Базарная площадь
(с открытки начала XX в.)

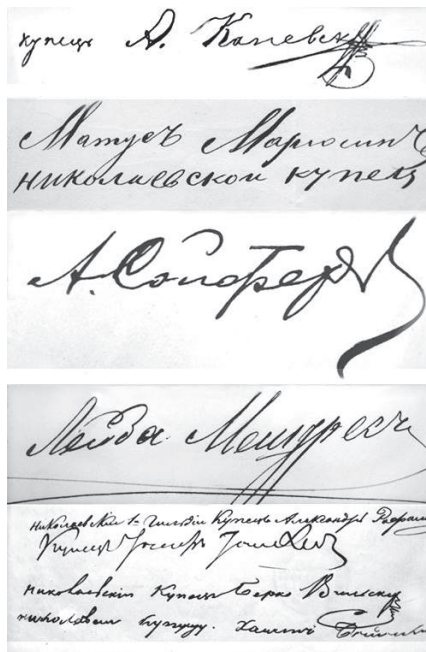
Каменные торговые корпуса на привозном рынке

владелица торговли», годовой оборот составлял 1 500 руб. в год [303, л. 126-127]. Сумма оборота выглядит достаточно значительной, но нужно учитывать, что большая часть суммы затрачивалась на оптовую закупку рыбы, уплату налогов и сборов.

Евреи внесли значительный вклад в превращение Николаева в крупный промышленный центр в конце XIX – нач. XX вв. В торгово-промышленном адрес-календаре Российской империи «Вся Россия» за 1895 г. значатся такие предприятия, принадлежавшие евреям:

фабрики и заводы: кишечный (Юлиус Бейль), литейный (Эссен К.), мельница (Тонгур Исаак), мыловаренный (Ходжаш Э.И.), чугунно-литейный (фон-Эссен К.А.);

торгово-промышленные предприятия: аптеки (Бриль Г.М., Каневский Израиль, Ландау С.М., Менкин И.П.); аптекарские товары (Кривицкий Мошка, Лоевский Давид и Кассадю Вишмунд); ассенизация (Самсонов Давид); бакалея (Билик Иосиф, Ковлер Мендель, Мишурин Лейба, Павлоцкий Хаим, Шлеймович); бронзовые изделия (Коган Михель); вино и спирт (Бланк Марк, Бродский И.М. (наследники), Каневский Арон, Кроль Абрам, Лисапский Иосиф, Розенталь Шмерка); галантерея (Белик Мордка, Герман, Чабак Ной); гостиница (Барбе Иосиф); земледельческие орудия (Павлоцкий Хаим); керосин (Абрамов Лейба, Вольштейн Шмая); книги (Гах, Гелер, Шах); кожа (Чабак Ной); конторы комиссионные: хлеб (Властелица Георг и Вулих Хупа, Кашенер Абрам, Клейман Арон, Куперман Иосиф, Липавский Менахем, Рашковский Товий, Сербин Валька, Тур-

Автографы купцов-евреев г. Николаева

шу Соломон, Имас Шмуль); маклерские (Берендорф Ривин, Гринер Янкель, Калогерас С.С., Каменер А.С., Каменский Самуил, Кеннисберг Герш, Ротгольц Исаак, Трахтенберг Лейба, Черников Д.Б.); экспортные («Арист Масса и Ко», Варшавский Соломон, «бр. Валлер и Ко», «бр. Дрейфус и Ко», Калиновский Мориц, Купа Э.С., «Нейфельд М. и Ко», Рейнгадт А.К., Эрлих И.Д.); краски и обои (Каневский Иосиф); мануфактурные товары (Гладштейн Ангел, Гринштейн Шмуль, Дерфель Ушер, Кефели Иосиф, Коган Герш, Рашковский Товий, Яшин Абрам); мука (Лехтман Айзик, Тонгур Исаак, Ходжаш); мех (Гринштейн); мешки-склады (Бунцельман, Белик, Белич, Габис, Гершман, Колегорский, Немировский) и др. [432, ст. 1571-1572].

В «Обзоре Николаевского военного губернаторства» за 1899 г. среди крупнейших промышленных предприятий города упомянуты завод земледельческих машин К.А. Эссена, который в течение года изготовил продукции на 98 500 руб.; завод котельной арматуры А.И. Уманского, производивший продукции на 55 000 руб.; маслобойный завод Левина и Ратнера, стоимость произведенной за год продукции составляла 91 880 руб. [358, с. 12].

Достаточно весомой была доля евреев среди владельцев недвижимости. По этому поводу в 1901 г. газета «Восход» писала: «...недвижимых имуществ, принадлежащих евреям (тоже за 1900 г.), насчитано всего 494, за которые государственного поземельного налога в городскую кассу поступило 7 686 руб. 50 коп. На нужды местных евреев из сумм коробочного сбора тратится 47 353 руб. Таким образом, на 30-тысячное еврейское население приходится всего 494 домовладельца, добрая половина которых при домах своих занимает скорее положение дворников, чем домохозяев, так как дома их заложены и перезаложены. То же и с торговым элементом. На несколько сот торговых предприятий всего 14 крупных, остальные – мелкие бакалейные лавочки, в которых товару ровно на три гроша» [579, 1901, № 48, ст. 9].

Дом Кенигсбергов

Дом Форштетеров

домовладельцев в городе был Арон Яковлевич Клейман, которому принадлежало несколько домов и гостиница Лондонская [440, с. 166].

В полемическом запале автор заметки слишком явно преувеличил численность еврейского населения в городе, которая к этому моменту по официальным данным составляла 16 487 лиц обоего пола. Если даже учесть, что, кроме этого, в Николаеве незаконно могло проживать значительное количество евреев, все же их число далеко не дотягивало до указанных 30 тысяч. В остальном с ним трудно не согласиться.

Одним из крупнейших

Роль евреев в развитии судостроения

Активное участие евреев в подрядном судостроении в первой четверти XIX в. прекратилось с выселением евреев из Николаева по указу 1829 г. Однако некоторые купцы, несмотря на запреты, продолжали строить суда для Черноморского флота по государственным подрядам и далее, сохраняя и во II половине XIX в. достаточно сильные позиции в основной отрасли экономики города – судостроении. Такими подрядчиками-судостроителями была семья Рафаловичей.

Могилевский купец второй гильдии Шлема Рафалович (ок. 1790 г. – до 1853 г.) был племянником Ю.М. Грейг, жены адмирала А.С. Грейга. Она пригласила его в Николаев для поставок интендантских припасов и разных материалов Черноморскому флоту. В 1825 г. Ш. Рафалович переехал в Николаев, где стал главой (ребе) местных евреев. Вместе с ним приехали его жена Ревекка (ок. 1800 г. – после 1857 г.) и сын Александр (ок. 1820 г. - 1890 г.).

Когда Главный командир Черномор-

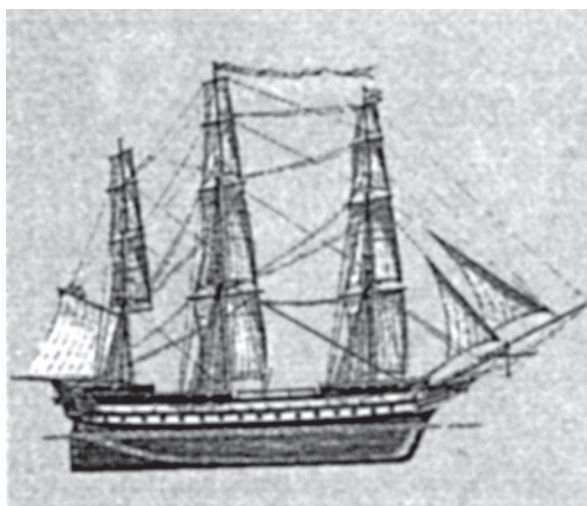
Реклама еврейских предприятий

ского флота и военный губернатор Николаева адмирал М.П. Лазарев добился разрешения на постройку судов с подряда, этот подряд выиграл Ш. Рафалович.

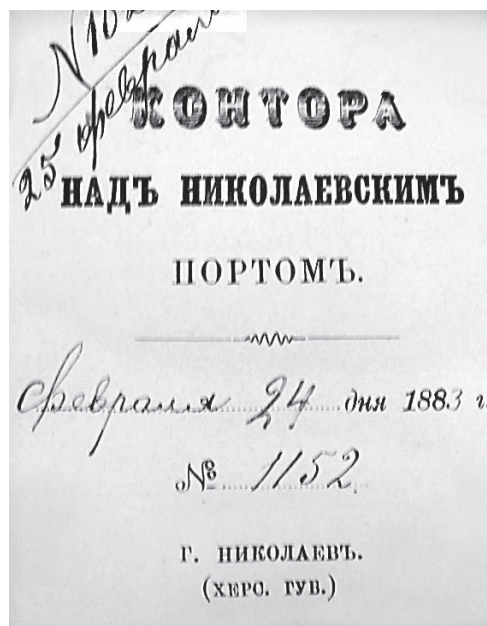
В 1838 г., получив разрешение на жительство в Николаеве, Ш. Рафалович восстановил бывшие эллинги А. Перовского в Спасском адмиралтействе. На них он построил с 1839 по 1845 гг. 84-пушечные корабли «Гавриил», «Уриил» (улучшенной конструкции по откорректированным чертежам; оба эти линкора сошли на воду соответственно в ноябре 1839 г. и в октябре 1840 г.; на них разместили 88 и 96 артиллерийских орудий, в том числе пушечные единороги и пушки 36- и 24-фунтовых калибров), «Ростислав» и «Святослав» [480, с. 221].

В 1845 г. Ш. Рафалович предложил построить с подряда 120-пушечный корабль. Такое предложение заинтересовало черноморское командование. Главный командир Черноморского флота указывал на невозможность построить казенными средствами и в короткий срок корабль такого ранга, поскольку два года требовалось на заготовление леса и еще три собственно на сооружение судна. Истекал срок службы основных судов флота: «Варшава» и «Три Святителя». Еще одним аргументом администрации в пользу отдачи подряда Рафаловичу была нехватка денежных средств, так как финансовая смета на 1846 г. предусматривала на новое кораблестроение сумму, составлявшую, в случае постройки 120 пушечного корабля казенными средствами, лишь четвертую часть от необходимой.

В феврале 1846 г. последовало высочайшее позволение отдать подряд без торгов купцу Ш. Рафаловичу. При заключении контракта подрядчик уступил казне 20% сметной стоимости постройки судна, согласившись на сумму в 339 160 руб. серебром [483, с. 389].

Корабль «Святослав»

Угловой штамп Конторы над Николаевским портом

Как писал А.Г. Сацкий, «В первой половине 1846 г. сооружение 120-пушечного корабля неожиданно оказалось под угрозой срыва в связи со смертью Ш. Рафаловича [скорее, в связи с его переездом из Николаева, так как согласно другим данным Шлема Рафалович умер значительно позже – А.П.]». Подряд же взяли на себя Александр и Ревекка Рафаловичи. Так, в 1847 г. был заложен новый 120-пушечный корабль, получивший название «Париж» [483, с. 390].

Стоит отметить, что Ш. Рафалович отличался точностью в соблюдении сроков исполнения контрактов на постройку судов [483, с. 387].

Впоследствии Ш. Рафалович вынужден был уехать в Кишинев. Он основал один из крупнейших банкирских домов. В конце жизни принял православие под именем Федора. Умер в Одессе около 1853 г.

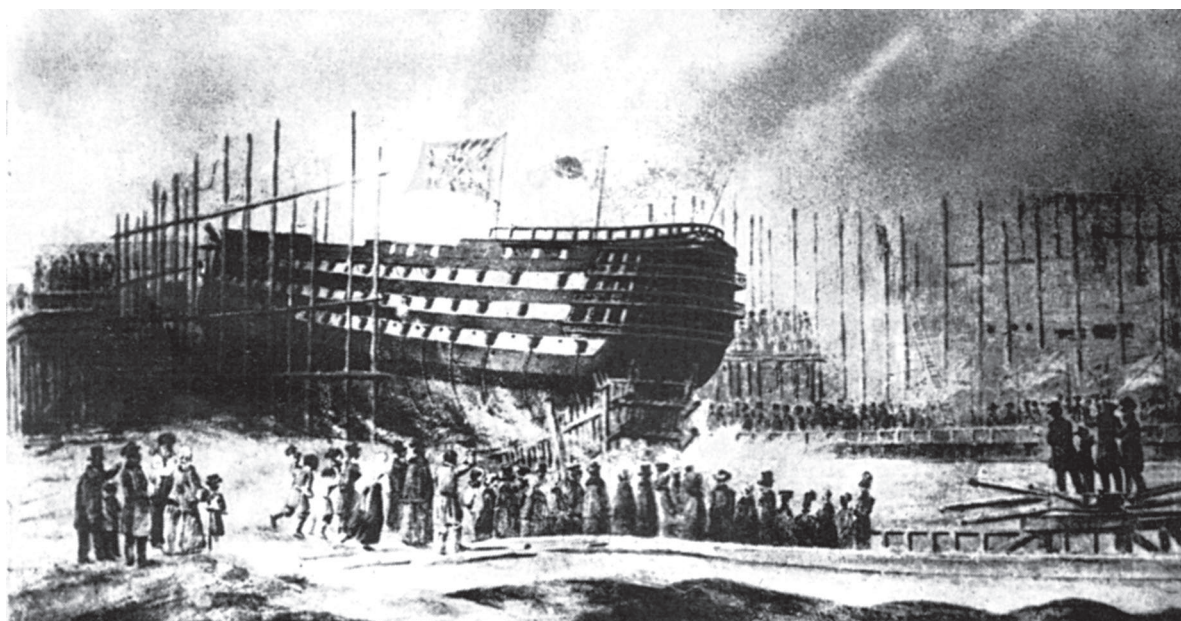
Интересны воспоминания С.Ю. Витте о Ш. Рафаловиче и его потомках: «...я очень хорошо знал отца Рафаловича, старика Федора Рафаловича, который принял православие и был очень ревностным православным... Это был высокой степени почтенный человек, фирма его была одна из самых больших, лучших фирм в Одессе. Когда он умер, дело его перешло к сыновьям. Главный сын – Александр Рафалович...» [449, с. 146-147].

Его дело продолжали вдова Ревекка, ставшая кишиневской купчихой, и их сын Александр.

Вторично восстановив эллинги Спасского адмиралтейства в 1847 г., Рафаловичи успешно занимались подрядным судостроением. С 1849 по 1851 гг. ими были построены 120-пушечные корабли «Париж», «Великий князь Константин» и четыре транспорта. В разгар Крымской войны мать и сын Рафаловичи строили самый крупный в России парусно-винтовой 135-пушечный корабль «Цесаревич» (закончен в 1857 г., без машин), а в 1858 г. – царскую яхту «Тигр». Последними судами, построенными с подряда А. Рафаловичем, были корветы «Ястреб» и «Кречет», шхуны «Чатырдаг» и «Алушта» (1860 г.).

Как справедливо отмечает А.Д. Владерчук, общепринятое мнение о том, что после заключения Парижского мирного договора (1856 г.), запретившего России иметь военный флот на Черном море, судостроение в Николаеве прекратилось, нельзя признать верным, т. к. в 50-60-х гг. продолжали действовать как приватная Спасская верфь, принадлежавшая Александру и Ривке Рафаловичам, так и казенная Адмиралтейская верфь, хотя объемы судостроения и были значительно сокращены.

На Спасской верфи достраивались корвет (заложен 1.05.1853 г., спущен на воду 29.10.1857 г.), шхуна «Чатырдаг» (заложена 31.01.1854 г., спущена на воду 11.1.1860 г.). В 1857 г. на той же верфи заложены корветы «Сокол», «Ястреб» и «Кре-

Спуск на воду корабля «Цесаревич» в 1857 г.

чет» (спущены на воду в 1859-1860 гг.), а 31 октября 1859 г. – паровая винтовая шхуна «Алушта», однотипная с «Чатырдагом», нельзя не обратить внимания на высокие темпы ее строительства, она спущена на воду через год – 11.11.1860 г.

Одновременно Рафаловичи выполняли подрядное строительство и на Адмиралтейской верфи. А.Д. Владерчук цитирует записку заведовавшего морской частью Г.И. Бутакова, в которой, в частности, говорилось: «...Рафаловичам имеет быть отведено для предстоящих им построек часть Адмиралтейства на правом берегу Ингула для постройки на эллинге корабля «Синоп» – транспортов, а на эллинге корвета «Воин», имеющем быть удлиненным, смежным с ним эллингом, корветов. Сверх того им же имеет быть отведен эллинг, называемый Серебряного, также для постройки корветов и транспортов... При этом иметь в виду возможно скорейшее заключение контракта, дабы облегчить финансовое положение этих подрядчиков и дать им тем возможность приступить к окончательной постройке корабля «Цесаревич» и парохода «Тигр» [450].

Оставшиеся материалы от постройки судов по окончании подряда купцы были обязаны сдавать флоту по заниженным ценам, расчет производился со значительными задержками [382, с. 49-51]. Снижение темпов судостроения привело к тому, что Рафаловичи, получившие подряды, несли немалые убытки, которые возмещались государством не в полном объеме, часто лишь после длительных тяжб [381, с. 209-211].

В последующие годы Александр Рафалович жил в Николаеве, став потомственным почетным гражданином. В 1868 г. он был членом Попечительного о тюрьмах комитета и других благотворительных учреждений. Позднее переехал в Одессу.

За всю эпоху парусного флота (1790-1865 гг.) в Николаеве построено 429 военных и портовых судов, 93 из которых построены еврейскими купцами-подрядчиками (А. Перетцом, М. Серебряным, М. Варшавским и семьей Рафаловичей). Постепенно во второй половине XIX в. купцы-подрядчики теряли интерес к судостроению. Это происходило по следующим причинам: получение и осуществление подрядов проходило под полным контролем и значительным давлением со стороны государства; государство часто нарушало обязательства по заключенным контрактам – расчеты с купцами производились не вовремя, значительные убытки, понесенные купцами в связи с уменьшением объемов строительства, надлежащим образом не возмещались. Таким образом, огромные капиталовложения в судостроение становились крайне невыгодны для частных подрядчиков, так как не приносили желаемой прибыли, а иногда и оставляли купцов в убытках.

Пароход «Тигр»

Масштабы деятельности подрядчиков впечатляют, и это было возможным в силу того, что к середине XIX в. для морского ведомства было очевидным, что строительство кораблей с подряда обеспечивает лучшее качество и более высокие темпы работ. При этом главным фактором, который нередко тормозил процесс строительства ко-

Дом директора «Общества судостроительных, механических и литейных заводов в г. Николаеве» И.С. Каннегисера

раблей, оказывалось несвоевременное финансирование из казны, создававшее трудности для подрядчиков. Рафаловичам приходилось постоянно судиться с казной, которая не отличалась аккуратностью в исполнении своих финансовых обязательств перед подрядчиками. К началу 70-х гг. вкладывать капиталы в строительство кораблей становится все менее выгодным, тем более, что правительство не стимулировало развитие подрядного судостроения, поэтому Спасская верфь постепенно приходила в упадок, а Рафаловичи выводят свои капиталы из сферы судостроения.

Огромный вклад в развитие судостроения в начале XX в. в Николаеве внес Иоаким Самуилович Каннегисер, который в 1899-1907 гг. был директором-распорядителем «Общества судостроительных, механических и литейных заводов в г. Николаеве» (завод Наваль, в просторечии – французский завод). С 1907 г. он стал председателем правления николаевских заводов в Санкт-Петербурге и попеременно жил в столице и Николаеве. Как справедливо отметила известный николаевский исследователь Т. Пересунько: «Каннегисер..., будучи талантливым инженером, хорошим социологом, экономистом и психологом, человеком глубоких демократических убеждений, многое сделал для процветания николаевской верфи. Он отменил обыски на проходной, сократил рабочий день по субботам, вменил в обязанность руководящему персоналу вежливое обращение с рабочими, назначил полуторную оплату за сверхурочные работы» [440, с. 158-159; 531]. Имя его супруги Розалии Львовны Каннегисер упоминается среди благотворителей и жертвователей в ведомостях николаевских еврейских благотворительных обществ. Семья Каннегисеров проживала в доме на Курьерской улице, который является одним из самых ярких памятников стиля модерн в городской архитектуре.

В начале XX в. евреи постепенно восстанавливали экономическое влияние на развитие судостроения, занимая свою нишу в традиционной для них сфере подрядов и поставок для судостроительных предприятий. В 1914 г. с заводом «Наваль» сотрудничали 122 подрядчика и поставщика, из них 38 евреев, т.е. 31,1%. В том же году в числе поставщиков и подрядчиков управления работ Николаевского порта было всего 42 человека, в их числе 11 евреев, т. е. 26,2% [312, л. 42-43, 45]. Из общего числа 78 поставщиков и подрядчиков завода «Руссуд» в 1913-1914 гг. было 13 евреев, т. е. 16,7%. В их числе такие известные предприниматели, как Д.И. Бунцельман, А.Я. Поляков, Г.Б. Вулих, Г.Б. Коган, Е.А. Берг и др. [318].

Евреи в хлебной торговле города Николаева

Ведущее место в торговом деле города занимала хлебная торговля. В первой половине XIX в. она характеризовалась стабильными низкими ценами, большими оборотами муки и крупы. Эти ее особенности были обусловлены подрядами. Только по государственным подрядам годовой оборот муки составлял 300 тыс. четвертей* [577, с. 395]. А по данным 1810 г., из Николаева было вывезено хлеба на 24 тыс. рублей, учитывая тот факт, что хлеб в то время еще не экспортировали за границу непосредственно из Николаева, т. к. местный порт был закрыт для иностранных судов [452, с. 17]. Каботажный флот, которым располагал Николаев, мог соединить город только с Одессой и Херсоном, куда и доставлялся хлеб для дальнейшей продажи за границу.

В город же хлеб, кроме выращенного в Новороссии, попадал из Киевской, Черниговской и Курской губерний. По расчетам местных маклеров кременчугские и киевские купцы привозили в Николаев до 40-50 тыс., а елисаветградские – до 60 тыс. четвертей хлеба [577, с. 405].

Уже с первых шагов развития хлеботорговли в городе евреи играли в ней заметную роль. Они первыми начали отправлять хлеб из Николаева; многие из них потеряли свое состояние, прокладывая новое направление развития экономики города [577, с. 401]. Будучи отличными предпринимателями, евреи вытеснили с николаевских рынков греков и заняли на них ведущие позиции [452, с. 19].

Но, несмотря на все предпосылки, торговля хлебом в Николаеве до 60-х гг. XIX в. развивалась слабо, как, впрочем, и сам город. Это было обусловлено рядом факторов. Во-первых, вся оптовая хлеботорговля в то время была сконцентрирована в руках нескольких предпринимателей, подрядчиков судостроительных верфей. Во-вторых, в начале XIX в. правительство решило сделать Николаев закрытым военным портом, что практически полностью ограничило доступ иностранных торговцев на николаевский рынок. В-третьих, торговля в Николаеве с самого начала не была самостоятельной. Она лишь обеспечивала потребности жителей города, была придатком к военно-морскому делу (основу составляли поставки Черноморскому флоту). Городские власти не препятствовали, но и не способствовали развитию николаевской торговли.

И, в-четвертых, в силу указа Николая I от 20 ноября 1829 г. началось выселение евреев из Николаева, которые к этому времени составляли значительную часть ремесленников и торговцев города. Распоряжение о выселении евреев полностью изменило обстановку в городской торговле: капиталы, занятые в оптовой торговле (хлебом) начали перетекать в розничную [437, т. V, с. 719]. Такой отток

* Четверть – мера сыпучих тел, равная 209,91 л (около 170 кг); жидкости – 1/4 ведра, равная 3,08 л.

средств привел к упадку хлеботорговли в 30-50 гг. XIX в. Это нарушение в экономической системе города не было устранено даже привлечением сюда других купцов (указы 1831 и 1838 гг.) [500].

Льготы, предоставленные купцам-христианам, не дали желаемых результатов, а лишь вылились новыми растратами государственных средств: они, уменьшив доходы казны и города, так и не привлекли в Николаев достаточное количество купцов, для создания здоровой конкуренции и возрождения торговли. Так, развитие торговли в городе приостановилось до 60-х годов XIX века, пока с него не были сняты все ограничения и запреты.

Рядом законодательных актов с 1859 по 1866 гг. с Николаева снимаются запреты на проживание евреев, и хлеботорговля получила новый мощный толчок к развитию, как раз за счет новоприбывших и вернувшихся в город еврейских капиталов.

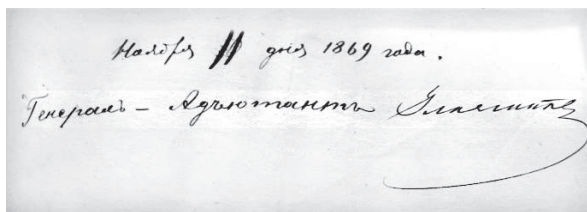
С появлением евреев торговля быстро двинулась вперед, обороты стали значительнее. В 1858 г. в город начали возвращаться еврейские купцы. В этом же году вывоз хлеба достиг 1 млн. четвертей [452, с. 38]. Начала появляться спекуляция.

Хлебная торговля обстояла следующим образом: от крестьянина (непосредственного производителя) к вывозящим конторам хлеб проходил через несколько рук. Во-первых, это маклеры (или «кулаки»), работавшие непосредственно с производителем. Они отправлялись глубоко в степь, навстречу крестьянам, везущим хлеб в город, и, нередко путем обмана, завладевали их грузом по ценам, которые были значительно ниже городских. Во-вторых, это владельцы ссыпных магазинов («магазинеры»). И, в-третьих, это скупщики хлеба (по местному названию «спекулянты» [это слово не носило тогда негативного оттенка – А.П.]), на которых работали и маклеры, и «магазинеры». Причем следует отметить, что этой деятельностью занимались преимущественно евреи. «Спекулянты» знали, что им (евреям) нет равных в деле торговли, они действовали увереннее и смелее своих конкурентов. Вот как Ю. Янсон описывает их работу: «Хлебные магазины промышленников далеко раздвигаются в степь навстречу проезжающим продавцам. Забегание жидков вперёд и перехватывание подвод, нагруженных хлебом, приготовляет крестьянину (...) всегда много хлопот и обманов: его встречают вёрст за 12 от города, его сбивают с толку при въезде в город, перехватывают на мосту, морочат разными вестями и заставляют часто простоять целый день на площади, пока купивший у него маклер найдёт для себя покупателя» [577, с. 402].

Существует и иная точка зрения на участие евреев в хлебной торговле в Николаеве. Авторы «Краткой еврейской энциклопедии» отмечают значение евреев-торговцев в развитии сельского хозяйства, в повышении уровня жизни крестьян: «Не будь еврея, крестьянину и некому и негде было бы продать избыток своего ничтожного хозяйства, запретить евреям таскаться от двора во двор, от села к селу, от базара на базар значило бы разом остановить промышленность целого края, которую они одни поддерживают» [438, т. X, ст. 543-548].

Такая система хлебной торговли привела к появлению множества ссыпных магазинов, окружавших Николаев со всех сторон (с востока – Водопойная и «Шлахбаум» (Херсонская застава), с запада – Варваровка, с севера – «Соляные»), в которых собиралась основная масса привозимого хлеба. В самом же городе сбор хлеба был незначителен до тех пор, пока в порту не был построен элеватор.

Городские власти сначала боролись с ростом количества этих магазинов, но вскоре разрешили иностранным судам догружаться в «Варваровской» пристани из-за тесноты николаевских.

Автограф Б.А. Глазенапа

Еще одним обстоятельством, содействовавшим развитию хлеботорговли в Николаеве в 60-е гг. XIX века, была отмена ограничений на въезд в город иностранцев и иностранных судов. В 1860 г. должность Николаевского военного губернатора занял генерал-адъютант, адмирал Богдан Александрович фон Глазенап.

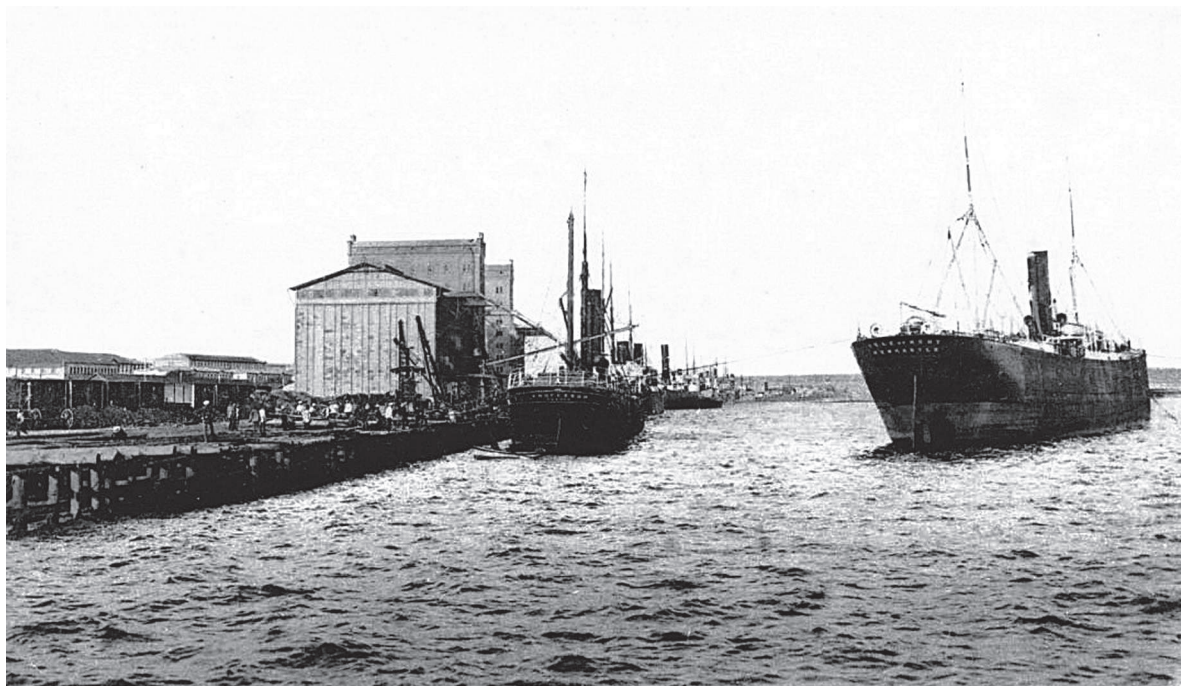
Именно благодаря его усилиям было положено начало экспортной торговле в городе Николаеве.

В министерствах к его ходатайству об открытии Николаевского порта для иностранных судов отнеслись с традиционным предубеждением. Так, в отзыве от 23 ноября 1860 г. министерство финансов, высказавшись против идей Б.А. фон Глазенапа, запросило мнения министерства иностранных дел по этому вопросу. Последнее же, в свою очередь, ответило так:

«До тех пор, пока на России лежит обязанность допускать в порты свои по берегам Черного моря иностранных консулов, желательно, чтобы наше правительство, по собственному побуждению, не размножало таковых местностей, и что это соображение может быть подчинено лишь положительному убеждению, что при открытии Николаевского порта произойдут особенно значительные выгоды для нашей торговли» [452, с. 36].

Несмотря на то, что три министерства были против открытия Николаевского порта для иностранных судов, адмирал Б.А. фон Глазенап представил свой проект великому князю Константину Николаевичу, от кого и получил разрешение на воплощение своей идеи.

И уже 17 апреля 1862 г. в Николаеве на имя исполняющего обязанности губернатора была получена следующая телеграмма:

Николаевский элеватор
(с открытки начала XX в.)

Элеватор и хлебная пристань в Николаевском коммерческом порту
(с открытки нач. XX в.)

«Генерал-адмирал приказал сообщить телеграммой, что 10 апреля состоялось Высочайшее повеление открыть николаевский порт с 1-го июля сего года для иностранных судов и учредить в нем таможеню первого класса. Объявите думе» [452, с. 36-37].

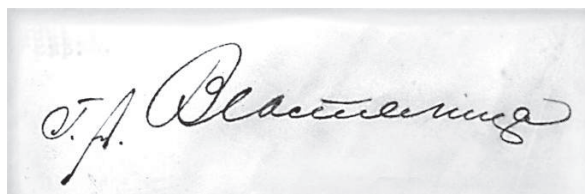
1 июля 1862 г. Николаевский коммерческий порт был открыт для иностранных судов. В связи с этим в городе создана таможня, учреждены иностранные консульства [207, л. 48-110; 527].

Открытие порта и снятие ограничений на въезд в Николаев иностранцев привело к началу развития экспортной хлеботорговли в городе. А в связи с начавшейся в 1861 г. крестьянской реформой, предоставившей крестьянству право свободного труда на черноземах юга страны, развитие наемного сельскохозяйственного труда на юге Украины происходило гораздо интенсивнее, чем в других регионах Российской империи. Эффективность сельскохозяйственного производства и его товарность в этом регионе во II половине XIX в. была самой высокой в стране. Поставки хлеба в Николаев значительно увеличились. За первый год отпускной (экспортной) торговли (1862 г.) из Николаевского порта было вывезено 19 446 четвертей различного хлеба, а в 1878 г. – свыше 4 млн. четвертей [452, с. 60].

Основными экспортируемыми культурами была пшеница (яровая) и ячмень. До 50% чистого сбора пшеницы (иногда до 80%) отправлялись на мировой рынок [521, с. 19]. В то же время деятельность по подрядам (поставкам для Черноморского флота) сократилась до небывалого минимума [452, с. 21]. Николаев превратился в центр экспортной торговли европейского значения.

Необходимо также отметить, что огромную роль в развитии торговли города сыграла проложенная к нему железная дорога. Так, в 1882 г. 2/3 всего привезенного в Николаев хлеба было переправлено железнодорожным транспортом (1 105 239 четвертей) [452, с. 75-76].

В 1889 г. правительство разрешило постройку в Николаеве зернохранилища (элеватора) [452, с. 78]. Пущенный 10 февраля 1893 г. в эксплуатацию элеватор (емкостью 1760 тыс. пудов*) имел огромное значение в установлении и регулировании цен на хлеб и его хранение [452, с. 28]. А по сведениям за 1902 г., помимо этого зернохранилища работало еще несколько плавучих элеваторов [112, л. 31]. Это значительно облегчало и ускоряло процесс загрузки судов.

Автограф Г.А. Властелицы
Председателя правления Николаевской хлебной биржи

Угловой штамп и печать Николаевского биржевого комитета

Все вышеперечисленные причины вызвали значительный рост городского населения всех слоев (от рабочих до купцов и крупных промышленников), что способствовало оздоровлению Николаева в гражданском и социальном отношениях. Евреи по-прежнему занимали достойное место среди городского населения (по данным переписи населения 1897 г. они составляли до 20% жителей города). Благодаря своей оперативности, евреи не оставляли никаких шансов русским хлебопромышленникам, постепенно отстраняя их от прямых сношений с одесским портом и вынуждая перепродавать хлеб на месте, что значительно уменьшало их доходы.

Вместо русских купцов Ивановых, Мельцова, Холявки, Сиротинского ведущие позиции в торговле заняли Фельзер, Фенер, Трахтенберг и другие. И даже если встречались между ними русские имена, то они, в основном, были подставные (купцов 1-й гильдии). Владельцами же грузов были евреи, не имевшие права (по своей гильдии) заниматься экспортной торговлей [577, с. 401]. Тем не менее, в значительной степени, хлебная торговля сохраняла характер «работы для Одессы» (т.е. на одесских купцов и помещиков) [577, с. 396].

При всем быстром развитии своих коммерческих оборотов, Николаев так и не приобрел самостоятельности в торговле. Почти вся хлебная торговля сосредоточивалась в руках одесских торговых домов («Ефруси и Ко», Когана, Родоконаки и др.) [577, с. 400-401]. Надежды правительства на основании русских торговых домов не оправдались.

Евреи постепенно оттесняют русских хлебопромышленников от основных торговых портов Одессы и Николаева, на север Херсонской губернии и в Киевскую губернию, нередко объединяя свои капиталы с иностранцами.

* 1 пуд = 16,3804815 килограммов.

Теперь, чтобы зарабатывать много, необходимо было много покупать и быстро оборачиваться, в чем с евреями соперничать было очень тяжело.

В конце 1885 г. была основана Николаевская хлебная биржа. Это событие способствовало развитию и усилению хлеботорговли Николаева, превращению его в один из крупнейших торговых портов Российской империи и Европы, установлению его на третьем месте по грузообороту и экспорту хлеба после Одессы и Новороссийска [521, с. 22].

По данным 1890 г., хлебоэкспортными операциями в Николаеве занимались следующие фирмы, торговые дома, филиалы международных фирм и купцы: «Луи Дрейфус и Ко», «М. Нейфельд и Ко», торговый дом «Ф.И. Фришен», И.Д. Эрлих, М.Н. Ортензато, И.Я. Коган, Купп и т. д. На дома пяти из этих фирм, вывозивших до 250 тыс. четвертей каждая, приходилось 60% всего объема экспорта хлеба из Николаева [521, с. 26].

Следует отметить, что среди членов биржевого комитета, арбитражной комиссии, а также рабочих, служащих, приказчиков биржи также было много евреев: Кнебельман, Вайсбейн, Биргер, Мильштейн, Гольфарб, Флехтгрейм, Шефталович, Френкиль, Кантер, Эйгенсон, Рабинович и мн. др. [161, л. 16-24].

Николаевская хлебная биржа упорядочила хлеботорговлю в регионе, ускорила ее обороты и дала новый толчок для ее развития.

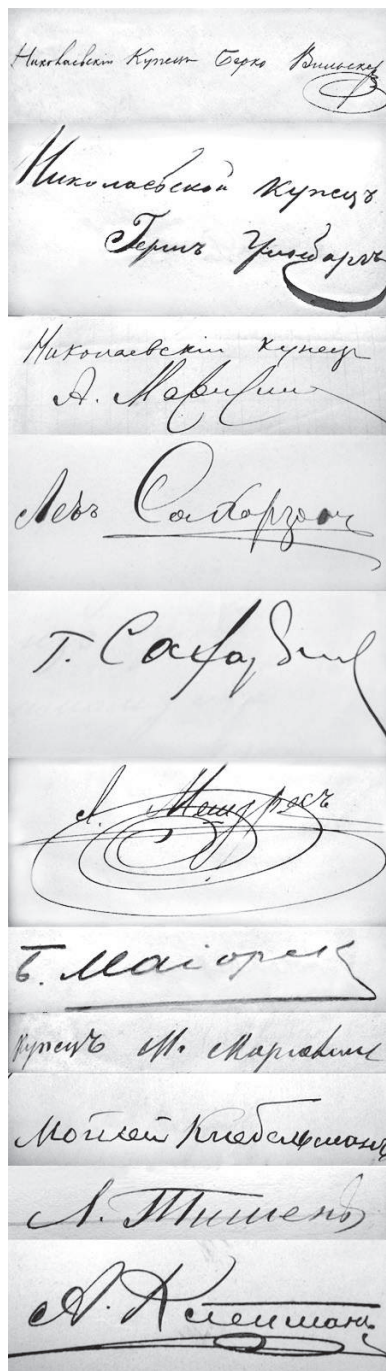
«Адрес-календарь» на 1895 г. указывает о существовании в Николаеве девяти

Дом Эрлиха

маклерских (все они принадлежали евреям) и двенадцати комиссионных контор (10 еврейских), занимавшихся хлебной торговлей. Экспортными же операциями занимались С. Варшавский, «бр. Валлер и Ко», «бр. Дрейфус и Ко», М.Б. Калиновский, Э.С. Куппа, «М. Нейфельд и Ко», И.Д. Эрлих [432, ст. 1572].

В 1899 г. зерновым хлебом и мельничными продуктами в Николаеве торговали такие еврейские купцы: А.Л. Абрамов, А.Я. Бирштейн, Я.М. Бродский, Г.Б. Вулих, И. Вулих, С.М. Гершман, Ш.Л. Гланц, Ш.Ш. Имас, Н. Калогерас, Я.Г. Каминский, А.М. Качковский, П.П. Классен, А.Я. Клейман, А.З. Кнебельман, В.З. Кнебельман, Я.Ш. Коган, М.В. Липавский, Б. Магид, М.В. Мамутов, Б. Месс, Г.Л. Натензон, П. Рашковский, Т.П. Рашковский, Л.Г. Сахарзон, Ш.М. Соловьев, С.Л. Трахтенгерц, С.С. Туршу, Э.И. Ходжаш [433, ст. 1757].

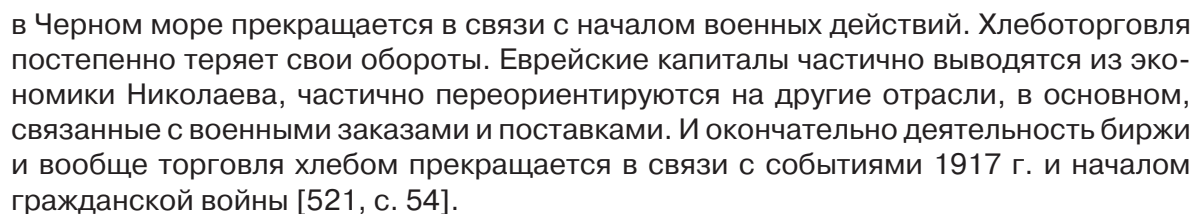
Автографы купцов-евреев
г. Николаева

По данным 1901 г., хлебоэкспортными операциями занимались: «Луи Дрейфус и Ко», «М. Нейфельд и Ко», Владимир Масс, Арист Масс и Ко, бр. Валлер, торговый дом «Ф.И. Фришен», М.Б. Калиновский, С.Л. Трахтенгерц, И.Д. Эрлих, «Гайо и Квинтовалле», З.Н. Франгопуло, М.И. Ортензато, ТД «Лившиц и Гаммерман», В.Г. Сиппле, А.Я. Клейман, Л.Г. Сахарзон, И.Я. Когон, Б.И. Берлацкий, Т.П. Рашковский, А.И. Куперман, М.И. Куперман, Б.Л. Абрамов, Э.С. Куппа, А.З. Кнебельман, Б.И. Эпштейн [529].

Кроме экспортеров, отмечены специалисты, занимающиеся куплей-продажей зерновых продуктов в городе Николаеве: Я.А. Бирштейн, Г.М. Бродский, Э.И. Ходжаш, С.С. Туршу, А.М. Липавский, Ф.М. Паладьев, М.П. Горобец, С.Ш. Имас, А.З. Нехамкин, Я.А. Шор, Х.Д. Френкель, Б.И. Майорский, Д.Г. Ортензато, Н.Е. Вучина, А.Д. Инглесси, И.С. Куппа, Е.М. Фан-Юнг, И.С. Имас, Ш.М. Маклер, И.П. Безродный, И.Ф. Поваляев, Е.М. Бродский, Г.М. Соколовский, Г. Ишер, Р.И. Штемберг, Д.И. Вейсбейн, Г.Л. Натанзон, М.И. Свердлов, И.М. Биренштейн, И.И. Коген, Д.А. Селюк, И.И. Разис, П.А. Рашковский, С.П. Калогерас, Г.И. Ляховецкий, Б. Володарский, Г. Стратиавский – большинство из которых были евреями.

По сведениям 1902 г., из Николаева было отправлено за границу 83 млн. пудов хлеба. Этому способствовало несколько факторов: 1) хороший урожай; 2) работа элеваторов; 3) оперативная работа купцов-хлеботорговцев. Здесь следует отметить то, что 43,8% (36 млн. пудов) отправили купцы-евреи (М. Нейфельд, Ф. Фришен, Л. Дрейфус, Лившиц, А. Клейман, А. Кнебельман, И. Эрлих, Х. Френкель, А. Абрамов). Оборот хлеба за 1902 г. можно сравнить разве что с количеством вывезенного хлеба за 1894 г. (88 млн. пудов) [112, с. л. 31].

Однако с конца июля 1914 г. торговое мореплавание

в Черном море прекращается в связи с началом военных действий. Хлеботорговля постепенно теряет свои обороты. Еврейские капиталы частично выводятся из экономики Николаева, частично переориентируются на другие отрасли, в основном, связанные с военными заказами и поставками. И окончательно деятельность биржи и вообще торговля хлебом прекращается в связи с событиями 1917 г. и началом гражданской войны [521, с. 54].

Таким образом, можно выделить три этапа развития хлеботорговли в городе Николаеве: 1) зарождение и становление (конец XVIII в. – 1829 г.); 2) упадок и стагнация хлеботорговли (1829 г. – 60-е годы XIX в.); 3) возрождение и выход на международный рынок (60-е годы XIX века – 1914 г.) – снятие с города ограничений и запретов, которое привело к возрождению Николаева как в экономическом (торговом), так и в гражданском аспектах.

Еврейские ремесленники Николаева

В начале XIX в. не существовало никаких ограничений для поселения евреев в Николаеве, и поэтому с развитием николаевской общины соответственно увеличилось и количество еврейских ремесленников.

Начало ограничения евреев в праве жительства в городе (1829 г.) повлекло за собой волну ходатайств о невыселении их из города. Однако, ходатайствовали, в основном, за евреев-купцов и подрядчиков (в связи с тем, что власти города и его купеческое сословие не были заинтересованы в вывозе еврейских капиталов из Николаева) [5, с. 24-31]. Таким образом, напрашивается вывод, что выселение из города больше других коснулось евреев-мещан, в частности ремесленников, в связи с их значительным количеством в Николаеве и жесткой конкуренцией между ними и христианскими ремесленниками.

В силу этого после 1829-1837 гг. сведения о еврейских ремесленниках являются единичными, поэтому особый интерес для нас представляют следующие сюжеты.

После выселения евреев из Николаева даже острая необходимость в каком-либо мастере не являлась основанием для водворения в город еврея, даже если подобного мастера из христиан не было. Так, 17 июня 1859 г. к Николаевскому военному губернатору обратилась Николаевская ремесленная управа с просьбой дать разрешение на жительство житомирскому мещанину Берко Садкеру с женой и двумя детьми. Он прибыл в Николаев по просьбе цеховых каретных мастеровых как специалист по изготовлению бронзовых каретных украшений и отливке металлических изделий для разъездных экипажей. На это исполнявший обязанности Николаевского военного губернатора вице-адмирал Г.И. Рогуля ответил: «Имея в виду, что евреям, кроме записанных в первую гильдию на основании Св. Зак. [Свода законов – А.П.] т. XVI Уст. о паспор. [Устава о паспортах – А.П.], ст. 17, жительство в Николаеве воспрещено. – И за таковое несообразное ходатайство делаю управе выговор, предписываю при том на будущее не утруждать Начальство с подобными представлениями» [199, л. 3].

Копия этого письма направлялась в Николаевскую городскую полицию, и текст его был дополнен следующим:

«Извещаю об этом Николаевскую Полицию, предлагаю еврея Садкера с семейством выслать немедленно из города и о действительном исполнении сего мне доложить» [199, л. 4].

Однако, обстановка меняется в связи с изданием указа Александра II «О дозволе-

Старый портной
(с картины И. Пэна)

нии Евреям-купцам всех трех гильдий водворения и торговли в городах Николаеве и Севастополе» 29 июня 1859 г., согласно пункта 5 которого:

«П. 5. Молодым евреям дозволяется приезжать в Николаев и Севастополь, как для усовершенствования в ремеслах, так и для обучения ремеслам, а равно фабричному и заводскому производству, по формальным на то условиям с мастерами, фабрикантами и заводчиками и с соблюдением правил по сему предмету, изложенных в Ремесленном Уставе и Уставе о Паспортах» [199, л. 15].

На поданный 21 октября 1859 г. в Николаевскую городскую Думу рапорт Ремесленной управы о принятии Б. Садкера в каретный цех, следует отказ. А в письме в Ремесленную управу от 8 января 1860 г. Дума отмечает:

«Между тем усмотрено, что упомянутый еврей Садкер открыл здесь мастерскую и имеет от имени своего вывеску» [62, л. 1].

Несмотря на предоставленное прошение мастеров каретного цеха, Условие (договор, заключенный между мастерами каретного цеха и Берко Садкером), ходатайства Ремесленной управы, на рапорте последней от 27 февраля 1860 г. (в Николаевскую городскую Думу), находим резолюцию губернатора: «Вывеску приказать снять. Работу запретить» [62, л. 13].

Совсем иное отношение у Николаевской городской Думы к трем другим евреям (Гершке Бранту, Мортке Саду и Герцу Фельдману), на которых, по приговору мастеров портного цеха, был наложен штраф за пошив вещей и конфискованы вещи «к пошитию». Так, в письме в Николаевскую ремесленную управу от 21 октября 1859 г. (после издания указа императором Александром II) Дума «предписывает прописанным в приговоре Евреям назначить пробную работу и из них только те должны быть подвергнуты штрафованию, которые окажутся неспособные к выполнению назначенной им работы, и то не столь значительному, как в приговоре определено; из отобранных же у них вещей, принадлежащих частным лицам, возвратить для раздачи по принадлежности, а собственные Евреев должны лежать в Ремесленной управе до выполнения пробных работ и в случае неудовлетворительного производства оных конфисковать их» [62, л. 2-3].

Таким образом, видим неоднозначное отношение к еврейским ремесленникам, селившимся в городе после официального выведения Николаева из черты еврейской оседлости. Причем, в случае с портными налицо явная конкуренция, которая по понятным причинам была не на руку

Еврей-кузнец
(гравюра С. Юдовкина)

христианским мастерам портного цеха, имевшим монополию на производство одежды в городе. Что же касается Берко Садкера, то, несмотря на все распоряжения о его выселении, он все же жил и работал в Николаеве, что свидетельствует о том, что власти фактически допускали его проживание в городе, однако, официально должны были его запрещать.

Можно предположить, что еврейские ремесленники (помимо упомянутых, сведения о которых были выявлены) все же нелегально проживали в Николаеве при большем или меньшем попустительстве властей.

Только с упразднением (в 1861 г. – для ремесленников, а в 1866 г. – для всех евреев) ограничений на проживание евреев в Николаеве еврейская община города (а как следствие и количество еврейских ремесленников) начинает резко расти [подробнее см. Главу 2, 3; 526].

По данным Статистического комитета, на 1 января 1881 г. в городе проживало 9 372 человека иудейского («еврейского») вероисповедания (4 775 мужчин и 4 597 женщин) [437, с. 3-4]. Согласно же сведениям о количестве евреев «с подразделением их по роду занятий, ремеслу, промыслу», евреев в Николаеве проживало 1 571 человек, из которых 429 (27,3%) занимались ремеслами*.

Еврей-плотник
(с фотографии нач. XX в.)

Таблица 6.1.

«Количество еврейских ремесленников по районам (частям) города»

<i>Район (часть) города</i>	<i>Евреев</i>	<i>Еврейских ремесленников</i>	<i>Ремесленников среди еврейского населения, %</i>
Одесская	421	89	21,14
Московская	864	250	28,9
1-я Адмиралтейская	68	15	22,05
2-я Адмиралтейская	218	75	34,4
Всего в городе	1571	429	27,3

В 1893 г. открывается городское училище при Николаевской ремесленной управе. Данное училище давало начальное образование детям николаевских ремесленников независимо от вероисповедания.

Количество еврейских учащихся в этом училище колебалось от 1 до 9 человек, что по отношению к общему количеству учеников составляло немалый процент (3,33%-21,43% соответственно) [427, с. 131-132].

* Такое значительное несоответствие данных о количестве евреев в городе объясняется тем, что в первом случае учитывались все лица иудейского вероисповедания, а во втором – только лица, имевшие свое дело, производство, не находившиеся на иждивении других лиц, т. н. «самостоятельные».

По данным переписи 1897 г., в городе Николаеве проживали 17 974 еврея, 30% из которых занимались ремеслами (Приложение 9). Основными их занятиями были: изготовление одежды, обработка дерева, металлов, растительной и животной питательной продукции, устройство, ремонт и содержание жилья, строительные работы [404, с. 230-231].

Однако этот перечень далеко не исчерпывающий, среди ремесленников Николаева были сапожники, шапочники, столяры, кузнецы, часовых дел мастера, ювелиры, винокуры, извозчики и т. д. Что же касается бондарей, то практически все мастера данной профессии в Херсонской губернии свое профессиональное образование получали в Николаеве, Одессе, Елисаветграде и Вознесенске [445, с. 42].

Наиболее развитыми традиционно «еврейскими» ремеслами были портняжное, слесарное, солодовое, ювелирное, кузнечное, мебельное, часовое дело. Евреи работали также на маслобойнях, мельницах, в типографиях. Адрес-календарь Николаевского градоначальства за 1902 г. сообщает, что в Николаеве проживало около 1 050 ремесленников, более 50% из них – евреи. В списках булочников и кондитеров встречаются фамилии Вайнштейн и Тенинбауман, Шифер и Зибер, золотого и ювелирного ремесла – фамилии Шапиро и Фефер, медного и кровельного ремесла – Шеру и Гольденберг. Из 140 сапожников города евреи составляли 72%, среди портных – 70%, шапочников – 50%. В списках только двух цехов – штукатурного и печного – ремесленники-евреи отсутствуют [489, 2006, № 60-61].

Продукция, производимая еврейскими ремесленниками, зачастую была очень низкого качества, что и не удивительно, так как производилась она в ужасных условиях, часто людьми, слабо владеющими профессией, детьми:

«...70% (ремесленных мастерских) работают от 16 до 18 часов в день, 20% – от 18 до 20 часов в день, а 10% – от 13 до 13¹/₂ часов в день. (...) Но еще ужаснее, что женщины и дети (ведь нельзя же не считать детьми учеников и учениц 12-летних, на вид которым больше 8 лет нельзя дать) работают не меньше» [584, 1905, 15 мая, № 8, с. 20].

Инструменты еврея-сапожника кон. XIX – нач. XX вв.
(Музей Николаевского общества еврейской культуры)

Еврей-портной
(с картины И. Пэна)

Между тем, экономическое положение евреев-ремесленников к началу XX в. становилось все более сложным. Многие разорялись, будучи не в состоянии конкурировать с дешевой фабричной продукцией, наводнявшей рынок. Большинство пополняло ряды городской бедноты. Это порой приводило к трагическим последствиям. Жесточайшая конкуренция, большое количество ремесленников в городе, зачастую низкое качество производимой продукции,

Еврей-сапожник
(рисунок С. Юдовкина)

конца XIX – начала XX вв.

В связи с бедственным положением николаевских ремесленников и мелких торговцев, 31 мая 1905 г. по ходатайству николаевских мещан в городе создается Николаевское ремесленное и мелкотоговое ссудно-сберегательное товарищество.

Согласно отчету этого товарищества в 1909 г. подавляющим большинством его членов и управленческого состава были евреи. Так, по предоставленным в этом отчете данным о составе Совета, Правления и Ревизионной комиссии ссудно-сберегательного товарищества видно, что из 19 человек, занимавших административные должности, 16 были евреями.

Судя по тому, что евреи занимали все основные должности в органах управления Товарищества, можно говорить о том, что значительная часть его капиталов (средств) принадлежала еврейским купцам, торговцам и ремесленникам, участвовавшим в деятельности товарищества, в в том числе и в управлении.

В прилагаемом к отчету списке уполномоченных и кандидатов: из 100 уполномоченных 95-98 были евреи, а из 10 кандидатов – 10 евреев. И то, что ремесленников среди них мало (5 уполномоченных и 2 кандидата), свидетельствует о бедности и низком имущественном цензе облышинства еврейских ремесленников города Николаева. Однако, в этом случае просматривается

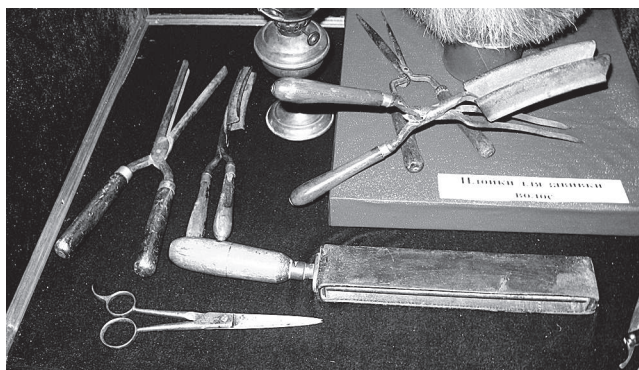
давление со стороны местных властей явились причинами крайне низкого жизненного уровня еврейских ремесленников. Так, находим заметку в «Восходе» от 18 февраля 1901 г.: «...Нужда среди рабочего класса и мелких ремесленников и торговцев достигла уже той степени, за гранью которой начинается тиф. Это факт, засвидетельствованный одним из николаевских врачей: у башмачника К. почти вся семья поражена тифом, а ближайшая и непосредственная причина – недоедание» [579, 1901, 18 февраля].

О другой стороне бедности еврейских ремесленников Николаева свидетельствует еще одна заметка «Восхода» от 28 июня 1901 г.: «В Николаеве еврей-ремесленник Ю. Гринберг, 35 лет, по профессии шапочник, отец семейства, состоящей из жены и детей, под влиянием безработицы и гнетущей бедности проглотил большую дозу карболовой кислоты и, несмотря на немедленно поданную помощь, в тот же день скончался» [579, 1901, 28 июня, № 40, ст. 14].

Напрашивается вывод, что подобные случаи были не исключением, а безработица и бедность – нормой жизни рядового ремесленника

Свидетельство на личное
промышленное занятие
М.П. Спивака

Инструменты еврея-парикмахера кон. XIX – нач. XX вв.
(Музей Николаевского общества еврейской культуры)

существенный вклад евреев других сословий (и занятий) в развитие ремесленного дела в Николаеве как среди евреев, так и среди христиан [379, с. 6, 19-20].

Таким образом, все время проживания евреев в Николаеве значительная часть общины занималась различными ремеслами. Необходимость в еврейских мастерах свидетельствует об их профессиональных качествах и незаменимости в тот или иной момент развития города. Значительное количество евреев среди

ремесленников города сформировали жесткую конкуренцию и, часто, негативное отношение к ним со стороны христиан, что в известной мере определяло отношение к ним со стороны местной власти. Кроме того, большое количество ремесленников в городе, низкое качество работы влекли тяжелое нищенское положение еврейских ремесленников. В свою очередь, это скрепляло еврейскую общину города: купцы, объединяя свои средства, создавали вспомогательные общества для бедных ремесленников, поддерживая баланс в экономической инфраструктуре города.

Евреи-рабочие, мастеровые и наемные работники

На протяжении всей истории города (за исключением 30-50-х гг.) евреи стабильно занимали весьма значительное место среди таких социальных групп, как купцы и торговцы, ремесленники, интеллигенция, вопрос же об их численности среди рабочих (мастеровых) николаевских промышленных предприятий достаточно сложен.

В списке рабочих (мастеровых и учеников), работавших в мастерских Николаевского порта (занимавшихся судоремонтом и судостроением) в 1907 г. только 13 евреев, т.е. около 2% [297, л. 9-73].

В «Паспортной книге служащих» завода «Наваль» (в книге указаны также студенты, проходившие практику на предприятии) за 1897-1904 гг. зафиксировано 1 465 лиц, среди которых евреи составляли 96 человек, т.е. 3,1%. При этом евреи занимали различные должности: от «мальчика при главной конторе» до заведующего артиллерийской частью (С.И. Левенсон) и юрисконсульта (А.М. Блиндерман).

В «Паспортной книге рабочих (мастеровых)» того же завода за 1904-1907 гг. зафиксировано 2 995 лиц, евреев же среди них – только 33 человека, т.е. 1,1% [313; 314]. На заводе «Руссуд» ситуация была еще хуже. В книге «Личных счетов служащих» этого завода за 1913-1914 гг. зафиксировано 121 человек и среди них лишь 2 еврея.

Еврей-маляр
(с фотографии нач. XX в.)

Анализ «Личных счетов рабочих» за этот же период показал, что из общего количества 2 230 человек евреев было 29, т.е. 1,3% [316].

Впрочем, показатели по крупнейшим судостроительным предприятиям не могут дать полного представления о количестве евреев среди рабочих города, т.к. в начале XX в. на этих предприятиях часто действовали гласные и негласные запреты по приему на работу евреев. К примеру, в 1913 г. газета «Новый Восход» сообщала: «В Николаеве на корабельной верфи работало много лет несколько евреев. После посещения верфи морским министром началась «чистка». В первую очередь уволили евреев, затем взялись за поляков и других инородцев» [581, 1913, №13, с. 22].

Достаточно весомым было число евреев среди рабочих Николаевского коммерческого порта, особенно на работах, связанных с обслуживанием хлебной торговли. Здесь они часто были организаторами артелей и других форм объединения работников, создававшихся для улучшения условий труда и оплаты. О двух таких артелях в начале XX в. писала еврейская пресса. В газете «Восход» в 1901 г. помещена такая информация: «Сорганизовавшаяся в Николаеве артель приказчиков для приемки, сдачи и загрузки зерновых продуктов на суда потерпела неудачу.

Начались сделки, оживившие базары, закипела работа в порту, а приказчики-артельщики в числе 80 человек все сидят без работы. Стали они стучаться в «экспортные» двери. Но двери эти перед ними не открывались. Только несколько иностранцев-экспортеров не присоединились к этой бесшабашной травле ни в чем не повинных артельщиков и решились дать им работу и вверить им свои интересы.

Дело в том, что экспортеры принялись преследовать вновь народившуюся артель. Они пускали в ход всякие средства, чтобы разрушить артель. Подосланные лица грозили артели привозом сюда приказчиков из Варваровки и Одессы и всяческими другими притеснениями. Все это привело к тому, что артель на днях разошлась, чтобы соединиться при более благоприятных обстоятельствах» [579, 1901, № 49, ст. 16].

В 1902 г. газета «Будущность» писала: «К доктору Крепсу обратились около 70 женщин-«подбивщиц», занимавшихся выравниванием хлебного груза в трюмах пароходов, с просьбой организовать их в артель. Присяжный поверенный Пескер взял на себя обязанности попечителя новой артели. С 29 янв. первая николаевская артель «подбивщиц хлебных грузов» начала работать согласно артельному договору. Можно надеяться, что артель эта, несмотря на все искусственные препятствия, будет преуспевать, подобно сродственной ей артели «сносчиков», организованной в прошлом году и имеющей теперь около 200 членов и свыше 5 000 руб. запасного капитала [578, 1902, №7, с. 127]. Если в начале века создание рабочих артелей было в новинку, то уже через 10 лет это становится нормальным для коммерческого порта. В «Отчете Николаевского градоначальства за 1913 г.» указывалось: «Из общего числа портовых рабочих, около 300 человек составляют 5 артелей: 3 мужских и 2 женских» [365, с. 19].

Большинство же евреев-рабочих трудились на мелких предприятиях, особенно

Еврей – торговец бубликами
(с фотографии нач. XX в.)

Еврей – торговец квасом
(с фотографии нач. XX в.)

принадлежавших евреям, где нередко они могли составлять большинство рабочих. Они также занимали одно из ведущих мест среди приказчиков в местных торговых заведениях.

Характеризуя социальную структуру еврейского населения в Николаеве, трудно не согласиться с замечанием врача В.М. Маркелова, помещенном в «Медико-санитарном очерке г. Николаева» за 1900 г.: «Маленькая только часть их [евреев, – А.П.] обладает хорошим и средним достатком; большинство – бедняки, перебивающиеся изо дня в день ремесленники, мелкие торговцы... Живут они почти исключительно в Московской и Одесской частях, благодаря существованию спроса на их труд только в этих промышленных и торговых частях; квартиры здесь дороги, что заставляет селиться в одной квартире несколько семей; тяжелый труд в душной спертый атмосфере, плохая пища – все это создает те неблагоприятные условия, которые вызывают массу болезней среди бедного еврейского населения» (Приложение 11) [427, с. 81-87].

В начале XX в. Николаев оставался городом с достаточно высокой концентрацией военного населения. По данным за 1902 г., в числе офицерского, командного состава и даже гражданских чиновников военного ведомства ни одного еврея не было. Из общего числа нижних чинов 13 073 человек евреев было 954 (7,3%) [112, ч. 1, л. 150].

По данным воинского присутствия за 1902 г., число новобранцев, подлежащих всеобщей воинской повинности (т. е. достигших 21 года) составляло 513 человек, в том числе евреев – 120 (23,4%). Из них по жребию призваны на действительную службу в армию всего 153 человека, в том числе евреев – 40 (26,1%) [112, ч. 1, л. 157].

Патриотической эйфории, связанной с началом I Мировой войны, поддавалась и определенная часть еврейской молодежи. К примеру, летом 1914 г. Газета «Рассвет» сообщала, что «...на днях скрылся от родителей и бежал на войну 13-летний мальчик, сын жителя Николаева Яков Шарфинович». Перед этим он лично обращался с письмом к главнокомандующему [582, 1914, № 49, ст. 23].

К сожалению, нельзя обойти вниманием и некоторые теневые стороны николаевской жизни, в которых евреи проявляли себя с достаточной активностью.

В 1883 г. известная своим скандальным характером мещанка Миндля Квартирмейстер (по первому браку Берман) обратилась к военному губернатору с несколькими жалобами на притеснения и враждебное отношение к ней со стороны полицмейстера, который запрещал передать содержимые ею дома терпимости другим лицам, более того, обещал их вообще закрыть. Бестактность жалобщицы вывела военного губернатора из равновесия. 20 апреля того же года в своем ответе полиции он особо подчеркнул: «Просительница дозволила себе поместить в прошениях своих... такие выражения, которые не должны иметь места в прошениях, подаваемых начальствующим лицам, и которые оскорбительны для полицмейстера как должностного лица. Об этом обстоятельстве я предоставляю непременно долг

полицмейстеру, по его усмотрению, возбудить против просительницы преследование в установленном порядке». По существу жалоб было сказано, что каких-либо нарушений со стороны полиции он не усматривает, поэтому прошения следует «оставить без последствий» [260, л. 1-7].

По данным за 1907 г., из 49 николаевских проституток-одиночек евреек было 13 (26,5%), среди 75 проституток в местных домах терпимости евреек было 11 (14,7%); еврейками содержались 5 домов терпимости [144, л. 97-99]. В связи с этим, не лишен интереса такой эпизод. 13 июня 1907 г. херсонская мещанка Миндля Менделевна Пинт обратилась к градоначальнику с прошением следующего содержания. В связи с болезнью содержательницы дома терпимости Шиндли Котик, с ее согласия, «Прошу выдать на мое имя разрешение на содержание дома терпимости. Плата же за визиты останется прежней, т. е. 50 копеек. Я обязываюсь подчиняться всем законным требованиям администрации, касающимся к домам терпимости». Отзыв полицмейстера последовал уже 22 июня. Он гласил: «Пинт поведения хорошего, судимости не подвергалась, отлично знакома с делом содержания домов терпимости, т.к. таковой она уже содержала а течение нескольких лет... Полагал бы прошение Пинт и Котик удовлетворить» [142, л. 1-2]. В ответ на прошение мещанки Ханы Моисеевны Жебряк об открытии дома терпимости для нижних чинов, поступившее в январе 1912 г., полицмейстер не усмотрел никаких препятствий, добавив, что она «поведения хорошего, судимости не подвергалась, ранее содержала в Николаеве дом терпимости». Главный врач градоначальства Л. Ратнер также не высказал возражений [156].

Характерные места проживания евреев-мещан г. Николаева

18 июня 1909 г. был составлен рапорт начальника сыскного отделения о дознании о тайном доме свиданий, который содержала мещанка Хая Гольберг под видом белошвейной мастерской, она также подозревалась в вербовке девушек для занятия проституцией [147].

Евреи были представлены и в преступной среде Николаева. В 1878 г. в Николаеве под надзором полиции, в основном за совершение уголовных преступлений, находилось 56 человек, из них евреев – 7 человек, т.е. 12,5% [269, л. 20-5, 34].

22 января 1908 г. произошло неудачное вооруженное нападение на хлебную контору купца Г.М. Бродского. Группа «злоумышленников» в составе 10 человек вскоре была арестована. В ее составе, наряду с русскими, были Арон Люблянский, Вульф Лейд, Хаим Вульфсон, Моисей Тепер [144].

Согласно «Сведениям об арестантах, содержащихся в Николаевской городской тюрьме за 1902 г.», всего в течение года зафиксировано 737 человек, из них евреев 86 (11,7%), что было значительно меньше процентного состава евреев в числе городских жителей. Это свидетельствовало о достаточно высоком уровне законности среди еврейского населения. В числе заключенных-евреев мужчин было 71, женщин 15. Наибольшее число заключенных – 38 (44,2%) приходилось на возрастную группу от 15 до 20 лет, тогда как в группе от 30 до 50 лет было только 5 человек. Это свидетельствовало о достаточно высоком уровне молодежной преступности [112, л. 137-138].

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. евреи представляли собой довольно весомую и экономически значимую группу населения Николаева. Еврейские купцы внесли огромный вклад в развитие города, торговли и ремесел, а самое главное – в строительство и обеспечение Черноморского флота.

В течение I десятилетия XX в. в Николаеве заметно вырос удельный вес еврейского предпринимательства и финансового капитала, изменилась сфера занятий. Помимо традиционных торговцев и ремесленников, появились юристы, врачи, акушерки, учителя школ, музыканты и писатели. Евреям принадлежало 3 маслобойных завода, паровая мукомольная мельница, механические заводы, предприятия по обработке мрамора и строительных материалов, хлебобулочные и кондитерские заведения, 4 типографии и литографии, 6 фотоателье, 2 ювелирные мастерские, страховые компании и банки.

Благодаря своему экономическому значению, еврейская община получила доступ в местное самоуправление, имела немалое значение в социальной жизни города.

Однако, несмотря на это, до 1917 г. сохранялись ограничения на проживание евреев в некоторых районах города как фактор, подчеркивающий их постоянно изменяющееся правовое положение

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ

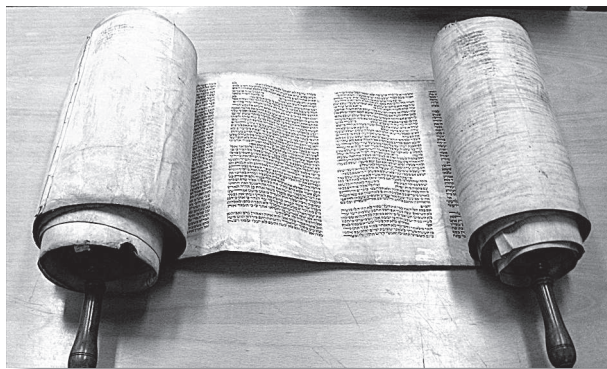
Синагоги и молитвенные дома

Организация религиозной жизни всегда являлась отличительной чертой любой еврейской общины в любом месте ее проживания. Учитывая то, что евреи начали селиться в Николаеве с первых дней основания города, можно предположить, что первоначально переселенцы отправляли свои религиозные нужды, собираясь миньянами* в домашних молельнях. Естественно, вскоре встал вопрос о необходимости открытия молитвенного дома. Скорее всего, местные власти не препятствовали этому, т.к. это давало им возможность установить контроль за религиозной жизнью евреев и богослужебной практикой. Точную дату открытия еврейского молитвенного дома в Николаеве, за отсутствием документов, определить невозможно.

Первое официальное упоминание о наличии в городе каменного молитвенного дома относится к 1811 г. [182, л. 14-16]. В «Адрес-календаре» за 1902 г. указано, что старая синагога построена в 1810 г., это утверждение следует назвать ошибочным, т.к. оно не подтверждается никакими другими источниками [428, с. 61].

Л.Д. Хлопинская обратила внимание на замечание английского путешественника Р.К. Портера, в его книге, изданной в 1821 г: «В Николаеве есть несколько церквей и синагог, но нет архитектуры» [548]. Иностранец явно преувеличил. По статистическим данным, в городе, на момент пребывания в нем путешественника, была только одна синагога (молитвенный дом), строительство каменной синагоги (будущая старая синагога) началось только в 1819 г., а закончилось в 1822 г., так что здание этой синагоги путешественник едва ли мог видеть. Следует добавить, что торжественная закладка здания синагоги происходила в присутствии военного губернатора А.С. Грейга, возможно, он присутствовал и на освящении этой синагоги после окончания строительства.

Утверждение киевского исследователя Ю. Лифшица о том, что сохранившееся на ул. Черниговской (К. Либк-

Свиток Торы
XIX в. (ГАНО)

* Миньян – группа из 10 взрослых мужчин – кворум, необходимый для совершения публичного богослужения и проведения религиозных обрядов.

Старая синагога (северная стена)

нехта) здание старой еврейской синагоги не является тем зданием, которое было построено в 1819-1822 гг., достаточно спорно. Исследователь делает такой вывод на основе архитектурного анализа, утверждая, что здание в таком стиле (с элементами готики) могло быть сооружено не ранее середины XIX в. Следует обратить внимание, что в Николаеве уже в 20-30-х гг. XIX в. строились крупные здания, стилизованные под готику (здание училища для дочерей нижних чинов, лютеранская церковь). Почему нельзя предположить, что влияние архитектурного романтизма (одним из его элементов была мода на готику) на Юг Украины могло распространяться не только из Петербурга, но и непосредственно из Западной Европы, с которой имели непосредственную связь местные торговые порты? При этом сам же исследователь отмечает, что во II половине XIX в. производились ремонт и перестройка здания, не исключая, что именно в результате этого могли появиться готические элементы в архитектуре здания [510]. Если все же попробовать согласиться с Ю. Лифшицем и предположить, что здание сооружено во II половине XIX в., то это могло произойти не ранее конца 60-х гг., но создание такого значительного сооружения должно быть зафиксировано определенным числом документов разрешительного или финансового характера. Между тем, такие документы отсутствуют (по поводу сооружения хоральной синагоги такие документы имеются в наличии).

Шофар – рог, в который трубили во время праздничных молитв
(Музей Николаевского общества еврейской культуры)

Нельзя всерьез относиться и к утверждению Ю. Лифшица о том, что в период выселения евреев из города богослужения в синагоге не проводились, т.к. число евреев, проживавших в Николаеве было недостаточным для того, чтобы собрать миньян. Статистика показывает, что даже в самые трудные для евреев 30-50-е гг. их численность в Николаеве была достаточной для организации религиозной общины.

По мере возвращения евреев в Нико-

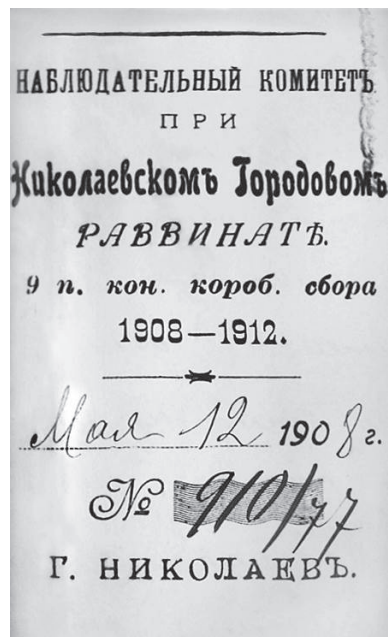
лаев, в городе возрождалась религиозная жизнь. Судя по смете расходов средств коробочного сбора на 1861 г., к этому времени в городе действовала 1 синагога и 1 молитвенный дом (иногда в документах молитвенные дома именовались молитвенными школами), на содержание и ремонт которых предусматривался отпуск средств. В 1862 г. еврейские купцы и мещане обратились в городскую Думу с прошением об открытии еще одного молитвенного дома. По этому поводу 10 августа городским головой был подан рапорт военному губернатору. В нем указывалось, что число евреев-ремесленников превышает 35 семейств (минимум, необходимый для создания молитвенного дома) и быстро растет. «Почему они, по своим соображениям, находя весьма полезным и необходимым для них учредить в городе Николаеве, по примеру Одессы и Херсона, в коих ремесленники составляют отдельное от других евреев молитвенное общество, – молитвенный, отдельный от Николаевской синагоги, дом...». Прошение было воспринято позитивно, и уже 25 августа того же года Г.И. Рогуля, исполнявший в это время обязанности военного губернатора, сообщил городской Думе о своем согласии на открытие молитвенного дома [215, л. 1-3].

По данным приходно-расходной книги синагоги за 1862 г., основными статьями поступления средств являлись средства из коробочного сбора, «добровольные пожертвования разных лиц», поступления из кружек. Общая сумма денежных поступлений составила 1608 руб. Основными статьями расхода являлись: покупка воска для свечей, оплата кантору, ремонтные работы. «На выдачу бедным к празднику Пасхи» было истрачено 300 руб. [63].

Синагоги и молельные дома традиционно были центрами благотворительности и социального призрения. Здесь находились кружки для пожертвований, собранные средства направлялись в помощь детским приютам, богадельне, беднякам и т.д. К примеру, по отчету синагоги за август 1862 г. (когда численность еврейского насе-

Старая синагога (главный фасад)

Угловой штамп Николаевского городского раввината

обращение к этому органу со стороны военного губернатора относилось к 1875 г. и было связано с необходимостью своевременного свидетельствования актов записей в метрических книгах. Никаких упоминаний о существовании единого духовного или иного правления еврейской общины обнаружить не удалось

Руководство (духовное правление) молитвенных домов в составе трех человек:

ления в городе была еще невелика) из кружек поступило 59 руб. 25 коп. пожертвований. Кроме того, указаны «добровольные пожертвования разных лиц», их численность колебалась от 12 человек в марте до 39 – в октябре, сумма разового пожертвования колебалась от 50 коп. до 20 руб., в течение месяца поступало из этого источника от 10 руб. (март) до 248 руб. (октябрь) [70, л. 1]. Впрочем, на размещение кружек для сбора пожертвований требовалось особое разрешение военного губернатора.

При синагогах и молитвенных домах действовали духовные правления, которые выполняли роль руководящего органа еврейских религиозных общин. Кроме того, существовал раввинат, в его состав входили члены духовных правлений всех молитвенных домов города. Во II половине XIX в. его роль и влияние падали, что объяснялось общим снижением уровня религиозности еврейского населения. К сожалению, документов о деятельности этого органа не сохранилось, т.к. из архивного фонда хоральной синагоги сохранились только метрические книги. Единственное обнаруженное

единственное обнаруженное обращение к этому органу со стороны военного губернатора относилось к 1875 г. и было связано с необходимостью своевременного свидетельствования актов записей в метрических книгах. Никаких упоминаний о существовании единого духовного или иного правления еврейской общины обнаружить не удалось

Руководство (духовное правление) молитвенных домов в составе трех человек:

Молитвенный дом на ул. Черниговской

старосты, казначея и ученого еврея (в некоторых документах его называют раввином или ребе) избирались его прихожанами на трехлетний срок и через городскую управу представлялось на утверждение военному губернатору (с 1900 г. – градоначальнику). С введением должности городского раввина его обязанностью стало присутствие на проведении выборов и представлении избранных лиц для утверждения городской управе и военному губернатору.

Продолжавшийся рост еврейского населения, которое селилось не только в центральной части города, но и на окраинах, вызывал необходимость открытия новых молитвенных домов. В 1865 г. освящен

молитвенный дом на ул. Мельничной, № 84, в 1866 г. на пересечении улиц Малой Морской и Таврической открыт молитвенный дом «Хабад», в 1867 г. – на ул. III Слободской, № 30 и I Военной, № 12. В 1870 г. открыт молитвенный дом на Поповой балке. 26 июня городская Дума обратилась к военному губернатору с просьбой об утверждении состава его духовного правления. Прилагался «приговор» собрания прихожан за подписями 28 человек (см. приложение 4). 3 июля того же года последовало распоряжение Б.А. Глазенапа, в котором говорилось: «Лиц, избранных еврейским молитвенным обществом в члены духовного правления при еврейской молитвенной школе, учрежденной на Поповой балке, а именно: в ученые – мещанина Товия Умана, в старосты – солдата Шмуля Цукермана и в казначеи мещанина Янкеля Мендельблума, я утверждаю и об этом даю знать городской думе» [214, л. 1-3]. При этом никаких проверок на благонадежность по отношению к данным лицам не проводилось, т.е. губернатор проявлял доверие по отношению к религиозной общине. В дальнейшем подобное доверие будет проявляться все реже. К примеру, в 1886 г. военный губернатор А. Пещуров утвердил членов духовного правления молитвенного дома по ул. Херсонской, № 25, избранных прихожанами [42, л. 18]. При этом предварительно запрашивались сведения из городской полиции и от заместителя начальника Херсонского жандармского управления (находился в Николаеве) по поводу благонадежности представленных кандидатов, утверждение произошло только после получения благоприятных отзывов. С 1901 г. их утверждал на должностях николаевский градоначальник [119].

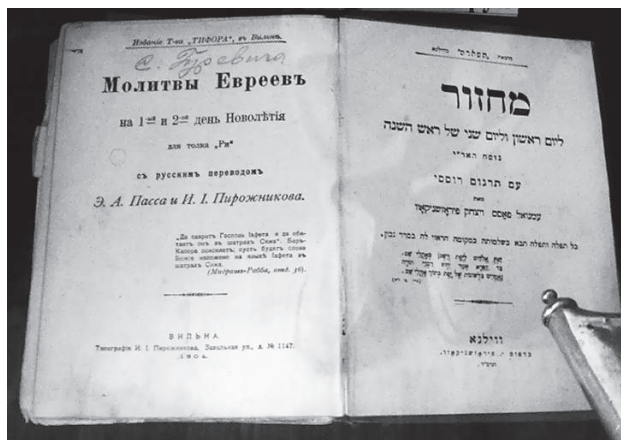
Число молитвенных домов возрастало достаточно быстро и отражало географию расселения еврейского населения в пределах г. Николаева. 17 июня 1872 г. Николаевский раввин Марк Осипович Когон обратился с рапортом к военному губернатору. В нем содержалась просьба об открытии нового молитвенного дома в Одесской части по улице Пограничной. Необходимость открытия нового молельного дома мотивировалась общим ростом еврейского населения в городе, кроме того, отмечалось: «Из семи здешних еврейских молитвенных школ находится три в Московской части, где, сверх их, состоит и синагога, три – в Адмиралтейской части и лишь одна

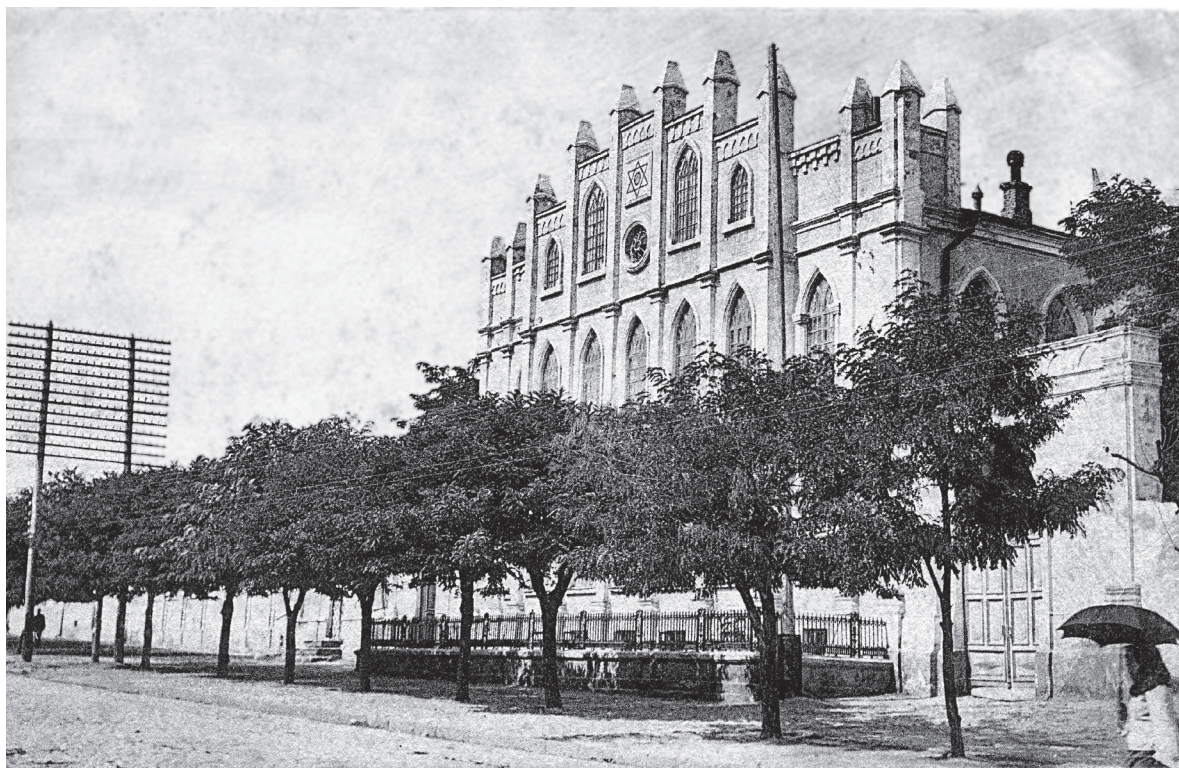
Молитвенный дом на углу
ул. Черниговской и Б.Морской

в Одесской». К рапорту прилагалось прошение евреев, проживавших в Одесской части за 33 подписями. В том же году военный губернатор дал разрешение без каких-либо особых замечаний. В 1877 г. На углу ул. Большой Морской и Черниговской открылся молитвенный дом «Бес Мидраш», а в следующем году – молитвенный дом портных на Черниговской улице, № 15 [477, с. 34]. В 1878-1879 гг. в Николаеве действовали 1 синагога, 11 молитвенных домов.

В начале 1880 г. к военному губернатору обратились представители общины еврейского молитвенного дома в Одесской части города. Они просили разрешить провести собрание общины для решения вопроса о строительстве новой синагоги. Согласно российскому законодательству для строительства синагоги в данной местности следовало иметь не менее 80 еврейских домов [338, с. 171]. Очевидно, именно по этому поводу губернатор послал запрос городской полиции. Вскоре был получен ответ о том, что препятствий для строительства у полиции не имеется. 9 марта военный губернатор Н.А. Аркас разрешил провести собрание, которое приняло «Акт», текст которого мы позволим себе привести почти полностью.

Молитвенник С. Гуревича. 1904 г.
(Музей Николаевского общества еврейской культуры)

Николаевская хоральная синагога на ул. Немецкой
(с открытки начала XX в.)

«Мы, нижеподписавшиеся члены еврейского общества молитвенной школы в Одесской части города Николаева состоящей, сего числа, с разрешения начальства, собравшись для обсуждения вопроса о том, что так как еврейское население здесь много увеличилось и число прихожан оной школы не умещается в местах для сиденья так, что даже не могут молиться в оной во время молитвы..., составили сей акт между собою в следующем: имея ввиду, что нами приобретен дом в г. Николаеве на углу Большой Морской и Немецкой улиц, № 27, при котором имеется пустопорожнее место, которое по составленному плану для постройки на нем синагоги совершенно помещительно будет для нашего общества даже на 600 мест, сооружение которой, по соображению, обойдется в сумме около двадцати тысяч рублей серебром. На эту сумму собрано добровольных пожертвований от членов нижеподписавшихся около тринадцати тысяч рублей серебром, так что на эти деньги мы можем приступить к постройке, затем недостающую сумму для окончания оной, около семи тысяч, мы также полагаем собрать посредством добровольных приношений от вновь вступивших и вступающих членов оного общества».

Уже 19 марта 1880 г. Н.А. Аркас сообщил городской полиции: «Рассмотрев план постройки новой синагоги, а также и объясненный акт, вместе с прочими сведениями по этому предмету предоставленными мне городской полициею, я разрешаю названному еврейскому обществу приступить к сооружению новой синагоги..., при совокупаю, что план постройки синагоги, подписанный Николаевским городовым архитектором Андреевским и одобренный мною, передан лично старосте той же молитвенной школы Натанзону» [271, л. 15, 22-23].

Строительство храма было начато в том же году и закончено через 4 года. 31 октября 1884 г. новая синагога была освящена. О строительстве ее сообщала еврейская пресса, отмечая, однако, что часть средств, истраченных на строительство и дорожную отделку было бы полезнее направить на благотворительность [532, с. 140]. В марте 1885 г. состоялся торжественный обряд помещения в киот свитков Торы, пожертвованных Я.Г. Каминским. На торжествах присутствовал исполнявший обязанности военного губернатора А.Ф. Федоров [477, с. 34]. Старостой новой синагоги был избран А.А. Сойфер, ученым евреем – мещанин Г.С. Сахарзон. При синагоге служили 2 кантора, регент и хор из 20 человек, ее бюджет составляя около 7 тыс. руб. Впоследствии новая синагога получила статус хоральной.

В 1884 г. в Николаеве было создано погребальное общество «Хеврат носей хамита» (братство носящих гроб умершего). Его устав был утвержден городовым раввином А. Розенбергом. В 1889 г. численность его членов достигала 75 человек. Члены общества собирали членские взносы и пожертвования, на которые они организовывали и проводили погребальные обряды в соответствии с религиозными нормами. В уставе Общества особо подчеркивалось, что «... запрещается взимать от родственников усопшего плату за их труд или на расходы, на каковой предмет отпускается обществу по 3 руб. по числу усопших, не различая их состояния». В 1889 г. члены

Молитвенник нач. XX в.
(Музей Николаевского общества еврейской культуры)

Общества просили военного губернатора разрешить им открыть свой молитвенный дом по Черниговской улице, № 37, в доме купца Иосифа Купермана. Прошение поддержал и казенный раввин, который подчеркнул, что этот молитвенный дом должен быть местом сбора членов Общества, куда будут обращаться все, кто нуждается в их помощи. 16 марта того же года военный губернатор А.А. Пещуров дал согласие на его открытие [238, л. 27-31]. М. Полищук, обратив внимание на полное официальное название организации – «Общество прихожан, носящих гробы умерших в г. Николаеве», высказал предположение, что в исполнении обряда погребения это общество могло отступать от его традиционной формы. Тот же автор необоснованно смешивает упомянутое общество с комитетом по заведованию еврейским кладбищем, который был создан в 1877 г. Вместе с тем, нельзя не согласиться с М. Полищуком в том, что «трудно предположить, чтобы в чрезвычайно аккультурированной николаевской общине фактическая монополия на погребения была отдана традиционалистскому погребальному братству» [532, с. 152]. В отчетах комитета по заведованию еврейским кладбищем о деятельности погребального Общества вообще нет упоминаний.

О том, что открытие новых молитвенных домов было следствием быстрого роста еврейского населения в городе, свидетельствует прошение, поданное военному губернатору членами еврейской общины (за 37 подписями) 23 сентября 1888 г. В нем писалось: *«Вследствие прогрессирующего увеличения николаевского еврейского населения, существующие ныне синагоги и молитвенные дома оказываются неместительны для такого количества молящихся, так что многим положительно приходится молиться на дворах, а молящиеся внутри синагоги не гарантированы, что как-нибудь не случится несчастья от духоты, господствующей во время молитвы, в особенности в праздник Нового года, когда молитва обыкновенно продляется часов 8 и в судный день, когда весь народ, изнуренный постом, целые сутки находится в молитвенных домах при огромном количестве горящих свечей. Отсутствие вместительных синагог, с одной стороны, и чувство самосохранения, с другой стороны, заставляет нас покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить нам открыть на наших средствах молитвенный дом, который желаем наименовать «Молитвенный дом Ашке-*

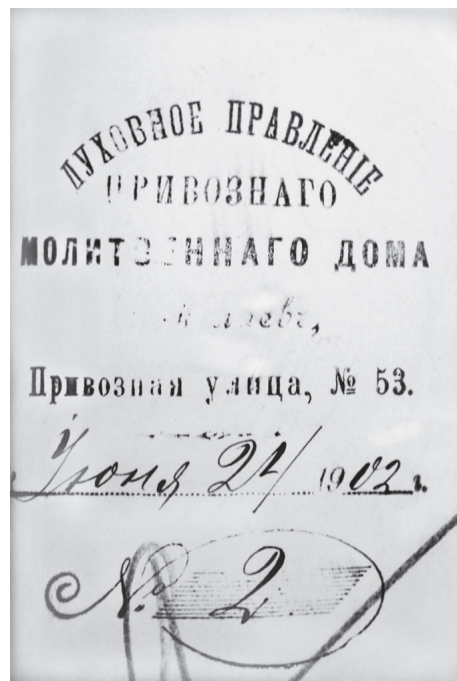

Молитвенный дом на ул. Привозной
(с фотографии начала XX в.)

назим» [238, л. 14]. О том, что разрешение было получено и молитвенный дом начал свою деятельность, свидетельствует следующий документ. В январе 1889 г. в ответ на запрос канцелярии военного губернатора, исполнявший должность городского раввина И. Дульцин сообщал: «На предложение канцелярии Николаевского военного губернатора от 31 декабря 1888 г. за № 2628 имею честь сообщить, что в городе Николаеве находятся нижеследующие синагоги, молитвенные дома и частные молельни: 1). Хоральная синагога, состоящая по Немецкой улице; 2). Главная Старая синагога – по Черниговской улице; 3). Молитвенный дом еврейских портных – по Черниговской улице; 4). Молитвенный дом на углу Черниговской и Большой Морской; 5). Молитвенный дом «Ашкеназим» по Херсонской улице, № 25; 6). Молитвенный дом по Черниговской улице, № 32; 7). Молитвенный дом по Таврической улице, дом Дитфельда; 8). Молитвенный дом по Сенной улице, № 40; 9). Молитвенный дом по Песчаной улице, № 29; 10). Молитвенный дом по 3-й Слободской, № 30; 11). Молитвенный дом по Садовой – в доме еврейской больницы; 12). Молитвенный дом на Поповой балке; 13). Молитвенный дом по 1-й Военной улице, № 12; 14). Молитвенный дом по Херсонской, № 37; 15). Молитвенный дом по Котельной, № 52; 16). Частная молельня Иосифа Купермана; 17). Частная молельня Вульфа Кнебельмана» [233, л. 15].

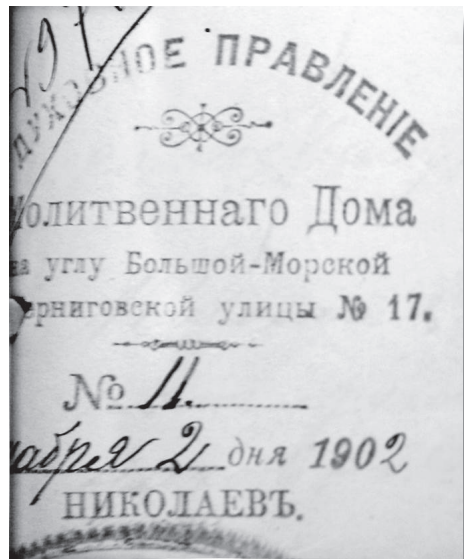
Таким образом, в 1889 г. в Николаеве действовали 2 синагоги, 13 молитвенных домов и 2 частных молельни. В дальнейшем их количество не изменялось, что подтверждают данные николаевских «Адрес-календарей» начала XX в. Несмотря на продолжавшийся рост еврейского населения, администрация чинила препятствия открытию новых молитвенных домов. Подтверждением этому может служить эпизод, имевший место в 1892 г. 27 августа городской голова обратился к военному губернатору с ходатайством, в котором он сообщал, что попечительный совет Николаевской еврейской больницы просит разрешения на строительство во дворе больницы специального барака для открытия молитвенного дома, а пока будет идти строительство, просили разрешить открыть временную молельню в лечебном корпусе. На прошении (вероятно, рукой начальника канцелярии губернатора) сделана надпись: «В Николаеве 2 синагоги, 12 общественных молитвенных домов, 2 домашних молитвенных дома. Есть дома, где число прихожан всего от 50 до 100 душ мужского пола. Циркуляром МВД от 24 июля 1891 г. за № 4313 было обращено внимание на излишнее размножение еврейских молелен. Еврейского населения в городе по статистическому отчету за 1891 г. – 13412 душ обоего пола». В результате просителям было отказано [238, л. 1-2]. При этом администратора не смутило, что, в соответствии с поданной ему статистикой, в городе одно религиозное учреждение приходилось на 838 евреев. При этом большинство молитвенных домов находились в небольших приспособленных помещениях и не могли вместить большое количество верующих.

В 1917 г. (по данным, приводимым Д.И. Заковоротным) в Николаеве действовали 2 еврейских синагоги и 16 молитвенных домов [478, с. 192].

Угловой штамп молитвенного дома
на ул. Привозной

В 1895 г. прихожане молитвенного дома еврейских портных по ул. Черниговской, № 15, были удостоены благодарности от самого императора Николая II. Это произошло при таких обстоятельствах. 29 ноября 1894 г. духовное правление молитвенного дома просило военного губернатора «...разрешить им изготовление и установку в кивоте... молитвенного дома свитков Священного Писания (Торы) в память в бозе почившего государя императора Александра III. К прошению присоединился и городской раввин. 13 декабря городская полиция, по поручению военного губернатора, сообщила, что «не встречается препятствий к удовлетворению ходатайства». Год спустя, 16 октября 1895 г., городской раввин Х. Богров сообщил военному губернатору о том, что свиток Торы изготовлен и «19 октября, накануне годовщины усопшего государя» будет торжественно помещен в кивот молельного дома».

Угловой штамп Молитвенного дома на углу ул. Черниговской и Б.Морской

Об этом событии военный губернатор доложил в МВД. 24 ноября 1895 г. министр внутренних дел И.Л. Горемыкин специальным письмом сообщил военному губернатору о том, что император «Всемиловитвейшее повелеть соизволил: благодарить от имени Его императорского величества. О таковой Высочайшей воле имею честь сообщить Вашему Превосходительству для объявления по принадлежности» [257, л. 1-4, 10].

В 1903 г. прихожане молитвенного дома на углу ул. Черниговской и Большой Морской обратились в городскую управу с просьбой ходатайствовать о представлении Ш.С. Имаса, который в течение 10 лет являлся старостой и 4 года казначеем этого молитвенного дома, к званию почетного гражданина или к высочайшей награде за добросовестное и безвозмездное служение еврейской общине. Указом

от 17 апреля 1905 г. император «... соизволил всемиловитвейше пожаловать серебряную медаль с надписью «за усердие для ношения на шее на аннинской ленте I-й гильдии николаевскому купцу Самуилу Имасу» [48, л. 1, 32].

30 декабря 1903 г. духовное правление Николаевской хоральной синагоги обратилось с ходатайством о награждении почетного гражданина Абрама Ароновича Сойфера высочайшей наградой «за усердную десятилетнюю службу в качестве старосты хоральной синагоги» [48, л. 11].

18 апреля 1902 г. в Николаеве в доме на Московской улице в семье Леви-Ицхака и Ханы Шне-

Фрагменты свитка Торы XIX в.

ерсонов (потомков третьего Любавичского Ребе) родился сын, которого назвали Менахемом-Мендлом, ему предстояло стать седьмым Любавичским Ребе, одним из наиболее известных евреев, родившихся в нашем городе. В Николаеве прошло только его раннее детство, т.к. семья вскоре переехала в Екатеринослав, где его отец был избран раввином [495].

Синагога выполняла роль регистрирующего органа для еврейского населения. Рождение, смерть, вступление в брак и его расторжение регистрировались в специальных книгах, которые вел казенный раввин.

В 1862 г. городская Дума обратилась к раввину, прося уведомить, свидетельствуют ли должным порядком акты и обязательства между евреями, вступающими в брак. Раввин Абрам Лавут ответил, что при заключении брака соблюдаются нормы еврейского закона, обязательно добровольное согласие сторон. Брачные обязательства регистрируются в метрических книгах и выдаются соответствующие свидетельства на гербовой бумаге на еврейском и русском языках в соответствии с гражданским законодательством Российской империи [71, л. 1-3].

Метрические книги выдавались по заявке раввина городской управой. Отдельно велись книги регистрации родившихся, умерших, вступавших в брак и разведившихся. Записи в них велись на русском языке. Все акты регистрации производились только казенным (городовым) раввином или его помощником. Другие раввины не имели права на такие действия. Казенный раввин, в соответствии с записями в метрических книгах, выдавал метрические свидетельства (о рождении, смерти, вступлении в брак или расторжении его), которые регистрировались и утверждались городской управой. Управа осуществляла контроль за правильностью ведения книг. К примеру, 1 марта 1872 г. городской голова Сиротинский докладывал военному губернатору, что «Еврейские метрические книги за минувший 1871 год доставлены в Думу раввином М. Когоном своевременно, которые по проверке оказались совершенно правильными и общие с частными сходны» [215]. Право контроля за ведением книг принадлежало также и военному губернатору. О том, что он использовал это право, свидетельствует эпизод, произошедший в 1875 г.: 1 апреля военный губернатор затребовал для проверки еврейские метрические книги за текущий 1875 г. Книги были ему поданы, к ним приложены две черновые тетради, где были зафиксированы все метрические акты с начала года и до конца марта. 7 мая того же года военный губернатор Н.А. Аркас потребовал объяснений от раввина М. Волькенштейна. Он писал: «По рассмотрении предъявленных мне еврейских метрических книг

Памятный знак на ул. Московской на месте дома, в котором родился Менахем Мендл Шнеерсон (открыт 21.08.2008 г.)

Тфиллин – кожаные коробочки с текстами отрывков из Торы, надеваемые во время молитвы, кон. XIX – нач. XX вв.
(Музей Николаевского общества еврейской культуры)

за 1875 г. я увидел, что книги эти совершенно чисты, и в них не только не делались ежемесячные освидетельствования.., но с 1 января сего года не внесено даже ни одного метрического акта». Раввин в своем объяснении сослался на большую занятость и заявил, что «По существующим узаконениям еврейские религиозные акты вносятся по истечении месяца в подлежащие метрические книги, которые хранятся при синагоге или молитвенной школе». Н.А. Аркас в этой ситуации поступил достаточно мягко. Он подчеркнул: «На этот раз за допущенное Вами отступление от законов порядка ведения метрических книг делаю вам строгое внушение..., возвращая при этом подлинные метрические книги с черновыми тетрадями, предписываю Вам теперь же вписать в эти книги все метрические акты за время с 1 января сего года и озаботиться, чтобы в книгах этих своевременно были сделаны установленные засвидетельствования. На будущее же время строжайше обязываю Вас вести означенные книги в полной исправности, без малейших отступлений от установленного для сего законом порядка». Кроме того, серьезное внушение было сделано членам духовных правлений синагоги и 9 молитвенных домов. Им было указано: «Я строжайше предписываю Вам на будущее время наблюдать неослабно за тем, чтобы эти книги велись во всем согласии с правилами, установленными для сего законом, и чтобы книги эти ежемесячно были свидетельствуемы всеми членами духовных правлений в определенные для этого законом сроки» [220, л. 14, 16].

Менора

Несмотря на невысокий уровень религиозности николаевских евреев, случаи официального их крещения были единичны. К примеру, в 1904 г. Херсонский вице-губернатор сообщал Николаевскому градоначальнику о двух таких случаях [129]. А в 1907 г., когда перед николаевскими евреями возникла угроза нового выселения, также было только 2 случая крещения, причем один из крестившихся отбывал тюремное наказание и явно стремился облегчить свое положение. Случаи перехода евреев в христианство не носили массового характера. К примеру, за 1901-1902 гг. 7 чело-

век крестились в православие и 1 стал протестантом [110, л. 1-31]. Даже в период новой кампании по выселению евреев из Николаева, которую власти развернули в 1910-1913 гг., число крестившихся существенно не увеличилось.

В целом, николаевское еврейство не отличалось излишним религиозным фанатизмом или межконфессиональной нетерпимостью. Нами не обнаружено каких-либо документов, которые свидетельствовали бы о конфликтах между сторонниками различных течений в иудаизме, что было характерным для соседней одесской общины. Модернисты, традиционалисты, хасиды толерантно уживались между собой.

Николаевские городовые (казенные) раввины

Сведения о первых раввинах еврейской общины Николаева в начале XIX в., к сожалению, отсутствуют. Едва ли можно согласиться с утверждением Ю. Лифшица о том, что в период, когда проживание евреев в городе было запрещено (30-50-е гг.), богослужения в синагоге не происходили. После окончательного выселения «неслужащих» евреев из Николаева в 1837 г., в городе оставались евреи в числе «нижних чинов» (матросов), служивших в военно-морском ведомстве, а также мастерские ластовых команд, которых набирали из рекрутов, и они также являлись служащими; очевидно, были евреи и в числе кантонистов (судя по их количеству в статистических отчетах (в отдельные годы – более 70 человек), в городе была школа кантонистов). Для обслуживания их духовных потребностей морское ведомство в том же 1837 г. назначило николаевского мещанина Хаима-Фройзельмана Разумного казенным раввином с выплатой ему из казны ежегодного жалования в 300 руб. [195, л. 1]. В документах он называется Николаевским раввином или раввином Николаевского порта. На этой должности Х.Ф. Разумный прослужил 20 лет. Морское ведомство не считало нужным тратить на сооружение специального молитвенного дома для нижних чинов при наличии в городе здания синагоги. Есть неоднократные упоминания о том, что богослужения происходили именно там. Так что синагога была задействована по прямому назначению весь период, пока евреям запрещалось проживание в пределах военного губернаторства. Подтверждение тому – годовой отчет по г. Николаеву за 1849 г., в котором среди культовых сооружений, действовавших в городе, названа и каменная синагога [189, л. 17].

Автор сочинения об истории хасидских раввинов г. Николаева рабби И.И. Каминецкий утверждает, что Абрама Довида Лавута пригласила в Николаев семья Рафаловичей. Это утверждение не подтверждается документами. Абрам Довид Лавут впервые был утвержден на должности раввина Херсонским губернским правлением 5 ноября 1845 г. в колонии Романовка. В ГАНУ сохранилось дело о предоставлении права проживания в Николаеве А. Лавуту, относящееся к 1854 г. В нем говорится, что «Назначенный для нижних чинов рабочих эки-

Подсвечники с субботними свечами
кон. XIX – нач. XX вв.
(Музей Николаевского общества
еврейской культуры)

пажей Николаевского порта раввин Хаим Разумный болен..., потому Разумный пригласил вместо себя раввина Романовской колонии Абрама Лавута и просит дозволить Лавуту исполнять обряды, определенные еврейской религией». 5 марта 1854 г. инспектор ластовых команд рабочих экипажей обратился к военному губернатору с просьбой разрешить проживание в городе исполняющему обязанности раввина. Вскоре военный губернатор М.Б. Берх сообщил городской полиции о разрешении пребывания в Николаеве А. Лавуту до выздоровления Х-Ф. Разумного [194].

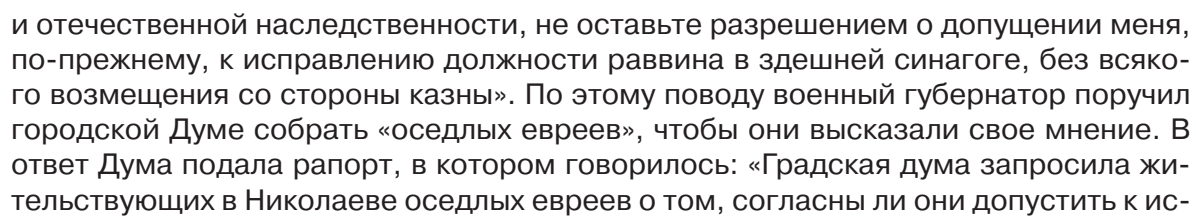
В 1857 г. все нижние чины из евреев, служившие в морском ведомстве, были переданы в ведомство сухопутное. В связи с этим из штаба Черноморского флота было направлено письмо военному губернатору Г.И. Бутакову о том, что раввину Х.Ф. Разумному прекращается выплата жалования и он подлежит высылке из Николаева (т.к. больше не относится к числу служащих евреев). 20 июня того же года к губернатору обратился с письмом сам раввин. Он благодарил его за ходатайство о Высочайшем награждении за 20-летнюю беспорочную службу и просил отсрочить выезд из города в связи с болезнью, а также просил по выздоровлении «приказать снабдить меня билетом и аттестатом об усердном 20-летнем служении моем». 25 июня последовало распоряжение Г.И. Бутакова городской полиции, разрешавшее приостановить высылку из города Х.Ф. Разумного до его выздоровления [195, л. 1, 3-4]

После отставки казенного раввина морского ведомства, обязанности раввина в Николаеве продолжал исполнять А. Лавут, о чем он и докладывал в письме к военному губернатору 25 февраля 1862 г. В 1857 г. «За ревностную усердную службу и добросовестное выполнение раввинской обязанности» ему была пожалована высочайшая награда – золотая медаль на станиславовской ленте [203, л. 15].

Одновременно с Х.-Ф. Разумным от должности казенного раввина морского ведомства в Севастополе был освобожден его сын Мошко Разумный, который в 1860 г. предпринял попытку занять место городского раввина в Николаеве. 10 января он обратился с письмом к военному губернатору, напоминая, что его отец был раввином в Николаеве на протяжении 20 лет. Сам он, будучи севастопольским раввином, в период Крымской войны, в связи с захватом Севастополя англо-французскими войсками, оказался в Николаеве. Далее он пишет: «...по отступлении войск из Севастополя в Николаев, когда общество евреев севастопольское с николаевским соединились в здешней синагоге и николаевский раввин в то время впал в болезнь, тогда я исполнял должность и николаевского раввина». Далее он высказывает просьбу: «По уважению опытности и верности моей службы, и также

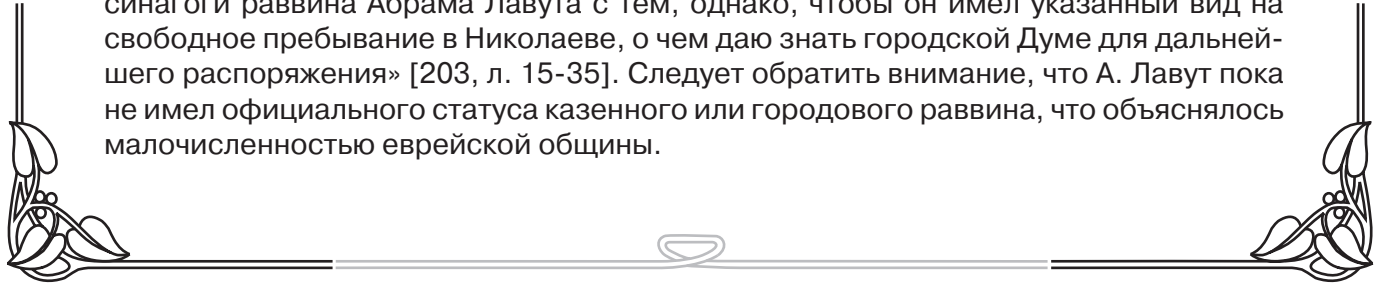

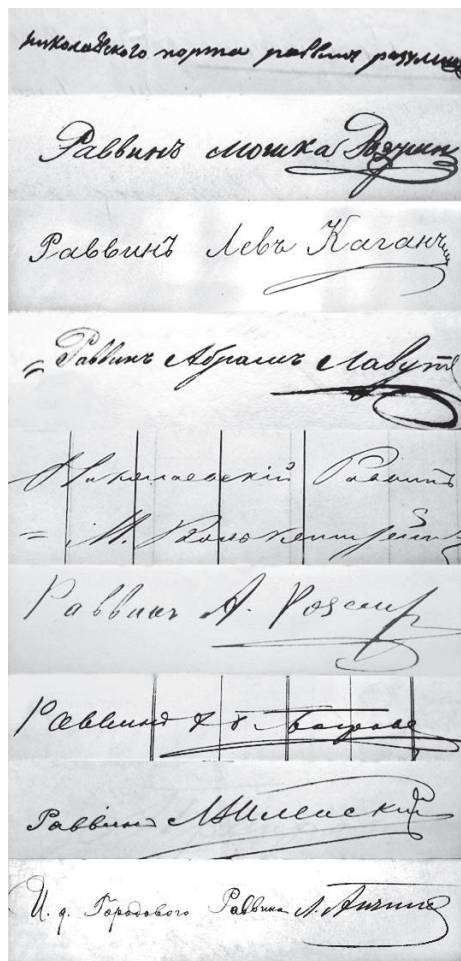
Еврейская праздничная посуда
кон. XIX – нач. XX вв.
(Музей Николаевского общества еврейской культуры)

и отечественной наследственности, не оставьте разрешением о допущении меня, по-прежнему, к исправлению должности раввина в здешней синагоге, без всякого возмещения со стороны казны». По этому поводу военный губернатор поручил городской Думе собрать «оседлых евреев», чтобы они высказали свое мнение. В ответ Дума подала рапорт, в котором говорилось: «Градская дума запросила жителействующих в Николаеве оседлых евреев о том, согласны ли они допустить к исправлению должности раввина Мошку Разумного в здешней синагоге, на что общество евреев [ответило] от 31 января, что... раввин Абрам Довид Лавут исправляет свои обязанности исправно, который приобрел доверенность общества в отношении знания обязанностей своих и, кроме того, он, Лавут, известен начальству... Что же касается до Разумного, то степень его учености обществу известна, он не может заступить место раввина и, по немногочисленности здешнего еврейского общества, излишним находят иметь его даже за помощника раввина. Поэтому общество не может согласиться на предложение Разумного» [65, л. 1; 190]. М. Разумный, не получивший права проживания в Николаеве, после этих событий выехал в Вознесенск и в выборах Николаевского раввина, проводившихся через 2 года, даже не решился принять участие.

В связи с тем, что А. Лавут официально считался исполняющим обязанности раввина при синагоге, он просил провести официальные выборы. По этому поводу военному губернатору был подан рапорт от городской Думы, в нем говорилось: «Градская дума имеет честь донести Вашему Превосходительству, что при николаевской синагоге имеется свободная вакансия еврейского раввина, должность коего до настоящего времени исправляет утвержденный Херсонским губернским правлением 5 января 1845 г. в звании раввина Абрам Лавут, который в настоящее время просит официального утверждения в должности раввина при николаевской синагоге» [68, л. 3]. Вскоре на собрании «оседлых евреев» было высказано пожелание об утверждении А. Лавута кандидатом в раввины, после чего он обратился к военному губернатору с просьбой об утверждении его в должности на предстоящие 3 года, по договору с местным еврейским обществом. В ответ на прошение военный губернатор сообщил городской Думе о том, что, согласно действующим законам, раввин должен быть избран представителями еврейского общества. 15 мая 1862 г. городская Дума сообщала военному губернатору: «Хотя к занятию должности раввина Николаевской синагоги и изъявили желание... несколько ученых евреев, но лица эти по настоящее время в Николаев не прибыли для вступления в соглашение с[о] здешним еврейским обществом, а между тем, состоящий при синагоге раввином Абрам Лавут исполняет эту должность, по отзыву общества, с полным успехом». К данному документу были приложены: обращение купца Александра Рафаловича от имени еврейского общества с просьбой утвердить А. Лавута раввином при синагоге, а также баллотировочный список по выборам раввина, проведенным 8 мая. В списке значилась только одна кандидатура, из числа выборщиков 14 высказались за избрание А. Лавута, против не подано ни одного голоса. Вскоре последовало письмо городской Думе, в котором исполнявший обязанности военного губернатора Г.И. Рогуля сообщал: «Согласно желанию общества николаевских купцов-евреев, выраженному в... приговоре от 8 мая, я допускаю к исправлению должности раввина здешней синагоги раввина Абрама Лавута с тем, однако, чтобы он имел указанный вид на свободное пребывание в Николаеве, о чем даю знать городской Думе для дальнейшего распоряжения» [203, л. 15-35]. Следует обратить внимание, что А. Лавут пока не имел официального статуса казенного или городского раввина, что объяснялось малочисленностью еврейской общины.

Автографы Николаевских раввинов

Летом 1860 г. городская Дума сообщала военному губернатору: «Вследствие приговора общества евреев, проживающих в городе Николаеве, состоявшегося 31 июля, градская Дума утвердила избранных по оному в общественные должности лиц, а именно: в старосты при синагоге купца Рувима Резникова, в старосты при молитвенном доме купца Герша Гринбарга, в казначеи при обоих зданиях – купца Берко Вилькарта». Приговор от 31 июля 1860 г. подписан десятью купцами, из которых 6 к этому времени уже были приписаны к числу николаевских купцов. После утверждения избранных лиц военным губернатором 21 сентября они были приведены к присяге [66, л. 1-3].

В декабре 1860 г. Новороссийский генерал-губернатор поставил в известность Николаевского военного губернатора о Высочайшем повелении, «...чтобы жалобы евреев на неисполнение раввинами закона веры подаваемы были не иначе, как от целых обществ, чрез избранных ими доверенных лиц». 17 декабря военный губернатор Б.А. Глазенап поставил в известность об этой новости полицию «для объявления оной по городу Николаеву» [201].

Весной 1862 г. на собрании евреев-купцов вновь было предложено «в раввины к николаевской синагоге избрать... Абрама Лавута, который за усердное выполнение настоящей обязанности... Всемилостивейше награжден золотой медалью на станицлавовской ленте., сроком

впредь до открытия источника для содержания ученого [казенного – В.Щ.] раввина». На этом же собрании было определено жалование из сумм коробочного сбора: для раввина – 200 руб. в год, для подраввина (помощника) – 100 руб. в год, а также проведена баллотировка, в ходе которой А. Лавут получил большинство голосов. 22 мая того же года военный губернатор сообщил: «...я допускаю к исправлению должности раввина здешней синагоги раввина Абрама Лавута» [68, л. 29-30, 36]. Время официального учреждения должности казенного (городового) раввина в Николаеве установить не удалось, но к моменту следующих выборов эта должность уже существовала.

27 ноября 1865 г. городской голова доложил военному губернатору о том, что на состоявшихся выборах городского раввина приняли участие 40 еврейских купцов и их представителей. В ходе выборов «...из трех баллотировавшихся лиц по большинству шаров избран в Николаевские раввины Марко Когон, а в подравнины, т.е. помощники... бывший доселе раввин Абрам Лавут». Неизбранные претенденты (Абрам-Брук Березовский и Марк Тайч) пожаловались военному губернатору на нарушения, допущенные в процедуре выборов, и предлагали отменить их результаты, но городской голова смог убедить губернатора в том, что существенных нарушений в ходе выборов не было. Вскоре М. Когон был утвержден в должности [76, л. 5-7; 77, л. 1-3, 8].

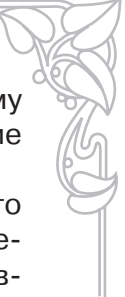
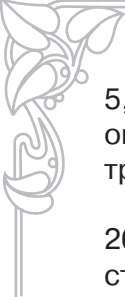
В конце 1871 г. состоялись очередные выборы городского раввина. Для этой цели городской управой был составлен список николаевских купцов-евреев (42 человека), которые были выборщиками. Среди претендентов на занятие должности были представлены Марк Когон, Лейба Шейнцис и севастопольский раввин Мошко Разумный. Последний до выборов допущен не был. Большинство голосов (28) получил М. Когон, который и был утвержден в должности военным губернатором на период 1872-1875 гг. Помощником раввина вновь утвержден Абрам Лавут. В целом, М. Когон был николаевским раввином в течение 9 лет [31].

В конце 1874 г., в связи с завершением срока полномочий М. Когона, началась подготовка к выборам нового раввина, о чем были даны объявления в местных и столичных газетах. Число выборщиков было значительно расширено. Городская управа подготовила список купцов-евреев (78 чел.), а ремесленная управа представила список евреев-ремесленников (78 чел). 28 ноября состоялись выборы. Баллотировались три кандидата. Среди всех претендентов большинство голосов (125 – за и 50 – против) получил Меир Абрамович Волкенштейн (М. Когон, также баллотировавшийся, на новый срок не был избран), которого 17 декабря 1874 г. военный губернатор утвердил в должности. Помощником раввина вновь стал А. Лавут. 27.03.1875 г. Был подписан и утвержден договор раввина М. Волкенштейна с николаевским еврейским обществом [30; 219, л. 1-2, 6].

Атмосферу, в которой зачастую проходили выборы городского раввина, достаточно ярко можно представить по следующему эпизоду. 21 июля 1881г. городской голова докладывал военному губернатору о том, что 20 июля «созваны были все сословия еврейского общества города Николаева для избрания местного раввина и его помощника». Кандидатами на должность заявили себя 8 человек. В ходе выборов наибольшее число избирательных шаров (100 против 69) получил бывший пинский раввин Абрам Розенберг, которого и предлагалось утвердить в данной должности. 25 июля того же года в канцелярию губернатора поступила докладная записка евреев – жителей Николаева (за 4 подписями). Авторы считали, что выборы раввина следует признать незаконными, т.к. был допущен ряд процедурных нарушений, что вызвало открытое возмущение выборщиков. Далее они пишут: «после баллотировки пяти первых кандидатов... в зале собрания настал такой шум и беспорядок, что никакими усилиями председателя и члена полиции не могли водворить спокойствие, следствием чего было то, что дальнейшая баллотировка сопровождалась при явном нарушении закона и порядка. Большинство избирателей оставило залу заседания». Далее говорилось, что городская управа неправильно составила списки выборщиков, в их число были включены лица, не имеющие права участвовать в выборах, т.к. они не приписаны к числу николаевских мещан. Военный губернатор затребовал объяснений от городской управы. В ответе городской голова подчеркнул, что лица, включенные в списки имели право участвовать в выборах, т.к. имеют торговлю и промыслы в городе и платят здесь налоги. В целом, он утверждал, что выборы раввина производились правильно, без малейших нарушений. Полученный ответ вполне удовлетворил военного губернатора, который уже 27 июля утвердил А. Розенберга в должности городского раввина, а А. Лавута – его помощником [225, л. 3,

Печати Николаевских городских раввинов М. Когона и А. Лавута

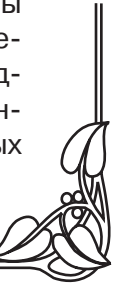
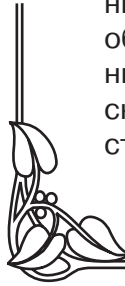

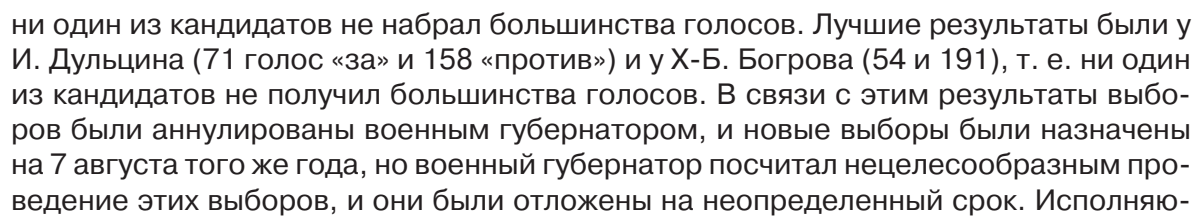
5, 9-10]. Оба администратора вполне спокойно отнеслись к драматизированному описанию событий жалобщиками, увидев в этих событиях характерное проявление традиционного еврейского плюрализма.

27 июня 1884 г. городской голова доложил военному губернатору о том, что 26 июня были произведены «всеми сословиями николаевского еврейского общества выборы на должность здешнего еврейского раввина закрытою баллотировкою, каковою большинством голосов в 377 против 19 шаров избран бывший раввин Абрам Розенберг», которого просили утвердить в должности. Прилагался приговор еврейского общества и баллотировочный список с результатами голосования (всего баллотировались 2 кандидата). В данных выборах нельзя не обратить внимание на участие самого большого количества выборщиков, чем это было на всех предыдущих выборах. Между тем, вскоре на имя военного губернатора была получена из департамента духовных дел МВД копия письма, отправленного в мае того же года министром внутренних дел Д. Толстым Одесскому градоначальнику. Указывалось, что нарушения, отмеченные в письме, не должны допускаться и в других городах. В письме говорилось о том, что, согласно новым законодательным нормам, ранее действовавший принцип формирования состава выборщиков как представителей всех сословий (купцов, мещан и ремесленников), отменен. Теперь выборщиками должны быть «члены молитвенного общества», т.е. все прихожане данной синагоги или молитвенного дома [229, л. 1-2, 14-16]. Исходя из содержания письма, выборы Николаевского раввина следовало признать незаконными. Но военный губернатор, очевидно, не посчитал допущенные нарушения достаточно существенными и результаты выборов отменять не стал.

Вопрос о порядке выборов казенного раввина оказался достаточно актуальным для всей «черты оседлости». Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД не смог принять самостоятельного решения по этому вопросу «за отсутствием в действующих постановлениях каких-либо специальных указаний, кроме того, что раввины назначаются по общественным выборам их единоверцев» [406, т. XI, ст. 1083, ч. 1]. «Признавая существующую необходимость урегулировать правила выбора раввинов», из МВД были разосланы запросы по крупнейшим городам и губернским центрам. 3 августа 1887 г. на имя Николаевского военного губернатора временным Одесским генерал-губернатором было отправлено письмо, в котором он просил, для дальнейшей передачи в МВД, «...доставить сведения о существующих во вверенном Вам губернаторстве способах и порядке избрания раввинов, а также заключение о том, который из способов был[о] бы всего более соответствующим ввести на будущее время». Со своей стороны, он сообщал, что в Одессе «депутаты для выбора раввина и его помощника будут избираться от каждого молитвенного дома и синагоги в отдельности, сообразно числу прихожан, а именно, по 1 депутату от каждых 75 прихожан». 12 августа того же года военный губернатор А.А. Пещуров сообщил в Одессу: «В прежние времена в Николаеве производились выборы городских раввинов всем здешним еврейским обществом, а в 1884 году, по ходатайству этого общества, вместо созыва всех членов его, избрано 100 поверенных от общества», которые и осуществляют выборы [233, л. 1-4].

Весной 1888 г. в городскую управу поступило заявление Ильи Дульцина о желании баллотироваться на должность городского раввина. В связи с этим были даны объявления в местной, губернской и столичной прессе. В итоге поступили заявления еще от 8 кандидатов (большинство из них не были жителями Николаева). Городской управой был сформирован список выборщиков в числе 297 человек (большинство составляли мещане). 17 июля 1888 г. состоялись выборы, в результате которых

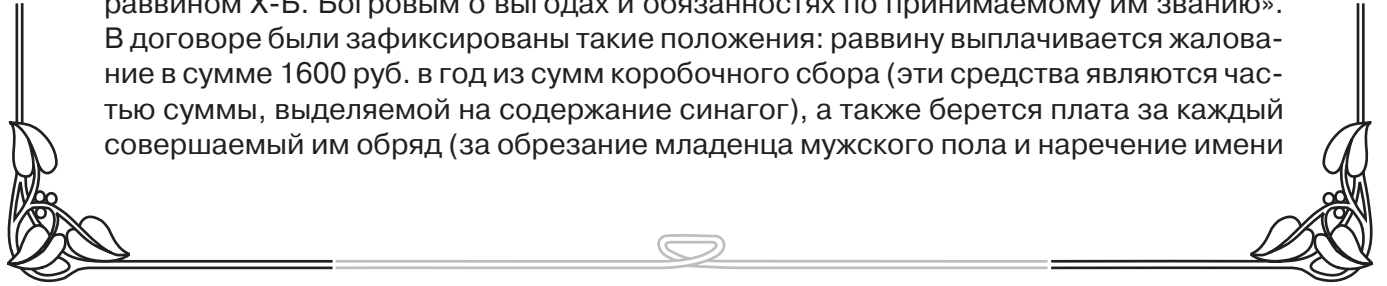

ни один из кандидатов не набрал большинства голосов. Лучшие результаты были у И. Дульцина (71 голос «за» и 158 «против») и у Х-Б. Богрова (54 и 191), т. е. ни один из кандидатов не получил большинства голосов. В связи с этим результаты выборов были аннулированы военным губернатором, и новые выборы были назначены на 7 августа того же года, но военный губернатор посчитал нецелесообразным проведение этих выборов, и они были отложены на неопределенный срок. Исполняющим обязанности городского раввина был назначен И. Дульцин [26]. Бывший городской раввин А. Розенберг подал прошение военному губернатору о выдаче ему свидетельства о благонадежности, последний же запросил мнение жандармского управления по этому поводу. 10 октября 1889 г. помощник начальника Херсонского губернского жандармского управления в секретном письме ставил в известность военного губернатора: «Имею честь сообщить Вашему Высокоблагородию, что просьбу о выдаче свидетельства о благонадежности бывшему Николаевскому раввину Абраму Овзелеву Розенбергу для приискания им должности раввина следует отклонить» [277, л. 1]. В чем заключалась вина А. Розенберга перед жандармским управлением, выяснить не удалось.

В январе 1889 г. из департамента духовных дел МВД было запрошено мнение Николаевского военного губернатора по вопросу о возможности в будущем продлить срок исполнения казенными раввинами своих обязанностей, что позволило бы реже проводить их выборы. 12 января А.А. Пещуров отослал ответ в Петербург, в котором отмечалось: «В последнее десятилетие в Николаеве было два случая утверждения раввина на второе трехлетие, и оба эти раввина в[о] второй срок служили далеко не с таким усердием и исполняли свои обязанности, следствием чего являлись упущения и злоупотребления, вызвавшие распоряжения об отстранении от службы, ввиду чего, я, с[о] своей стороны, находил бы лишним продление срока службы раввинов». При этом подчеркивалось, что метрические книги ведутся раввинами исправно, без серьезных нарушений [233. л. 14]. Сложно сказать, какие упущения и злоупотребления имел ввиду военный губернатор, каких-либо документальных подтверждений этого нами не обнаружено.

Очередные выборы городского раввина были назначены городской управой на 12 мая 1892 г. Претендентами на должность раввина были зарегистрированы кандидат права Хаим-Бер Богров, кандидат права Абрам-Янкель Аронович Фрейденберг и инженер-химик Илья Дульцин, кандидатом на должность помощника раввина – Илья Григорьевич Анчилович [251, л. 12]. В выборах принимали участие 684 выборщика. В ходе тайного голосования лучший результат был у Х-Б. Богрова (417 против 271). Илья Дульцин, баллотировавшийся на раввинскую должность во второй раз, снова не был избран, т.к. получил самое низкое количество голосов (154 против 573). Утверждение вновь избранного раввина несколько затянулось в связи с расследованием поступивших жалоб на нарушения, допущенные в ходе выборов. Прошедшие выборы были заметным явлением не только в силу участия большого количества выборщиков, но и тем, что председательствовал на них сам городской голова Ф.Е. Кроун. 7 июля того же года он доложил военному губернатору: «Городской управой были приглашены члены духовных правлений всех синагог и молитвенных домов для заключения договора с вновь избранным 12 мая сего года раввином Х-Б. Богровым о выгодах и обязанностях по принимаемому им званию». В договоре были зафиксированы такие положения: раввину выплачивается жалование в сумме 1600 руб. в год из сумм коробочного сбора (эти средства являются частью суммы, выделяемой на содержание синагог), а также берется плата за каждый совершаемый им обряд (за обрезание младенца мужского пола и наречение имени

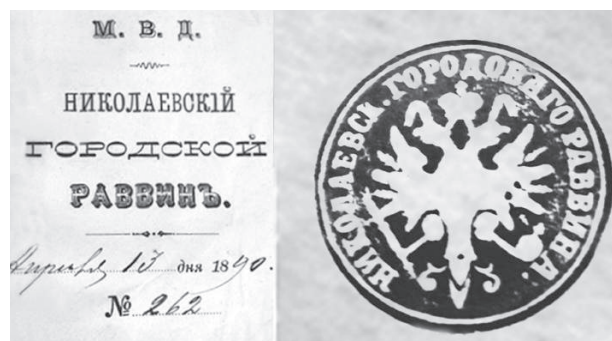
младенцу женского пола – по 50 коп., за обряд бракосочетания с жениха и невесты по 1.50 коп., за совершение развода от мужа и жены по 2.50 коп., за выдачу метрических свидетельств – по 1 руб.). Помощнику раввина Л.Г. Анчилевичу назначено жалование 500 руб. в год [254, л. 14, 17-18, 28, 32, 34].

В 1900 г. Л.Г. Анчилевич исполнял обязанности городского раввина. Летом этого года имел место эпизод, который раскрывает одну из причин того, почему этот человек не пользовался любовью и авторитетом среди членов еврейской общины и ни разу не был избран ею на должность городского раввина. 25 июля к военному губернатору обратился содержатель частного еврейского училища Р.Х. Маршак, который, в связи с приближающимися «судными днями», когда синагоги и молитвенные дома в городе будут переполнены, просил разрешить организовать «...по примеру некоторых училищ города Одессы и др. для учеников моих в наступающие судные дни с 11-го, 12-го и 20 сентября сего года временное богомолье». Губернатор запросил мнение раввина, который ответил: «...я в устройстве временного богослужения при сказанном училище особенной необходимости не усматриваю», т.к. дети посещают богослужения вместе с родителями, «...хотя в эти так называемые судные дни толпа молящихся в синагогах и молитвенных домах действительно бывает многолюдна, тем не менее, родителям, обыкновенно платящим за свои места, удастся более или менее пристраивать своих сыновей во время богослужения». В данном случае Л.Г. Анчилевич продемонстрировал, что ему гораздо важнее осуществить право личного контроля за религиозной ситуацией, чем позволить бесконтрольно провести богослужение в стенах училища, несмотря на то, что так было бы гораздо удобнее для учеников. Между тем, проблема переполненности молитвенных домов действительно была достаточно острой, но исполнявший обязанности раввина, чтобы не раздражать губернатора, не стремился к ее разрешению. Свидетельством тому можно считать прошение, поданное военному губернатору 31 августа того же 1900 г. за 31 подписью «евреев – жителей города Николаева». Они писали: «Ввиду наступающих 11 сентября еврейских праздников, которые с промежутками проводятся до 3 октября и в которые обе синагоги и все молитвенные дома переполнены молящимися, так что вследствие их неуместительности многим приходится молиться вне стен их., во избежание несчастных случаев, могущих произойти от тесноты в синагогах и молитвенных домах, [просим] разрешить нам в эти праздники [создать] временную молельню по Таврической улице в доме за № 56». Реакция Л.Г. Анчилевича на данное прошение неизвестна [95, л. 70-71, 123].

В 1901 г. газета «Восход» писала, что в Николаеве произошли выборы общественного раввина, в которых приняли участие 1354 человека. Из 7 кандидатов наибольшее число голосов получил кременчугский раввин А.А. Фрейденберг, «... произошло

все очень спокойно, хотя ходили слухи о готовящемся протесте» [579, № 42, ст. 21]. Первоначально военный губернатор утвердил результаты выборов, но, видимо, протест представителей еврейской общины все же последовал, результаты выборов отменили, и временно исполняющим обязанности городского раввина остался Лев Григорьевич Анчилевич.

1902 г., 30 октября назначены новые выборы раввина и его помощников.

Угловой штамп и печать Николаевского городского раввина

В числе кандидатов: и.о. Николаевского раввина Л.Г. Анчилевич, кременчугский раввин А.А. Фрейденберг, доктор философии Л.В. Виленский, орловский раввин Я. Каценельсон, балтский раввин М.Г. Шейнин. Как отмечала столичная газета «Будущность», «Раввинские выборы, окончившиеся избранием доктора философии Виленского, обошлись без протеста: от имени 24 уполномоченных поступила в городскую управу докладная записка о том, что он «не имеет раввинского прошлого и закончил иностранный университет, не имеет специальной раввинской подготовки, а значит не имеет права занимать должность раввина». Основную проблему составляло то, что по результатам голосования с одинаковым числом голосов победили Виленский и Фрейденберг [578, 1902, № 44; № 46, ст. 913; № 51, ст. 1017].

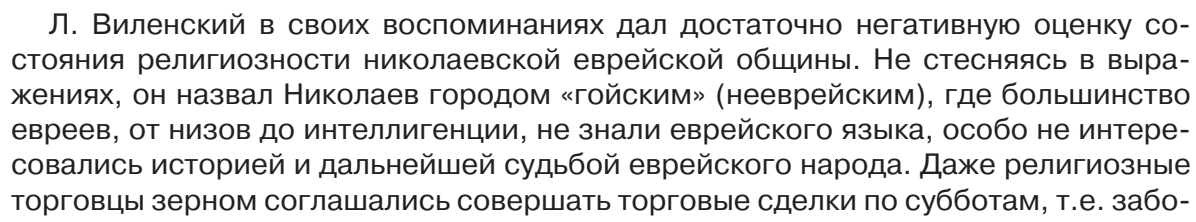
После долгих колебаний в 1903 г. Николаевский градоначальник все же утвердил Льва Вульфовича Виленского Николаевским общественным раввином, а его помощником – Л.Г. Анчилевича.

В связи с этим газета «Восход» писала: «Не мешало бы теперь нашей общине подумать об уничтожении особой платы за всякие духовные требы... пора, наконец избавить бедное население от всяких приплат за рождения и смерти, венчания и разводы... масса лиц, понятно, из бедного слоя, остаются не внесенными в метрические книги, единственно лишь потому, что у родителей не было полтинника или рубля на оплату трудов раввина» [579, 1903, № 11, с. 26-27].

Арест раввина Л. Виленского в январе 1906 г. связывали с «интригами заинтересованных в ближайших выборах раввина лиц и стремлением партии «правового порядка» обезопасить себя во время выборов в Государственную Думу от нежелательных им лиц». Очевидно, власти были раздражены активной позицией раввина в связи с погромными событиями и большим влиянием на настроения в еврейской общине. Через 2 недели, пользуясь условиями военного положения, без суда и следствия его намеревались выслать в Якутскую область [583, 1906 г., № 5, ст. 23-24; № 7]. Этой ситуацией попытался воспользоваться Варваровский и Новодесский раввин Лев Абрамович Каган, который 25 января 1906 г. подал прошение градоначальнику с предложением назначить его временно исполняющим должность николаевского городского раввина. Очевидно, градоначальник не совсем понимал, как поступить в этой ситуации (арест Л. Виленского был произведен по распоряжению временного Николаевского военного губернатора А.Н. Ступина, который был неподотчетен градоначальнику), поэтому претендент получил отказ под предлогом того, что он подал прошение в нарушение существующих законов [136]. 6 апреля 1906 г., без всяких разъяснений, Л. Виленский был освобожден и вновь приступил к исполнению обязанностей раввина.

Свиток Торы и Таллит (Таллес) –
накидка для молитвы
кон. XIX – нач. XX вв.
(Музей Николаевского общества
еврейской культуры)

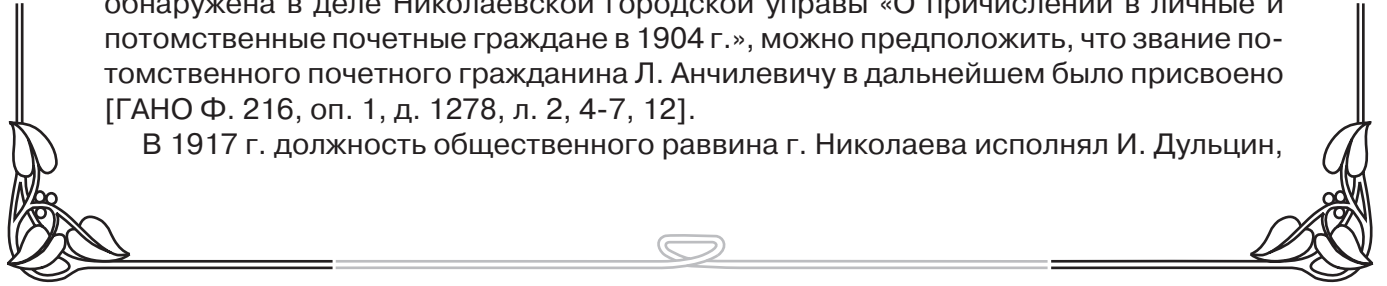

Л. Виленский в своих воспоминаниях дал достаточно негативную оценку состояния религиозности николаевской еврейской общины. Не стесняясь в выражениях, он назвал Николаев городом «гойским» (нееврейским), где большинство евреев, от низов до интеллигенции, не знали еврейского языка, особо не интересовались историей и дальнейшей судьбой еврейского народа. Даже религиозные торговцы зерном соглашались совершать торговые сделки по субботам, т.е. забота о доходах преобладала над важностью соблюдения Традиции. Бывший раввин с раздражением и удивлением писал о росте числа выкрестов среди еврейской интеллигенции, что не мешало им активно участвовать в еврейской благотворительности и просветительских учреждениях общины. Особо его шокировало толерантное отношение николаевских евреев к выкрестам, т.к. большинство понимали, что крещение для них было вынужденным шагом, совершенным ради карьеры или успешной профессиональной деятельности. Впоследствии Л. Виленский предпочел стать раввином более традиционалистской и консервативной общины г. Умани [532, с. 229].

Нам не удалось обнаружить документов, которые объясняли бы причину того, почему в дальнейшем сведения о выборах городского раввина отсутствуют, а исполняющим должность городского раввина был назначен Л. Анчилович. Не удалось также выяснить, почему после 1903 г. ни разу не проводились выборы городского раввина. Исполняющий должность раввина всячески демонстрировал покорность по отношению к местной администрации, понимая, что от этого зависит его благополучие, при этом интересы еврейской общины часто для него отходили на второй план. В 1913 г. газета «Новый Восход» отмечала, что Николаевский раввин Л. Анчилович не был избран местной общиной, «...а получил раввинство от благоволившей к нему власти. Семь лет... тяготело над еврейской общиной в Николаеве это пастырское бремя, всеми столь презираемое, что при малейшей возможности николаевские евреи избегали возможности пользоваться его услугами... Он брал ростовщические гонорары за свидетельства и справки, и не было отрасли услуг, которую он не обложил бы своими налогами. О том, как относилась николаевская еврейская община к «своему» раввину, свидетельствует уже тот факт, что в Николаеве нет ни одного общинного учреждения, ни одного просветительного или благотворительного общества, куда Анчилович входил бы в качестве члена-попечителя или члена правления» [581, 1913, № 28, ст. 16].

В Государственном архиве Николаевской области сохранилась переписка Л. Анчиловича с городскими властями за январь-февраль 1904 г. о присвоении ему звания потомственного почетного гражданина. Заявление о возбуждении ходатайства Л. Анчилович мотивировал тем, что более двенадцати (пятнадцать) лет прослужил в должности помощника городского раввина в звании личного почетного гражданина. Управа, городской голова и градоначальник не препятствовали представлению к награждению при условии подачи свидетельства о присвоении звания личного почетного гражданина. Такое свидетельство от 10 мая 1889 г., выданное по окончании курса Лазаревского института восточных языков, было предоставлено градоначальнику. К сожалению, дальнейший ход дела проследить не удалось, однако, учитывая покровительство со стороны местной власти и то, что переписка обнаружена в деле Николаевской городской управы «О причислении в личные и потомственные почетные граждане в 1904 г.», можно предположить, что звание потомственного почетного гражданина Л. Анчиловичу в дальнейшем было присвоено [ГАОН Ф. 216, оп. 1, д. 1278, л. 2, 4-7, 12].

В 1917 г. должность общественного раввина г. Николаева исполнял И. Дульцин,

отношение к нему со стороны верующих было довольно негативным. Его преемник Ш.З. Шнеерсон назвал И. Дульцина провокатором, причину такого отношения выяснить не удалось [327, л. 38].

В целом же, николаевских евреев нельзя признать слишком религиозными, но случаи крещения все же были достаточно редким явлением. Выкресты никогда не составляли существенной по численности группы. К примеру, среди 1221 еврея, зарегистрировавшего в числе избирателей на выборах в Государственную Думу в 1906 г., зафиксировано «лютеран (из евреев)» – 7 человек и «православных (из евреев)» – 3 человека, что, в общей сложности, составляло 0,08% [ГАНО. Ф. 222, оп. 1, д. 1684, л. 1-43].

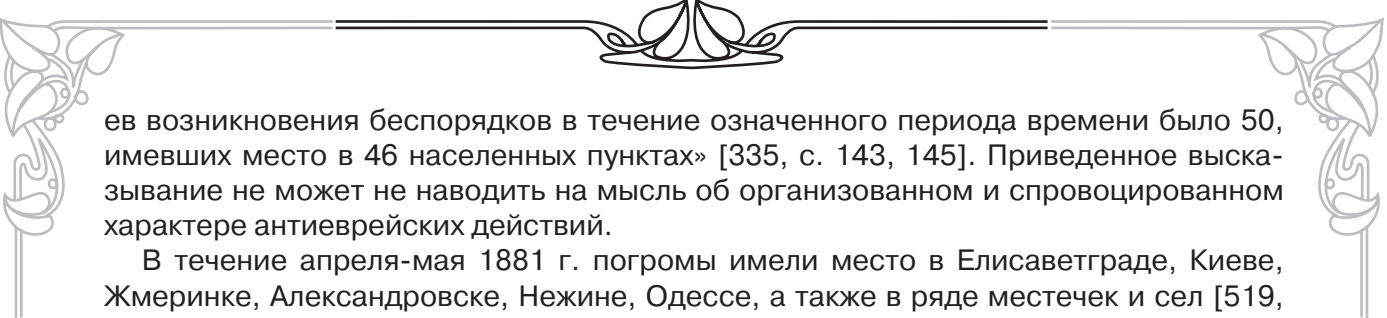
Таким образом, религиозная жизнь николаевской еврейской общины имела свои оригинальные особенности, связанные со спецификой непростой истории проживания еврейского населения в городе. Достаточно пестрый состав еврейского населения, его высокая миграционная активность не способствовали закреплению высокой степени религиозности основной части николаевского еврейства, но при этом оно отличалось высокой степенью религиозной толерантности, сохраняя традиционный еврейский плюрализм.

ЕВРЕЙСКИЕ ПОГРОМЫ В НИКОЛАЕВЕ

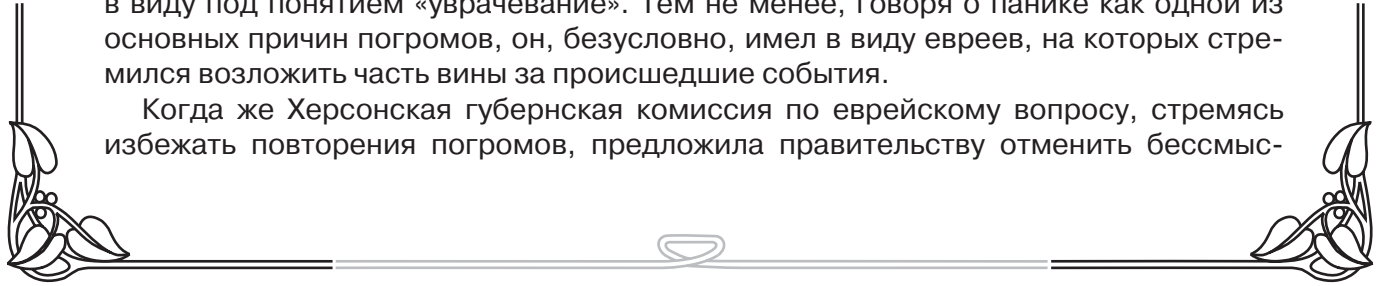
Одной из самых драматичных страниц в истории еврейского населения Юга Украины в конце XIX – начале XX веков были еврейские погромы. Первый в Российской империи погром вспыхнул в Одессе в 1821 г. Он был результатом конкуренции между греками и евреями в сфере городской и международной торговли. Антиеврейские эксцессы происходили в Одессе в 1844, 1859 и 1871 гг. чаще всего их инициаторами были греческие матросы. Первая волна массовых погромов, охватившая всю «черту оседлости» прокатилась в 1881 г. и была связана с убийством императора Александра II российскими народовольцами. Российская пресса развернула беспрецедентную антисемитскую кампанию, объявив убийство царя «делом еврейских рук». В народе распространились слухи о том, что император был убит евреями, и власти дали разрешение наказывать евреев, что полиция не будет вмешиваться в действия погромщиков и грабителей. То, что погромы носили далеко не стихийный характер, не вызывает особого сомнения. Сценарий был весной 1881 г. во многих местах примерно одинаков: прибывали в населенный пункт некие таинственные люди, намекавшие полицейскому начальству, чтобы те не мешали развитию событий при «взрыве народного негодования против евреев». Позже было отмечено, что «взрывы негодования» происходили примерно в одно и то же время и чаще всего в населенных пунктах, располагавшихся около железных дорог. Сначала кто-то распускал слух о погроме, а затем приезжали на поезде оборванцы с испитыми лицами, которых, подпоив, вели по заранее намеченным адресам. К приезжим присоединялись местные жители и начинался погром – при молчаливом одобрении или равнодушии полиции. О том, что в южноукраинском регионе события развивались по подобному сценарию, свидетельствовал Херсонский вице-губернатор, он писал: «Недели за три до праздников Святой Пасхи в разных местностях, преимущественно в Елисаветградском и Александрийском уездах, стали распространяться в народе слухи о предстоящем поголовном истреблении евреев... Благодаря принятым повсеместно строгим предупредительным мерам и преимущественно усилению недостаточных средств полиции нарядами от войск для наблюдения за порядком, первые три дня праздника, наиболее тревожившие местные власти, окончились вполне благополучно. Они прошли без всяких даже признаков беспорядков». Далее чиновник отметил: «Период времени, в течение которого беспорядки вспыхивали в разных местностях Херсонской губернии, ограничивается 25-ю днями. Они продолжались... с 15 апреля, когда в первый раз возникли в Елисаветграде, по 10 мая, когда последний взрыв произошел в д. Михайловка Одесского уезда. Всех случа-

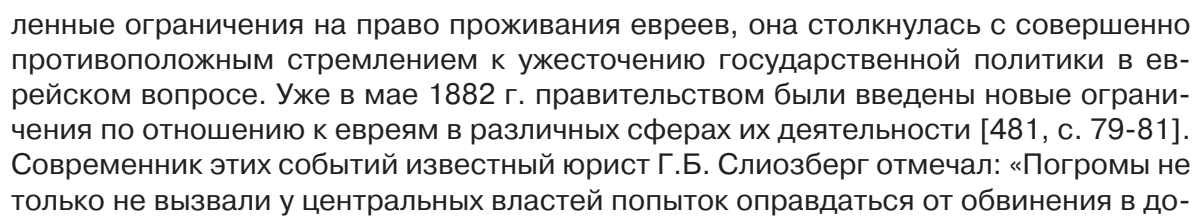

ев возникновения беспорядков в течение означенного периода времени было 50, имевших место в 46 населенных пунктах» [335, с. 143, 145]. Приведенное высказывание не может не наводить на мысль об организованном и спровоцированном характере антиеврейских действий.

В течение апреля-мая 1881 г. погромы имели место в Елисаветграде, Киеве, Жмеринке, Александровске, Нежине, Одессе, а также в ряде местечек и сел [519, с. 89-90]. Николаев не оставался в стороне от этих трагических событий. Погромные действия в городе начались 1 мая в трех районах города. Были разбиты окна в 14 домах, разграблены 2 еврейских лавки. Для наведения порядка военный губернатор М.П. Манганари не только мобилизовал весь личный состав городской полиции, привел в боевую готовность артиллерийскую часть и Донской казачий полк, но 5 мая еще и вызвал дополнительные войска [6, л. 3-4, 14-15]. Эти действия способствовали быстрому восстановлению порядка в городе. Докладывая в МВД о прошедших в Новороссии в 1881 г. еврейских погромах, временный Одесский генерал-губернатор достаточно благодушно описывал события в Николаеве: «...1 мая произошли незначительные беспорядки в Николаеве: толпа выбила в 14 еврейских домах и кабаках окна и покушалась на грабеж двух лавок. Арестовано было 47 человек. 3 мая беспорядки повторились в малом размере. Имея некоторые данные, что злоумышленники собираются повторить свои попытки в большем размере в мае, Николаевский военный губернатор для предупреждения беспорядков сделал распоряжение о сборе в Николаеве 7-го Донского казачьего полка, расположенного в окрестностях. С тех пор спокойствие не нарушалось» [330]. Действия М.П. Манганари в данном случае были редким примером оперативного и адекватного реагирования со стороны местной администрации, что не позволило погрому разрастись и дестабилизировать ситуацию в городе. Сведения о жертвах погрома не сохранились. В целом же реакция на события 1881 г. представителей местной администрации на события была далеко не однозначной. Так, временный Новороссийский генерал-губернатор открыто обвинял во всем евреев. Он заявил в своем циркуляре от 10 сентября 1881 г. «Евреи за последние 20 лет... захватили в свои руки не только торговлю и промыслы, но получили... значительную поземельную собственность, причем они дружно направили свои усилия не на увеличение продуктивных сил страны, а на эксплуатацию коренных жителей, преимущественно беднейших классов населения, чем и вызвали с его стороны протест, который вылился в грустной форме – в насилиях» [191, л. 2]. В данном случае администратор стремился полностью снять с себя и с властных структур в целом ответственность за то, что они не сумели предотвратить погромы и своевременно подавить их. Такая позиция была явно провокационной и создавала перспективы для новых погромов. Упомянувшийся ранее Херсонский вице-губернатор по этому поводу писал: «Два составные элемента только что закончившегося периода «тревожного времени», с которыми приходилось вести борьбу местным властям, – народное возбуждение и паника – регулировали ход событий, но оба эти элемента, как доказал опыт, эпидемически заразительны. Распространяясь с быстротою молнии, они, как и всякая эпидемическая болезнь, искореняются только путем медленного и постепенного врачевания» [335, с. 145]. Чиновник, однако, так и не конкретизировал, что он имел в виду под понятием «врачевание». Тем не менее, говоря о панике как одной из основных причин погромов, он, безусловно, имел в виду евреев, на которых стремился возложить часть вины за происшедшие события.

Когда же Херсонская губернская комиссия по еврейскому вопросу, стремясь избежать повторения погромов, предложила правительству отменить бессмыс-

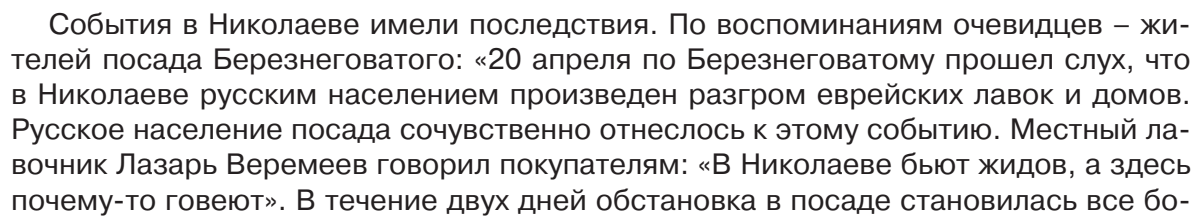

ленные ограничения на право проживания евреев, она столкнулась с совершенно противоположным стремлением к ужесточению государственной политики в еврейском вопросе. Уже в мае 1882 г. правительством были введены новые ограничения по отношению к евреям в различных сферах их деятельности [481, с. 79-81]. Современник этих событий известный юрист Г.Б. Слиозберг отмечал: «Погромы не только не вызвали у центральных властей попыток оправдаться от обвинения в допущении погромов... напротив, власти выдвинули против евреев обвинение в эксплуатации местного населения, которая будто бы вызывала враждебное к ним отношение, – народ-де не стерпел и учинил самосуд. Губернаторам предписано было объяснить... в чем заключается вред, наносимый евреями местному населению» [474, с. 327]. Подобное отношение властей делало реальной перспективу повторения еврейских погромов.

Одним из последствий погромных событий 1881 г. было получение Николаевским раввином странного письма. 20 марта 1882 г. Николаевский полицмейстер А. Стройников доложил военному губернатору: «Николаевский еврейский раввин А. Лавут представил мне полученное им чрез почту безыменное письмо, присланное из Санкт-Петербурга, взывающее об эмиграции евреев из России». Авторы письма, мотивируя трагическими событиями, призывали российских евреев приступить к организации массового выезда из России на землю Израиля. Авторы письма утверждали, что они высказывают «мнение большинства учащейся молодежи в столице». В конце письма указывалось, что его авторами являются члены кружка «Братство Сиона». Зафиксирована также дата написания письма – 1 марта 1882 г. [227, л 1-3]. Неизвестно, какой была реакция николаевских администраторов на данное письмо. Скорее всего, они находились в растерянности и так и не смогли решить, какие действия следует предпринять в данном случае.

Следующий погром произошел в Николаеве 19-22 апреля 1899 г. Поводом к нему стало то, что евреи-подрядчики якобы нечестно рассчитались с бригадой каменщиков, приехавших в Николаев на заработки из Орловской губернии, или же не хотели брать их на работу. К погромщикам присоединились парни из соседних селений Богоявленского и Воскресенского. Хулиганы громили еврейские лавки и квартиры. Был избит сторож на еврейском кладбище, оказавшийся на пути у погромщиков, он пытался помешать актам вандализма. Евреи, пытаясь спастись, выставляли в окнах куличи и иконы (это было время празднования православной пасхи). Военный губернатор, будучи не в состоянии быстро прекратить погромные действия, советовал евреям не появляться на улицах, закрыть лавки, конторы и винные подвалы. Документальные сведения об этих событиях крайне ограничены, поэтому особую ценность представляет фрагмент письма известного николаевского общественно-го деятеля, врача В.А. Страдомского, который оказался очевидцем событий. Он писал: «Дом подрядчика Либина совершенно разрушен, окна и двери все выставлены, а изнутри всю мебель бросали через окна и разбивали вдребезги. Перины, подушки, одеяла – все было разорвано. Гостиницы заняты евреями, покинувшими свои квартиры. Элеватор прекратил работу» [514, с. 115]. Во время беспорядков было арестовано 53 человека, часть из них наказали штрафами от 5 до 30 руб., остальных погромщиков отдали под суд, по приговору их выслали под надзор полиции в центральные губернии России. Общий ущерб от погрома составил более 103443 руб. [7; 8; 9].

21 апреля в Одесской части города проводились обыски, в ходе которых изымались вещи и продукты, похищенные во время погрома. Позднее их возвратили законным владельцам [463, с. 238].

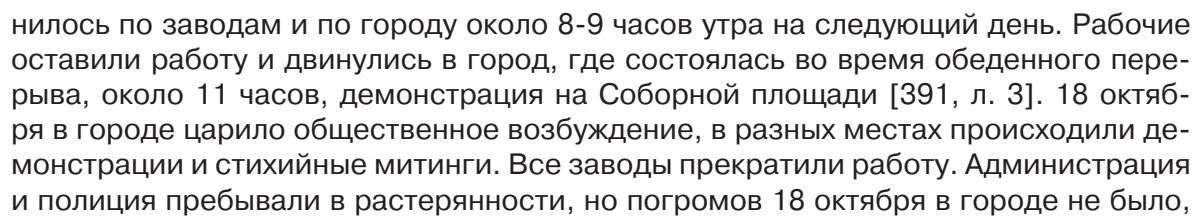
События в Николаеве имели последствия. По воспоминаниям очевидцев – жителей посада Березнеговатого: «20 апреля по Березнеговатому прошел слух, что в Николаеве русским населением произведен разгром еврейских лавок и домов. Русское население посада сочувственно отнеслось к этому событию. Местный лавочник Лазарь Веремеев говорил покупателям: «В Николаеве бьют жидов, а здесь почему-то говеют». В течение двух дней обстановка в посаде становилась все более напряженной. Утром 23 апреля на местном базаре толпа начала громить лотки торговков-евреек и еврейские лавки. К вечеру все увеличивавшаяся толпа двинулась в еврейскую колонию Нагартав, где было разгромлено 144 дома еврейских колонистов. 19 марта 1900 г. в Николаеве состоялось выездное заседание Одесской судебной палаты. Перед судом предстали участники погрома в Березнеговатом и Нагартаве. В их числе было 39 мещан и крестьян. В защиту потерпевших выступал известный российский адвокат Н.П. Карабчевский. 28 обвиняемых приговорили к различным срокам заключения, наибольший срок – 1,5 года получил лавочник Л. Веремеев, признанный подстрекателем к погрому, 11 обвиняемых были оправданы [463, с. 238].

Самая большая волна погромов прокатилась по Российской империи в ходе революционных событий 1905-1907 гг. Одной из предпосылок революции было обострение национального вопроса в стране, в том числе и еврейского, что стимулировало достаточно активное участие еврейской молодежи в революционном движении, дававшем надежду на возможность радикальным путем избавиться от дискриминационных ограничений по отношению к евреям, узаконенных российским законодательством. Еврейские погромы стали оборотной стороной революционных событий.

Еще в преддверии революционных событий, учитывая опыт трагических событий кишиневского погрома 1903 г., один из наиболее дальновидных высших администраторов Российской империи – министр внутренних дел В.К. Плеве направил 16 марта 1904 г. специальный циркуляр всем губернаторам, градоначальникам и полицмейстерам в пределах «черты еврейкой оседлости». В нем говорилось: «В местах наибольшего скопления еврейского населения замечается обострение враждебного к нему отношения в прочих частях населения». Местным администраторам предписывалось: «...принять к предотвращению могущих возникнуть беспорядков самые энергичные меры. Всякое проявление насилия одной части населения над другой будет... принято за указание на недостаточность или на несоответствие означенных мер предупреждения» [Цит. по: 484, с. 107]. Не вызывает сомнения, что предупреждение министра так и не было услышано и предписанные «самые энергичные меры» не были приняты местными администраторами. Впрочем, можно усомниться в том, что они в полной мере представляли себе возможные масштабы будущих погромов и что следует предпринять для их недопущения.

В южном регионе первые погромные события имели место в Симферополе и Мелитополе в апреле 1905 г. Упоминание в «Краткой еврейской энциклопедии» [438, т. 7, с. 347] о погромах в это же время в Николаеве документально подтвердить не удалось, нет упоминаний об этом и в местной прессе. Возможно, погромным действиям воспрепятствовала деятельность отрядов еврейской самообороны, которые, по предположению И. Шайкина, были созданы еще в 1904 г. [552, с. 131].

Толчком к погромам по всей стране стала националистически-патриотическая эйфория по поводу издания Высочайшего манифеста от 17 октября 1905 г. Этот документ провозглашал демократические права и свободы, хотя об отмене ограничений по отношению к евреям в нем речь не шла. Известие о манифесте распростра-

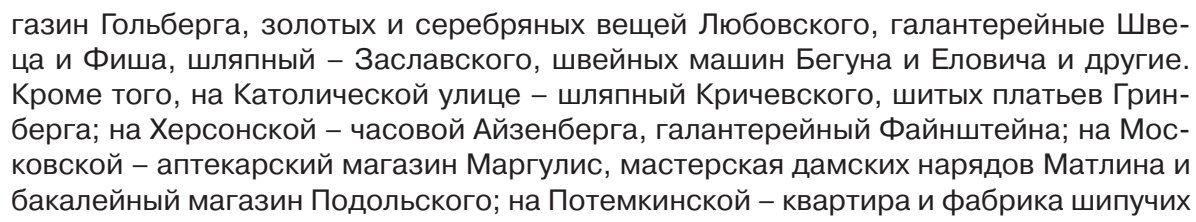

нилось по заводам и по городу около 8-9 часов утра на следующий день. Рабочие оставили работу и двинулись в город, где состоялась во время обеденного перерыва, около 11 часов, демонстрация на Соборной площади [391, л. 3]. 18 октября в городе царило общественное возбуждение, в разных местах происходили демонстрации и стихийные митинги. Все заводы прекратили работу. Администрация и полиция пребывали в растерянности, но погромов 18 октября в городе не было, хотя по всему городу распространялись слухи о надвигающихся беспорядках.

События последующих дней можно реконструировать по воспоминаниям очевидцев [421]. 19 октября власти и полиция спровоцировали столкновение на Соборной площади манифестации патриотов-монархистов, в которой принимала участие «навербованная полицией толпа босяков и хулиганов», с демонстрацией рабочих и интеллигенции. Все это происходило при полной бездеятельности полиции, обязанной охранять общественный порядок. Монархисты в Николаеве были представлены организацией «Союз русского народа», или как они себя называли – «черносотенцы». Осенью 1905 г. было создано Николаевское отделение «Союза», которое насчитывало около 100 человек.

В полицейских документах упомянуто о провокационном выстреле в сторону портрета императора. В рапорте исполнявшего обязанности Николаевского полицмейстера Г.И. Иванова отмечалось, что «...во время исполнения гимна на требования православных евреев обнажить головы одним из толпы был произведен револьверный выстрел, что вызвало моментально крайнее возбуждение народа» [289, л. 12]. На основании рапорта полицмейстера градоначальник А.С. Загорянский-Кисель сообщал Херсонскому губернатору рапортом от 8 ноября № 34701: «Доносу, что 19 октября, после столкновения на Соборной площади русской партии манифестантов с демонстрантами партии революционеров, с балкона городского собрания, выходящего на соборную улицу, сыном мещанина Аврумом Аврутиным был произведен в толпу манифестантов револьверный выстрел...». Упомянутый выстрел преподносится как один из поводов к столкновению и последовавшему за ним погрому, но в дальнейшем в ходе расследования событий так и не было доказано, имел ли место в действительности этот выстрел, во всяком случае, царский портрет остался цел. Подвергается также сомнению факт столкновения на Соборной площади между монархистами и демонстрацией рабочих, т. к. не было доказано, что кем-либо была организована такая демонстрация. Есть предположение, что погромщики направились в сторону ул. Соборной, так и не дождавшись демонстрантов. По похожему сценарию развивались события и в Херсоне [421, с. 174-175].

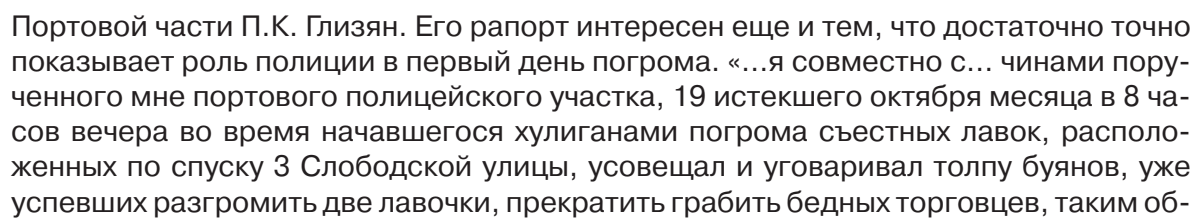
Возбужденная толпа громил, направляемая полицией, двинулась по ул. Соборной. По пути нападали на еврейские магазины, мастерские и квартиры. Очевидцы описывали события так: «...банды, руководимые полицейскими, громили еврейские магазины и квартиры, выбрасывали с верхних этажей мебель, постельные принадлежности, посуду, музыкальные инструменты и прочее. Ставни магазинов разлетались вдребезги, влезая туда, громили крушили все, вынося тюки товаров, расковыряя по карманам ценные вещи; любая подозрительная физиономия – еврея, рабочего или русского интеллигента наталкивалась на зверское избиение. Руководившая погромом полиция не разрешала громить лишь магазины русских купцов» [421, с. 177]. Как докладывал на следующий день полицмейстер: «Таким образом на Соборной улице и на базаре разгромили почти все еврейские магазины и квартиры. Главным образом пострадали: На Соборной улице магазины – писчебумажный Поповского, американский Когона, золотых и серебряных вещей, а также часовые Грина, Цукермана, Шер, Гессен, мебельный Сойфера и проч., а также посудный ма-

газин Гольберга, золотых и серебряных вещей Любовского, галантерейные Швеца и Фиша, шляпный – Заславского, швейных машин Бегуна и Еловича и другие. Кроме того, на Католической улице – шляпный Кричевского, шитых платьев Гринберга; на Херсонской – часовой Айзенберга, галантерейный Файнштейна; на Московской – аптекарский магазин Маргулис, мастерская дамских нарядов Матлина и бакалейный магазин Подольского; на Потемкинской – квартира и фабрика шипучих вод Беркинсона и на углу Соборной и Никольской – фабрика шипучих вод Когона, которая затем и подожжена, но моментально была потушена прибывшей пожарной командой» [283, л. 12]. Как видим, первая и наиболее агрессивная волна погрома охватила район центральных городских улиц: Соборной, Московской, частично Глазенаповской, Рождественской, Католической, Потемкинской, Херсонской, перекинулась на базарную площадь и докатилась до Садовой. В этих кварталах была сосредоточена значительная часть торгового и ремесленного еврейского населения. Евреи в панике покидали свои дома. Многих на свой страх и риск прятали местные жители.

Далее снова обратимся к тексту уже упоминавшегося рапорта Николаевского полицмейстера, поданного градоначальнику 20 октября по поводу событий предыдущего дня. Он писал: «Независимо от сего [от событий в центре города, – В.Щ.], в районе I Адмиралтейской части, часов около 4 пополудни, толпа черни, идя по Одесской улице и так же разгромив попавшееся на пути еврейское имущество, направилась по Столярной улице, где набросившись на мануфактурную фабрику Ровинского, уничтожила ее дотла. Отсюда толпа направилась в галантерейный ряд военного рынка, где также разбила и разграбила несколько еврейских лавок, но кому принадлежат эти лавки, за отсутствием владельцев, пока не установлено. Почти одновременно и в районе II Адмиралтейской части толпа, человек в 1000-1500, хлынувшая из городских улиц в Слободские и разделившаяся на несколько отрядов, рассеялась по улицам Слободки, разбивая по пути исключительно еврейские лавки и квартиры, выбрасывая оттуда на улицу товары и разное еврейское имущество, где оно моментально расхищалось сбежавшимися женщинами и детьми. Погром происходил одновременно во всех частях города и продолжался до ночи и ночью. Чины полиции при своей малочисленности, рассеявшись по всем местам беспорядков, оказались совершенно бессильными, так как в каждом отдельном случае громил оказывалось тысячи на одного полицейского чина, которого совершенно не слушали и затирали в толпе. Тем не менее, все время все чины полиции были на своих местах и употребляли все усилия, чтобы сдерживать толпу, но ничего не могли сделать – слова не действовали, а употребить силу против такой толпы, при том разъяренной и угрожающей при малейшем препятствии, значило вызвать болезненное кровопролитие» [283, л. 12-13]. Данная часть рапорта полицмейстера заслуживает определенного доверия, т.к. он не был заинтересован в том, чтобы преувеличивать масштабы погромных событий, а также не стремился показать беспомощность полиции. Представляет интерес карандашная запись, сделанная на полях в этом месте рапорта. К сожалению, полностью расшифровать ее не удалось, очевидно, ее автором был сам полицмейстер, который сообщал, что с помощью войск «представилась возможность арестовать громил», которых пыталась отбить толпа, «...отбитие арестованных сопровождалось большею частью криками: «Полиция за жидов!» Нельзя не обратить внимание на то, что в рапорте он постоянно подчеркивает: громилось исключительно еврейское имущество, а это не может не наводить на мысль о том, что погромная стихия достаточно четко координировалась.

К вечеру погром перекинулся на окраины, картину событий дополняет пристав

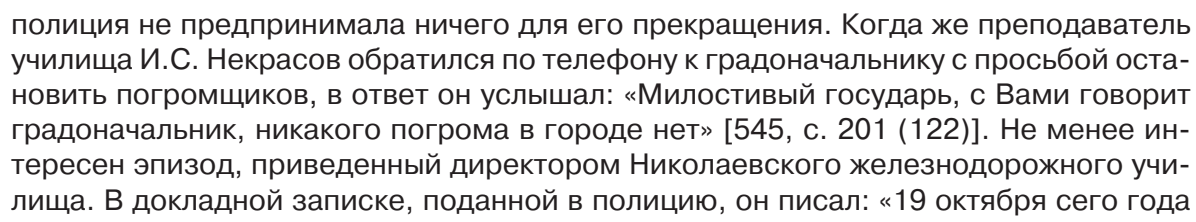

Портовой части П.К. Глизян. Его рапорт интересен еще и тем, что достаточно точно показывает роль полиции в первый день погрома. «...я совместно с... чинами порученного мне портового полицейского участка, 19 истекшего октября месяца в 8 часов вечера во время начавшегося хулиганами погрома съестных лавок, расположенных по спуску 3 Слободской улицы, усовещал и уговаривал толпу буянов, уже успевших разгромить две лавочки, прекратить грабить бедных торговцев, таким образом едва успел уговорить и отстранить от дальнейшего погрома остальных лавочек, а также лесопильного завода «Кадона» и пивоваренного завода Южнорусского Акционерного Общества, которые заводы хулиганы намеревались непременно разорить как принадлежащие иноверцам» [287, л. 560].

О событиях в Николаеве в тот же день стало известно в Петербурге. Столичная газета «Восход» писала: «Из Николаева: Телеграфные сообщения. 19 октября. Идет еврейский погром. Хулиганы громят и грабят. Картина ужасная. Есть убитые. Население в безнадежном положении. Громят и грабят на глазах казаков, гарцующих по улицам, и полиции. Бездействие властей порождает панику среди населения. Положение ужасное, вопиющее. Погром беспрепятственно распространяется по всему городу. Откуда ждать помощи?» [579, 1905, № 42-43].

Косвенным подтверждением того, что полиция имела отношение к организации событий, было то, что вечером по ее сигналу погромщики разошлись, и ночь прошла относительно спокойно. Когда же через доносчиков стало известно, что в редакции газеты «Южная Россия» подготовлена прокламация, в которой полицию обвиняли в организации погрома, срочно арестовали наборщиков и уничтожили весь тираж прокламаций.

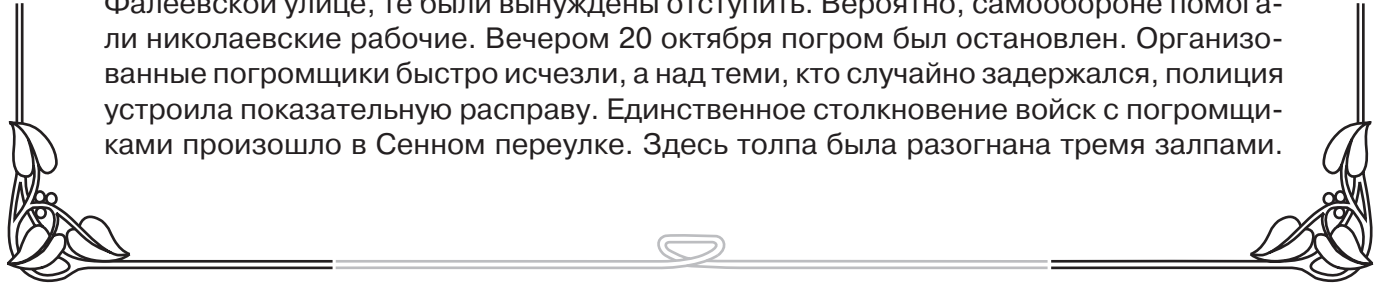
На следующий день 20 октября погром возобновился, полиция и войска в основном держали под контролем ситуацию в центре города, но ближе к окраинам погромные действия возобновились. Они охватили район улиц Сенной, Привозной и Ближней Слободки. «Разбивали лавки, мастерские, врывались квартиры; полиция принимала во всем, как и 19 октября, самое деятельное участие. Переодетые в штатское, полицейские и городовые орудовали, распоряжаясь громилами; полицейские в форме являлись всегда с опозданием или в незначительном количестве, чтобы не быть в состоянии помешать численно превосходящей толпе громил» [421, с. 180-181]. Вслед за погромщиками появлялись «всякие любители легкой наживы», которые подбирали все, что оставалось на месте погрома, скупали за бесценок разграбленные вещи. Этим лиц полиция отлавливала и арестовывала, создавая видимость активной борьбы с грабежами. Как докладывал полицейский пристав Московской части: «Чины порученной мне части успели задержать на улицах в разных местах с полчиным 22 человека, которые подняли на улице массу разного товару» [283, л. 19]. На улице Кузнечной учащиеся среднего механического училища организованными группами задерживали погромщиков и отбирали у них награбленное имущество, которое складывалось в помещении училища. В связи с этим произошел и казусный случай. Мещанин П.Е. Норинский подал жалобу в полицию, в которой писал: «19 октября вечером я проходил мимо технического училища в новом пальто, которое ученики названного училища сняли с меня, предполагая, что таковое мною ограблено при погроме магазинов» [288, л. 6]. Погромщики окружили училище и стали ломиться в окна и двери. Вскоре явились полицейские и потребовали впустить их в здание. Учащиеся отказались, тогда были вызваны солдаты, здание было захвачено, и 15 учащихся арестованы, очевидно, полиция сочла, что они мешали ей бороться с грабителями. Их обвинили в том, что они стреляли в толпу из окон училища. Все это происходило в тот момент, когда рядом шел погром и там

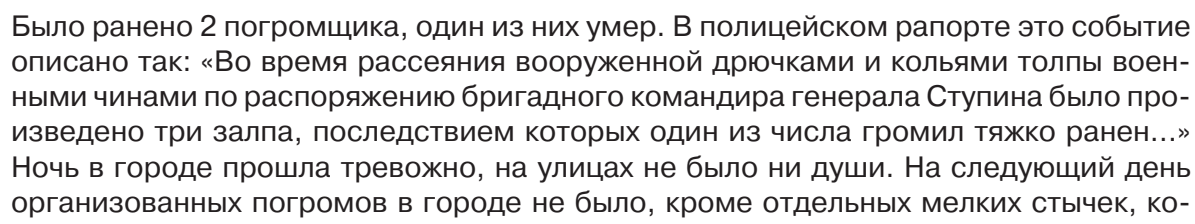

полиция не предпринимала ничего для его прекращения. Когда же преподаватель училища И.С. Некрасов обратился по телефону к градоначальнику с просьбой остановить погромщиков, в ответ он услышал: «Милостивый государь, с Вами говорит градоначальник, никакого погрома в городе нет» [545, с. 201 (122)]. Не менее интересен эпизод, приведенный директором Николаевского железнодорожного училища. В докладной записке, поданной в полицию, он писал: «19 октября сего года у хулиганов, бежавших по Пограничной улице мимо общежития при вверенном мне училище по направлению к караимскому кладбищу, вещи отбирались... разными неизвестными мне лицами, по преимуществу заводскими рабочими, и забрасывались во двор общежития... Все вещи для сохранения были помещены в недостроенное здание бани и там заперты, о чем тотчас же было мною сообщено по телефону г. градоначальнику с просьбой прислать городских для охраны вещей» [283, л. 29].

20 октября пристав Одесской части Л.Л. Назаров докладывал полицмейстеру: «Доношу вашему высокоородию, что сего числа с раннего утра проводился разгром еврейских магазинов и частных квартир в районе порученной мне части. В начале погрома войска – казаки действовали на толпу громил словами, а затем пустили в ход нагайки, благодаря чему в 3 ¹/₂ час. пополудни беспорядки были совершенно прекращены... Около 11 час. штабс-капитаном Соборницким доставлены в часть 33 человека, забранных за принятие участия в разграблении еврейских магазинов и квартир». Пристав Московской части Мельников в рапорте от 21 октября дополняет картину: «В минувшие сутки в порученной мне части беспорядки продолжались, как и вчера, множество партий рабочих, в большинстве случаев значительных, одновременно в разных местах нападали исключительно на еврейские дома и бакалейные лавочки и успели произвести погром по Сенной улице в доме Вешнивецкого, по Московской улице, № 67..., по Соборной улице, № 42 в аптекарском магазине Лисанского, магазин шитых платьев Аврашкова на Привозной улице, № 41, конфектный магазин Билека на той же улице № 28, в отделении Бессарабско-Таврического земельного банка по переулку «А», № 1, в аптекарском магазине Краситникова по большой Морской улице, № 74...» – далее перечисляются 16 разоренных квартир и говорится, что разграблены товары «в 17 бакалейных лавочках». Пристав констатировал: «Чины полиции вверенной мне части успели задержать с поличным 15 человек и поднять на улицах много разных товаров; из числа арестованных во время погромов, задержаны 3 человека» [283, л. 16, 33]. Как свидетельствуют приведенные в рапортах факты, масштабы погрома во второй день были не меньшими, чем 19 октября, проблема состояла в том, что эти действия одновременно происходили в разных частях города, а полиция и войска снова не успевали (а возможно, особо и не стремились) оперативно противодействовать погромщикам и обеспечивать безопасность жителей города. В приведенных рапортах не может не удивлять спокойно-констатирующий стиль изложения авторов, которые явно не усматривали собственной вины в происходившем и не ожидали какого-либо наказания со стороны начальства.

В первый день погрома силы еврейской самообороны не смогли мобилизоваться и дать отпор громилам, но уже с утра 20 октября произошли первые стычки отрядов самообороны с хулиганами в районе улиц 5 и 6-й Слободских и Военных, а также на Фалеевской улице, те были вынуждены отступить. Вероятно, самообороне помогали николаевские рабочие. Вечером 20 октября погром был остановлен. Организованные погромщики быстро исчезли, а над теми, кто случайно задержался, полиция устроила показательную расправу. Единственное столкновение войск с погромщиками произошло в Сенном переулке. Здесь толпа была разогнана тремя залпами.

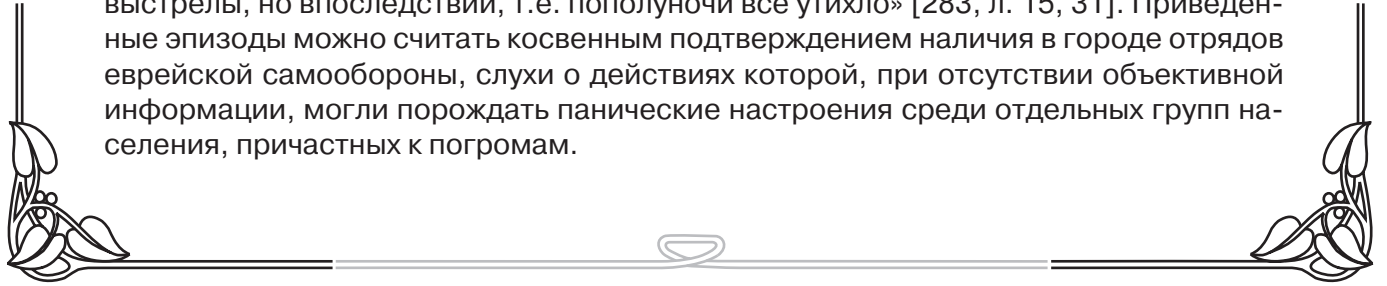

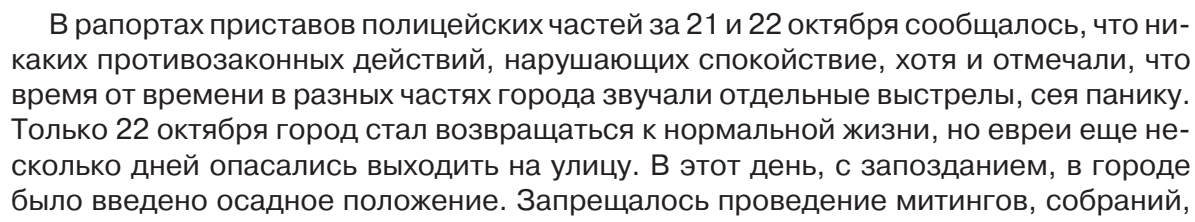

Было ранено 2 погромщика, один из них умер. В полицейском рапорте это событие описано так: «Во время рассеяния вооруженной дрючками и кольями толпы военными чинами по распоряжению бригадного командира генерала Ступина было произведено три залпа, последствием которых один из числа громил тяжело ранен...» Ночь в городе прошла тревожно, на улицах не было ни души. На следующий день организованных погромов в городе не было, кроме отдельных мелких стычек, которые быстро пресекались полицией. Волна стихийных погромов переместилась на соседнее селение Варваровку, где громилы еврейские лавки, хлебные склады, конторы. Для усмирения были вызваны казаки. События этих дней в Николаеве глубоко запечатлелись в детской памяти И. Бабеля. Через много лет, будучи уже известным писателем, он опишет их в рассказах «История моей голубятни» и «Первая любовь».

Стремясь помочь в поддержании порядка и спокойствия в городе, николаевская Дума специальным постановлением от 20 октября дала поручение «Комиссии по найму ночных сторожей» организовать в помощь полиции «... дневные и ночные обходы из вольнонаемных лиц в количестве 200 человек», из которых предполагалось создать 20 групп по 10 человек. [283, л. 16, 27, 51а]. По этому поводу исполнявший в это время должность городского головы П. Михайлов обратился к гражданам г. Николаева «всех званий и вероисповеданий». Он писал: «Величайший акт монаршей милости о даровании всему населению Российской империи неприкосновенности личности, свободы слова и других человеческих благ, к величайшему прискорбию, ознаменовался в городе Николаеве печальными и возмутительными насилиями. Вместо соединения в одно целое, нераздельное общество, вместо ликования и вместо оправдания монаршей милости одна часть населения поднялась на другую разгромом имущества. Николаевская городская Дума, обязанная пещись о благополучии и благосостоянии всего населения, обращается к благоразумию всего населения и просит помочь ей совместно с администрацией положить предел этим несчастиям и общими усилиями восстановить спокойствие в городе» [283, л. 16, 27, 51а].

По городу носились тревожные слухи, отражавшие чувство вины и страх, которые испытывали городские жители. Так, пристав Одесской части Назаров докладывал утром 20 октября: «Вчера около 2 часов ночи проживающие на Степной улице, № 3, крестьяне Макар Молотков с сыновьями... явились в часть полураздетые и заявили, что толпа евреев, приблизительно 150 человек, вооруженных револьверами, производит выстрелы в дома, ввиду чего был выслан патруль казаков, который объехал весь район, где по заявлению Молотковых могла быть вооруженная толпа, но таковая не обнаружена и из участников никто не задержан». На следующий день тот же пристав докладывал: «Вчера 20 октября между жителями Шоссейной улицы распространился слух о том, что якобы евреи-революционеры с участием учеников-техников имеют учинить резню русским во время сна. Почему, начиная с 8 1/2 час. пополудни обыватели Шоссейной улицы, преимущественно мужское население, вооружившись ружьями, топорами, вилами и проч., таким образом образовали дружину и охраняли себя и имущество вплоть до 5 час. утра. В общем, ничего не произошло, все было спокойно, хотя со стороны жителей делались отдельные выстрелы, но впоследствии, т.е. пополуночи все утихло» [283, л. 15, 31]. Приведенные эпизоды можно считать косвенным подтверждением наличия в городе отрядов еврейской самообороны, слухи о действиях которой, при отсутствии объективной информации, могли породить панические настроения среди отдельных групп населения, причастных к погромам.

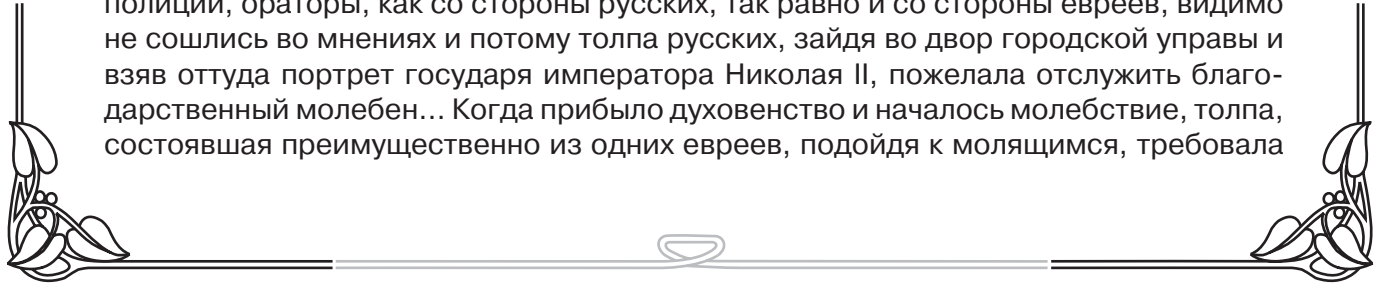

В рапортах приставов полицейских частей за 21 и 22 октября сообщалось, что никаких противозаконных действий, нарушающих спокойствие, хотя и отмечали, что время от времени в разных частях города звучали отдельные выстрелы, сея панику. Только 22 октября город стал возвращаться к нормальной жизни, но евреи еще несколько дней опасались выходить на улицу. В этот день, с запозданием, в городе было введено осадное положение. Запрещалось проведение митингов, собраний, демонстраций и др. массовых мероприятий, не разрешалось появляться на улице после 7 часов вечера, предписывалось запираить двери, ворота и т. д. Это положение было отменено только 27 октября. Градоначальник неоднократно обращался с воззваниями к жителям города, в которых подчеркивал стихийный характер произошедших событий и предупреждал о наказании нарушителей спокойствия. Сдержателей театра, различных залов и заведений обязали дать подписку в том, что они «...обязываются не давать своего согласия на сборища, сходки и собрания» в содержимых ими залах, если на них не будет дано разрешение властей. [337, с. 28-30, 82, 84].

В газете «Восход» сообщалось: «23 октября. Город еще в тревоге. Черносотенцы агитируют. Поведение полиции возмущает. Единственный отпор, встреченный черной сотней, идет от организованных рабочих» [579, 1905 г., № 42-43].

Совершенно иными представляются события в изложении николаевских полицейских чинов. 19 октября, когда в городе уже разворачивался погром, Николаевский полицмейстер, стремясь оправдать действия погромщиков, описывал события предыдущего дня (18 октября) следующим образом: «...около 11 1/2 часов дня в районе I Адмиралтейской части толпа (исключительно евреи), в которой было много воспитанников местных учебных заведений, подошла к южным воротам Адмиралтейства и стала требовать освободить всех рабочих от работ, говоря, что в России праздник и объявлена свобода всем. ...около 4 часов дня толпа числом 1000 человек подошла к воротам исправительного арестантского отделения с красными флагами и пением революционных песен и требовала выпустить арестованных... Сама же толпа состояла исключительно из евреев и евреек.

В течение ночи в театре, городской Управе и городском Собрании происходили митинги, руководство которых принадлежало исключительно евреям...» [284, л. 3]. Митинг в здании театра описывался так: «Ораторы, преимущественно евреи, продолжали произносить речи... В театр впускали стоящие у дверей несколько евреев. На эстраде стоял стол, за которым сидел какой-то еврей – председатель и два еврея – секретаря... Публика состояла преимущественно из евреев. По залу ходила девушка-еврейка и собирала деньги на самовооружение и обеспечение рабочих...». Плохо скрываемое юдофобство проглядывает в рапорте и.о. Николаевского полицмейстера от 20 октября. В нем описаны события предыдущего дня – первого дня погрома: «19 сего октября часов около 8 утра толпа рабочих, в числе коих была масса евреев и евреек, стала направляться по Соборной улице к памятнику Грейгу. Дойдя до угла Никольской улицы, толпа числом до 10000 [позднее карандашом цифра исправлена на 13000. – В.Щ.] человек неистово кричала и пела революционные песни. Навстречу этой толпе стала подходить другая толпа, состоявшая исключительно из русских, ранее образовавшаяся на Соборной площади. Встретясь около городской полиции, ораторы, как со стороны русских, так равно и со стороны евреев, видимо не сошлись во мнениях и потому толпа русских, зайдя во двор городской управы и взяв оттуда портрет государя императора Николая II, пожелала отслужить благодарственный молебен... Когда прибыло духовенство и началось молебствие, толпа, состоявшая преимущественно из одних евреев, подойдя к молящимся, требовала

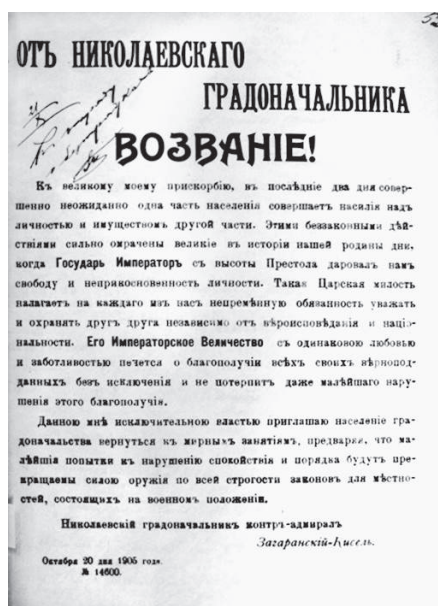

прекращения молебна и удаления портрета государя, в который при этом посыпались камни и последовали выстрелы с криками «Долой царя, долой полицию, долой войска!». В ответ на это толпа русских, придя в ярость от такого поведения евреев, набросилась на них и стала их избивать палками и кулаками» [283, л. 12]. Автор приведенных фрагментов приложил максимум старания, чтобы доказать, что все последующие события были вынужденной ответной реакцией русского населения на вызывающее поведение евреев. Если принять за чистую монету все, что изложил полицмейстер, то создается впечатление, что в описанных событиях должно было принимать участие чуть ли не все еврейское население Николаева (толпа протестовавших, согласно рапорту, составляла около 13000 человек, а еврейское население города в 1906 г. – 19310 человек, если из их числа вычтеть детей и стариков, едва ли удастся собрать указанное выше количество).

Даже еврейские мальчишки, оказывается, были провокаторами и подстрекателями. В полицейском отчете подчеркивалось: «19 октября с утра по базару стали бегать еврейские подростки, которые остановили движение конки и требовали закрытия магазинов, вызывая недовольство торговцев, тем не менее, магазины закрывались» [545, с. 200 (121)]. Из приведенных полицейских документов создается впечатление, что евреи были самой политически активной частью городского населения и только они бурно радовались провозглашенным свободам, провоцируя грядущий погром своим вызывающим поведением. Если верить полицмейстеру, то оказывается, что евреи сами виноваты в начавшемся погроме. Таким образом, делается попытка создать впечатление, что евреи сами были виновниками погрома. В том же ключе был составлен и рапорт пристава II Адмиралтейской части: « При малочисленности вверенной мне части..., я по получении сведений, около 4 часов дня с 3 свободными городскими, хотя и находился на Одесской улице, где больше всего находится еврейских жилищ, но ни предупредить разгрома, ни задержать кого-либо из этой многочисленной толпы не имел никакой возможности... Ввиду того, что евреи позволили стрелять на площади в духовенство и портрет государя

толпа, кроме того, разжигала и местных слобожан, вышедших со дворов на улицу, говоря им, что жида хотят уничтожить государя и государство, вооружаются револьверами и будут истреблять русский народ». Пристав Адмиралтейской части благодушно докладывал: «...раненых не было и из числа лиц, занимавшихся граблением, никто не задержан» [285].

20 октября с воззванием к жителям города обратился градоначальник А.С. Загорянский-Кисель. Он писал: «К великому моему прискорбию, в последние два дня совершенно неожиданно одна часть населения совершает насилия над личностью и имуществом другой части. Этими незаконными действиями сильно омрачены великие в истории нашей родины дни, когда государь император... даровал нам свободу и неприкосновенность личности... Данною мне исключительною властью приглашаю население градоначальства вернуться к мирным занятиям, предваряя, что малейшие попытки к нарушению спокойствия и порядка будут

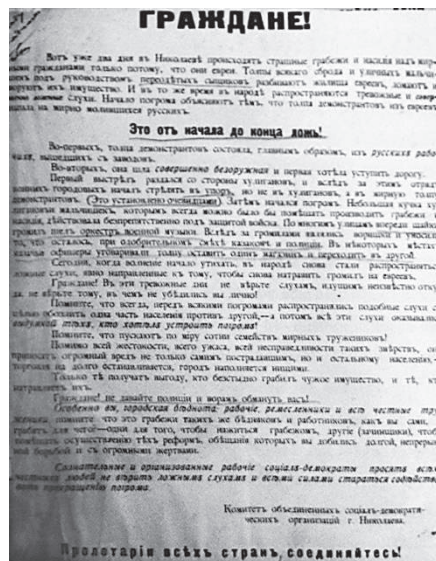

Воззвание Николаевского градоначальника к жителям города 20 октября 1906 г. [283, л. 52]

предотвращаемы силой оружия по всей строгости законов для местностей, состоящих на военном положении» [283, л. 52]. В данном документе чувствуется плохо скрываемая растерянность автора, который так и не понял причин происходящего. Можно ли предположить, что такой администратор был способен предвидеть ход событий и принять упреждающие меры? К сожалению, данный вопрос сегодня можно задавать лишь в качестве риторического. Нельзя не обратить внимание, что как в воззвании градоначальника, так и в обращении городского головы, приведенном выше, слово «евреи» вообще не упомянуто.

Многие жители города не верили в стихийность погрома, открыто говорили о прямой причастности к его организации полицейских чинов. Назывались конкретные фамилии. Градоначальник распорядился об увольнении двух городских, которые принимали участие в погроме слишком явно, это вынужден был признать и полицмейстер, который в своем рапорте писал: «...вследствие распространяемых слухов об участии городских вверенной мне полиции в бывшем погроме и разграблении еврейского имущества, мною было проведено тщательное расследование, коим установлено, что все положительно городские во время погрома находились на своих местах, на виду у других чинов полиции, выполняя свой служебный долг, насколько было возможно; и в разгромлении, и в грабеже не принимали участия, за исключением двоих, замеченных ранее в неблаговидных поступках и уже уволенных, а именно: Дионисия Крисова и Дмитрия Короленко, коих участие в погроме и грабеже другими чинами полиции замечено и обнаружено, и из коих первый, будучи изобличен найденным у него личным, передан по подсудности, а второй успел скрыться из г. Николаева» [421, с. 180-181]. В заявлении одного из пострадавших говорилось: «Несмотря на то, что около моего дома находился патруль из шести казаков, он не только не принял мер против погрома, а наоборот, сам поощрял содеянное» [545, с. 201 (122)]. Приведенные документы убедительно свидетельствуют, что полиция и войска своим безразличным отношением и преступной бездеятельностью подталкивали к погрому и фактически спровоцировали его, а в отдельных случаях выступали и организаторами погромных действий, а громилы и подстрекатели, чувствуя полную безнаказанность, могли действовать совершенно открыто и цинично. Не вызывает также сомнения, что именно неспособность полиции к наведению порядка в городе способствовала разрастанию погрома.

Иной взгляд на события 19 октября изложен в прокламации «Комитета объединенных социал-демократических организаций, распространявшейся по городу 21 октября. В ней говорилось: «Вот уже два дня в Николаеве происходят страшные грабежи и насилия над мирными гражданами только потому, что они евреи. Толпы всякого сброда и уличных мальчишек под руководством переодетых сыщиков разбивают жилища евреев, ломают и воруют их имущество. И в это же время в народе распространяются тревожные и совершенно ложные слухи. Начало погрома объясняют тем, что толпа демонстрантов из евреев напала на мирно молившихся русских. Это от начала до конца ложь!

Прокламация Николаевского комитета РСДРП 21 октября 1905 г. [283, л. 50]

Во-первых, толпа состояла из русских рабочих, вышедших с заводов.

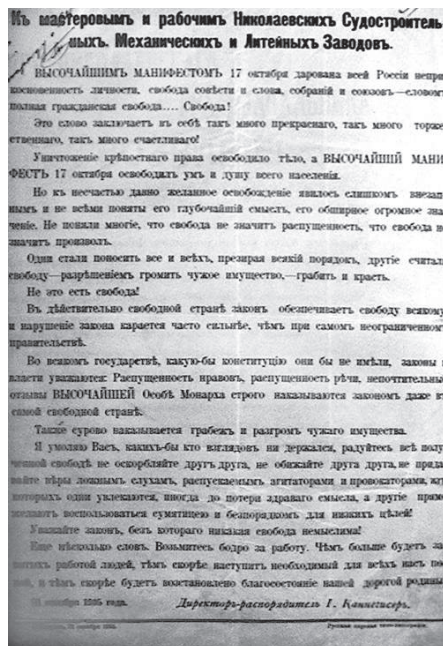
Во-вторых, она шла совершенно безоружная и первая хотела уступить дорогу.

Первый выстрел раздался со стороны хулиганов, и вслед за этим отряд конных городских начал стрелять в упор, но не в хулиганов, а в мирную толпу демонстрантов (это установлено очевидцами). Затем начался погром. Небольшая кучка хулиганов-мальчишек, которым всегда можно было бы помешать производить грабежи и насилия, действовала беспрепятственно под защитой войска. По многим улицам впереди шайки громил шел оркестр военной музыки. Вслед за громилами являлись воришки и уносили все, что осталось, при одобрительном смехе казаков и полиции. В некоторых местах казацкие офицеры уговаривали толпу оставить один магазин и переходить в другой.

Сегодня, когда волнение начало утихать, в народе снова начали распространяться ложные слухи, явно направленные на то, чтобы снова натравить громил на евреев.

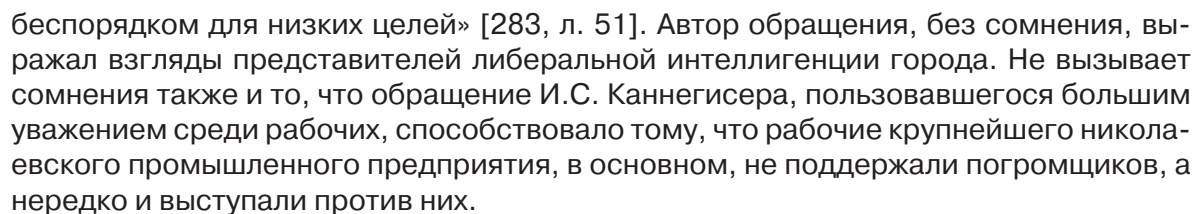
Граждане! В эти тревожные дни не верьте слухам, идущим неизвестно откуда, не верьте тому, в чем не убедились вы лично! Помните, что всегда, перед всякими погромами распространялись подобные слухи с целью обозлить одну часть населения против другой, – а потом все эти слухи оказывались выдумкой тех, кто хотел устроить погром!» [283, л. 50]. Достаточно сомнительным в данном документе следует признать утверждение о том, что погром совершался только руками уличных мальчишек-хулиганов. Вместе с тем, у авторов прокламации не вызывает сомнения то, что погром происходил при полном попустительстве, а иногда и помощи со стороны полиции.

Нельзя не обратить внимание и на обращение «К мастерам и рабочим Николаевских Судостроительных, Механических и Литейных Заводов» (завод Наваль) директора-распорядителя И.С. Каннегисера, который писал: «Уничтожение крепостного права освободило тело, а высочайший манифест 17 октября освободил ум и душу всего населения. Но, к несчастью, давно желанное освобождение явилось слишком внезапным и не всеми поняты его глубочайший смысл, его обширное огромное значение не поняли многие, что свобода не значит распущенность, что свобода не значит произвол. Одни стали поносить все и всех, презирая всякий порядок, другие считали свободу – разрешением громить чужое имущество, – грабить и красть. Но это не есть свобода!... Во всяком государстве, какую бы конституцию они не имели, законы и власти уважаются: распущенность нравов, распущенность речи... строго наказываются законом даже в самой свободной стране. Также строго наказывается грабеж и разгром чужого имущества. Я умоляю Вас, каких бы кто взглядов не держался, радуйтесь все полученной свободе, не оскорбляйте друг друга, не обижайте друг друга, не придавайте веры ложным слухам, распускаемым агитаторами и провокаторами, из которых одни увлекаются иногда до потери здравого смысла, а другие прямо хотят воспользоваться сумятицею и разгром чужого имущества.»

Обращение И. Каннегисера к рабочим завода «Наваль» 21 октября 1905 г. [283, л. 51]

Я умоляю Вас, каких бы кто взглядов не держался, радуйтесь все полученной свободе, не оскорбляйте друг друга, не обижайте друг друга, не придавайте веры ложным слухам, распускаемым агитаторами и провокаторами, из которых одни увлекаются иногда до потери здравого смысла, а другие прямо хотят воспользоваться сумятицею и

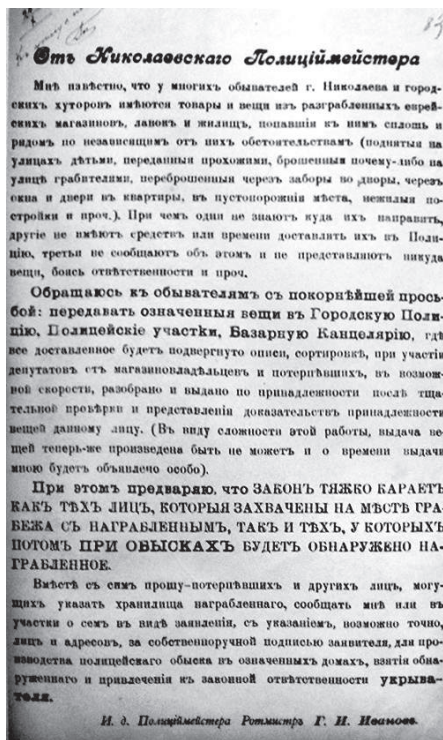
беспорядком для низких целей» [283, л. 51]. Автор обращения, без сомнения, выражал взгляды представителей либеральной интеллигенции города. Не вызывает сомнения также и то, что обращение И.С. Каннегисера, пользовавшегося большим уважением среди рабочих, способствовало тому, что рабочие крупнейшего николаевского промышленного предприятия, в основном, не поддержали погромщиков, а нередко и выступали против них.

О жертвах погрома николаевская газета «Южная Россия» сообщала: «Ввиду слухов, циркулирующих по городу о числе убитых и раненых во время погрома... Оказалось, что убито 5 человек. К 23 октября на излечении в городской больнице находилось 16 человек, кроме того, 7 человек из потерпевших принесены в амбулаторию на перевязку, из них 5 русских, 2 еврея. В еврейскую больницу доставлено раненых 9 человек, амбулаторных больных... 20 человек, из них русских 4. С легкими повреждениями в еврейскую больницу в первый день явилась такая масса, что зарегистрировать их не было возможности». Приведенный фрагмент не совпадает с данными рапорта пристава I Адмиралтейской части, к которому прилагался список убитых и раненых 19 октября. В списке указано 9 человек, в их числе: мещанин И.Б. Хейфец – тяжело ранен в голову, И. Вахнянский – умер, херсонский мещанин Е. Подлипский – умер, еврей неизвестного звания – умер. Кроме того, сообщалось, что результатом погрома были «30 разгромленных магазинов и лавок, около 20 разбитых и разграбленных квартир» [586, 1905, 26 октября]. Газета «Южная Россия» давала наиболее полную и объективную информацию, стремясь показать, как бездеятельность власти и полиции способствовала возникновению и разрастанию погрома. Это было одной из причин ареста редактора газеты Д. Кокизова, который был обвинен в антиправительственной деятельности и осужден к тюремному заключению. Он был освобожден из тюрьмы только в 1909 г. [440, с. 171]. Позже именно его воспоминания помогли восстановить картину событий, происходивших в Николаеве в октябре 1905 г.

В сравнении с количеством жертв погромов, происходивших в это же время в других крупных городах Украины (Одесса – 400 убитых и 5000 раненых; Киев – 100 и 406; Екатеринослав – 67 и 100), последствия погрома в Николаеве не были такими трагичными. Это, очевидно, можно объяснить достаточно активными действиями самообороны, а также относительно толерантным отношением к евреям со стороны большинства жителей города, которые, иногда даже рискуя собственным благополучием, прятали от погромщиков своих соседей-евреев. Именно о таком случае, основанном на детских воспоминаниях, написал И. Бабель в рассказе «История моей голубятни».

Полных данных о материальном ущербе от погрома найти не удалось, вероятно, полная сумма ущерба так и не была установлена.

Городской полицией производилась регистрация заявлений лиц, пострадавших от погрома. К сожалению, эти заявления сохранились лишь частично, поэтому привести точную сумму потерь не представляется возможным. В заявлении С.И. Роднянского указано, что был разгромлен его магазин по Соборной улице, № 28, при этом утрачено товаров на 300 руб. Он писал: «Я 10 лет работал потом и кровью, а меня в течение двух часов разнесли-разграбили до того, что и нитки не осталось». К.З. Ратгауз сообщал, что разграблена его лавка на той же улице, № 57, о том же сообщал М.И. Хофман. С.Л. Березинский «...пострадал торговлей, а также мебелью» на сумму 600 руб. Разграблено имущество портного Шифмана (Глазенаповская улица), принадлежавшее заказчикам. Ограблены и разгромлены лавки в щепном ряду, принадлежавшие Д.И. Шлемовичу, убытки составили 1300 руб. Раз-

Обращение Николаевского полицмейстера к жителям города [283, л. 83]

граблены бакалейная лавка и квартира Х. Шура на сумму 500 руб. Разграблены лавка и квартира Г.И. Натковича по Херсонской улице, № 153, разорена квартира Х. Баера на углу улиц Фалеевской и Большой Морской. У А.Т. Фельдамана разграблена лавка в соляном ряду на базаре, у купца Д. Гомберга украдена одежда. Купец Ш.Д. Вельтман, у которого разграбили 4 лавки и склад, объявил убытков на 53000 руб. Самую крупную сумму потерь – 150 000 руб. указал поверенный купца Т.Д. Гурлянда, чей мануфактурный склад на рынке был разграблен, кроме того, «разгромлена касса, в которой находилось деньгами 7 000 руб.» [283, л. 119; 288, л. 1-13]. Следует учесть, что многие евреи были напуганы не только погромами, но и слухами о том, что полиция сама направляла действия погромщиков. Поэтому, опасаясь мести, значительная часть пострадавших так и не решилась подать заявления об ущербе.

По городу было распространено обращение «От Николаевского полицмейстера», в котором говорилось: «Мне известно, что у многих обывателей г. Николаева и городских хуторов имеются товары и вещи, попавшие к ним из разграбленных

еврейских магазинов, лавок и жилищ, попавшие к ним сплошь и рядом по независящим от них обстоятельствам (поднятые на улицах детьми, переданные прохожими, брошенные почему-либо грабителями, переброшенные через заборы во дворы, через окна и двери в квартиры, в пустопорожние места, нежилые постройки и проч.). Причем, одни не знают куда их направить, другие не имеют средств или времени доставлять их в полицию, третьи не сообщают об этом и не представляют никуда вещи, боясь ответственности и проч.

Обращаюсь к обывателям с покорнейшей просьбой: передавать означенные вещи в городскую полицию, полицейские участки, базарную канцелярию, где все доставленное будет подвергнуто описи, сортировке, при участии депутатов от магазиновладельцев и потерпевших... При этом предвещаю, что закон тяжело карает как тех лиц, которые захвачены на месте грабежа с награбленным, так и тех, у которых потом при обысках будет обнаружено награбленное» [283, л. 83]. Трудно сказать, насколько данное обращение оказалось действенным. Известно лишь о нескольких заявлениях потерпевших, которые сумели обнаружить места, где хранилось награбленное во время погрома. Без сомнения, немалое удивление у жителей города должно было вызвать то, что сам полицмейстер обращался к ним «с покорнейшей просьбой», а не с требованием, как это происходило обычно.

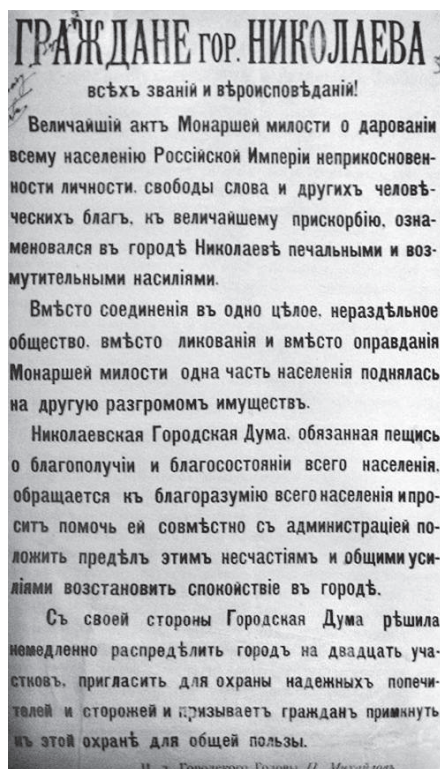
22 октября состоялось собрание членов Биржевого комитета. На собрании решено было организовать Комитет по оказанию помощи пострадавшим от погрома. Комитет должен был немедленно приступить к регистрации пострадавших и сбору пожертвований. К сожалению, документы о его работе сохранились лишь фрагментарно. Известно, что градоначальник А.С. Загорянский-Кисель пожертвовал в пользу пострадавших 100 руб., за что был удостоен благодарственного письма от Биржевого комитета. Николаевский комитет получил денежную помощь из Петербурга

(очевидно, от всероссийского комитета). В конце года «Обществу пособия бедным евреям г. Николаева» от комитета было выделено 3794 руб. для оказания помощи пострадавшим от погрома. В 1906 г. из того же источника Обществом было получено 9952 руб. [386, с. 7; 387, с. 11] Впрочем, деятельность николаевского комитета была недолгой. В феврале 1906 г. он собрался на одно из последних своих заседаний. Как отмечалось в столичной газете «Хроника еврейской жизни»: «Работа комитета сводится к ликвидации всех своих дел. В распоряжении комитета имеется коло 12000 руб. Эта сумма более чем ничтожная, если учесть, что большая часть разгромленных семейств до сих пор не могла устроиться; кроме того, необходимо на несколько месяцев обеспечить существующие благотворительные учреждения... Эти учреждения в ближайшее время не могут рассчитывать на местные средства, т. к. при полном застое в торговле, повальном бегстве более состоятельных элементов еврейского общества из города, поступления в кассы благотворительных учреждений сократились до минимума» [583, 1906, № 7, ст. 19]. Городская Дума и управа практически не выявили своего отношения к погромным событиям. Во всяком случае, ни в смете расходов за 1905 г., ни в городском бюджете на 1906 г. не было выделено ни копейки на оказание помощи или компенсацию убытков для пострадавших от погрома [413].

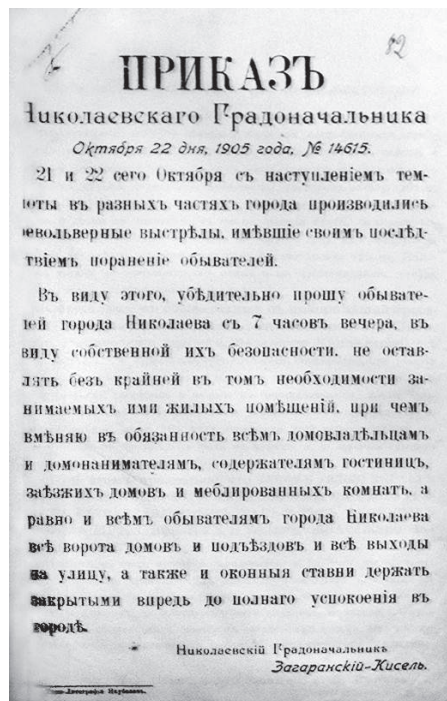
24 октября полицмейстер направил распоряжение приставам полицейских частей города: «Предлагаю приставам частей вверенной мне полиции немедленно доставить мне списки лиц, потерпевших от погрома с подробным обозначением места нахождения разгромленного имущества, звания, имени, отчества и фамилии потерпевших и суммы причиненных убытков в каждом отдельном случае». Одновременно по городу было расклеено обращение полицмейстера к жителям города...

Полицейские приставы отчитывались о привлечении к ответственности лиц, частных к организации погромов. 27 октября пристав Одесской части Назаров докладывал: «За производство погрома задержано 37 человек, которые переданы судебному следователю..., кроме того, за кражу разгромленного имущества привлечено к ответственности 45 лиц и составлены об этом протоколов 42, за исключением нескольких, по которым личности обвиняемых не установлены». Остальные приставы проявили в этом деле гораздо меньшую активность. Так, пристав I Адмиралтейской части Корецкий отчитался так: «...за участие в погроме еврейского имущества было задержано 9 человек, из которых 5 освобождены до суда, а 4 переданы судебному следователю», пристав II Адмиралтейской части Волконский доложил: «Задержано во время погрома было 7 человек [2 отпущены], а по высылке в квартирах 34» [283, л 83, 87-90].

К концу октября по городу вновь поползли тревожные слухи, сея панику среди жителей. Ситуация усугублялась тем, что 30 октября угрожали забастовать даже нижние полицейские чины, не получившие обещанной прибавки к жалованию. В

Обращение Николаевского городского головы к жителям города [283, л. 81]

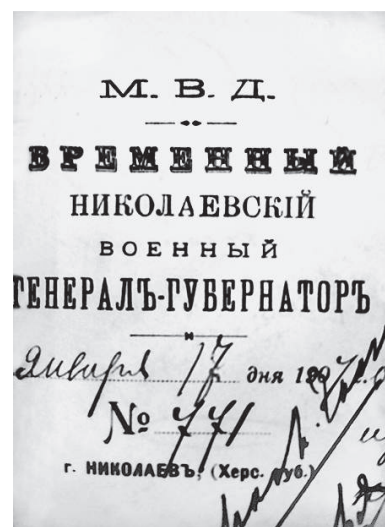
Приказ Николаевского градоначальника от 22 октября 1905 г. [283, л. 82]

связи с этим 29 октября полицмейстер рассылает циркулярное распоряжение приставам полицейских частей города (на нем надпись красным карандашом «Экстренно»): «...ввиду возможности новых беспорядков, в предотвращение таковых предлагаю в целях тщательного наблюдения за настроениями населения, рабочих в особенности, обратить серьезное внимание на места скопления народа, по возможности не допуская образования групп и возникновения беспорядков» [283, л. 124]. На сей раз слухи оказались ложными, беспорядков не возникло, но предчувствие полицмейстера не обманывало, т.к. к Николаеву приближалась волна всеобщей политической стачки, в которой николаевские рабочие приняли активное участие. Каких-либо рецидивов погромных действий до конца 1905 г. в городе не наблюдалось.

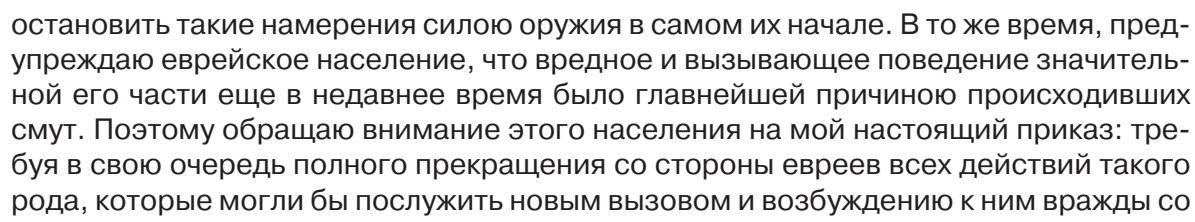
Дабы предотвратить новые революционные выступления и возможность новых погромов, Николаеве объявлено о создании Николаевского временного военного губернаторства. 2 января 1906 г. генерал-майор А.Н. Ступин издал приказ № 2, в котором говорилось: «По высочайшему повелению, я

вступил в отправление обязанностей временного военного губернатора в Николаеве, состоящем на военном положении, с предоставлением мне прав и полномочий, из военного положения вытекающих. Об этом объявляю по высочайше вверенному мне временному Николаевскому военному губернаторству». С 1 июня 1907 г. он передал полномочия генерал-майору Абакановичу [134, л. 1; 139, л. 297].

Провокационные призывы к новым погромам продолжались на протяжении всего 1906 г. Уже в январе по всему городу «стали появляться наклеенные на столбах призывы черной сотни к избиению евреев на 19 января и воззвания новой «партии русских людей для изгнания евреев из России». В названии партии угадывается Николаевский отдел «Союза русского народа», во всяком случае, никаких других организаций такого рода в городе официально зарегистрировано не было. В связи с этим последовал приказ временного военного губернатора от 25 января. В нем говорилось: «В последнее время в городе распространяются воззвания, приглашающие всех русских к избиению евреев, причем назначается даже день погрома. Правительство считает своею священной обязанностью охранять личную и имущественную безопасность всех верноподданных Государя императора, безразлично к какому вероисповеданию и национальности они принадлежат... Обращаясь к благоразумию христианского населения г. Николаева, напоминаю, что составители и распространители воззваний к насилию одной части над другой совершают преступление, и я должен буду

Угловой штамп Николаевского временного военного генерал-губернатора

остановить такие намерения силою оружия в самом их начале. В то же время, предупреждая еврейское население, что вредное и вызывающее поведение значительной его части еще в недавнее время было главной причиной происходивших смут. Поэтому обращаю внимание этого населения на мой настоящий приказ: требуя в свою очередь полного прекращения со стороны евреев всех действий такого рода, которые могли бы послужить новым вызовом и возбуждению к ним вражды со стороны русских жителей города» [583, 1906, № 5, ст. 22-24]. Приведенный приказ вполне вписывался в логику мышления российской администрации, предпочитавшей обвинять в погромах самих евреев, вместо того, чтобы искать их подлинные причины и принимать меры к тому, чтобы не допустить возобновления. На просьбу еврейской делегации о том, чтобы заключительная часть приказа была отменена, чиновник ответил, что об этом не может быть и речи.

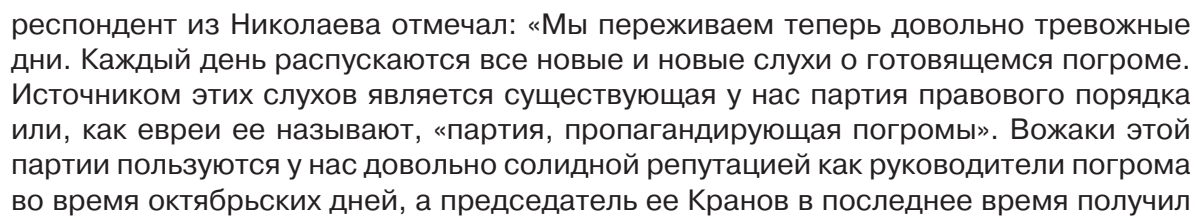
Одновременно с этими событиями, без каких-либо объяснений, был арестован городской раввин Л. Виленский, а через две недели его родственникам было объявлено, что он без суда и следствия высылается в Якутскую область сроком на 4 года. 6 апреля 1906 г. вновь без всяких разъяснений раввин был освобожден [583, 1906, № 7, ст. 19; № 13, ст. 23].

В начале апреля вновь стали распространяться воззвания к «истинно русским людям» с предложением 19 апреля организовать избиение евреев. Воззвание порождало панику среди евреев, многие из них старались покинуть город к этому дню [583, 1906, № 11, с. 25].

В начале лета 1906 г. в связи с погромом, который произошел в г. Белостоке, возникли опасения о возможности повторения погромов и в других городах. В связи с этим премьер-министром П.А. Столыпиным, который стремился предупредить такую возможность, были отправлены телеграммы в крупнейшие города. 4 июня 1906 г. такая телеграмма была получена и Николаевским градоначальником. В ней говорилось: *“Во избежание погромов... внушите всем подведомственным чинам высшим и низшим, что я ожидаю от них самоотверженного исполнения своих обязанностей. Всякие погромы, как аграрные, так и еврейские, должны предупреждаться, а в случае возникновения пресекаться самым решительным образом. Остановить движение в зародыше значит уменьшить число жертв. Попустительство и бездействие власти будут иметь следствием тяжелую ответственность”*. 10 июня по распоряжению градоначальника полицмейстером был издан приказ о мобилизации всех сил для предупреждения погромов. Предпринятые меры оказались не лишними. 29 июня полицмейстер докладывал градоначальнику: «...среди еврейского населения стали упорно циркулировать слухи о том, что 1 июля, в день прибытия в город иконы Касперовской Божией Матери имеет быть устроен еврейский погром. Этому способствует распространение воззваний «Союза русского народа»... Многие евреи оставляют на это время город, выезжая в ближайшие еврейские колонии» [33, л. 1-4, 7]. Опасения полицмейстера и страхи еврейского населения были не беспочвенными. День перенесения в Николаев чудотворной иконы был одним из крупнейших ежегодных общегородских праздников для христианского населения. Событие происходило при большом стечении народа и сопровождалось массовым возбуждением религиозных чувств и ожиданием чуда. В такой ситуации достаточно было небольшого усилия со стороны провокаторов-юдофобов, чтобы толпа ринулась громить евреев. Очевидно, на этот раз жесткое предупреждение министра сыграло свою роль, и власть сумела мобилизовать силы для предотвращения погрома.

В связи с этими событиями в столичной газете «Хроника еврейской жизни» кор-

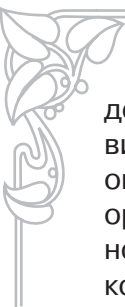
респондент из Николаева отмечал: «Мы переживаем теперь довольно тревожные дни. Каждый день распускаются все новые и новые слухи о готовящемся погроме. Источником этих слухов является существующая у нас партия правового порядка или, как евреи ее называют, «партия, пропагандирующая погромы». Вожаки этой партии пользуются у нас довольно солидной репутацией как руководители погрома во время октябрьских дней, а председатель ее Кранов в последнее время получил и всероссийскую известность речью на последнем съезде своих единомышленников, в которой, между прочим, заявил, что с евреями можно бороться только погромами... 15 июня появились воззвания с призывом к бойкоту еврейской торговли. Еврейское население в ожидании новых погромов» [583, 1906, № 24, ст. 20].

Не остались в стороне от этих событий и рабочие николаевских механических и судостроительных заводов. На митинге, который происходил в мастерских заводов в начале июля, была принята такая резолюция: «Ввиду слухов о предстоящем погроме с распространением черносотенных воззваний..., мы подтверждаем свое намерение в случае погрома выйти на улицу, стать грудью против убийц и грабителей и клянемся до последней капли крови защищать слабых и угнетенных, к какой бы национальности они не принадлежали» [583, 1906, № 27, ст. 23].

В 1907 г. погромов в Николаеве не было, в отличие от Одессы, где хулиганские нападения на евреев и интеллигенцию приобрели столь регулярный характер, что в знак протеста были временно прекращены занятия в университете. То, что погромщики именно в Одессе вели себя особенно нагло, было определенным результатом отношения к ним со стороны властей. Широко известными по всей стране стали слова временного Новороссийского генерал-губернатора А.В. Каульбарса, сказанные в 1906 г.: «Мы все в наших сердцах с симпатией относимся к погромам». Большинство администраторов региона, в основном, разделяли мнение своего начальника.

Отдельные проявления юдофобских настроений имели место и в дальнейшем. Так, в 1909 г. столичный журнал «Рассвет» сообщал, что в Николаеве 20 июля местными пьяными хулиганами на ул. Соборной с криками «Бей жидов!» было устроено избиение «проходившей публики», на некоторых из участников были значки «Союза русского народа». «Издевательства над публикой продолжались до часу ночи, когда вдруг безобразия заметил случайно проходивший помощник полицмейстера Л.Ф. Савин. Последний, поймав некоторых на месте, приказал их немедленно арестовать... О случае составлен протокол – и хулиганы привлекаются к уголовной ответственности» [582, 1909, № 26, ст. 24-25]

В конце 1907 г. в Николаеве состоялась выездная сессия Херсонского окружного суда, на которой рассматривалось дело о погроме, который произошел в Николаеве в октябре 1905 г. Обвиняемыми по делу были 46 человек в возрасте от 16 до 60 лет. На судебное заседание явились только 14 обвиняемых. В их числе были крестьяне, местные и иногородние мещане, казаки из Полтавской губернии, турецкоподданные, 2 женщины. Лидером среди обвиняемых был глава николаевского отдела «Союза русского народа» П. Кранов. На суд было вызвано 115 свидетелей, но явились только 49, что было вполне объяснимо, учитывая тревожную ситуацию в городе. Часть свидетелей были запуганы и отказались от участия в суде. Как отмечала пресса: «Подсудимые чувствуют себя свободно, допрос ведется представителями защиты пристрастно. Представителям суда запрещено касаться роли полиции и войск». Свидетели обвиняли большинство тех, кто был привлечен к суду. Выяснилось несколько новых фактов. К примеру, оказалось, что в избиении евреев на ул. Соборной активное участие принимали переодетые пожарники. Полиция ви-

дела это и никак не реагировала. Командир казачьего полка Замчалов заявил, что видел, как толпа совершала погромные действия, но не имел приказа открывать огонь. Вечером, когда был получен такой приказ, при первой же угрозе применения оружия, толпа разбежалась. Были отмечены и явные нарушения процессуальных норм [582, 1907, № 43, ст. 24-25]. Приговор суда не может не удивлять своей мягкостью и снисходительностью: 7 погромщиков были осуждены к тюремному заключению сроком на 8 месяцев, один – на 3 месяца, 24 человека были оправданы [582, 1907, № 44, с. 28-29]. Подобный приговор невозможно воспринимать иначе, как насмешку над здравым смыслом. Не вызывает сомнения, что такое мягкое наказание несло в себе угрозу будущих погромов. Впрочем, участники николаевского погрома все же были наказаны, тогда как по многим судебным делам такого рода часто все заканчивалось «высочайшим помилованием».

Последствиями еврейских погромов для Николаева были общее разочарование и создание атмосферы страха и скепсиса как среди евреев, так и среди других слоев городского населения; возрастало недоверие большинства жителей города по отношению к городским властям и полиции. Погромы дестабилизировали экономическую жизнь города, особенно они отразились на сфере торговли, в которой обращалась большая часть еврейских капиталов. Едва ли можно согласиться с тем, что следствием погромов был застой на николаевских судостроительных заводах, т. к. в это время правительством были предприняты меры для того, чтобы свести к минимуму вложение еврейских капиталов в судостроение, а среди рабочих этих заводов евреи составляли очень незначительное меньшинство, а большинство рабочих в погромах участия не принимали.

Ситуация с еврейскими погромами в Николаеве мало чем отличалась от того, что имело место в большинстве городов «черты оседлости». Полиция и представители властей зачастую выступали либо прямыми подстрекателями погромов, либо своим преступным бездействием способствовали их возникновению и разрастанию.

Летом 1914 г. на волне всеобщего ура-патриотизма и шовинистической пропаганды в связи с началом I Мировой войны по всей стране прокатилась волна т.н. «мобилизационных» погромов. Пресса сообщала, что в Херсоне такой погром был предотвращен энергичными действиями полиции. Сведений о погроме в Николаеве в этот период обнаружить не удалось.

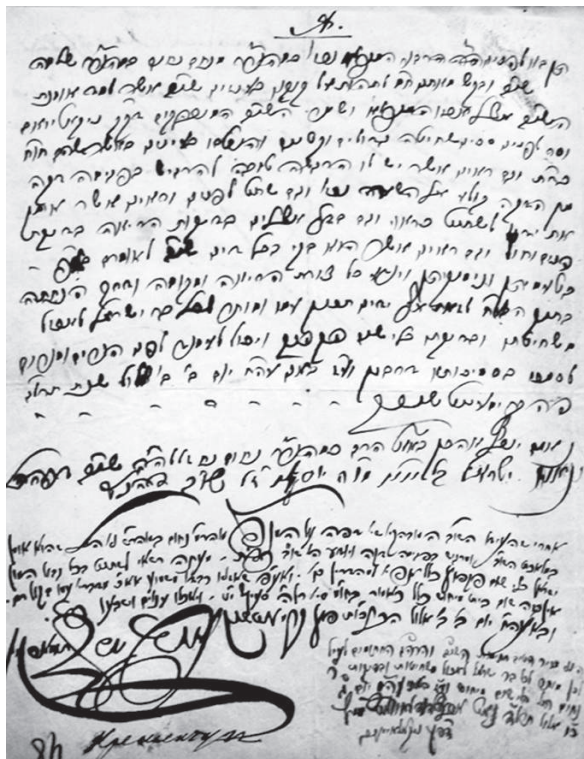
В целом, ни российское правительство, ни местная администрация так и не сумели найти пути и возможности, которые позволили предотвращать и не допускать повторения погромов, а также способы оперативного реагирования в случае их возникновения. Впрочем, не будет ошибкой утверждение о том, что таких путей никто из них и не искал. Не вызывает сомнения также и то, что погромы использовались как способ отвлечения определенных слоев населения от политической борьбы в условиях социальной нестабильности, а также как способ запугивания не только евреев, но и всех, кто проявлял недовольство существовавшим режимом.

КОРОБОЧНЫЙ СБОР, ЕВРЕЙСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ, СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ

Как отмечал известный юрист М.Г. Моргулис: «По нашему [российскому – В.Щ.] закону, кроме податей и сборов, которые взимаются с евреев по состояниям городских и сельских обывателей, для них установлен еще и особый сбор под названием коробочного или кружечного. Он предназначался на общественные потребности евреев... на плату общественных долгов, на учреждение и содержание училищ, на пособия евреям, поступающим в земледельцы, на предметы общественного призрения и благотворительности» [518, с. 62]. «Установление о порядке надзора за взиманием коробочного сбора было утверждено в 1818 г. [406, т. I, № 334]. В 1829 г. разрешено использовать средства коробочного сбора на оплату расходов, «относящихся к исполнению обрядов еврейского вероисповедания» [406, т. IV, № 3.195].

Разрешение на право заниматься
резничеством [272, л. 48]

При этом нормы и способы взимания этого сбора в разных местностях Российской империи длительное время не были упорядочены. К сожалению, никаких документов по поводу взимания коробочного сбора в Николаеве в I половине XIX в. обнаружить не удалось. Только в 1839 г. правительством было принято «Положение о коробочном сборе», которым были введены единообразные правила обложения евреев этим налогом в пределах «черты оседлости».

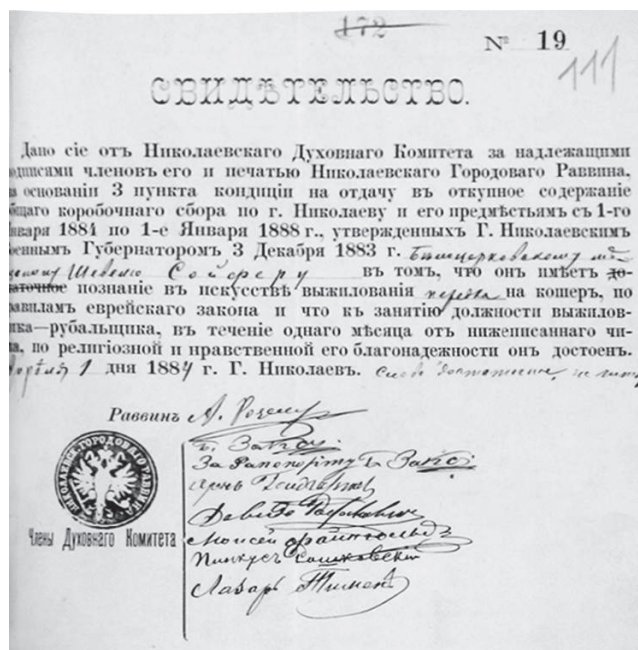
Новое положение 1844 г. уточнило предназначение средств сбора «на общественные нужды евреев». При этом законодатель, определяя перечень этих нужд, не считал необходимым поинтересоваться мнением самих еврейских общин. В число этих нужд, между прочим, было включено погашение недоимок по государственным и местным налогам и сборам с еврейского населения. Положение 1844 г. достаточно четко определило предметы обложения, к их

числу были отнесены: забой скота (с каждой туши), резание птицы (с каждой птицы), продажа кошерного мяса (с каждого фунта) и др. Право кошерного забоя животных и птицы предоставлялось резникам (шойхетам), которые должны были получить специальные удостоверения от раввина или духовного правления синагоги, но в любом случае за подписью казенного раввина. Отдельное удостоверение выдавалось на право торговли кошерным мясом. К примеру, в 1876 г. такие разрешения получили 6 резников и 12 продавцов мяса, в «Списке лиц, взявших удостоверение на производство продажи всякого рода кошерного мяса» за 1880 г. зафиксированы 12 человек [268, л. 9]. При составлении кондиций и смет по коробочному сбору устанавливались нормы акцизных выплат в коробочный сбор за услуги резников. Кроме того, городская управа ежегодно утверждала таксу, регламентировавшую цены на кошерное мясо, при этом устанавливалась единая цена, без учета сортности мяса (*приложение 12*).

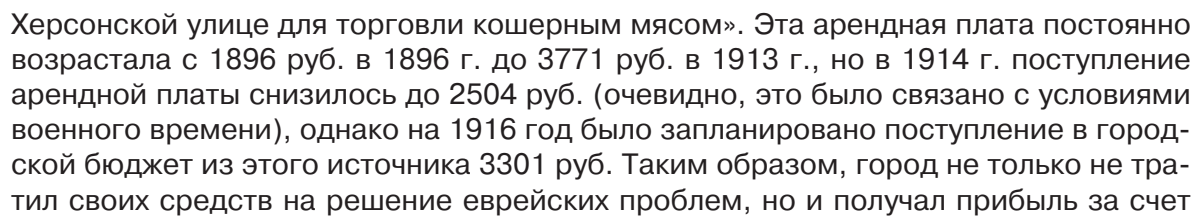
Таким образом, фактическими плательщиками коробочного сбора являлись все потребители кошерного мяса, т.е. большинство еврейского населения, независимо от социального положения.

Средства от коробочного сбора поступали в распоряжение городской Думы, а после городской реформы – в распоряжение городской управы (городского общественного управления), где в 1875 г. был учрежден «особый стол по еврейским делам при городской управе» (еврейский стол), о чем было подписано соответствующее соглашение с представителями еврейской общины [39]. Заведующим «еврейским столом» не мог быть еврей, т.к. евреи не имели права занимать ответственные должности в городском управлении, поэтому на эту должность был назначен губернский секретарь Дм. Вышеславский.

В числе городских доходов фиксировалось поступление средств на содержание «особого стола по еврейским делам при городской управе». Эти средства отчислялись из сумм коробочного сбора на основании разрешения министра внутренних дел. В перечне городских расходов указывалось, что эти средства использовались на оплату жалования «заведующему еврейским столом», кроме того, ему осуществлялась доплата «из городских сумм». Сумма отчислений постоянно возрастала. В 1898-1899 гг. она составляла 600 руб., в 1900-1903 гг. – 780 руб., в 1903-1907 гг. – 1000 руб., с 1908 г. возросла до 1360 руб. в год. С 1915 г. отчисления из коробочного сбора на эти цели в городской бюджет не производились, т.к. оплата жалования заведующего еврейским столом производилась напрямую из средств коробочного сбора. При этом доплата к его жалованию из средств города оставалась постоянной и составляла 120 руб. в год. Впрочем, и эту сумму город компенсировал с лихвой, получая солидную арендную плату за использование «деревянного корпуса по

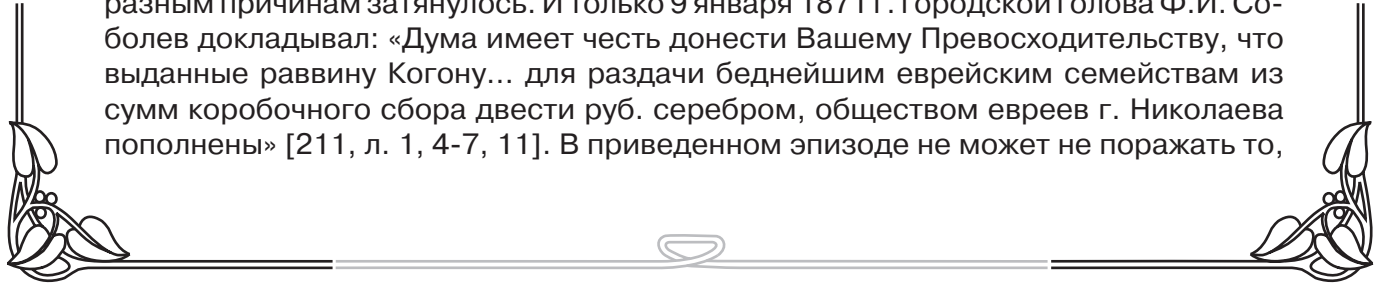
Свидетельство резника
[ГАОН Ф. 216, оп. 2, д. 34, л. 111]

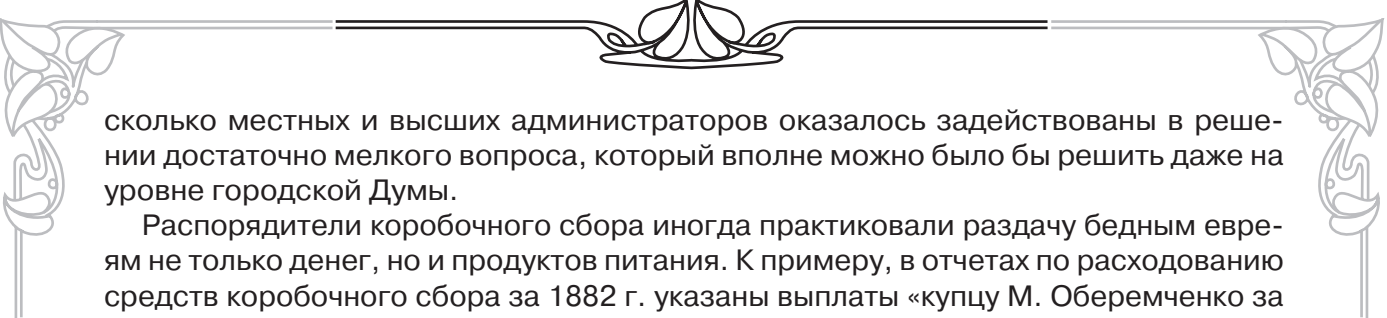

Херсонской улице для торговли кошерным мясом». Эта арендная плата постоянно возрастала с 1896 руб. в 1896 г. до 3771 руб. в 1913 г., но в 1914 г. поступление арендной платы снизилось до 2504 руб. (очевидно, это было связано с условиями военного времени), однако на 1916 год было запланировано поступление в городской бюджет из этого источника 3301 руб. Таким образом, город не только не тратил своих средств на решение еврейских проблем, но и получал прибыль за счет евреев [410, 416-417].

При «еврейском столе» и городском раввинате действовала комиссия по распределению средств коробочного сбора. Ее члены назначались на усмотрение городского начальства из числа наиболее влиятельных и состоятельных членов еврейской общины по ее приговору. Имя одного из первых, кто был облечен доверием общины, узнаем из приговора собрания купцов, состоявшегося 19 декабря 1865 г. В нем сказано: «В должность казначея всех общественных сумм, отпускаемых Николаевскою городскою Думою по смете коробочных сборов на разные общественные расходы на следующее трехлетие, с 1866 по 1869 год, избрать николаевского купца Лейбу Рафаловича» [75, л. 1].

Статьи расходов сумм коробочного сбора были строго регламентированы правительственными нормативными актами, контроль за их исполнением был возложен на МВД. О том, насколько жестко контролировалось расходование этих средств, свидетельствует эпизод, имевший место 15 декабря 1869 г. Николаевская Дума обратилась к военному губернатору в связи с тем, что местные купцы-евреи просили выдать раввину М. Когону 200 руб. из остатков коробочного сбора «для раздачи бедным еврейским семействам на покупку топлива» в связи с холодной зимой. 17 декабря М.П. Манганари, исполнявший в это время обязанности военного губернатора, ответил: «...предлагаю Думе донести мне: не имеется ли каких-либо недоимок на евреях-мещанах, причисленных к николаевскому мещанскому обществу». Через два дня Дума ответила, что никаких недоимок по повинностям за местными евреями не числится, после чего 22 декабря М.П. Манганари подал рапорт Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору, в котором просил обратиться к министру внутренних дел о разрешении выдать упомянутые деньги «...при том условии, что, если расход этот не будет утвержден высшим начальством, то общество обязывается пополнить эту сумму по первому требованию Думы». Далее он отметил: «Принимая во внимание, что большая часть из жительствующих в Николаеве еврейских семейств действительно находится в крайне бедном положении, я, одновременно с сим, разрешил Николаевской городской Думе выдать просимые обществом 200 руб.». Между тем, 24 марта 1870 г. Новороссийский генерал-губернатор сообщил, что «входил в сношения с министерством внутренних дел», но товарищ (заместитель) министра, согласовав вопрос с министром финансов, «не находит возможным удовлетворить означенное ходатайство». Это означало, что выданные деньги следует возвратить. 4 апреля военный губернатор шлет распоряжение николаевской Думе: «Я предписываю городской Думе созвать немедленно в присутствие еврейское общество, объявить ему о том и потребовать, чтобы выданные деньги были пополнены без всякого замедления и никак не дольше недельного срока». Исполнение распоряжения по разным причинам затянулось. И только 9 января 1871 г. городской голова Ф.И. Соболев докладывал: «Дума имеет честь донести Вашему Превосходительству, что выданные раввину Когону... для раздачи беднейшим еврейским семействам из сумм коробочного сбора двести руб. серебром, обществом евреев г. Николаева пополнены» [211, л. 1, 4-7, 11]. В приведенном эпизоде не может не поражать то,

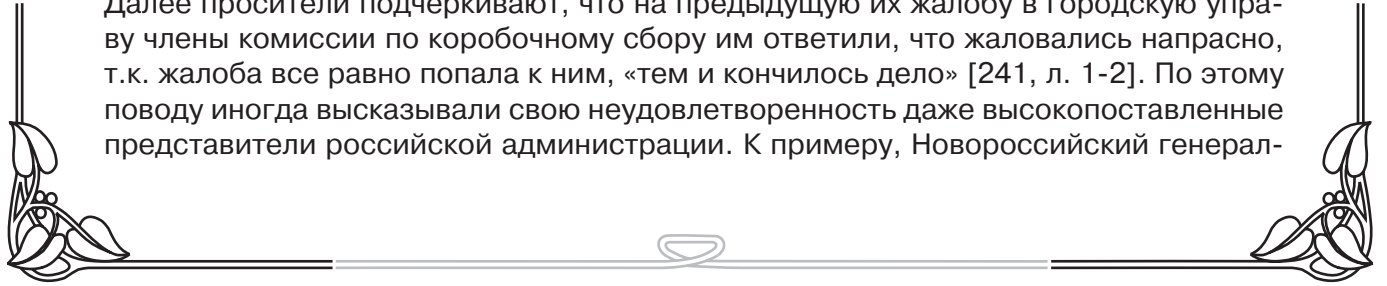

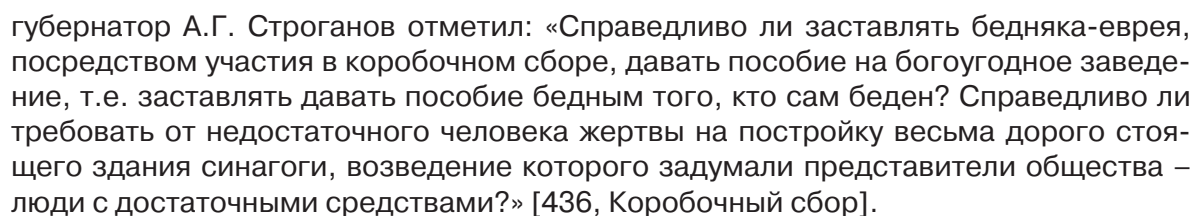
сколько местных и высших администраторов оказалось задействованы в решении достаточно мелкого вопроса, который вполне можно было бы решить даже на уровне городской Думы.

Распорядители коробочного сбора иногда практиковали раздачу бедным евреям не только денег, но и продуктов питания. К примеру, в отчетах по расходованию средств коробочного сбора за 1882 г. указаны выплаты «купцу М. Оберемченко за отпущенную для бедных евреев г. Николаева муку 836 пудов по 1 руб. 58 коп. за пуд» всего 1320 руб. 88 коп., позднее ему же за 400 пудов по 1 руб. 88 коп., всего 632 руб. [276, л. 60-61].

Жесткий контроль за расходованием средств коробочного сбора был несколько ослаблен лишь к концу XIX в., когда военный губернатор получил право самостоятельно распоряжаться по вопросам выплат из коробочного сбора, но предпочитал не нарушать установленный ранее порядок. Об этом свидетельствуют события 1891 г. 27 ноября городской голова обратился к военному губернатору в связи с тем, что в комиссию по раздаче пособий бедным и увечным евреям «...обращаются за помощью сотни семейств, не имеющих средств к жизни. Между тем, средства, отпускаемые из сумм коробочного сбора, определенные по смете, составленной еще в 1887 г., оставались неизменны до сих пор, оказываются очень недостаточны для удовлетворения возрастающей нужды». Из-за плохого урожая и запрета на вывоз зерна «...рабочий люд остается уже без всяких заработков, а потому к числу нуждающихся прибавляется еще масса семейств, которые никогда в посторонней помощи не нуждались... Если ко всем этим неблагоприятным условиям прибавить еще сильное вздорожание необходимых предметов потребления, то безвыходность положения представится в ужасающем виде». Градоначальник просил разрешить выдать имеющиеся 1400 руб. из остатков коробочного сбора «для раздачи наиболее нуждающимся лицам николаевского еврейского общества в продолжение наступающей зимы». На документе рукой начальника канцелярии была сделана приписка: «Настоящее ходатайство может быть разрешено Вашим Превосходительством, но по установившемуся порядку, такие ходатайства всегда предоставлялись на благоусмотрение господина министра внутренних дел, тем более, что, судя по газетным известиям, министерство финансов на остатки коробочного сбора имеет свои виды». 12 декабря того же года военный губернатор сообщил: «...не считаю возможным дать дальнейший ход прошению» [246, л. 1-2].

При распределении средств коробочного сбора не всегда учитывались реальные потребности еврейской бедноты. Одним из свидетельств этого является прошение отставных нижних чинов из евреев, поданное 17 июля 1890 г. военному губернатору Р.А. Гренквисту. Просители писали: «По утверждению коробочного сбора мы, бедные и семейные, поначалу были наделяемы ежемесячно, смотря по семействам, для дневного пропитания по 2, по 3 руб... По наступлении настоящего 1890 г., казначей коробочного сбора г. Раппепорт и члены гг. Тимен, Цукер, Черкасский, Бланк и А. Кнебельман в месячном пособии из коробочного сбора всем нам, беднякам и немощным в работе, отказали, а если и выдают из этих сумм, то только тем лицам, которые и без того имеют средства прожить и выдают сразу не по 2, по 3 руб., а по 25 и 50 руб., тогда как эти 50 руб. могли бы разделиться на 10 бедных семейств». Далее просители подчеркивают, что на предыдущую их жалобу в городскую управу члены комиссии по коробочному сбору им ответили, что жаловались напрасно, т.к. жалоба все равно попала к ним, «тем и кончилось дело» [241, л. 1-2]. По этому поводу иногда высказывали свою неудовлетворенность даже высокопоставленные представители российской администрации. К примеру, Новороссийский генерал-

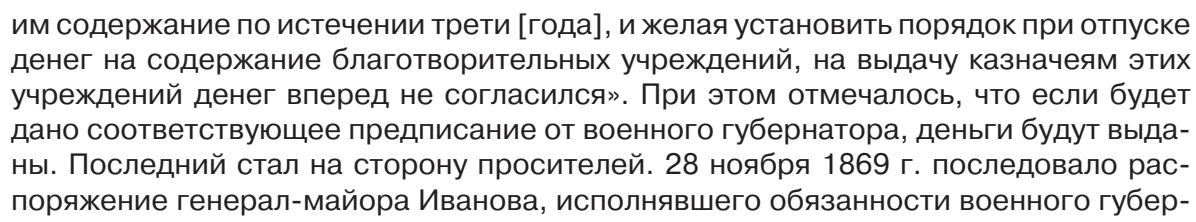

губернатор А.Г. Строганов отметил: «Справедливо ли заставлять бедняка-еврея, посредством участия в коробочном сборе, давать пособие на богоугодное заведение, т.е. заставлять давать пособие бедным того, кто сам беден? Справедливо ли требовать от недостаточного человека жертвы на постройку весьма дорого стоящего здания синагоги, возведение которого задумали представители общества – люди с достаточными средствами?» [436, Коробочный сбор].

В еврейской прессе также неоднократно указывалось на несправедливость, которая допускалась при распределении средств коробочного сбора. Газета «Восход» в 1901 г. отмечала, что на содержание двух синагог отпущено 3820 руб., тогда как на 12 молитвенных домов – 1590 руб. «А между тем, прихожанами этих двух синагог состоят представители самого зажиточного нашего класса; молитвенные же дома содержатся, главным образом, бедняками». Подобная несправедливость сохранялась и в дальнейшем. Так, в смете на 1908-1912 гг. на содержание двух синагог предусматривалось ежегодно по 1600 руб., а на три молитвенных дома – по 75 руб., остальные молитвенные дома даже не упоминались. Не соответствовало потребностям и финансирование школ. Школе Д.А. Черни-Айзман выделено 400 руб., хотя ее ученицы оплачивали за обучение по 5 руб. (т. е. не относились к числу беднейших слоев населения). Училище Ф.С. Вулих, где обучались дети из беднейших семей, получило 600 руб. при потребности в 3000 руб. Одной из причин такого положения, как считал корреспондент газеты (под псевдонимом Нениколаевец), было то, что комиссия по распределению коробочного сбора формировалась на усмотрение городского начальства и никаких выборов членов этой комиссии в еврейской общине не проводилось. Впрочем, уже в 1903 г. отмечалось: «Крайне отрядным является тот факт, что в комиссию по распределению средств коробочного сбора вошли не только обычные «зажиточные и оседлые евреи», но и некоторые интеллигенты, которые сумеют дать этим средствам должное назначение на пользу той обделенной массы, с которой эти средства, главным образом, и собираются» (*приложение 12, 16*) [140, л. 28; 579, 1901, № 47, ст. 18-19; 1903, № 30, ст. 20].

Средствами от коробочного сбора распоряжалась городская управа, но проблемы, связанные с его организацией, всегда были для управы делом второстепенным. К примеру, в 1903 г. еврейская пресса отмечала: «Николаевский градоначальник еще 21 марта обратился к городской управе с предложением до конца августа составить мероприятия по коробочному сбору на предстоящее четырехлетие», поскольку никакого ответа не последовало, в конце ноября он потребовал представить эти данные в семидневный срок с объяснением причин задержки. Далее корреспондент подчеркивал: «...уже не раз указывалось, что заведение суммами коробочного сбора является в городских управах делом побочным, к которому они так и относятся. Последствия этого ненормального положения отражаются весьма печально на интересах еврейского населения» [579, 1903, № 43, ст. 10].

Осенью 1869 г. произошел конфликт между представителями еврейской общины и городской Думой по поводу коробочного сбора. 6 ноября к военному губернатору обратились члены еврейских духовных правлений и благотворительных учреждений. Они сообщали, что городской голова запретил выдавать деньги из коробочного сбора на содержание синагоги и благотворительных учреждений наперед за треть года, как это было принято до сих пор. В результате благотворительные учреждения оказались на грани закрытия. В рапорте городской Думы по этому поводу разъяснялось: «В прежнее время деньги эти действительно выдавались... вперед за треть [года], но в настоящее время городской голова, имея ввиду, что чиновники, состоящие на государственной службе, получают следующее

им содержание по истечении трети [года], и желая установить порядок при отпуске денег на содержание благотворительных учреждений, на выдачу казначеям этих учреждений денег вперед не согласился». При этом отмечалось, что если будет дано соответствующее предписание от военного губернатора, деньги будут выданы. Последний стал на сторону просителей. 28 ноября 1869 г. последовало распоряжение генерал-майора Иванова, исполнявшего обязанности военного губернатора: «Причитающиеся от коробочного сбора деньги на содержание еврейской синагоги, молитвенных домов и прочих благотворительных учреждений отпускать по трети вперед в распоряжение как духовных, так и прочих правлений благотворительных учреждений, на ответственности коих и должна оставаться правильность расходования означенных сумм» [210]. В данном эпизоде достаточно забавным выглядит то, что еврейские общинные учреждения были приравнены к государственным чиновникам.

Коробочный сбор был очень обременительным для еврейской общины. Весной 1874 г. представители общины обратились к военному губернатору Н.А. Аркасу и в городскую управу с предложением освободить евреев города от коробочного сбора. В прошении указывалось, что «...тяжелым бременем этот сбор падает на всех евреев вообще и на бедный еврейский класс в особенности». Взамен предлагалось учредить для содержания еврейских «богоугодных заведений» еврейское благотворительное общество. Губернатор отказал в реализации этой идеи, ссылаясь на отсутствие законных оснований и полномочий для такого решения у городских властей, хотя и предложил изучить опыт других городов по этому вопросу [34, л. 1-4; 467, с. 153].

Местная власть не обременяла себя процедурой взимания коробочного сбора, т.к. по российскому законодательству этот налог отдавался на откуп еврейским купцам сроком на 4 года. Очевидно, это было делом выгодным, т.к. через каждые 4 года городской управой совместно с представителями еврейской общины составлялись кондиции по коробочному сбору и проводился конкурс (торги) на право получения откупа. Предварительно составлялась годовичная смета расходов на ближайшее четырехлетие. Сумма расходов имела тенденцию к возрастанию, в соответствии с ростом еврейского населения в городе и потребностей еврейской общины. Победитель определялся по самой крупной сумме, которую он предлагал предоставить в распоряжение управы. Откуп, как правило, предоставлялся под залог недвижимого имущества и ценных бумаг. К примеру, в 1867 г. купцы Иосиф Иошхес и Яков Натензон в своем объявлении о желании участвовать в торгах в качестве залога предлагали дом стоимостью в 5500 руб. В том же году другой претендент – купец Захар Воронцов как залог выставил «две каменные, крытые железом лавки, состоящие на базарной площади», стоимостью 6826 руб. [80, л. 1, 4].

Порядок составления кондиций и сметы коробочного сбора ущемлял интересы большей части еврейского населения города. 30 апреля 1887 г. к военному губернатору обратились евреи, жители города (52 подписи). Они писали: «Для составления кондиций по коробочному сбору Николаевская городская управа... всегда приглашает для совещания по этому делу несколько лиц еврейского общества. Непрактичность этих составителей кондиций явствует уже из того, что в оных всегда проглядывают... двусмысленные пункты, которые способствуют не обществу, а только лишь арендаторам коробочного сбора, а вследствие этого рождаются всегда недоумения между арендатором сбора и вольнопромышленниками, споры и частые жалобы с обеих сторон». Просители предлагали допускать к составлению кондиций лиц, избранных разными сословиями еврейского общества «...для достижения нашим об-

ществом благой цели и выгод николаевскому еврейскому населению и чтобы поставить в коробочном сборе и торговле кошерным мясом честный и гуманный порядок и самую торговлю... сделать свободною и для каждого доступною» [234, л. 1].

Впервые вопрос об учреждении коробочного сбора встал вскоре после получения разрешения на поселение в Николаеве отдельным категориям евреев. С этой целью 27 ноября 1859 г. Николаевская городская Дума пригласила 7 купцов-евреев, которые обратились к Думе с прошением. Его содержание было изложено в рапорте городского головы военному губернатору: «...вследствие Высочайшего разрешения о дозволении евреям водворяться в гг. Николаеве и Севастополе, общество еврейского сословия в г. Николаеве с каждым днем увеличивается, и поэтому [они] просят Думу об учреждении на общих основаниях коробочного сбора с продажи мяса и резания птицы, употребляемых евреями на кошер, руководствуясь при этом Сводом законов гражданских, изд. 1857 г., т. V Уст. о податях, ст. 281 и приложений к оному на осн. 12 п.». С одобрения военного губернатора, началась разработка проекта сметы, который был готов 6 февраля 1860 г. Проект сметы «расходам по николаевскому коробочному сбору, потребным на каждый год с 1860 по 1864 гг.» предусматривал такие статьи субсидий:

- на содержание синагоги	– 1100 руб.;
- на содержание молитвенного дома	– 550 руб.;
- на ремонт синагоги	– 150 руб.;
- на содержание еврейской бани с копанием колодца	– 250 руб.;
- на исправление ограды еврейского кладбища	– 150 руб.;
- на наем двух лавок для продажи кошерного мяса	– 200 руб.;
- для скопления сумм на постройку двух мясных лавок	– 200 руб.

Кроме того, предусматривались расходы на содержание ученого еврея при военном губернаторе и создание неприкосновенного капитала «для приращения процентов». Общая сумма расходов составила 2650 руб. Одновременно были составлены кондиции по коробочному сбору, включавшие «акциз, взимаемый с кошерного мяса, поступающий в коробочный сбор по г. Николаеву». Предполагалось взимать «за резку птицы» по 4 коп. за шт., за каждый фунт кошерного мяса – по 1 коп. [63, л. 5-7, 10, 15, 27]. По поводу данного проекта имела место длительная переписка между городской управой и военным губернатором. Последний отослал его для ознакомления Новороссийскому генерал-губернатору, который 31 мая 1860 г. отправил в Николаев свои замечания. Администратор обратил внимание на то, что расходы по содержанию ученого еврея не должны быть изымаемы из коробочного сбора, средства на аренду и строительство лавок следует отнести на расходы откупщика, кроме того, при этом в смете не предусмотрены расходы на «уплату общественных долгов» и недоимок, а также «на учреждение и содержание народных училищ» и «на предметы общественного призрения и благотворительности». В соответствии с этими замечаниями предлагалось проект сметы доработать и подготовить к торгам на откуп, которые следует провести в следующем году, а для распоряжения суммами коробочного сбора в текущем году избрать временного уполномоченного.

27 июля 1860 г. приговором купцов-евреев, проживавших в Николаеве, установлено: «Избрать Очаковского третьей гильдии купца Янкеля Черкасского, коему поручить хозяйственное управление общим коробочным сбором с евреев по городу Николаеву... и производить из сего сбора необходимые расходы... впредь до отда-

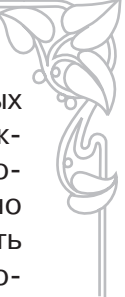
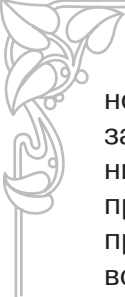
чи сего коробочного сбора в откуп на законных основаниях». Уже в августе 1860 г. поступления от сбора составили 246 руб. и 1/2 коп., а расходы – 239 руб. 31 коп. В дальнейшем оба показателя ежемесячно возрастали и в ноябре достигли 343 руб. 50 коп. и 365 руб. 18 коп. Тем временем была составлена новая смета, в которую внесены новые статьи:

- на содержание училища Талмуд-Тора	– 200 руб.;
- на наем «дома для призрения приходящих нищих и подачи больным»	– 100 руб.;
- на пособие евреям, поступающим в земледельцы	– 20 руб.;
- на погребение мертвых	– 20 руб.
Общая сумма расходов осталась неизменной [63, л. 51, 69, 73, 89-92, 110].	

5 ноября 1861 г. купцами-евреями, проживавшими в Николаеве, был составлен такой документ: «Мы, нижеподписавшиеся, члены николаевского еврейского общества... приговорили: предусматривая, что по случаю дозволения евреям по Высочайшему повелению иметь жительство в г. Николаеве, купцам, ремесленникам-мещанам и отставным воинским нижним чинам, в этом городе неминуемо нужно соорудить новое кладбище с каменной огородою, молитвенный дом, богоугодное заведение с больницею и содержание оных, и колодезь Микву. Несмотря на малочисленное наше общество по новому населению, просим высшее начальство утвердить коробочный сбор на четырехлетие с 15 мая сего года, который приносит нам откупу дохода 3917 руб., из коих по смете определено на содержание общественных надобностей 2650 руб.». Документ подписан 12 николаевскими купцами-евреями [203, л. 11].

Весной следующего года в Николаеве впервые состоялись торги на право откупа. Как указывалось в документах, направленных Новороссийскому генерал-губернатору, коробочный сбор, «...по произведенным в местной думе торгам в апреле 1861 г. был отдан в откупное содержание бериславскому купцу Беркову сроком на 4 года с 15 мая 1861 по 15 мая 1865 и с платою по 3917 руб. 50 коп. в год, на что и был заключен с ним, сообразно кондициям, контракт» [79, л. 19].

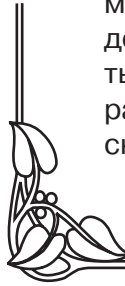
Торги на право откупа в 1867 г. вызвали достаточно большой интерес. К их началу оказалось 7 претендентов, что было рекордным числом за всю историю существования откупа. В их числе оказался и севастопольский купец I-й гильдии Захар Воронцов, который ни разу не был указан в списках купцов-евреев, проживавших в Николаеве [80, л. 1-7]. Если предположить, что он не был евреем, то это был единственный случай, когда на право откупа коробочного сбора претендовал нееврей. Победителем и откупщиком по коробочному сбору 1867-1870 гг. стал купец Лейба Морткович Зельцер. Под его контролем находились четверо резников, обслуживавших потребности в мясных продуктах николаевской еврейской общины. В сентябре 1869 г. Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор П.А. Коцебу сообщал Николаевскому военному губернатору о том, что к нему обратились «жителиствующие в Николаеве нижние чины из евреев», которые просят «...о разрешении дозволения им иметь особого от тамошнего еврейского общества резника». По этому поводу было запрошено мнение городской Думы. 23 января 1870 г. она дала ответ, в котором отмечалось, что в контракте с откупщиком коробочного сбора сказано: «Для ограждения откупщика от подрыва, резание скота должно производиться резниками к откупу обществом назначенными... Резники эти находятся в непосредственном распоряжении откупщика и, имея ввиду, что при откупе коробоч-

ного сбора состоят, со дня заключения контракта, 4 резника, на недостаток которых заявлений ни от кого не поступало, [Дума] не находит со своей стороны возможным удовлетворить... домогательство нижних чинов-евреев». По рассмотрении вопроса, Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором было предложено при заключении следующего контракта на откуп коробочного сбора предусмотреть возможность иметь особого резника для отставных нижних чинов, о чем и было сообщено 1 мая 1870 г. просителям Мошке Живицеру, Нахтулу Зенгеру, Хаиму Куперману и др. [212, л. 1-10]. Прошение об отдельном резнике, очевидно, было связано с тем, что стоимость кошерного мяса для не очень состоятельной части еврейской общины была слишком дорогой. С этой проблемой было связано и следующее прошение отставных нижних чинов к Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору. 16 марта 1871 г. он предложил Николаевскому военному губернатору принять решение «о вменении кому следует в обязанность продавать им [евреям] кошерное мясо по ценам, существующим у христиан, без прибавления к этой цене акциза за убой, от которого просители должны быть освобождены по точному смыслу действующего законодательства». Военный губернатор оперативно отдал распоряжение городской Думе, но только 15 августа того же года Дума доложила об исполнении [212, л. 14-17]. В данном случае сложно определить, кто наживался на незаконном акцизном сборе – городская Дума или откупщик. В этот же период имел место достаточно необычный случай. 8 февраля 1867 г. еврейское общество просило выдать из коробочного сбора 1500 руб., не предусмотренных сметой, «на улучшение молитвенных зданий». Прошла лишь неделя, как губернатор Б.А. Глазенап дал положительный ответ, но предложил выдать просимую сумму «заимообразно..., с тем, впрочем, условием, чтобы при выдаче означенных денег был представлен установленный законом приговор о согласии еврейского общества пополнить эту сумму по первому требованию Думы» [79, л. 3-5].

Летом 1871 г. состоялись очередные торги на право откупа. Предварительно была составлена смета предполагаемых расходов, которые должны были составлять по 8000 руб. ежегодно. Самой крупной статьей расходов являлось содержание еврейской больницы и медицинская помощь на дому (2700 руб. ежегодно). Предполагалось строительство еврейской бани с миквой (купальней), госпиталя и молитвенного дома, на что выделялось по 2000 руб. ежегодно. Претендентами объявили себя купцы А. Каневский, Г. Моргулис, Я. Натензон, И. Белич, Л. Тимен. Наибольшую сумму (8515 руб.) предложил Л. Тимен, который и победил в конкурсе. Военный губернатор утвердил право откупа на коробочный сбор в период 1872-1875 гг. купца Л. Тимена и его компаньона И. Беркова, которых впоследствии обвиняли в злоупотреблениях [30].

В декабре 1875 г. был объявлен конкурс на откуп на следующее четырехлетие. Претендентов на получение откупа оказалось достаточно много. Основными конкурентами были купцы Г. Моргулис, И. Корф, М. Ландау, А. Каневский, С. Зевин и Л. Тимен. Последний предложил наивысшую сумму – 8205 руб. ежегодно, при том, что по смете предполагались ежегодные расходы в сумме 7300 руб. Одновременно в городскую управу поступило заявление от 198 членов еврейской общины, которые просили не допускать Л. Тимена и его товарища купца И. Беркова к торгам, «...потому что лица эти недобросовестными и весьма вредными для еврейского общества действиями при содержании Тименом коробочного сбора в течение прошлого четырехлетия заявили себя с дурной стороны». В результате торги по подряду в феврале 1876 г. не состоялись из-за неявки претендентов. Кандидатура Л. Тимена была снята. В марте на торгах победил Г. Моргулис с компаньонами, с которыми и был

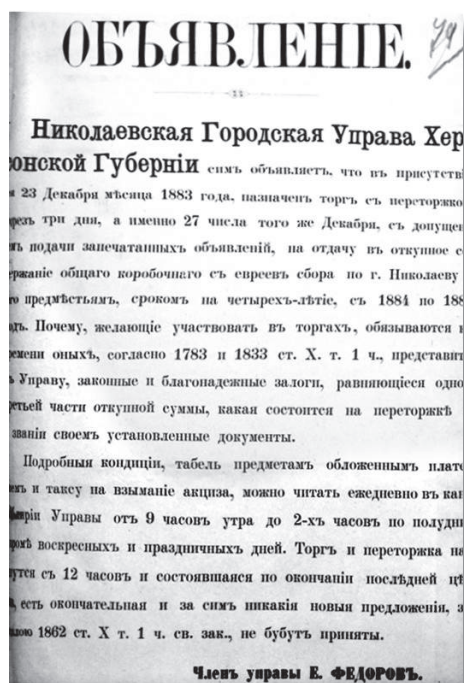

заклучен контракт. При его утверждени военный губернатор высказал удивление городскому голове, «...что на составление простого контракта нужны городской управе месяцы времени» [32, л. 29, 34, 165-168, 173-174, 233].

В начале февраля 1880 г. городской голова сообщал военному губернатору, что 30 января 1880 г., по результатам торгов, Николаевская городская управа заключила с купцом Иосифом Берковичем Гохбергом «контракт на отдачу ему в откупное содержание коробочного сбора по городу Николаеву на четырехлетие до 1 января 1884 г.» [234. л. 5]. В связи с ростом еврейского населения в городе, увеличением объемов продажи кошерного мяса сумма коробочного сбора продолжала расти. Согласно «Смете расходов сумм коробочного сбора на 1884-1888 гг.» первоначально предполагалось, что они будут составлять 22700 руб. в год, тогда как предполагаемые доходы оценивались в 34600 руб. В связи с этим и сумму расходов скорректировали до 25875 руб., а затем и до 26275 руб. [35-а].

В связи с увеличением суммы сбора на право получения откупа часто претендовали по несколько компаньонов. В 1883 г. были объявлены торги на право получения откупа. В числе претендентов выступили херсонский мещанин Я. Катель, николаевские купцы И. Гохберг, С. Зевин, М. Мамутов, но победили конкурентов купцы Г. Моргулис, М. Гурвич, М. Бланк и И. Берков (позднее в их числе упоминался еще и И.З. Гуревич) [55, л. 20-38]. В течение 1884 г. они не смогли обеспечить поступления оговоренной суммы (28475 руб.), недобор составил 8653 руб. Городская управа подала в суд иск о расторжении контракта, передаче откупа другим лицам и взыскании суммы недобора. При этом сумма реального недобора была увеличена в 4 раза, в соответствии со сроками первоначального контракта. В итоге, к взысканию подлежало 33444 руб. Решением Херсонского окружного суда и Одесской судебной палаты указанную сумму недобора следовало изъять у откупщиков за счет их залогового имущества. Впрочем, городская управа готова была пойти на компромисс и соглашалась ограничиться изъятием суммы реального недобора (8653 руб.) с добавлением пени и судебных издержек. С таким предложением она обратилась к военному губернатору А.А. Пещурову, который не согласился с позицией городской управы и настоял на необходимости исполнения судебных решений в полном объеме. Г. Моргулис, М. Бланк и И. Берков обратились с жалобой в высшую судебную инстанцию – Сенат. Рассмотрение дела в Сенате состоялось в 1892 г. Высшая инстанция подтвердила решения предыдущих судов, в постановлении указывалось: «Жалобу просителей оставить без последствий», т.е. с них следовало взыскать недобор в максимальной сумме 33474 руб. 23 коп. [41]. Нет сомнения в том, что судебное решение было исполнено, однако никаких подтверждений, что данная сумма поступила на счет коробочного сбора, в документах не найдено.

В 1892 г. имел место достаточно любопытный конфликт. 22 мая мясопромышленник николаевский мещанин Герш Менделев пожаловался военному губернатору на то, что раввин Х.-Б. Богров потребовал запретить производить кошерный забой

Объявление о торгах по коробочному сбору [272, л. 79]

скота нанятому им резнику на основании того, что тот не имеет специального разрешения (удостоверения) от раввина. Губернатор потребовал разъяснений от раввина, после чего завязалась активная переписка, в ходе которой раввин настаивал на своем праве осуществлять контроль за резниками, а его оппонент доказывал, что такое право действующими законами не предусмотрено, кроме того, он не нарушает условия взимания коробочного сбора. Аргументы последнего оказались более убедительными, и 17 июня 1892 г. городской полицией было сообщено: «Его Превосходительство г. военный губернатор, рассмотрев означенное прошение, изволил положить на нем следующую резолюцию: «Удовлетворить ходатайство просителя» [193, л. 1-13].

На новых торгах, объявленных «в связи с устранением прежних откупщиков» победил купец I-й гильдии И.Б. Гохберг, который и стал откупщиком по коробочному сбору на период 1885-1887 гг. Он добился от управы права торговли кошерным мясом и фактически установил контроль над нею, что вызвало недовольство еврейского населения города. Подрядчик оказался недобросовестным и не сумел обеспечить поступление средств в полном объеме. Недоимку в сумме 2876 руб. 50 коп. с него взыскали в судебном порядке [35; 50]. Дабы избежать злоупотреблений в дальнейшем, городская управа установила таксу на максимальную цену кошерного мяса, объявления с этой информацией вывешивались в местах торговли. Между тем, судебные разбирательства между И.Б. Гохбергом и городской управой продолжались. Ситуация оказалась крайне запутанной и предвидеть конечный результат было практически невозможно. В связи с истечением срока контракта, купец предложил управе заключить мировую при условии возобновления контракта на следующий срок. По просьбе городского головы, военный губернатор обратился с ходатайством в МВД, в котором предлагал передать откуп на коробочный сбор на 1888-1891 гг. без торгов И.Б. Гохбергу по 29700 руб. в год, «...в силу заключенного с ним городским общественным управлением мирового соглашения по прекращению всех возбужденных между им и городом в судебных учреждениях исков и претензий». 17 декабря 1887 г. Помощник министра внутренних дел В.К. Плеве ответил, что министерство не поддержало ходатайство, т.к при этом был бы нарушен законный порядок заключения контракта на откуп. В отдельной телеграмме он подчеркнул: «заключение мировой сделки отдачею коробочного сбора в содержание без торгов по соглашению министерства внутренних дел и финансов признано невозможным».

18 декабря 1887 г. состоялись торги на право откупа коробочного сбора. В них приняли участие Арон Иосифович Каневский, Арон Маркович Либин, Арон Соломонович Табак, Лев Исаакович Форштетер и Иосиф Беркович Гохберг. Последний не смог выиграть торги. 22 декабря городской голова В.А. Даценко сообщил военному губернатору о том, что в ходе торгов наибольшую сумму – 29985 руб. в год предложил николаевский купец А.М. Либин. Предложенная сумма превышала расчетную сумму расходов, которая составляла 29625 руб. [234, л. 5, 26, 35, 37, 42, 46, 49-50, 57].

В дальнейшем конкуренция в борьбе за подряд постепенно снижалась. Дважды – в 1891 и 1895 гг. в торгах побеждали купец П. Рашковский

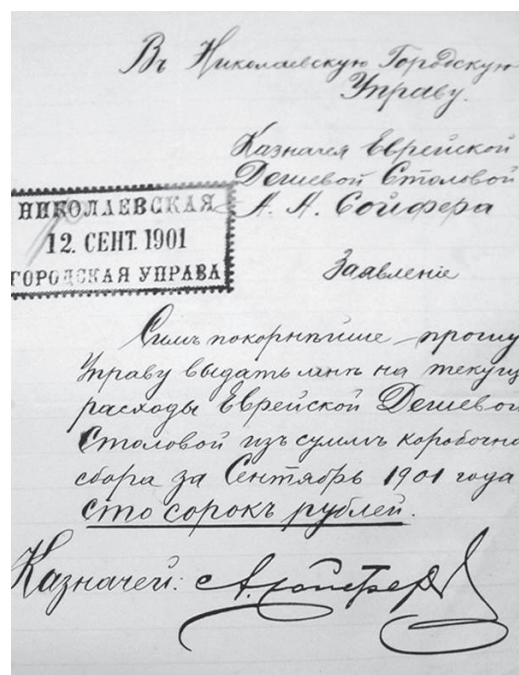
Такса на продажу кошерного мяса
[ГАНО Ф. 216, оп. 1, д. 750, л. 74]

и почетный гражданин Ш.А. Рафалович. В 1895 г. они победили конкурентов, предложив ежегодную сумму 37200 руб. при утвержденной смете расходов коробочного сбора 37100 руб. [258, л. 43-44; 586, 1895, № 273].

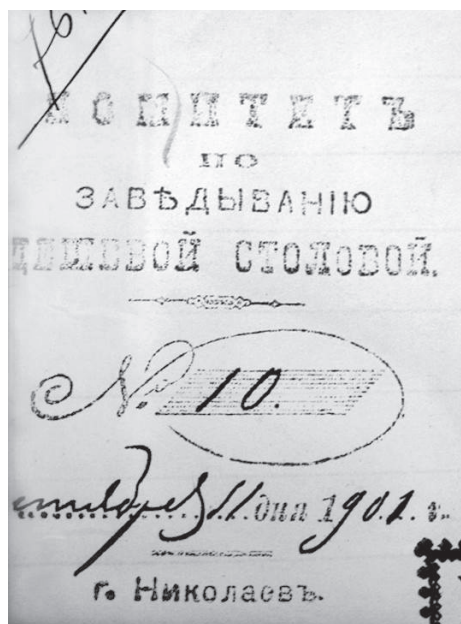
Городская управа ежегодно утверждала таксу, которой регламентировались цены на кошерное мясо, при этом цена устанавливалась единой для всех сортов мяса. Откупщики коробочного сбора, в свою очередь, искусственно ограничивали число резников и торговцев кошерным мясом. Это создавало благоприятную среду для различных нарушений и недобросовестной конкуренции, с чем пыталась бороться местная полиция. В 1895 г. полицмейстер докладывал военному губернатору о том, что 26 марта торговцы допустили нарушение таксы на кошерное мясо. По данному факту было составлено 15 протоколов, 2 торговца оштрафованы по 25 руб. каждый. В связи с изложенным предлагалось: увеличить число торговцев, что создаст нормальную конкуренцию; отменить таксу, устанавливаемую городской управой, что позволит устанавливать цены в зависимости от сорта мяса [267, л. 4]. Ситуация так и не была разрешена. Городская управа и откупщики продолжали жестко регламентировать производство и продажу кошерных продуктов. Как сообщала столичная газета «Рассвет», в апреле 1908 г. «в Николаеве забастовали продавцы кошерного мяса. Городское самоуправление установило такие цены, что продавцы не могут с ними примириться» [582, 1908, № 16, ст. 36].

О сохранении тенденции роста расходов сумм из коробочного сбора свидетельствуют документы, связанные с передачей на откуп этого сбора на период 1908-1912 гг. Была составлена смета ежегодных расходов коробочного сбора на четырехлетие. Общая сумма составляла 49357 руб. При этом ожидаемый доход должен был составить 72140 руб. ежегодно, составлены «Кондиции по коробочному сбору», утвержденные градоначальником и городским головой. Когда была опубликована смета расходов, к градоначальнику обратилась с прошением группа «евреев – жителей г. Николаева». В нем содержалась просьба исключить из сумм коробочного сбора оплату за преподавание закона еврейской веры в гимназии и реальном училище, возложив эти расходы на родителей учеников-евреев, которые в большинстве своем люди достаточно состоятельные. Освободившиеся средства предлагалось передать в помощь бедным и нуждающимся. Прошение было оставлено градоначальником без удовлетворения, упомянутые статьи расходов были даже увеличены. За преподавание еврейской веры в Александровской гимназии выделялось по 900 руб., а для Александровского реального и городского 6-классного училищ – по 600 руб. ежегодно.

После предшествовавших скандальных историй николаевские купцы особого энтузиазма в борьбе за подряд по коробочному сбору не проявляли. 14 декабря 1914 г. состоялись торги, на которых наибольшую сумму (49375 руб.) предложил киевский купец I-й гильдии Лев Исаакович Цимбалист, как

Заявление о выдаче средств из коробочного сбора для дешевой столовой [47, л. 6]

Угловой штамп Комитета по заведованию дешевой еврейской столовой

констатировал Николаевский градоначальник: «...все прочие, торговавшие с ним, прибавить более не пожелали и от продолжения торгов отказались». Получив право на подряд, Л.И. Цимбалист не считал нужным переезжать в Николаев и вскоре даже затеял тяжбу с городской управой, требуя возврата внесенного им залога. Со стороны еврейского населения в управу все чаще стали поступать жалобы на удорожание кошерного мяса, торговлю которым фактически монополизировал откупщик, что было прямым нарушением «Кондиций» [140, л. 14, 17, 23, 28].

Средства от коробочного сбора отпускались *Комитету еврейского кладбища*. В 1902 г. им было получено 1300 руб. Такая же сумма «на погребение бедных» ежегодно предоставлялась на протяжении 1896-1899 гг.; в 1908-1912 гг. – по 1315 руб.

Значительные средства отпускались на содержание *еврейской общественной бани*, которая была самым старым еврейским учреждением в городе. Уже в первом проекте сметы расходов коробочного сбора, составленном в 1860 г., предусматривалось по 150 руб. в год «на содержание еврейской бани с копанием колодца (миквы)» [63, л. 15]. Впоследствии, до середины 90-х гг. выплат на содержание бани из коробочного сбора не производилось, их возобновили с 1896 г. (в 1896-1899 гг. по 800 руб.; в 1902 г. – 1000 руб.; в 1908-1912 гг. – 700 руб.)

Одним из первых еврейских благотворительных учреждений Николаева была *еврейская дешевая столовая*, прошение об открытии которой поступило военному губернатору А.А. Пещурову от руководства еврейской общины в 1885 г. Это был один из наиболее эффективных благотворительных проектов истории николаевской еврейской общины. Для руководства столовой был создан специальный комитет. Инструкция для Комитета дешевой еврейской столовой была утверждена Николаевским военным губернатором Н.В. Копытовым только в 1894 г. В ней отмечалось, что дешевая столовая создана для оказания помощи бедным евреям как местным, так и приезжающим в Николаев. В 1895 г. военный губернатор разрешил Комитету построить специальное здание «на дворовом месте, принадлежащем еврейской общественной бане на углу Таврической и Большой Морской». Состав Комитета избирался сроком на три года. В 1897-1900 гг. в его составе были Г.С. Сахарзон, Л.М. Либих, М. Лерман, А. Сойфер, В. Драцкой, Д. Шлемович, М.И. Барский.

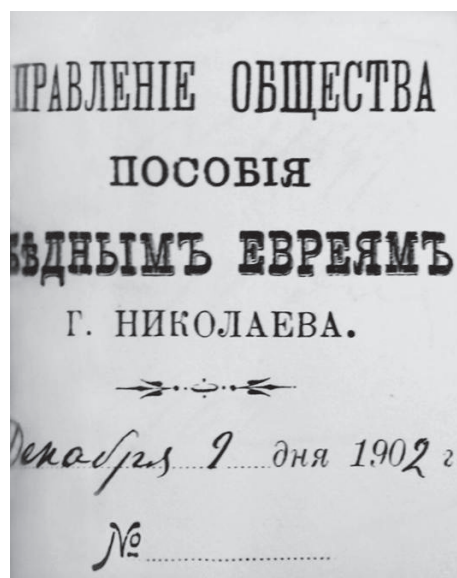
Столовая существовала за счет пожертвований, собираемых еврейской общиной. В отчете за 1894 г. отмечалось: «Всех лиц..., изъявивших желание вносить ежегодно в пользу столовой не менее 5 рублей, 142 человека и внесших от 10 до 25 рублей – 12 человек. Всего обязательных взносов комитет получил 881 руб. и единовременных денежных пожертвований 5633 руб. 50 коп., из сумм коробочного сбора 700 руб.». При обсуждении сметы расходов коробочного сбора в 1895 г. отмечалось: «На содержание столовой комиссия считает необходимым назначить 1100 руб. в год (на 400 руб. больше прежнего назначения) ввиду чрезвычайного увеличения числа бесплатных обедов, отпускаемых в столовой, особенно в праздничные дни для военнослужащих евреев и общего увеличения числа обедающих». При пересмотре сметы

было добавлено еще 100 руб. в год. «В 1896-1899 гг. субсидии из коробочного сбора на содержание столовой отпускалось по 1200 руб., в 1908-1912 гг. – по 1360 руб. ежегодно [586, 1895, № 78; 99, л. 73; 140, л. 28; 258, л. 13-14].

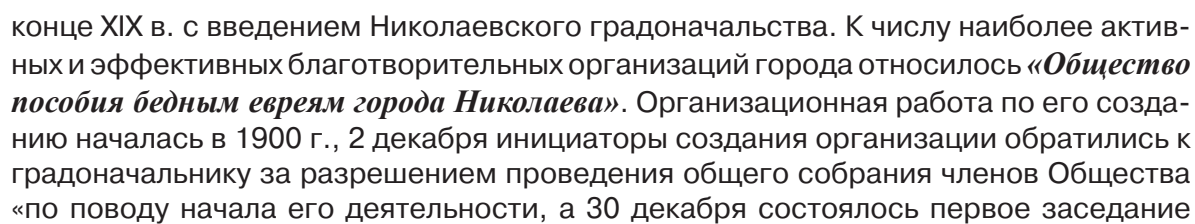
В первые годы существования столовая отпускала обеды только за плату. В 1892 г. было отпущено 2443 порции по цене от 2 до 6 коп., 6181 порцию хлеба по 3 коп., 4593 субботних порции по 15 коп. на общую сумму 1902 руб. 30 коп. В дальнейшем Комитет изыскивает возможность обеспечивать нуждающихся бесплатной пищей. В 1902 г. средства, которыми располагал Комитет, составили 6762 руб. 78 коп., в течение года бесплатно было отпущено 5875 порций и еще 810 за счет благотворителей [443, с. 159-160]. Среди тех, кому дешевая столовая предоставляла бесплатное угощение к традиционным еврейским праздникам, были солдаты и нижние чины, проходившие военную службу в Николаеве. В столовой выпекалась маца, большая часть которой бесплатно раздавалась беднякам для празднования Песаха, в 1909 г. на эти цели было выделено 4038 руб. из коробочного сбора, а в 1915 г. столовая помогала обустройству евреев-беженцев, прибывавших в город. Для них было отпущено 879 обедов [258, л. 243; 392, с. 24]. В целом, дешевая еврейская столовая стала одним из наиболее успешных и стабильно действовавших проектов, осуществленных николаевской еврейской общиной за весь период ее существования. Ее деятельность позволила обеспечить куском хлеба, а иногда и спасти от голодной смерти многих бедняков.

Одна из первых попыток создания благотворительной организации для оказания взаимопомощи была предпринята евреями-ремесленниками в 1886 г. Осенью группа ремесленников: дамские портные М. Толтус, С. Немировский и А. Одесский; мужской портной Люмель Ставицкий; шапочные мастера Берко Кирман и Хаскель Водовозов; переплетчики Ушер Лавут и Фроим Висноватый; шмуkler Янкель Зайчик; красильщик Перец Виленский, часовых дел мастер Моисей Айзенберг обратились с прошением к военному губернатору. Они просили ходатайствовать перед МВД о регистрации устава «вспомогательной кассы», которую они намеревались создать на собственные средства. 29 сентября того же года военный губернатор А.А. Пещуров направил письмо министру внутренних дел, в котором высказался положительно по существу вопроса. 20 октября 1886 г. из Петербурга было направлено письмо за подписью товарища (заместителя) министра внутренних дел, сенатора В.К. Плеве. Автор заявил, что «полагал бы более целесообразным объяснить ходатайство отклонить», при этом не привел никаких аргументов в пользу такого решения. По получении письма, 3 ноября А.А. Пещуров поручил городской полиции сообщить просителям о том, что их прошение отклонено [232, л. 1-5].

Создание еврейских благотворительных обществ в Николаеве происходило на 2-5 лет позднее, чем в соседних Одессе и Херсоне. Это можно объяснить консерватизмом местных военных губернаторов, не желавших обременять себя сложной разрешительной процедурой через соответствующий департамент МВД. Возможность создать свои светские благотворительные организации у евреев Николаева появилась только в

Угловой штамп Общества
пособия бедным евреям

конце XIX в. с введением Николаевского градоначальства. К числу наиболее активных и эффективных благотворительных организаций города относилось *«Общество пособия бедным евреям города Николаева»*. Организационная работа по его созданию началась в 1900 г., 2 декабря инициаторы создания организации обратились к градоначальнику за разрешением проведения общего собрания членов Общества «по поводу начала его деятельности, а 30 декабря состоялось первое заседание правления [140, л. 111, 127].

Полноценная практическая деятельность развернулась в 1901 г. Уже в первые месяцы деятельности Общества его членами стали 229 человек, а к концу года число членов возросло до 487. В члены общества приглашались евреи всех сословий. Члены общества делились на почетных (они давали значительные пожертвования и оказывали особые услуги Обществу), действительных, которые платили ежегодные взносы не менее 3 руб. или единовременно 60 руб., членов-соревнователей, выплачивавших взносы до 3 руб. Членов правления избирало общее собрание, их кандидатуры обязательно сообщались градоначальнику для проверки их благонадежности через жандармское управление [424; 467, с. 154]. Председателем правления был избран Г. Сахарзон, товарищем председателя – В. Броун, который позже возглавил Общество; казначей – С. Имас; члены правления: Д. Лоевский, Р. Шухман, С. Гринберг, И. Рабинович, Х. Фиалков, П. Рашковский, А. Сойфер, А. Златопольский. Позже часть из них заменили. Я. Сегель, Х. Соколовский, С. Коган, О. Биргер, Л. Тумаркин, Л. Кнебельман, Г. Соколовский, Ю. Локшин [383].

В начале своей деятельности Общество столкнулось с серьезными экономическими проблемами, которые были вызваны неурожаем, повлекшим за собой голод, упадок торговли и ремесла. Как писала об этом газета «Восход»: «Открывшее здесь [в Николаеве – В.Щ.] недавно свою деятельность благотворительное общество, вследствие ограниченности средств, положительно не в состоянии удовлетворить самые минимальные потребности многих сотен семейств. Нужда среди рабочего класса евреев и мелких ремесленников и торговцев достигла уже той степени, за гранью которой начинается тиф... Нужда местного многочисленного пролетариата растет не по дням, а по часам, повергая в ужас благотворительное общество, которое не располагает денежными средствами» [579, 1901, № 13, ст. 9, 14]. Как отмечалось в отчете Общества за 1902 г.: «Миновал 1901 голодный год, когда приходилось лихорадочно работать, чтобы оказывать помощь голодающему населению, когда приходилось усиленно собирать деньги и тут же их раздавать голодным на хлеб, не задумываясь о продуктивности такой работы... можно сказать, что все попечительства работали с энергией, влагая в дело всю свою душу; несмотря все-таки на это, количества добываемых средств не хватает для удовлетворения всех нуждающихся, а потому многим в помощи приходится отказывать» [384, с. 1-3] За первый год своего существования Общество выдало различные виды помощи 946 нуждающимся [466, с. 182]. Эти результаты не могли быть достигнуты без активной и квалифицированной организационной работы. За первый год существования Общества его правление провело 55 заседаний, в 1902 г. – 38.

Уже в 1901-1902 гг. определились основные направления и формы, которые сохранялись весь период существования Общества. Был создан временный приют бездомных девочек-сирот. К началу 1902 г. созданы специальные капиталы (фонды):

- в пользу девочек-сирот и временного приюта для них;
- в пользу девочек, обучающихся в училище Ф.С. Вулих;
- в пользу служащих и мелких торговцев (в 1901 г. действовали фонды в пользу впавшим в нужду вследствие кризиса местной торговли);

- в пользу семейств (лиц), случайно впавших в нужду (им оказывалась только трудовая помощь).

В дальнейших планах Общества было открытие дешевых столовых, чайных, приобретение и сдача внаем дешевых квартир, общежитий, создание домов трудолюбия, больниц, библиотек, читален и др. Впоследствии планы удалось реализовать лишь частично, т.к. правление решило не расплывать средства (которых постоянно не хватало) на мелкие проекты.

Всеми фондами ведали соответствующие попечительства, обладавшие большой степенью самостоятельности. Об активности организаторов Общества может свидетельствовать такой факт – в 1901 г. правление Общества провело 55 заседаний, а в 1902 г. – 38 [467, с. 153; 383, с. 1].

Деятельность Общества была известна за пределами города и широко освещалась петербургской еврейской газетой «Восход». К примеру, по отчету в 1902 г. газета отмечала, что «Обществом пособия бедным евреям г. Николаева» было собрано и распределено среди нуждающихся 6071 руб. В основном, это т.н. «трудовая помощь» – приобретение инструментов, механизмов, сырья для ремесленников, помощь в переселении в поисках работы в условиях кризиса и голода (*приложение 14*) [579, 1902, № 17, ст. 19-20]. В 1904 г. Общество развернуло деятельность по приисканию работы для нуждающихся. К сожалению, в дальнейшем реализовать в полной мере это направление не удалось из-за событий 1905 г.

В отчете о деятельности Общества за 1905 г. отмечалось: «Отчетный 1905 год должен быть отнесен к самым тяжелым из всех прошлых, пережитых нашим Обществом. Продолжение военных действий на Дальнем Востоке в начале года и связанная с этим поддержка Обществом 150 семей запасных, кормильцы которых сражались на полях Маньчжурии, целый ряд политических забастовок и, наконец, печальные события октябрьских дней, превративших значительную часть жертвователей на нужды Общества в бедняков, которые сами нуждаются в пособиях со стороны Общества, – все это наложило свою суровую печать на деятельность нашего Общества за отчетный год. Застой в торговле, начиная с августа, и погром в октябре почти совершенно прекратили приток пожертвований в кассу Общества настолько, что не только не было средств на удовлетворение нужд просителей, но и не было никаких ресурсов на поддержание существующих общественных учреждений, каковыми есть школы и приют. Обществу помог местный комитет по оказанию пособия лицам, пострадавшим от погрома. Он получил из Петербурга суммы на помощь пострадавшим». Из указанного источника поступило 3794 руб. [386, с. 2, 7].

В отчете отмечалось, что «Попечительство выражает глубокую благодарность господам жертвователям, которые в этом тяжелом году... не отказывали нам в своих пожертвованиях, чем и дали возможность многим бедным, но трудолюбивым семьям честным трудом заработать кусок хлеба» [386, с. 13].

При обществе было создано несколько попечительств. Наиболее интересна деятельность попечительства специального капитала в пользу семейств (лиц), случайно впавших в нужду. Основной формой поддержки здесь было оказание трудовой помощи, т. е. своей целью благотворители считали не только накормить бедняков, но оказать помощь в налаживании их профессиональной деятельности с тем, чтобы в будущем они могли самостоятельно зарабатывать на жизнь.

Представление о задачах попечительства дает смета его расходов за 1911 год:

- на промысловые свидетельства и торговлю
- на покупку швейных машин

- 1995 руб. 30 коп.;
- 75 руб.;

- на покупку лошадей
- ремесленникам на поддержание ремесла
- на домашние обеды

- 224 руб.;
- 225 руб.;
- 76 руб.

В отчете отмечалось, что в течение года поступило 365 обращений об оказании помощи, из них удовлетворено 325, т.е. около 89% [391, с. 12-13]. Следует отметить, что этот год был неурожайным, вследствие чего произошел застой в торговле и ремесле, кроме того, в город прибыло большое количество нуждающихся, тем не менее, попечительство сумело изыскать средства для оказания помощи большинству нуждающихся. В отчете за 1903 г. отмечалось: «Выдавая пособия случайно впавшим в нужду, Правление стремилось устроить так, чтобы они своими трудами могли прокормить себя, не прибегая к общественной благотворительности. С этой целью Правление приобретает для некоторых из них лошадей, для других – швейные машинки, иным открывает лавочки, снабжает оборотным капиталом, товаром и т. п. С нравственным удовлетворением приходится констатировать, что оказываемая в этом виде помощь действительно достигает цели: очень редкие из числа таких прибегали вторично к помощи общества...» За этот год Обществом была оказана трудовая помощь 164 лицам на суммы от 3 до 45 руб. каждому на общую сумму 1759 руб. В среднем поступало до 28 просьб в месяц. «Некоторые лица, из воспользовавшихся пособиями, возвратили таковые в сумме 380 руб.» Количество лиц, получавших трудовую помощь, постоянно возрастало. В 1907 г. такую помощь получили 196 человек, что составляло более 70% от числа поступивших просьб, средняя сумма помощи на 1 чел. превышала 10 руб.; а в следующем году помощь получили 259 человек, что составило 91% от числа поданных просьб, но сумма помощи колебалась от 50 коп. до 50 руб. В 1913 г. оказана денежная помощь 515 лицам, «впавшим в нужду», на сумму 3844 руб. [384, с. 1, 5, 8; 364, с. 24].

Два попечительства занимались сбором средств на содержание школы Л.Б. Баскиной и профессионального училища Ф.С. Вулих. Именно средства, собранные Обществом, составляли основу финансирования этих учебных заведений, в которых обучались девочки из бедных семей и сироты.

Обществом также изыскивались средства для оказания помощи хедеру, который действовал в доме № 14 по ул. Малой Морской. При этом на помощь остальным хедерам средств не выделялось. Судя по тому, что в уставе Общества особо отмечалось, что оно может оказывать помощь только общественным хедерам, данное учебное заведение соответствовало этим требованиям. В 1906 г. был создан передвижной школьный музей, который обслуживал еврейские школы и училища, для его создания была выделена небольшая субсидия «обществом распространения просвещения среди евреев [467, с. 156].

Особое попечительство курировало деятельность приюта для еврейских девочек-сирот имени Л.Е. и П.А. Мешуресов, которые завещали капитал на его содержание. Приют начал свое существование в декабре 1900 г., это стало возможным благодаря пожертвованию 1200 руб. известным петербургским филантропом бароном Г. Гинцбургом. Как писала газета «Восход»: «Большинство поступивших в приют девочек-сирот лишено было до того всякого почти призора, не знало ласки, ухода. Некоторые из них собирали поленья и уголь на полотно железной дороги и тем снискивали свое пропитание, другие занимались собиранием милостыни на улице для своих «благодетелей», которые целиком отбирали у маленьких попрошаек деньги взамен черствого сухаря» [579, 1901, № 73, ст. 16]. Заведение почти полностью содержалось на средства, собираемые Обществом. Основной проблемой этого приюта, как

и большинства благотворительных заведений, была постоянная нехватка средств. В отчете за 1911 г. отмечалась необходимость расширить приют «...за неимением мест приходится каждый год отказывать многим несчастным детям, причина в том, что помещение приюта не может вместить более 40 душ детей, да и средств до сих пор не хватало, т. к. до сих пор было очень мало членов в попечительстве. Теперь в конце 1911 г. в попечительстве прибавилось несколько дам, и можно надеяться, что со временем удастся расширить приют и таким образом спасти еще 10 других бедных девочек от голодной смерти или когтей улицы». За 1911 г. в приют приняли только 6 девочек и 5 воспитанниц покинули его [391, с. 9, 12-13]. Количественные показатели контингента воспитанниц приюта приведены в таблице.

Таблица 9.1.

Контингент воспитанниц еврейского приюта для девочек

<i>годы</i>	<i>на 1 января</i>	<i>прибыло</i>	<i>выбыло</i>	<i>осталось</i>
1902	24	12	3	33
1903	33	7	4	36
1904	36	5	6	32

В 1913 г. в приюте содержались 35 воспитанниц, в дальнейшем их количество увеличилось до 40.

Возраст воспитанниц колебался от 4 до 14 лет. В 1902 г. в числе воспитанниц было «...круглых сирот 13, в двух случаях родители хотя и живы, но неизвестно, где находятся. Одна девочка отобрана у шарманщиков (родители неизвестны), а в остальных случаях призреваемые лишены одного из родителей» [383, с. 7].

Основными расходами были затраты на питание и одежду. Дневное содержание 1 воспитанницы в 1902 г. составляло только 29 коп., из которых стоимость питания составляла 13,9 коп. [383, с. 7]. Многие благотворители оказывали помощь приюту вещами и продуктами. В 1907 г., ввиду слабого здоровья, воспитанниц на летние месяцы вывозили в Голую Пристань, где была арендована дача. Одной из главных проблем заведения было отсутствие специального помещения. Отмечалось, что «Приют снимает квартиру тесную, сырую, неудобную, но неоднократные попытки найти лучшую не увенчались успехом». В 1907 г. возникла идея создать при приюте портняжную мастерскую, но финансовые трудности следующего года заставили отказаться от этих планов. Как отмечалось: «...попечительство с большим трудом, и то лишь с помощью долгов, свело концы с концами и в утешение себе может привести лишь то, что сиротки были сыты, одеты и обуты». Успех воспитательной работы в приюте во многом достигался, благодаря А.Д. Резвин, заведовавшей приютом, которая стремилась заменить мать своим воспитанницам. В 1909 г. обсуждался вопрос о возможности выкупа части здания, где располагался приют для мальчиков, за счет средств, завещанных Клейманом на создание приюта его имени. Правление «нашло неудобным, чтобы оба приюта существовали вместе», и объединение не состоялось. Попечители заботились об обучении воспитанниц и приобретении ими специальности. К примеру, в 1907 г. из 40 воспитанниц 18 посещали школу Л.Б. Баскиной, 1 – профессиональное училище Ф.С. Вулих, 1 – сдавала экзамен за 4 класс гимназии, 4 работали в ремесленных мастерских, 1 – служила в аптекарском магазине. В 1912 г. приют размещался по ул. Католической [387, с. 5; 388, с. 9; 388, с. 5].

В 1904 г. в связи с началом русско-японской войны и мобилизацией в действую-

щую армию запасного контингента, Общество учредило «специальный капитал для пособия семьям запасных нижних чинов, поступивших на действительную военную службу» (существовал по 1907 г.). Тогда же учреждены специальные капиталы «для призрения бездомных еврейских мальчиков», «на определение бедных еврейских мальчиков в учебные заведения», «для оказания пособия лицам, оставляющим еврейскую больницу» и др. Большинство из них в дальнейшем не получили развития [385, с. 5].

Одним из основных источников поступления средств являлись членские взносы. При создании Общества была определена сумма членских взносов – 3 руб. Но уже в 1903 г. «На заседании «Общества пособия бедным евреям» Каплан внес предложение об увеличении средств Общества за счет ассигнований из коробочного сбора и увеличения членских взносов, т.к. 12 тыс. бюджет недостаточен для покрытия расходов. Большинство высказались против увеличения взносов, т.к. взнос в сумме 3 руб. достаточен для привлечения новых членов Общества» [579, 1903, № 2, с. 22].

Таблица 9.2.

Количество членов и суммы членских взносов ОПБЕ

<i>Год</i>	<i>Количество членов</i>	<i>Сумма членских взносов (руб.)</i>
1902	400	1200
1903	383	1149
1904	295	885
1905	189	567
1906	198	594
1911	260	780

Как видно из таблицы, сумма членских взносов уменьшалась, поэтому правление изыскивало другие источники финансирования. Все более значительными были разовые пожертвования от частных лиц (в числе жертвователей было и семейство градоначальника) и организаций (городского собрания, правления хлебной биржи, банков и др.). Попечительства организовывали сбор пожертвований на нужды опекаемых ими учреждений. Пожертвования принимались как деньгами, так и продуктами, товарами. О трудностях, с которыми сталкивалась еврейская благотворительность, с сарказмом писал неизвестный автор, который публиковался под псевдонимом Нениколаевец в столичной газете «Восход»: «Туго завязаны кошельки наших николаевцев и не только крупная, но мелкая лепта в пользу местной общины извлекается оттуда с большим трудом». Известные купцы Б. Майорский и А.Я. Бирштейн только за то, что были избраны в попечители коммерческого училища, пожертвовали несколько тысяч руб., которые вместе с другими пожертвованиями обеспечили его четырехлетнее существование. Между тем, сумму в 600 руб., необходимую для начала работы школы Л.Б. Баскиной для бедных девочек пришлось собирать «по крохам», т.к. не нашлось крупного жертвователя. «В первом случае несколько десятков еврейских детей богатейших родителей нуждаются в бархатном камзоле, сшитом по моде.., во втором случае – сотня детей беднейшего еврейского слоя нуждаются в хлебе насущном – в первоначальной грамоте. Там – такая готовность выбрасывать из кармана тысячи, тут – лишь готовность...

пойти собирать гроши» [579, 1902, № 49, ст. 28; 1903, № 49, ст. 24-25]. Критика оказалась результативной. В дальнейшем Б. Майорский неоднократно жертвовал в пользу школы Л.Д. Баскиной крупные суммы.

Общество получало средства из коробочного сбора на содержание приюта и учебных заведений, но эти средства не составляли значительной части в финансировании этих учреждений.

Значительные поступления в бюджет Общества составляли доходы от благотворительных вечеров и спектаклей, которые организовывались правлением. Эти мероприятия были заметным явлением в культурной жизни города. Городская верхушка считала престижным для себя посещать такие вечера. Так, 3 февраля 1902 г. состоялся благотворительный вечер, сбор от которого пошел в пользу «Общества пособия бедным евреям». Чистый доход составил 1500 руб., как писала газета «Восход»: «...публика осталась довольной музыкально-литературной стороной вечера, а касса общества – материальными результатами». Через год та же газета отмечала: «Устроенный на днях Обществом пособия бедным евреям благотворительный вечер дал дохода 2307 руб. 91 коп. Из этой суммы выделено школе Ф.С. Вулих 765 руб. 50 коп.; училищу Л.Д. Баскиной 337 руб. 50 коп.; в специальный госпиталь для случайно впавших в нужду 382 руб. 50 коп.» [579, 1902, № 11, ст. 19; 1903, № 52, ст. 26].

Об активности правления Общества говорит такой факт – только в течение 1911 г. было организовано 4 благотворительных вечера в пользу различных учреждений, опекаемых Обществом, на вечерах было собрано 8006 руб., составивших треть от всех денежных поступлений.

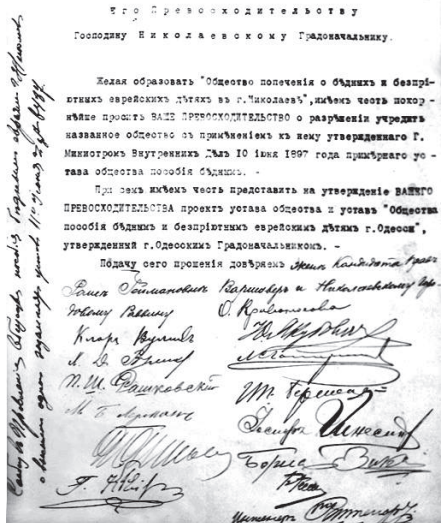
О структуре расходов Общества свидетельствуют данные за 1911 год:

- училищу Ф.С. Вулих	– 2083 руб. 34 коп.;
- школе Л.Д. Баскиной	– 4958 руб. 01 коп.;
- для детей, обучающихся	
в хедере на ул. Малой Морской, №14	– 2940 руб. 03 коп.;
- приюту для девочек	– 4190 руб. 76 коп.;
- на оказание трудовой помощи	– 2952 руб. 80 коп.
Всего	– 21220 руб. 19 коп. [391, с. 18-19]

Следует заметить, что этот год был далеко не самым удачным, что было связано с экономическим кризисом и неурожаем. Впрочем, и следующий 1912 год едва ли можно было назвать успешным, в кассу общества поступило еще меньше средств – 20677 руб., но была оказана помощь 1 100 лицам «случайно впавшим в нужду», тогда как в 1913 г. общее поступление средств составило 23952 руб., а денежная помощь оказана только 515 лицам [364, с. 31; 366, с. 24].

В целом же, будучи самой крупной и авторитетной еврейской благотворительной организацией, николаевское Общество так и не сумело достичь того, что удалось «Обществу пособия бедным евреям г. Херсона», которое было создано в 1898 г. и сумело объединить под своей опекой большинство еврейских учреждений города и практически консолидировать в своих руках городскую еврейскую благотворительность [532, с. 197].

11 июня 1903 г. инициативная группа во главе с супругой кандидата права Раисой Геймановной Варшавер обратилась к градоначальнику с прошением разрешить создать «*Общество попечения о бедных и бесприютных еврейских детях г. Николаева*». В качестве примера приводилось аналогичное общество в Одессе, устав которого прилагался, по этому образцу был разработан и проект устава николаевского

Прошение о создании Общества попечения о бедных и бесприютных еврейских детях [47, л. 1]

Общества. 28 июня того же года градоначальник поручил городской полиции сообщить просителям, что: «...в учреждении в г. Николаеве самостоятельного «Общества попечения о бедных и бесприютных еврейских детях г. Николаева» в настоящее время не имеется достаточных оснований, т.к. все те лица, кои ходатайствуют, об учреждении названного общества, с полным успехом могут выполнить свои благие стремления в составе функционирующего уже в г. Николаеве «Общества пособия бедным евреям», в задание коего входит попечение о бедных и бесприютных детях». Лишь через год, 16 мая 1904 г., градоначальник сообщил, что утвердил проект устава Общества, предупредив организаторов, что «...о времени открытия общества надлежит своевременно донести». 5 июня 1904 г. правление Общества просит градоначальника «...разрешить открыть временный приют для мальчиков, впредь до получения возможности открыть постоянный приют. Помещение для приюта нанято в доме Златопольского по Потемкинской улице, дом № 74». Для осмотра

помещения была назначена комиссия в составе врача Николаевского градоначальства, пристава Московской части полиции городского архитектора, которая отметила: «...как в строительном, так и в санитарно-гигиеническом отношении оно вполне пригодно для содержания в нем 15 малолетних детей», после чего 18 июля градоначальник сообщил, что не имеет возражений против открытия приюта.

14 августа 1904 г. в Правление Общества поступило заявление купца I-й гильдии Арона Яковлевича Клеймана о том, что он готов подарить Обществу дом для размещения в нем приюта, при этом в доме останутся несколько съемных квартир, доход от которых будет идти в пользу приюта. Главным условием дарителя было то, что приют должен быть назван его именем. Дар был принят Обществом, в результате приют получил собственный дом стоимостью в 25000 руб., который находился на углу улиц Большой Морской и Мещанской. Впоследствии приюту было присвоено имя А.Я. Клеймана [124, л. 1-19].

Общество пользовалось большим авторитетом, его почетными членами была супруга градоначальника Е.В. Энквист, позднее в их число вошли новый градоначальник А.С. Загорянский-Кисель и его супруга. Первым председателем правления была Раиса Геймановна Варшавер, товарищем (заместителем) председателя – инженер-технолог А. Коган. Позже их сменили: на посту председателя А.И. Биргер, товарища председателя – И.В. Розенберг, казначея – Л.А. Кац, которому неоднократно приходилось предоставлять обществу ссуды из собственных средств. Основными своими обязанностями Общество считало содержание детского приюта (для мальчиков) и оказание помощи в оплате за обучение в городских учебных заведениях еврейским детям из бедных семей. В соответствии с задачами при Обществе было создано 2 попечительства. В отчете за 1910 г. председатель Общества сетовал на уменьшение количества членов (со 176 до 144 человек), которые уплачивали ежегодные членские взносы (по 5 руб.). Основные средства на содержание детского приюта поступали из следующих источников:

Таблица 9.3.

Источники финансирования детского приюта для мальчиков

№	Источники поступления средств	в 1910 г.	в 1912 г.
1	Членские взносы	720 руб.	795 руб.
2	Пожертвования частных лиц	1900 руб. 20 к.	648 руб. 25 к.
3	Благотворительные вечера	2759 руб. 29 к.	1488 руб.
4	Из сумм коробочного сбора	600 руб.	600 руб.
5	Доходы от дома Общества*	1856 руб.	1558 руб.
6	За детей, находящихся в ремесле	82 руб.	36 руб.
7	От временной молельни**	112 руб. 50 к.	85 руб.
8	% от неприкосновенного капитала	3 руб. 78 к.	3 руб. 78 к.
	Итого	8033 руб. 77 к.	7267 руб. 60 к.

* Обществу принадлежал доходный дом, где сдавались внаем 9 квартир.

** Молельня (молельный дом) находилась в одном здании с приютом, и большая часть пожертвований от 33 лиц, ее посещавших (суммы пожертвований от 1 до 20 руб.), передавалась в пользу приюта [394; 382].

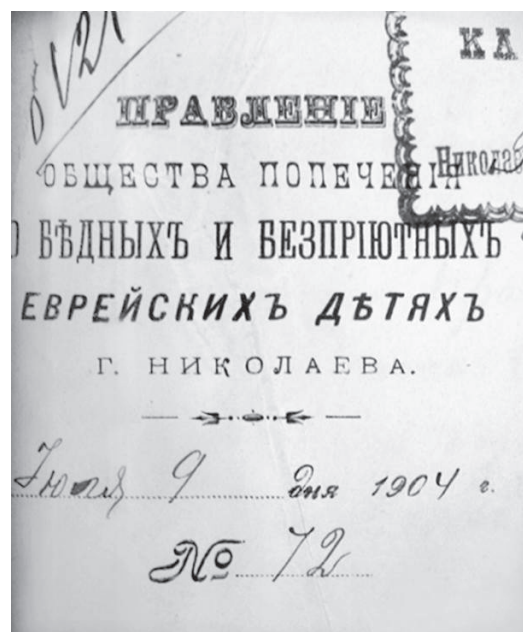
Суммы, выделяемые из коробочного сбора, постепенно снижались, к примеру, в 1908-1912 гг. они составляли по 300 руб. ежегодно [140, л. 28].

Воспитателями в приюте работали Ройзман и Хазин.

В 1907 г. градоначальник В.Н. Зацаренный разрешил открыть при приюте переплетную мастерскую с целью обучения воспитанников основам ремесла [443, с. 161]. В 1913 г. был организован оркестр из питомцев, как отмечалось в отчете: «Музыка имела очень благотворное влияние на детей приюта, кроме того, оркестр служит источником некоторого дохода» [160, л. 23].

Ежегодно в городе проводились по 2 благотворительных вечера в пользу воспитанников приюта, и средства, собираемые на этих вечерах, составляли самую крупную сумму в числе денежных поступлений в бюджете приюта. Так, в 1913 г. они составили 3000 руб. из общей суммы поступлений в 6675 руб. [403, с. 8].

Неприкосновенный капитал формировался из банковских вкладов, завещанных различными лицами. Наибольшие суммы составляли вклады инженера В.Г. Лисанского (750 руб.) и А.Г. Каминского (200 руб.). Пожертвования осуществлялись на добровольной основе. Так, в 1910 г. 39 благотворителей пожертвовали средства в суммах от

Угловой штамп Общества попечения о бедных еврейских детях

2 до 175 руб. В дальнейшем число жертвователей сокращалось, в 1912 г. 17 частных лиц пожертвовали суммы от 1 до 100 руб., кроме того, в числе жертвователей было 3 банка, в результате частных пожертвований поступило почти втрое меньше. Как видно из таблицы, городской бюджет не выделял на содержание приюта никаких средств. Значительное снижение поступивших средств (почти на 10%) объяснялось неурожаем, охватившим регион в 1911 г., приведшим к падению хлебной торговли и голоду. Еврейская община вынуждена была изыскивать значительные средства в помощь пострадавшим и нуждающимся, в 1912 г. на расходы было выделено 7267 руб. 58 коп., но к концу года приют имел дефицит средств в сумме 445 руб. Впрочем, и в 1913 г. сумма пожертвований составила лишь 600 руб., жертвователей было 39 человек; в этом году дефицит составил 1020 руб. 24 коп., несмотря на это, заведение продолжало функционировать, не уменьшая числа воспитанников. Их число составляло 45 человек, а на содержание приюта в общем выделено 7695 руб. В 1914 г. на нужды приюта поступило только 5172 руб. (сказывались новые условия начавшейся войны), число воспитанников по-прежнему составляло 45 мальчиков, что означало дальнейшее возрастание дефицита средств. Возрастала сумма средств, заработанных воспитанниками. В 1913 г. она составила 124 р., но этот источник не мог помочь принципиально решить проблему финансирования приюта [364, с. 31; 366, с. 33; 456, с. 162].

Главными статьями расходов были затраты на питание детей (в 1912 г. они составили 27000 руб. 31 коп.) и жалование служащим (1555 руб.).

В приюте содержалось ежегодно до 35 детей в возрасте от 5 до 16 лет, но в 1910 г. было решено выделить 3000 руб. на перестройку здания, чтобы «...идя навстречу острой нужды, увеличить прием детей в приют и количество его питомцев до 50», что и было сделано к 1912 г. Содержание 1 питомца обходилось в 150 руб. в год. В 1913 г. в приюте содержались 45 мальчиков. Некоторое представление о контингенте заведения может дать такая статистика:

Таблица 9.4.

***Сведения о контингенте воспитанников
детского приюта для мальчиков***

	<i>1910 г.</i>	<i>1912 г.</i>
<i>Количество детей в приюте на 1 января</i>	31	44
Поступило в течение года	11	6
Всего	42	50
Ушло в течение года	6	7
Осталось	36	43
<i>Семейное положение воспитанников:</i>		
имеют отца и мать	-	-
имеют только отца	3	1
имеют только мать	29	31
круглые сироты	10	11

По роду занятий родителей:

детей ремесленников 2;
детей мелких торговцев 4;

детей прислуги и чернорабочих	13;
детей нищенствующих родителей	2;
детей лиц без определенных занятий	11.

[400; 101].

В первые годы существования приюта в нем действовала самостоятельная школа, но впоследствии из-за нехватки средств пришлось от нее отказаться, но, как указывалось в отчете, «...была сохранена подготовительная школа, которая, несмотря на частую смену воспитателей... дала недурные результаты. К осени 1909 г. удалось подготовить и определить 8 мальчиков в казенное еврейское училище и 11 мальчиков в Талмуд-Тору». В 1912 г. еще 14 воспитанников были приняты в казенное еврейское училище. Старших воспитанников «отдавали в ремесло» в городские мастерские заведения, где они обучались ремеслу и работали, продолжая жить и питаться в приюте. Средства, заработанные ими, поступали в бюджет приюта. В 1910 г. были «отданы в ремесло»:

в слесарную мастерскую Лавута	4 чел.;
в типографию Шнейдера	2 чел.;
в типографию Фефербойма	1 чел.;
в столярную мастерскую Александрова	1 чел.;
в книжную торг. Баранискина	1 чел.
Всего	9 чел.

В приюте была оборудована «больничка» (изолятор) для больных детей. «Врачом приюта... состоял доктор Д.В. Розенберг, который с редкой любовью и вниманием относился к своим обязанностям. Лекарства для приюта бесплатно выдавала аптека наследников Ландау». Следует подчеркнуть, что доктор лечил воспитанников бесплатно, считая это своим гражданским долгом, и был в числе постоянных жертвователей в пользу приюта.

«Попечительство по оказанию пособия недостаточным еврейским детям, учащимся в местных учебных заведениях», собирало средства для оплаты за обучение детей из бедных семей. Как указывалось в учредительных документах: «попечительство имеет своей целью оказывать пособие недостаточным еврейским детям (учащимся) местных учебных заведений – платою за обучение». Основными источниками средств были частные пожертвования. Так, в 1912 г. поступили пожертвования в суммах от 1 до 25 руб. от частных лиц и 100 руб. от биржевого комитета, что в общем составило 569 руб. 50 коп, кроме того, было проведено 2 благотворительных вечера, на которых было собрано 1672 руб. 80 коп. В 1913 г. пожертвования поступили от 90 лиц в суммах от 1 до 100 руб. Сумма выплат постоянно повышалась, если в 1910 г. она составляла 1570 руб., то в 1912 г. – 2063 руб. Соответственно, возрастало и число учащихся, которым оказывалась помощь, со 143 человек в 1910 г. до 184 в 1912 г., но уже в 1913 г. оно снизилось до 154 учащихся. Список учебных заведений, куда перечислялись средства на обучение еврейских детей, впечатляет, в их число входили почти все средние учебные заведения города, но суммы выплат были различными – от 2 до 50 руб., в зависимости от учебного заведения (*приложение 19*), [400-403].

В 1901 г. начинает свою деятельность «*Общество богадельни для бедных евреев г. Николаева*». Своей целью оно ставило помощь и поддержку деятельности еврейской богадельни, которая к этому времени уже существовала (неофициально)

около 20 лет, но была небольшой. В ней содержалось только 10 человек, что не соответствовало реальным потребностям еврейской общины, т. к. в городскую богадельню, которая содержалась Николаевским благотворительным обществом, лица иудейского вероисповедания, очевидно, не принимались, во всяком случае, в отчетах о деятельности этого учреждения фиксировалось отсутствие иудеев в числе опекаемых. Общество предприняло усилия для расширения богадельни и увеличения числа опекаемых. Этого удалось достичь уже в 1902 г. Состав опекаемых в 1903 г. был представлен следующим образом:

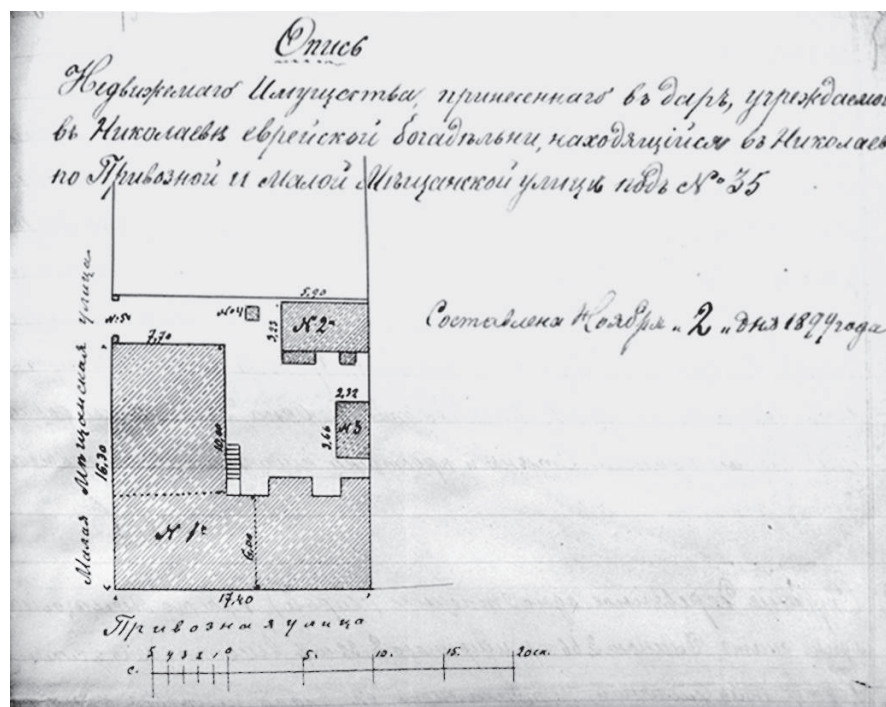
Таблица 9.5.

Состав опекаемых в еврейской богадельне

	Муж. пола	Жен. пола	Всего
На 1.01.1903 г.	17	13	30
Прибыло в теч. года	5	7	12
Выбыло в теч. года	4	6	10
На 1.01.1904 г.	18	14	32

Расширение возможностей богадельни стало возможным благодаря тому, что она получила собственное здание. 25 февраля в городскую управу поступило письмо такого содержания: «Попечительный совет сообщает, что... дом на углу Привозной и Малой Морской, № 55, принадлежавший купцам Арону Каневскому, Арону Клейману, Льву Форштетеру и Абраму Кнебельману, пожертвован ими обществу богадельни и составляет собственность этого общества» [52, л. 1].

В «Уставе общества богадельни для бедных евреев города Николаева», утверж-

План строений еврейской богадельни
[ГАОН Ф. 230, оп. 1, д. 14216, л. 10]

денном в 1902 г., отмечалось: «Действительными членами считаются лица, вносящие не менее 10 руб. в год, внесшие 100 руб. одновременно. Почетными членами считаются лица, вносящие не менее 50 руб. ежегодно или внесшие 500 руб. одновременно. Членами-соревнователями считаются лица, вносящие в кассу общества не менее 3 руб. в год» [424].

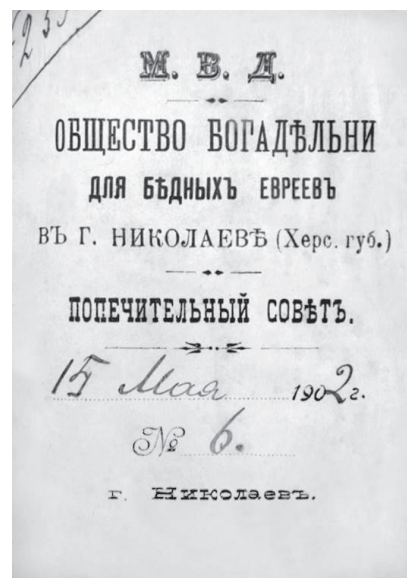
Средства на содержание учреждения составлялись из членских взносов (10 руб. в год), частных пожертвований, доходов от благотворительных концертов, вечеров и др., процентов от неприкосновенного капитала, а также из средств коробочного сбора (в 1902 г. из этого источника было получено 1900 руб., в 1908-1912 гг. по 1620 руб. ежегодно). Одним из самых крупных жертвователей был купец Л.Е. Мешурес, пожертвовавший 1500 руб. на приобретение здания. Длительное время он был главой попечительного совета богадельни, позже его сменил М. Кнебельман. В 1903 г. общие поступления составили 6513 руб. 84 коп.

Этих средств было недостаточно, поэтому приходилось расходовать их очень экономно. Дневное содержание одного человека обходилось в 20,1 коп. Изыскивая новые источники поступления средств, Общество в 1903 г. обратилось к градоначальнику с просьбой разрешить выставить в торгово-промышленных заведениях города 25 кружек для сбора пожертвований. Городская власть не оказывала помощи в содержании богадельни, но контролировала ее деятельность. 13 июля 1904 г. полиция проводит проверку деятельности еврейской богадельни, были сделаны замечания по адресу Общества, и уже 26 августа попечительный совет докладывал об устранении замеченных недостатков [467, с. 162-163, 360, с. 36.]. В дальнейшем число престарелых, содержащихся в богадельне, возрастало. В 1908 г. их было 54 человека, при этом денежные поступления Общества возросли незначительно и составляли 6808 руб. [363, с. 38].

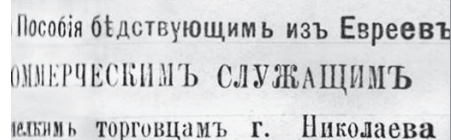
Одним из главных недостатков в деятельности «Общества богадельни для бедных евреев» была высокая сумма членских взносов (10 руб. в год), что ограничивало возможность участия в его деятельности для небогатых членов еврейской общины и части интеллигенции. Обязанности врачей богадельни исполняли Михаил Григорьевич Кенигсберг и Яков Гейманович Раппепорт [110, л. 1].

Достаточно спорными представляются результаты деятельности «Общества пособия бедствующим из евреев коммерческим служащим и мелким торговцам г. Николаева», которое было основано в 1904 г. Председателем правления был Б.Г. Кенигсберг, товарищем председателя – М.З. Белый, секретарем – Я.Ф. Аронсон, казначеем – Н.М. Мильштейн. Очевидно, образцом для этой организации послужили «Одесское общество взаимного вспомоществования приказчиков-евреев» и херсонское общество приказчиков-евреев «Помощь».

Целью этой организации было оказание материальной помощи приказчикам и мелким торговцам. Главной особенностью было то, что создатели Общества намеревались в перспективе превратить его в кассу взаимопомощи. Источниками средств являлись частные пожертвования, благотворительные вечера и спектакли, а также членские взносы самих «коммерческих служащих» и мелких торговцев. Часть полученных средств направлялась на приобретение ценных бумаг (4% ренты

Угловой штамп Попечительного совета Общества богадельни для бедных евреев

Пособія бѣдствующимъ изъ Евреевъ
КОММЕРЧЕСКИМЪ СЛУЖАЩИМЪ
и мелкимъ торговцамъ г. Николаева

Штамп Общества пособия бедствующим
из евреев коммерческим служащим
и мелким торговцам

Государственного банка и др.), доходы от которых, по замыслу организаторов Общества, должны будут в перспективе обеспечить его финансовую стабильность.

Обществом были созданы специальные капиталы:

- на выдачу пособий нуждающимся служащим;
- на помощь поденным приказчикам;
- в пользу семей умерших служащих и др.

Кроме того, 20% от суммы взносов направлялись на частичную оплату за обучение детей в частном еврейском училище Аронсона.

Первой серьезной проблемой, с которой столкнулось Общество уже на втором году своей деятельности, стали последствия еврейского погрома 1905 года. Как отмечалось в отчете за этот год, тяжелое экономическое положение, вызванное застоём в торговле, усугубилось еврейским погромом и ухудшило «...и без того плохое материальное положение того контингента лиц, от которых Общество вправе было ожидать содействия... Застой в торговле и безработица вызвали среди значительной части служащих и мелких торговцев сильную нужду» [394]. Констатировалось, что Общество не имело достаточных средств для оказания помощи всем нуждавшимся. В отчете за следующий год вновь констатировалось: «События 1905 года, печально отразившиеся на торгово-промышленной деятельности города, непосредственно коснулись и служащих различных торговых предприятий, ... многие служащие остались без занятий и вынуждены были прибегнуть к помощи Общества». Ситуация усугублялась сокращением числа членов Общества, а частных пожертвований поступило лишь на 1 руб. Общество даже было вынуждено продать ценные бумаги, приобретенные ранее на сумму 1500 руб. [394, с. 3, 8-9]. Число плательщиков взносов неуклонно падало и в последующие годы. Динамика этого процесса выглядела таким образом:

Таблица 9.6.

Количество членов Общества и суммы уплаченных членских взносов

Годы	Количество членов Общества	Поступило членских взносов
1904	588	2405 руб.
1905	335	1661 руб.
1906	140	696 руб.
1907	190	950 руб.
1908	170	850 руб.
1909	69	365 руб.
1910	148	723 руб.

[467, с. 165; 379, с. 6]

Количество членов Общества даже в год его основания не охватывало большинства того контингента работников, которым оно намеревалось помогать. По подсчетам правления их в городе было более 1500 человек.

Сокращение количества членов Общества его организаторы объясняли общей пассивностью служащих, обращая внимание на то, что с улучшением экономиче-

ской ситуации в городе количество лиц, изъявлявших желание помогать ему, только уменьшалось. Очевидно, главными причинами всего указанного можно считать слабую организационную работу правления, а также весьма скромные, по сравнению с другими благотворительными организациями, результаты практической деятельности Общества. К такому выводу приводят количественные показатели оказанной денежной помощи, приведенные в таблице:

Таблица 9.7.

Оказание денежной помощи Обществом пособия бедствующим из евреев коммерческим служащим и мелким торговцам г. Николаева

Годы	Число лиц, получивших помощь	Общая сумма (руб.)	Средняя сумма на 1 человека (руб.)	% удовлетворенных обращений за помощью
1	2	3	4	5
1904	10	560	56	23,3
1905	41	1611	39,3	97
1906	16	365	22,8	52,4
1907	20	400	20	42
1908	56	530	9,46	-
1909	30	292	9,73	-
1910	30	496,5	16,55	-

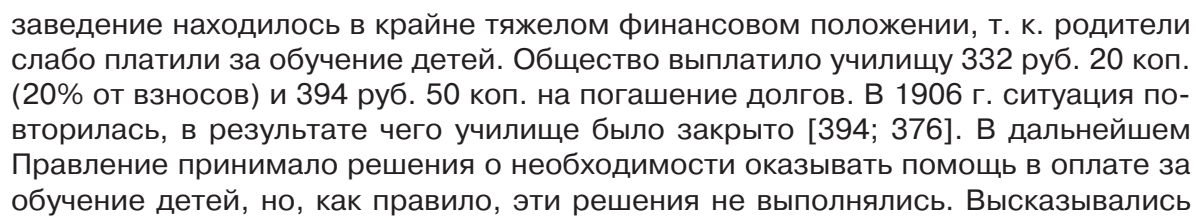
[467, с. 166; 377, с. 11]

Как видно из таблицы, количество лиц, получавших помощь, было невелико и имело тенденцию к снижению, как и суммы денежных пособий. Часть пособий выдавалась с условием последующего возврата, но возвращали их немногие. К примеру, в 1907 г. было выдано пособий, подлежащих возврату на 125 руб., но в 1908 г. возврат средств составил только 45 руб. В 1913 г. сумма выданных пособий составила 246 руб., а возврат полученных пособий составил 75 руб., в убыток списано 171 руб. невозвращенных средств [396, с. 19; 397, с. 9; 399, с. 8-9].

Общество создало специальный капитал в помощь поденным приказчикам, которые были самой незащищенной категорией работников, но суммы денежной помощи из этого фонда также были небольшими: в 1907 г. – 163 руб. 95 коп., в 1908 г. – 973 руб. 36 коп., в 1909 г. – 976 руб. 06 коп.

Отдельный фонд был создан в помощь семьям умерших служащих и торговцев: в 1907 г. было выдано на эти цели 218 руб., но их распределили на 109 семей, т. е. по 2 руб. на семью, что никак не могло помочь решить материальные проблемы этих семей; в 1908 г. было выдано еще меньше – 211 руб. 46 коп., в 1909 г. в этом фонде числилось лишь 22 руб. [396; 397; 398].

Не очень удачным было еще одно начинание Общества. С момента основания оно взяло обязательство отчислять 20% от суммы взносов в помощь частному еврейскому училищу Аронсона, считая, что в перспективе таким образом удастся решить проблему обучения детей служащих, в 1904 г. училищу выплатили 477 руб. 45 коп. Но уже в 1905 г. Правление вынуждено было констатировать, что учебное

заведение находилось в крайне тяжелом финансовом положении, т. к. родители слабо платили за обучение детей. Общество выплатило училищу 332 руб. 20 коп. (20% от взносов) и 394 руб. 50 коп. на погашение долгов. В 1906 г. ситуация повторилась, в результате чего училище было закрыто [394; 376]. В дальнейшем Правление принимало решения о необходимости оказывать помощь в оплате за обучение детей, но, как правило, эти решения не выполнялись. Высказывались также намерения решить вопросы об оказании бесплатной медицинской помощи и отпуске лекарств из городских аптек по льготным ценам, но и эти идеи остались только проектами. Одной из особенностей деятельности Общества были высокие организационные и накладные расходы. К примеру, в 1913 г. служащим было выплачено жалования 171 руб., на делопроизводство – 360 руб., на канцелярские расходы – 130 руб., на аренду помещений – 150 руб., на общие расходы – 50 руб. Общая сумма накладных расходов составила 861 руб., тогда как сумма выданных пособий – только 246 руб. Таких показателей не позволяло себе ни одно из еврейских благотворительных обществ города [399, с.8-9, 13]. В целом, результаты работы «Общества пособия бедствующим из евреев коммерческим служащим и мелким торговцам» оказались далекими от желаемого, что отмечали и сами члены правления. Одной из основных причин этого можно считать слабую организационную работу членов правления, большинство из которых относились к числу городской интеллигенции. Они имели благие намерения, но слабо разбирались в реальных нуждах и психологии той социальной группы, которую они взяли под опеку. Как отмечалось в отчете за 1910 г.: «Еще с 1907 г. чувствовалось среди членов полное равнодушие к своему обществу. Собрания (общие), неоднократно созываемые в течение 1908 и 1909 гг., не могли состояться за неприбытием законного числа членов. Правление из сил выбилось, взывая к благоразумию членов, видя же индеферентизм с их стороны, вышло в отставку, но оставалось у дел все время, т. к. не имело кому передать свои функции. Будучи фактически в отставке, при полном отсутствии поддержки со стороны членов Общества, правление настойчиво искало выхода и принимало меры, чтобы оживить Общество и расшевелить членов, что ему отчасти удалось» [397-399].

Одной из наиболее интересных благотворительных организаций Николаева был **«Николаевский комитет общества охранения здоровья еврейского населения по сбору пожертвований в пользу беженцев евреев»**. Инициатором его создания выступил «Петроградский комитет общества охранения здоровья еврейского населения», который обратил внимание на необходимость помощи евреям, насильно выселяемым, и беженцам из прифронтовых губерний. Уполномоченными Петроградского комитета в Николаеве были врач В.Л. Броун и секретарь биржевого комитета С.М. Шаргородский. На собрании 12 февраля 1915 г. был избран состав Николаевского комитета из 26 человек. Его председателем стал В.Л. Броун, назначенными Л.Е. Мешурес и Н.Ю. Кабак. В течение этого года Общество трансформировалось во всероссийскую благотворительную организацию. Таким образом, Николаевский комитет был первой в городе еврейской благотворительной организацией, которая была составной частью общероссийской. Новизной отличались цели, задачи и методы работы Комитета. Своей целью он определил «...непосредственные заботы по расселению и содержанию беженцев». Было принято решение добровольно взять на иждивение николаевской еврейской общины 500 беженцев. В течение года в город прибыли 2 партии беженцев, в основном, из Ковенской губернии. В связи с запретом на поселение евреев в Николаеве, действовавшим в это время, их расселили в ближайших к городу еврейских колониях: Новополтавке,

Ефингаре и Доброй. Прибывавших беженцев встречали на вокзале, им оказывалась первая помощь: организованы обеды, бани, медицинская помощь. Все прибывшие были отправлены к месту проживания, где их расселили на квартирах и выдали денежное пособие на продукты.

Одновременно в Николаев стихийно прибывали семьи беженцев, большинство из которых разными способами оседали в городе. «Всех этих беженцев комитет взял на полное содержание и приступил к удовлетворению их многочисленных нужд». Никогда еще еврейская община не сталкивалась с такими масштабными проблемами. Как отмечалось в отчете Общества за 1915 г.: «Средства нужны были сравнительно большие, а главное, необходима была уверенность в их регулярном поступлении. Применявшаяся до сих пор система единовременных пожертвований не отвечала новым сложившимся условиям и не давала уверенности, что в распоряжении комитета будут всегда находиться нужные средства... Поэтому было приступлено к организации ежемесячных сборов путем самообложения». Для этого было создано 55 групп жертвователей (по профессиональному принципу), которые собирали единовременные пожертвования. Но организаторы ставили целью максимально широкий охват и вовлечение еврейского населения. С этой целью с июля 1915 г. Комитет обратился ко всему еврейскому населению и организовал непосредственный сбор ежемесячных денежных взносов «путем самообложения». Как отмечало Правление: «Система быстро привилась и захватывала значительные слои еврейского населения, проявившего в этом большую отзывчивость». О том, что новый подход полностью оправдал себя, свидетельствует динамика поступления средств в течение 1915 г.

Таблица 9.8.

Поступление пожертвований в пользу евреев-беженцев в 1915 г.

<i>Время поступления средств</i>	<i>Единовременные пожертвования</i>	<i>Ежемесячные взносы</i>
с 13 февраля по 1июля	15184 руб. 82 коп.	-
июль	360 руб. 56 коп.	2342 руб. 50 коп.
август	715 руб. 50 коп.	5948 руб. 75 коп.
сентябрь	277 руб. 24 коп.	6516 руб. 79 коп.
октябрь	125 руб. 20 коп.	3175 руб. 57 коп.
ноябрь	274 руб. 26 коп.	6683 руб. 80 коп.
декабрь	39 руб. 20 коп.	7483 руб. 75 коп.
Всего	16976 руб. 79 коп.	32151 руб. 36 коп.

Как видно из таблицы, в течение года суммы единовременных пожертвований снижались, но значительно выросли поступления от ежемесячных взносов, и к концу года эти поступления почти вдвое превышали поступления от разовых пожертвований. Это имело свои преимущества, т. к. Комитет имел регулярное ежемесячное поступление средств, а также то, что необременительные ежемесячные взносы добровольно уплачивались множеством небогатых членов общины и Комитет не находился в зависимости от щедрости зажиточных людей. Действительно, в течение года были взносы в пользу Общества сделаны 2110 лицами. В 1916 г. число жертвователей снизилось более, чем вдвое и составило 966 человек. Таким

образом, это Общество оказалось самой массовой еврейской благотворительной организацией в истории Николаева. Пожертвования вносились в суммах от 20 копеек до 1700 рублей. Самыми крупными жертвователями были М.С. Кобылинский (1225 руб. в 1915 и 1700 – в 1916 г.), И.Г. Берлацкий (700 руб. и 500 в 1916 г.), И.Я. Цукерман (650 руб.), И.Я. Зильберблюм (650 руб. и 350 – в 1916 г.), А.М. Шполянский и сыновья (500 руб.), братья Кенигсберги (500 руб.), Х.Ш. Любовский, З.И. Косоде, Зайднер (по 400 руб.). В списке жертвователей встречаются такие любопытные записи, как «Цецилия, новорожденная», – 90 коп., или: внесено «от трех крестьян», встречаются и анонимные пожертвования. В числе жертвователей были также ряд городских банков, биржевой комитет, дирекция Николаевской городской библиотеки, молитвенные дома, торговые заведения. Крупным благотворителем выступил комитет завода «Наваль» (5000 руб. в 1915 г. и 4000 – в 1916 г.), кроме того, в списке жертвователей было 34 служащих этого завода. Вместе с тем, в отчете Правления указывалось: «С сожалением нужно отметить, что некоторые члены общины, преимущественно из зажиточных слоев, не прониклись сознанием обязывающего нас момента и с полнейшим равнодушием относятся к судьбе находящихся на нашем попечении беженцев, отказываясь от пожертвований в пользу Комитета. Несмотря на неоднократные упоминания, они находили в себе достаточно мужества, чтобы игнорировать всякие просьбы Комитета. Такое отношение этих лиц к своему долгу не может не вызвать чувства глубокого возмущения со стороны всех жертвователей. Еврей, отказывающийся в помощи своему брату, есть ли более позорное явление в жизни еврейской общины?».

Основными видами помощи, которую оказывало Общество беженцам, были:

- денежное пособие на продовольствие, сумма которого зависела от количества членов семьи (с учетом количества трудоспособных) и составляла от 10 до 50 руб. в месяц;
- квартирное довольствие в расчете 1 руб. на человека для проживавших в колониях и 2 руб. – для живущих в городе, но не более 10 руб. в месяц;
- снабжение одеждой и обувью.

Для решения последней задачи был создан специальный дамский комитет, организовавший сбор одежды среди евреев Николаева, но это не могло удовлетворить реальных потребностей. «С наступлением зимы вопрос о снабжении беженцев теплым платьем и обувью стал особенно острым. Отсутствие обуви тяжело сказывалось на положении детей, которые не могли вследствие этого посещать школу... Комитет в первую очередь заказал 100 пар сапожков для детей школьного возраста, а затем приступил к изготовлению платья и белья для всех нуждающихся...», для этого создали мастерскую, где работали 14 девушек из числа беженцев, которых одновременно обучали ремеслу. Так начиналось решение одной из самых трудных задач – трудоустройства. В связи с дефицитом средств Николаевский комитет обратился за помощью в Петроград и получил от Центрального комитета Общества денежную помощь в сумме 4360 руб.

Одной из первоочередных задач стало обучение детей. «Более жалкого состояния, в котором находились дети по прибытии их в колонии, трудно себе представить. Измученные от долгих странствований в запертых вагонах, грязные, оборванные, без белья и обуви, они будили страх за их будущее в душе каждого, наблюдавшего их». Решив проблемы питания, жилья и одежды, Комитет добился открытия специальных школ для этих детей. Уже в 1915 г. в этих школах учились 114 детей (в Новополтавке – 40, в Доброй – 38, в Ефингаре – 36). Во всех школах на завтрак дети получали хлеб и молоко. Деньги на это собирали евреи-учащиеся средних учебных заведений Николаева.

В целом за 1915 год николаевская еврейская община приняла и разместила 181 семью беженцев (каждая семья от 1 до 11 чел.). По месту жительства размещение проведено следующим образом:

Таблица 9.9.

Размещение евреев-беженцев в сельскохозяйственных колониях

<i>Место проживания</i>	<i>семей</i>	<i>человек</i>
Николаев	47	131
Новополтавка	59	233
Добрая	38	175
Ефингарь	37	161
Всего	181	700

Таблица 9.10.

Состав беженцев по полу и возрасту

<i>Возраст</i>	<i>Мужского пола</i>	<i>Женского пола</i>	<i>%</i>
До 1 года	5	5	1,5
От 1 до 3 лет	21	19	5,7
От 4 до 7 лет	36	33	9,8
От 8 до 14 лет	73	75	21,1
От 15 до 59 лет	150	213	51,9
Старше 60 лет	35	35	10
Всего	320	380	100

Как видно из таблицы, более половины прибывших (51,9%) составляли лица трудоспособного возраста. По профессиональному признаку они распределялись так:

Таблица 9.11.

Распределение евреев-беженцев по профессиям

<i>Род занятий</i>	<i>мужчины</i>	<i>женщины</i>	<i>%</i>
фабричные рабочие	1	1	0,3
чернорабочие	28	4	4,5
ремесленники	32	13	6,4
торговцы	85	22	15,3
свободные профессии	19	2	3
без определенных занятий	20	206	32,3
дети	135	132	28,2
Всего	320	380	100

Трудоустройство переселенцев превращалось в главную проблему, перед которой встал Комитет, ставивший своей целью их интеграцию в производственно-экономическую жизнь региона, в чем видел единственный способ обеспечить самостоятельную жизнедеятельность беженцев и освободить их от опеки Комитета. К сожалению, их профессиональная квалификация и тяжелые условия военного времени почти не давали возможности обеспечить работой всех беженцев, не ущемляя интересов жителей сельскохозяйственных колоний.

Кроме беженцев, прибывших на постоянное поселение, в Николаев постоянно прибывали люди, которые были вынуждены по разным причинам временно остановиться в городе. Для их временного размещения было создано общежитие, под которое арендовались 4 комнаты на 25 мест. Пребывание в общежитии допускалось на срок от 1 до 12 дней. Прибывшие обеспечивались денежным пособием и бесплатными билетами до мест их дальнейшего следования. В течение 1915 года в общежитии проживало 300 человек.

В 1916 г. в Николаев продолжали прибывать беженцы, хотя и в меньшем количестве, большинство из них расселили в колонии Романовка.

В целом, на содержание переселенцев было израсходовано:

Таблица 9.12.

Выделение средств на содержание евреев-беженцев

<i>По месту размещения беженцев</i>	<i>В 1915 году</i>	<i>В 1916 году</i>
в Николаеве	4502 руб. 04 коп.	18503 руб. 85 коп.
в Новополтавке	7434 руб. 80 коп.	18772 руб. 49 коп.
в Ефингаре	5975 руб. 28 коп.	6194 руб. 21 коп. (за 6 месяцев)
в Доброй	5931 руб. 73 коп.	16129 руб. 31 коп.
в Романовке	-	630 руб.
Всего	23813 руб. 85 коп.	60229 руб. 86 коп.

Значительный рост расходов в 1916 г. объясняется, с одной стороны, значительным остатком средств, перешедших из предыдущего года (взносы за последние месяцы); с другой стороны – налаженной системой сбора пожертвований взносов даже в условиях сокращения числа плательщиков, а также растущей инфляцией в условиях войны [отчеты]. Масштабы привлеченных средств значительно превышали бюджеты всех других благотворительных организаций Николаева.

Общество также откликалось на акции, проводившиеся во всероссийском масштабе, и выделяло средства на содержание «очага для детей беженцев в Варшаве», для беженцев из России в Палестину и другие мероприятия. Отчеты Общества отличаются точностью и конкретностью, что позволяет дать достаточно полный анализ его деятельности [392].

В целом, успешная деятельность «Николаевского комитета общества охранения здоровья еврейского населения по сбору пожертвований в пользу беженцев евреев» была возможна благодаря высоким организаторским способностям, авторитету и профессиональной квалификации его руководства, а также традиционной еврейской солидарности, которая проявлялась в экстремальных условиях. К

сожалению, вследствие революционных событий 1917 г. его деятельность была свернута, во всяком случае, сведений о дальнейшей судьбе Общества обнаружить не удалось.

Главным недостатком еврейской благотворительности в Николаеве было отсутствие единого координирующего центра, который позволил бы объединить усилия, более рационально распределить средства, избежать дублирования, которое оказывалось неизбежным при наличии большого количества благотворительных организаций в рамках относительно небольшой еврейской общины. Очевидно, первая попытка такого объединения была санкционирована «сверху» путем создания *«Николаевской комиссии по раздаче пособий бедным евреям»*, начавшей свою деятельность в 1892 г. Как говорилось в «Инструкции для комиссии по раздаче пособий бедным евреям», утвержденной военным губернатором 5 ноября того же года: «Комиссия... состоит из 8 членов, избираемых через 3 года местным еврейским обществом из среды своих единомышленников, заслуживающих общественного доверия и утверждаемых военным губернатором», позднее кандидаты утверждались градоначальником, в любом случае, администратор производил утверждение по собственному усмотрению, не всегда прислушиваясь к мнению еврейской общественности.

Отдельным примечанием указывалось: «В состав комиссии входит в качестве члена Николаевский городской раввин».

Целями деятельности комиссии были определены:

«а) заботиться об оказании помощи бедным и увечным евреям, имеющим жилище в Николаеве;

б) собирать для них пожертвования с разрешения каждый раз на то военного губернатора;

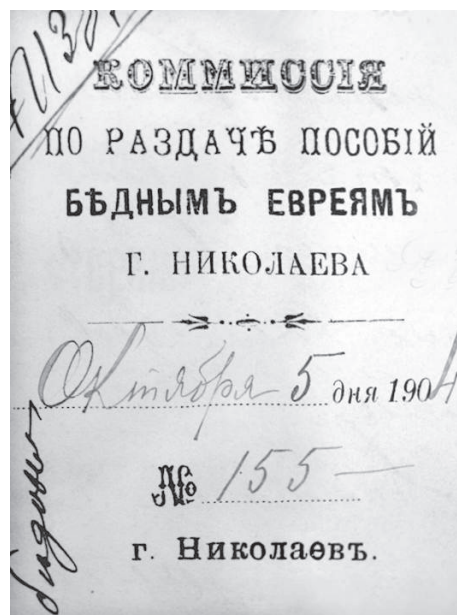
в) правильно распределять пособие между бедными евреями и назначать им таковое... из сумм коробочного сбора и частных пожертвований;

г) доставлять пищу бедным арестантам и нижним чинам в праздничные дни...;

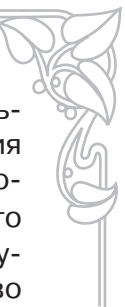
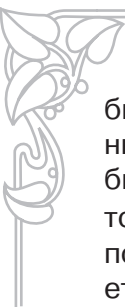
д) распределять пособия бедным учащимся из особо для того выделенной суммы». Для определения нуждающихся, комиссия должна ежегодно требовать от синагог и молитвенных домов списки нуждающихся прихожан. В соответствии с этими списками изготовлялись талоны, по которым казначей затем выдавал пособия [251, л. 5-10].

В 1894 г. по просьбе еврейского Общества и городской управы военный губернатор разрешил «...дополнить 7 пункт инструкции для комиссии по раздаче пособий бедным евреям следующим примечанием: «Комиссии предоставляется также и сбор пожертвований между николаевскими еврейскими дамами на приобретение одежды, на уплату за кормление сирот и за обучение ремеслу детей бедных родителей, с испрошением на это каждый раз разрешения Николаевского военного губернатора», а в 1904 г. градоначальником было внесено еще одно дополнение, которым пожертвования разрешалось собирать не только дамам [208, л. 9; 252, л. 12].

Комиссия получала из сумм коробочного сбора до 12000 руб. Указанная сумма

Угловой штамп Комиссии по раздаче пособий бедным евреям

была гораздо больше, чем получали из этого источника другие благотворительные организации и учреждения, это позволяет предположить, что данная комиссия была посредником между городской управой и другими организациями, среди которых она непосредственно распределяла полученную сумму (*приложение 14*). Это подтверждается информацией из обзора за 1906 год, где эта организация именуется как «Общество по раздаче пособий бедным евреям». Отмечено, что Общество получает средства из частных пожертвований и коробочного сбора. Эти средства направляются на содержание богадельни, обучение бедных детей и на единовременные пособия, на что в течение года было израсходовано 23153 руб. 94 коп. Располагая значительными финансовыми возможностями, ничем значительным, однако, данное Общество себя не проявило. Наиболее полно сохранились документы о деятельности Комиссии за 1908-1911 гг. (в этих документах она вновь упоминается с прежним названием), они представляют собой ежемесячные отчеты и ведомости по раздаче денежных пособий нуждающимся беднякам. В смете расходов коробочного сбора на этот период предусматривались субсидии на «пособие неимущим» в сумме 7920 руб. ежегодно. Ежемесячно раздавалось от 220 до 984 руб. Сумма одного пособия составляла от 50 коп. до 3 руб. За 1910 г. Комиссией роздано пособий на сумму 9920 руб. Кроме того, данной комиссии было поручено распределять средства на частичную оплату за обучение бедных еврейских детей, обучавшихся в средних и профессиональных учебных заведениях. Оплата производилась за каждое полугодие. Сумма, выделявшаяся на одного кандидата, составляла от 5 до 15 руб., в зависимости от учебного заведения. В I полугодии 1909 г. за обучение 100 человек было выплачено 763 руб., во II полугодии число учащихся сократилось до 77, сумма выплат составила 740 руб. В 1910 г. на эти цели израсходовано (по полугодиям) 693 и 706 руб.; в 1911 г., соответственно, 750 и 687 руб. В составе Комиссии состояли М.А. Бланк, Ш.К. Вишневецкий, Н.Л. Гручик, Б.И. Майорский, Б.Б. Рабинер, Л. Тумаркин, В.А. Бунцельмен, Л.Л. Фарберов. Возглавлял комиссию с 1902 г. и.о. городского раввина Л.Г. Анчилович. В дальнейшем, эта организация не упоминалась в числе действующих [47; 140; 360, с. 36; 362; 364].

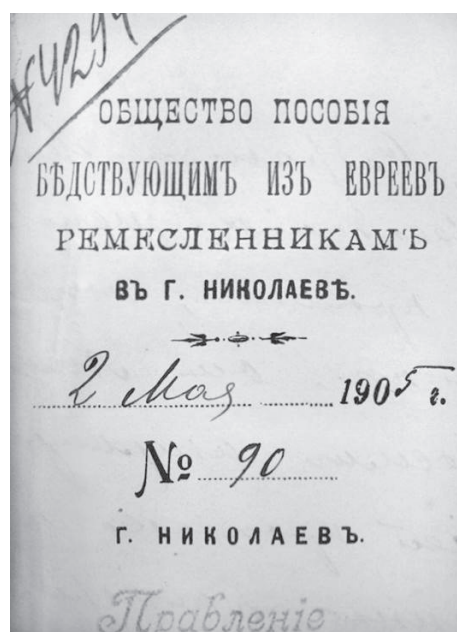
Денежные пособия раздавались Комиссией, в основном, лицам с низким уровнем доходов, которые имеют или ищут работу. Вероятно, для этой цели в 1892 г. был составлен «Список чернорабочих евреев, проживающих в Николаеве», в котором зафиксировано 68 чернорабочих с указанием численности их семей (от 3 до 7 человек). Иногда, в связи с распределением пособий, возникали конфликтные ситуации. Примером может служить инцидент, произошедший в том же 1892 г. 4 июля в канцелярию военного губернатора поступила жалоба мещанина Хаима Абрамовича Бермана. Он писал: «Как бедный и больной человек, я преимущественно проживаю тем, что я получаю разные подаяния и этим содерживаю жену и также дочь мою. До января месяца я получал из сумм коробочного сбора ежемесячное пособие, но, начиная с 1892 года, мне в таковом отказывают, между тем как выдают пособие лицам, способным к труду. Когда я явился этою зимой с просьбой дать мне тоже пособие, то член комитета коробочного сбора Цукер приказал чернорабочим, чтобы меня побили, то же самое произошло и 2 июля сего года». По жалобе было назначено расследование. 10 июля того же года городской раввин Х-Б. Богров объяснял ситуацию так: «Как он [Х. Берман – В.Щ.], так и жена его занимаются нищенством и ходят из дома в дом за милостынею, по неоднократному же решению комиссии и по всей справедливости таким лицам пособия не выдаются, так как комиссия едва в состоянии удовлетворить даже тех несчастных бедных, которые, не имея никаких средств бороться с бедностью, решаются переносить голод и всевозможные ли-

шения, нежели простирать руку за подаванием. Профессиональные же нищие, особенно если два или три члена семьи собирают милостыню, легко могут обойтись и без общественной помощи. Что касается жалобы Бермана на то, что его побили, то, по собранной мною справке, бить его никогда не били, а если его когда-нибудь выводили из места раздачи пособий, то вследствие его крайне дерзких приставаний и невозможного поведения» [251, л. 3-4, 13-14,]. Довольно трудно согласиться с тезисом раввина по поводу справедливости распределения пособий. Такой подход лишний раз убеждает, что среди членов комиссии не было тех, кто по-настоящему понимал потребности бедняков, сытый редко способен понять голодного. Фактически раввин предлагал просителю прекратить собирать милостыню и обречь свою семью на голодную смерть.

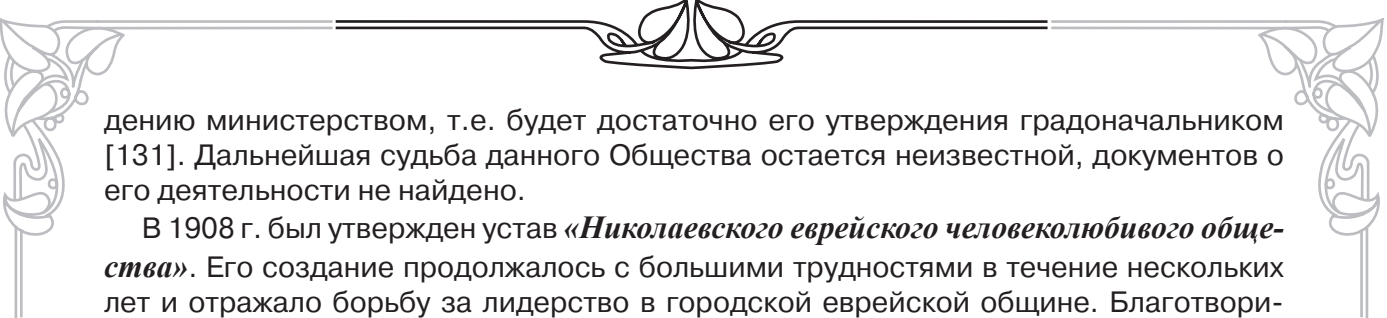
В ноябре 1904 г. на имя Николаевского градоначальника А.С. Загорянского-Киселя было подано прошение от евреев-ремесленников, которые просили разрешить создание и утвердить устав «*Общества пособия бедствующим из евреев ремесленникам г. Николаева*». Просители подчеркивали: «Хотя в Николаеве и существует общество пособия бедным евреям, с одной стороны, обладающее очень мизерными средствами, а с другой стороны, оно обязано заботиться вообще о многочисленных бедных и нищих из евреев. Забота же о ремесленниках нуждается в специальной организации. Этот класс считает для себя позором обращаться за помощью не в свою среду, к обществу, членом которого не состоит и в средствах которого участия не имеет». Устав был утвержден градоначальником, но никаких существенных следов деятельности Общества в дальнейшем обнаружить не удалось [426].

В. 1905 г. к градоначальнику А.С. Загорянскому-Киселю обратилась «группа интеллигентных обывателей-евреев» с прошением по созданию «*Общества помощи нуждающимся учащимся еврейского женского профессионального училища и еврейской субботней женской школы, учрежденных Ф.С. Вулих*». Данное учебное заведение переживало в это время серьезные финансовые трудности. Сохранилась переписка следующего градоначальника В.М. Зацаренного с городской полицией по этому поводу, но дальнейшая судьба данного общества неизвестна, возможно, оно так и не было создано [130].

В начале 1905 г. к инспектору народных училищ 5 района Херсонской губернии К.А. Пятницкому обратилась инициативная группа из николаевских евреев в составе Ю. Фельдштейна, Г. Михельсона, Ш.А. Билянского, М.А. Гольдина, Х. Либмана, Т.Б. Скобленкова с просьбой ходатайствовать перед градоначальником о возможности создания «*Общества пособия нуждающимся меламедам и учителям-евреям г. Николаева*». Ими был подан проект устава Общества. Передавая его градоначальнику с просьбой об утверждении, К.А. Пятницкий подчеркнул: «...что материальная необеспеченность лиц названной профессии, по моим наблюдениям, заслуживает участия и проектируемое Общество хотя бы облегчит их существование». Проект устава отправили на утверждение в МВД, но вскоре его возвратили назад, т.к. министр посчитал, что он не подлежит утверж-

Угловой штамп Общества пособия бедствующим из евреев ремесленникам

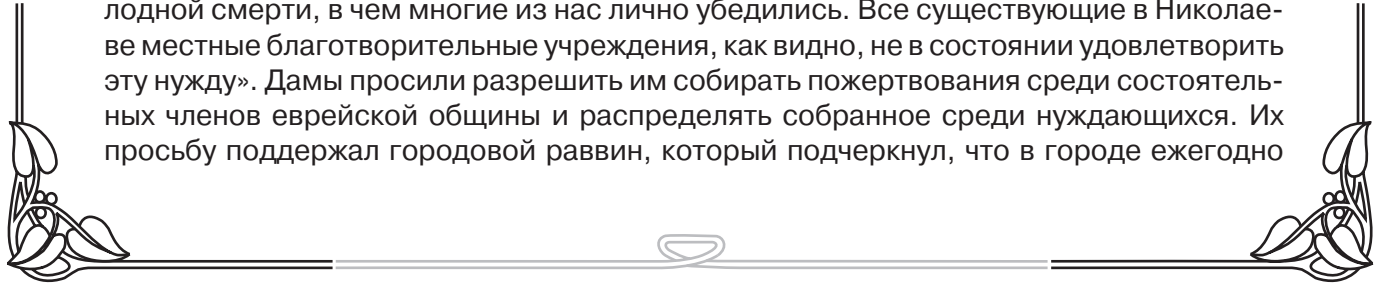
дению министерством, т.е. будет достаточно его утверждения градоначальником [131]. Дальнейшая судьба данного Общества остается неизвестной, документов о его деятельности не найдено.

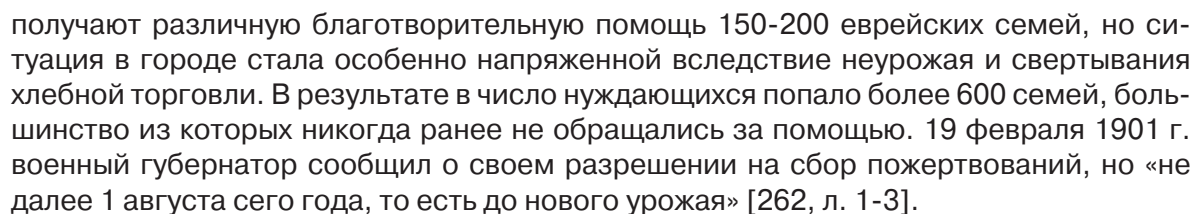
В 1908 г. был утвержден устав *«Николаевского еврейского человеколюбивого общества»*. Его создание продолжалось с большими трудностями в течение нескольких лет и отражало борьбу за лидерство в городской еврейской общине. Благотворительность превращалась в достаточно престижное занятие, и появлялось достаточно желающих повысить свой общественный статус с ее помощью. Как отмечала газета «Рассвет»: «В Николаеве (март 1908 г.) обсуждается вопрос об учреждении еврейского человеколюбивого Общества. Предполагается в пользу Общества ввести обложение каждого еврея в сумме 1 коп. в день. Инициаторами создания Общества выступили Вишневецкий, Раппепорт, Дульцин. Новое Общество предполагается как координирующий орган, в состав которого должны войти все существующие благотворительные организации» [582, 1908, № 12, с. 36]. Основатели Общества намеревались объединить под своим руководством всю еврейскую благотворительность города. Среди них были, в основном, купцы и мещане. Интеллигенция отнеслась к нему достаточно прохладно и почти не принимала участия в деятельности Общества, что также было отмечено газетой «Рассвет»: «В Николаеве состоялось учредительное собрание «Еврейского человеколюбивого Общества», которое прошло крайне неудачно, без участия интеллигенции». Данное Общество упоминается в списке благотворительных организаций за 1913 г. [160, л. 44; 582, 1908, № 36, ст. 21].

Устав данной организации, даже в формулировке целей, почти полностью дублировал устав «Общества пособия бедным евреям». Амбициозным планам основателей так и не суждено было осуществиться. Общество просуществовало недолго и исчезло незаметно [423].

Помимо деятельности благотворительных организаций, состоятельные члены еврейской общины, по собственной инициативе, регулярно организовывали сбор средств на различные нужды бедняков. Традиционным становится ежегодный сбор средств на топливо для бедных, который проводился в осенне-зимний период под руководством городского раввина. На любое такое мероприятие необходимо было получить разрешение военного губернатора. К примеру, 14 октября 1890 г. раввин Х. Богров просил разрешить ему «...вместе с отдельными зажиточными лицами еврейского общества, по примеру прошлых лет, собирать между состоятельными евреями пожертвования для топлива бедному люду». Далее он подчеркивал: «Собранные... деньги имеют быть переданы вышеозначенной комиссии, которая распорядится раздать их наиболее нуждающимся». 15 октября военный губернатор Р.А. Гренкист дал разрешение на сбор средств. После того, как средства были собраны, военному губернатору был подан отчет. В числе жертвователей отмечено 185 человек. Суммы пожертвований колеблются от 20 коп. до 50 руб., большинство пожертвований составляло по 3-5 руб. «Всего пожертвовано деньгами 902 руб. 30 коп., углем – 250 пудов, дровами – 1¹/₂ сажени» [241, л. 2, 6-7].

18 февраля 1900 г. военному губернатору поступило письмо от жен еврейских врачей и купцов. Они писали: «Местные жители-евреи претерпевают в нынешнем году крайнюю нужду, требующую немедленной помощи, ввиду угрожающей многим голодной смерти, в чем многие из нас лично убедились. Все существующие в Николаеве местные благотворительные учреждения, как видно, не в состоянии удовлетворить эту нужду». Дамы просили разрешить им собирать пожертвования среди состоятельных членов еврейской общины и распределять собранное среди нуждающихся. Их просьбу поддержал городской раввин, который подчеркнул, что в городе ежегодно

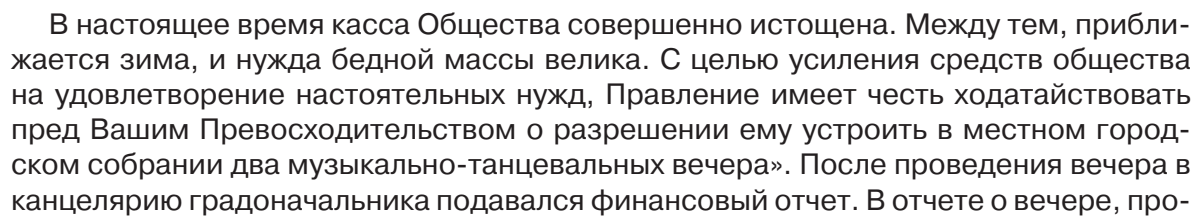

получают различную благотворительную помощь 150-200 еврейских семей, но ситуация в городе стала особенно напряженной вследствие неурожая и свертывания хлебной торговли. В результате в число нуждающихся попало более 600 семей, большинство из которых никогда ранее не обращались за помощью. 19 февраля 1901 г. военный губернатор сообщил о своем разрешении на сбор пожертвований, но «не далее 1 августа сего года, то есть до нового урожая» [262, л. 1-3].

Евреи принимали достаточно активное участие в различных общегородских благотворительных учреждениях и мероприятиях. Так, в составе правления «Общества пособия отставным нижним чинам, призванным на военную службу» в качестве члена правления состоял купец Ф.-С. Злочевский, кандидатом в члены правления С.М. Эрлих, участковыми попечителями – Г.М. Бродский и С.О. Гольдберг. Когда в начале I Мировой войны «Обществом по охране народного здоровья» было создано «Убежище для детей рабочих», в состав его попечительного совета вошли Ф.С. Вулих, Р.Г. Варшавер, Я.Г. Раппепорт, Е.С. Тимен [94, л. 12; 57, л. 77;].

Следует отметить, что вся деятельность еврейских благотворительных организаций находилась под патронатом Министерства внутренних дел. Местная власть и полиция мелочно контролировали их деятельность. О любом собрании членов Общества или заседании правления следовало предварительно доложить в канцелярию градоначальника с указанием повестки дня или перечнем вопросов, которые будут обсуждаться. Все члены правления и должностные лица, избираемые обществами, обязательно утверждались градоначальником после проверки их благонадежности. К примеру, когда 15 мая 1902 г. попечительный совет еврейской богадельни сообщил градоначальнику об избрании новых членов и нового состава ревизионной комиссии, им был направлен запрос в жандармское управление. Только после того, как помощник начальника Херсонского жандармского управления в Николаеве ответил, что об указанных лицах «неблагоприятных сведений не имеется», градоначальник утвердил результаты выборов [116]. В том же году правление «Общества пособия бедным евреям» сообщило градоначальнику, что по жребию в состав правления были избраны новые члены. В их числе учитель Николаевского казенного еврейского училища Хаим Хаимович Фиалков, кандидатами в члены правления – зубной врач Савелий Мионович Брусиловский и мещанин Самуил Моисеевич Шаргородский. На них был передан запрос в полицию и жандармское управление для выяснения их благонадежности. Если по первым двум кандидатурам отзывы получены позитивные, то по третьей было получено специальное секретное письмо из департамента полиции МВД. В нем говорилось, что С. Шаргородский привлекался к дознанию о принадлежности к одесскому революционному кружку, был сослан в Восточную Сибирь, затем находился под надзором полиции, далее подчеркивалось, что в последнее время он замечен «в сношениях с лицами, неблагонадежными в политическом отношении». Этих сведений было достаточно, чтобы отказать в утверждении данной кандидатуры. Таким образом, власти стремились предотвратить любую возможность возникновения политических мотивов в деятельности благотворительных организаций [117].

Таким же тщательным был контроль городской администрации и над проведением массовых благотворительных мероприятий. На их проведение запрашивалось разрешение градоначальника. Организаторы должны были убедительно аргументировать острую необходимость в проведении такого мероприятия. В качестве примера можно привести прошение правления «Общества пособия бедным евреям», поданное градоначальнику 31 октября 1902 г. В нем говорилось: «Одним из источников дохода Общества служат благотворительные музыкально-танцевальные вечера, устраиваемые Обществом в местном городском собрании.

В настоящее время касса Общества совершенно истощена. Между тем, приближается зима, и нужда бедной массы велика. С целью усиления средств общества на удовлетворение настоятельных нужд, Правление имеет честь ходатайствовать пред Вашим Превосходительством о разрешении ему устроить в местном городском собрании два музыкально-танцевальных вечера». После проведения вечера в канцелярию градоначальника подавался финансовый отчет. В отчете о вечере, проведенном 30 ноября 1902 г., показаны основные статьи дохода: оплата за места – от 50 коп. (для школьников) до 15 руб. (ложи), всего продано 385 мест (билетов); благотворительный сбор (со всех присутствовавших) в суммах от 38 коп. до 3 руб. 90 коп. отдельно приложен список жертвователей – всего 224 человека в суммах от 1 руб. 20 коп. до 16 руб. 50 коп. В числе жертвователей указан и городской голова И.А. Баптизманский [105, л. 38, 42].

В связи с революционными событиями 1905 г. бдительность и подозрительность властей усилились. Когда в декабре 1906 г. правление «Общества пособия бедствующим из евреев ремесленникам» попросило разрешения на проведение благотворительного вечера в танцевальном зале «Лиры», на прошении была написана виза полицмейстера, который предостерегал об «..опасности в пожарном отношении на случай большого скопления публики». То, что написано далее, убеждает, что этой фразой он предлагал градоначальнику повод для запрещения мероприятия. А далее говорилось: «В этом танцевальном зале, как носятся слухи, обсуждаются политические вопросы, собирающимися туда молодыми людьми, пользующимися свободным туда входом». Жандармский ротмистр Ерандаков добавил: «Устройство подобных общественных собраний в частных помещениях весьма нежелательно». Градоначальник В.М. Зацаренный долго не колебался – 13 января 1908 г. он ответил просителям, что устройство вечера «...не нахожу возможным разрешить, ввиду опасности названного зала в пожарном отношении при большом скоплении публики» [141, л. 67].

Случались и достаточно курьезные ситуации. К примеру, то же Общество 26 июня 1907 г. просило разрешить организовать гуляние «с продажей спиртных напитков в саду комитета трезвости» [141, л. 147].

Бурное развитие различных форм еврейской благотворительности в конце XIX – начале XX вв. свидетельствовало о неутраченной способности евреев города к взаимопомощи, консолидации и солидарности в решении острых социальных проблем, что было признаком полноценности и жизнеспособности еврейской общины. Но при этом так и не была реализована возможность к объединению большинства благотворительных организаций, которые решали сходные, а порой и одинаковые задачи, что было свидетельством сохранения традиционного еврейского плюрализма.

Не вызывает сомнения, что только через благотворительность и филантропию было невозможно решить те острые социальные проблемы, которые стояли перед еврейской общиной, но такой подход позволял, хотя бы частично, сгладить контрасты между бедностью и богатством и помогал выжить, получить образование, найти работу сотням нуждавшихся.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Вклад врачей-евреев в становление городского здравоохранения

Становление системы здравоохранения в г. Николаеве во II половине XIX – начале XX вв. было бы невозможно представить без активного участия евреев.

В 1852 г. в Николаев прибыл Иосиф Соломонович Каменецкий, который «...был первым из врачей, поселившихся в Николаеве с целью заняться вольной практикой. До него Николаев не знал такого типа врачей, знал он врачей морских, военных, но о вольноопределяющихся врачах Николаев в то время еще и понятия не имел». Доктор пользовался исключительным авторитетом среди жителей города. С 1887 по 1892 гг. он был попечителем еврейской больницы, несколько сроков избирал-

Аптека Ландау

Аптечная посуда из еврейских аптек
г. Николаева кон. XIX – нач. XX вв.

(Музей Николаевского общества еврейской культуры)

проживающих в городе Николаеве Херсонской губернии», составленном в 1871 г. Николаевской полицией по распоряжению МВД, всего зафиксировано 6 врачей, в том числе «отставной штаб-лекарь» Эдуард Гольдман, а также «вольнопрактикующие лекари» Герман Зайднер и Осип (Иосиф) Каменецкий [213, л. 5].

В конце 1888 г. для предоставления в МВД был составлен «Список вольнопрактикующим врачам, ветеринарам, фармацевтам, фельдшерам, фельдшерицам, акушеркам и повивальным бабкам, проживающим в г. Николаеве». В числе 16 «вольнопрактикующих врачей» указаны Абрам Иосифович Матусовский, Герасим (Герман) Самойлович Зайднер, Савелий Исаакович Давидсон, Иосиф Самойлович Каменецкий, Иосиф Тимофеевич Абрютин, Давид Владимирович Тарле, Яков Гейманович Раппепорт, Моисей Яковлевич Кальварский, Григорий Семенович Немировский, т.е. врачи-евреи в этом списке составляют 56,3%. В списке врачей женщин только 2 человека – Доротея Павловна Симонович и Анна Осиповна Гольберг. В списке провизоров и фармацевтов из 19 человек евреи составляют 11 (57,9%). Из 16 акушерок и повивальных бабок евреек 5 (30,2%). Нет евреев только в списках фельдшеров и фельдшериц [236, л. 5-6].

Одна из самых известных и популярных аптек в городе была основана в 70-х гг. по Большой Морской улице в доме № 61 Себастианом Моисеевичем Ландау, который впоследствии открыл еще и филиал. Об обороте аптеки говорит то, что в течение года здесь отпускались лекарства более чем по 14 тыс. рецептов. Дело основателя в конце XIX в. продолжали его наследники. При аптеке был открыт кабинет для целей диагностики, где проводились различные анализы, необходимые для постановки диагноза. Аптека Ландау бесплатно отпускала лекарства малоимущим пациентам еврейской больницы, еврейской богадельне, детским приютам и другим благотворительным учреждениям. В 1909 аптеку приобрел провизор Л.А. Кац [523].

Херсонская исследовательница О.В. Гренибург, анализируя медико-

ся гласным городской Думы. Он умер в 1901 г. и завещал около 40 тыс. руб. благотворительным организациям (это было одно из самых крупных частных пожертвований на благотворительные нужды), в том числе 10 тыс. руб. на дешевую еврейскую столовую, 5 тыс. – на 2 стипендии при гимназии и реальном училище для лиц иудейского вероисповедания, 5 тыс. – на «кормление голодных». Кроме того, подарил благотворительным организациям 2 дома [579, 1901, № 54, ст. 11-12; № 58, ст. 18].

В «Списке о числе отставных, занимающихся практикою, а также не бывших на службе вольнопрактикующих врачей,

Этикетки для лекарств из еврейских аптек
г. Николаева кон. XIX – нач. XX вв.

(Музей Николаевского общества еврейской культуры)

Николаевская городская больница
(с фотографии нач. XX в.)

санитарные отчеты земских врачей Херсонской губернии за 80-90-е гг., обращает внимание на то, что в них фиксировалась более высокая продолжительность жизни, меньший процент смертности (в том числе детской) среди евреев, что объясняли их более высоким уровнем жизни по сравнению с христианами [460, с. 35]. Имеет смысл отметить и более цивилизованное отношение к медицине и врачебной помощи, а со временем – и лучшее медицинское обеспечение, совершенствованием которого настойчиво занималась еврейская община. Это особо подчеркивал в 1900 г. николаевский врач В.М. Маркелов в «Медико-санитарном очерке», опубликованном в «Адрес-календаре» г. Николаева за 1900 г. Данный очерк настолько интересен, что мы позволили себе поместить его полностью в приложении к книге (*приложение 11*). Мнение врача подтверждается статистическими данными, приведенными в таблице (*приложение 23*). Показатели смертности на 1 тыс. еврейского населения за весь период с 1870 по 1914 г. ни разу не превысили соответствующий общегородской показатель. Только в 1912 г. показатель еврейской смертности был равен общегородскому, в остальные годы он был ниже, в среднем, на 1/3. Противоположная тенденция наблюдалась по показателям рождаемости. Вплоть до 1906 г. показатель рождаемости на 1 тыс. еврейского населения оказывался, в среднем, на 15-20% выше общегородского. С 1906 г. наблюдалось снижение рождаемости, и показатель среди еврейского населения оказывался ниже общегородского.

Евреи никогда не назначались на должность главного врача Николаевского градоначальства, т. к. подобное назначение никогда не было бы утверждено МВД, но, несмотря на существовавшие ограничения, они служили на должностях санитарных врачей. С 1889 г. назначены санитарными врачами Авраам Юдкович (Адольф Ильич) Каллегорский – в I и II Адмиралтейских частях и Яков Гецелевич Топаз (Тапоз) – в Одесской и Московской частях города. В 1900 г. оба представлены к присвоению чина надворного советника [96, л. 22-27].

Евреев было достаточно много в числе врачей Николаевской городской больницы, которая была главным лечебным учреждением для гражданского населения города. В 1895 г. сверхштатным ординатором этой больницы назначен Зельман Меерович Остринский, который в 1900 г. был представлен к чину титулярного советника. В 1900-1902 гг. среди медицинского персонала городской больницы упоминаются врачи Б. Броун, Иогомей Соломонович Тимен, ст. ординатор Савелий Исидорович Давидсон, мл. ординатор Елеазар Савельевич Шульмейстер, сверхштатные врачи Владимир Давидович Грозенштейн, Михаил Абрамович Каменер, фармацевты Иосиф Леопольдович Шварцах, Казимир Осипович Шварцах [96, л. 28; 427, с. 148; 428, с. 147].

Сохранился послужной список врача В.Д. Грозенштейна (1900 г.), в котором указывалось: «По окончании медицинских наук в Императорском Харьковском университете, медицинской испытательной комиссией при означенном университете удостоен степени лекаря. Постановлением попечительского совета Николаевской городской больницы определен с 26 ноября 1896 г. сверхштатным ординатором Николаевской городской больницы и утвержден в этой должности предложением военного губернатора». Позже он был утвержден сверхштатным ординатором еще в Херсонской губернской больнице, что было утверждено специальным приказом МВД [133].

В числе врачей Николаевского военного госпиталя евреев не было, что объяснялось узаконенными запретами на занятие евреями должностей военных врачей.

Врачи-евреи были организаторами нескольких частных лечебных учреждений в Николаеве, которые часто были первыми медицинскими учреждениями такого профиля в городе.

Одна из первых попыток открытия в городе частного лечебного учреждения была предпринята врачами С. Гольденбергом, Е. Шульмейстером и Л. Хасиным, которые 11 июля 1891 г. обратились к военному губернатору с прошением, в котором говорилось: «Желая открыть в городе Николаеве лечебницу для приходящих, с целью

Водолечебница М.Г. Кенигсберга
(с открытия начала XX в.)

облегчить бедному сословию города медицинское пособие...», врачи просили ходатайствовать об утверждении проекта устава лечебницы и разрешении на ее открытие. Ответ последовал уже 15 июля. Из городской полиции просителям сообщили, что «Его Превосходительство военный губернатор изволил отказать». Никаких объяснений или мотивировки не последовало [245, л. 1, 4].

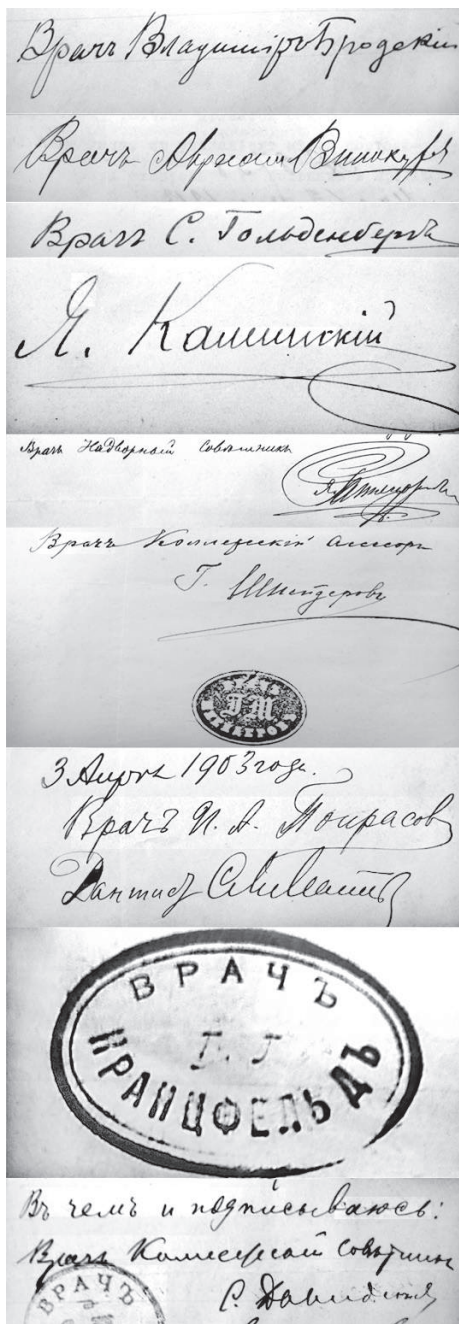
С превращением Николаева в начале XX в. в градоначальство ситуация стала меняться в лучшую сторону. Это было связано с ростом населения, в связи с чем все сильнее ощущалась потребность в расширении сферы медицинского обслуживания.

Одним из наиболее заметных явлений в истории николаевского здравоохранения стало открытие водолечебницы доктора Михаила Григорьевича (Германовича) Кенигсберга, которое состоялось 29 июля 1901 г. Как писал корреспондент газеты «Южанин», присутствовавший на ее открытии: «Вообще лечебница Кенигсберга как по архитектуре, так и по приспособлениям для водолечения, по мнению специалистов, представляет собой последнее слово науки и может занять первое место на Юге». Действительно, новое лечебное учреждение могло предоставлять пациентам наиболее прогрессивные методики лечения и профилактики достаточно широкого круга заболеваний. Лечебница работала ежедневно, ее пропускная способность составляла до 50 человек в день. Кроме М.Г. Кенигсберга, в лечебном заведении работали врачи М.Я. Кальварский и Д.П. Симонович-Варшавская. Основатель водолечебницы, кроме того, имел обширную врачебную практику, был известным благотворителем, принимал участие в политической жизни. Семья Кенигсбергов дала Николаеву двух врачей, врачом стала Анна Григорьевна (Германовна) Кенигсберг – младшая сестра Михаила Григорьевича [550].

16 марта 1901 г. поступило прошение градоначальнику от врача Соломона Голь-

Дом М.Г. Кенигсберга

Автографы и печати врачей-евреев
г. Николаева

денберга об открытии им в Николаеве лечебницы по венерическим, мочеполовым и кожным болезням. В прошении, в частности, подчеркивается: «Занимаясь в продолжение 11 лет врачебной практикой исключительно по отделу венерических, мочеполовых и кожных болезней.., [считаю, что] было бы крайне удобным как для больных, так и для себя, устройство специальной лечебницы со всеми приспособлениями, требуемых современной наукой, в которой больные с заразной формой могли бы быть изолированы от окружающих, так и для применения соответствующих форм лечения». На прошение положительно отозвался главный врач Николаевского градоначальства А. Ратнер, который осмотрел помещение будущей лечебницы, о чем докладывал градоначальнику: «Мною осмотрено помещение лечебницы для приходящих больных венерическими, мочеполовыми и кожными болезнями врача С.В. Гольденберга, находящееся на Потемкинской улице во дворе дома № 37/2, причем оказалось, что лечебница оборудована всеми необходимыми приспособлениями и инструментами для специального лечения. Для стационарных больных во дворе во флигеле отведены 4 светлых комнаты». После утверждения устава лечебного учреждения в МВД последовало разрешение градоначальника С.В. Гольденбергу на открытие лечебницы [109].

В «Адрес-календаре» за 1902 г. в числе действовавших лечебных учреждений указаны хирургическая лечебница Вулиха Леонидовича Броуна, а также «Первая частная лечебница для приходящих» (ул. Московская, № 18), в числе ее сотрудников – распорядитель Абрам Моисеевич Комаровский, врачи Абрам Манусович Винокуров, Владимир Израилевич Бродский, Иона Менахемович Айнберг; [428, с. 152].

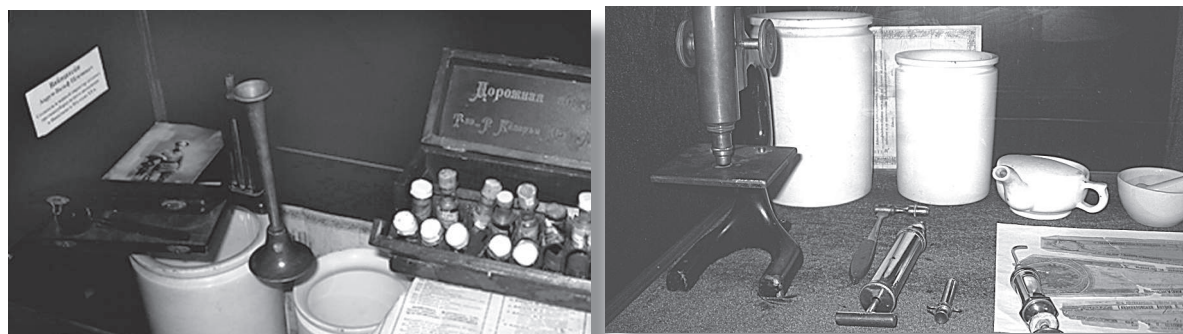
11 июля 1902 г. врач Иона Менахемович Айнберг обратился к николаевскому градоначальнику О.А. Энквисту с прошением о разрешении открыть лечебницу по зубным болезням. Врач отмечал, что лечебница «...дала бы возможность бедному классу населения за малое вознаграждение получить необходимую помощь по болезням полости рта, которую состоятельные люди получают в частных зубоврачебных кабинетах». Положительно отозвался о возможности открытия лечебного учреждения главный врач Николаевского градоначальства. Проект устава лечебницы был отослан в медицинский департамент МВД, откуда 12 октября 1902 г. пришло сообщение о том, что устав утвержден товарищем (заместителем) министра внутренних дел. Николаевскому градоначальнику рекомендовали разрешить открыть

заведение. 10 января 1903 г. главный врач градоначальства проверил помещения и доложил градоначальнику: «Лечебница помещается на Московской улице в доме Белича № 18, состоит из пяти достаточно обширных комнат: 1-я, зал для ожидающих приема; 2-я, кабинет, снабженный всеми необходимыми инструментами для диагностики и лечения; в 3-й комнате имеются две койки для стационарных больных; 4-я, для технических работ; 5-я, для прислуги и техника. Помещения снабжены достаточным количеством белья и всеми необходимыми специальными инструментами. На основе вышеизложенного, имею честь Ваше Превосходительство просить о разрешении врачу Айнбергу открыть действие лечебницы». 29 января 1903 года последовало распоряжение градоначальника – разрешить врачу И.М. Айнбергу «открыть для общего пользования устроенную им лечебницу» [118].

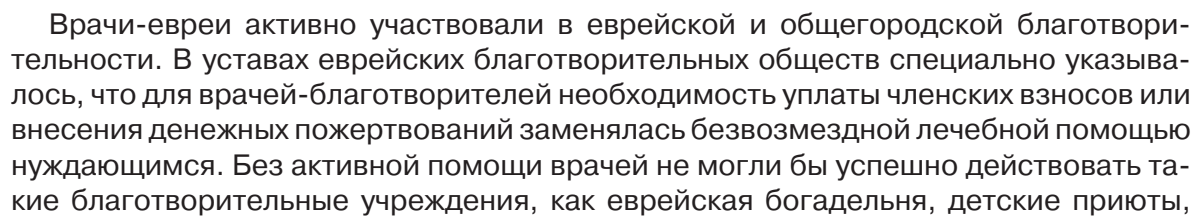
3 апреля 1903 г. к градоначальнику обратились врач И.А. Покрасов и дантист С.М. Мальт с прошением об открытии лечебницы по зубным, внутренним и детским болезням. Было запрошено мнение главного врача градоначальства, который дал такой ответ: «Чсть имею донести Вашему Превосходительству, что, так как такого рода лечебницы стремятся к тому, чтобы сделать медицинскую помощь более доступной для среднего бедного состояния людей, то препятствий к удовлетворению ходатайства врача Покрасова и дантиста Мальта не встречаю». 14 июня 1904 г. устав лечебного учреждения был утвержден товарищем министра внутренних дел, и вскоре лечебница начала свою деятельность.

В мае 1913 г. к градоначальнику обратился врач Авраам Манусович Винокуров с прошением об открытии частной лечебницы по акушерству и женским болезням. В проекте устава было сказано: «Лечебница учреждается с целью доставить страдающим женскими болезнями и роженицам возможность пользоваться лечением, удовлетворяющим современным научным требованиям, а также соответствующим помещением и уходом». Помещения лечебницы были обследованы старшим врачом градоначальства, который отметил, что они «вполне соответствуют своему назначению». Устав был рассмотрен и утвержден градоначальником и «Херсонским губернским правлением по врачебному отделению» в октябре 1913 г., после чего лечебница начала свою деятельность [157].

Нельзя не отметить, что большинство врачей-евреев имели обширную частную практику, при этом большинство их пациентов составляли христиане. Для того, чтобы заслужить авторитет и доверие со стороны пациентов-христиан, врач-еврей должен был не только не уступать по уровню квалификации своему коллеге христианину, но и превосходить его. Не случайно среди жителей города постепенно формируется устойчивый стереотип относительно того, что врач-еврей – это всегда хороший врач.

Врачебные и медицинские принадлежности
кон. XIX – нач. XX вв.
(Музей Николаевского общества еврейской культуры)

Врачи-евреи активно участвовали в еврейской и общегородской благотворительности. В уставах еврейских благотворительных обществ специально указывалось, что для врачей-благотворителей необходимость уплаты членских взносов или внесения денежных пожертвований заменялась безвозмездной лечебной помощью нуждающимся. Без активной помощи врачей не могли бы успешно действовать такие благотворительные учреждения, как еврейская богадельня, детские приюты, бесплатная врачебная помощь оказывалась воспитанникам Талмуд-Торы, учащимся частных училищ Ф. Вулих и Л.Д. Баскиной, в которых обучались дети еврейской бедноты.

Об исключительном значении евреев в деле организации здравоохранения в Николаеве в начале XX в. свидетельствуют материалы, подготовленные к отчету Николаевского градоначальства за 1902 г. В них зафиксировано, что из 44 врачей, обслуживавших гражданское население, 23 (52,3%) были евреями (среди врачей военного и морского ведомств евреев не было); из 5 зубных врачей – четверо евреев; из 10 дантистов – 6 евреев; из 47 акушерок 16 евреек (34%); из 22 фельдшеров и фельдшерниц трое евреев; из 14 массажисток евреек 3; из 25 аптекарских магазинов 24 содержались евреями [112, л. 267, 284-290]. По данным за 1910 г., из 15 фельдшеров евреев было 4 (явно сказывались трудности с приобретением евреями этой квалификации, т.к. единственным заведением, готовившим фельдшеров, была школа при военном госпитале, куда их не принимали). Из 8 акушерок-фельдшерниц было 3 еврейки, из 88 повивальных бабок – 62 еврейки, из 10 массажисток – 6. Из 20 зубных врачей – 17 были евреями, из 9 дантистов – 5 евреев [145, л. 32-70].

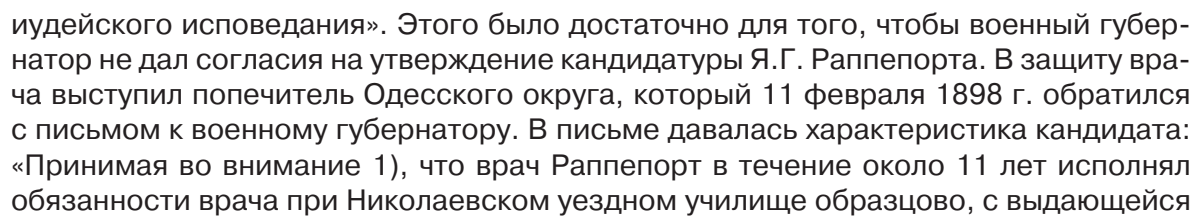
Одним из основателей «Общества врачей г. Николаева», созданного в 1887 г., был С.И. Давидзон, в 1901 г. из 17 действительных членов было 9 евреев, из 4 провизоров евреев – 2 [428, с. 156]. В Николаевском отделе Российского императорского общества охраны народного здоровья долгие годы секретарем был Я.Г. Раппепорт.

В октябре 1910 г. к николаевскому градоначальнику А.И. Мязговскому обратилась группа зубных врачей и дантистов из 10 человек, 7 из которых были евреями. Они просили разрешить создание Общества дантистов и зубных врачей под названием «Николаевское одонтологическое общество». В проекте его устава говорилось: Общество создается в Николаеве с целью содействовать:

- а) прогрессу зубоврачебных знаний как в научном, так и в практическом смысле;
- б) распространению в публике правильных понятий по гигиене зубов;
- в) установлению взаимных коллегиальных отношений между членами Общества;
- г) составление постоянного фонда для целей научных и взаимопомощи...;
- д) дать возможность членам Общества приобретать зубоврачебные инструменты и материалы по удешевленным ценам.

20 января на заседании «Николаевского особого по делам об обществах присутствия», под председательством градоначальника, было принято решение: «Разрешить регистрацию «Николаевского одонтологического общества» [149].

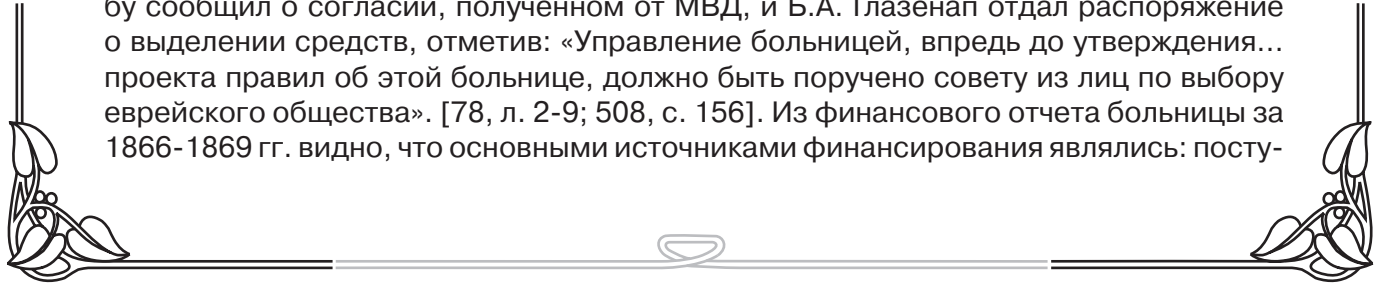
Не обходилось и без фактов дискриминации по отношению к врачам-евреям. Самый известный случай связан с деятельностью Якова Геймановича Раппепорта, который с 1877 г. исполнял обязанности врача при Николаевском уездном училище. Когда в 1898 г. началась его реорганизация (в городское четырехклассное), потребовалось вновь утвердить всех его сотрудников на своих должностях. Документы подали военному губернатору Н.В. Копытову, при этом медицинский инспектор Николаевского порта Софроницкий указал «...на неудобство иметь при училище врача

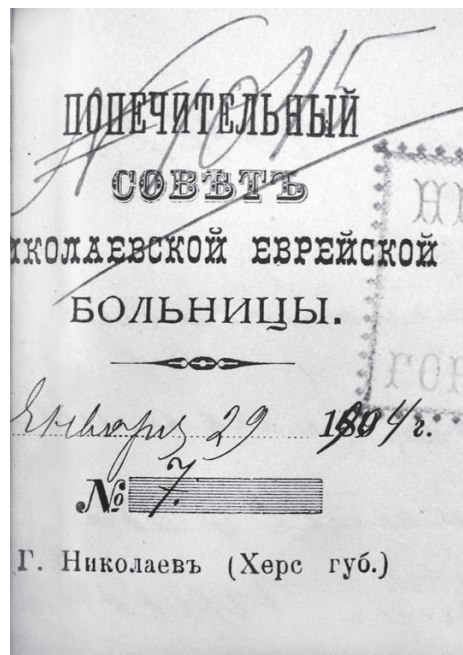

иудейского исповедания». Этого было достаточно для того, чтобы военный губернатор не дал согласия на утверждение кандидатуры Я.Г. Раппепорта. В защиту врача выступил попечитель Одесского округа, который 11 февраля 1898 г. обратился с письмом к военному губернатору. В письме давалась характеристика кандидата: «Принимая во внимание 1), что врач Раппепорт в течение около 11 лет исполнял обязанности врача при Николаевском уездном училище образцово, с выдающейся добросовестностью, причем, не говоря уже о постоянном посещении им училища и оказании помощи на дому, благодаря примерному вниманию и заботливости г. Раппепорта даже во время эпидемий... число больных в училище было весьма незначительно; 2), что он не уволен до сих пор со службы и, таким образом, имеется ввиду не назначение, оставление его в училище, преобразованном в городское...; 3), что иудейское вероисповедание г. Раппепорта не оказывало неблагоприятного влияния на служащих и учащихся в уездном училище в течение столь продолжительного времени... Ввиду вышеприведенных соображений, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство почтить меня уведомлением, не признаете ли Вы возможным изъявить согласие на утверждение г. Раппепорта врачом в Николаевское городское училище». Видимо, ответа на письмо не последовало, к тому же Н.В. Копытов был переведен в Петербург. В связи с этим Я.Г. Раппепорт сам обращается к военному губернатору с прошением «выдать удостоверение, что со стороны военного губернатора» о том, что нет препятствий к утверждению его в должности. На свое прошение врач получил ответ из канцелярии военного губернатора, в котором сообщалось, что «...Его Превосходительство исполняющий должность военного губернатора контр-адмирал Тикоцкий не находит возможным изменять решения по данному вопросу предшественника его» [94].

Николаевская еврейская больница

С ростом еврейского населения в Николаеве перед еврейской общиной уже с начала 60-х гг. встал вопрос о необходимости создания еврейской больницы. Это событие откладывалось в связи с отсутствием средств. Возможность реализации этого замысла появилась лишь к середине десятилетия. 5 ноября 1865 г. городской голова доложил военному губернатору: «Николаевское еврейское купеческое общество приговором, составленным 28 числа октября сего года, ходатайствует об учреждении в городе Николаеве для беднейших евреев больницы на десять кроватей... с тем, впрочем, чтобы из сумм коробочного сбора было отпущено на первоначальное устройство больницы этой 800 руб. и на шестимесячное содержание больных по 100 руб. в месяц – 600 руб., всего 1400 руб. серебром до тех пор, пока расход сей будет внесен в общую смету расходов при составлении сметоположений на будущее четырехлетие... градская Дума, сознавая вполне необходимость учреждения в г. Николаеве еврейской больницы, находит, с[о] своей стороны, ходатайство еврейского общества заслуживающим уважения». Военный губернатор Б.А. фон Глазенап оказал поддержку и содействие этому начинанию. Он отослал в МВД специальное письмо, в котором убеждал министра дать разрешение на выделение средств. 30 июля 1866 г. Новороссийский генерал-губернатор П.А. Коцебу сообщил о согласии, полученном от МВД, и Б.А. Глазенап отдал распоряжение о выделении средств, отметив: «Управление больницей, впредь до утверждения... проекта правил об этой больнице, должно быть поручено совету из лиц по выбору еврейского общества». [78, л. 2-9; 508, с. 156]. Из финансового отчета больницы за 1866-1869 гг. видно, что основными источниками финансирования являлись: посту-

Угловой штамп Попечительного совета
Николаевской еврейской больницы

пления средств из коробочного сбора, за 3 года они составили 6750 руб.; пожертвования частных лиц – 1956 руб.; оплата больных за лечение – 411 руб. 14 коп. Такая структура доходов свидетельствовала о том, что Николаевская еврейская больница уже с первых лет своего существования большую часть лечебных услуг оказывала бесплатно. Основными статьями расходов были: оплата за лекарства, продовольствие, содержание служащих, отопление и аренда помещения. В 1869 г. попечители больницы просили военного губернатора, в связи со скудостью бюджета, распорядиться о выделении больнице части городских доходов в сумме 80 руб. Просьба резонно аргументировалась тем, что евреи, проживающие в Николаеве, являются плательщиками всех городских сборов, наряду с прочими жителями. На запрос губернатора по этому поводу городская Дума заявила, что эти средства она вынуждена истратить на непредвиденные расходы городской больницы [78, л. 13, 16-17, 26]. Вплоть до 1903 г. еврейская больница так и не получа-

ла никаких субсидий из городского бюджета. В «Адрес-календаре» г. Николаева за 1869 г. об этом лечебном учреждении дается такая информация: «Еврейская больница на 10 кроватей помещается на Большой Морской улице в доме № 4. Заведывают 3 попечителя, избранные от еврейского общества» [444, с. 57].

Не имея собственного здания, больница часто вынуждена была менять свое местоположение. 22 апреля 1870 г. попечитель больницы А. Каневский и ее казначей Л. Рафалович сообщали военному губернатору: «Еврейская больница помещается ныне в доме вдовы капитана I ранга Эмилии Людвиговны Сенявиной, состоящем в Одесской части на Наваринской улице под № 19 и, что он нанят по контракту, заключенному 10 марта прошлого года, сроком на три года» [81, л. 3]. При таком положении вещей трудно было рассчитывать на расширение больницы, потребность в котором была очевидной в связи с продолжавшимся интенсивным ростом еврейского населения. Попытка разрешить ситуацию предпринята еврейской общиной через год. 22 февраля на собрании «оседлых евреев» был принят приговор, в котором говорилось, что еврейская больница «...по воле и расчету владельцев домов, в которых она помещается, к немалому ущербу наших материальных средств, что еще больше – к великому неудобству, беспокойству и даже вреду самих больных, принуждена скитаться и перемещаться из одного дома в другой». Далее звучала просьба к военному губернатору и городской Думе разрешить выделить из остатков коробочного сбора 2000 руб. «...для приобретения здесь собственного еврейского здания для постоянного впредь помещения в оном нашей еврейской больницы». Военный губернатор, в свою очередь, просил Новороссийского генерал-губернатора П.А. Коцебу ходатайствовать об этом перед МВД. 14 мая 1871 г. военный губернатор сообщил городской Думе: «ныне генерал-адъютант Коцебу уведомил меня, что, ввиду неоднократных отклонений министерством финансов подобных предложений, он затруднился дать объясненному ходатайству дальнейший ход, тем более, что в учреждении для евреев особых больниц, независимо от общих городских, коими они могут пользо-

ваться наравне с христианами, не представляется достаточно оснований» [85, л. 2, 7]. В данном случае администратор побоялся разгневать вышестоящее начальство и не дал хода делу, надеясь, что на этом все и закончится, но николаевская еврейская община проявила упорство и последовательность, повторив попытку еще через год, и теперь добилась успеха.

В 1890 г. городской голова Ф.Е. Кроун информировал военного губернатора, что еврейская больница «...учреждена с разрешения г. министра внутренних дел и открылась в... 1866 году. С того времени по 1882 год больница помещалась в наемном доме, в 1882-м же году, по приговору еврейского общества, постановленному 16 марта и утвержденному г. Николаевским военным губернатором 23 того же марта, обществом приобретен покупкою для больницы дом, в котором больница помещается и в настоящее время» [244, л. 6]. Подтверждают эту информацию отчеты о расходе средств коробочного сбора за 1882 г., в которых указаны денежные средства, истраченные на «ремонтировку дома, приобретенного для еврейской больницы», оплату рабочим, производившим ремонт и отдельные средства для покупки всего необходимого для оборудования больницы [261, л. 58-61]. Встречаются упоминания (не подтверждаемые документально) о том, что здание на ул. Садовой было специально построено и передано еврейской больнице 16 октября 1883 г. В

Корпуса Николаевской еврейской больницы по ул. Садовой

дальнейшем именно эта дата считалась официальным днем открытия больницы. Впоследствии больница регулярно расширялась. В 1889 г. построен второй корпус, что позволило разделить мужское и женское отделения.

Больница длительное время работала, не имея собственного устава. 27 ноября 1890 г. городской голова Ф.Е. Кроун по просьбе еврейской общины обратился к военному губернатору. Он писал: «Существующая в Николаеве более 25 лет еврейская больница до сих пор не имеет устава, что ставит лиц, заведывающих больницей, в затруднение при разрешении вопросов, касающихся больничных дел». Прилагался проект устава, который вскоре был отправлен в медицинский департамент МВД для утверждения. В Петербурге этот проект не понравился. По рекомендации министерства в него были внесены существенные изменения. Переписка по этому поводу длилась целый год. Лишь 21 декабря 1891 г. товарищ (заместитель) министра внутренних дел В.К. Плеве сообщил Николаевскому военному губернатору об утверждении устава еврейской больницы [244, л. 1, 12].

24 января 1892 г. военному губернатору поступило прошение врача городской тюрьмы Моисея Яковлевича Кальварского о назначении его «врачом-заведывающим медицинской частью Николаевской еврейской больницы». На прошении 26 января того же года поставлена резолюция «согласен» с подписью Н.В. Копытова [244, л. 17]. С назначением нового главного врача лечебное учреждение вступило в наиболее активный период своего развития.

Лечебный персонал в больнице был достаточно стабильным и пользовался большим авторитетом среди городских жителей. Заведовал женским отделением Абрам Моисеевич Комаровский, заведующий мужским отделением – Владимир Осипович Вольфензон, заведующий родильным отделением – Владимир Израилевич Бродский, врачи Владимир Григорьевич Соболев, Абрам Манусович Виноградов, смотритель Абрам Хаимович Варшавер [428, с. 151].

Благотворительные пожертвования частных лиц составляли значительную часть бюджета лечебного учреждения. К примеру, в «Списке лицам, сделавшим добровольные пожертвования в пользу Николаевской еврейской больницы в 1899 г.», всего указано 157 человек, суммы пожертвований колеблются от 1 до 300 руб. Общая сумма составила 2947 руб. 85 коп.

В отчете Николаевской еврейской больницы за 1900 г. основными источниками ее финансирования указаны: субсидии из коробочного сбора 14843 руб. 50 коп., плата за лечение и содержание больных 36 руб. 50 коп., получено пожертвований товарами на 2375 руб. 11 коп., пожертвования деньгами 122 руб. 56 коп. Общая сумма прихода составила 18516 руб. 2 коп. Расходы больницы составили 18488 руб. 50 коп. [104, л. 1-2].

Достаточно подробные сведения о состоянии и деятельности Николаевской еврейской больницы приведены в «Медико-санитарном очерке г. Николаева» доктора В.М. Маркелова, помещенном в николаевском «Адрес-календаре» за 1900 г., в этом же издании помещен отдельный очерк о еврейской больнице (анонимный). Информация, приведенная в обоих очерках, настолько интересна и содержательна, что мы сочли возможным поместить их в приложении (*приложение II*).

В «Сведениях о составе и ценности имущества и капитала, принадлежащих Николаевской еврейской больнице к 1 мая 1901 г.» перечислено следующее: 2 больших каменных павильона для мужского и женского отделений, стоимостью 21000 руб.; 3 малых павильона, в которых расположены амбулатория, прачечная и кухня, квартира смотрителя и фельдшера; каменное здание, в котором располагались анатомический покой, цейхгауз с погребом, жилища для прислуги, конюшня, подкатный

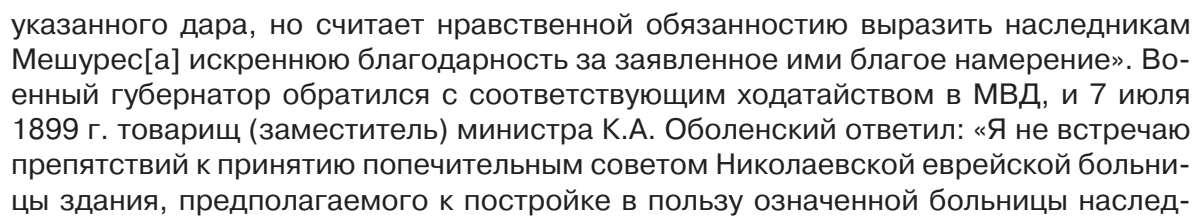
сарай; ледник; усадебная земля. Основными источниками поступления средств в этом году были средства из коробочного сбора в сумме 14843 руб. 30 коп., добровольные пожертвования – 150 руб., оплата больных за лечение – 50 руб. [164, л. 12-13].

16 февраля 1901 г. попечительный совет больницы обратился с прошением к градоначальнику, «излагая крайнюю необходимость в постройке при больнице отдельного павильона для родильного отделения», они просили разрешить выделить для этой цели из остатков средств коробочного сбора 5000 руб. Переписка по этому вопросу длилась почти год. Только 3 декабря градоначальник К.М. Тикоцкий сообщил, что не возражает против выделения еврейской больнице 4600 руб. из остатков средств коробочного сбора [164, л. 1, 16]. Об этом же сообщала в конце 1901 г. газета «Восход»: «...под руководством члена городской управы П.С. Греховодова состоялось собрание членов комиссии по составлению расходной сметы коробочного сбора на текущее четырехлетие... [они] уважили просьбу попечителей еврейской больницы, было выделено из остатков коробочного сбора 4000 руб. на устройство родильного отделения и погашение долгов». Позднее та же газета сообщала, что на указанные цели было отпущено 4600 руб. Одновременно попечительный совет больницы постановил ходатайствовать об открытии при больнице повивальных (акушерских) курсов [579, 1901, № 66, ст. 16; 1902, № 3, ст. 21; № 11, ст. 7]

Был ли сооружен отдельный павильон для родильного отделения, установить не удалось, т.к. в дальнейшем в отчетах указывалось, что родильное отделение находится при женском отделении больницы. Как показывает статистика, именно услугами родильного отделения наиболее активно, наряду с евреями, пользовалось христианское население города [579, 1901, № 66, ст. 16]. При этом число рожениц-христианок в отдельные годы значительно превышало количество рожениц-евреек.

Еврейской общиной избирались члены попечительного совета больницы, в основном, из числа купцов. Долгое время попечительный совет возглавлял николаевский купец А. Бирштейн. 15 декабря 1898 г. городской голова В.А. Даценко докладывал военному губернатору «по случаю смерти попечителя Николаевской еврейской больницы Абрама Бирштейна, городская управа запрашивала николаевских купцов Л.И. Форштетера, С.С. Имаса и Х-Л. Мешуреса о том, не пожелает ли кто из них принять на себя обязанности попечителя означенной больницы. На эти запросы управы первые два... отказались, третий из них – Хаим-Лейб Фроимов Мешурес, изъявил согласие принять на себя обязанности попечителя больницы» [259, л. 1].

Семья Мешуресов внесла значительный вклад в укрепление материальной базы больницы. 18 марта 1899 г. городская управа обратилась с ходатайством к военному губернатору. В нем говорилось: «Председатель попечительного совета Николаевской еврейской больницы... представил городской управе, что наследники умершего в 1893 г. николаевского купца Е.Я. Мешуреса: вдова З.Л. Мешурес, сыновья Лейб и Исаак Мешурес[ы] и дочь Гинда, в поданном им на имя попечительного совета больницы заявлении, ходатайствуют о разрешении им произвести постройку на свои средства на дворовом месте, принадлежащем местной еврейской больнице, здания, которое они, по окончании постройки, желают преподнести в дар больнице под помещение амбулатории; при чем наследники Мешурес[а] заявляют свое желание, чтобы по сдаче этого здания в ведение больницы, в нем была бы сделана соответствующая цели жертвователей надпись на мраморной или металлической доске... Со своей стороны, управа не только не встречает препятствий к принятию

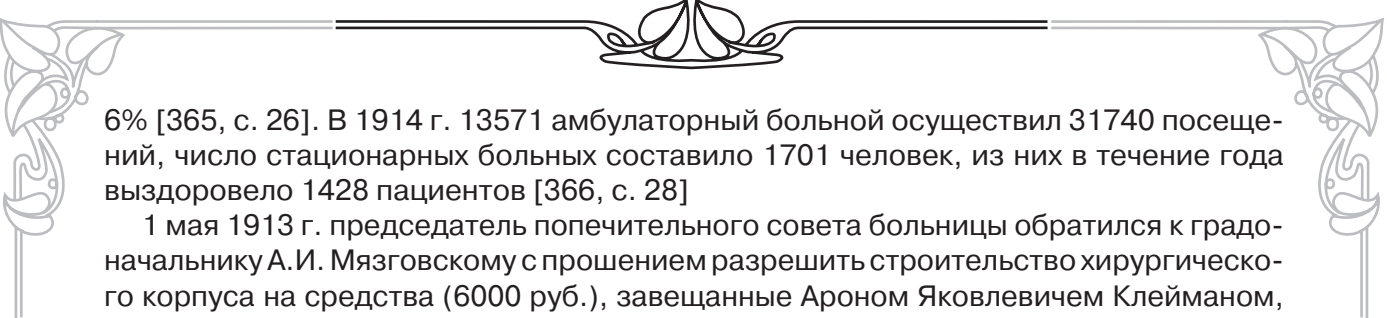
указанного дара, но считает нравственной обязанностью выразить наследникам Мешурес[а] искреннюю благодарность за заявленное ими благое намерение». Военный губернатор обратился с соответствующим ходатайством в МВД, и 7 июля 1899 г. товарищ (заместитель) министра К.А. Оболенский ответил: «Я не встречаю препятствий к принятию попечительным советом Николаевской еврейской больницы здания, предполагаемого к постройке в пользу означенной больницы наследниками николаевского купца Мешурес[а]» [261, л. 1-3]. Данный эпизод лишний раз показывает, каким сложностями было обставлено любое начинание в сфере еврейской благотворительности. Под непосредственным руководством Лейба Ефроимовича Мешуреса амбулаторный корпус для проходящих больных был вскоре построен, в нем же располагалась аптека. Мешурес же являлся одним из наиболее активных жертвователей и ходатаев по делам больницы перед городскими властями. Впоследствии он был избран пожизненным попечителем и казначеем еврейской больницы [48, л. 6].

В январе 1903 г. городской голова А. Соковнин обратился к градоначальнику с ходатайством о представлении к званию почетного гражданина или к высочайшей награде купца I-й гильдии Лейбы Фроимовича Мешуреса. В документе подчеркивалось, что с таким же предложением ранее обращался его предшественник В. Даченко, но ответа тогда не последовало. А. Соковнин подчеркнул, что за прошедшие 3 года Л.Е. Мешуресом были пожертвованы большие суммы. Под его руководством построен амбулаторный корпус для городской еврейской больницы стоимостью 6000 руб. (во исполнение завещания отца), пожертвовано 1500 руб. на постройку здания еврейской богадельни. Указано, что кандидат «23 года состоит действительным купцом за II гильдию, а 5 лет за I гильдию», является членом правления хоральной синагоги, пожизненным попечителем и казначеем еврейской больницы. Ходатайство имело положительные результаты. 27 февраля 1904 г. градоначальником был издан приказ, в котором сообщалось, что указом императора от 6 декабря 1903 г. купец I-й гильдии Лейба Мешурес награжден серебряной медалью с надписью «За усердие» для ношения на груди на станицлавовской ленте [48, л. 6, 8].

В 1903 г. попечительный совет еврейской больницы просил городскую управу ходатайствовать о представлении к высочайшей награде купца Якова Григорьевича Каминского, одного из активных жертвователей на благоустройство больницы, в течение 4 лет являлся главой попечительного совета [48, л. 17].

Позднее попечительный совет и врачи еврейской больницы неоднократно обращались в комиссию по распределению коробочного сбора с прошениями о выделении средств на строительство инфекционного корпуса, но решить эту проблему не удалось.

В «Обзоре Николаевского градоначальства за 1908 г.» давалась такая информация о еврейской больнице: в ней действовало 3 отделения, 74 кровати – 30 мужских, 34 женских, 10 – в родильном отделении. Больных принимали бесплатно, кроме иногородних, оплачивавших 35 коп. в день. В течение года проходили лечение 22136 амбулаторных больных, 1893 стационарных больных, из них выздоровело 1627, рожениц – 511, отпущено лекарств по бесплатным рецептам 39668 [363, с. 32]. В 1912 г. амбулаторно лечились 11290 пациентов, которые в течение года посетили больницу 32723 раза, число стационарных больных составило 1910 человек, из которых к концу года выздоровели 1816 человек, процент смертности среди стационарных больных составил 4,2 [364, с. 31]. В следующем году – 12562, амбулаторных больных посетило больницу 37520, число стационарных больных составило 1919 человек, смертность среди стационарных больных повысилась до

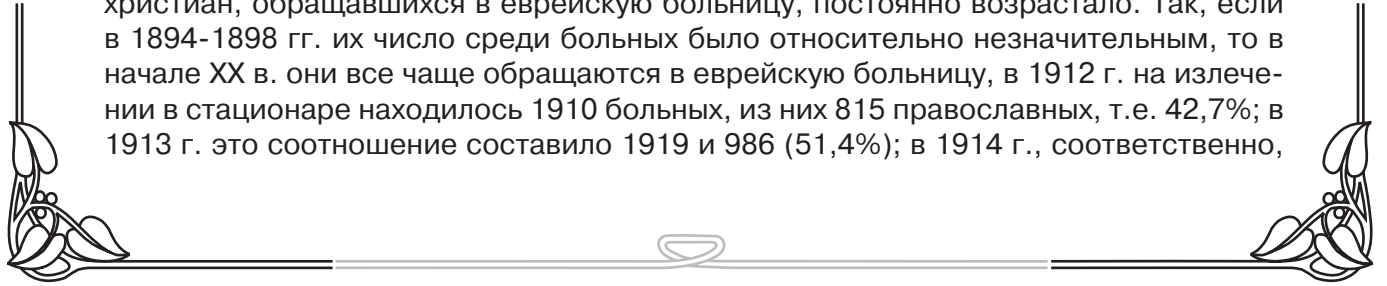

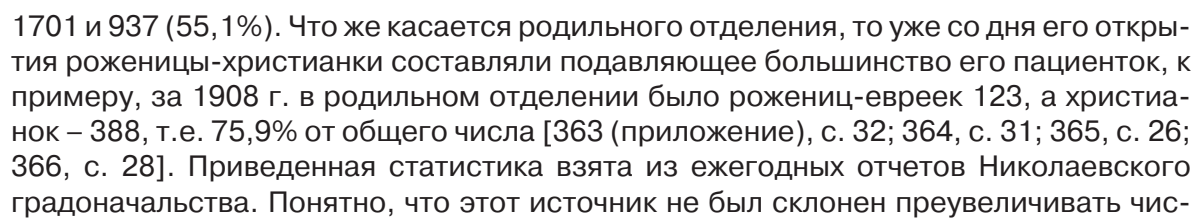
6% [365, с. 26]. В 1914 г. 13571 амбулаторный больной осуществил 31740 посещений, число стационарных больных составило 1701 человек, из них в течение года выздоровело 1428 пациентов [366, с. 28]

1 мая 1913 г. председатель попечительного совета больницы обратился к градоначальнику А.И. Мязговскому с прошением разрешить строительство хирургического корпуса на средства (6000 руб.), завещанные Ароном Яковлевичем Клейманом, одним из условий завещания было присвоение этому отделению имени завещателя. Просьбу поддержал главный врач градоначальства Л. Ратнер, который отметил: «Во дворе еврейской больницы остается много свободного места для постройки нескольких павильонов, причем устройство хирургического павильона для больницы весьма необходимо». МВД ответило на посланный запрос, что «не встречает препятствий» к осуществлению задуманного. Очевидно, строительство было завершено в 1915 г., но в связи с военными действиями в построенном корпусе был размещен лазарет для раненых солдат, содержание которого взяла на себя еврейская община. Попечительный совет просил градоначальника о разрешении поместить в новом корпусе портрет А.Я. Клеймана, но тот, по-видимому, считал данный вопрос слишком важным, чтобы принять решение самому. Он обратился со специальным письмом в МВД. В нем сообщалось: «На средства, завещанные А.Я. Клейманом, во дворе Николаевской еврейской больницы построен прекрасный светлый павильон для хирургического отделения, в коем в настоящее время помещается лазарет еврейской общины для раненых воинов... Попечительный совет просит разрешить повесить в павильоне портрет Клеймана... Я, со своей стороны, полагаю бы желательным разрешить вопрос не ранее окончания войны, когда упомянутый павильон будет освобожден от больных и раненых воинов» [158]. Трудно сказать, чем так испугала градоначальника перспектива того, что в павильоне будет вывешен портрет благотворителя, и следовало ли к решению этого вопроса привлекать МВД, у которого, очевидно, было достаточно и более важных дел.

В городском бюджете традиционно не предусматривалось средств на содержание еврейской больницы или иных лечебных учреждений для евреев.

Попечительство Николаевской еврейской больницы, в связи с постоянным дефицитом средств, которые часто приходилось брать взаймы, неоднократно ходатайствовало о выделении субсидии из городского бюджета на содержание больницы, но эти ходатайства отклонялись без всяких объяснений. Между тем, в 1894 г. в Николаеве вводится специальный больничный налог – по 1 руб. в год со «взрослой души», плательщиками которого, в числе прочих, были и евреи, проживавшие в городе. Плательщики больничного сбора имели право на бесплатное лечение в городской больнице, между тем, большинство евреев, оплачивавших больничный сбор, обращались за медицинской помощью в еврейскую больницу. Считая такое положение вещей несправедливым, в 1902 г. попечительство еврейской больницы возобновило ходатайство о выделении еврейской больнице субсидии из городской казны, указав, что, не получая таких средств, больница будет вынуждена отказывать в помощи больным-христианам. Городская Дума постановила выделить в 1903 г. еврейской больнице субсидию в 1000 руб. [579, 1903, № 4 ст. 28]. Аргумент попечителей был достаточно обоснованным, т. к. количество больных из числа христиан, обращавшихся в еврейскую больницу, постоянно возрастало. Так, если в 1894-1898 гг. их число среди больных было относительно незначительным, то в начале XX в. они все чаще обращаются в еврейскую больницу, в 1912 г. на лечении в стационаре находилось 1910 больных, из них 815 православных, т.е. 42,7%; в 1913 г. это соотношение составило 1919 и 986 (51,4%); в 1914 г., соответственно,

1701 и 937 (55,1%). Что же касается родильного отделения, то уже со дня его открытия роженицы-христианки составляли подавляющее большинство его пациенток, к примеру, за 1908 г. в родильном отделении было рожениц-евреек 123, а христианок – 388, т.е. 75,9% от общего числа [363 (приложение), с. 32; 364, с. 31; 365, с. 26; 366, с. 28]. Приведенная статистика взята из ежегодных отчетов Николаевского градоначальства. Понятно, что этот источник не был склонен преувеличивать число христиан среди пациентов еврейской больницы. К сожалению, отсутствует такая статистика в отношении амбулаторных больных, но с большой долей вероятности можно предположить, что и среди этой категории пациентов указанное соотношение мало отличалось от данных по стационару. Таким образом, городская субсидия явно не покрывала расходов больницы на лечение пациентов из числа христиан, следовательно, их лечение во многом производилось за счет средств коробочного сбора.

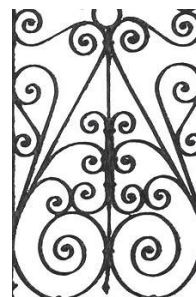
Корпуса еврейской больницы сохранились до нашего времени и по-прежнему используются в качестве лечебного учреждения.

Преодолевая противодействие городских властей, еврейская община сумела создать Николаевскую еврейскую больницу, которая стала одним из лучших лечебных учреждений города, оказывавших лечебные услуги не только еврейскому, но и христианскому населению. По своим масштабам эта больница уступала только Николаевской городской больнице, но по показателям своей лечебной деятельности нередко превосходила ее.

Приведенные данные убедительно показывают, что николаевское здравоохранение в рассматриваемый период не могло бы полноценно удовлетворять нужды городского населения без участия в этом деле евреев. Именно они, зачастую, были инициаторами открытия новых лечебных учреждений, внедрения наиболее прогрессивных методов лечения. Оказывая медицинскую помощь, они, как правило, не делали какого-либо различия между лицами разных вероисповеданий и пользовались заслуженным авторитетом среди городских жителей.

ЕВРЕИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА

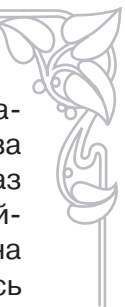
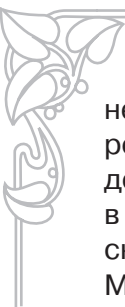

Образование было одной из тех сфер, где еврейское население Николаева проявляло себя наиболее активно. Вместе с тем, именно в этой сфере дискриминационно-ограничительная политика российского правительства по отношению к евреям проявлялась особенно выразительно.

Хедеры

Одной из древних еврейских традиций было обязательное создание традиционных религиозных школ – хедеров и Талмуд-Торы в местах своего поселения. Такие школы, как правило, действовали в каждом городе и местечке при синагогах и молитвенных домах. Преподавали в таких школах меламеды, каждый из которых специализировался на изучении определенных книг Талмуда. Ученик, заканчивая обучение в одном хедере, затем мог переходить в следующий и последовательно проходил через несколько хедеров. Общий срок обучения мог продолжаться до десяти лет, в зависимости от личных способностей и материальных возможностей родителей. Как отмечает израильский исследователь Ш. Штампфер, часто в небольших городах из-за отсутствия специальных школ для девочек их также отправляли на обучение в хедер, но обучались они, как правило, недолго и получали только начальные знания. В силу сложившихся условий совместное обучение в еврейской среде не считалось чем-то особенным или исключительным. При этом нужно учитывать, что в Российской империи, да и по всей Европе, на протяжении всего XIX в. стандартом считалось раздельное обучение [557, с.121-122].

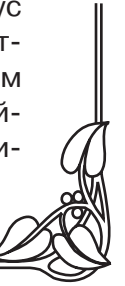
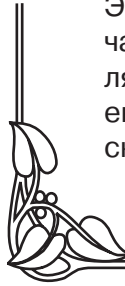
Николаев не был исключением из еврейской традиции. К сожалению, нет данных о еврейских школах в городе в первые десятилетия XIX в. (до выселения евреев из города). Очевидно, хедеры находились в ведении кагала и официальной статистики не велось, но не вызывает сомнения, что такие школы существовали. С 1856 г. за частными еврейскими школами был установлен государственный надзор, который был возложен на городского раввина и полицию. В период с начала 30-х до середины 60-х гг. еврейские школы в Николаеве отсутствовали в связи с запретом на проживание евреев в городе. Возрождение еврейского образования в городе началось после снятия запретов на их проживание – в 1866 г. В связи с этим при Николаевском уездном училище (позже первое Николаевское высшее начальное училище) была создана Николаевская еврейская училищная комиссия, которую возглавлял смотритель уездного училища. Несмотря на название, в составе комиссии евреев

не было. Смотритель отчитывался перед директором гимназии и директором народных училищ Херсонской губернии. В обязанности комиссии входил контроль за деятельностью мелаamedов и выдача им свидетельств на право обучения детей. Раз в полгода городской раввин подавал в комиссию отчет о наличии в городе еврейских учебных заведений, количестве учащихся в них. По отчету городского раввина М. Когона за I полугодие 1868 г. в городе работали 19 хедеров, в которых обучались 196 учеников. Плата за обучение составляла от 7 до 40 руб., общая сумма, уплаченная мелаамедом родителями, составила 2232 руб. В другом отчете того же раввина указывалось, что на 1 января 1868 г. в городе было 20 хедеров, в которых обучались 111 учеников, год спустя количество хедеров оставалось прежним, но число учеников возросло до 204. В отчетах особо подчеркивалось: «Из числа учеников означенных мелаamedов малолетние русскому языку не обучаются, а более взрослые для сего предмета посещают в известные часы разных учителей, имеющих на это право» [24, л. 12, 19, 23; 127, л. 39-4; 444, с. 62]. Цифры выглядят достаточно внушительно, если учесть, что евреи только начали вновь селиться в городе и их материальное положение пока оставляло желать лучшего.

В отчете городского раввина М. Когона «о находящихся в г. Николаеве частных учителей и училищах» за 1871 г. зафиксировано 20 хедеров (23 мелаameda), в которых обучались 230 детей в возрасте от 4 до 14 лет. Плата за обучение одного ученика составляла от 5 до 30 руб. в год. Особо отмечено, что все мелаamedы имели свидетельства от Николаевской еврейской училищной комиссии. В графе «Выполняются ли предписанные начальством правила» стандартно указано: «Хедер мелаamed содержит исправно, преподает исключительно только предметы, в его свидетельстве означенные и по руководствам, утвержденным учебным начальством». Отдельно подчеркивалось: «Во всех означенных хедерах и в Талмуд-Торе ученики, имеющие 8 лет от роду, обучаются у особых учителей также еврейскому письму, чтению и письму русскому, и первым четырем правилам арифметики» [25].

На начало 1872 г. в Николаеве было 22 мелаameda, обучавших 216 учеников, к концу года их число возросло до 23, а число учеников – до 241. В 1873 г. в I полугодии 25 мелаamedов обучали 251 ученика (за обучение родители заплатили 3358 руб.), а во II полугодии их число сократилось до 19, а учеников – до 197 (за обучение родители заплатили 3358 руб.) [16, л. 21, 26]. В I полугодии 1874 г. в городе действовали 16 хедеров, в них обучались 196 учеников (за обучение заплачено 2058 руб.), во II полугодии – 18 хедеров и 205 учеников (за обучение заплачено 2529 руб.) [15, л. 17, 42; 17, л. 32, 37]. В 1885 г. в пределах Николаева действовали 24 хедера. В отчете Николаевского раввина городскому полицмейстеру за 1888 г. сообщалось, что в городе действовало 30 хедеров [13, л. 11; 15, л. 34] (в Одессе их в это время было 95, а в целом по Херсонской губернии – 265). К началу XX в. их количество не сокращалось: в 1901 г. в Николаевском градоначальстве действовали 26 хедеров, в каждом из них обучались (официально) от 7 до 27 человек – всего 411 учеников. Учитывая, что это была официально разрешенная численность, реальное количество учеников хедеров могло быть в 1,5 – 2 раза большим (см. приложение 15). По данным за 1903 г. указано 20 хедеров, но количество мелаamedов – 31. Вполне возможно, что под одним адресом могли сосуществовать по 2-3 хедера [429, с. 166]. Эти учебные заведения, согласно российскому законодательству, имели статус частных религиозных школ. Само количество еврейских религиозных школ впечатляет, если учесть, что Николаев в это время не был городом с высоким процентом еврейского населения. Для сравнения: в соседнем Херсоне, где количество еврейского населения доходило до 40 %, действовали 30 хедеров и 2 еврейских учили-

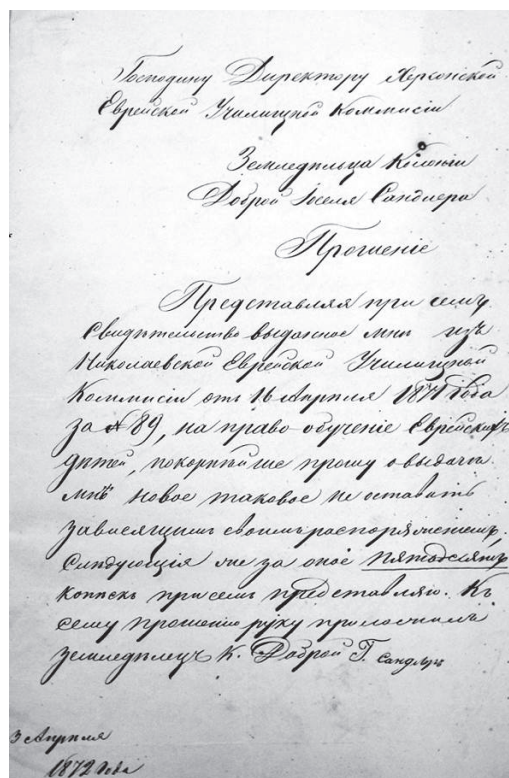

ща [349, с. 97]. Известно, что правительство и местная администрация неоднократно предпринимали попытки ликвидации этих школ, создавая жесткие условия для их существования, поэтому хедеры нередко действовали полулегально, не имея официального разрешения на свою деятельность. Особый контроль устанавливался за деятельностью меламедов. Для получения права преподавания они были обязаны в установленный срок сдать экзамены по русскому, немецкому, еврейскому языкам, продемонстрировать «примерное поведение» и верноподданнические чувства. Как отмечал известный еврейский публицист А. Паперна: «Но мелаеды, большею частью люди пожилые, обремененные работою с утра до вечера, не могли готовиться к экзамену, да им и учиться не у кого было, и они, за редким исключением, к экзамену не являлись, хотя им давали отсрочку за отсрочкою» [474, с. 58].

В Николаеве выдачу свидетельств меламедам на право обучения детей закону еврейской веры осуществляла еврейская училищная комиссия при уездном училище.

Для получения свидетельства кандидат обращался за удостоверением в духовное правление хоральной синагоги. В таком удостоверении, выданном в 1868 г., отмечалось: «Меламед второго разряда Файвель Гинда действительно хорошего поведения, худыми поступками и противозаконными действиями не опорочен. В изъятии им особого фанатизма замечаем не был и в состоянии обучать еврейских детей закону их веры». Документ подписывался двумя членами духовного правления, прилагалась положительная резолюция раввина. Получив удостоверение, кандидат обращался в еврейскую училищную комиссию с прошением такого содержания: «Предоставляя при сем удостоверение о хорошем моем поведении и желая приобрести звание Меламеда I (II) разряда для обучения еврейских детей закону их веры, на основании существующих по сему предмету по министерству народного просвещения постановлений, имею честь всепокорнейше просить Николаевскую училищную комиссию о снабжении меня установленным годовым видом на упомянутое звание Меламеда» [24, л. 5, 27]. Подпись разрешалось делать на иврите, хотя по российским законам евреи обязаны были подписывать официальные документы на русском. Просителю выдавалось свидетельство на официальном бланке с печатью уездного училища и с указанием особых примет получателя. Никаких упоминаний о каких-либо экзаменах для меламедов при получении ими свидетельств в документах не обнаружено. Всего за 1868 г. Николаевской еврейской училищной комиссией было выдано 39 свидетельств меламеда. Значительная часть получивших эти свидетельства занимались преподавательской деятельностью в еврейских сельскохозяйственных колониях Херсонского уезда [113].

В «Адрес-календаре на 1869 г.» особо отмечалось, что 20 меламедов, содержавших частные хедеры, имели свидетельства от еврейской училищной комиссии.

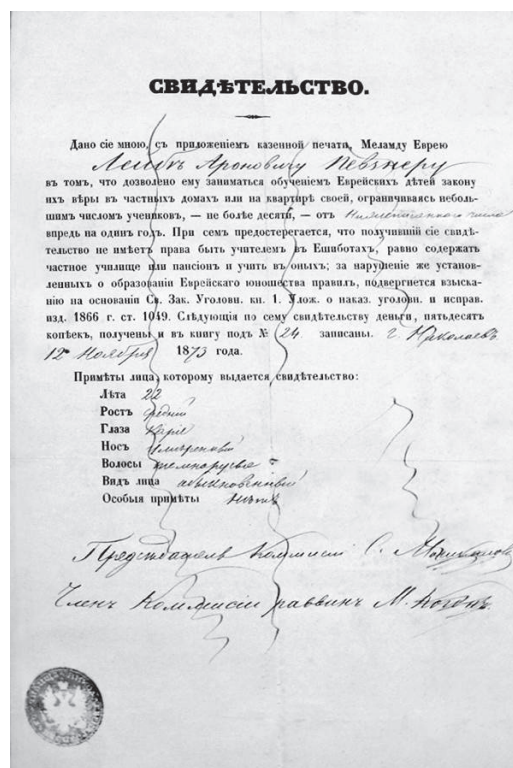

Прошение о выдаче свидетельства меламеда [24, л. 3]

Николаев, хотя и был до начала XX в. центром военного губернаторства, подчинявшегося только военно-морскому ведомству, тем не менее, включался в состав Херсонского района Одесского учебного округа и в вопросах организации образования оставался подконтрольным администрации Новороссийского края. 1 ноября 1853 г. генерал-губернатором Новороссийским и Бессарабским было издано предписание касательно установления контроля за деятельностью еврейских учителей. Оно гласило: «Министр внутренних дел... требует учреждения строгого наблюдения через местные полиции, чтобы никто из евреев, не имеющих установленного свидетельства от учебного начальства на звание меламеда или содержателя хедера, не занимался обучением еврейских детей и чтобы в случае открытия таких лиц виновные в том, равно и принявшие к себе в дом таких учителей, подвергаемы были установленным порядком определенным... взысканиям» [335, с. 81].

Весной 1875 г. был издан приказ Николаевского военного губернатора Н.А. Аркаса, в котором говорилось, что, согласно законодательным нормам, вступившим в силу с 4 мая 1875 г., еврейскими домашними учителями (меламедами) могут быть только лица, окончившие раввинские училища либо общие средние или высшие учебные заведения. «Вследствие чего я строго предписываю городской полиции с получением сего закрыть все находящиеся в пределах вверенного мне управления домашние училища, содержимые меламедами, обязав их при том подписками, чтобы они на будущее время ни под каким предлогом не занимались, под строгой ответственностию недозволенным им по закону обучением еврейских детей». Городская полиция активно приступила к исполнению приказа. 30 мая того же года губернатору было подано прошение «евреев, жительствующих в г. Николаеве», которые просили отсрочить закрытие хедеров хотя бы до окончания курса обучения их детей. Н.А. Аркас 6 июня передал через городскую полицию,

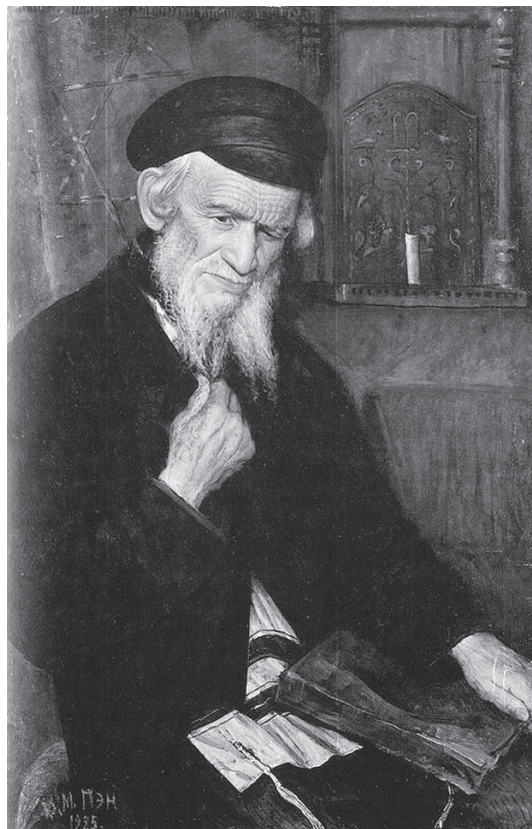
что он не вправе отменить «однозначное распоряжение» правительства. «Я предписываю городской полиции объявить... просителям, что выраженное ими в поданном мне прошении ходатайство не может быть удовлетворено». Единственное исключение было сделано по просьбе отставных нижних чинов, и хедер, где обучались их дети, не был закрыт [222, л. 1-2, 7]. В связи с многочисленными прошениями еврейских общин, правительственными постановлениями ежегодно с 1875 по 1879 г. давалось разрешение продлить ранее действовавший порядок выдачи на местах свидетельств меламедам. Это давало возможность возобновить деятельность хедеров. 9 марта 1879 г. издано Высочайшее повеление: выдачу свидетельств меламедам «...продлить без означения особого срока до окончательного рассмотрения дела в Государственном Совете и издания нового закона об евреях, занимающихся преподаванием еврейского вероучения» [267, л. 157]. Данный временный порядок так никогда и не был изменен, т.к. упомянутый закон никогда не был принят.

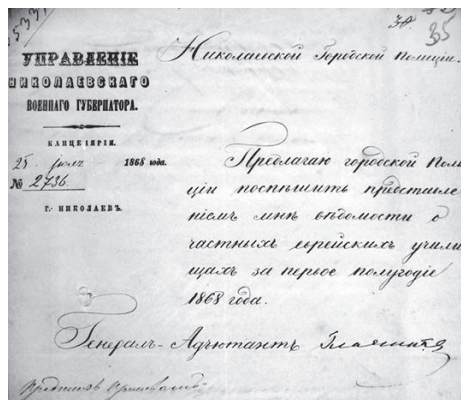
Свидетельство меламеда
[16, л. 29]

Местная администрация регулярно контролировала деятельность меламедов. К примеру, 20 июля 1874 г. военный губернатор с плохо скрываемым раздражением сообщал городской полиции: «По проверке на месте представленной Николаевским раввином ведомости о николаевских еврейских училищах за I половину 1874 года оказалось, что некоторые мелаеды имеют у себя более дозволенного им числа – десяти учеников, что помещения хедеров находятся большею частью в бедных и неопрятных квартирах, дом же, в котором помещается Талмуд-Тора, не соответствует гигиеническим условиям. ...предписываю городской полиции распорядиться о воспрещении мелаедам иметь более определенного числа учеников, также и о побуждении тех из них, квартиры которых неопрятны, держать эти квартиры в чистоте» [267, л. 86].

В 1881-1882 гг. происходила оживленная переписка по вопросу о деятельности меламедов и хедеров между инспектором народных училищ Херсонского округа, Николаевским полицмейстером и военным губернатором. 6 февраля 1881 г. поступило предписание инспектора народных училищ полицмейстеру о необходимости предоставить «...подробный отчет о положении меламедов и их хедеров, и мерах, какие будут приняты по приведению их к законному порядку». Там же подчеркивалось, что необходимо: «...объявить Николаевскому городскому раввину, чтобы он во всей точности и неуклонно исполнял возлагаемые на него законом обязанности по надзору за частным воспитанием детей евреев» [337, с. 91-92]. Сведения, собранные полицмейстером были изложены в донесении от 23 июля 1882 г., направленном военному губернатору. В вину мелаедам ставилось то, что они, имея официальное разрешение на обучение не более 10 детей мужского пола, обучали в хедерах от 40 до 60 «детей обоих полов», занятия проходили в тесных помещениях, не отвечавших санитарным нормам, здесь же проживал и сам меламед. При этом полицмейстер подчеркивал, что: «...процент смертности еврейских детей в Николаеве значительно (выше) в сравнении с христианскими». Грубое нарушение усматривалось также в том, что мелаедам разрешалось обучать еврейских детей «...исключительно закону их веры, но ни в каком случае чистописанию на русском и еврейском языках [для этого полагалось приглашать отдельного учителя, – В.Щ.]. Между тем, в Николаеве ни одного из вышеупомянутых законных требований не исполняется в точности мелаедами...» Более того, подчеркивалось далее: «...обучают также детей чтению и письму на русском и еврейском языках и арифметике, что строго запрещено законом...», за эти нарушения предлагалось отдать под суд городского раввина, который недостаточно контролировал деятельность хедеров, родителей и самих меламедов. Далее полицмейстер подчеркивал: «В Одессе и Херсоне мелаеды давно уже перестали суще-

Толкователь Талмуда
(с картины И. Пэна)

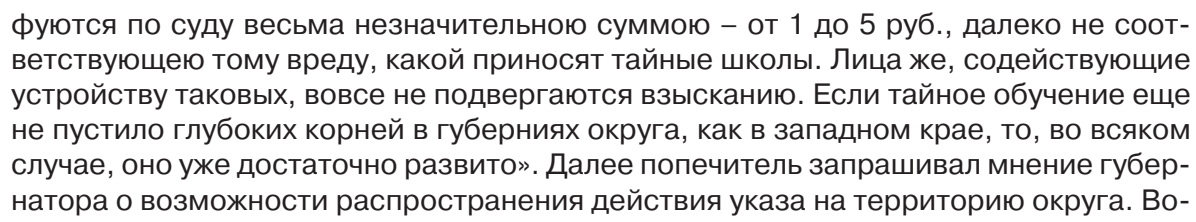

Распоряжение Б.А. Глазенапа
о предоставлении сведений о хедерах
в г. Николаеве [267, л. 35]

ствовать, и зло истреблено с корнем, вследствие законного преследования таковых; смею надеяться, что и Николаеву суждено вскорости освободиться из исключительного своего положения» [337, с. 115-118]. Отметим, что, говоря об «истреблении зла» в соседних городах, чиновник явно преувеличивал. В том же 1882 г. в списках полицмейстера, поданных военному губернатору, числилось 20 меламедов с указанием адресов хедеров. Нельзя не обратить внимание, что большинство этих школ размещались в центре города на улицах Соборной (№ 43, 51), Большой Морской (№ 71), Московской (№ 30), Черниговской (№ 18, 35), Малой Морской (№ 17) и др. В ответ на поступившее донесение, военный губернатор вице-адмирал А. Пещуров распорядился, чтобы полицмейстером были приняты меры по соблюдению «...правила в отношении числа учеников, порядка обучения и гигиенических условий помещений», при выявлении нарушений виновных привлекать к ответственности. О закрытии хедеров речь не шла [337, с. 120].

О том, что полицмейстеру так и не удалось осуществить свой замысел об искоренении меламедов, свидетельствует список еврейских учебных заведений за 1885 г. В нем указаны: Общественное еврейское училище Талмуд-Тора, а также 24 хедера. О том, что отношение к хедерам со стороны местной администрации оставалось отрицательным, свидетельствует отчет о состоянии народного образования в Херсонской губернии в 1890 г. В нем сказано: «Хедеры с точки зрения общего образования не только бесполезны, они вредны. 1) Тем, что развивают и укрепляют в еврейских детях дух исключительности и обособленности со всеми несимпатичными особенностями еврейского характера и, вместе с тем, отвлекают огромную массу детей от общеобразовательных училищ, поселяя в темной массе евреев недоверие к последним. 2) Тем, что подрывают здоровье учащихся и своими крайне неудобными помещениями, классной мебелью и внешней обстановкой, и очень продолжительными занятиями – чуть не с утра до вечера, и антипедагогическими способами и приемами обучения.» И далее: «Хедеры находятся в плохом состоянии, содержатели их отличаются невежественностью и полным несоблюдением установленных для них правил. Помещения... неудовлетворительны и грязны» [367, с. 10, 27, 31]. Еврейская училищная комиссия и в дальнейшем осуществляла контроль за соблюдением правил содержания хедеров. Так, 10 октября 1896 г. смотритель уездного (городского) училища докладывал директору гимназии: «6 октября в сопровождении околоточного наблюдателя посетил хедеры Ватера (?) (Потемкинская, 71) и Маймина (Рыбная, 32). Девочек среди учеников не наблюдалось, ученики занимались русским языком и арифметикой» [21, л. 1].

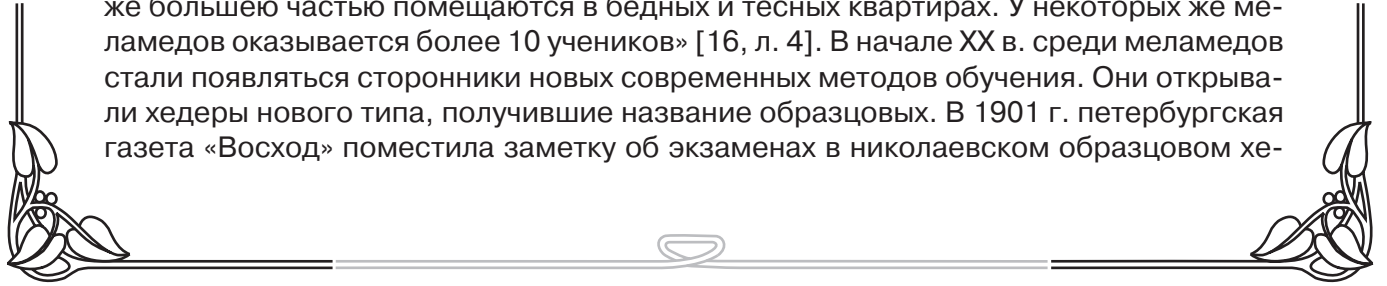
13 ноября 1892 г. попечитель Одесского учебного округа обратился с запросом к Николаевскому военному губернатору. Он сообщал о принятии Высочайшего указа, которым вводились строгие наказания, направленные на пресечение занятий незаконным («тайным») обучением детей в западных губерниях. Далее отмечалось: «При значительном числе инородческого населения во вверенном мне учебном округе, особенно евреев, склонных к разного рода нарушениям закона, случаи тайного обучения были и нередко повторяются в разных местностях округа. Виновные в устройстве и содержании запрещенных правительством школ обыкновенно штра-

фуются по суду весьма незначительною суммою – от 1 до 5 руб., далеко не соответствующе тому вреду, какой приносят тайные школы. Лица же, содействующие устройству таковых, вовсе не подвергаются взысканию. Если тайное обучение еще не пустило глубоких корней в губерниях округа, как в западном крае, то, во всяком случае, оно уже достаточно развито». Далее попечитель запрашивал мнение губернатора о возможности распространения действия указа на территорию округа. Военный губернатор, в свою очередь, запросил мнение полицмейстера. Последний 23 ноября того же года сообщил, что «...в г. Николаеве за последние 8-10 лет были обнаруживаемы лица, тайно обучавшие юношей без разрешения правительства. Все эти лица оказались еврейскими меламедами и занимались обучением малолетних евреев исключительно еврейскому закону, чтению и письму. Ежели учебное начальство, которому ближе известно, насколько приносит вред учение еврейских меламедов без установленного разрешения, найдет..., что вред от такого учения не соответствует каре действующих ныне законоположений», то местные власти будут действовать в соответствии с новыми нормами. При этом особой необходимости в ужесточении наказания полицмейстер не усмотрел. Военный губернатор в своем ответе, в основном, повторил сказанное своим подчиненным [248. л. 1, 4-6]. В данном случае нельзя не обратить внимание на довольно снисходительный тон сообщения полицмейстера, очевидно, не считавшего, что проблема заслуживает такого внимания, которое к ней проявлено.

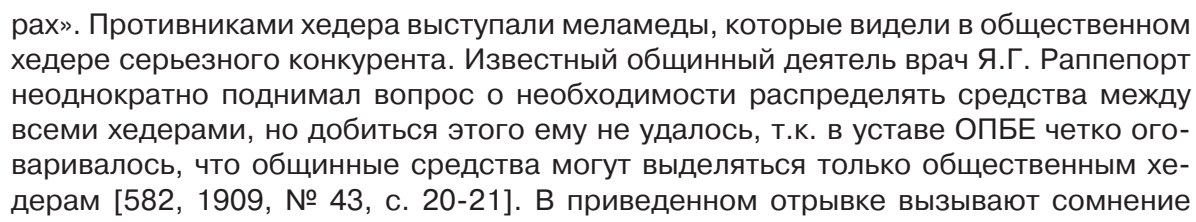
Даже с учетом того, что само существование хедеров вызывало раздражение у казенных чиновников и они стремились сгустить краски, с некоторыми их замечаниями трудно не согласиться. Критика по отношению к хедерам звучала и со стороны еврейской общественности. К примеру, газета «Восход» в 1903 г. писала: «Хедер наш давно уже пришел в крайнюю ветхость и среди современных форм жизни является пережитком седой старины и жалким уродом в семье европейских школ. Все здесь в самом корне подтачивает физические и душевные силы подрастающего поколения» [579, 1903, № 2, ст. 10] Тем не менее, ни правительство, ни местная администрация так и не смогли ничего поделать с хедерами и были вынуждены терпеть их существование. В «Адрес-календаре» Николаевского градоначальства на 1902 г. приведен список 26 хедеров, действовавших в городе (*приложение 15*) [428, с. 107]. Это была маленькая победа еврейской традиции над местными властями.

Картинку типичного хедера зафиксировал в своих воспоминаниях известный юрист Г.Б. Слиозберг: «Если меламед был местный житель, хедер ютился в его квартире, если можно назвать квартирой комнату, большею частью в подвальном этаже, в которой размещался весь живой и мертвый инвентарь меламеда. Если же меламед был приезжий, то под хедер нанималась комнатка, какую только можно было получить за минимальную плату, доступную для меламеда, зарабатывавшего рублей двадцать в месяц... Почти без перерывов, до часу дня и позже, продолжалось сидение у стола на твердой скамье без спинки за совместным учением, прерываемым окриками меламеда, а часто и телесным воздействием на непонятливого или отвлекающегося от дела ученика. И это изо дня в день, без улыбки, без развлечения, при большом напряжении детского ума» [474, с. 280-281]. Ситуация в Николаеве была похожей. В 1873 г. смотритель уездного училища отмечал: «Хедеры же большею частью помещаются в бедных и тесных квартирах. У некоторых же меламедов оказывается более 10 учеников» [16, л. 4]. В начале XX в. среди меламедов стали появляться сторонники новых современных методов обучения. Они открывали хедеры нового типа, получившие название образцовых. В 1901 г. петербургская газета «Восход» поместила заметку об экзаменах в николаевском образцовом хе-

дере. Автор отметил, что 20 учащихся обучались бесплатно, остальные оплачивали обучение, материальная база школы слабая, но экзамен произвел очень хорошее впечатление на гостей, присутствовавших на нем [579, 1901, № 6, ст. 15-16]. В следующем году газета «Будущность» отмечала образцовую постановку педагогической работы в этом хедере и серьезное внимание к физическому воспитанию детей. «Дом, приобретенный на имя четырех из числа преданных этому делу лиц, уже приспособлен под нужды хедера, во дворе разбит уже садик, устроена поляна для детских игр» [578, 1902, № 29, ст. 573-574]. У прогрессивных меламедов появилась идея объединить усилия. В 1903 г. несколько меламедов решили открыть в этом помещении несколько образцовых хедеров (фактически один большой хедер, с разделением детей на классы по возрасту), чтобы лучше реализовать новые методы обучения. На это отрицательно отреагировал инспектор народных училищ Пятницкий, который потребовал закрытия этих хедеров, ссылаясь на то, что это запрещено министерством, при этом он отметил, что условия для обучения в этих хедерах «вполне хороши». Один из меламедов – А. Гилевич все же обратился к градоначальнику с просьбой о возможности содержать свой хедер в одной квартире с меламедом Секерницким, ссылаясь на последние распоряжения министра народного образования [579, 1903, № 36, ст. 10]. В конечном итоге, в 1904 г. разрешение было получено. Объединились хедеры меламедов Гилевича и Хазансона, в начале 1906 г. к ним присоединился Розенберг. Учебное заведение получило субсидию от «Общества пособия бедным евреям г. Николаева», создавшего специальное попечительство. В заведении обучались 73 ученика, разделенные на 4 группы по возрасту (от 7 до 10 лет). Из них 27 вносили полную плату за обучение – 3 руб. 25 коп. в месяц, 36 учащихся вносили только часть платы – от 1,5 до 2 руб., 10 человек обучались бесплатно. Предметы изучения были стандартными: еврейский язык, Библия и молитвы, еврейская история. Объединение способствовало созданию хороших условий для обучения. «Классная обстановка вполне гигиеническая. Классные комнаты просторные, светлые, с мебелью, соответствующей росту учащихся, с отдельной столовой и коридором для игр в дурные погоды. Во дворе садик и площадка для игр..., попечительство задается целью со временем открыть при нем (хедере) детский сад для еврейских детей, в котором чувствуется особенная нужда» [384, с. 34-35]. Общественный хедер становился достаточно широкоизвестным. В 1908 г. он получил субсидию «Общества распространения просвещения среди евреев» в сумме 159 руб. В этом же году газета «Рассвет» писала о нем следующее: «Одним из симпатичнейших просветительных учреждений г. Николаева является образцовый хедер. Он был основан в 1898 г... В течение 10 лет хедер продолжает развиваться, благодаря неусыпным заботам местных сионистов, особенно благодаря д-ру Шухману. Можно бесспорно сказать, что этот хедер – один из лучших, если не лучший на Юге... Николаевцы с гордостью говорят, что местный хедер служит преддверием к палестинским школам. Действительно, многие из известных палестинских учителей, как например Ш. Бен-Цион, Исхильчук, Секерницкий и Пиноссович приобрели свой школьный опыт в николаевском образцовом хедере. По своему типу этот хедер общественный. В нем обучаются дети разных классов, но преобладает элемент несостоятельный. Плата небольшая для всех и колеблется между 5 руб. и 1 руб. в месяц. Но и эту ничтожную плату не все в состоянии внести. И добрая половина освобождается от платы. Понятно, что без общественной субсидии хедер не может существовать. Поэтому благодаря стараниям попечительства хедера был внесен в устав «Общества пособия бедным евреям г. Николаева» параграф о субсидировании платы за обучение детей несостоятельных родителей, обучающихся в хедере»

рах». Противниками хедера выступали меламеды, которые видели в общественном хедере серьезного конкурента. Известный общинный деятель врач Я.Г. Раппеорт неоднократно поднимал вопрос о необходимости распределять средства между всеми хедерами, но добиться этого ему не удалось, т.к. в уставе ОПБЕ четко оговаривалось, что общинные средства могут выделяться только общественным хедерам [582, 1909, № 43, с. 20-21]. В приведенном отрывке вызывают сомнение две детали: во-первых, указанная дата создания заведения документально не подтверждается; во-вторых, сомнительна связь учебного заведения с сионистскими организациями, т. к. этого не допустили бы местные власти. Этот хедер располагался в доме по ул. Малой Морской, № 14, по отчетам «Общества пособия бедным евреям» зафиксирован специальный капитал только для этого хедера, в 1904 г. он составлял 600 руб., а к 1911 г. достиг 2940 руб. 3 коп., при этом 1538 руб. 50 коп. из этой суммы составляла оплата за обучение детей, внесенная их родителями. В этом году в хедере работало 8 учителей, но только Голомшток работал в течение всего года, остальные – от 1 до 7 месяцев [384, с. 32-33].

Одно из последних документальных упоминаний о меламедах относится к 1912 г. 5 апреля инспектор народных училищ 9 района Херсонской губернии направил письмо Николаевскому губернатору, где перечислены 17 меламедов, «которым разрешено иметь хедеры в городе Николаеве». Копия письма передана в полицию, и к нему сделана приписка полицмейстером «...поручаю г. приставам полиции города Николаева всех меламедов, не вошедших в этот список, но имеющих хедеры, привлечь к ответственности» [292, л. 37].

Согласно данным об использовании средств коробочного сбора, отдельное финансирование частных хедеров не предусматривалось. Только при обсуждении сметы расходов коробочного сбора на 1896-1890 гг. было решено выделить «в уплату за обучение в хедерах беднейших детей 600 руб. [в год]» [258, л. 18.]. Это означало, что родители самостоятельно оплачивали меламедам за обучение детей, хотя часть расходов все же брала на себя община через различные формы благотворительности. В синагогах, молитвенных домах и других многолюдных местах (с разрешения градоначальника) стояли 122 кружки для сбора пожертвований. Собирались также пожертвования одеждой, обувью, дровами и углем. К примеру, в еврейской газете «Недельная хроника Восхода» за 1894 г. сообщалось: «Дамским комитетом по раздаче пособий бедным евреям г. Николаева собрано 350 руб. для покупки одежды и обуви для 50 мальчиков, обучающихся в хедерах», при этом дамам пришлось достаточно долго ожидать разрешения градоначальника на сбор пожертвований. [462, с. 168-169; 580, 1894, № 46, ст. 1224]. В 1892 г. при еврейской общине начала функционировать «Николаевская комиссия по раздаче пособий бедным евреям», которая получала средства для своей деятельности из фондов коробочного сбора и от частных благотворителей. Эта организация обращала внимание на бедственное положение меламедов, в связи с чем на общем собрании 8 сентября 1902 г. было принято решение «о создании капитала из специальных средств на пособие нуждающимся меламедам и местным учителям. Средства в сумме 2300 руб. ежегодно выделялись «на обучение детей в хедерах», но они предназначались только учащимся общественного хедера, о чем шла речь выше [428, с. 174].

Данные о количестве детей, обучавшихся в хедерах, приводятся в «Обзорах Николаевского военного губернаторства» и «Обзорах Николаевского градоначальства», на основе которых составлена таблица:

Таблица 11.1.

Сведения о евреях-учащихся в учебных заведениях г. Николаева

<i>Годы</i>	<i>Количество учащихся-евреев в учебных заведениях города</i>	<i>Количество хедеров / учащихся в них</i>	<i>%</i>
1869	339	20/204	60,2
1871*	-	20/230	-
1872*	-	22/216	-
1873*	-	19/197	-
1874*	-	18/205	-
1890*	-	18/185	-
1894	1103	19/473	42,9
1895	1222	19/509	41,7
1897	1444	33/496	34,3
1899	1742	24/402	23,1
1900	1853	21/400	21,6
1902	2144	36/398	18,6
1903	2037	26/422	20,7
1906	2772	18/285	10,3
1908	2863	18/187	6,5
1912	2970	12/194	6,5
1913	3209	14/287	8,9

[354-365; *15; 16; 25]

В таблице приведены официальные данные, в реальности численность учащихся в хедерах могла быть значительно выше. Как видно из таблицы, количество хедеров было нестабильным и могло существенно меняться из года в год, но число учащихся оставалось относительно стабильным и с начала XX в. имело тенденцию к уменьшению. Но, с учетом роста численности еврейского населения и возрастания общего количества евреев-учащихся во всех учебных заведениях города, процент учеников хедеров в их числе неуклонно падал – с 60,2% в 1869 г. до 6,5% в 1912 г., т. е. за 42 года их доля в общей численности учащихся-евреев снизилась почти в 7 раз при общем значительном росте еврейского населения. Это было свидетельством повышения популярности светского образования, а хедер оставался данью традиции.

Интересным может выглядеть сравнение числа учащихся в хедерах и в близких к ним православных церковно-приходских школах, действовавших при николаевских храмах. По данным за 1902 г., в хедерах обучались 398 детей, а в церковно-приходских школах – 1360, т.е. в 3,42 раза больше, тогда как православного населения в городе в это время было почти в 4 раза больше, чем евреев [112, л. 88, 104]. Приведенное соотношение показывает, что еврейские дети посещали начальные религиозные школы активнее, чем дети православных.

Талмуд-Тора

Точная дата создания училища Талмуд-Тора для детей-сирот не зафиксирована. Но в июле 1882 г. городской раввин А. Розенберг в отчете смотрителю уездного училища отметил, что училище существует уже 18 лет, это дает основание предположить, что Талмуд-Тора начала свою деятельность в 1864(65) г. [20, л. 5]. На 1 января 1868 г. в нем обучались 46 учеников (мальчиков), через год – 63 ученика. Училище располагалось в наемном доме по ул. Большой Морской (за наем платилось 120 руб. в год), оно состояло из одного класса, разделенного на два отделения, обучение было бесплатным [13, л. 11; 16, л. 5].

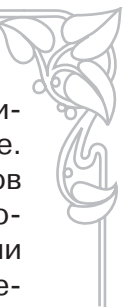
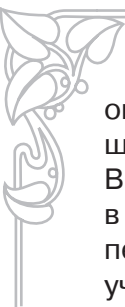
В 1871 г. в Талмуд-Торе было 50 учеников, в 1873 г. их число увеличилось до 60, на содержание заведения было отпущено 750 руб. из коробочного сбора. В числе воспитанников, в основном, дети «отставных солдат» и мещан, но есть и дети купцов. Ученики в возрасте от 8 до 12 лет поделены на 3 отделения. Низшее (III) отделение обучал меламед Янкель Гинцбург, среднее (II) – меламед Ионас Кейден (Кайданер), старшее (I) – помощник городского раввина Абрам Лавут. Кроме того, в училище преподавали учитель русского языка и арифметики, а также учитель чистописания. В приходно-расходной книге Талмуд-Торы за 1870 г. зафиксированы выплаты (в основном, разовые) учителям Нусину Бершковскому, Срулю Арону Зильберштейну, Зусько Медведеву, Нахману Сушицкому, Иосифу Фельдшеру, А. Шпигельту. 23 июля 1871 г. училище инспектировал директор гимназии А. Смирнов. Свои впечатления он изложил в письме, направленном в еврейскую училищную комиссию. Он отметил, что 24 ученика низшего отделения «...помещены в тесной комнате и имеют один небольшой стол, подле которого можно сидеть не более, как восьми ученикам, и одну книгу на всех... Замечены мною весьма слабые знания по русскому языку». Некоторые ученики даже отказались читать и писать «по неумению». В письме высказаны такие предложения:

- увеличить число мебели и книг;
- провести испытания для учеников Талмуд-Торы и хедеров, которые в дальнейшем проводить ежегодно [25; 82, л. 3, 13, 15].

На начало 1872 г. в училище находилось 49 воспитанников, к концу года их численность увеличилась до 58. На содержание заведения из коробочного сбора было отпущено 780 руб.

В 1873 г. в Талмуд-Торе содержались 60 воспитанников, которых обучали 3 меламеда. Смотритель уездного училища, посетивший заведение, отметил: «Квартира, в которой помещается Талмуд-Тора, по своей тесноте требует перемены. Успехи по арифметике и чистописанию удовлетворительные» [16, л. 4].

В I полугодии 1874 г. в Талмуд-Торе обучались 82 ученика, а во II полугодии того же года их число сократилось до 53. Обучение вели три меламеда. На содержание заведения из коробочного сбора было отпущено 800 руб. На положение в училище впервые обратила внимание местная пресса. В газете «Николаевский вестник» была помещена критическая статья «Несколько слов о евреях» (1874 г., № 14). По этому поводу директор гимназии А. Смирнов направил письмо смотрителю уездного училища, который возглавлял еврейскую училищную комиссию: «Обращая ваше внимание на статью «Несколько слов о евреях», помещенную в «Николаевском вестнике» № 14 и изображающую николаевскую Талмуд-Тору в самом дурном положении, покорнейше прошу Вас, милостивый государь, уведомить меня, действительно ли все сказанное об ней справедливо и какие меры еврейская училищная комиссия полагала бы необходимым принять для устранения означенных недостатков, если

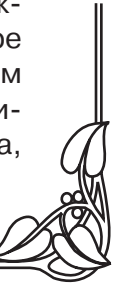

они действительно существуют». Отметим, что письмо директора гимназии не лишено лицемерия, т.к. он сам неплохо был осведомлен о положении дел в училище. В ответ на это в Талмуд-Торе были проведены экзамены (испытания) для учеников в присутствии смотрителя уездного училища, городского раввина и одного из попечителей. Их результаты оказались следующими: «В самом младшем отделении ученики при испытании в еврейском чтении читали не только те книги, которые ежедневно употреблялись, но и принесенную раввином Когоном совершенно постороннюю книгу. Вид детей довольно бодрый... В I отделении I класса (младшие) читают по еврейской библии с переводом... Читают по-русски еще не совсем достаточно, потому что в этом отделении они только начинают чтение. Из арифметики пишут, хотя и не скоро, нумерацию». В приложенной ведомости из 14 учеников четверо получили «двойки» по всем «общим предметам». Ученики II отделения I класса (старшие) показали хорошие и удовлетворительные знания по всем предметам [17].

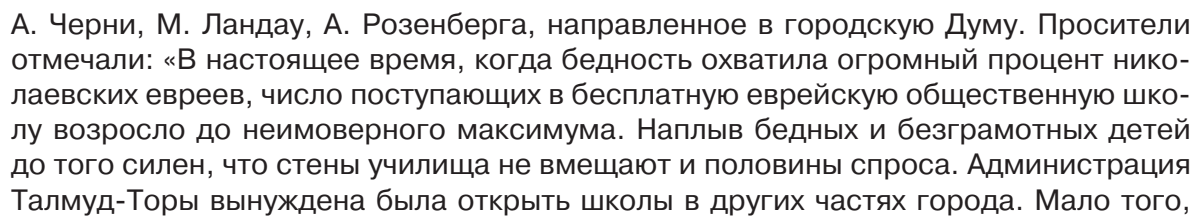
Уровень образования и материальной базы в еврейских религиозных школах были разными. К примеру, в 1867 г. М. Пирогов, который был в это время попечителем Одесского учебного округа, опубликовал в газете «Одесский вестник» статью об одесском училище Талмуд-Тора, где приводил еврейское учебное заведение как пример для наследования казенным школам, которые уступали данной школе как по уровню обучения, так и материальной базой. Статья стоила автору должности, его перевели в другое место [519, с. 89-90]. К сожалению, николаевская еврейская община так и не сумела довести свою Талмуд-Тору до уровня одесской.

13 сентября 1879 г. член попечительного комитета М. Когон обратился к военному губернатору с просьбой о создании при училище еврейской молитвенной школы (молитвенного дома), на что было получено разрешение. Об этом А. Пещуров сообщал полицмейстеру, поручая ему осуществлять «надлежащее в этом случае наблюдение» [337, с. 123-126; 336, с. 84-86, 88-89; 512, с. 46].

В 1882 г. число учеников увеличилось до 105, они были поделены на подготовительный, младший и старший классы. Обучение детей закону еврейской веры осуществлял раввин А. Розенберг, он же преподавал русский язык. Арифметику преподавал учитель Х. Михельсон, чистописание – Х. Варшавер. Кроме того, в училище работали меламеры Я. Гинцбург, М. Ванский и И. Кайдан. На содержание Талмуд-Торы отпускалось из коробочного сбора 3500 руб., из них на содержание заведения расходовалось 2000 руб. и 1500 руб. – на одежду и обувь ученикам [20, л. 5].

Более подробные сведения об училище Талмуд-Тора содержатся в «Ведомости о еврейских благотворительных заведениях в городе Николаеве Херсонской губернии» за 1886 г. В документе отмечено, что училище размещается в отдельном каменном доме, стоимостью 10 тыс. руб. по ул. Адмиральской, № 21, на содержание учебного заведения ежегодно выделяется 5000 руб. из сумм коробочного сбора, а также поступают «добровольные приношения, которых в настоящее время поступило 400 руб.», кроме того отмечалось, что «при училище с 1 октября 1885 г. учреждены даровые обеды для 145 приходящих учеников» [337, с. 123-126]. Последнее было не лишним, учитывая, что большинство учеников были сиротами или детьми бедных родителей. Целью этого заведения было «...призрение сирот и детей бедного состояния. Доставка им безвозмездно наставления в вере, правильного элементарного образования и сообщения им прикладных, соответствующих нуждам местного населения, познаний». Для решения этих задач при Талмуд-Торе был открыт ремесленный класс со слесарной мастерской [46, л. 40]. О тяжелом материальном положении, в котором оказалось учебное заведение в 1886 г., свидетельствует прошение членов попечительного совета А. Галицкого, Г. Сахарзона,

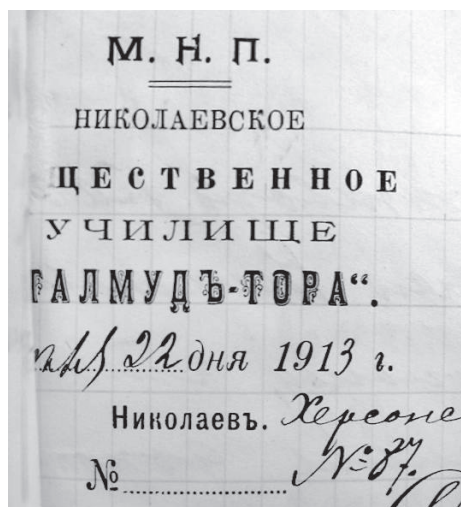

А. Черни, М. Ландау, А. Розенберга, направленное в городскую Думу. Просители отмечали: «В настоящее время, когда бедность охватила огромный процент николаевских евреев, число поступающих в бесплатную еврейскую общественную школу возросло до неимоверного максимума. Наплыв бедных и безграмотных детей до того силен, что стены училища не вмещают и половины спроса. Администрация Талмуд-Торы вынуждена была открыть школы в других частях города. Мало того, что по наведенным попечительным советом справкам оказалось, что большинство учащихся приходит в класс голодными, уходит из училища такими же и потом дома, за неимением горячей пищи, остаются опять-таки впроголодь... недавно попечительный совет решился открыть для 75 учеников бесплатную столовую... 5000 руб., получаемые училищем из сумм коробочного сбора, решительно не удовлетворяют в данное время потребностям училища с 220 учениками, которых нужно учить, одевать и кормить. Попечительный совет, взывая к благотворительности, в частности на этот случай, не знает еще куда обратиться, как только к просвещенному представительному учреждению – городской Думе... Ввиду чрезвычайных условий и ввиду того, что еврейское население прямыми и косвенными налогами, до известного предела, все же принимает участие в приращении городских налогов, попечительный совет и обращается к почтенному собранию, первый раз за 20-летнее существование училища, с убедительнейшею просьбою подать руку помощи бедным детям, ассигновать на учебное и воспитательное дело Талмуд-Торы ежегодную субсидию в размере 400 руб.» [91, л. 1-2]. Просьба рассматривалась на заседании Думы, но так и не была удовлетворена. Учебное заведение за весь период своего существования ни разу не получило никакой помощи из городского бюджета. Единственным результатом описанной ситуации стало то, что с 1888 г. на содержание заведения отпускалось до 6000 руб. из коробочного сбора.

Деятельность попечительного совета Талмуд-Торы на протяжении многих лет сопровождалась конфликтами и разбирательствами, что отражало внутреннюю борьбу за лидерство между отдельными группировками внутри еврейской общины. Все это негативно отражалось на состоянии учебного заведения, на что регулярно обращали внимание различные проверявшие комиссии. В конечном итоге, это привело к его закрытию. 3 августа 1889 г. директор народных училищ Херсонской губернии сообщил военному губернатору: «Управляющий Одесским учебным округом... разрешил закрыть Николаевскую Талмуд-Тору впредь до особого распоряжения». В надежде на то, что закрытие Талмуд-Торы носит временный характер, раввин Х. Богров 11 октября 1889 г. просил военного губернатора «предложить городской управе созвать еврейское общество для обсуждения вопроса о возбуждении ходатайства об открытии ныне закрытого училища, в котором чувствуется неотложная необходимость». На запрос военного губернатора по этому поводу городской голова Ф.Е. Кроун высказался отрицательно. Он подчеркнул: «Талмуд-Тора является для городского управления учреждением крайне обременительным вследствие возникающих по хозяйственному заведению оной постоянных недоразумений, пререканий, судебных процессов и проч.» [237, л. 15, 20, 29]. При негативном отношении местной администрации вопрос о возобновлении деятельности Талмуд-Торы стал неразрешимым, тем более, что директор народных училищ Херсонской губернии обратился в Министерство народного образования с предложением вместо закрытой Талмуд-Торы открыть в Николаеве казенное еврейское училище. В целом же, закрытие под разными предлогами хедеров и Талмуд-Тор в большинстве городов «черты оседлости» было общей тенденцией правительственной политики конца XIX в.

Угловой штамп училища
Талмуд-Тора

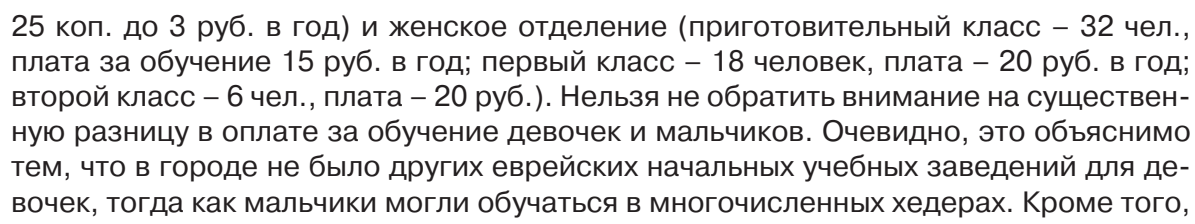
В начале XX в. в Николаеве вновь появилась Талмуд-Тора в качестве училища для сирот и детей бедняков. Упоминание об этом заведении относится к 1902 г., хотя в отчетах за 1910 г. Талмуд-Тора почему-то не была указана среди действующих учебных заведений Николаева. Здание для Талмуд-Торы было приобретено и приспособлено для занятий на пожертвования А. Имас. В «Адрес-календаре» на 1912 г. сообщалось, что еврейское общественное училище Талмуд-Тора расположено по Херсонской улице, № 87 [430, с. 82]. Корреспондент газеты «Восход» под псевдонимом «Нениколаевец» с горечью описывал ситуацию в этом заведении: «...преподавание до сих пор велось в Талмуд-Торе из рук вон плохо; «кончук» применялся как первое и последнее слово педагогики; никто по месяцам не

заглядывал туда, чтобы ознакомиться с господствующими там порядками; учебный персонал, в общем весьма неудовлетворительный, получает нищенский оклад... Дети оборваны, грязны, голодны. Между тем, денег тратилось много – до 3200 руб. в год. Но эту сумму можно бы увеличить. Для Талмуд-Торы жертвователи найдутся, нужны только умелые организаторы сборов и само дело, лучше поставленное, привлечет новый контингент жертвователей» [579, 1902, № 49, с. 28-29]. Оптимизм автора едва ли оправдан, т.к. проявление благотворительности по отношению к данному заведению в начале XX в. явно утрачивало престижность.

В «Обзоре Николаевского градоначальства за 1912 год» указано, что в Талмуд-Торе обучаются 176 воспитанников, в течение года 12 из них окончили обучение и выпущены, 16 – выбыли и 70 мальчиков принято. В 1913 г. в училище было 165 подростков. По данным обзора за 1914 г., в Талмуд-Торе обучались 184 воспитанника [364, с. 48; 365, с. 66; 366, с. 30]. Одно из последних упоминаний об этом учебном заведении встречаем в анкете, подготовленной для Министерства по еврейским делам (Центральной Рады) в середине 1918 г. Очевидно, документ был отправлен в Киев к тому моменту, когда правительство Центральной Рады, которому он адресовался, было уже свергнуто. В документе сообщалось, что Талмуд-Тора располагалась в собственном доме, в ее двух классах обучались 184 учащихся (5 классов-комплектов), преподавали 5 учителей. Обучение оставалось бесплатным. На содержание училища с июня 1917 г. по июль 1918 г. Николаевской городской Думой было выделено 1984 руб., 50 коп.; из коробочного сбора – 2900 руб.; 9600 руб. частных пожертвований от еврейской общины [337, т. 2, с. 41-42]. Суммы выглядят очень значительными, но следует учитывать высокую инфляцию и падение доверия к денежным знакам в силу политической нестабильности.

Еврейские private училища

Одним из первых частных (светских) еврейских учебных заведений, действовавших в городе, была школа Виктора Розенсора, открытая в апреле 1863 г. Она располагалась на ул. Большой Морской. В отчете раввина за этот год она названа «еврейским девичьим училищем», но уже в год открытия в школе действовали мужское отделение (20 учащихся в возрасте от 7 до 13 лет, плата за обучение от 1 руб.

25 коп. до 3 руб. в год) и женское отделение (приготовительный класс – 32 чел., плата за обучение 15 руб. в год; первый класс – 18 человек, плата – 20 руб. в год; второй класс – 6 чел., плата – 20 руб.). Нельзя не обратить внимание на существенную разницу в оплате за обучение девочек и мальчиков. Очевидно, это объяснимо тем, что в городе не было других еврейских начальных учебных заведений для девочек, тогда как мальчики могли обучаться в многочисленных хедерах. Кроме того, как отмечалось в отчете, «ученицы по окончании курса училища бывают в состоянии поступать в 3 класс женской гимназии, а ученики – во 2 класс мужской гимназии». В отчете указывалось, что «Закон Божий, немецкий язык, арифметику, чистописание преподает содержатель училища Виктор Розенсор; русский язык преподает студент Одесского университета Лев Карачунский, надзор же за девушками, кроме содержателя, имеет девица, окончившая гимназический курс, Ясинская, которая преподает рукоделие» [24, л. 10, 24].

В 1868 г. в этой школе обучались в мужском отделении в I классе 20 мальчиков 7-13 лет. Оплата за обучение от 1 до 10 руб., 3 ученика обучались бесплатно. В женском отделении в подготовительном классе – 32 ученицы, 7-9 лет, плата за обучение 15 руб.; в I классе – 19 учениц, 8-12 лет; во II классе – 7, оплата – 20 руб.; 4 ученицы, по бедности родителей, обучались бесплатно. В сведениях за 1869 г. говорится, что школа состояла из 2-х классов, в ней обучались 52 мальчика (ученицы не упоминаются). Плата за обучение составляла 15 руб. в год [24, л. 10, 24; 444, с. 61].

29 мая 1869 г. по разрешению местной администрации открылась школа грамотности «для еврейских бедных девиц». Как отмечал николаевский раввин М. Когон, «...школа эта, как общепольное благотворительное учреждение, для здешних евреев составляет одну из самых насущных потребностей еврейского населения нашего города». Судя по тому, что попечительницей этой школы была супруга военного губернатора Эмилия Антоновна Глазенап, эта школа входила в состав сети школ грамотности, которая была создана в 70-х гг. в Николаеве и хуторах, о чем речь пойдет далее [83, л. 1, 13].

В 1875 г. директор народных училищ Херсонской губернии дал разрешение Моисею Шталю на открытие в Николаеве одноклассного частного мужского еврейского училища III разряда. Учебный план, представленный содержателем училища, включал «чтение и перевод первой книги Моисеевой на русский язык», изучение азбуки и чтение на русском языке, нумерацию и 4 арифметических действия, чистописание на русском и еврейском языках. В училище принимались мальчики в возрасте от 6 лет. В одном классе должно быть не более 30 человек. В том же году Мовше Гершовичу было отказано в открытии еврейского училища из-за отсутствия у него документов на право заниматься учительской деятельностью [18, л. 22, 24].

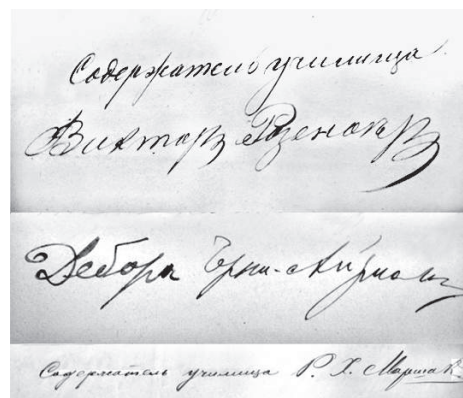
Сохранилась переписка, связанная с открытием в Николаеве частных еврейских училищ. 3 июня 1878 г. военным губернатором было направлено письмо полицмейстеру. В нем сообщалось о разрешении перевести И. Сироту из Берислава в Николаевское еврейское училище, которое он содержит. Указано, что на это получено разрешение попечителя Одесского учебного округа и дан положительный отзыв директора Николаевской гимназии. К письму прилагался план учебной деятельности заведения. Предполагалось обучать в нем до 40 учащихся в возрасте от 7 до 11 лет в «подготовительном» и первом классах. Предметы обучения: Закон Божий, русский язык, арифметика и чистописание. Преподавание должно вестись по учебникам, утвержденным Министерством народного просвещения. «Плата за обучение от 40 до 60 руб. в год, смотря по состоянию родителей». В феврале-апреле 1881 г.

происходила переписка между военным губернатором, полицмейстером и директором народных училищ о политической благонадежности учителя А. Эпштейна, ходатайствовавшего об открытии в Николаеве частного еврейского училища. Вопрос решился положительно, благодаря отзыву полицмейстера, который отмечал, что: «...учитель Арон Эпштейн поведения хорошего, в предосудительных поступках не замечен, и нет повода к сомнению в его политической благонадежности» [337, т. 1, с. 64-69, 93-95, 98-108]. Количество частных училищ возрастало, и в отчете военного губернатора М.П. Манганари за 1880 г. отмечалось, что в городе действовало 18 еврейских училищ (очевидно, в их число включены и хедеры, и число явно занижено), в которых обучались 246 мальчиков и 99 девочек [462, с. 167].

В списке еврейских учебных заведений за 1885 г. упомянуты частные еврейские училища: Трахтенберга на ул. Большой Морской, № 61, Эпштейна на ул. Католической, № 41, Варшавера на ул. Московской, № 29, Сироты на ул. Купеческой, № 51. В начале XX в. в числе действовавших частных начальных еврейских училищ упоминаются: мужское училище Л.А. Кагана (открыто в 1895 г.), обучались 12 мальчиков; мужское училище Р.Х. Маршака (открыто в 1892 г.), обучались до 60 мальчиков, при училище действовали вечерние курсы для взрослых, на которых обучались 12 взрослых мужчин; мужское училище Н.Л. Шафира (открыто в 1887 г.), обучались 54 мальчика; мужское училище Л.И. Эпштейна (открыто в 1901 г.), обучались 25 мальчиков; женское училище Д.А. Черни-Айзман (открыто в 1887 г.), обучались 35 девочек; позже упоминаются частное еврейское училище И.Л. Цитринника на ул. Потемкинской, 56; М.И. Мальта на ул. Херсонской, 33. В обзорах Военного губернаторства и градоначальства начала XX в. упомянуты училища Гросмана (в 1898 г. обучались 50 мальчиков), Хазина (23 ученика), Смеркиса (54 ученика), Билянского (45 учеников), Маршака (24 ученика), Гурвич (131 ученик), А. Эпштейна (29 учеников) и др. [112, л 88; 359; 362; 428, с. 105-107; 429, с. 166].

Одним из самых известных частных еврейских учебных заведений города было профессиональное училище для девочек Фанни Савельевны Вулих. Оно основано в 1896 г., когда основательница училища обратилась с ходатайством к учебному начальству и получила разрешение устроить еврейскую профессиональную школу. С 1902 г. с разрешения попечителя Одесского учебного округа учебное заведение было переименовано в 2-х классное еврейское профессиональное училище с четырехлетним курсом обучения. «...для детей, желавших получить только грамотность и некоторые познания по шитью, достаточные для домашнего обихода, девушек же, способных к модному делу, предполагалось оставлять в мастерской, где они

будут специально изучать это мастерство в течение двух лет» [383, с. 6]. Первоначально было принято на обучение 40 неграмотных девочек, на второй год еще 50, на третий год – 60. В 1898 г. в заведении обучались 120 девочек, приняты на обучение 43 девочки, но выбыли в течение года 11 учениц; в следующем году – 137 учениц и принято только 17; в 1900 г. – 150 учениц, принято 37, но выбыло в течение года 24 [357; 345]. В 1901 г. в училище обучались 150 (по другим данным 170) учениц. Число желающих было гораздо больше, за это время в приеме было отказано 275 кандидаткам, в 1902 г. было принято 82 девочки, отказано 171. Популярность училища быстро возрас-

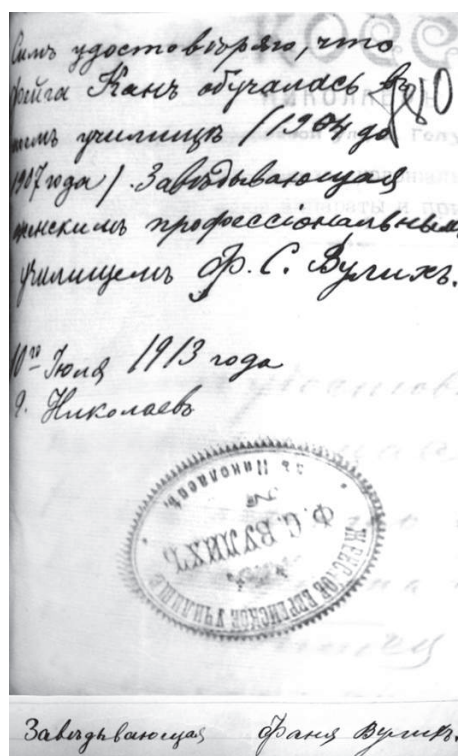
Автографы содержателей частных еврейских училищ

тала, и кандидатки на поступление записывались за несколько месяцев до начала занятий, но мест и средств было мало, поэтому прием в число учениц происходил по жребию. В первом полугодии 1902 г. в училище обучались 152 девочки, в том числе: в 1 первом классе – 50; во втором – 40; в третьем – 30, в четвертом – 144, в мастерской 10 учениц учились на пятом году и 8 выпускниц. Во втором полугодии число учениц возросло до 234 [384 с. 5-6]. Семейное и социальное положение учениц можно представить по данным за 1903 г.:

сирот	– 45;
детей мелких торговцев	– 42;
детей ремесленников	– 46;
детей маклеров	– 16;
детей чернорабочих	– 13;
детей меламедов	– 8;
детей канторов	– 2;
детей лиц без определенных занятий	– 36.
Всего:	– 206 учениц [383, с. 7].

Приведенный перечень свидетельствует о том, что данное учебное заведение ставило целью оказание помощи в приобретении начального образования и профессии детям из наиболее нуждающейся части еврейского общества.

В 1904 г. в четырех классах училища обучались 220 учениц, им преподавали 15 учительниц. Из них 9, как и сама Ф.С. Вулих, работали бесплатно, «...дабы уменьшить расходы». В училище приобретали профессию белошвеек и рукодельниц. Как отмечалось, «в училище обучаются дети беднейшего слоя еврейского общества, они часто приходят в училище голодные, страдают от холода без теплой одежды и обуви». Благотворители обеспечивали всех девочек бесплатным чаем, хлебом, а более 60 учениц получали и бесплатные обеды (на это собирались особые пожертвования), осуществлялась бесплатная медицинская помощь. По окончании обучения выпускницам-сиротам дарили швейные машинки, чтобы они могли в дальнейшем заработать на жизнь. В 1901 г. руководство училища пыталось решить вопрос об открытии при нем мастерских, в которых могли бы работать выпускницы, приобретая профессиональные навыки. Эту проблему удалось решить, и в 1904 г. ученицами было исполнено 237 заказов, мастерская работала успешно, т. к. о ней упоминалось в губернском отчете за 1910 г. Учебное заведение содержалось за счет средств коробочного сбора (600 руб.), частных пожертвований, доходов от благотворительных мероприятий, которые организовывались «Обществом пособия бедным евреям г. Николаева». Общие затраты на его содержание составляли около 5000 руб. в год и постепенно возрастали. Расходы на содержание одной ученицы составляли 17 руб. 20 коп. в год.

Автографы и печать Ф. Вулих

В числе попечителей учебного заведения были купец Р-Х. Богров, а также жены достаточно известных и уважаемых членов городской еврейской общины: Е.Г. Варшавер, Р.К. Куперман, Ф.Я. Гольдфарб, Е.И. Либих. [47, л. 185; 491, кн. 1, с. 123; 462, с. 168; 579, 1901, № 20, ст. 17; № 21, ст. 12-13; 350, с. 316-319; 427, с. 118-119; 428, с. 106-107; 383, с. 8; 384, с. 16-18].

Первый выпуск учениц профессионального училища состоялся 2 марта 1902 г. Они были «удостоены ремесленной управой звания мастериц по модному мастерству». При выпуске отмечалось, что за первые 7 лет существования училища было подано 1479 прошений о приеме на обучение, но из них только 282 девочки были приняты на обучение в связи с отсутствием денежных средств и недостаточной материальной базой училища. Попечительницы при решении вопроса о приеме на обучение отдавали предпочтение девочкам из наиболее нуждающихся семей. Отмечено также, что из 200 учениц, принятых в первый год, окончили полный курс обучения только 63, т.е. 137 учениц (68,5%) оставили училище, не закончив обучение (впоследствии это ставилось в вину Ф.С. Вулих). Это объяснялось крайней нуждой родителей, которые забирали детей из училища для устройства на работу уже после того, как они получали первые навыки мастерства и элементарные знания. В 1904 г. был проведен анализ занятости выпускниц. Было отмечено, что большинство из них «...продолжают заниматься приобретенным в училище ремеслом, а некоторые настолько усвоили его, что способны сами преподавать ремесло другим». Училище получило высокую оценку посетивших его представителей «Еврейского колониционного общества», которое выделило в 1906 г. 2200 руб. в помощь училищу, что помогло пережить трудный год, т.к. «Общество пособия бедным евреям» не смогло полностью профинансировать учебное заведение, что было последствием событий 1905 г. [579, 1903, № 15, ст. 23-24; 384, с. 18; 386, с. 15]. В 1907 г., в связи с финансовыми трудностями, была введена оплата за обучение – по 6 руб. в год, но «...деньги ученицы вносили неохотно, по частям, т. к. такая оплата им не по силам». Очевидно, по этой причине из училища выбыли 55 учениц. В 1908 г. плату за обучение снизи-

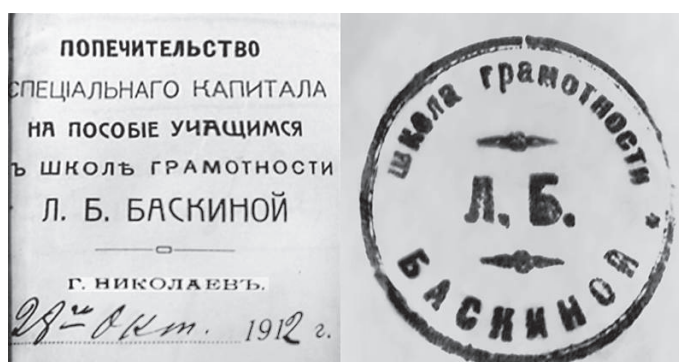
Дом училища Ф. Вулих на пересечении
ул. Никольской и Глазенаповской

ли до 4 руб., но собрали только 200 руб., в дальнейшем приняли решение плату не взимать. Училище вновь посетили представители «Еврейского колонизационного общества», от которого 1907 г. было получено 2200 руб. на содержание учебного заведения. В 1909 г. из-за недостатка финансирования возникла угроза закрытия училища. Чтобы не допустить этого, ученицы организовали в городе ежемесячный сбор средств (по 20 коп.) в пользу учебного заведения. Финансовые трудности и в дальнейшем оставались одной из самых острых проблем для училища. Эта проблема иногда обострялась в результате разногласий Ф.С. Вулих с руководством еврейской общины, которое полагало, что срок обучения в училище слишком длительный и предлагало ограничиться только начальным обучением, сократив период обучения до 1-2 лет. Основательница училища отстаивала свой взгляд, считая, что выпускницы должны получить полноценное профессиональное образование, что позволит им в дальнейшем обеспечить себя и свою семью.

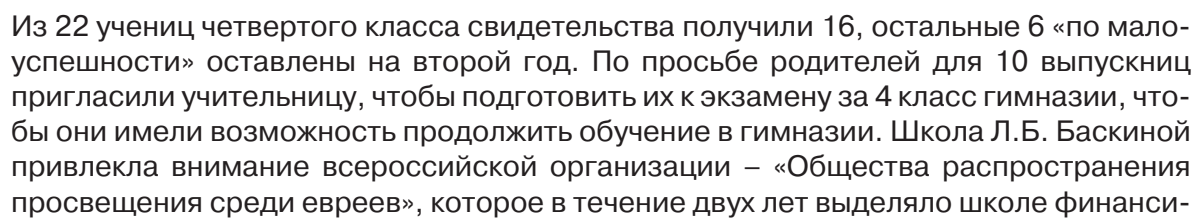
В 1907 г. училище перешло из дома Гончарова на ул. Соборной в дом Инглези на перекрестке Никольской и Глазенаповской, но новое помещение было тесным и душным, поэтому через год заведение вновь переехало в дом Федермейера на углу Херсонской и Черниговской. Последний переезд состоялся в октябре 1909 г., когда училище расположилось в доме Белоусова на ул. Никольской, № 35 (угол Черниговской) [388, с. 6; 389, с. 8; 390, с. 4].

В октябре 1903 г. открылось училище для девочек из бедных еврейских семей и сирот Л.Б. Баскиной, создание которого началось в 1902 г., когда основательница обратилась с ходатайством к учебному начальству. Инспектор народных училищ 5-го района Херсонской губернии Пятницкий «тепло отнесся к этому ходатайству и обещал ему горячее содействие». Из-за отсутствия достаточных средств для начала его работы пришлось организовать сбор средств на приобретение мебели и всего необходимого для учебного процесса.

Как отмечалось в газете «Восход»: «Не успела публика узнать, что открыт прием записей..., как двери училища буквально стали братья приступом. Пришлось, скрепя сердце, отказать многим не десяткам, а сотням детей». На обучение приняли 136 девочек. Расходы на содержание одной ученицы составляли 17 руб. 20 коп. в год. В следующем году из 180 поступивших просьб о приеме на обучение было удовлетворено только 18, кроме того, были приняты в училище 22 дочери «нижних чинов», призванных на русско-японскую войну. В программе обучения были такие предметы, как русский и еврейский языки, арифметика, история, рукоделие. Обучение в школе продолжалось 4 года. Было организовано бесплатное медицинское обслуживание и снабжение лекарствами учениц. Это было настоятельной необходимостью, т.к. 30% из них страдали малокровием, а 28% – золотушные. Чтобы улучшить состояние здоровья детей, за год им было выдано 2700 бесплатных обедов [579, 1903, № 44, ст. 25; № 49, ст. 24; 385, с. 21]. Финансирование оставалось одной из самых сложных проблем учебного заведения, в 1906 г. из-за недостатка средств, пришлось отменить новый набор учениц. В этом же году состоялся первый выпуск.

Угловой штамп и печать школы грамотности Л.Б. Баскиной

Из 22 учениц четвертого класса свидетельства получили 16, остальные 6 «по малоуспешности» оставлены на второй год. По просьбе родителей для 10 выпускниц пригласили учительницу, чтобы подготовить их к экзамену за 4 класс гимназии, чтобы они имели возможность продолжить обучение в гимназии. Школа Л.Б. Баскиной привлекла внимание всероссийской организации – «Общества распространения просвещения среди евреев», которое в течение двух лет выделяло школе финансирование в сумме до 600 руб. [579, 1903, № 30, с. 19-20; 387, с. 3, 18]. В 1907 г. прием в школу возобновился, было принято 80 учениц, но уровень их подготовки был настолько низким, что пришлось 36 девочек зачислить в подготовительный (параллельный) класс, т. к. они оказались неспособными обучаться по программе первого класса. Между тем, количество учениц в третьем и четвертом классах уменьшалось. «Уменьшение количества детей в старших классах объясняется тем, что родители наиболее беднейших детей, не имея возможности держать девочку в школе 4 года, а иногда и 5 лет, берут ее из школы на второй и на третий год обучения... Каникулы каждого учебного года выхватывают из рядов учениц 1/3 общего числа. Эта треть поглощается мастерскими, магазинами и фабриками, короче, рынком тяжелого детского труда». В 1912 г. училище располагалось по адресу: ул. Пушкинская, № 20; в 1913 г. в нем обучались 232 девочки [888, с. 3; 430, с. 65; 365, с. 60].

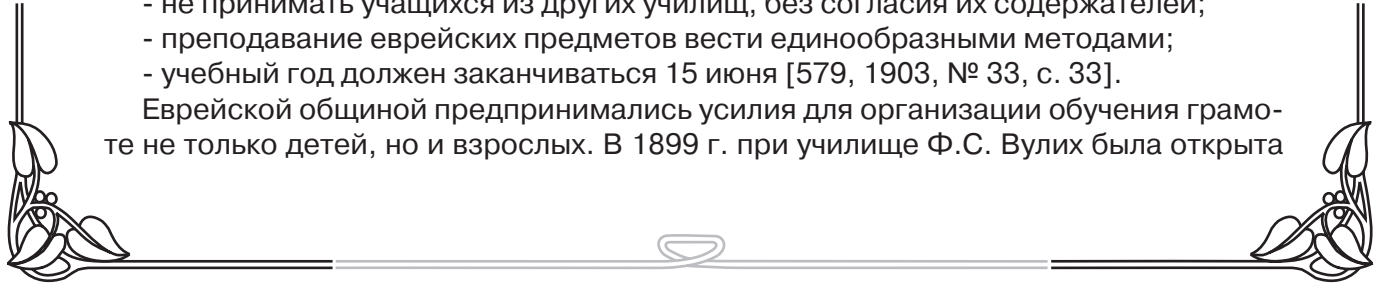
Училище для девочек, открытое в 1887 г. супругой купца Деборой Черни-Айзман, было одним из немногих, регулярно получавших небольшое пособие из коробочного сбора, хотя в нем обучались дети достаточно состоятельных родителей. Причина этого становится понятной из объяснения комиссии по составлению сметы расходов коробочного сбора, которая отметила, что данному училищу выделяется по 300 руб. в год с условием ежегодно принимать на обучение по 8 бедных учениц [258, л. 14].

В 1905 г. в Николаевском градоначальстве действовали 10 частных еврейских школ, в которых обучались 198 детей; в 1909 – 11 школ, 800 учащихся; в 1910 – 9 школ, 776 учащихся. Нельзя не обратить внимание на соотношение между количеством мальчиков и девочек среди учащихся еврейских школ. В 1904 г. мальчики составляли 51,2%, девочки – 48,8%, но соотношение постепенно изменялось, и через 5 лет (1910 г.) мальчики составляли только 44,3%, а девочки – 55,7% [350, с. 35, 220-221, 256-257].

Большое количество хедеров и частных училищ порождало конкуренцию между ними, не всегда эта конкуренция происходила честными методами. Часто использовалась клевета, взаимные оговоры среди меламедов и содержателей училищ с целью переманить к себе побольше учеников. В 1903 г. инспектор народных училищ 5 района Херсонской губернии (район включал и г. Николаев) Пятницкий обратил внимание на беспорядки и «неблаговидные способы вербовки учеников», которые имели место в хедерах и частных еврейских училищах Николаева. Им было направлено предписание, обязательное для исполнения в этих заведениях (под угрозой их закрытия):

- прием детей производить только 1 раз в год – в сентябре;
- не вербовать учащихся неблагоприятными способами, компрометирующими учебное заведение;
- не принимать учащихся из других училищ, без согласия их содержателей;
- преподавание еврейских предметов вести единообразными методами;
- учебный год должен заканчиваться 15 июня [579, 1903, № 33, с. 33].

Еврейской общиной предпринимались усилия для организации обучения грамоте не только детей, но и взрослых. В 1899 г. при училище Ф.С. Вулих была открыта

женская субботняя школа, которую посещали 90 учениц (в 1903 г. – 94 ученицы) в возрасте от 14 до 25 лет. Вечерние курсы для взрослых в 1903 г. действовали при школе Л.Б. Баскиной, их посещали 95 человек; при училище Маршака (12 человек); при училище Мальта (20 человек). В начале XX в. «Обществом пособия бедным евреям г. Николаева» были организованы вечерние курсы для мужчин. В 1904 г. на этих курсах обучались 125 человек, в том числе: приказчиков – 20%; слесарей – 16%; заготовщиков – 8%; столяров, сапожников, жестянщиков – по 6%; портных – 5%; шляпочников – 4%; переплетчиков, фотографов, наборщиков – по 3%; часовщиков и рабочих – по 2%; представителей других цехов – 9%; лиц без определенных занятий – 7% [385, с. 22, 347, с. 84]. Приведенная статистика в определенной мере отражает структуру занятости еврейского населения и уровень его грамотности.

Евреи среди учащихся нееврейских (общих) казенных средних учебных заведений

В противовес хедерам и частным училищам в 30-40-х гг. XIX в. российское правительство приступило к созданию еврейских казенных училищ, но эти училища не имели популярности среди евреев, и они отказывались отдавать детей в эти заведения, предпочитая традиционные хедеры. Эти события никак не затронули Николаев, т.к. в это время евреям было запрещено проживание в городе, вопрос о создании здесь подобного училища даже не ставился. В целом, отношение местной администрации Новороссийского края к частным еврейским учебным заведениям было достаточно негативным. Доказательством этого может служить такой случай. 4 марта 1854 г., ссылаясь на поручение министра народного просвещения, Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор обратился к Херсонскому губернатору с предложением высказать свое мнение по такому вопросу: «...относя недостаточность успеха казенных еврейских училищ, преимущественно, к слишком значительному числу частных еврейских школ, большею частью незаконно существующих, полагает, что для уничтожения недозволенных еврейских школ полезно было бы постановить, что в случае открытия таких школ, обучающиеся в них евреи отдаются в кантонисты* вне очереди». Херсонский губернатор не очень торопился с ответом, и через полгода ему напомнили об этом. В конце концов, он ответил, что считал бы такую меру излишне строгой [332, л. 1-4].

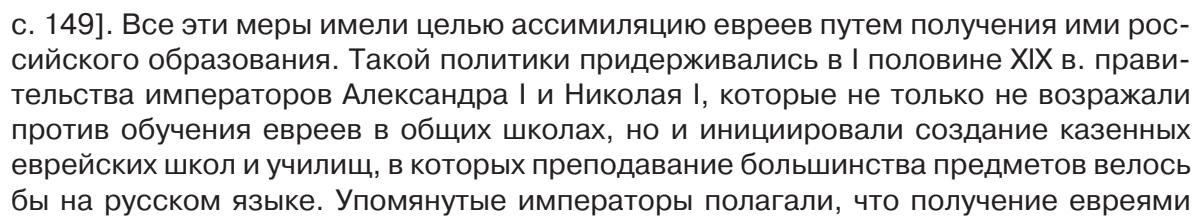
Согласно «Положению об устройстве евреев» 1804 г., не устанавливалось никаких ограничений для обучения еврейских детей в государственных (казенных) учебных заведениях Российской империи. В документе, в частности, указывалось:

«1. Все дети евреев могут быть принимаемы и обучаемы, без всякого различия от других детей, во всех российских народных училищах, гимназиях и университетах.

2. Никто из детей еврейских, быв в училище во время его воспитания, не должен быть ни под каким видом отвлекаем от своей религии, ни принуждаем учиться тому, что ей противно и даже несогласно с нею быть может» [405, т. XXVIII, с. 731].

Никаких ограничений по этому поводу не содержалось и в следующем «Положении о евреях» 1835 г., кроме того, в 1842 г. в «Устав Рекрутский» даже внесли изменения, согласно которым евреев, которые успешно обучаются в средних и высших учебных заведениях и оканчивают их, освобождают от рекрутской повинности [335,

* Кантонисты – это дети евреев, с 12 лет принудительно взятые на воинскую службу, зачисленные в специальные школы с суровой воинской дисциплиной и тяжелыми условиями для выживания. Среди кантонистов наблюдалась высокая смертность.

с. 149]. Все эти меры имели целью ассимиляцию евреев путем получения ими русского образования. Такой политики придерживались в I половине XIX в. правительства императоров Александра I и Николая I, которые не только не возражали против обучения евреев в общих школах, но и инициировали создание казенных еврейских школ и училищ, в которых преподавание большинства предметов велось бы на русском языке. Упомянутые императоры полагали, что получение евреями русского образования будет способствовать их ассимиляции и постепенной христианизации, что в перспективе приведет к ликвидации «еврейского вопроса» в российской внутренней политике. Еврейское население воспринимало такую политику правительства без особого энтузиазма. Учитывая то, что обучение в казенной школе не давало никаких преимуществ, а евреи-выпускники этих школ не получали равных прав с христианами, родители не проявляли желания отдавать детей в казенные школы, предпочитая им традиционные еврейские школы и училища.

Отношение еврейского населения к обучению в российских светских учебных заведениях стало меняться во II половине XIX в. Этому способствовало несколько причин. Во-первых, в ходе либеральных реформ 60-70-х гг. сформировалась единая государственная система начальных, средних и высших учебных заведений. При этом выпускники гимназий и реальных училищ получали право поступления на государственную службу и в высшие учебные заведения. Евреи-выпускники высших учебных заведений получали статус «лиц свободных профессий», что давало им право проживания и профессиональной деятельности за пределами «черты оседлости». Во-вторых, после отмены рекрутских наборов и введения всеобщей воинской повинности срок воинской службы для лиц со средним образованием сокращался до 1,5 года, а для лиц с высшим образованием – до 1 года. Поэтому с начала 60-х гг. еврейская молодежь стала активно стремиться попасть в казенные российские школы.

Детям из еврейских семей приходилось с немалым трудом преодолевать традиционно негативное отношение своих родителей к казенному светскому образованию. Вот как об этом вспоминал в автобиографии внук Рафаловича М.А. Морейнис: «Я родился в г. Николаеве в зажиточной купеческой семье. Мои родители принадлежали к правому течению ортодоксального еврейства и стремились дать мне, единственному сыну, соответствующее воспитание. Чуть ли не с 10-летнего возраста моей заветной мечтой было поступить в гимназию, но в то время у евреев считалось большим грехом и преступлением отдавать своих детей в русские учебные заведения. И всякий, дерзавший на такой шаг, подвергался бойкоту и преследованию со стороны своих родственников и всего еврейского общества. Я вскоре понял, что мой отец никогда и ни при каких условиях не согласится отдать меня в гимназию, и решил проходить гимназический курс [самостоятельно] с таким расчетом, чтобы к определенному возрасту быть готовым к поступлению в университет». Его сестра Ф.А. Морейнис-Муратова вспоминает о воспитании дочерей в той же семье: «Наше воспитание было очень просто: нас учили только читать и писать по-русски, по-еврейски и по-немецки и первым четырем правилам арифметики. Родители находили, что этим должно ограничиваться обучение не только девочек, но и мальчиков: брату давали такое же воспитание, как и нам, с той лишь разницей, что его заставляли, сверх того, изучать Талмуд... В доме не было ни одной русской книжки, кроме азбуки и какой-то хрестоматии. И я даже не знала, что существует какая-нибудь русская литература... Мне очень хотелось учиться. Но сколько мы ни просили у отца на это разрешения, он не соглашался, говоря, что нам это совсем не нужно» [435, с. 154, 160].

Ситуация в Николаеве не была исключением из общей тенденции, когда в 1863 г.

в городе открылась первая гимназия, в число ее учеников записались 105 евреев и 38 христиан. Цифра выглядит достаточно внушительной, если учесть, что в этом же 1863 г. по всей Российской империи в нееврейских школах обучалось всего 990 еврейских детей, а в Николаеве еще не были сняты все ограничения на проживание в городе евреев [549, с. 147, 119, 141]. В 60-70-х гг. численность учащихся-евреев в гимназиях и реальных училищах постоянно возрастала, особенно это было заметно в Новороссийском крае, к примеру, в 1879-1880 учебном году в одесских гимназиях евреи составляли более 70%, в елисаветградской – 77% от общего числа учащихся [519, с. 147]. Такая динамика часто вызывала неудовольствие со стороны местной администрации. В частности, Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор И.В. Гурко в донесении императору в 1883 г. обращал внимание на слишком быстрое увеличение количества евреев среди учащихся гимназий. Они, по мнению чиновника, оказывали вредное влияние на детей-христиан. Автор предлагал ввести в казенных учебных заведениях ограничительные процентные нормы для евреев. Император Александр III на данном документе оставил следующую резолюцию: «Я разделяю это убеждение, на это следует обратить внимание». В дальнейшем император высказывался по этому поводу еще более резко, подталкивая Кабинет Министров к принятию конкретного решения [472, т. 3, с. 126-127]. В 1886 г. он утвердил Положение Кабинета Министров, в соответствии с которым министру просвещения предоставлялось право применять по собственному усмотрению меры по ограничению приема евреев в средние и высшие казенные учебные заведения. В июле 1887 г., по предложению министра просвещения И.Д. Делянова, император подписал циркуляры, которыми устанавливались «процентные нормы» для евреев. Согласно этому документу, на обучение в государственные средние учебные заведения, которые находились в пределах «черты оседлости», разрешалось принимать детей-евреев в таком расчете, чтобы их количество не превышало 10% от общего количества учащихся в учебном заведении; в 1908 г. этот показатель был увеличен до 15% (за пределами «черты оседлости» нормы были еще ниже). В высших учебных заведениях

Николаевская Александровская мужская гимназия
(с открытки начала XX в.)

Николаевская Мариинская женская гимназия
(с открытки начала XX в.)

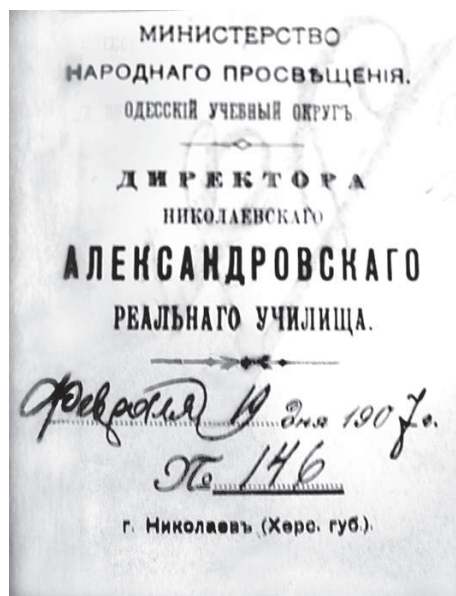
в пределах «черты оседлости» количество студентов-евреев не могло превышать 10%, а с 1908 г. – 15%. Содержание циркуляров было включено в «Свод Законов Российской империи» в качестве примечаний, которые делали невозможным практическое применение ряда статей «Положения об устройстве евреев» 1804 г., упоминавшихся ранее.

На практике «процентные нормы» достаточно часто нарушались, особенно в местностях, отдаленных от столиц, а также там, где количество еврейского населения было значительным. К числу таких регионов относилась и Новороссия. По данным за 1902 г., в числе учащихся гимназий в г. Николаеве евреи составляли: в Александровской мужской гимназии из общего числа 333 – 43 (12,9%). В числе учителей этой гимназии был единственный еврей – И.П. Дульцин, который преподавал химию и закон еврейской веры (за что получал оплату из коробочного сбора). В Мариинской женской гимназии ученицы-еврейки составляли из общего числа 695 – 265 (38,1%), во второй женской гимназии из общего числа 414 – 149 (36%) [112, л. 68-84; 491, кн. 1, с. 117]. Считалось, что на женские гимназии «процентные нормы» не распространялись, хотя в законодательных актах прямых указаний на это не было, тем не менее, каждый год появлялись слухи о том, что и в этих заведениях будут введены ограничительные квоты для евреев. Так, в 1894 г. газета «Одесский листок» сообщала о слухах по поводу введения «процентных норм» для еврейских детей в женских гимназиях. Из Николаева в газету «Недельная хроника Восхода» также писали: «С будущего года в местных женских гимназиях и прогимназиях количество учащихся девочек-евреек будет понижено до 5%» [580, 1894, № 36, ст. 951-952]. К счастью, слухи оказались беспочвенными.

В 1873 г. было открыто Николаевское Александровское реальное училище. Из 187 первых воспитанников, зачисленных в училище, лица караимского и еврейского вероисповедания составляли 27 (14,4%). За первых 25 лет существования

(1873-1898 гг.) реальное училище окончили всего 5753 человека, из них 630 (10,95%) составили иудеи [469, с. 68]. Таблица, приведенная в приложении (*приложение 10*), иллюстрирует ситуацию в этом учебном заведении. Количество евреев среди учащихся в период 1874-1881 гг. колебалось от 17,3 до 9,48%, но с 1881 г. этот показатель резко снизился и в 1885 г. достиг минимума – 3,41%, что, безусловно, было связано с введением «процентных норм» и жестким контролем со стороны министерства. Но уже с 1886 г. количество учащихся-евреев постепенно повышалось и в 1890 г. впервые превысило норму (10,23%), в дальнейшем наблюдалось устойчивое возрастание, и в 1898 г. наблюдаем показатель 18,49%, который стал самым высоким за первые 25 лет существования реального училища. В 1907 г. из 122 кандидатов, подавших прошения, в реальное училище были приняты 87 человек, из них православных – 60, евреев – 27 (31%) [462, с. 169].

Среди преподавателей училища было 2 еврея: Б.Ш. Богров с 1893 г. преподавал закон еврейской веры, а С.И. Зельцер с 1886 г. преподавал музыку. Одним из самых известных учащихся этого училища был знаменитый революционер Л.Д. Бронштейн (Троцкий), который именно в период обучения «...впервые стал входить в радикальную среду и сферу революционных идей», как отмечал он в своей автобиографии [337, т. 1, с. 154].

Угловой штамп Николаевского
Александровского реального училища

Александровское реальное училище
(с открытки начала XX в.)

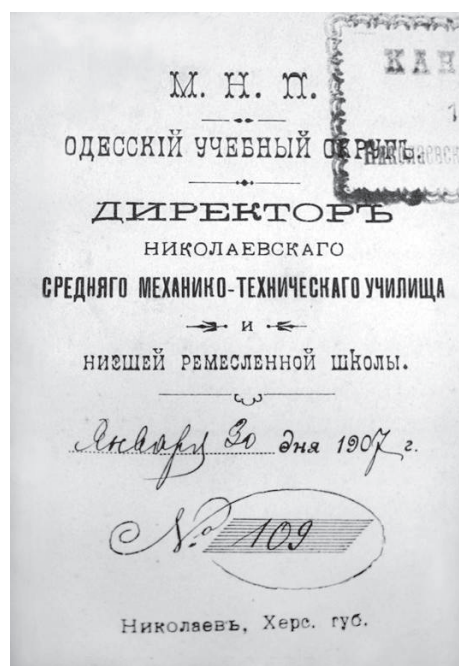
Лейба Бронштейн – ученик
Александровского реального училища
(будущий революционер Л. Троцкий)

«Процентные нормы» также распространялись и на Николаевское среднее механико-техническое (политехническое) училище, где число учащихся-евреев не должно было превышать 10% от общего числа учащихся [579, 1902, № 26, ст. 21]. В 1910 г. в этом училище обучались 9 еврейских детей, а в 1912 г. – 8. Их обучение оплачивалось благотворителями и за счет выплат из коробочного сбора [400, с. 39; 401, с. 35]. Популярность этого учебного заведения среди еврейской молодежи постоянно возрастала. В 1916 г. из 178 заявлений абитуриентов о допуске к испытаниям для приема в училище 45 (25,3%) были поданы евреями. Многие из них обращались со специальными прошениями о подтверждении их права на поступление в училище к инспектору Одесского учебного округа [28].

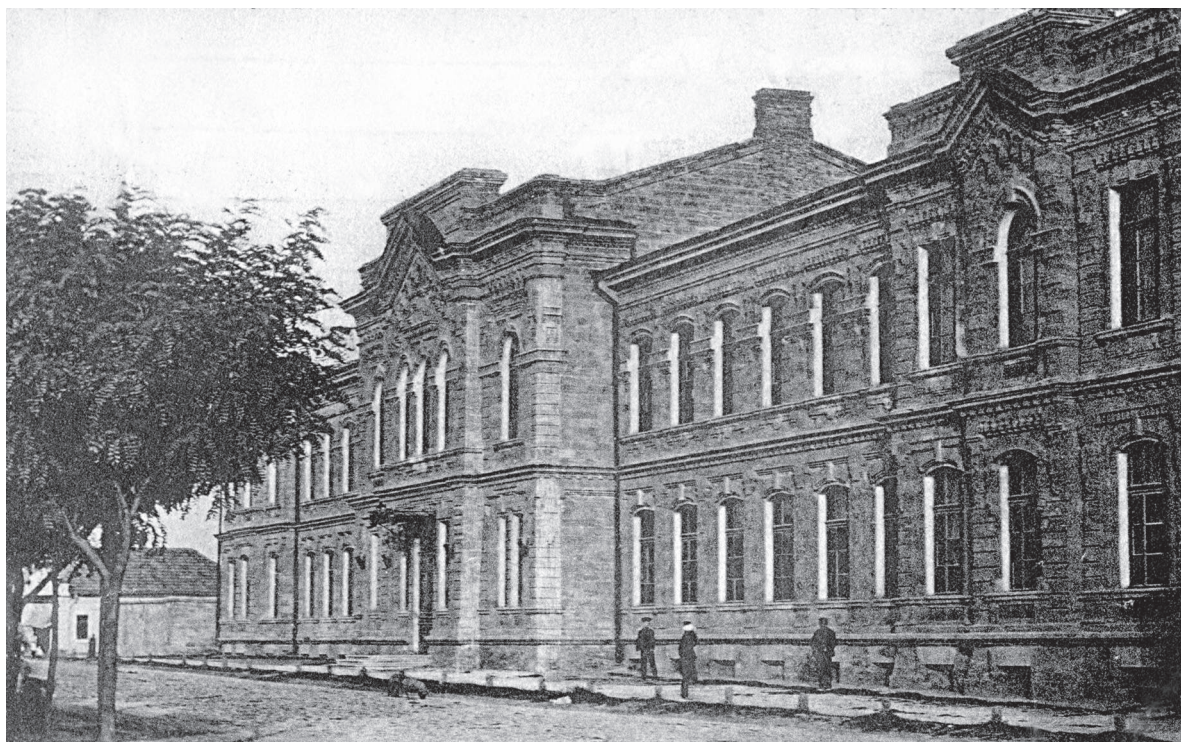
Особое место в жизни еврейской молодежи города имело коммерческое училище им. С.Ю. Витте, которое было открыто 9 декабря 1903 г. Согласно уставу училища, количество учащихся иудейского вероисповедания могло достигать 50% от общего их числа. Такое существенное

превышение «процентных норм» в казенном коммерческом училище было возможным благодаря постановлению Министерства финансов и промышленности, которым разрешалось устанавливать для евреев норму, пропорциональную суммам, внесенным купцами-евреями на содержание училища. Хоть данная норма и носила лишь рекомендательный характер и не имела законной силы, на местах ее активно использовали в пользу евреев. Училище не финансировалось от казны, на его содержание перечисляли часть доходов хлебная биржа и другие коммерческие организации, а также частные благотворители, значительное число которых составляли евреи. В составе Попечительного совета училища также были включены еврейские купцы А.Я. Клейман, Ю.О. Гольдфарб, Б. Майорский, И.Г. Берлацкий, Х.Д. Бренкель, которые составляли половину состава Совета.

Как отмечала газета «Восход», уже в первые дни после объявления о наборе учащихся в училище «...прошений от евреев поступает уже, как из рога изобилия, а от неевреев едва-едва с два десятка наберется». В 1903 г. на обучение принято 156 учащихся, из которых евреев было 76. Такое же соотношение сохранялось и в 1904-1905 учебном году: из 320 учащихся 160 евреев. В следующем году по просьбе Попечительного Совета соотношение было нарушено, и в училище обучались 285 учащихся, из которых евреев – 194 (68%). Этот

Угловой штамп директора Николаевского среднего механико-технического училища

Николаевское среднее механико-техническое училище
(с открытия начала XX в.)

показатель нарушался и в дальнейшем. Так, в 1908 г. отмечалось, что в коммерческое училище на обучение приняты все сверхкомплектные (свыше нормы 50%) кандидаты-евреи, о чем педсовет уведомил министра. Обучение было платным, а стоимость достаточно высокой. За обучение в младших классах годовая плата составляла 60 руб., а в старших – 75 руб. Позже она возросла до 100-125 руб. Среди еврейских купцов считалось хорошим тоном жертвовать деньги на бесплатное обучение, чаще всего эти пожертвования адресовались учащимся с формулировкой «без различия вероисповедания» [374-378; 582, 1903, № 44, ст. 25; 1908, № 36, ст. 19].

В дальнейшем Министерство торговли и промышленности неоднократно предпринимало попытки ограничить прием евреев в коммерческие училища. К примеру, когда в 1907 г. Министерство распорядилось прекратить прием евреев в Одесское коммерческое училище, инспектор училища срочно выехал в Петербург с ходатайством об отмене постановления, аргументируя тем, что одесское купечество предупредило о возможном прекращении финансирования училища. В итоге Министерство было вынуждено уступить (*приложение 18*) [582, 1907 р., № 19, ст. 33-34, 44]. 6 ноября 1909 г. циркуляром Министерства было предписано уменьшить норму приема евреев до 15%. Попечительный совет Николаевского училища заявил, что это решение «равносильно смертельному приговору». В связи с этим Попечительный совет телеграфно запросил мнение всех 57 коммерческих училищ России. Большинство ответили, что выполнение циркуляра невозможно, т. к. приведет к убыточности училищ. В начале 1910 г. в Петербурге состоялся съезд коммерческих училищ, который добился отсрочки исполнения циркуляра. Как отмечалось в отчете училища за 1908-1909 учебный год: «Немало... стараний было приложено Попечительным советом, чтобы увеличить определенную уставом Николаевского коммерческого училища процентную норму учащихся иудейского вероисповедания. Увеличение этой

процентной нормы является краеугольным камнем благополучия и процветания училища. Пользуясь единственно доступным в этом отношении путем, путем ходатайств, Попечительный совет обращается с таковыми как непосредственно к Министерству торговли и промышленности, так и к естественному покровителю училища графу С.Ю. Витте с просьбой поддержать его ходатайства перед названным Министерством. Но все эти старания не дали никаких утешительных результатов: предписание Министерства торговли и промышленности строго придерживаться пятидесятипроцентной нормы для детей иудейского вероисповедания оставлено в полной силе» [377, с. 10; 582, 1910, № 52, ст. 25-26].

Среди преподавателей училища также были евреи: Л.Г. Анчиловский и С.Я. Айзман – преподавали основы еврейской веры, С.Р. Сакк – бухгалтерии и коммерческой корреспонденции, З.И. Зельцер – музыки.

В списках учащихся пригготовительного класса за 1904 г. встречаем фамилию И. Бабеля – будущего известного писателя. Этот документ является единственным подтверждением его проживания в Николаеве [337, т. 1, с. 175-178]. Этот факт впервые обнаружила николаевский краевед Е. Авербух. В 1905 г. И. Бабель выехал в Одессу, где завершал обучение.

Учащиеся училища отличались политической активностью. В ноябре 1905 г. старшеклассники предъявили училищной администрации свои требования: ввести «семестриальное обучение», предоставить право на посещение театров «на какие угодно места», разрешить посещение читален, общественных собраний и народных митингов. Результаты этой акции неизвестны. Следующее выступление учащихся зафиксировано в отчете училища за 1905-1906 учебный год: «1 мая ученики 5 класса не явились на уроки. На другой день, на вопрос директора о причине неявки, ответили: «Не мог быть», – причины не указали». Директор был в растерянности, не зная как реагировать, т. к. политический режим в стране к этому времени значительно

Николаевское коммерческое
училище им. С.Ю. Витте

Меморіальна дошка І. Бабелю на зданні
комерційного училища

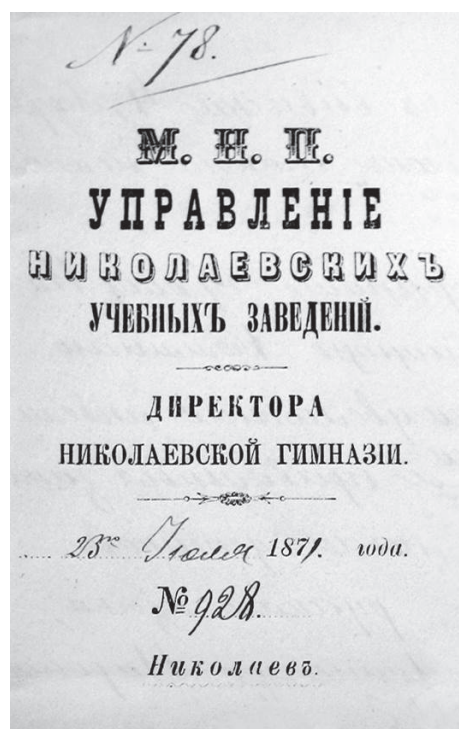
ужесточился, активизировались политические репрессии за революционные выступления. Он обратился с рапортом к градоначальнику. К рапорту прилагался список из 35 учащихся, из которых евреи составляли 23 человека, что подтверждалось и списком родителей, который также был затребован администратором.

Градоначальник порекомендовал отчислить участников забастовки и вновь принять их через год при условии, что все они при этом будут сдавать экзамены за 5 класс. Но педсовет училища высказался за то, чтобы ограничиться предупреждением и снижением оценки по поведению до трех баллов. Это предложение было направлено министру торговли и промышленности и было им одобрено, «принимая во внимание юношеский возраст учащихся», хотя и указывалось, что это наказание является последней мерой, после которой должно следовать отчисление ученика [376, с. 12; 166, л. 3-7].

Общая успеваемость по коммерческому училищу составляла 90%. Отчислений учащихся в связи с неуспеваемостью почти не наблюдалось. Первый выпуск училища состоялся в 1909 г. Выпускники получали аттестаты и звание личного почетного гражданина. Окончившие с золотой и серебряной медалью, сверх того, получали степень кандидата коммерции, что для еврейских юношей было совсем не лишним. Из первых 32-х выпускников золотую медаль получили 14 человек, в том числе 9 евреев; серебряную – 3 (все евреи) [377; 491, кн. 1, с. 126-128].

Приведенная выше статистика свидетельствует, что в Николаеве (как и во всем южноукраинском регионе) количество евреев среди учащихся казенных средних учебных заведений превышало общероссийские показатели, которые составляли (1911 г.) для мальчиков 9,1%, для девочек – 13,5% [546, с. 362].

Родителям-евреям часто приходилось изыскивать различные способы, чтобы обойти ограничения и добиться зачисления в гимназию своего ребенка. Как писал об этом современник: «Ограничение доступа евреям к среднему и высшему образованию внесло тревогу и смуту в еврейское общество и привело к коррупции школьной администрации на местах. Определить еврейского мальчика в гимназию или реальное училище удавалось не только усиленной подготовкой к экзаменам, но нередко и прямыми или косвенными взятками школьному начальству. Более состоятельным еврейским семьям приходилось ради смягчения «процентной нормы» фактически содержать за собственный счет христианских мальчиков, дабы поднять таким путем шансы еврейских детей быть принятыми в школу» [546, с. 361]. Считается, что именно детские впечатления от

Угловой штамп директора
Николаевской гимназии

Автограф директора Александровской
гимназии А. Смирнова

Николаева легли в основу сюжета рассказа И. Бабеля «История моей голубятни», в котором еврейский мальчик из бедной семьи, успешно сдав экзамены, не был принят в гимназию, так как на его место приняли сына богатого

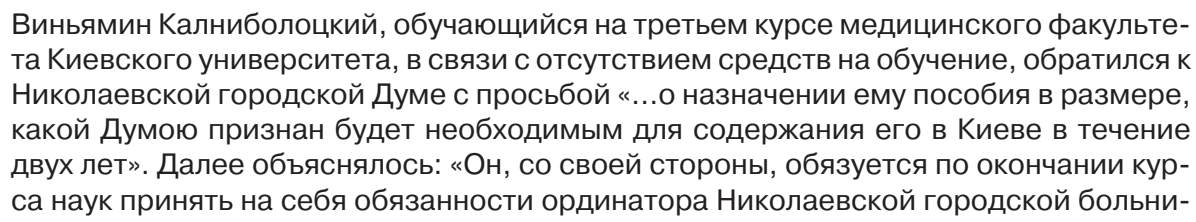
хлеботорговца. Очевидно, взаимоотношения николаевских евреев с гимназическим начальством были достаточно благоприятными и взаимно уважительными. Об этом свидетельствует эпизод, описанный протоиереем П.П. Еланским. 12 февраля 1874 г. в Николаевской хоральной синагоге состоялось торжественное богослужение в память умершего первого директора Александровской гимназии А.Ф. Смирнова, который бессменно занимал свой пост в течение 14 лет. Присутствовали адмиралы, военные и гражданские чины, педагоги и коммерсанты. Раввин А. Розенберг «живым словом охарактеризовал почившего А.Ф. Смирнова как человека, любившего делать добро без различия наций и вероисповеданий, указав на его не только бесстрастное отношение к воспитанникам-евреям, но даже и на его содействие в деле изучения в гимназии закона еврейской веры под руководством особого законоучителя...» [475, с. 56-57]. Богослужение в синагоге состоялось сразу же после отпевания усопшего в православной церкви. Интересно, что работа учителей, которые обучали в гимназии еврейских детей закону божьему в гимназиях и казенных училищах, оплачивалась не из казенных средств, а за счет коробочного сбора.

Нельзя не обратить внимание на то, что евреи в большинстве были среди лучших учащихся в казенных гимназиях и училищах. Этому способствовало позитивное отношение к образованию в еврейских семьях, которое порой превращалось в культ. Семья готова была идти на любые жертвы, чтобы дети могли получить образование, ибо это давало возможность в будущем добиться достаточно высокого статуса в обществе и обеспечить достойный уровень жизни. Подтверждением сказанного может служить ситуация с успеваемостью в коммерческом училище, где процент евреев среди учащихся был самым высоким.

Еврейская община стремилась оказывать помощь в оплате за обучение нуждающихся учеников. К примеру, в перечне расходов средств коробочного сбора за 1884 г. значатся такие выплаты: «Директору реального училища за учение учеников-евреев Айзбина и Праса за I полугодие 1884 г. 40 руб. Начальнику Николаевской Мариинской гимназии за учение учениц-евреек 100 руб... Директору Николаевской Александровской гимназии за учение бедных еврейских учеников за I полугодие 1884 г. 510 руб.» В смете коробочного сбора на 1908-1912 гг. предусматривались расходы на «пособия учащимся средних учебных заведений» в сумме 1500 руб. ежегодно. Пособие заключалось в частичной оплате за обучение в сумме от 5 до 15 руб. за полугодие. В 1909 г. такие выплаты произведены: среднему механико-техническому училищу (за 5 учеников), реальному училищу (за 5 учеников), Мариинской гимназии (за 17 учениц), второй женской гимназии (за 5 учениц), частной гимназии С.Г. Зиновой (за 23 ученицы), частной гимназии (за 8 учениц), частной гимназии И.П. Березовского (за 2-х учеников), частной гимназии Г.И. Веревского (за 1 ученика) [50, л. 161; 131, л. 28, 199].

Из-за отсутствия в Николаеве (до 1913 г.) высших учебных заведений нет данных о количестве николаевских евреев, которые были студентами высших учебных заведений. Сведения по этому вопросу крайне фрагментарны.

Единственным в своем роде был случай, имевший место в 1873 г. 16 ноября городская управа сообщала о том, что сын недавно умершего николаевского купца

Виньямин Калниболоцкий, обучающийся на третьем курсе медицинского факультета Киевского университета, в связи с отсутствием средств на обучение, обратился к Николаевской городской Думе с просьбой «...о назначении ему пособия в размере, какой Думою признан будет необходимым для содержания его в Киеве в течение двух лет». Далее объяснялось: «Он, со своей стороны, обязуется по окончании курса наук принять на себя обязанности ординатора Николаевской городской больницы с уступкою впредь до пополнения означенного пособия 20% из определенного по этой должности жалования». Члены управы от своего имени отмечали: «Городская управа, зная положительно, что семейство умершего николаевского купца Иуды Калниболоцкого находится в самой крайней бедности, хотя и признает, с[о] своей стороны, что прописанное ходатайство сына его Виньямина Калниболоцкого заслуживает полного доверия, но, имея ввиду, что особого капитала на этот предмет в числе городских расходов не числится, означенную просьбу Калниболоцкого на благосклонное внимание городской Думы представить честь имеет». На прошении управы сделана приписка: «Определение городской Думы в заседании 28 октября 1874 г. Собрание Думы постановило просьбу Калниболоцкого отклонить» [86, л. 1-2].

В перечне расходов коробочного сбора за 1884 г. указана сумма 15 руб. 29 коп., перечисленная ректору Харьковского университета «за слушание лекций» студентом Михельсоном за I полугодие этого года [55, л. 161].

В 1901 г. полицмейстеру был подан «Список студентов и воспитанников высших учебных заведений, прибывших в Николаев на рождественские праздники», в котором значилось 37 человек. В их числе студенты Новороссийского университета И.И. Фин, М.Я. Каминский, Е.В. Штулькерц, С.А. Черняк; Харьковского университета – В.И. Цукерман, М.Д. Рапутов; Московского университета – Б.О. Баратович и студент Фрайбергской горной академии Я.О. Вейтланд [281, л. 2, 6].

О том, что местная еврейская община заботилась о своих земляках-студентах, свидетельствует случай, описанный в еврейской прессе. В 1894 г. в Николаеве был организован благотворительный концерт «в пользу недостаточных студентов», организаторы предполагали выделить для студентов-евреев только 5% от суммы сбора. «Местные евреи были глубоко оскорблены таким предложением и отказались от всякого участия в этом концерте. Один из местных благотворителей-евреев откупил у антрепренера опереточной труппы один спектакль, и весь валовой сбор пожертвовал в пользу студентов-евреев...» [580, 1894, № 7, ст. 179-180].

Действие «процентных норм» не распространялось на негосударственные средние учебные заведения. В николаевских частных гимназиях Г.И. Вереvского и Манильского большинство учащихся составляли евреи. В женской частной гимназии С.Г. Зиновой (открыта в 1904 г., с 1907 г. переведена в ведение Министерства народного образования) из 1173 учениц, обучавшихся за весь период ее существования 413 составляли еврейки [25]. После обучения в частной гимназии для получения государственного аттестата необходимо было сдать экстерном экзамены в казенной гимназии, поэтому со временем правительство предпринимало меры, чтобы ограничить возможность экстерната для евреев. Не отставала и местная администрация. Так, в 1910 г. николаевские присяжные поверенные Шварц и Левенштейн обратились за помощью к депутату Государственной Думы Нисселовичу. В телеграмме говорилось о том, что местная полиция безо всяких оснований отказывается выдать экзаменующимся удостоверения о праве жительства в Николаеве, требуемые директором гимназии. Депутата просили оказать воздействие на полицмейстера через Министерство [582, 1910, № 11. с. 36].

Известно, что еврейские купцы Николаева ходатайствовали об открытии в городе частного коммерческого училища с 50% нормой приема для еврейских детей по примеру одесского училища Фейга, где норма приема евреев составляла 40%, но ходатайство николаевских купцов было отклонено под предлогом того, что существующего казенного коммерческого училища вполне достаточно для нужд города, но в отчете о развитии народного образования в Херсонской губернии за 1910 г. зафиксировано, что в Николаеве действовало частное коммерческое училище Л.Т. Даниловой, открытое в 1906 г., с 8-летним сроком обучения, и являлось средним учебным заведением. На момент составления отчета в нем обучалось 132 учащихся, абсолютное большинство из них (120) составляли девочки. Оно располагалось по Потемкинской улице под № 33 [350, с. 316-319; 431, с. 65].

Евреи в казенных начальных и профессиональных училищах

«Процентные нормы» не распространялись на те казенные начальные и средние учебные заведения, «которые не предоставляют учащимся никаких прав и не открывают доступа в высшие учебные заведения». В такие заведения еврейских детей принимали без ограничений. Первым светским учебным заведением в городе было Николаевское уездное училище (создано в 1833 г., в 1897 г. преобразовано в Первое высшее начальное четырехклассное, а с 1899 г. – в шестиклассное училище). В «Списке приходящих учеников» этого заведения за 1868 г. из 78 человек встречаем только двух евреев: Давид Лейбов и Лейба Айзенберг. Но следует учесть, что прошло только 2 года после снятия запрета на проживание евреев в Николаеве [12]. К концу XIX в. ситуация резко меняется, о чем свидетельствуют данные таблицы.

Таблица 11.2.

Выпускники Николаевского первого высшего начального училища за 1898-1903 гг.

<i>Год выпуска</i>	<i>Всего выпускников</i>	<i>Из них евреев</i>	<i>%</i>
1898	23	3	13
1899	23	9	39,1
1901	23	8	34,8
1902	42	21	50
1903	34	14	41,2
Всего	148	55	37,2

[ГАНО. Ф. 131, оп. 1, д. 389]

Как видим, в течение 5 лет численность евреев среди выпускников училища постоянно возрастала, они составляли не менее трети среди его выпускников, а в 1902 г. из общего числа 341-го ученика евреи составляли 124 (34,6%), в этом же году они составили половину выпускников. Наметившаяся тенденция наблюдалась

и в дальнейшем. В списке учеников училища за 1905-1906 учебный год, из общего количества 287 евреи составляли 118 (41,1%). Обучение 20 учеников частично оплачивалось из средств коробочного сбора (190 руб.). Преподавателем закона еврейской веры здесь работал выпускник Житомирского еврейского учительского института Лев Абрамович Каган [23, л. 20, 55; 112, л. 94].

С 1861 г., по инициативе супруги военного губернатора Эмили Антоновны Глазенап, в Николаеве начали создавать двухклассные школы грамотности, через десять лет таких школ было 25, и все это время они находились под покровительством военного губернатора. В 1871 г. Н.А. Аркас, который в это время был военным губернатором, сообщал Херсонскому уездному земству, что в этих школах обучаются «1600 детей разных исповеданий, в том числе и 150 еврейских и караимских детей. И можно еще рассчитывать на увеличение этого числа». За обучение в этих школах учащиеся оплачивали 30 коп. в месяц. Школы содержались за счет средств, выделявшихся городской Думой, уездным земством и частных пожертвований. Среди жертвователей были и еврейские купцы Я. Натензон, Кауфман, Л. Форштетер [349, с. 387-389, 491-492].

Печать Николаевского уездного училища

Таблица 11.3.

Численность еврейских детей среди учащихся николаевских школ грамотности

Годы	Всего учащихся			В т.ч. евреев			%
	Мальчи-ков	Девочек	Всего	Мальчи-ков	Девочек	Всего	
1903	635	497	1132	9	112	121	9,9
1904	683	536	1209	32	133	165	13,6
1905	745	552	1267	11	110	121	9,6
1906	659	512	1171	21	75	96	8,2
1907	667	584	1251	8	93	101	8,1
1908	714	591	1305	20	70	90	6,9
1909	746	676	1422	38	146	184	12,9

[368-373].

Как видно из данных таблицы, процентное соотношение евреев среди учащихся этих школ могло колебаться, но главная тенденция прослеживается постоянно – число девочек в числе евреев-учащихся было значительно большим, чем мальчиков, тогда как в общей численности учащихся мальчиков было больше. Наиболее популярным из этих школ со временем присвоили имена. В 1883 г. открылась Пушкинская школа, которая располагалась в доме по ул. Никольской, № 61, в районе традиционного проживания небогатых евреев-ремесленников и торговцев. Сведений о вероисповедании учащихся за 1884-1891 гг. не сохранилось, ситуация в последующие годы представлена в таблице:

Таблица 11.4.

Евреи в числе учеников Николаевской Пушкинской школы

годы	учеников мальчиков	учениц девочек	всего учеников	из них евреев	в т. ч. мальчиков	в т. ч. девочек	%
1892	110	67	177	17	4	13	9,6
1893	110	67	177	12	4	8	6,8
1894	118	56	174	20	3	17	11,5
1895	112	64	176	14	1	13	7,9
1896	110	72	182	17	3	14	9,3
1897	137	96	223	50	49	1	22,4
1898	132	158	290	42	2	40	14,5
1899	137	139	276	-	-	-	-

[427, с. 12-121].

Данные таблицы также показывают, что среди учащихся-евреев, как правило, большинство составляли девочки. Вероятно, это объясняется тем, что в городе большинство других начальных учебных заведений были предназначены для мальчиков. В Лермонтовском училище, которое открылось в 1899 г. (на Сенной площади), в 1901 г. из числа 239 учащихся евреи составляли 63 (26,4%) [428, с. 92].

Очевидно, в число школ грамотности входила и школа «для еврейских бедных девиц», открытая в 1869 г. Первый учебный год она существовала только на благотворительные пожертвования и испытывала сильные материальные трудности. В связи с этим раввин М. Когон обратился к членам еврейской общины. Как отмечено в приговоре собрания членов общины, раввин рассказал о том, каково «...крайне бедное положение, в котором находится открытая с разрешения начальства 28 мая минувшего года и существующая здесь, в городе Николаеве, школа грамотности, учрежденная, преимущественно, для бедных девочек-сирот и девочек неимущих родителей... В ней получают воспитание более ста еврейских бедных девочек, не имея для своего содержания никаких других средств, кроме добровольных приношений». От имени еврейской общины раввин просил военного губернатора разрешить выдать из остатков средств коробочного сбора 300 руб. на нужды школы. Последний обязан был запросить мнение Министерства внутренних дел. Только 19 декабря военный губернатор сообщил о полученном согласии МВД на выдачу средств. 19 января 1871 раввин М. Когон сообщил, что им переданы попечительнице николаевских женских учебных заведений Э.А. Глазенап 300 руб., полученные из остатков коробочного сбора [83, л. 2,13]. К сожалению, никаких упоминаний о дальнейшей судьбе этой школы обнаружить не удалось.

Особой популярностью среди евреев пользовались казенные начальные училища. Согласно отчету инспектора народных училищ V района Херсонской губернии (Николаевский округ) за 1902 г. из общего числа 4405 учащихся училищ города евреи состав-

Автограф Эмилии Глазенап

ляли 1553 (35%). По данным за 1911 г., в Николаевском градоначальстве было зафиксировано 11903 учащихся детей, в том числе 3536 евреев, которые составляли 29,7%. Стоит напомнить, что евреи в это время составляли не более 20% населения Николаева. В Одессе ситуация была похожей, там евреи составляли 38% учащихся в начальных школах. Эти показатели значительно превышали среднероссийский показатель, который составлял 25,7% (на 1911 г.) В целом по Херсонской губернии евреи составляли только 1,9% учащихся земских школ (1910 г.) [545, с. 362; 350, с. 45; 430, с. 83].

Среди профессиональных училищ выделялось Николаевское музыкальное училище императорского музыкального общества, которое открылось в 1900 г. В 1902 г. из 141 учащихся евреев было 84 (59,6%). В рапорте пристава Одесской части Некрасова (1907 г.) указывалось: «В Императорском музыкальном училище всего учеников 87 человек. Женска пола 41 человек, мужеска пола 46 человек. Из них евреев: женска пола 19 человек и мужеска – 33 человека. Остальные почти все православные». На основании этого рапорта в том же году Николаевский градоначальник рапортовал министру внутренних дел, что в училище евреи составляют 59,73% учащихся. Среди преподавателей также были евреи: курсы скрипки и альты вел А.Л. Натанзон, духовых инструментов – С.М. Стариков, виолончели – А.Г. Гайсинский. Влияние евреев в области музыкального образования в городе было неоспоримо. Из числа 14 учителей музыки, дававших частные уроки, 7 были евреями [112, л. 101; 137, л. 8, 15; 428, с. 185, 187-188; 429, с. 278].

Численность еврейских детей в профессиональных училищах города была различной. Если в музыкальном училище они составляли более половины, то среди учащихся железнодорожного училища в 1902 г. из 106 учащихся было всего 2 еврея. Это можно было объяснить тем, что данное учебное заведение готовило кадры для государственного железнодорожного ведомства, куда практически не принимали на службу евреев. Не было евреев среди учеников портовой ремесленной школы.

В 1893 г. при городской ремесленной управе было открыто ремесленное училище с трехлетним обучением. Среди его учеников постоянно были еврейские дети, о чем свидетельствуют данные, приведенные в таблице:

Таблица 11.5.

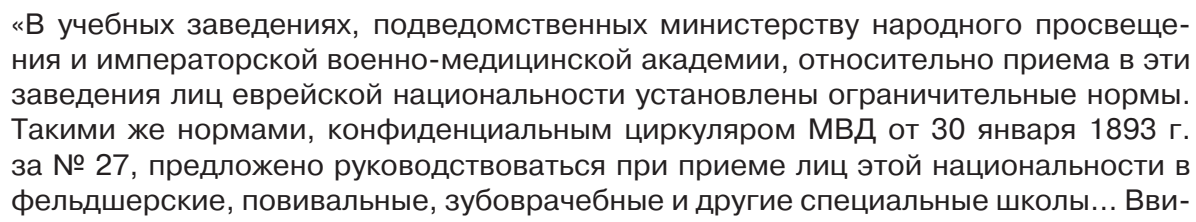
Евреи среди учеников ремесленного училища

<i>Годы</i>	<i>Всего учеников</i>	<i>В т. ч. евреев</i>	<i>%</i>
1894	23	4	17,4
1895	27	4	14,8
1896	30	1	3,3
1897	32	5	15,6
1898	42	9	21,4

[427, с. 131-133].

В николаевских мореходных классах в 1877 г. из 19 воспитанников трое были евреями. В дальнейшем ситуация не менялась к лучшему. В 1898 г. из 60 учащихся было 2 еврея [13; 408, с. 110].

10 октября 1893 г. на имя Николаевского военного губернатора было направлено инструктивное письмо министра внутренних дел И.Н. Дурново. В нем говорилось:

«В учебных заведениях, подведомственных министерству народного просвещения и императорской военно-медицинской академии, относительно приема в эти заведения лиц еврейской национальности установлены ограничительные нормы. Такими же нормами, конфиденциальным циркуляром МВД от 30 января 1893 г. за № 27, предложено руководствоваться при приеме лиц этой национальности в фельдшерские, повивальные, зубо врачебные и другие специальные школы... Ввиду необходимости предупредить переполнение евреями фармацевтического персонала... мною признано целесообразным определить для сих лиц, поступающих учениками в аптеки, процентные нормы..., т.е. 3% в столицах и 5% в остальных городах». Таким образом, министр по собственному желанию снижал «процентную норму» для учащихся-евреев почти в три раза по сравнению с нормами, узаконенными высочайшей волей. При этом министр требовал от местных администраторов привести ситуацию на местах в соответствие с его требованиями и оперативно доложить об этом. По поручению военного губернатора сведения по данному вопросу собрал главный врач Николаевского военного госпиталя. В записке от 2 ноября 1893 г. он докладывал, что при аптеках города проходят обучение 10 аптекарских учеников, и все они являются евреями. Далее он отметил: «Принимая во внимание цифровые данные, равно как и большое затруднение в получении учеников других национальностей, о чем многократно заявляли мне содержатели здешних аптек, я прихожу к заключению, что немедленное приведение к исполнению ограничительной меры..., привело бы к полному лишению аптек учеников... Изложенным способом предписываемая медицинским департаментом медицинская 5% норма для учеников еврейской национальности установится не позже, как через 3 года, ввиду трехлетнего обязательного срока обучения аптекарских учеников». Военный губернатор согласился с аргументами врача и 15 ноября доложил об этом в МВД. Каких-либо комментариев оттуда не последовало [256, л. 1. 4-5].

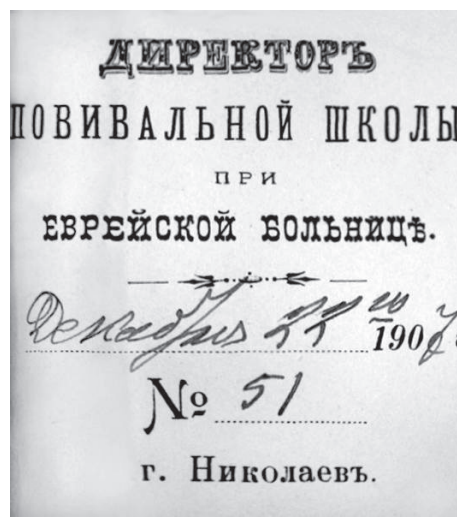
Не сохранилось сведений о том, обучались ли евреи на фельдшерских курсах при морском госпитале. По данным 1902 г., все учащиеся были православными. Очевидно, не было их в числе учащихся и в предыдущие годы. Это подтверждается отсутствием евреев в списках фельдшеров по г. Николаеву в конце XIX – нач. XX вв.

В повивально-фельдшерской школе при Николаевской городской больнице в 1907 г. из 100 учениц еврейки составляли 78, о чем и было доложено градоначальником, на очередной запрос министра внутренних дел. В ответ на это в 1908 г. он получил официальное письмо МВД, в нем напоминалось, что количество евреев, обучающихся в медицинских заведениях, не должно превышать 15% от общего числа учащихся. Нарушение допускалось и в дальнейшем, по данным на начало 1914 г., в школе обучались 164 ученицы, из них 118 (72%) евреек. Очевидно, проблема заключалась в том, что из числа православного населения не было достаточного количества желающих обучаться в этой школе [137, л. 5, 15; 563, с. 388]. Подтверждением этого предположения является письмо главного врача городской больницы С.В. Лигина от 25 сентября 1915 г. Он пишет: «Начиная с 1913 г. ученицы-еврейки принимались уже в пределах 10% нормы. Это обстоятельство резко отразилось как на количестве учениц, так и на материальном положении школы... В настоящем [1915] году школа, за отсутствием достаточного количества учениц-христианок, должна прекратить свое существование, то есть вопрос о расширении приема в школу евреек есть вопрос о существовании школы вообще». В связи с этим Николаевский градоначальник А.И. Мязговский обратился с ходатайством в МВД, аргументируя просьбу тем, что в связи с военными действиями

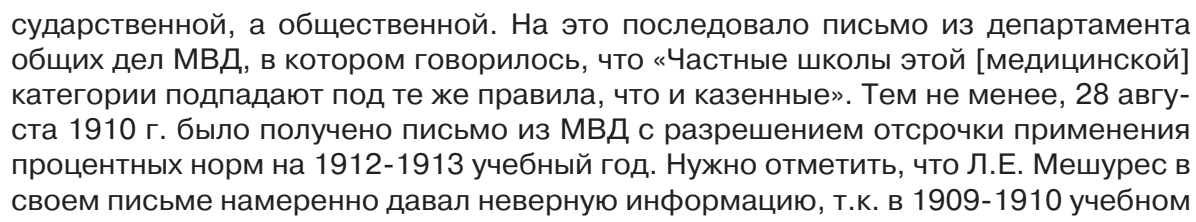
часть фельдшеров была мобилизована в армию, и в городе возникла большая потребность в таких специалистах. Снятие процентных норм для фельдшерской школы позволило бы решить возникшую проблему. Министр оказался непреклонным. 20 сентября 1916 г. последовало письмо из департамента общих дел МВД, в котором уведомлялось, что прошение «оставлено Министерством без последствий» [162, л. 1, 2, 4, 20].

В 1902 г. завязалась активная переписка между попечительским советом Николаевской еврейской больницы, градоначальником и медицинским департаментом МВД по поводу разрешения на открытие при больнице повивальной школы. Был составлен проект ее устава, в котором отмечалось: «Курс учения в школе продолжается четыре полугодия, разделяется на два класса... Комплект учениц определяется в 30 учениц для каждого класса, но впоследствии он может быть увеличен... В школу принимаются женщины всех званий и вероисповеданий, не моложе 18 лет отроду и не старше 35 лет отроду, оказавших достаточную грамотность при испытании приемной комиссией или предоставивших свидетельство об окончании какого-нибудь учебного заведения». 12 сентября 1903 г. устав школы был утвержден товарищем министра внутренних дел. Это было фактическим разрешением на ее открытие. Попечительный совет еврейской больницы назначил директором школы Моисея Яковлевича Кальварского, учителями – врачей Абрама Моисеевича Комаровского, Владимира Осиповича Вольфензона, Владимира Израилевича Бродского, Климентия Григорьевича Соболя и Абрама Манусовича Винокурова. На них были составлены свидетельства приставов полицейских частей и жандармского управления, заверявших, что сведений о неблагонадежности данных лиц не имеется [115]. В 1906 г. в ней обучались 80 человек, из них 42 окончили школу, 29 выбыли и 65 человек приняты на обучение; в 1908 г. обучались 66 человек, окончили обучение 60, выбыли двое, приняты на обучение 30. При этом в школе обучались не только еврейские девушки, по данным за 1907 г. из 91 ученицы русские составляли 21, еврейки – 70 (76,92%).

В 1910 г. ВВД вновь напомнило городским властям о необходимости соблюдения процентных норм для медицинских учебных заведений. В частности, речь шла и о том, что в повивальной школе учащиеся-еврейки должны составлять не более 15%. В связи с этим, председатель Попечительного совета еврейской больницы Л.Е. Мешурес обратился к градоначальнику с письмом, в котором просил ходатайствовать об отсрочке применения процентных норм к повивальной школе. В нем говорилось «Школа при Николаевской еврейской больнице как еврейское общественное учреждение вправе рассчитывать на преобладание учащихся иудейского исповедания, тем не менее, процентное отношение учащихся-христиан составляет 50%. Ограничение приема процентной нормой поставит Попечительский совет в необходимость закрыть школу, что вредно отразится на плодотворной деятельности родильного отделения больницы». К письму прилагалась одобрительная резолюция старшего врача градоначальства Л.Г. Ратнера и городского головы Н.П. Леонтовича, который просил учесть, что повивальная школа является не го-

Угловой штамп Повивальной школы при Николаевской еврейской больнице

сударственной, а общественной. На это последовало письмо из департамента общих дел МВД, в котором говорилось, что «Частные школы этой [медицинской] категории подпадают под те же правила, что и казенные». Тем не менее, 28 августа 1910 г. было получено письмо из МВД с разрешением отсрочки применения процентных норм на 1912-1913 учебный год. Нужно отметить, что Л.Е. Мешурес в своем письме намеренно давал неверную информацию, т.к. в 1909-1910 учебном году в повивальной школе обучались 156 учениц и 121 (77,6%) из них были еврейками. В дальнейшем ситуация развивалась не так благоприятно. На прошение о продлении отсрочки, поданное в 1912 г., министр внутренних дел ответил: «Ходатайство еврейской больницы о продлении данной в 1910 г. двухгодичной отсрочки в применении... процентной нормы для приема евреек в содержимую при названной больнице повивальную школу, мною отклонено» [137, л. 5; 148; 163, л. 282; 362, с. 78; 363, с. 78]. Принято считать, что повивальная школа была закрыта в 1914 г., но нами найдены документы, свидетельствующие о том, что школа работала и в 1916 г. В частности, 23 января этого года директор школы просил разрешить принять в число учениц сверх процентной нормы евреек Л.И. Кардонскую и С.В. Тышковскую, которые были женами солдат – участников военных действий. 1 апреля 1916 г. МВД сообщило Николаевскому градоначальнику: «Ходатайство директора повивальной школы при еврейской больнице о принятии в число учениц названной школы сверх установленной нормы евреев... удовлетворено быть не может» [162, л. 6, 19].

Еврейская община стремилась облегчить бремя оплаты за обучение детей из бедных семей. С начала 90-х гг. в смете расходов коробочного сбора предусматривались субсидии «на пособие бедным учащимся-евреям в общих учебных заведениях». В 1886-1890 гг. на эти цели выделялось по 600 руб. в год [258, л. 18]. Свой значительный вклад в это дело вносили и еврейские благотворительные организации города.

Николаевское казенное двухклассное еврейское училище

В связи с закрытием в августе 1889 г. Николаевской Талмуд-Торы, у администрации учебного округа возникла идея об открытии вместо нее казенного еврейского училища, с учетом того, что в городе не было ни одного казенного еврейского учебного заведения. 23 ноября того же года министр народного просвещения направил письмо попечителю Одесского учебного округа, в котором сообщал: «Директор народных училищ Херсонской губернии вошел ко мне с ходатайством об учреждении в Николаеве, взамен закрытой Талмуд-Торы, начального двухклассного еврейского училища... с ремесленным при оном отделением». Необходимость открытия училища обосновывалась таким образом: «Мужское еврейское население [Николаева] 6762 душ, детей школьного возраста мужского пола до 930, из сего числа обучаются в 25 еврейских до 448 мальчиков, а в имеющихся в Николаеве общих училищах только до 70. Таким образом, около половины еврейских мальчиков остаются вне обучения». Аргументация показалась министерству убедительной и разрешение на открытие двухклассного (общий срок обучения – 5 лет) казенного еврейского училища было получено в том же 1889 г. Ему было передано и здание по ул. Адмиральской, № 21, где ранее располагалась Талмуд-Тора. Оставался открытым лишь вопрос о финансировании учебного заведения, т.к. в смете расходов коробочного сбора такая статья не предусматривалась. 4 февраля 1890 г. товарищ (замести-

тель) министра внутренних дел В.К. Плеве сообщил Николаевскому военному губернатору, что, по согласованию с министром народного просвещения И.Д. Деляновым, по ходатайству попечителя Одесского учебного округа, разрешено из коробочного сбора ежегодно выделять 6000 руб. «на содержание, предполагаемого к учреждению в г. Николаеве, взамен закрытой Талмуд-Торы, двухклассного еврейского училища» [258, л. 28-29, 32, 35].

15 июня 1890 г. был назначен заведующий училищем В.А. Иржевский, и уже 27 сентября в нем начались занятия. 13 января 1894 г. директор народных училищ Херсонской губернии Л. Шпановский просил военного губернатора об утверждении в должности почетного блюстителя училища купца Льва Исааковича Форштетера, избранного еврейской общиной города. Военный губернатор запросил сведения о благонадежности кандидата от городской полиции и Херсонского жандармского управления. После того, как жандармерия ответила, что о нем «неблагоприятных сведений не имеется», а помощник полицмейстера секретно рапортовал, что кандидат «поведения хорошего, к суду и следствию не привлекался, образ жизни ведет нравственный и в обществе пользуется хорошим мнением», Л.И. Форштетер был утвержден почетным блюстителем училища [240, л. 13-15].

Училище имело хорошую учебно-материальную базу, при этом финансировалось, в основном, из средств коробочного сбора (6000 руб. от коробочного сбора и только 300 руб. из городского казначейства в год). Сумма отчислений из коробочного сбора в течение длительного времени оставалась неизменной. При подготовке сметы расходов по коробочному сбору в 1895 г. отмечалось: «На содержание 2-х классового еврейского училища комиссия считает нужным оставить сумму в размере 6000 руб., но, принимая во внимание необходимость ввести обучение преподавания рисования и черчения, признала нужным определить дополнительную сумму в 200 руб. на этот предмет» [258, л. 13]. Такое отношение к финансированию учебного заведения не давало возможности укреплять его учебно-материальную базу и увеличивать число учащихся. Попытки учителей к совершен-

Еврейское казенное училище

ствованию учебного и воспитательного процесса также не встречали поддержки со стороны городской администрации. К примеру, в сентябре 1901 г. «на прошение ...учителя Николаевского казенного еврейского училища Самсона Гройсмана отпускать ему ежегодно 200 руб. из сумм еврейского коробочного сбора в виде субсидии содержимым им послеобеденным курсам русского языка и арифметики, Его Превосходительство г. градоначальник изволил положить резолюцию: «не подлежит удовлетворению» [97, л. 64].

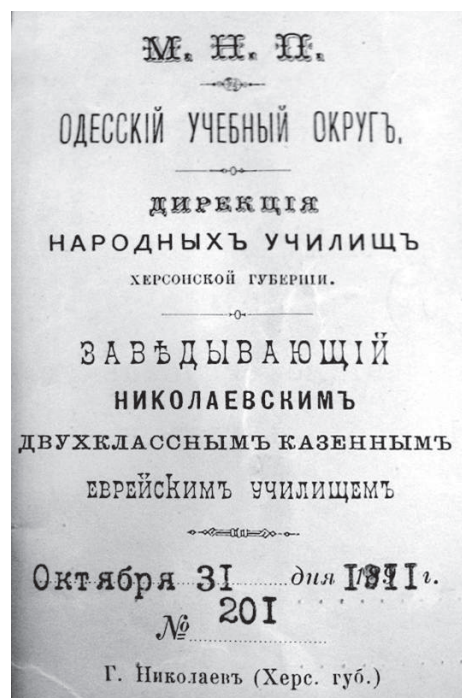
22 августа 1895 г. директор народных училищ Херсонской губернии обратился к Николаевскому военному губернатору с письмом, в котором писал: «От сумм коробочного сбора, ассигнуемых на содержание двухклассного еврейского начального училища, сделано училищем сбережение. Это сбережение, всего свыше 7000 руб., предположено употребить на постройку нового здания для названного училища, так как существующее здание своему назначению не соответствует». Администратор просил разрешить приступить к постройке нового здания. На запрос, посланный военным губернатором городской управе, был дан ответ, что она не возражает против строительства, с условием, чтобы оно «не требовало увеличения суммы, ассигнуемой из коробочного сбора на содержание данного училища». С учетом выказанного замечания, 18 сентября того же года военный губернатор дал согласие на сооружение нового корпуса училища [264, л. 1-3].

В период с 1905 по 1915 гг. в училище ежегодно обучались от 170 до 230 учащихся. Оно было единственным казенным еврейским учебным заведением в пределах Николаевского градоначальства. В учебных программах, наряду с еврейским языком, еврейской и библейской историей, были русский и немецкий языки, гуманитарные и естественные дисциплины. Большое внимание уделялось «ручному труду». Для этого при училище была создана «столярно-токарная и резная мастерская», в которой ежегодно получали профессиональные навыки до 30 уча-

щихся. Одной из основных тенденций было постоянное сокращение количества учебных часов на «еврейские предметы», при этом увеличивалось количество уроков по иностранному языку и естественным наукам. Преподавание велось на русском языке.

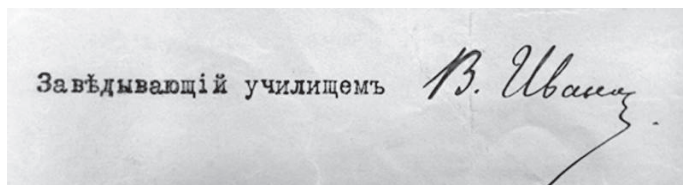
Газета «Восход» в 1901 г. писала, что из Николаева уехал «...один из преданнейших делу просвещения темной массы педагог С.Я. Гройсман», который 12 лет проработал учителем в казенном еврейском училище, в том числе 2 года исполнял обязанности заведующего этим училищем. Представители еврейской общины хлопотали об утверждении его в этой должности, но появились недоброжелатели, писавшие доносы, что вынудило его уйти из училища [579, 1901, № 54, ст. 11-12]. Вероятно, что уход учителя из училища был связан с отказом в предоставлении оплаты за дополнительные занятия, которые он организовывал, о чем шла речь выше.

По данным 1903 г., в списках учителей отмечены евреи Л.С. Подольский, Е.И. Гицельтер, Х.Х. Фиалков, И.П. Дульцин (преподавал также

Угловой штамп заведующего Еврейским казенным училищем

в Александровской гимназии), позднее в училище преподавали Б.М. Шульман, И.З. Сидранский, Б.Б. Кацеленбоуген, Ш.А. Райзман [10, л. 1-154; 11, л. 208; 429, с. 163]. Учащимся из бедных семей и приезжим предоставлялась материальная помощь или компенсировались расходы на съем жилья. В связи с тем, что обучение в училище было бесплатным, число детей, желавших обучаться в нем, превышало реальные возможности учебного заведения. Так, в отчете о деятельности училища за 1915 г. указано, что на обучение было принято 85 учащихся, при этом отказано в приеме 34 кандидатам «из-за тесноты помещений» [10, л. 23]. Одной из основных проблем учебного заведения было недостаточное финансирование. В 1911 г. заведующий училищем обращался в городскую управу с просьбой увеличить сумму, отпускаемую на его содержание. Он мотивировал просьбу тем, что штаты и финансирование были определены еще в 1873 г. и с тех пор ни разу не пересматривались. «Преподаватели дают от 20 до 32 недельных уроков каждый. Все преподаватели (с институтским образованием) испытывают крайнюю материальную нужду, т.к. жалование их, назначенное при основании училища, не подвергалось за весь более чем 20-летний период существования училища никаким изменениям, несмотря на то, что условия жизни вздорожали» [152, л. 1]. Училище просуществовало до 1920 г., когда его ликвидировали в ходе общей реорганизации системы образования.

Автограф заведующего Еврейским казенным училищем В. Иванова

Отказ в приеме детей в еврейские школы имел место ежегодно по всей Херсонской губернии. Так, в 1910 г. 854 кандидата получили отказ в приеме на обучение, что составляло 1/3 от числа подавших заявления, из них 799 (93,2%) получили отказ «по недостатку места». О ситуации было известно как в правительственных кругах, так и в местной администрации, но ими не предпринималось никаких мер по расширению сети казенных еврейских школ. Наоборот, число учащихся в этих школах постоянно сокращалось. К примеру, в Николаевском еврейском училище с 1905 г. по 1910 г. их стало меньше на 28% [350, с. 256-257, 285]. Приведенные факты свидетельствуют о том, что государственная система еврейских учебных заведений не могла и особо не стремилась удовлетворить реальные потребности детей-евреев в получении как среднего, так и начального образования.

В начале XX в. в городе действовало от 9 до 11 частных еврейских школ (для сравнения, в Одессе – 46). В них обучались в 1905 г. 787 детей (мальчиков – 48,8%, девочек – 51,2%), а в 1910г. – 776 детей (мальчиков – 55,7%, девочек – 44,3%). Достаточно высок был процент учащихся, которые оставляли школу до окончания курса обучения, причины этого были различными, но чаще всего это были материальные трудности. Этот показатель по еврейским школам губернии в 1905 г. составлял 21,2% и постоянно возрастал, в 1910 г. он составил 24,3%. В целом по Херсонской губернии учащиеся частных еврейских школ составляли 4,5% от общей численности учащихся [350, с. 28, 35, 55, 256-257].

Сведения о количестве евреев, обучавшихся в учебных заведениях Николаева (казенных и частных), приводятся в таблице, составленной на основе данных «Обзоров Николаевского военного губернаторства» и «Обзоров Николаевского градоначальства».

Таблица 11.6.

Евреи в числе учащихся в учебных заведениях Николаева

<i>Годы</i>	<i>Всего учащихся</i>	<i>В т. ч. православных</i>	<i>%</i>	<i>В т. ч. евреев</i>	<i>%</i>
1869	739	400	54,1	339	45,9
1877	3010	2344	77,9	666*	22,1
1878	2987	2406	80,1	581*	17,9
1879	3237	2504	77,5	733*	22,6
1880	3231	2338	72,4	768*	23,7
1894	4107	2821	68,6	1103	26,7
1895	4912	3463	71	1222	24,9
1897	5714	3880	67,9	1633	28,5
1898	6219	4050	65,2	1838	29,7
1899	6459	4383	67,8	1742	26,9
1900	7160	4915	68,6	1853	25,8
1902	7399	4839	65,4	2144	28,9
1903	8556	6244	72,9	2037	23,8
1906	10347	7017	67,8	2772	26,8
1908	10594	7145	67,4	2863	27,0
1912	12397	8856	71,4	2970	23,9
1913	12691	8901	71,1	3209	25,3

*евреи с караимами [353-366].

Приведенная статистика свидетельствует о том, что соотношение между учащимися православного исповедания и евреями было относительно стабильным, при этом процент учащихся-евреев в городских учебных заведениях значительно (на 4 – 10%) превышал общий процент еврейского населения в составе жителей города и ни разу не опускался ниже этого показателя.

По данным всеобщей переписи населения 1897 г., в Николаеве занимались «учебной и воспитательной деятельностью» 239 евреев, что составляло 1,5% от общей численности еврейского населения города [2.75, с. 230]. Не вызывает сомнения, что этот показатель мог бы быть значительно выше, если бы не существовало ограничений на занятие евреями учительских должностей в казенных учебных заведениях.

Следует отметить, что из городского бюджета Николаева никаких отчислений на содержание еврейских учебных заведений или на оказание помощи им не производилось, т.е. они почти полностью финансировались за счет самой еврейской общины и частных лиц.

Таблица 11.7.

**Соотношение численности учащихся в составе
еврейского населения Николаева**

<i>Годы</i>	<i>Общее число учащихся</i>	<i>Учащихся на 1 тыс. населения</i>	<i>В т. ч. учащихся-евреев</i>	<i>Учащихся-евреев на 1 тыс. еврейского населения</i>
1869	739	15,6	339	76,7
1877	3010	48,4	666*	96,6
1878	2987	47,4	581*	81,2
1879	3237	47,9	733*	84,2
1880	3231	46,2	768*	81,2
1890	3505	87,9	293**	-
1894	4107	52,5	1103	77,7
1895	4912	62,6	1222	83,4
1897	5714	70,1	1633	105,9
1898	6219	75,8	1838	116,6
1899	6459	76,6	1742	107,4
1900	7160	83,9	1853	106
1902	7399	75,7	2144	109,3
1903	8556	86,4	2037	102,1
1906	10347	102,9	2772	143,6
1908	10594	103,8	2863	145,5
1911	11903	110,6	3536	175,7
1912	12397	113,1	2970	140

*евреи с караимами;

**только в казенном еврейском училище и в частных еврейских школах и училищах.

[353-366; 430, с. 81, 83]

Как свидетельствуют данные таблицы, показатели количества учащихся на 1 тыс. еврейского населения стабильно значительно превышали этот показатель среди всего городского населения, что подтверждает высокий престиж образования в еврейской среде.

Интересные данные по уровню грамотности еврейского населения города были получены в ходе первой всеобщей переписи населения 1898 г.

Таблица 11.8.

Грамотность еврейского населения в Николаеве в 1897 г.

Категории населения	Всего		В т. ч. грамотных			
	Муж.	Жен.	Муж.	%	Жен.	%
Все население города	49441	42571	27210	55	14119	33,2
В т. ч. иудеи	9983	9572	6495	65,1	4109	42,9
Из них: считают родным языком русский	772	801	616	79,8	553	69
украинский (малороссийский)	-	3	-	-	2	-
еврейский	9169	8749	5866	63,9	3558	40,7

[404, с. 106-107, 110-111]

Данные таблицы свидетельствуют о том, что еврейское население города по уровню грамотности значительно превосходило средний показатель по городу, евреи составляли 33,8% грамотного населения Николаева, при этом они составляли не более 20% общего числа городского населения. Но число грамотных на русском и украинском языках было достаточно незначительным: 5,9% от всего еврейского населения города и 11% от числа грамотных евреев. Большинство владели только еврейским языком и были грамотны только на еврейском языке. В приведенных данных вызывает сомнение низкий показатель численности евреев, владевших русской грамотой, учитывая численность еврейских детей, обучавшихся в русских школах, вполне возможно, что это фокус российской статистики или часть евреев руководствовалась какими-то соображениями, скрывая свою грамотность. Подтверждением этого предположения может служить и число евреев среди читателей городской библиотеки.

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что, несмотря на все трудности и искусственные ограничения, которые создавались для еврейского населения в сфере образования, оно было наиболее грамотной этнической группой, сохраняя в этом отношении многовековую традицию [подробнее см. 563, 571, 575].

Евреи в культурной жизни города

Евреи были среди самых активных читателей Николаевской общественной библиотеки, открытой в 1881 г. Как отмечалось в еврейской прессе, «...отрадным явлением можно признать тот интерес, с каким николаевские евреи относятся к русской книге и русской журналистике. Главный контингент местной книге и местной читальне дают именно они. Когда ни зайдешь в эту читальню, всегда среди читателей попадаются лица, не оставляющие сомнения относительно их семитического происхождения. Книги и газеты выписываются с надлежащим выбором, так что польза от такого отношения евреев к читальне несомненна» [580, 1894, № 32, ст. 180].

По данным на 1905 г., число читателей Николаевской общественной библиотеки составляло 2978 человек, из них русских 1006, а евреев 1779 (58%). При библиотеке был создан еврейский отдел, куда поступали еврейские книги, пресса и периодика, к примеру, для библиотеки выписывались такие издания еврейской прессы, как «Рассвет», «Восход», «Недельная хроника Восхода», «Будущность», «Еврейская

старина», «Еврейский мир», «Еврейская жизнь». Среди дарителей библиотеки также были евреи. Скобленков и М. Фельдштейн подарили библиотеке 160 томов, преимущественно на иврите и идише, Э. Паськер передала 109 томов юридической литературы, Общество любителей еврейского языка пожертвовало 77 детских книг на иврите. В 1912 г. Г.И. Кранцфельд пожертвовал для строительства нового здания библиотеки участок земли и 3 хлебных магазина (склада) на Поповой балке общей стоимостью 25 тыс. руб., позднее он заменил этот дар денежным капиталом на ту же сумму. Из 8 членов дирекции библиотеки трое были из евреев, в их число входили С. Давидсон, М. Пескер, А. Дикштейн [551, с. 179-182; 482, с. 6-7; 508, с. 156; 112, л. 273].

О том, что евреи были в числе наиболее активных читателей, свидетельствует отчет о деятельности читальни-библиотеки «Николаевского попечительства о народной трезвости» за 1900 г. Если в январе библиотеку посетило христиан 164 человека (51,7%), а иудеев 192 человека (48,3%), то уже с февраля число читателей-иудеев превысило 50% и в дальнейшем ежемесячно на протяжении всего года было не ниже этого показателя, а в ноябре читатели-евреи составляли 83,8% от общего числа читателей [98, л. 2-60].

Следует отметить, что евреи имели отношение и к созданию одной из первых в городе частных библиотек. 28 июня 1872 г. немировский мещанин Герш Яковлевич Айзенберг обратился к Николаевскому военному губернатору с просьбой разрешить открыть «...в городе Николаеве книжную лавку и библиотеку для чтения».

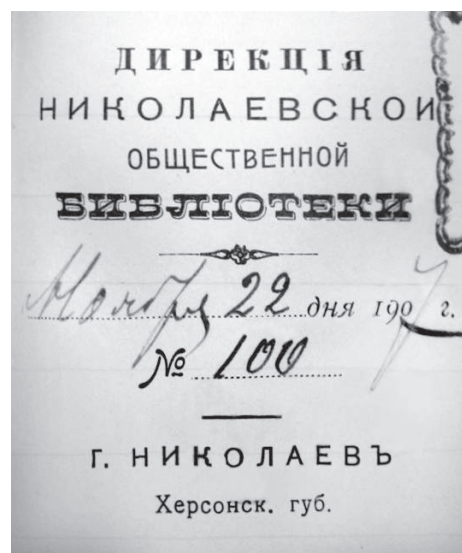

Николаевская общественная библиотека
(с открытки начала XX в.)

Губернатор проявил некоторое сомнение, и было запрошено свидетельство немировского полицейского пристава о политической благонадежности просителя, одновременно дано поручение Николаевскому полицмейстеру А. Стройникову тайно собрать сведения о нем. Вскоре он доложил: «По собранным негласным образом сведениям Айзенберг приехал в Николаев только 25 июня сего года, и потому об образе жизни и занятиях его в Николаеве никому не известно, прибыл же сюда Айзенберг с целью открыть книжную торговлю, каковую до сего занимался в г. Одессе, где, как некоторым лицам известно, он, Айзенберг с семейством, вел себя хорошо». Полученные данные, очевидно, удовлетворили губернатора, и 22 августа 1872 г. Н.А. Аркас выдал свидетельство на право открытия книжной лавки и кабинета для чтения, при этом «обязав подпискою исполнять в точности все существующие и впредь могущие быть изданными узаконения о порядке содержания книжных лавок и кабинетов для чтения» [218, л. 1, 6, 8, 13].

2 апреля того же года к военному губернатору обратился мещанин Иосиф Богпольский, просивший разрешения открыть в доме Липавы на ул. Соборной книжный магазин и библиотеку для чтения. После проверки на благонадежность он получил такое разрешение. В том же году разрешение на открытие книжного магазина было выдано мещанину Лейбе Еселевичу Шепелю [255, л. 1-3, 6]. В 1884 г. открыл книжный магазин Моисей Баранискин, в 1894 г. начал работать книжный магазин Исаака Марковича Садда [440, с. 53, 293]. По данным «Адрес-календаря» за 1902 г., в Николаеве было 11 книжных магазинов, из них 3 содержались евреями [428, с. 190-191].

Владельцами фотографий были Я.М. Гольденберг, О.Б. Шифрин, К.Ш. Розенсор, М.С. Ронес, Л. Кофф (его фотография была особенно известна портретными снимками), в фондах Николаевского краеведческого музея сохранилось много фотопортретов, сделанных в фотографии М.М. Криммера. Одну из первых серий открыток с видами Николаева издал книготорговец И.М. Садд, самую крупную серию открыток с видами старого Николаева издал в нач. XX в. Ш.Ф. Александрович, она насчитывала более сотни видов [100, л. 30; 88, л. 7, 11; 440, с. 38, 105, 180, 183]. 27 декабря 1900 г. Николаевским градоначальником было получено письмо министра императорского двора барона Фредерикса, в котором

Угловой штамп дирекции Николаевской общественной библиотеки

говорилось о том, что «за создание снимков спуска броненосца «Потемкин князь Таврический» николаевскому фотографу Л.И. Эпштейну выражалась благодарность от императора и пожалован в качестве подарка золотой портсигар [107, л. 1, 4]. В сентябре 1901 г. к градоначальнику обратился А.М. Штейншнайдер. Он писал: «Изучив фотографическое искусство, я предполагаю издать альбом фотографических видов города Николаева и его различных общественных и других учреждений, почему имею честь покорнейше просить разрешить мне издать вышесказанный альбом». После проверки просителя на благонадежность такое разрешение было дано. В том же году фотограф Л.И. Эпштейн сообщал, что он «...в течение 1 года и двух месяцев безвозмездно производил фотографические карточки с содержащихся в тюрьме арестантов» [100, л. 15, 19].

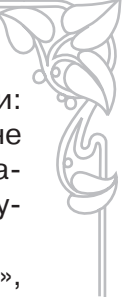
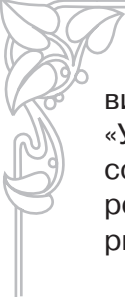
Участие евреев в культурной жизни города было достаточно фрагментарным.

Изредка на гастроли в город приезжали еврейские театральные труппы. Официально, чтобы не раздражать власти, они назывались немецким (немецко-еврейскими) или румынскими (т.к. спектакли шли на языке идиш, похожем на немецкий). К примеру, весной 1903 г. в городском театре Я.Я. Шеффера гастролировала «немецко-драматическая труппа» Д.М. Сабса, в репертуаре которой был водевиль из еврейской жизни «Шмендрик, или Мнимая свадьба», а также пьесы «Иосиф в Египте» и «Суламифь», как отмечали местные газеты, «публики было немного» [585, 1903, 12, 30 мая].

Евреи были в числе актеров и музыкантов русских театральных трупп и оркестров, функционировавших и гастролировавших в Николаеве. Об этом известно в силу того, что на временное проживание евреев в городе с 1906 г. требовалось получить особое разрешение градоначальника, что было достаточно сложно. Так, знаменитый конферансье Н. Балиев, руководитель популярного московского театра-кабаре «Летучая мышь» телеграфировал: «В труппе «Летучая мышь» есть 2 еврея, имеющих право жительства во всех городах империи. Прошу разрешить спектакли» (гастроли). Разрешение на временное пребывание на гастролях в городе евреям-артистам труппы Медведева выдал товарищ (заместитель) министра внутренних дел, а труппе еврейского театра вообще не дали разрешения на въезд в город [154, л. 153, 205].

Еврейские благотворительные организации пользовались пребыванием в городе гастролировавших театральных трупп, чтобы организовать благотворительные спектакли с их участием. К примеру, только в 1907 г. прошли такие спектакли: в пользу приюта для девочек 22 февраля труппой Никулина была поставлена пьеса «Цена жизни», 30 июля в пользу приюта для мальчиков – спектакль еврейско-немецкой труппы Генфера, 12 ноября в пользу учащихся школы Л.Б. Баскиной – труппой Коралли-Торцова спектакль «Да здравствует жизнь!» по пьесе Зудермана, 3 декабря в пользу учащихся повивальной школы – спектакль той же труппы «Беспечальные» по драме Рышкова [148, л. 23, 194, 205, 216].

Достаточно часто еврейской общественностью устраивались благотворительные концерты и спектакли, хотя получить разрешение на это у городских властей было достаточно сложно. Только «Общество пособия бедным евреям» ежегодно проводило не менее 4 благотворительных вечеров, по 3 вечера проводилось «Обществом попечения о бедных и бесприютных еврейских детях». В 1894 г. в газете «Недельная хроника Восхода» сообщалось: «Недавно несколько молодых людей из евреев устроили благотворительный спектакль. Шла одна из лучших пьес А.Н. Островского «Поздняя любовь». Спектакль прекрасно удался как в материальном отношении, так и в смысле исполнения» [580, 1894, № 14, ст. 385]. Ежегодно устраивало благотворительные спектакли «Общество пособия бедствующим из евреев коммерческим служащим и мелким торговцам». В начале декабря 1907 г. это Общество обратилось с прошением разрешить поставить любительские спектакли на языке идиш по пьесе М. Вейсельда «Трефняк» и по пьесе Шайкевича «Дер идишер пуриц». Как отмечалось: «Пьеса эта дозволена цензурой..., отзыв местного раввина препровожден к господину полицмейстеру». Разрешение на постановку первой пьесы было получено, на вторую, по-видимому, нет. В отчетах Общества зафиксировано, что 25 декабря 1907 г. был поставлен спектакль «Трефняк», 11 февраля 1908 г. – «Герцеле меухес», 21 декабря 1909 г. – «Ди шихте» [148, л. 265, 271; 396-397]. В 1907 г. «Общество пособия бедствующим из евреев ремесленникам» просило о разрешении поставить спектакль на идиш по пьесе местного автора Герша Давидовича Ле-

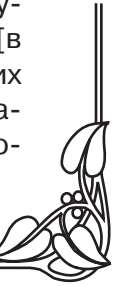

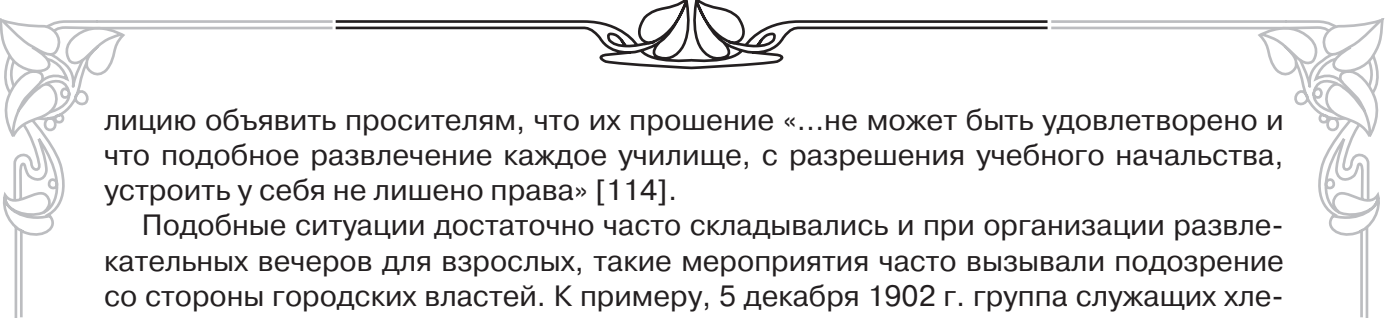
витаса «Превратности судьбы, или Гецель Бухбиндер». Просители подчеркивали: «Удостоверение местного раввина, что в пьесе ничего антиправительственного не содержится, находится у полицмейстера». 12 декабря градоначальник В.М. Зацаренный разрешил спектакль, но «с тем, чтобы все произведения были только цензурированными» [148, л. 250-251].

Большой интерес публики вызвало исполнение музыкальной пьесы «Элегия», созданной молодым николаевским композитором Бенедиктом Гайсинским под впечатлением событий кишиневского погрома 1903 г. Это произошло на благотворительном концерте в декабре того же года [579, № 52, с. 27]

31 ноября 1908 г. впервые в Николаеве прошел литературно-музыкальный вечер, на котором было разрешено исполнение произведений на еврейском языке (идиш). Мероприятие было организовано попечительством по оказанию помощи недостаточным (нуждающимся) еврейским учащимся местных учебных заведений. На вечере звучали произведения Шолом-Алейхема, исполнялись песни на стихи известных поэтов С. Фруга и М. Варшавского. Принимал участие кантор хоральной синагоги Гиршин. Но главным событием стало выступление знаменитого еврейского поэта Хаима Нахмана Бялика, который специально для этого приехал в Николаев. Этот вечер стал одним из наиболее заметных событий в культурной жизни николаевской еврейской общины. Как отмечалось в прессе: «Вечер прошел очень удачно, как в материальном, так и в духовном отношении» [582, 1908, № 45, ст. 31; № 47, ст. 24]

На протяжении многих лет осенью ежегодно устраивались детские праздники в связи с празднованием «Кущей». В них участвовали учащиеся младших классов ремесленной школы Ф.С. Вулих, казенного еврейского училища и образцового общественного хедера. Организаторами праздника часто выступали местные сионисты. Как отмечала в 1902 г. газета «Восход»: «Детские праздники успели уже завоевать себе столь значительную популярность, что родители приводят туда и детей, находящихся вне школьных стен. Всех детей собралось несколько сот человек» [579, 1902, № 44, с. 19]. Организация таких праздников была делом достаточно хлопотным и непростым. На их проведение необходимо было получить разрешение градоначальника, для чего подавалось прошение с изложением намерений организаторов и программой мероприятия. Разрешение получали далеко не всегда. К примеру, в том же 1902 г. содержательница частной еврейской мужской школы М. Гурвич и содержатели хедеров мелаamedы Б. Польский, С. Пинхосович и И. Секерницкий обратились с просьбой о разрешении провести 15 декабря детский вечер, приуроченный к празднику Маккавеев. Градоначальник, прежде всего, дал поручение полиции собрать сведения о благонадежности просителей, «а равно установить положительно действительную цель, преследуемую просителями в этом деле». Одновременно запрошено мнение попечителя Одесского учебного округа. Полицмейстер, проведя проверку, доложил, что просители «...все пользуются благонадежностью, поведения хорошего, жизнь ведут нравственную, под судом, следствием и надзором полиции не состоят, ни в чем предосудительном не замечены. Местное еврейское общество относится к ним с доверием и что преследуемая ими цель заключается исключительно в предоставлении учащимся детям религиозно-нравственного воспитания». Инспектор Одесского учебного округа ответил, что «не считал возможным удовлетворить ходатайство..., усматривая [в проведении вечера – В.Щ.] своего рода рекламу содержателей частных еврейских училищ с целью увеличить количество учащихся». Этого было достаточно для наложения запрета. 27 ноября 1902 г. градоначальник приказал через городскую по-

лицию объявить просителям, что их прошение «...не может быть удовлетворено и что подобное развлечение каждое училище, с разрешения учебного начальства, устроить у себя не лишено права» [114].

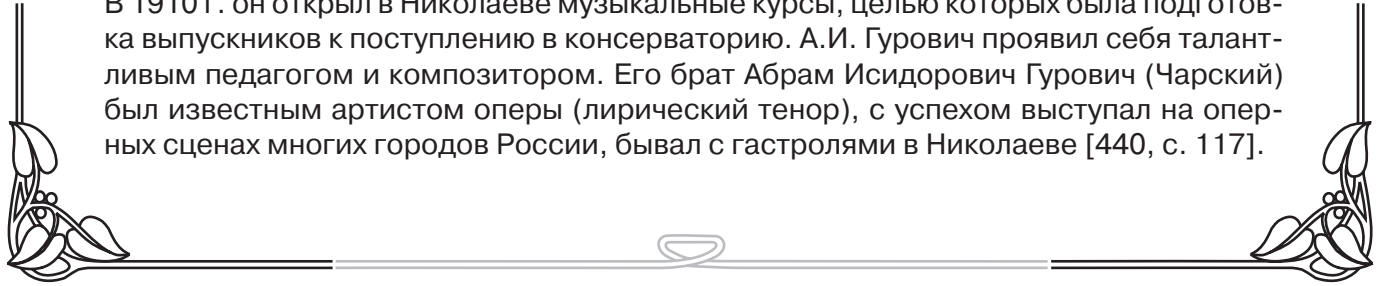
Подобные ситуации достаточно часто складывались и при организации развлекательных вечеров для взрослых, такие мероприятия часто вызывали подозрение со стороны городских властей. К примеру, 5 декабря 1902 г. группа служащих хлеботорговых фирм обратилась к градоначальнику с прошением разрешить «устроить, по случаю еврейского праздника «Ханука», праздничное торжество с семейным танцевальным вечером». На обороте прошения начертана резолюция полицмейстера, который посчитал, что устройство мероприятия нежелательно, т.к. трудно «...установить контроль за средствами, на которые устраиваются ими такие вечера, да и нет времени чинам полиции исполнять наряд при таких вечерах..., не представляется возможным выяснить, куда направляются средства от таких вечеров, что они упорно скрывают». Иногда администрация проявляла терпимость. Так, прошение Р.Г. Варшавер о проведении 15 и 16 февраля 1907 г. литературно-музыкального вечера и детского праздника в пользу детского приюта было удовлетворено градоначальником [105, л. 54; 148, л. 12-13].

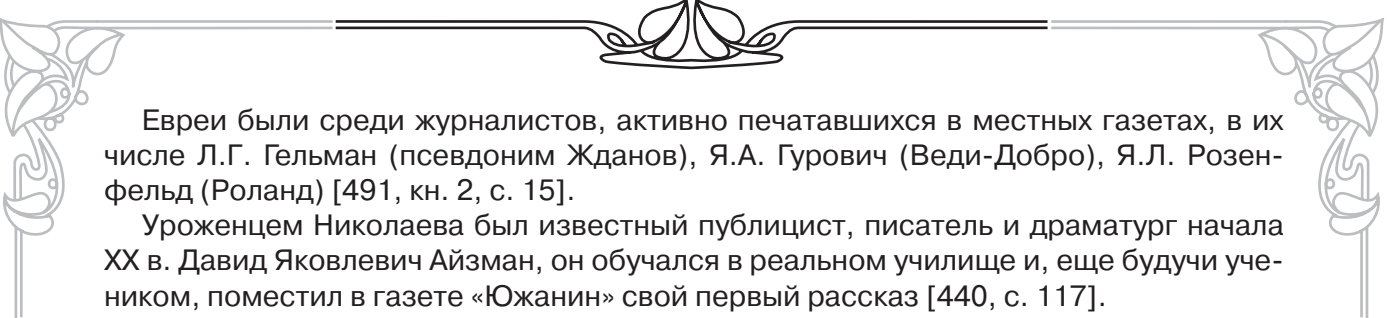
Евреи активно участвовали в деятельности Николаевского собрания. Это была организация по типу европейского клуба, которая проводила благотворительные вечера, концерты, банкеты и прочие развлекательно-увеселительные и благотворительные мероприятия для избранной публики. В число действительных членов Николаевского собрания принимались наиболее влиятельные, известные и состоятельные люди города. В списке 411 действительных членов клуба за 1910-1911 гг. евреи составляли 213 человек, т.е. более половины [380, с. 21-26].

Большой след в культурной жизни города оставил Соломон Исаакович Зельцер – 30 лет он дирижировал городским симфоническим оркестром, 25 сезонов – оркестрами николаевских театров. 7 декабря 1895 г. в театре Я. Шеффера состоялся бенефис капельмейстера С.И. Зельцера. По этому поводу в газете «Южанин» писали: «С.И. Зельцер известен николаевской публике как трудолюбивый, добросовестный музыкант, и, нужно думать, что она не оставит без внимания бенефисный спектакль симпатичного скромного труженика». Кроме того, почти каждый год летом он собирал оркестр, с которым выступал в городских парках. Так, в газете «Южная Россия» 1 июня 1903 г. сообщалось, что «оркестр из 24 человек под управлением С.И. Зельцера будет играть в садике при городском собрании три раза в неделю», позже сообщалось, что этот же оркестр был приглашен играть для публики на Бульваре. С 1908 г. музыкант преподавал по классу скрипки в музыкальном училище и других учебных заведениях. Напряженная подвижническая деятельность принесла ему широкое признание, но не материальный достаток. После его смерти семья осталась без средств к существованию [440, с. 146; 586, 1895, 7 декабря].

20 июля 1894 г. в Николаевском театре состоялся концерт главного кантора кишиневской синагоги Марговского. Как отмечала пресса: «Концерт привлек к театру многочисленную публику, среди которой были и неевреи» [580, 1894, № 32, ст. 861].

Многогранной фигурой был уроженец Николаева Арнольд Исидорович Гурович (Арнольд Рахманов), выпускник Петербургской консерватории, пианист-виртуоз. В 1910 г. он открыл в Николаеве музыкальные курсы, целью которых была подготовка выпускников к поступлению в консерваторию. А.И. Гурович проявил себя талантливым педагогом и композитором. Его брат Абрам Исидорович Гурович (Чарский) был известным артистом оперы (лирический тенор), с успехом выступал на оперных сценах многих городов России, бывал с гастрольями в Николаеве [440, с. 117].

Евреи были среди журналистов, активно печатавшихся в местных газетах, в их числе Л.Г. Гельман (псевдоним Жданов), Я.А. Гурович (Веди-Добро), Я.Л. Розенфельд (Роланд) [491, кн. 2, с. 15].

Уроженцем Николаева был известный публицист, писатель и драматург начала XX в. Давид Яковлевич Айзман, он обучался в реальном училище и, еще будучи учеником, поместил в газете «Южанин» свой первый рассказ [440, с. 117].

Известный в городе врач-хирург Борис Григорьевич Кранцфельд был не менее известным как яхтсмен, неоднократный победитель городских яхтенных гонок [440, с. 181].

К сожалению, сведения об участии евреев в культурной жизни города эпизодичны, но даже приведенные факты свидетельствуют о том, что еврейское население проявляло достаточную активность и инициативу в формировании своеобразного и оригинального культурно-художественного образа города Николаева в конце XIX – начале XX веков.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абаканович, генерал-майор, временный военный губернатор Николаева с 1907 г., стр. 164
- Абрамов А.Л., купец, хлеботорговец, стр. 114
- Абрамов Б.Л., экспортер хлеба, стр. 114
- Абрамов Лейба, торговец керосином, стр. 101
- Абрамович Ицка, купец, стр. 33, 40, 46
- Абрамович Волько, участник сионистского движения, стр. 86
- Абрутин Иосиф Тимофеевич, врач, стр. 208
- Август, купец, стр. 42
- Августов, содержатель опереточной труппы, стр. 27
- Аврашков, владелец магазина одежды, стр. 155
- Аврутин Аврум, участник революционных событий 1905 г., стр. 152
- Азипстик Лейба, купец, стр. 39
- Айзбин, ученик Александровского реального училища, стр. 252
- Айзенштейн Сруль, член духового правления синагоги, стр. 75, 80
- Айзенберг Герш Яковлевич, содержатель книжного магазина и кабинета для чтения, стр. 267, 268
- Айзенберг Лейба, ученик Николаевского уездного училища, стр. 254
- Айзенберг Моисей, часовых дел мастер, стр. 153, 181
- Айзеншток Лейба, купец, поставщик, стр. 42
- Айзман Владимир Яковлевич, революционер-народник, стр. 91
- Айзман Григорий Яковлевич, революционер-народник, стр. 91
- Айзман Семен Яковлевич, преподаватель закона еврейской веры в коммерческом училище, стр. 250
- Айзман Давид Яковлевич, публицист, писатель, драматург, стр. 272
- Айнберг Иона Менахемович, зубной врач, стр. 212, 213
- Александр I, российский император в 1801-1825 гг., стр. 43, 243
- Александр II, российский император в 1855-1881 гг., стр. 58, 61, 90, 91, 115, 116, 148
- Александр III, российский император в 1881-1894 гг., стр. 28, 134, 245
- Александров, владелец столярной мастерской, стр. 191
- Александрович Ш.Ф., издатель открыток с видами Николаева, стр. 268
- Андреевский Владимир Ефремович, Николаевский городской архитектор в 1865-1885 гг., стр. 131
- Андросов, купец, стр. 42
- Анна Иоанновна, российская императрица в 1730-1740 гг., стр. 13
- Анчилович Лев Григорьевич, исполняющий должность городского раввина в нач. XX в., стр. 79, 84, 85, 143-146, 202
- Аранович Марк, мещанин, стр. 40
- Аркас Николай Андреевич, военный губернатор Николаева и Севастополя в 1871-1881 гг., стр. 71, 130, 131, 135, 136, 173, 255, 268
- Аронсон Я.Ф., содержатель частного еврейского училища, стр. 193-195
- Ауслендер, купец, поставщик, стр. 42

Бабель Исаак, писатель, стр. 161, 250
Багалеи Дмитрий Иванович, украинский историк, стр. 5, 35
Баер Хаим, мещанин, стр. 162
Базилевский Мойша Беркович, дамский портной, стр. 25
Балиев Никита, конферансье, руководитель Московского театра-кабаре, стр. 26, 269
Барамбеум Мардко, мещанин, стр. 39
Баранискин Моисей, книготорговец, стр. 191, 268
Барановский Берко, купец, поставщик, стр. 42
Баратович Барах Осипович, студент Московского университета, стр. 253
Барбе Иосиф, владелец гостиницы, стр. 101
Барнбом Мортка, николаевский мещанин, стр. 41
Барский М.И., член комитета дешевой еврейской столовой, стр. 180
Бартензон, купец, поставщик, стр. 42
Баскина Л.Б., содержательница школы для девочек из бедных семей, стр. 184-187, 214, 241-243, 269
Бегун, владелец магазина швейных машин, стр. 153
Бегун Пейсих Иоселевич, купец, стр. 39, 42, 48
Безродный И.П., хлеботорговец, стр. 114
Бейль Юлиус, владелец завода, стр. 101
Белик Иосиф-Меер, купец, стр. 76
Белик Мордка, галантерейщик, стр. 101
Белик, торговец, содержатель складов, стр. 102
Беликин, мещанин, стр. 40
Белич И., купец, стр. 102, 176, 213
Белый М.З., благотворитель, стр. 193
Бен-Цион С., еврейский писатель, стр. 230
Берг Ефим Аристович, купец, гласный НГД, стр. 108
Березинский Самуил Лазаревич, мещанин, стр. 161
Березовский Абрам-Брук, претендент на должность Николаевского раввина в 1865 г., стр. 140
Березовский Иван Петрович, содержатель частной мужской гимназии, стр. 252
Берембеум Симка, мещанка, стр. 35, 39
Берендорф Ривин, владелец маклерской конторы, стр. 102
Беркинсон, владелец фабрики шипучих вод, стр. 153
Берков Гершлейб, купец, стр. 39
Берков Израиль, купец, откупщик КС, стр. 175-177
Берков Нахман, купец, поставщик, стр. 42
Берлацкий Б.И., экспортер хлеба, стр. 114
Берлацкий И.Г., член Попечительного совета Александровского реального училища, стр. 248
Берлацкий Исаак Пинкусович, купец, благотворитель, стр. 198
Берман (Квартирмейстер) Мендля (Мильда) Абрамовна, супруга отставного мастерового, стр. 63, 122
Берман Симка, отставной мастеровой, стр. 66
Берман Хаим Абрамович, мещанин, стр. 202, 203
Бертанзон Самуил, купец, поставщик, стр. 42
Берх Мориц Борисович, военный губернатор Николаева и Севастополя в 1851-1855 гг., стр. 138
Бершковский Нусин, учитель в Талмуд-Торе, стр. 233

Бибиков Г.С., секунд-майор, стр. 46
Билик А.М., купец, гласный НГД, стр. 83
Билик Иосиф, торговец бакалейными товарами, стр. 101
Билек, владелец кондитерского магазина, стр. 155
Билианский А.И., меламед, стр. 238
Билианский Иосиф, член духовного правления синагоги, стр. 80
Билианский Ш.А., меламед, стр. 203
Биргер, служащий Николаевской хлебной биржи, стр. 113
Биргер А.И., благотворитель, стр. 182
Биргер О., член правления ОПБЕ, стр. 188
Биренштейн И.М., хлеботорговец, стр. 114
Бирштейн Абрам Яковлевич, купец, гласный НГД, стр. 81, 83, 114, 186, 219
Бирштейн Я.А., хлеботорговец, стр. 114
Быховской Яков Монен, мещанин, стр. 40
Бланк Е.А., член духовного правления синагоги, стр. 80
Бланк М.А., купец, благотворитель, стр. 101, 171, 177, 202
Бланк Файбиш Абрамович, купец, стр. 39, 42
Блиндерман А.М., помощник присяжного поверенного, гласный НГД, стр. 83, 120
Богопольский Йосиф, мещанин, содержатель книжного магазина и библиотеки, стр. 268
Богров Б.Ш., преподаватель Александровского реального училища, стр. 247
Богров Р.Х., купец, благотворитель, стр. 240
Богров Хаим-Берг Шахнович, кандидат права, городской раввин, стр. 134, 143, 177, 202, 204, 235
Богуславский Б., поверенный содержателя почтовой станции, стр. 25
Болштай Хаим, солдат (матрос), участник обороны Севастополя 1853-1855 гг., стр. 63
Бомштейн М., член духовного правления синагоги, стр. 80
Борохов, резчик, стр. 42
Брант Гершка, мещанин, ремесленник, стр. 116
Бригер Самуил (Соломон), купец, стр. 40, 42
Бригерова Анна, купчиха, стр. 42
Бриль Г.М., владелец аптеки, стр. 101
Бренкель Хацкель Давидович, купец, стр. 248
Бродская Ривка, мещанка, стр. 38, 39
Бродский Владимир Израилевич, врач, стр. 212, 218, 259
Бродский Григорий Моисеевич, купец, хлеботорговец, стр. 82, 83, 114, 124, 205
Бродский Е.М., хлеботорговец, почетный гражданин, стр. 114
Бродский И.М., купец, стр. 101
Бродский Лазарь Киевич, николаевский мещанин, стр. 41
Бродский Я.М., купец, хлеботорговец, стр. 114
Бродский Нухин Янкелевич, мещанин, стр. 38
Бродская Сура, дочь Бродского Н.Я., стр. 39
Бродская Шендля Мордковна, супруга Бродского Н.Я., стр. 39
Брок Петр Федорович, министр финансов в 1852-1858 гг., стр. 19, 58
Брон Мошка, николаевский мещанин, стр. 41
Бронт Майорка (Маиорка), мещанин, стр. 39
Бронт Абрам Майоркович, мещанин, стр. 39
Бронт Гдаль Майоркович, мещанин, стр. 39
Бронштейн (Троцкий) Лев Давидович, революционер, стр. 95, 247, 248

Бронштейн Аннета, мать Л.Д. Троцкого, стр. 95
Броун Б., врач, стр. 210
Броун Вулик Леонидович, врач, член правления ОПБЕ, стр. 182, 196, 212
Броун Шоель, участник сионистского движения, стр. 86
Брусилловский Савелий Миронович, зубной врач, стр. 205
Букерман Нахман Самуил, редактор нелегальной социал-демократической газеты «Борьба», стр. 92
Бунцельман В.А., купец, благотворитель, стр. 102
Бунцельман Илья Хаимович, купец, стр. 76, 77
Бунцельман Давид Ильич, купец, стр. 102, 108
Бурт Ицка, ремесленник по золотошвейным и шмуклерским работам, стр. 63
Бурштейн Лазарь, мещанин, стр. 63
Бутович Абрам, мещанин, стр. 63
Бутаков Григорий Иванович, военный губернатор Николаева и Севастополя в 1856-1860 гг., стр. 19, 60, 63-65, 106, 138
Быховской Яков Монен, мещанин, стр. 40
Бялик Хаим Нахман, великий еврейский поэт, стр. 270

Вайнштейн, херсонский купец, стр. 65
Вайнштейн, булочник, стр. 118
Вайсбейн, служащий Николаевской хлебной биржи, стр. 113
Вайсброд Лейбуш, мещанин, стр. 40
Валлер (братья), владельцы экспортной конторы, экспортеры хлеба, стр. 102, 114
Ванский М., меламед, стр. 234
Варман, плотник, стр. 42
Варшавер Борис Ефимович, помощник присяжного поверенного, стр. 29
Варшавер Хаим, учитель в Талмуд-Торе, стр. 234, 238, 240
Варшавер Абрам Хаимович, смотритель в НЕБ, стр. 218
Варшавер Раиса Геймановна, супруга доктора права, благотворительница, стр. 187, 188, 205, 271
Варшавский Маркус Соломонович, херсонский купец 1-й гильдии, стр. 40-42, 45, 46, 51, 102, 106
Варшавский М., поэт, стр. 270
Варшавский Соломон, владелец экспортной конторы, стр. 114
Ватер, меламед, стр. 228
Вахнянский Иойна, погиб во время погрома 19.10.1905 г., стр. 161
Вейсбейн Д.И., хлеботорговец, стр. 114
Вейсфельд М., драматург, стр. 269
Вейтланд Яков Осипович, студент Фрайбергской горной академии, стр. 253
Вейцман Хаим, первый президент Израиля, стр. 84, 85
Вельтман Шмерель Давидович, купец, стр. 162
Веровский Георгий Иванович, содержатель частной мужской гимназии, стр. 252, 253
Веремеев Лазарь, лавочник, стр. 151
Вигель Филипп Филиппович, чиновник, автор мемуаров, стр. 48
Виленский Лев Вульфович, городской раввин с 1902 г., стр. 80, 145, 146, 165
Виленский Перец, ремесленник, красильщик, стр. 181
Вильскерт Берко, купец, стр. 97
Винокур Эйзик Гершкович, мещанин, стр. 40
Винокуров Абрам Манусович, врач, стр. 212, 213, 259

Вирон Николай, мещанин, стр. 23
Висноватый Фроим, ремесленник, переплетчик, стр. 181
Витте Сергей Юльевич, министр финансов, стр. 11, 13, 47, 105, 249, 250
Виттенберг Соломон Яковлевич, революционер-народник, стр. 90
Вишневецкий Ш. К., благотворитель, стр. 202, 204
Властелица Георгий Антонович, председатель биржевого комитета Николаевской хлебной биржи, стр. 25, 101, 110
Вульфсон Хаим, грабитель, стр. 124
Водовозов Хаскель, ремесленник, шапочный мастер, стр. 181
Возницын Александр, капитан-поручик, стр. 13
Волкенштейн И., мещанин, стр. 25
Волкенштейн Меир Абрамович, городской раввин в 1875-1878 гг., стр. 71, 141
Волконский, полицейский пристав II Адмиралтейской части в 1905 г., стр. 163
Володарский Б., хлеботорговец, стр. 114
Вольштейн Шмая, торговец керосином, стр. 101
Вольфензон Владимир Осипович, врач НЕБ, стр. 218, 259
Вольфович Абрамия, домовладелец, стр. 40
Вольфович Гершка, мещанин, стр. 40
Вольфсон Шлема, член духовного правления синагоги, стр. 80
Воронцов Захар, севастопольский I-й гильдии купец, стр. 173, 175
Воронцов Михаил Семенович, Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор, стр. 56, 58
Вулих Гдаль Беркович, купец, стр. 81, 108, 114
Вулих И., купец, хлеботорговец, стр. 114
Вулих Фанни Савельевна, заведующая приватным еврейским профессиональным училищем для девочек, стр. 89, 172, 182, 184, 185, 187, 203, 205, 214, 238-242, 270
Вулих Хупа, владелец комиссионной конторы, стр. 101
Вучина Н.Е., хлеботорговец, стр. 114

Габис, торговец, содержатель складов, стр. 102
Гайо, экспортер хлеба., стр. 114
Гайсинский А.Г., преподаватель в музыкальном училище, композитор, стр. 257, 270
Галицкий А., член попечительного совета Талмуд-Торы, стр. 234
Гальпер, купец, поставщик, стр. 42
Гальперин Б.М., член духовного правления синагоги, стр. 80
Гаммерман, экспортер хлеба, стр. 114
Гах, торговец книгами, стр. 101
Ге Григорий Николаевич, секретарь Николаевской городской Думы, краевед, стр. 5, 31, 34, 46, 57
Гелер, торговец книгами, стр. 101
Геллер Самуил, член партии эсеров, стр. 93
Геллер Сара, член партии эсеров, стр. 93
Герман, галантерейщик, стр. 101
Гершков Меер, мещанин, стр. 39
Гершкова Ривка Давидовна, мещанка, стр. 39
Гершкович Азик, мещанин, стр. 40
Гершкович Юкель, купец, стр. 42, 43
Гершман С.М., купец, хлеботорговец, стр. 114
Гершман, торговец, содержатель складов, стр. 102

Гессен, владелец ювелирного магазина, стр. 152
Гафтер Мошка, ремесленник по золотошвейным и шмуклерским работам, стр. 63
Гилевич Аврум, меламед, стр. 89, 230
Гимель Израиль, мещанин, стр. 39
Гиммельфарб Гершко Фроимович, николаевский мещанин, стр. 41
Гинда Файвель, меламед, стр. 225
Гинцбург Гораций, барон, известный еврейский благотворитель и филантроп, стр. 184
Гинцбург Янкель, меламед, стр. 233, 234
Гиршин, кантор хоральной синагоги, стр. 270
Гицельтер Евсей Иларионович, преподаватель казенного еврейского училища, стр. 89, 260
Гладштейн Ангел, торговец мануфактурными товарами, стр. 102
Глазенап Эмилия Антоновна, супруга военного губернатора, попечительница школ грамотности, стр. 237, 255, 257
фон Глазенап Богдан (Готлиб) Александрович, военный губернатор Николаева и Севастополя в 1860-1870 гг., стр. 20, 65, 66, 67, 80, 98, 110, 129, 140, 176, 215, 228
Гланц Ш.Л., купец, хлеботорговец, стр. 114
Глизян Поликарп Константинович, полицейский пристав Портовой части в 1905 г., стр. 154
Голомшток, учитель в общественном хедере, стр. 231
Гольберг Лейзер-Сруль Гилелевич, купец, владелец магазина посуды, стр. 153
Гольберг Анна Осиповна, врач, стр. 208
Гольберг Хая, мещанка, стр. 124
Гольденберг, ремесленник, стр. 118
Гольденберг Александра, сотрудница Николаевской хлебной биржи, стр. 25
Гольденберг Марк, херсонский мещанин, ремесленник, стр. 65
Гольденберг Соломон, врач, стр. 210-212
Гольденберг Ш., член духовного правления синагоги, стр. 80
Гольденберг Яков Михайлович, владелец нескольких фотографий, стр. 268
Гольдин М.А., меламед, стр. 203
Гольдин Н., сионист, подписчик на акции «Палестинской землеустроительной компании», стр. 89
Гольдфарб Ф.Я., благотворительница, попечительница училища Вулих Ф., стр. 239
Гольдфарб Юлий Осипович, купец, стр. 248
Гольфарб, служащий Николаевской хлебной биржи, стр. 113
Гоман, токарь, стр. 42
Гомберг Давид, купец, стр. 182
Горвиц, подрядчик интендантского ведомства, стр. 46
Горемыкин Иван Логгинович, министр внутренних дел в 1895-1899 гг., стр. 134
Городец М.П., хлеботорговец, стр. 114
Горчаков Владимир Петрович, приятель поэта А.С. Пушкина, стр. 48
Гохберг Иосиф Беркович, купец, стр. 177, 178
Грегер, подрядчик интендантского ведомства, стр. 46
Грейг (Сталинская) Юлия Михайловна, супруга А.С. Грейга, стр. 48, 49, 103
Грейг Алексей Самуилович, военный губернатор Николаева и Севастополя в 1816-1833 гг., стр. 18, 39, 40, 42, 44, 45, 48, 49, 51-56, 58, 103, 125, 157
Гренквист Роман Андреевич, военный губернатор Николаева и Севастополя в 1890 г., стр. 171
Грин Вульф-Мовша Берилович, владелец ювелирного магазина, стр. 152

Гринберг, владелец магазина шитых платьев, стр. 153
Гринберг (Гринбарг) Герш, купец, староста молитвенного дома, стр. 97
Гринберг Гершко, мещанин, стр. 39
Гринберг Ионя, купец, стр. 39
Гринберг С., член правления ОПБЕ, стр. 182
Гринберг Х.Н., участница народнических кружков Одессы и Петербурга, стр. 91
Гринберг Ю., ремесленник, стр. 119
Гринер Янкель, владелец маклерской конторы, стр. 102
Гринштейн Шмуль, торговец мануфактурными товарами, стр. 102
Гринштейн, торговец мехом, стр. 103
Гринштейн Хаим, херсонский мещанин, ремесленник, стр. 60, 65
Гройсман Самсон Яковлевич, преподаватель казенного еврейского училища, стр. 261, 262
Грозенштейн Владимир Давидович, врач, стр. 210
Гросман, мещанин, стр. 26
Гросман, содержатель частного еврейского училища, стр. 238
Гручик Н.Л., благотворитель, стр. 202
Гурвич Малка, содержательница частного еврейского училища, стр. 89
Гурвич М., купец, стр. 177, 238, 270
Гуревич Исер Зейтман, откупщик КС в 1884-1888 гг., стр. 177
Гуревич С., стр. 130
Гурко Иосиф Владимирович, временный военный генерал-губернатор Новороссийский и Бессарабский в 1882-1883 гг., стр. 245
Гурлянд Т.Д., купец, стр. 162
Гурович (Рахманов) Арнольд Исидорович, пианист, стр. 271
Гурфинкель Моисей Аронович, гласный Николаевской Думы в 1884 г., стр. 81

Давидсон Савелий Исидорович, врач, гласный НГД, стр. 83, 208, 210, 267
Даль Владимир Иванович, мичман Черноморского флота, в будущем – великий русский лексикограф, стр. 48
Данилова Л.Т., содержательница частного коммерческого училища, стр. 254
Даценко Василий Андреевич, Николаевский городской голова в 1884-1888 гг., стр. 78, 178, 219, 220
Дашевский Абрам, рабочий, стр. 94
Дерфель Ушер, торговец мануфактурными товарами, стр. 102
Делянов Иван Давыдович, министр народного просвещения, стр. 245, 260
Дикштейн А., член дирекции Николаевской общественной библиотеки, стр. 267
Добровенский (Дубровенский) Шлема, купец, поставщик, стр. 42
Дорфман Захарий, купец, стр. 40, 41
Драцкой В., член комитета дешевой еврейской столовой, стр. 180
Дрезнин Абрам Соломонович, учитель Николаевского еврейского училища, член партии Поалей-Цион, стр. 326
Дрейфус (братья), хлеботорговцы, стр. 102, 114
Дрейфус Луи, владелец экспортной международной хлеботорговой фирмы, стр. 113, 114
Дробинский Лейба, участник сионистского движения, стр. 86
Дубенский Моисей, купец, стр. 39, 42
Дулицкий Нахман Янкелевич, купец, стр. 39, 41, 47
Дульцин Илья Платонович, учитель закона еврейской веры в реальном училище и

Александровской гимназии, баллотировался на должность городского раввина, исп. его обязанности с 1888 г., стр. 78, 133, 142, 143, 146, 147, 204, 246, 263
Дурново Иван Николаевич, министр внутренних дел в 1889-1902 гг., стр. 257

Евреин Абрамка, торговец, стр. 17, 35

Евреин Лейба, торговец, стр. 17, 35

Еврей Шишка, торговец, стр. 17, 35

Еланский Петр Петрович, протоиерей, краевед, стр. 5, 252

Елизавета Петровна, российская императрица в 1741-1762 гг., стр. 13

Елович, владелец магазина, стр. 153

Ерандаков, ротмистр, помощник начальника Херсонского жандармского управления (по г. Николаеву), начальник Николаевского охранного отделения, стр. 92-94, 206

Ефруси, владелец экспортного торгового дома, стр. 112

Жаботинский Владимир (Зеев), один из лидеров еврейского национального движения, стр. 90

Жебряк Хана Моисеевна, содержательница дома терпимости, стр. 123

Живицер Мошка, отставной нижний чин, стр. 176

Заблудовский Берко, купец, стр. 39

Заблудовский Лазарь, купеческий сын, стр. 39

Загорянский-Кисель Аполлинарий Сергеевич, контр-адмирал, Николаевский градоначальник в 1904-1906 гг., стр. 152, 158, 162, 188, 203

Зайднер Герасим Самойлович, врач, благотворитель, стр. 198, 208

Зайчик Янкель, ремесленник, шмуклер, стр. 181

Закс Берко, мещанин, стр. 75

Замчалов, командир казачьего полка, участвовавшего в подавлении погрома в октябре 1905 г., стр. 167

Заславский, владелец шляпного магазина, стр. 153

Зацаренный Василий Максимович, контр-адмирал, Николаевский градоначальник в 1906-1909 гг., стр. 78, 189, 203, 206, 270

Зевин С., купец, стр. 176, 177

Зейтман Хайсиль, член духовного правления синагоги, стр. 80

Зеленский Самойло, купеческий сын, стр. 40-42, 53

Зеликман Х., член духовного правления синагоги, стр. 80

Зельцер Лейб, купец, поставщик, стр. 39, 42

Зельцер Лейба Морткович, купец, откупщик КС в 1866-1870 гг., стр. 175

Зельцер Соломон Исаакович (Зельман Ицкович), музыкант, педагог, стр. 247, 250, 271

Зенгер Нахтул, отставной нижний чин, стр. 176

Зибер, мещанин, ремесленник, стр. 118

Зильберблум И.Я., благотворитель, стр. 198

Зильберглейт Б., член духовного правления синагоги, стр. 80

Зильбершмид Абрам, цесарскоподданный мещанин, стр. 35, 40

Зильбершмид Хана Аайзиковна, мещанка, стр. 35, 40

Зильберштейн Сруль Арон, учитель в Талмуд-Торе, стр. 233

Зингер Исаак Абрамович, мещанин, стр. 92

Зинова Софья Григорьевна, начальница частной женской гимназии, стр. 252, 253

Златопольский А., член правления ОПБЕ, стр. 182, 188

Злочевский Фроим-Самсон Неухович, купец, благотворитель, стр. 205

Зубкова С.-М., колонистка, стр. 40
Зудерман, драматург, стр. 269

Иванов, генерал-майор, исполняющий обязанности военного губернатора Николаева в 1869 г., стр. 173

Иванов В., заведующий Еврейским казенным училищем, стр. 263

Иванов Г.И., ротмистр, исполнял обязанности Николаевского полицмейстера в 1905 г., стр. 152

Ивановы, купцы, стр. 112

Илькович Абрамка, мещанин, стр. 40

Имас А., благотворитель, стр. 236

Имас Исаак Самуилович, сын купца, член правления ОПБЕ, стр. 114

Имас Самуил Самуилович (Шмуль), купец, член правления ОПБЕ, стр. 75, 80, 84, 102, 114, 134, 182, 219

Имас С.Т., купец, стр. 80

Инглесси А.Д., хлеботорговец, стр. 114

Иошхес Иосиф, купец, стр. 173

Иржевский В.А., заведующий КЕУ, стр. 261

Исаков Давид, купец, стр. 39

Исаков Фавель, купец, поставщик, стр. 42

Исхильчук, учитель, стр. 230

Ицкович Абрам, мещанин, стр. 40

Ицкович Симон, мещанин, стр. 40

Ишер Г., хлеботорговец, стр. 114

Кабак Н.Ю., благотворитель, стр. 196

Каверзнев А.К., полковник, стр. 45

Каган Л.А., содержатель частного еврейского училища, стр. 145, 238, 255

Кагарлицкий З., сионист, подписчик на акции «Палестинской землеустроительной компании», стр. 89

Каданер Бенцион, член группы коммунистов-анархистов, стр. 26, 94

Калиновский Мориц, владелец экспортной конторы, стр. 102, 114

Кальварский Моисей Яковлевич, врач, член комитета по заведованию еврейским кладбищем, стр. 76, 208, 211, 218, 259, 292

Кейден (Кайдан, Кайданер) И., меламед, стр. 233, 234

Каллегорский Авраам Юдкович (Адольф Ильич), санитарный врач, стр. 209

Калниболоцкий Виньямин, сын купца, студент Киевского университета, стр. 253

Калниболоцкий Иуда, купец, стр. 97, 253

Калогерас Н., купец, хлеботорговец, стр. 114

Калогерас С.П., хлеботорговец, стр. 114

Калогерас С.С., владелец маклерской конторы, стр. 102

Кальварский Моисей Яковлевич, врач НЕБ, стр. 76, 208, 211, 218, 259, 292

Каменер Абрам Семенович, владелец маклерской конторы, стр. 102

Каменер Михаил Абрамович, врач, стр. 210

Каменецкий Иосиф Соломонович, врач, благотворитель, гласный НГД в 1884 г., стр. 81, 207, 208

Каменский И.С., врач, стр. 83

Каменский Самуил, владелец маклерской конторы, стр. 102

Каминский А.Г., благотворитель, стр. 189

Каминский М.Я., стр. 253

Каминский Яков Григорьевич, купец, благотворитель, гласный НГД, стр. 81-83, 114, 131, 220, 292

Каневский Арон Иосифович, купец, гласный НГД, стр. 101, 176, 178, 192, 216

Каневский А.О., гласный НГД, стр. 83

Каневский Израиль, владелец аптеки, стр. 101

Каневский Иосиф, торговец, стр. 102

Каневский Сруль Лазаревич, мещанин, стр. 39

Каннегисер (Канегисер) Иоаким Самуилович, директор-распорядитель «Общества судостроительных и механических заводов», стр. 107, 160, 161

Каннегисер Розалия Львовна, его супруга, благотворительница, стр. 107

Кантер, служащий Николаевской хлебной биржи, стр. 113

Каплан Исаак Яковлевич, делопроизводитель в Николаевской городской управе, стр. 22, 83, 186

Карабчевский Владимир Михайлович, Николаевский полицмейстер в 60-х гг. XIX в., стр. 66

Карабчевский Николай Платонович, известный российский адвокат, стр. 151

Карачунский Лев, учитель частного еврейского училища, стр. 237

Кардонская Лия Иосифовна, мещанка, стр. 260

Карнозо Виктор, мещанин, стр. 85

Кассадо Вишмунд, продавец аптекарских товаров, стр. 101

Катель Я., херсонский мещанин, стр. 177

Каульбарс Александр Васильевич, командующий Одесским военным округом, временный Новороссийский военный генерал-губернатор в 1905-1906 гг., стр. 166

Кауфман, купец, благотворитель, стр. 255

Каховский Михаил Васильевич, генерал, командующий войсками в Крыму в 1773-1791 гг., стр. 43

Кац Абрам Мендель, мещанин, лидер сионистского движения в Николаеве, стр. 85, 86

Кац Л.А., благотворитель, стр. 188, 208

Кац Мендель, мещанин, стр. 85

Кац Моисей Абрамович, участник сионистского движения, стр. 86, 87

Каценельсон Яков, претендент на должность Николаевского городского раввина, стр. 145

Качковский А.М., купец, хлеботорговец, стр. 114

Кашенер Абрам, владелец комиссионной конторы, стр. 101

Квинтовалле, экспортер хлеба, стр. 114

Кейсерман Люба Исааквна, торговка рыбой, стр. 100

Кенигсберг Анна Григорьевна (Германовна), врач, стр. 211

Кенигсберг Борис Григорьевич (Германович), купец, благотворитель, стр. 193, 198

Кенигсберг Михаил Григорьевич (Германович), врач, гласный НГД, создатель водолечебницы, стр. 83, 93, 193, 198

Кеннисберг Герш, владелец маклерской конторы, стр. 102

Кефели Иосиф, торговец мануфактурными товарами, стр. 102

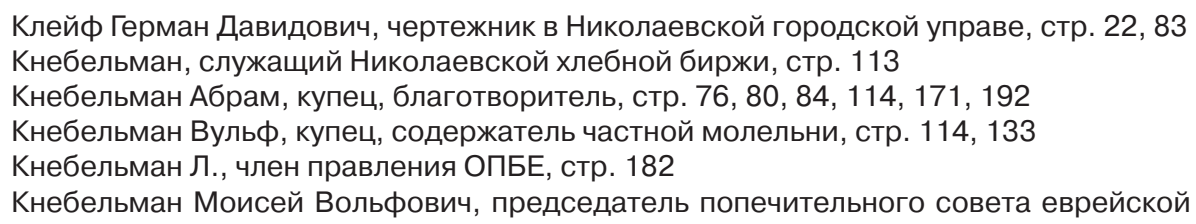
Кислер Хаим, солдат (матрос), участник обороны Севастополя в 1853-1855 гг., стр. 63

Кирман Берко, ремесленник, шапочный мастер, стр. 181

Классен П.П., купец, хлеботорговец, стр. 114

Клейман Арон Яковлевич, купец, домовладелец, благотворитель, стр. 75, 82, 83, 101, 103, 114, 185, 188, 192, 221, 248

Клейнц Иошуа, рабочий, стр. 94

Клейф Герман Давидович, чертежник в Николаевской городской управе, стр. 22, 83
Кнебельман, служащий Николаевской хлебной биржи, стр. 113
Кнебельман Абрам, купец, благотворитель, стр. 76, 80, 84, 114, 171, 192
Кнебельман Вульф, купец, содержатель частной молельни, стр. 114, 133
Кнебельман Л., член правления ОПБЕ, стр. 182
Кнебельман Моисей Вольфович, председатель попечительного совета еврейской богадельни, стр. 193
Книжников Абрам, член духовного правления синагоги, стр. 80
Кобылинский М. С., домовладелец, благотворитель, стр. 82, 83, 198
Ковтун Ицка, член партии социалистов-революционеров, стр. 93
Когон, владелец фабрики шипучих вод, стр. 153
Коган А., заместитель председателя «Общества попечения о бедных и бесприютных еврейских детях г. Николаева», стр. 188
Коган Адам, член партии социалистов-революционеров, стр. 93
Коган Герш, торговец мануфактурными товарами, стр. 102, 108
Коган (Когон) И.Я., купец, владелец экспортного торгового дома, стр. 112-114
Коган Михель, владелец предприятия бронзовых изделий, стр. 68, 101
Коган С., член правления ОПБЕ, стр. 182
Коган Ф., краевед, стр. 8
Коган Я.Ш., купец, хлеботорговец, стр. 114
Коген, подрядчик интендантского ведомства, стр. 46
Коген И.И., хлеботорговец, стр. 114
Когон (Илья Зиновьевич), владелец магазина, стр. 152
Когон Марк Осипович, городской раввин 1868-1875 гг., стр. 78, 129, 135, 140, 141, 170, 224, 234, 237, 256
Когон Нахман, купец, стр. 39
Когун Бейниш Ицкович, купец, стр. 35
Когун Мозус, купец, стр. 35
Когун Рахмиль Бейнишович, купец, стр. 39, 48
Ковлер Мендель, торговец бакалейными товарами, стр. 101
Козленко Сима, рабочая, стр. 94
Козленко Хая, рабочая, стр. 94
Кокизов Давид Маркович, редактор газеты «Южная Россия», стр. 161
Колегорский, торговец, содержатель складов, стр. 102
Колтун Давид, мещанин, стр. 40
Комаровский Абрам Моисеевич, распорядитель частной лечебницы, стр. 212, 218, 259, 292
Комдан Берко, участник рабочего движения в 1903 г., стр. 92
Константин Николаевич (Романов), великий князь, стр. 110
Копель Менделевич, мещанин, стр. 40, 41
Корецкий, полицейский пристав I-й Адмиралтейской части в 1905 г., стр. 163
Корик, актер, стр. 27
Короленко Дмитрий, нижний полицейский чин, принимавший участие в погроме 1905 г., стр. 159
Корфман Песя, мещанка, стр. 69
Косоодо Герман Исидорович, купец, стр. 83
Косоодо З.И., благотворитель, стр. 198
Котик Шиндля, мещанка, содержательница публичного дома, стр. 123
Корф И., купец, стр. 176

Кофф Леонид, владелец фотографии, стр. 268
Коцебу Павел Августович, Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор в 60-70-х гг., стр. 68, 175, 215, 216
Кочка Соломон, мещанин, стр. 39
Кравец М., член духовного правления синагоги, стр. 80
Крайман Иосиф, участник сионистского движения, стр. 86
Кранов П., глава николаевского отдела «Союза русского народа», стр. 166
Кранцфельд Борис Григорьевич, врач, находился под надзором полиции, стр. 91, 272
Кранцфельд Г.И., присяжный поверенный, гласный НГД, стр. 83, 267
Краситников, владелец аптекарского магазина, стр. 155
Красник Соня, участница рабочего движения в 1903 г., стр. 92
Крепс Моисей, доктор философии, стр. 121
Кривицкий Мошка, продавец аптекарских товаров, стр. 101
Криммер Мендель Мордухович, владелец фотографии, стр. 268
Крисов Дионисий, нижний полицейский чин, принимавший участие в погроме 1905 г., стр. 159
Критский Николай Дмитриевич, контр-адмирал, стр. 48
Кричевский, владелец шляпного магазина, стр. 153
Кроль Абрам, торговец, предприниматель, стр. 101
Кроун Фома Егорович, Николаевский городской голова в 1888-1891 гг., стр. 143, 217, 218, 235
Кругляк Бася, мещанка, стр. 71
Кругляк Самуил, сын мещанина, стр. 71
Куперман А.И., экспортер хлеба, стр. 114
Куперман Иосиф, купец, содержатель частной молельни, стр. 101, 131, 133
Куперман М.И., экспортер хлеба, стр. 114
Куперман Р.К., член попечительного совета профессионального училища для девочек, стр. 240
Куперман Хаим, отставной нижний чин, стр. 176
Куперштейн Хана, учительница еврейского училища Ф.С. Вулих, стр. 89
Купизор Л.И., содержатель городской почтовой станции, стр. 25
Купп, хлеботорговец, стр. 113
Куппа И.С., хлеботорговец, стр. 114
Куппа (Купа) Э.С., экспортер хлеба, стр. 114

Лавут Абрам Давид, раввин, стр. 17, 84, 135, 137-139, 140, 141, 233
Лавут Ушер, ремесленник, переплетчик, стр. 181
Лавут, владелец слесарной мастерской, стр. 191
Лазарев Михаил Петрович, военный губернатор Николаева и Севастополя в 1833-1851 гг., стр. 18, 48, 56, 63, 104, 234, 235
Ландау, владельцы аптеки, стр. 101, 191, 207, 208
Ландау Марк Моисеевич, купец, гласный НГД, стр. 81, 176
Ланис М., член духовного правления синагоги, стр. 80
Лapidус Лейзер, революционер, участник рабочего движения, стр. 92
Лахман Ицка Рольник, отставной рядовой, стр. 66
Лахман Левит, торговец, стр. 17, 35
Лахман Хая, супруга отставного рядового, стр. 66
Левартовская Хана, рабочая, стр. 94
Левенсон Самуил Исаакович, инженер, стр. 120

Леви Ашер, купец, стр. 42
Леви Гецель Гершкович, купец, стр. 40
Левин, владелец маслособойного завода, стр. 102
Левин Иехуда Лейб, поэт, стр. 50
Левит Вульф Нахманович, купец, стр. 35
Левитас Герш Давидович, драматург-любитель, стр. 269, 270
Лейбов Борох, стр. 13
Лейбов Давид, ученик Николаевского уездного училища, стр. 254
Лейбович Борох, купец, стр. 40, 42, 46
Лейд Вульф, грабитель, стр. 124
Леонтович Николай Павлович, Николаевский городской голова в 1905-1917 гг., стр. 259
Лерман М., член комитета дешевой еврейской столовой, стр. 180
Лехтман Айзик, торговец мукой, стр. 102
Либерман Ш., член духовного правления синагоги, стр. 80
Либин Арон Маркович, купец, стр. 150, 178
Либих Е.И., член попечительного совета еврейского профессионального училища для девочек, стр. 240
Либих Л.М., член комитета дешевой еврейской столовой, стр. 180
Либих Мардух, член духовного правления синагоги, стр. 75, 80
Либман Абрам, член духовного правления синагоги, стр. 80
Либман Х., меламед, стр. 203
Либкинд Нухим, член духовного правления синагоги, стр. 80
Лившиц, экспортер хлеба, стр. 114
Лигин С.В., главный врач Николаевской городской больницы в 1915 г., стр. 258
Линецкий Ш, член группы анархистов-коммунистов, стр. 94
Липавский А.М., хлеботорговец, стр. 114
Липавский М.В., купец, хлеботорговец, стр. 101, 114
Липранди Иван Петрович, генерал-майор, историк, стр. 48
Лисанский, владелец аптеки, стр. 155
Лисанский В.Г., инженер, благотворитель, стр. 189
Лисапский Иосиф, торговец, предприниматель, стр. 101
Лифшиц Ш., член духовного правления синагоги, стр. 80
Лифшиц Ю., стр. 125, 126, 137
Лоевский Д., аптекарь, член правления ОПБЕ, стр. 101, 182
Локшин Ю., член правления ОПБЕ, стр. 182
Лопухин, директор Департамента Полиции МВД в 1903 г., стр. 87
Львов Фроим, участник рабочего движения в 1903 г., стр. 92
Люблянский Арон, грабитель, стр. 124
Любовский, владелец ювелирного магазина, стр. 153
Любовский Хаим Шимонович, купец, благотворитель, стр. 198
Ляховецкий Г.И., хлеботорговец, стр. 114
Ляховецкий Давид, содержатель гостиницы «Пальмира», стр. 25
Ляховецкая Хава, содержательница гостиницы «Пальмира», стр. 25

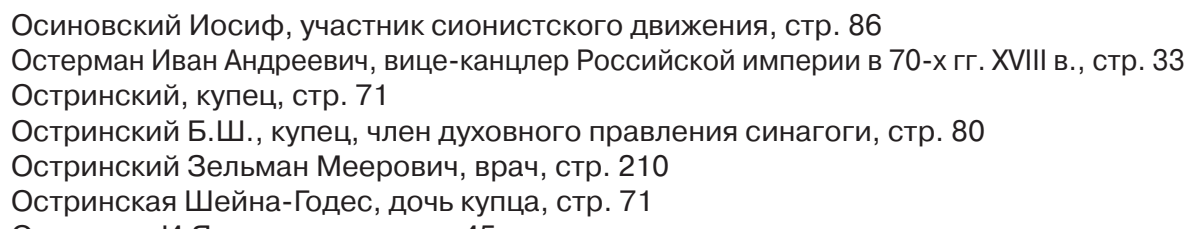
Магид Б., купец, хлеботорговец, стр. 114
Маймин Я.П., меламед, стр. 228
Майорский Аврум-Берг Ицкович, купец, благотворитель, стр. 114, 186, 187, 202, 248
Мазо Я., сионист, подписчик на акции «Палестинской землеустроительной компании», стр. 89

Маклер Мошка, отставной рядовой, стр. 66
Маклер Ш.М., хлеботорговец, стр. 114
Мальт М.И., содержатель частного еврейского училища, стр. 238, 243
Мальт С.М., дантист, стр. 213
Мамутов Моисей Владимирович, купец, стр. 114, 177
Манганари Михаил Павлович, военный губернатор Николаева и Севастополя в 1881-1882 гг., стр. 100, 149, 170, 230
Манильский, содержатель частной мужской гимназии, стр. 253
Марговский, кантор Кишиневской синагоги, стр. 271
Маргулис Александр Герцович, купец, стр. 153
Маркелов В.М., врач, стр. 122, 209, 218
Мартыно, помещик, поставщик, стр. 42
Маршак Р.Х., содержатель частного еврейского училища, стр. 144, 238, 243
Масс Арист, экспортер хлеба, стр. 102, 114
Масс Владимир, экспортер хлеба, стр. 114
Матвиенко, околоточный надзиратель, стр. 85, 86
Матлин, владелец швейной мастерской, стр. 153
Матусовский Абрам Иосифович, врач, стр. 208
Медведев, содержатель театральной труппы, стр. 26, 269
Медведев Зусько, учитель в Талмуд-Торе, стр. 233
Моисей Меер, мещанин, стр. 23
Мейдман Розалия Моисеевна, мещанка, находилась под надзором полиции, стр. 91
Мельгунов Александр Петрович, Новороссийский губернатор в 1764 г., стр. 14
Мельников, полицейский пристав Московской части, стр. 63, 155
Мельцов, купец, стр. 112
Менделев Герш, мещанин, стр. 177
Менделевич Моше, рабочий, стр. 94
Мендельблюм Янкель, мещанин, стр. 129
Менкин И.П., владелец аптеки, стр. 101
Меньшиков Александр Сергеевич, начальник Морского штаба генерал-адъютант князь, стр. 54, 56
Месс Б., купец, хлеботорговец, стр. 114
Метакса В., стр. 48
Мешурес Гинда Ефроимовна, дочь купца, стр. 219
Мешурес Ефроим (Фроим), купец, благотворитель, стр. 219
Мешурес З.Л., супруга купца, стр. 219
Мешурес Исаак Ефроимович, сын купца, стр. 219
Мешурес П.А., супруга купца, благотворительница, стр. 184
Мешурес Хаим-Лейба Ефроимович, купец I-й гильдии, попечитель НЕБ, стр. 80, 82, 83, 99, 184, 193, 196, 219, 220, 259, 260, 292
Мильштейн, служащий Николаевской хлебной биржи, стр. 113
Мильштейн Н.М., благотворитель, стр. 193
Мирский Лейба, участник рабочего движения в 1903 г., стр. 92
Михайлов П., исполняющий должность Николаевского городского головы в 1905 г., стр. 156
Михельсон Г., стр. 203
Михельсон, студент Харьковского университета, стр. 253
Михельсон Х., учитель в Талмуд-Торе, стр. 234
Мишуриной Лейба, торговец бакалейными товарами, стр. 101

Моерович Мендель, мещанин, стр. 40
Моерович Шмуль, мещанин, стр. 40
Молотков Макар, крестьянин, стр. 156
Моргулис Герц, купец, откупщик КС, стр. 176, 177
Моргулис М.Г., известный российский юрист, стр. 11, 168
Морейнис Абрам Хаимович, мещанин, стр. 91, 98
Морейнис Михаил Абрамович, революционер-народник, стр. 90, 91, 244
Морейнис-Муратова Фани (Фейга) Абрамовна, революционерка, стр. 62, 91, 97, 244
Морткович Сруль, домовладелец, стр. 40
Морткович Шмарья, купец, стр. 40
Мортковская Сура, торговка, стр. 62, 63
Муромцев, Новороссийский губернатор в 70-х гг. XVIII в., стр. 31–33
Мязговский Александр Иванович, контр-адмирал, Николаевский градоначальник в 1909-1916 гг., стр. 79, 214, 221, 258

Назаров Лука Лукич, полицейский пристав Одесской части в 1905 г., стр. 155, 156, 163
Натанзон (Натензон) Г.Л., купец, поставщик, стр. 42, 114
Натанзон А.Л., преподаватель в музыкальном училище, стр. 131, 257
Натензон Яков, купец, стр. 173, 176, 255
Наткович Герш Иоселевич, мещанин, стр. 162
Невельштейн, присяжный поверенный, стр. 24
Нейфельд М., владелец экспортной фирмы, стр. 102, 113, 114
Некрасов И.С., преподаватель, стр. 155
Некрасов, полицейский пристав Одесской части г. Николаева, стр. 257
Неменовы Абрам и Мендель, участники рабочего движения в 1903 г., стр. 92
Немировский, торговец, содержатель складов, стр. 102
Немировский Григорий Семенович, врач, стр. 208
Немировский С., ремесленник, дамский портной, стр. 181
Нениколаевец, псевдоним (внештатного) корреспондента газеты «Восход» в г. Николаеве в нач. XX в., стр. 12, 84, 172, 186, 236
Нехамкин А.З., хлеботорговец, стр. 114
Никитерман Кива Шлемович, мещанин, стр. 23
Николай I, российский император в 1825-1855 гг., стр. 18, 19, 37, 45, 50-52, 55-58, 61, 243
Николай II, российский император в 1894-1917 гг., стр. 23, 134, 157
Нисселович, депутат Государственной Думы, стр. 24, 254
Ниссен, ремесленник, стр. 42
Норинский П.Е., мещанин, стр. 154
Нусинович Марк, домовладелец, стр. 40

Оберемченко М., купец, стр. 171
Оболенский Д.А., чиновник Морского министерства, стр. 43
Оболенский К.А., товарищ министра внутренних дел в 1899 г., стр. 220
Обуховский Абрам-Лейб Айзикович, мещанин, стр. 39
Одесский А., ремесленник, дамский портной, стр. 181
Озерянский Элий, революционер, стр. 92
Оксенгендер Куня, рабочий, стр. 94
Ортензато Д.Г., хлеботорговец, стр. 114
Ортензато М., экспортер хлеба, стр. 113, 114

Осиновский Иосиф, участник сионистского движения, стр. 86
Остерман Иван Андреевич, вице-канцлер Российской империи в 70-х гг. XVIII в., стр. 33
Остринский, купец, стр. 71
Остринский Б.Ш., купец, член духовного правления синагоги, стр. 80
Остринский Зельман Меерович, врач, стр. 210
Остринская Шейна-Годес, дочь купца, стр. 71
Осьминин И.Я., полковник, стр. 45

Павлоцкий Хаим, торговец бакалейными товарами, стр. 101
Паладьев Ф.М., хлеботорговец, стр. 114
Паперна А., известный российский еврейский публицист, стр. 225
Пархомовская Б., стр. 94
Паськер Э., благотворительница, стр. 267
Пембек(?) Шлема, мещанин, стр. 63
Передеркин Генрих, член духовного правления синагоги, стр. 80
Перетц Абрам Израилевич, купец, поставщик, стр. 40, 42, 44, 106
Перетц (Пуретц) Нусин Зельманович, купец, поставщик, стр. 42
Перовский Алексей Алексеевич, подрядчик-судостроитель, стр. 45, 46, 51, 104
Пескер, присяжный поверенный, стр. 121
Пескер М., член дирекции Николаевской общественной библиотеки, стр. 267
Пещуров Алексей Алексеевич, Николаевский и Севастопольский военный губернатор в 1882-1890 гг., стр. 84, 129, 132, 142, 143, 177, 180, 181, 228, 234
Пинт Миндля Менделевна, мещанка, содержательница публичного дома, стр. 123
Пиноссович, палестинский учитель, стр. 230
Пинхосович Самуил, меламед, стр. 89, 270
Пирогов Михаил Иванович, великий русский хирург, попечитель Одесского учебного округа, стр. 234
Плеве Вячеслав Константинович, министр внутренних дел в 1902-1906 гг., стр. 88, 151, 178, 181, 218, 260
Поваляев И.Ф., хлеботорговец, стр. 114
Погорелова Лиза(?), торговка, стр. 62
Подгорный, Николаевский полицмейстер, стр. 94
Подлипский Еремий Гершкович, мещанин, погиб во время погрома 19.10.1905 г., стр. 161
Подольский, владелец бакалейного магазина, стр. 153
Подольский Лев Сергеевич, преподаватель КЕУ, стр. 262
Покрасов И.А., врач, содержатель частной лечебницы, стр. 213
Польский Берко, меламед, стр. 89, 270
Поляков А.Я, купец, стр. 108
Поповский, владелец писчебумажного магазина, стр. 152
Портер Роберт Кер, путешественник, стр. 43, 125
Портнов Бертка, домовладелец, стр. 40
Потемкин Григорий Александрович, генерал-фельдмаршал, основатель г. Николаева, стр. 11, 17, 33, 42, 51
Прас, ученик Александровского реального училища, стр. 252
Пушкин Александр Сергеевич, поэт, стр. 48
Пышнов Зелик, мещанин, стр. 70
Пышнова Сура, мещанка, стр. 70
Пятницкий К., инспектор народных училищ 5-го района Херсонской губернии, стр. 89, 203, 230, 241, 242

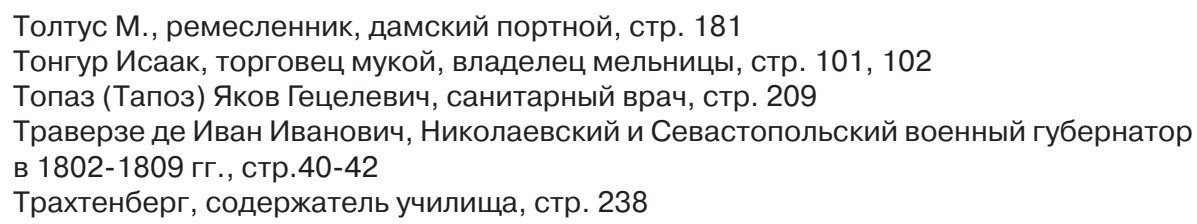
Рабинер Б.Б., благотворитель, стр. 202
Рабинович, служащий Николаевской хлебной биржи, стр. 113
Рабинович Шавель, купец, поставщик, стр. 42
Рабинович И.А., купец, гласный НГД, стр. 83, 182
Раецкий Садук Шимон, член партии эсеров, стр. 93
Разис И.И., хлеботорговец, стр. 114
Разумный Хаим-Фройзельман, раввин военно-морского ведомства в Николаеве в 1837-1857 гг., стр. 58, 137, 138
Разумный Мошко Фройзельманович, Севастопольский раввин, стр. 19, 138, 139, 141
Разумов И.С., полковник корпуса корабельных инженеров, стр. 45
Райзман Ш.А., преподаватель КЕУ, стр. 263
Раппепорт Яков Гейманович, врач, благотворитель, стр. 171, 193, 204, 205, 208, 214, 215, 231
Рапутов Мойше Давидович, студент Харьковского университета, стр. 253
Ратгауз Куна Зейтманович, мещанин, стр. 161
Ратнер, владелец маслобойного завода, стр. 102
Ратнер Леонтий Григорьевич, старший врач Николаевского градоначальства в нач. XX в., стр. 123, 212, 221, 259
Рафалович Александр Шлемович, купец I-й гильдии, подрядчик-судостроитель, потомственный почетный гражданин (с 1864 г.), стр. 12, 62, 90, 97, 105, 106, 139, 179, 244
Рафалович Давид Александрович, потомственный почетный гражданин, стр. 75, 80, 97
Рафалович Лейба, купец, стр. 170, 216
Рафалович Ривка, купчиха, стр. 49, 97, 104, 105
Рафалович Шлема (Федор), купец, подрядчик-судостроитель, стр. 37, 39, 41, 42, 48, 49, 53, 97, 103-105
Рафалович Шлема Александрович, потомственный почетный гражданин, стр. 97
Рафаловичи (семья Рафаловичей), стр. 49, 58, 62, 97, 98, 103, 105-107, 137
Рафальский, содержатель опереточной труппы, стр. 27
Рахманов (Гурович) Арнольд, пианист, стр. 271
Рашковский Гутман, купец, стр. 76
Рашковский Пинкус, купец, член правления ОПБЕ, стр. 75, 80, 114, 178, 182
Рашковский Т.П., купец, хлеботорговец, стр. 101, 102
Резвин А.Д., заведующая приютом, стр. 185
Резин Хаим, член духовного правления синагоги, стр. 80
Резников Абрам, член духовного правления синагоги, стр. 80
Резников Рувим, купец, староста синагоги, стр. 140
Рейнгардт А.К., владелец экспортной конторы, стр. 102
Рогуля Григорий Иванович, вице-адмирал, исполнял обязанности Николаевского военного губернатора в 1859, 1861, 1862 гг., стр. 64, 67, 115, 127, 139
Ровенский, купец, поставщик, стр. 42
Ровинский Иона Меерович, купец, владелец мануфактурной фабрики, стр. 153
Ровнер Пинкус Лазаревич (Аким), революционер, большевик, стр. 96
Роднянский Симон Иоселевич, мещанин, стр. 161
Ройзман, воспитатель в еврейском приюте для мальчиков, стр. 189
Ройтман Д., мещанин, стр. 25
Розенберг Абрам Овзелевич, меламед, городской раввин в 1884-1887 гг., стр. 71, 131, 141-143, 230, 233-235, 252

Розенберг Д.В, врач, благотворитель, стр. 191
Розенберг И.В., благотворитель, стр. 188
Розенсор В., содержатель частного еврейского училища, стр. 236, 237
Розенсор Клара Шаевна, владелица фотографии, стр. 268
Розенталь Шмерка, симферопольский купец, стр. 65, 101
Розенфельд Ицка Вольфович, мещанин, стр. 39
Розенфельд Я.Л., журналист, стр. 272
Родоконаки, владелец экспортного торгового дома, стр. 112
Ронес Моисей Самуилович, владелец фотографии, стр. 268
Ротгольц Исаак, купец, стр. 76, 102
Рубенштейн Арон, купец, стр. 39
Рывкин Айзин, купец 3-й гильдии, стр. 39, 55

Сабсай Д.М., содержатель театральной труппы, стр. 269
Савин Л.Ф, помощник полицмейстера в 1909 г., стр. 166
Сад Мортка, мещанин, ремесленник, стр. 116
Садд Исаак Меерович (Маркович), книготорговец, стр. 268
Садкер Берко, мещанин, ремесленник, стр. 115-117
Сакк Самсон Раульевич, преподаватель коммерческого училища, стр. 250
Самсонов Давид, ассенизатор, стр. 101
Сахарзон Герш (Григорий), частный поверенный, стр. 76, 82, 83, 131, 180, 182, 234
Сахарзон Л.Г., купец, хлеботорговец, стр. 114
Свердлов М.И., хлеботорговец, стр. 114
Сегель Яков, член правления ОПБЕ, стр. 80, 182
Секазан И.М., хлеботорговец, стр. 114
Секерницкий Израиль, меламед, стр. 89, 230, 270
Селюк Д.А., хлеботорговец, стр. 114
Сенявина Эмилия Людвиговна, домовладелица, стр. 216
Сербин В.Н., владелец комиссионной конторы, стр. 84, 101
Серебряный Михель Шоломонович, купец, подрядчик-судостроитель, стр. 39, 42, 45, 46, 51, 53, 106
Сидранский И.З., преподаватель КЕУ, стр. 263
Сикард, французский купец, путешественник, стр. 35
Сикирницкий (Секерницкий) Израиль, меламед, израильский учитель, стр. 89, 230, 270
Симляк Лейб Пейсахович, рабочий, стр. 92
Симонович-Варшавская Доротея Павловна, врач, стр. 208, 211
Сиппле В.Г., экспортер хлеба, стр. 114
Сирота И., меламед, стр. 237
Сиротинский, Николаевский городской голова в 1872 г., стр. 135
Сиротинский, купец, стр. 112
Склярская Блюма, рабочая, стр. 94
Скобленков Т.Б., меламед, стр. 203, 267
Слиозберг Г.Б., присяжный поверенный, публицист, стр. 12, 150, 229
Слуцкер М., член духовного правления синагоги, стр. 80
Смеркис, содержатель частного еврейского училища, стр. 238
Смирнов А.Ф., директор Николаевской Александровской гимназии, стр. 233, 252
Соборницкий, штабс-капитан, стр. 155
Сойфер Абрам Аронович, почетный гражданин, член правления ОПБЕ, стр. 131, 134, 180, 182

Сойфер Борух Абрамович, купец, стр. 152
Соболь Владимир Григорьевич, врач НЕБ, стр. 218
Соболь Климентий Григорьевич, учитель, стр. 259
Соковнин А., городской голова, стр. 220
Соколов Иван Васильевич, инженер-подпоручик, руководитель строительства николаевской судоверфи, стр. 33
Соколовская Александра Львовна (Лейбовна), революционерка, стр. 96
Соколовская Ита Львовна, сестра Соколовская Александра Львовна, стр. 96
Соколовский Эли Лейбович, революционер, стр. 96
Соколовский Герш Лейбович, революционер, стр. 96
Соколовский Г.М., хлеботорговец, стр. 114, 182
Соколовский Х, член правления ОПБЕ, стр. 182
Соловьев Ш.М., купец, хлеботорговец, стр. 114
Сорокин В., ремесленник, стр. 63
Спектор Сарра, рабочая, стр. 94
Ставицкий Люмель, ремесленник, мужской портной, стр. 181
Ставицкий Э., член духовного правления синагоги, стр. 80
Стал Абрам, купец, стр. 39
Сталинская Белла, сестра Ю.М. Грейг, стр. 48
Сталинский Михель, отец Ю.М. Грейг, стр. 48
Стариков С.М., преподаватель в музыкальном училище, стр. 257
Столыпин Петр Аркадьевич, министр внутренних дел, премьер-министр, стр. 22, 23, 165
Страдомский Василий Андреевич, врач, общественный деятель, стр. 150
Стратиавский Г., хлеботорговец, стр. 114
Строганов Александр Григорьевич, генерал-губернатор Новороссийский и Бессарабский в 60-х гг. XIX в., стр. 63, 100, 172
Стройников, Николаевский полицмейстер в конце XIX в., стр. 150, 268
Ступин А.Н., генерал-майор, временный военный генерал-губернатор Николаева в 1906-1907 гг., стр. 93, 94, 145, 156, 164
Суровцев М.И., генерал-майор, стр. 45
Сушицкий Нахман, учитель в Талмуд-Торе, стр. 233

Табак, отставной солдат, стр. 62
Табак Арон Соломонович, купец, стр. 178
Табак Янкель, ремесленник, портной, стр. 60
Тайч Марк, претендент на должность Николаевского раввина в 1865 г., стр. 140
Тарле Давид Владимирович, врач, стр. 208
Темкин, сионист, стр. 84
Тененбаум М., член духовного правления синагоги, стр. 80
Тенинбауман, мещанин, ремесленник, стр. 118
Тепер Мойсей, грабитель, стр. 124
Теплицкий Шимон Иоселевич, член группы анархистов-коммунистов, стр. 94
Тикоцкий Карл Михайлович, контр-адмирал, Николаевский градоначальник 1900-1902 гг., стр. 29, 215, 219
Тимен Е.С., благотворительница, стр. 205
Тимен Иогомей Соломонович, врач НЕБ, стр. 210
Тимен Леонтий Лазаревич, купец, член духовного правления синагоги, стр. 80, 84, 171, 176
Толстой Д., министр внутренних дел в 1884 г., стр. 142

Толтус М., ремесленник, дамский портной, стр. 181
Тонгур Исаак, торговец мукой, владелец мельницы, стр. 101, 102
Топаз (Тапоз) Яков Гецелевич, санитарный врач, стр. 209
Траверзе де Иван Иванович, Николаевский и Севастопольский военный губернатор в 1802-1809 гг., стр.40-42
Трахтенберг, содержатель училища, стр. 238
Трахтенберг Лейба, купец, владелец маклерской конторы, стр. 102, 112
Трахтенгерц С.Л., купец, хлеботорговец, стр. 114
Трейгер Ицка, солдат (матрос), участник обороны Севастополя 1853-1855 гг., стр. 63
Трояновский Бенцион, член духовного правления синагоги, стр. 80
Тульчинский Хаим-Бер, участник сионистского движения, стр. 86
Тумаркин Л., член правления ОПБЕ, стр. 182, 202
Туршу С.С., купец, хлеботорговец, стр. 101, 102, 114
Тышковская Сима Вениаминовна, дочь мещанина, стр. 260

Умальский Г., сионист, подписчик на акции «Палестинской землеустроительной компании», стр. 89
Уман Товий, мещанин, стр. 129
Уманский А.И., владелец завода котельной арматуры, стр. 102
Усиков Абрам Михелевич, содержатель гостиницы «Театральная», стр. 25
Ушаков, купец, поставщик, стр. 42

Фабер З., член духовного правления синагоги, стр. 80
Фалеев Михаил Леонтьевич, строитель верфи и города Николаева, стр. 5, 11, 17, 33, 42, 43, 46,
Файнштейн, владелец галантерейного магазина, стр. 153
Фанштейн Рейзя, херсонская мещанка, торговка, стр. 66
Фан-Юнг Е.М., хлеботорговец, стр. 114
Фаньюнг (Фанюнк) Фроим Виделевич, купец, стр. 39, 48
Фарберов (Ферберов) Л.Л., благотворитель, стр. 202
Федермейер, домовладелец, стр. 241
Федоров А.Ф., исполнявший обязанности Николаевского военного губернатора в 1885 г., стр. 131
Фейг, содержатель частного коммерческого училища в Одессе, стр. 254
Фелчер (Фельдзер) Либбер, купец, стр. 39, 42
Фельдман Абрам Кельман, гласный НГД, стр. 81
Фельдман Арон Тевелевич, земледелец, занимался торговлей в Николаеве, стр. 162
Фельдман Герш (Герц), херсонский мещанин, ремесленник, стр. 60, 65, 116
Фельдман Зельман, херсонский мещанин, ремесленник. стр. 60, 65
Фельдман Мошка, купец, стр. 97
Фельдшер Иосиф, учитель в Талмуд-Торе, стр. 233
Фельдштейн Мошка, купец, благотворитель, стр. 29, 267
Фельдштейн Нуся, рабочая, стр. 94
Фельдштейн Ю., меламед, стр. 203
Фельзер, купец, стр. 112
Фенер, купец, стр. 112
Фефер, мещанин, ремесленник, стр. 118
Фефербойм И., владелец типографии, стр. 191
Фиалков Хаим Хаимович, учитель казенного еврейского училища, стр. 89, 182, 205, 263

Филиппов Абрам Вениаминович, купец, стр. 39
Фильдштейн Мошка Давидович, купец, стр. 39
Филькинштейн (Финкельштейн) Янкель, купец 3-й гильдии, стр. 39
Фин Илья Иовелевич, студент Новороссийского университета, стр. 253
Финкельштейн Ицка, купец, поставщик, стр. 42
Фиш Волько Лейбов, купец, владелец галантерейного магазина, стр. 153
Флехтгрейм, служащий Николаевской хлебной биржи, стр. 113
Фолрат Карл, ремесленник, стр. 42
Форштетер Лев Исаакович, купец, благотворитель, стр. 103, 178, 192, 219, 255, 261
Франгопуло З.Н., экспортер хлеба, стр. 114
Фреденберг Арон, член духовного правления синагоги, стр. 80
Фредерикс, барон, министр императорского двора, стр. 268
Фрейденберг Абрам Аронович, кандидат права, претендент на должность городского раввина в 1892 г., стр. 143-145
Френкель Х.Д., хлеботорговец, стр. 114
Френкиль, служащий Николаевской хлебной биржи, стр. 113
Фришен Ф.И., купец, владелец экспортного торгового дома, стр. 113, 114
Фруг С., поэт, стр. 270

Хазансонсон, меламед, стр. 230
Хазин, содержатель частного еврейского училища, стр. 238
Халанай, купец, поставщик, стр. 42
Хайковский Л., член духовного правления синагоги, стр. 60
Хасин Л., врач, стр. 210
Хаскелевич Маркус, купец (?), поставщик, стр. 33
Хейфец Илья Борисович, мещанин, стр. 161
Ходжаш Э.И., хлеботорговец, стр. 101, 102, 114
Холявка, купец, стр. 112
Хофман Мойше Ицкович, мещанин, стр. 161
Хусид Хаим Мойсей, революционер, член партии Поалей-Цион, стр. 92, 94

Цедербаум Александр, редактор еврейской газеты «Гамелиц» (Одесса), стр. 100
Цимбалист Лев Исаакович, киевский купец, стр. 179, 180
Цинман Шлема, участник рабочего движения в 1903 г., стр. 92
Цитринник И.Л., содержатель частного еврейского училища, стр. 238
Цукер Исаак, отставной унтер-офицер, член Комитета еврейского кладбища, стр. 76, 80, 171, 202
Цукерман Виктор Ицкович, студент Харьковского университета, стр. 253
Цукерман Исаак-Янкель Меерович, купец, благотворитель, стр. 152, 198
Цукерман Шмуль, отставной солдат, староста молитвенного дома, стр. 129
Цуркан Яков, член партии социалистов-революционеров, стр. 93

Чабак Ной, галантерейщик, стр. 101
Черкасский Янкель, очаковский купец, распорядитель КС в 1860 г., стр. 174
Черкасский, член комиссии по распределению КС в 1890 г., стр. 171
Черни-Айзман Дебора, содержательница частного еврейского училища для девочек, стр. 172, 238, 242
Черни А., член попечительного совета Талмуд-Торы, стр. 234
Черников Д.Б., владелец маклерской конторы, стр. 102

Чернявский, помещик, поставщик, стр. 42
Черняк Соломон Аронович, студент Новороссийского университета, стр. 253
Чудновский Арон, участник сионистского движения, стр. 86
Чудновский Соломон, революционер-народник, стр. 91

Шайкевич, драматург, стр. 269
Шапиро, мещанин, ремесленник, стр. 118
Шапиро Ита Моисеевна, член партии Поалей-Цион, стр. 326
Шаргородский Самуил Моисеевич, секретарь биржевого комитета Николаевской хлебной биржи, стр. 196, 205
Шарлаимов П., купец, стр. 40
Шарфинович Яков, мещанин, стр. 122
Шафир Н.Л., содержатель частного еврейского училища, стр. 238
Шах, торговец книгами, стр. 101
Шах Осип Моисеевич, почетный гражданин, находился под надзором полиции, стр. 91
Шварц Исаак Израилевич (Семен), революционер, большевик, стр. 96
Шварц Меир, член партии эсеров, стр. 26
Шварц Шмуль, солдат (матрос), участник обороны Севастополя 1853-1855 гг., стр. 63
Шварц Яков Левинович, присяжный поверенный, стр. 24, 253
Шварцах Иосиф Леопольдович, фармацевт, стр. 210
Шварцах Казимимир Осипович – фармацевт, стр. 210
Швец, владелец галантерейного магазина, стр. 153
Шейнин М.Г., претендент на должность городского раввина, стр. 145
Шейнин Мовша, мещанин, стр. 98
Шейнцис Лейба, претендент на должность городского раввина, стр. 141
Шепель Лейба Еселевич, мещанин, содержатель книжного магазина, стр. 268
Шепман, фонарщик, стр. 42
Шер, владелец ювелирного магазина, стр. 152
Шеру, мещанин, ремесленник, стр. 118
Шефталович, служащий Николаевской хлебной биржи, стр. 113
Шеффер Яков Яковлевич, содержатель театра, стр. 26, 269, 271
Шинфельд Мошка, солдат (матрос), участник обороны Севастополя 1853-1855 гг., стр. 63
Шифер, мещанин, ремесленник, стр. 118
Шифман, портной, стр. 161
Шифман Абрам Хаимович, мещанин, стр. 71
Шифман Давид Абрамович, сын мещанина, стр. 71
Шифман Лия, жена мастерового, стр. 62
Шифрин, купец, стр. 42
Шифрин Овсей Борухович, владелец фотографии, стр. 268
Шлемов Михель, купец, поставщик, стр. 42
Шлемович (Шлеймович) Иосиль, купец, стр. 40
Шлемович Д.И., мещанин, стр. 161, 180
Шмидт, золотильщик, стр. 42
Шнеерсон (Яновская) Хана, мать Шнеерсона Менахема-Мендля (Менделя), стр. 72, 134
Шнеерсон Леви-Ицхак (Левик Зелманович), потомственный почетный гражданин, раввин, стр. 72, 134
Шнеерсон Менахем-Мендл (Мендель), седьмой Любавичский Ребе, стр. 72, 135
Шнеерсон Шмуль Зельманович, Николаевский раввин в 1924-1940 гг., стр. 147

Шнейдер, владелец типографии, стр. 191
Шор Я.А., хлеботорговец, стр. 114
Шпановский Л., директор народных училищ Херсонской губернии в 1894 г., стр. 261
Шпигельт А., учитель в Талмуд-Торе, стр. 233
Шполянский А.М., купец, благотворитель, стр. 198
Шрайбер Мендель, участник сионистского движения, стр. 86
Шталь Моисей, содержатель частного еврейского училища, стр. 237
Штейнер З.М., мещанин, стр. 83
Штейнберг Лева, член партии эсеров, стр. 93
Штейнман Хана, революционерка, стр. 92
Штейншнайдер Абрам Моисеевич, фотограф, стр. 268
Штемберг Р.И., хлеботорговец, стр. 114
Штенбарк Шулим, мещанин, стр. 40
Штулькарц, купец, поставщик, стр. 42
Штулькерц Евгений Владимирович, студент Новороссийского университета, стр. 253
Шульман Б.М., преподаватель КЕУ, стр. 263
Шульмейстер Елеазар Савельевич, врач, стр. 210
Шульц, столяр, стр. 42
Шур М.М., меламед, стр. 297
Шур Хая, мещанин, стр. 162
Шухман Г.А., меламед, стр. 230
Шухман Р.Г., делегат от николаевских сионистов на Базельском конгрессе, стр. 85
Шухман Рувим, участник движения палестинофилов, стр. 84, 89, 182

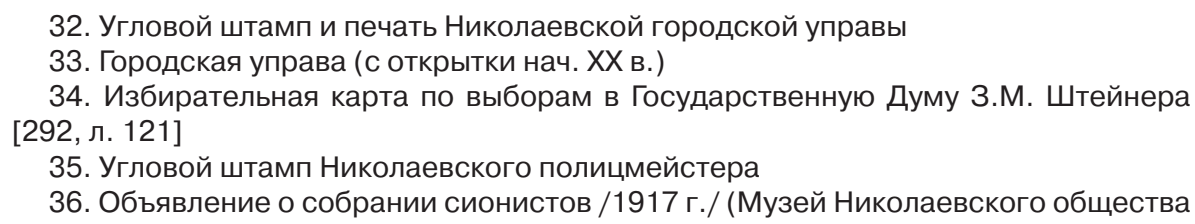
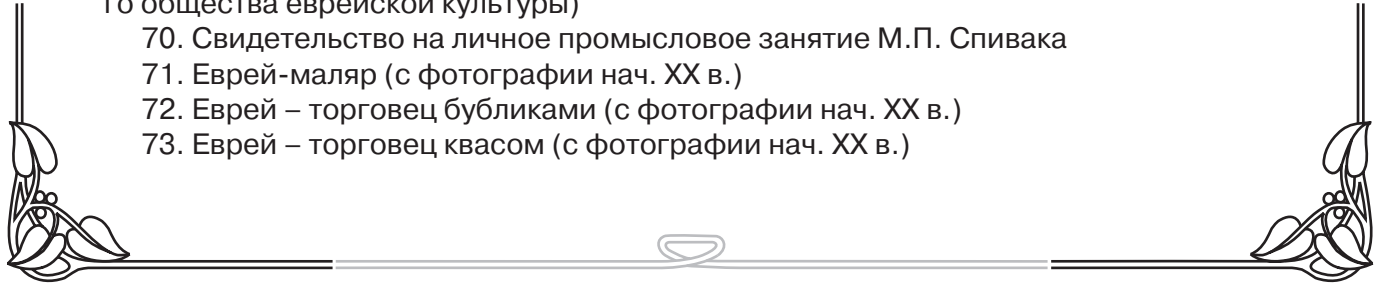
Эйгенсон, служащий Николаевской хлебной биржи, стр. 113
Энквист Оскар Адольфович, контр-адмирал, Николаевский градоначальник в 1902-1904 гг., стр. 212
Энквист Елена Васильевна, супруга градоначальника, благотворительница, стр. 188
Эпштейн Арон, содержатель частного еврейского училища, стр. 238
Эпштейн Б.И., хлеботорговец, стр. 114
Эпштейн Лев Иоселевич, содержатель частного еврейского училища, фотограф, стр. 238, 268
Эрлих И.Д., владелец экспортной конторы, стр. 102, 113, 114, 205
Эссен К.А., купец, владелец литейного завода и завода сельскохозяйственных машин, стр. 101, 102

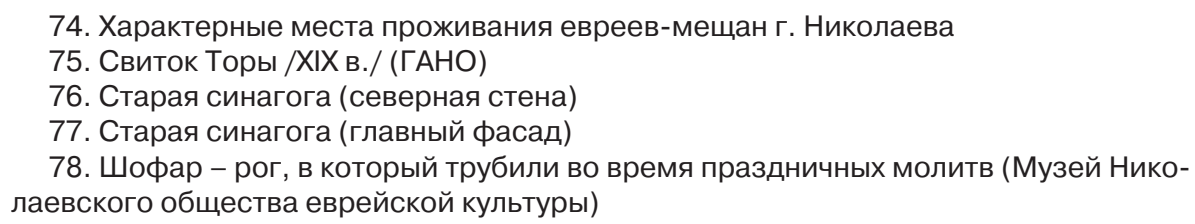
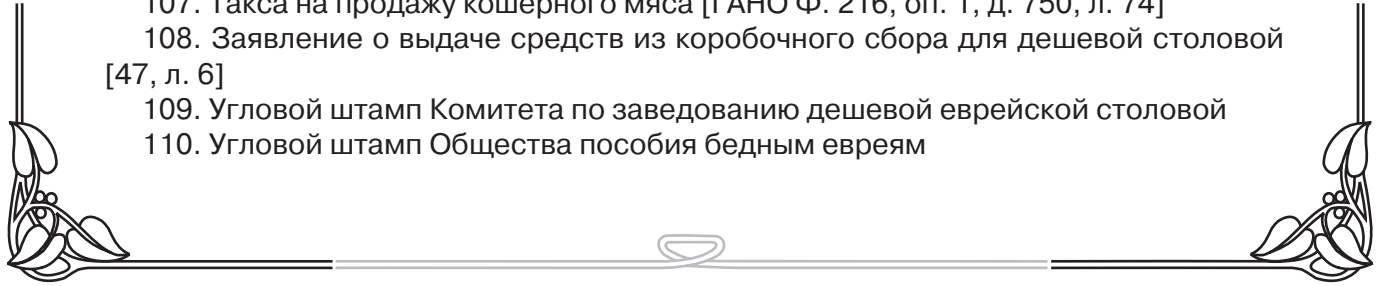
Языков Николай Львович, военный губернатор Николаева и Севастополя в 1811-1816 гг., стр. 44
Янгенберг Абрам, участник революционного движения, стр. 26
Яновский Шмуль, мещанин, стр. 40
Яновский, раввин, стр. 75
Ясинская, учительница частного еврейского училища, стр. 237
Яцын, бухгалтер Черноморского флота, стр. 48, 51
Яшин Абрам, торговец мануфактурными товарами, стр. 102

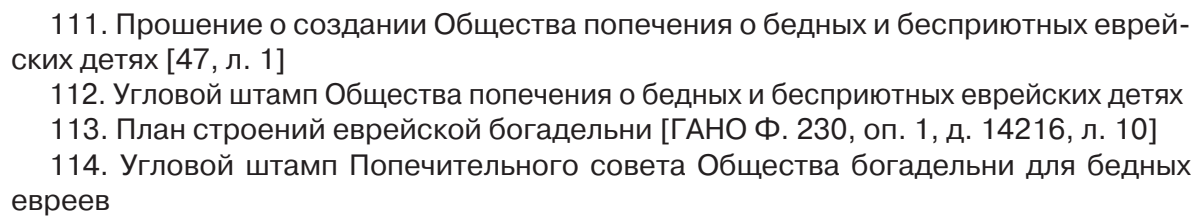

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Уставы и отчеты еврейских благотворительных организаций г. Николаева
2. Российская еврейская пресса
3. Предписание полицмейстера о сборе сведений на право проживания еврея в Николаеве [291, л. 583]
4. Подтверждение проживания М.-Ш.Д. Клейна в Николаеве с подписями свидетелей [290, л. 418]
5. Удостоверение биржевого комитета, подтверждающее право проживания Д.Ройтмана [291, л. 341]
6. Предписание полицмейстера на высылку из Николаева еврея Гросмана с семейством [298, л.671]
7. Служебная записка полицейского пристава о выселении из Николаева Ш.Е. Караса [290, л. 1415]
8. Донесение околоточного надзирателя о выезде еврея из Николаева [290, л. 272]
9. Угловые штампы евреев-присяжных поверенных
10. Автограф Б. Варшавера
11. Николаев в начале XIX в. (с картины Ф.Я. Алексеева)
12. Красные (торговые) ряды на Слободке (с фотографии кон. XIX в.)
13. Портрет и автограф А. Перетца
14. Ю.М. Грейг
15. Памятник А.С. Грейгу и городская управа (с открытки II половины XIX в.)
16. Автограф адмирала М.П. Лазарева
17. Еврей на улице города (с фотографии нач. XX в.)
18. Скучный ужин (с картины И. Пэна)
19. Автограф адмирала Б.А. Глазенапа
20. Угловой штамп и печать Николаевского военного губернатора
21. Семейная фотография /нач. XX в./ (Музей Николаевского общества еврейской культуры)
22. Метрическая книга записи разводов евреев
23. Развод /1907 г./ (с картины И. Пэна)
24. Еврейские семейные фотографии XIX - начала XX вв. (Из коллекции Николаевского общества еврейской культуры)
25. Справка Николаевского раввина о рождении ребенка [290, л. 551]
26. Домашняя утварь из еврейских семей /кон. XIX – нач. XX вв./ (Музей Николаевского общества еврейской культуры)
27. Баня (гравюра С. Юдовкина)
28. Автографы членов Комитета по заведованию Николаевским еврейским кладбищем
29. Угловой штамп Комитета по заведованию Николаевским еврейским кладбищем
30. Угловой штамп Николаевского градоначальника
31. Угловой штамп Николаевской городской Думы

-
32. Угловой штамп и печать Николаевской городской управы
 33. Городская управа (с открытки нач. XX в.)
 34. Избирательная карта по выборам в Государственную Думу З.М. Штейнера [292, л. 121]
 35. Угловой штамп Николаевского полицмейстера
 36. Объявление о собрании сионистов /1917 г./ (Музей Николаевского общества еврейской культуры)
 37. Угловой штамп и печати Николаевской городской полиции
 38. Угловой штамп Начальника Николаевского охранного отделения
 39. Л.Д. Троицкий. Фотография со справки о революционной деятельности в Департаменте полиции
 40. Список семьи А.Ш. Рафаловича [37, л. 1]
 41. Автограф А.Ш. Рафаловича
 42. Автограф Д.А. Рафаловича
 43. Автограф Л.А. Рафаловича
 44. Дом Л.Е. Мешуреса
 45. Базарная площадь (с открытки начала XX в.)
 46. Каменные торговые корпуса на привозном рынке
 47. Автографы купцов-евреев г. Николаева
 48. Дом Кенигсбергов
 49. Дом Форштетеров
 50. Реклама еврейских предприятий
 51. Угловой штамп Конторы над Николаевским портом
 52. Корабль «Святослав»
 53. Спуск на воду корабля «Цесаревич» в 1857 г.
 54. Пароход «Тигр»
 55. Дом директора «Общества судостроительных, механических и литейных заводов в г. Николаеве» И. С. Каннегисера (с открытки нач. XX в.)
 56. Автограф Б.А. Глазенапа
 57. Николаевский элеватор (с открытки начала XX в.)
 58. Элеватор и хлебная пристань в Николаевском коммерческом порту (с открытки нач. XX в.)
 59. Автограф Г.А. Властелицы
 60. Угловой штамп и печать Николаевского биржевого комитета
 61. Дом Эрлиха
 62. Автографы купцов-евреев г. Николаева
 63. Старый портной (с картины И. Пэна)
 64. Еврей-кузнец (гравюра С. Юдовкина)
 65. Еврей-плотник (с фотографии нач. XX в.)
 66. Еврей-портной (с картины И. Пэна)
 67. Инструменты еврея-сапожника /кон. XIX – нач. XX вв./ (Музей Николаевского общества еврейской культуры)
 68. Еврей-сапожник (рисунок С. Юдовкина)
 69. Инструменты еврея-парикмахера /кон. XIX – нач. XX вв./ (Музей Николаевского общества еврейской культуры)
 70. Свидетельство на личное промысловое занятие М.П. Спивака
 71. Еврей-маляр (с фотографии нач. XX в.)
 72. Еврей – торговец бубликами (с фотографии нач. XX в.)
 73. Еврей – торговец квасом (с фотографии нач. XX в.)
-

-
74. Характерные места проживания евреев-мещан г. Николаева
 75. Свиток Торы /XIX в./ (ГАНО)
 76. Старая синагога (северная стена)
 77. Старая синагога (главный фасад)
 78. Шофар – рог, в который трубили во время праздничных молитв (Музей Николаевского общества еврейской культуры)
 79. Угловой штамп Николаевского городского раввината
 80. Молитвенный дом на ул. Черниговской
 81. Молитвенный дом на углу ул. Черниговской и Б.Морской
 82. Молитвенник С. Гуревича /1904 г./ (Музей Николаевского общества еврейской культуры)
 83. Николаевская хоральная синагога на ул. Немецкой (с открытки начала XX в.)
 84. Молитвенник /нач. XX в./ (Музей Николаевского общества еврейской культуры)
 85. Молитвенный дом на ул. Привозной (с фотографии начала XX в.)
 86. Угловой штамп молитвенного дома на ул. Привозной
 87. Угловой штамп молитвенного дома на углу ул. Черниговской и Б.Морской
 88. Фрагменты свитка Торы XIX в.
 89. Тфиллин – кожаные коробочки с текстами отрывков из Торы, надеваемые во время молитвы /кон. XIX – нач. XX вв./ (Музей Николаевского общества еврейской культуры)
 90. Менора
 91. Подсвечники с субботними свечами /кон. XIX – нач. XX вв./ (Музей Николаевского общества еврейской культуры)
 92. Еврейская праздничная посуда /кон. XIX – нач. XX вв./ (Музей Николаевского общества еврейской культуры)
 93. Автографы Николаевских раввинов
 94. Печати Николаевских городских раввинов М. Когона и А. Лавута
 95. Угловой штамп и печать Николаевского городского раввина
 96. Свиток Торы и Таллит (Таллес) накидка для молитвы /кон. XIX – нач. XX вв./ (Музей Николаевского общества еврейской культуры)
 97. Воззвание Николаевского градоначальника к жителям города 20 октября 1905 г. [283, л. 52]
 98. Прокламация Николаевского комитета РСДРП [283, л. 50]
 99. Обращение И. Каннегисера к рабочим завода «Наваль» 21 октября 1905 г. [283, л. 51]
 100. Обращение Николаевского полицмейстера к жителям города [283, л. 83]
 101. Обращение Николаевского городского головы к жителям города [283, л. 81]
 102. Приказ Николаевского градоначальника от 22 октября 1905 г. [283, л. 82]
 103. Угловой штамп Николаевского временного военного генерал-губернатора
 104. Разрешение на право заниматься резничеством [272, л. 48]
 105. Свидетельство резника [ГАНО Ф. 216, оп. 2, д. 34, л. 111]
 106. Объявление о торгах по коробочному сбору [272, л. 79]
 107. Такса на продажу кошерного мяса [ГАНО Ф. 216, оп. 1, д. 750, л. 74]
 108. Заявление о выдаче средств из коробочного сбора для дешевой столовой [47, л. 6]
 109. Угловой штамп Комитета по заведованию дешевой еврейской столовой
 110. Угловой штамп Общества пособия бедным евреям
-

-
111. Прошение о создании Общества попечения о бедных и бесприютных еврейских детях [47, л. 1]
 112. Угловой штамп Общества попечения о бедных и бесприютных еврейских детях
 113. План строений еврейской богадельни [ГАНО Ф. 230, оп. 1, д. 14216, л. 10]
 114. Угловой штамп Попечительного совета Общества богадельни для бедных евреев
 115. Штамп Общества пособия бедствующим из евреев коммерческим служащим и мелким торговцам
 116. Угловой штамп Комиссии по раздаче пособий бедным евреям
 117. Угловой штамп Общества пособия бедствующим из евреев ремесленникам
 118. Аптека Ландау
 119. Аптечная посуда из еврейских аптек г. Николаева /кон. XIX – нач. XX вв./ (Музей Николаевского общества еврейской культуры)
 120. Этикетки для лекарств из еврейских аптек г. Николаева /кон. XIX – нач. XX вв./ (Музей Николаевского общества еврейской культуры)
 121. Николаевская городская больница (с фотографии нач. XX в.)
 122. Водолечебница М.Г. Кенигсберга (с открытки начала XX в.)
 123. Дом М.Г. Кенигсберга
 124. Автографы и печати врачей-евреев г. Николаева
 125. Врачебные и медицинские принадлежности /кон. XIX – нач. XX вв./ (Музей Николаевского общества еврейской культуры)
 126. Угловой штамп Попечительного совета Николаевской еврейской больницы
 127. Корпуса Николаевской еврейской больницы по ул. Садовой
 128. Прошение о выдаче свидетельства меламеда [24, л. 3]
 129. Свидетельство меламеда [16, л. 29]
 130. Толкователь Талмуда (с картины И. Пэна)
 131. Распоряжение Б.А. Глазенапа о представлении сведений о хедерах в г. Николаеве [267, л. 35]
 132. Угловой штамп училища Талмуд-Тора
 133. Автографы содержателей частных еврейских училищ
 134. Автографы и печать Ф. Вулих
 135. Дом училища Ф. Вулих на пересечении ул. Никольской и Глазенаповской
 136. Угловой штамп и печать школы грамотности Л.Б. Баскиной
 137. Николаевская Александровская мужская гимназия (с открытки начала XX в.)
 138. Николаевская Мариинская женская гимназия (с открытки начала XX в.)
 139. Угловой штамп Николаевского Александровского реального училища
 140. Александровское реальное училище (с открытки начала XX в.)
 141. Лейба Бронштейн – ученик Александровского реального училища (будущий революционер Л. Троцкий)
 142. Угловой штамп директора Николаевского среднего механико-технического училища
 143. Николаевское среднее механико-техническое училище (с открытки начала XX в.)
 144. Николаевское коммерческое училище им. С.Ю. Витте
 145. Мемориальная доска И. Бабелю на здании коммерческого училища
 146. Угловой штамп директора Николаевской гимназии
 147. Автограф директора Александровской гимназии А. Смирнова
 148. Печать Николаевского уездного училища
 149. Автограф Эмилии Глазенап

150. Угловой штамп Повивальной школы при Николаевской еврейской больнице
 151. Еврейское казенное училище
 152. Угловой штамп заведующего Еврейским казенным училищем
 153. Автограф заведующего Еврейским казенным училищем В. Иванова
 154. Николаевская общественная библиотека (с открытки начала XX в.)
 155. Угловой штамп дирекции Николаевской общественной библиотеки
 156. Памятный знак на ул. Московской на месте дома, в котором родился Менахем Мендл Шнеерсон (открыт 21.08.2008 г.)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАНО	– Государственный архив Николаевской области
КЕУ	– Николаевское казенное двухклассное еврейское училище
КС	– Коробочный сбор
МВД	– Министерство внутренних дел (Российской империи)
НГД	– Николаевская городская Дума
НЕБ	– Николаевская еврейская больница
ОПБЕ	– Общество пособия бедным евреям г. Николаева

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

В Николаевскую городскую ратушу Николаевского мещанина Шмуля Мееровича*

На основании Высочайшего Его Императорского Величества указа, состоявшего 1804 года декабря в 9 день, избрал себе наследственную фамилию Золотошвей, имею я желание записанным быть в гор. Николаеве в мещанстве и прилагая при сем о семействе своем роспись, прошу в означенное звание меня причислить.

Подпись: *Миццанин Шмуль Меерович Золотошвей*

Июня... дня
1806-го года

1806 года июня... дня я, нижеподписавшийся, записанный в Херсонской губернии гор. Николаева в мещанском звании еврейин Шмуль Меерович по избранной наследственной себе фамилии Золотошвей по силе состоявшегося 1804 года декабря в 9 день Его Императорского Величества указа, дал роспись о состоящем за мною в помянутом гор. Николаеве по новой 1800 года ревизии семействе, с показанием с того числа разными случаями убылых и после ревизии вновь рожденных и прибывших родственников, по самой истине без всякой утайки, а буде тем впредь обличен явно или по свидетельству найдется, что кого-либо утаил, то повинен положенному по указам штрафу без всякого милосердия.

	мужеска			женска		
	По послед. ревизии записаны были	С того числа доньне разными случаями выбыли	Ныне налицо с прибывшими и вновь рожденными	По послед. ревизии записаны были	С того числа доньне разными случаями выбыли	Ныне налицо с прибывшими и вновь рожденными
	л е т а					
Шмуль Меерович Золотошвей	25		36			
Жена его Эстерка Юдкова дочь				18		29
У них дочери:						
Юнис				1	умре	
Махля						9
Рухля						3
Хайка						2
Зусля						1

Подпись: *Миццанин Шмуль Меерович Золотошвей*

За вышеписанного еврейина Шмула Мееровича Золотошвея с семейством в исправном платеже им казенных и общественных податей и отбытии городских повинностей до будущей ревизии ответственовать обязуемся:

Мендель Янкелевич Берестецкий (*подпись на иврите*)

Меер Абрамович Амбаез (*подпись на иврите*)

[309, л. 101-102].

* Сохранена орфография оригинала

*Список евреев, проживающих в Николаеве по ревизским сказкам 1811 г.**

<i>Главы семей (подавшие ревизские сказки)</i>	<i>Количество членов семьи</i>
1	2
Бардан Абрам Саламонович	3
Барской Дувид Маерович	5
Березовский Ицка Абрамович	5
Беренштейн Исак Янкелевич	2
Бернштейн (Беренштейн) Лейба Янкелевич (Янкелевич)	5
Богуславский Ицко Хаскелевич	5
Богуславский Нахман Хаскелевич	2
Бродский Абрам Пейсихович	2
Бродской Лейзер Кивич	1
Бротский Гомшеи Есович	1
Ванштейн Янкель Пейсехович	2
Веинштейн Ицка Берков	2
Вейсбен Нотка Маиорович	6
Волынский Азин Гершкович	8
Воскобоиников Гершка Морткович	3
Выводцов Меер Шмулевич	4
Гартман Исак Юскин	3
Гимберн Занвель	2
Голбер (Голдбер) Юдка Гайселевич	2
Голберк Абрам Вольфович	7
Голберк Бендет Абрамович	5
Голберк Мошко Абрамович	5
Голендер Нусин Лейбович	8
Гопнер Иось Лейбович	8
Гринберк Хаим Янкелевич	2
Дамский Ицко Берков	4
Дашевский Илья Гершкович	4
Дрыншпунт Абрам Мошкович	1
Дулецкий Нахман Янкелевич	3
Дунаевский Лейба Хаскелевич	1
Дунаевский Хаскель Срулевич	5
Заблудовский Берко Якубович	3
Заид Янкель Маерович (Меерович, Маирович)	7
Заславский Нахман Лейбович	2

* Сохранена орфография оригинала

1	2
Зельц (Зелиц) Лейба	3
Имельфарб Гершко Фроимович	4
Калниболоцкий Монашка Аранович	5
Книпмехер Иось Шмулевич	3
Когун Израиль Мордкович	3
Костантиновский Лувиш Хаимович	3
Краселевский Иось Юдкович	4
Курлянской Герш Вульфович	2
Лебединский Абрам Шепсилович (Шепшилович)	7
Лебединский Лейба Срулевич	3
Лебединский Шабс Абрамов	4
Лебединский Янкель Юдкович	6
Леви Годель Мошкович	2
Львовский Пейсих Лейбов	2
Полнер Герш Ельович	9
Полнер Лейба Гершкович	2
Попер Марко Юдкович	5
Розеншвейлд Мендель Нусимович	5
Розенштель Копель Мендельович	5
Ротштейн (Ратштейн) Хаим Вулфович	4
Сигал (Сегал) Гамшей Давыдович	2
Тапуз Марка Вульфович	5
Тарнопольский Абрам Янкелевич	6
Таскель Абрам	1
Трарка Зелик Шахманович	3
Трарка Шамх Давыдович	4
Уманский Симха Рувиневич	6
Фактор Борох Беркович	3
Фанголд Мордко Абрамович	2
Фанголд Шмарья Мордкович	4
Фанюнг Фроем Веделевич	3
Храмой Лазарь Юзович	3
Шаргородской Давид Абрамович	6
Шишкин Михель Юдкович	3
Штимбарн Энох Аронович	3
Якубзоунова Бренделя Яковлевна, вдова	3
Ярославский Абрам Аронович	7
Всего:	273

[307].

*Ревизская сказка**

пожелавших приписаться в николаевские мещане царскоподданных евреев двадцати пяти семейств.

Учтена генваря 31 дня 1824 году.

Ревизская сказка 1824 г. генваря 31 дня Херсонской губернии и уезда города Николаева

№	Мужеска полу	по последней ревизии состоял	из того числа	ныне налицо	Женска полу	60 временной отлучке	Ныне налицо
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Илья Берков сын Беркович			70	Берковича жена Товба Лейбова дочь		72
2	Абрам Симхов сын Цыброн			19	холост		
3	Симон Марков сын Зильберг			23	Зильберга жена Зисля Лейбова дочь дочь новорожденная полгода		22
4	Берко Янкелев сын Сталь			23	Сталья жена Марья Янкелева дочь		21
5	Берко Абрамов сын Сталь			60	вдов		
6	Израиль Янкелев сын Винштейн сыновья его: Зельман Лейба			31 5 2	Винштейна жена Этя Аронова дочь		25

* Сохранена орфография оригинала

1	2	3	4	5	6	7	8
7	Мозес Юселев сын Рубин сыновья его: Филька Юска			55 10 5	Рубина жена Хайка Абрамова дочь		30
8	Ицко Давыдов сын Ицкович			15	ХОЛОСТ		
9	Давид Ицков сын Ицкович Сын его Шулим			75 12	ВДОВ		
10	Лазарь Гершков сын Плеш сын его Зиска новорожденный полгода			45	Плеша жена Злата Янкелева дочь		35
11	Ехель Азыкович сын Цупник сын его Эля новорожденный восемь месяцев			45	Ехеля Азыковича Цупника жена Лея		24
12	Янкель Аронов сын Губерман			38	ВДОВ		
13	Давид Гершков сын Шмаль сыновья его: Гершка Аврум Ицхак новорожденный полгода			28 8	Шмалья жена Эстерка Гершкова дочь		20
14	Янкель Абрамов сын Голберг сын его Абрам			30 1	Голберга жена Фейда Абрамова дочь		20
15	Мотель Юдков сын Шехтер сын его Шулем			23 4	Шехтера жена Песя Абрамова дочь		18
16	Абрам Давидов сын Гаубник			14	ХОЛОСТ		
17	Иосиф Вольфович сын Акерштейн сын его Берка новорожденный полгода			23	Жена Иосифа Акерштейна Рейзя		19
18	Зендель Лейбов сын Семмель			23	ХОЛОСТ		
19	Мозус Хескелев сын Сак			16	ХОЛОСТ		
20	Ицка Липкович сын Фершерман			22	Ицка Липковича жена Ривка дочь их Фримка		18 1

1	2	3	4	5	6	7	8
21	Кельман Берков сын Филькенштейн			21	холост		
22	Якуб Юсков сын Фенкильштейн сын его Лема			25 1	Фенкенштейна жена Лея Бенционова дочь		17
23	Абрам Евселев сын Голеш сын его Перла			26 1	Абрама Голеша жена Геся Машкова дочь		20
24	Волька Берков сын Беркович				Волька Берковича жена Раца		55
25	Лема Аронов сын Пульверман			23	Пульвермана жена Беся Маркова дочь дочери их: Лея Биля		19 3 1
	Итого мужеска пола душ			40	Итого женска пола		20

Подлинную подписал кагальной Фельцзер

[309, л. 6-8].

Приговор

Город Николаев, 1870 года, мая 20 дня, мы, нижеподписавшиеся члены еврейского молитвенного общества, молящиеся во вновь утвержденной господином Николаевским военным губернатором на Поповой балке города Николаева еврейской молитвенной школе, вследствие объявленной нам нашим раввином г. Когоном, предписания Николаевской городской Думы, последовавшего на его, г. Когона, имя от 6-го мая сего 1870 года за № 1174 об избрании установленных членов для духовного правления при упомянутой нашей школе, сего числа единодушно **приговорили:** на основании 1070 ст. 1 ч. 1 XI т. Св. Зак., избрать этим нашим приговором вперед на три года, считая со дня утверждения настоящего приговора, для духовного правления сказанной нашей молитвенной школы: в ученые – постоянно живущего здесь с семейством своим бобруйского мещанина Товию Умана, в старосты – бессрочно-отпускного солдата Шмуля Цукермана и в казначеи – херсонского мещанина Янкеля Мендельблюма. Приговор этот за общими нашими подписями доверяем упомянутому нашему раввину г. Когону для представления его куда следует, на законное утверждение надлежащим начальством, и в том подписываемся.

Далее 28 подписей членов религиозной общины.

Что действительно приговор сей молитвенным обществом во вновь учрежденном доме на Попой балке составлен и собственноручно ими по-еврейски подписан, в том Николаевская городская Дума подписью и печатью свидетельствует июня 26 дня 1870 г.

Городской голова Соболев (*подпись*)
Печать Николаевской городской Думы
Секретарь (*подпись*)

[214, л. 2].

*Динамика прироста численности еврейского населения в Николаеве
во II половине XIX – начале XX вв. **

<i>Годы</i>	<i>Количество еврейского населения в городе</i>	<i>Прирост</i>	<i>% прироста</i>
1859	186	-	-
1860	328	252	43,3
1869	4418	4090	92,6
1870	4796	378	7,9
1875	6546	2138	32,5
1877	6891	347	5,2
1878	7092	201	2,9
1879	8709	717	8,2
1880	9400	791	4,5
1890	13050	3650	38,8
1894	14197	1147	8,7
1895	14658	461	3,2
1897	15407 (20109)**	749 (5451)	5,1 (35,1)
1898	15799	392	2,5
1899	16215	416	2,6
1900	16487	272	1,7
1902	19622	3135	19,0
1903	19948	326	1,7
1906	19310	- 638	- 3,2
1908	19679	369	1,9
1911	20171	492	2,5
1912	20908	737	3,5
1913	20998	90	0,4
1914	21212	214	1

* подсчеты авторов

** первая цифра дана в «Обзоре Николаевского градоначальства за 1897 год», вторая – в материалах Всероссийской переписи населения по Херсонской губернии

[295, л. 53; 2.89, с. 3; 494, № 16; 444, с. 34; 430, с. 81; 342-346; 353-366].

**Евреи в составе населения Николаевского военного губернаторства
и Николаевского градоначальства (с хуторами)
в конце XIX – начале XX вв.***

Годы	Всего населения			В т. ч. еврейского			
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	%
1869*	25190	22072	47262	2072	2345	4418	9,4
1870**	28951	23367	52318	2299	2497	4796	9,2
1875**	33931	26397	60328	3530	3223	6753	11,2
1877	33809	28388	62197	3458	3433	6891	11,8
1878	34514	28480	62994	3542	3550	7092	11,9
1879	38541	29017	67588	4045	4664	8709	13,4
1880	39295	30598	69893	4827	4635	9462	15
1890	42118	34460	76578	7196	5159	12355	16,2
1894	42433	35724	78157	7733	6454	14197	18,2
1895	42164	36319	78483	7987	6671	14658	18,7
1897	43967	37513	81480	8368	7039	15407	18,9
1898	43821	38194	82015	8531	7238	15769	19,2
1899	45174	39164	84338	8757	7458	16215	19,3
1900	45410	39973	85383	8797	7690	16487	19,3
1902	50867	46886	97753	10399	9223	19622	20,06
1903	51334	47668	99002	10523	9425	19948	20,05
1906	51703	48895	100598	10220	9090	19310	19,2
1908	52442	49594	102036	10404	9205	19679	19,3
1911	53402	54184	107586	-	-	20171	17,2
1912	-	-	109592	-	-	20908	19,1
1913	57226	53821	111147	10909	10079	20998	18,9
1914	61975	55604	117579	11326	9886	21212	18,1

* Подсчеты авторов.

** по г. Николаеву

[294, л. 24; 295, л. 53; 2.89, с. 3; 494, № 16; 444, с. 34; 430, с. 81; 341-330; 352-366].

*Представительство евреев в Николаевской
городской Думе в 1872-1901 гг.*

<i>Четырехлетие</i>	<i>Всего гласных в Думе</i>	<i>в т. ч. евреев</i>	<i>% (динамика)</i>
1872-1876	71	5	7
1876-1880	72	4	5,6 (- 1,4)
1880-1884	72	7	9,7 (+ 4,1)
1884-1888	72	7	9,7 (0)
1888-1892	68	11	16,2 (+ 6,5)
1893-1897	52	5	9,6 (- 6,6)
1897-1901	52	3	5,8 (- 3,8)
Всего за 27 лет	449	42	9,4

[427, с. 144].

Список лицам иудейского вероисповедания, выбравшим гильдейские свидетельства на производство промысла в 1892 году

1. Аронштам Арон Моисеевич, николаевский мещанин
2. Бродский Моисей Маркович, черкасский мещанин
3. Бунцельман Эль-Лейба, николаевский 2 гильдии купец
4. Белич Иосиф Давидович, николаевский 2 гильдии купец
5. Бланк Марк Абрамович, николаевский 2 гильдии купец
6. Берендорф Рувин-Моисей Израилевич, николаевский 2 гильдии купец
7. Баранискина Эстер, жена богоявленского мещанина
8. Баранискин Алтер, богоявленский мещанин
9. Бродские Ева, Александр, Арон и Клара, почетные граждане
10. Бирштейн Абрам Яковлевич, николаевский 2 гильдии купец
11. Бегар Ерахмилъ Э., турецкоподданный
12. Билик Иосиф Шевелев, николаевский мещанин
13. Белинко Ицка-М. Янкелевич, чаусский мещанин
14. Бернштейн Хаим, одесский мещанин
15. Бродский Яков Меерович, потомственный почетный гражданин
16. Билик Мордко Хаимович, николаевский мещанин
17. Вольштейн Шмая Соломонович, верхнеднепровский мещанин
18. Вулих Хуна Давидович, николаевский 2 гильдии купец
19. Вулих Гдаль Беркович, николаевский 2 гильдии купец
20. Вейнер Хуна-Ицка Шлемович, николаевский мещанин
21. Вуль Зисля, жена николаевского 2 гильдии купца
22. Вуль Пинкус Абрамович, николаевский 2 гильдии купец
23. Вольховская Сима Давидовна, жена херсонского мещанина
24. Вайсбен Ион Давидович, николаевский мещанин
25. Варенберг наследники
26. Гурфинкель Моисей Аронович, николаевский 2 гильдии купец
27. Гольберг Лейзор-Сруль Гилелев (он же Вольф Гилель), николаевский 2 гильдии купец
28. Габис Марк Исаакович, николаевский 2 гильдии купец
29. Гершман Самуил Моисеевич, николаевский 2 гильдии купец
30. Гринберг Ушер Зельманович, николаевский 2 гильдии купец
31. Гринштейн Самуил Наумович, николаевский 2 гильдии купец
32. Гринберг Гитля Янкелевна, вдова николаевского 2 гильдии купца
33. Гринберг Мошка Цалевич, херсонский мещанин
34. Гефт Давид Зискиндович, николаевский 2 гильдии купец
35. Гусаков Пинкус Абович, николаевский 2 гильдии купец
36. Гринер Янкель-Нахман Рувинович, николаевский 2 гильдии купец
37. Гольберг Давид Беркович, николаевский 2 гильдии купец
38. Гросман Мария Шлемовна, жена николаевского мещанина
39. Гланц Шмуль (он же Самуил) Лейбович, николаевский мещанин
40. Гладштейн Аншель Дувидович, николаевский мещанин
41. Грин Вольф Мовша, ... мещанин
42. Гольдгефтер Шлемо-Исай Аронович, николаевский мещанин
43. Дерфель Ушер Гершкович, николаевский 2 гильдии купец

-
44. Зитман Зельман Ершович, николаевский мещанин
 45. Зив Ольга Пинхусовна, мещанка мест. Сяды Ковенской губернии
 46. Имас Шмуль Шлемович, николаевский 2 гильдии купец
 47. Куперман Иосиф Годьевич, николаевский 2 гильдии купец
 48. Коган Герш Вольфович, николаевский 2 гильдии купец
 49. Каменер Абрам Семенович, николаевский 2 гильдии купец
 50. Кенигсберг Герман Михайлович, николаевский 2 гильдии купец
 51. Калегорский Соломон Ильич, николаевский 2 гильдии купец
 52. Коган Янкель Шаевич, николаевский 2 гильдии купец
 53. Кнебельман Зейлик Вениаминович, николаевский 2 гильдии купец
 54. Каневский Иосиф Аронович, николаевский 2 гильдии купец
 55. Каменский Самуил Вениаминович, николаевский 2 гильдии купец
 56. Кроль Абрам Лейзерович, кременчугский купец
 57. Ковлер Мендель Израилевич, николаевский 2 гильдии купец
 58. Кроль Хаим Абрамович, николаевский 2 гильдии купец
 59. Каневская Хана Срулевна, николаевская 2 гильдии купчиха
 60. Каневский Израиль Аронович, николаевский 2 гильдии купец
 61. Каневский Арон Осипович, николаевский 2 гильдии купец
 62. Кобылянский Меер-Шулим Нафтулович, потомственный почетный гражданин
 63. Косов Мотель Абрамович, рогаревский мещанин
 64. Кривицкий Михаил-Хаим, провизор
 65. Коган Михель Моисеевич, провизор
 66. Липавский Минахим Вульфович, николаевский 1 гильдии купец
 67. Леви Иосиф, германскоподданный
 68. Ландау Терезия Львовна, вдова николаевского 2 гильдии купца
 69. Левицкий Лейба Хаимович, николаевский мещанин
 70. Лерман Маркус, херсонский мещанин
 71. Либин Леон Маркович, одесский мещанин
 72. Лаевский Давид Моисеевич, провизор
 73. Могилевский Эль Давидович, николаевский 2 гильдии купец
 74. Маргулис Герц Яковлевич, николаевский 2 гильдии купец
 75. Маргулис Александр Герцович, николаевский 2 гильдии купец
 76. Мишурис Лейба Фроимович, николаевский 2 гильдии купец
 77. Мамутов Моисей Владимирович, николаевский 2 гильдии купец
 78. Маламант-Бриллиант Хаим Вульфов Сендеров, херсонский мещанин
 79. Натензон Яков Анишмович, богоявленский 2 гильдии купец
 80. Натензон Григорий Леонтьевич, николаевский 2 гильдии купец
 81. Немировский Илларион, николаевский 2 гильдии купец
 82. Остринский Арон Меерович, николаевский 2 гильдии купец
 83. Прилуцкий Хаим Букович, николаевский 2 гильдии купец
 84. Перельман Мендель Мошкович, ананьевский 2 гильдии купец
 85. Павлоцкий Хаим Лейзерович, херсонский мещанин
 86. Петриковский Янкель Волькович, николаевский мещанин
 87. Ротгольц Исаак Михайлович, николаевский 2 гильдии купец
 88. Раппепорт Гейман Земерлевич, николаевский 2 гильдии купец
 89. Розенталь Шмерко-Сергей Моисеевич, харьковский 2 гильдии купец
 90. Р..онович (?) Моисей Янкелевич, николаевский мещанин
 91. Рашковский Пинкус Шлемович, николаевский 2 гильдии купец
 92. Рашковский Лейба Абрамович, николаевский мещанин
-

-
93. Рашковский Товий Гутман Пинкусович, николаевский мещанин
 94. Розенфланц Моисей Нусимович, херсонский мещанин
 95. Розенфельд Ицко-Аврум Янкелев, коменский мещанин
 96. Сербин Волько-Нухинович, николаевский 2 гильдии купец
 97. Сегель Яков Аврамович, николаевский 2 гильдии купец
 98. Сахарзон Иуда-Лейба Гершович, николаевский мещанин
 99. Скрипт Абрам Липович, зеньковский мещанин
 100. Самсов Давид Моисеевич, личный почетный гражданин
 101. Свирский Мовша Аврамович, свирский мещанин
 102. Трахтенберг Лейбиш (он же Леон) Моисеевич, николаевский 2 гильдии купец
 103. Табак Арон Шмулевич, николаевский мещанин
 104. Трахтенгерц Семен Лазаревич, николаевский 2 гильдии купец
 105. Трахтенберг Шлема-Арий Лейбович, николаевский 2 гильдии купец
 106. Тимен Лазарь Гецелевич, николаевский 2 гильдии купец
 107. Тимен Леон Лазаревич, николаевский 2 гильдии купец
 108. Фельдман Абрам Кельманович, николаевский 2 гильдии купец
 109. Форштетер Лев Исакович, николаевский 1 гильдии купец
 110. Фиделев Исаак Борисович, запасной вольноопределяющийся из рядовых
 111. Цукерман Исаак Янкель Мееров, николаевский 2 гильдии купец
 112. Цук (она же Цан) Сура Вольфовна, жена отставного унтер-офицера
 113. Чераскин Рубин Аврамович, ... мещанин
 114. Шеинин Эдля Михелевна, жена николаевского мещанина
 115. Шипилевский Ицка Лейба Гутманович, чигиринский 2 гильдии купец
 116. Штамм Израиль Львович, николаевский 2 гильдии купец
 117. Шор Яков Аврамович, николаевский 2 гильдии купец
 118. Шейнин Меер Менделевич, николаевский мещанин
 119. Шлеймович Давид Лейбович, николаевский 2 гильдии купец
 120. Шварц Яков, австрийскоподданный
 121. Шейнина Хая Фрейба, николаевская мещанка
 122. Шлеймович Лейба Давидович, николаевский 2 гильдии купеческий сын
 123. Шнейдер Эзриель Давидович, кринский мещанин
 124. Шнейдер Ита Давидовна, кринская мещанка
 125. Эрлих Иван Давидович, николаевский 1 гильдии купец
 126. Юделес Нехама, жена николаевского мещанина
 127. Юркевич Гелель Янкелевич, николаевский мещанин

[ГАНО. Ф. 229, оп. 1, д. 50, л. 11-16].

**Первая всеобщая перепись населения
Российской империи, 1897 год.
Херсонская губерния**

**Распределение по сословиям лиц, на основании родного языка
(еврейского)**

Дворяне личные, чиновники не из дворян и их семьи	м	18	35
	ж	17	
Потомственные и личные почетные граждане и их семьи	м	42	62
	ж	20	
Купцы и их семьи	м	257	487
	ж	230	
Мещане	м	8424	16431
	ж	8007	
Крестьяне	м	308	591
	ж	283	
Лица, не принадлежащие к этим сословиям	м	132	312
	ж	180	
Лица, не указавшие сословие	м	6	8
	ж	2	
Иностранные подданные	м	12	23
	ж	11	
Итого	м	9199	17949
	ж	8750	

[385, с. 290-291].

Распределение населения г. Николаева по вероисповеданиям

Православных		67241
Старообрядцев и уклоняющихся от православия		128
Римских католиков		3331
Протестантов разных исповеданий		955
Магометан		119
Иудеев		20109
Остальные	Христиане	1
	Нехристиане	-

[385, с. 3].

**Распределение еврейского населения г. Николаева по группам занятий
(на основании родного языка)**

№	Занятие	Самостоя- тельные		Члены семей	
		М	Ж	М	Ж
1	2	3	4	5	6
	По Николаеву	5329	1173	3870	7577
1.	Администрация, суд и полиция	1	-	1	79
2.	Общественная и сосл. служба	4	-	1	2
3.	Частная юридическая деятельность	3	-	5	4
4.	Вооруженные силы	256	-	2	4
5.	Богослужение православного вероисповедания	-	-	-	-
6.	Богослужение других христианских исповеданий	-	-	-	-
7.	Богослужение нехристианских исповеданий	17	-	25	40
8.	Лица при церквах, кладбищах и т. п., прислуга и сторожа при них	42	1	52	93
9.	Учебн. и воспитат. деятельность	105	9	63	162
10.	Наука, литература, искусство	7	-	-	-
11.	Врачебн. и санитарн. деятельность	39	24	18	49
12.	Служба при благотворительных учреждениях	-	-	-	-
13.	Деятельность и служба частн. присл., поденщ.	414	467	435	588
14.	Доходы от капиталов и недвижимого имущества, средства родителей и родственников	69	73	65	163
15.	Средства от казны, обществ. учреждений и частных лиц	62	59	6	14
16.	Лишенные свободы и отбывающие наказание	7	-	-	-
17.	Земледельцы	25	-	9	22
18.	Пчеловодство и шелководство	-	-	-	-
19.	Животноводство	-	-	-	-
20.	Лесоводство и лесные промыслы	-	-	-	-
21.	Рыболовство и охота	3	-	-	5
22.	Добыча руд и копи	1	-	-	-
23.	Выплавка металлов	-	-	-	-
24.	Обработка волокнистых веществ	-	15	-	6
25.	Обработка животных предметов	17	2	6	12
26.	Обработка дерева	74	-	33	70
27.	Обработка металлов	268	1	104	221
28.	Обработка минеральных веществ (керамика)	-	-	-	-
29.	Производство химич. и связ. с ним	9	1	3	17
30.	Винокурение, пиво- и медоварение	8	-	8	5
31.	Проч. напитки и бродильные вещества	-	-	-	-

1	2	3	4	5	6
32.	Обработка растительной и животной питательной продукции	78	9	55	123
33.	Табак и изделия из него	51	28	29	60
34.	Полиграфическое производство	62	2	31	46
35.	Инстр. физ., оптич., хирург., часы, игрушки	38	2	23	38
36.	Ювелирное дело, живопись, предметы культа, роскоши и т.п.	40	-	8	26
37.	Изготовление одежды	1012	264	752	1450
38.	Устройство, ремонт, содержание жилья и строительные работы	77	1	48	107
39.	Производство экипажей и постройка деревянных судов	2	-	2	-
40.	Не вошедших в предыдущие группы и неопределенных	18	-	7	11
41.	Вольные сообщения	16	-	6	19
42.	Железные дороги	1	-	-	2
43.	Извозный промысел	166	3	193	348
44.	Остальные сухопутные сообщения и средства передвижения	7	-	2	9
45.	Почта, телеграф и телефон	1	-	-	-
46.	Кредитные и общественные коммерческие заведения	23	-	13	13
47.	Торговое посредничество	230	8	185	419
48.	Торговля вообще, без точного определения	68	4	57	91
49.	Торговля живым скотом	14	-	7	19
50.	Торговля зерновыми продуктами	680	8	506	1082
51.	Торговля остальными продуктами с/х	546	75	550	1061
52.	Торговля строительными материалами, топливом	98	5	98	138
53.	Торговля предметами домашнего обихода	27	4	35	69
54.	Торговля металлическими товарами, машинами и оружием	48	1	58	87
55.	Торговля тканями и предметами одежды	336	29	196	406
56.	Торговля кожами, мехами и т.п.	20	-	13	37
57.	Торговля предметами роскоши, науки, искусства, культа и т.д.	9	-	3	-
58.	Торговля остальными предметами	25	-	8	38
59.	Торговля разносная и развозная	67	7	54	138
60.	Трактиры, гостиницы, меблир. комнаты, клубы	32	8	27	57
61.	Торговля питейная	21	1	21	25
62.	Чистота и гигиена тела	40	17	23	45
63.	Лица неопределенных занятий	37	-	18	45
64.	Проституция	-	12	-	-
65.	Лица, не указавшие занятий	8	33	5	12

[385, с. 230-231].

Евреи в числе учащихся Николаевского Александровского реального училища за первые 25 лет его существования

<i>Годы</i>	<i>Общее количество учащихся</i>	<i>в т. ч. евреев</i>	<i>% от общего количества учащихся</i>
1874	156	27	17,3
1875	178	28	15,73
1876	174	29	16,66
1877	199	29	14,57
1878	214	21	9,8
1879	232	22	9,48
1880	283	35	12,37
1881	302	32	10,6
1882	291	13	4,46
1883	296	15	5,07
1884	255	10	3,92
1885	205	7	3,41
1886	195	11	5,64
1887	220	12	5,45
1888	192	10	5,21
1889	196	16	8,16
1890	176	18	10,23
1891	192	20	10,42
1892	198	23	11,62
1893	215	28	13,02
1894	237	32	13,5
1895	200	33	16,5
1896	210	36	17,14
1897	222	39	17,57
1898	238	44	18,49
1899	246	40	16,26
Всего	5753	630	10,95

[469, с. 98-100].

*Врач В.М. Маркелов****Медико-санитарный очерк г. Николаева***

В Николаеве живет 93 000 населения вместе с войсками (8 000 человек). Население это пестрое по происхождению и вероисповеданию, является типичным для Новороссийских городов, которые населялись самыми разноплеменными элементами.

Преобладающей народностью является та новороссийская помесь, которая ... и имеет свой собственный язык, свои обычаи и привычки...

Вторую важную по численности народностью являются евреи – до 25 000.

Маленькая только часть их обладает хорошим и средним достатком; большинство – бедняки, перебивающиеся изо дня в день ремесленники, мелкие торговцы, находящиеся в худших санитарных условиях, чем большинство русского населения. Живут они почти исключительно в Московской и Одесской частях, благодаря существованию спроса на их труд только в этих промышленных и торговых частях; квартиры здесь дороги, что заставляет селиться в одной квартире несколько семей; тяжелый труд в душной спертый атмосфере, плохая пища – все это создает те неблагоприятные условия, которые вызывают массу болезней среди бедного еврейского населения.

Если мы видим, что смертность среди них все же меньше, чем среди русских, то это обусловлено особыми чертами, свойственными только евреям: глубокая вера в медицинскую помощь, заставляющая их обращаться к последней при ничтожном даже заболевании; особый склад семейной жизни, благодаря которому жена всю себя отдает только детям..., а так как наибольшая смертность бывает в грудном детском возрасте, то не удивительно, что у евреев детей умирает меньше. Даже при заразных детских болезнях, как-то: оспа, скарлатина, дифтерит, корь и т. д., когда санитарная обстановка оказывает особое свое влияние, все же еврейские дети и заболевают, и умирают реже потому, что окружающие не запускают болезни и, желая изолировать здоровых от больных, усиленно помещают последних в разное отделение гор. больницы. Страх же перед последней у русского населения до сих пор велик...

Благодаря всему этому в 1897 году, например, на 65 000 русских (вернее неевреев) умерло от 1 до 5 лет жизни 1 137 детей; на 20 000 евреев 196 детей; родилось в том году неевреев 3 000, евреев 780; следовательно, при большей пропорциональной рождаемости среди русских, смертность у последних в детском возрасте в 2 раза больше, чем у евреев; вследствие этого и прирост населения у евреев в 2 раза больше.

Еврейская больница, относящаяся также к числу городских учреждений, расходует в среднем за последние годы до 13 000 руб., в каковую сумму входят 12 000 руб. коробочного сбора, платы за лежачих стационарных больных (до 100 руб. в год) и благотворительные средства.

Николаевская еврейская больница

		1894	1895	1896	1897
<i>Стационарные больные</i>	Число больных	512	650	712	856
	Среднее ежедневное число больных	28	31	36	39
<i>Амбулаторные больные</i>	Число больничных дней	11245	11424	13173	14239
	Число больных	8906	10249	11092	13783
	Число посещений	15340	18699	19924	28888

Стоимость содержания больного:

Николаевская городская больница – 81 коп.

Еврейская больница – 83 1/2 коп.

Морской госпиталь (для гражданских лиц) – 80 коп.

[427, с. 57-64].

Николаевская еврейская больница

Николаевская еврейская больница помещается на Садовой улице в собственном здании. Она была основана 16-го октября 1883 года, и в настоящее время состоит из двух зданий: в одном помещается мужское отделение, состоящее из пяти палат и аптеки; в другом, которое было построено в 1889 году, помещается женское отделение с четырьмя палатами и вполне изолировано от него родильное отделение. Кроме того, на средства наследников Николаевского купца Ефроима Яковлевича Мешуреса выстроено в 1899 году великолепное здание для приходящих больных, состоящее из поместительной приемной и четырех кабинетов, в которых каждый приходящий осматривается врачом...

Медицинский персонал больницы состоит из заведующего больницей врача М.Я. Кальварского и ординаторов: А.М. Комаровского, В.О. Вольфензона, В.И. Бродецкого и Г.К. Соболя. Низший персонал больницы состоит из двух фельдшеров, одной акушерки и двух палатных надзирательниц. На обязанности старшего фельдшера и его помощника лежит и приготовление лекарств как для стационарных, так и для амбулаторных больных.

Старший фельдшер живет при больнице; другой фельдшер ночует в больнице в отделении, где он работает. Палатные надзирательницы живут при больнице. Суточного дежурства в больнице нет; вечерние визитации, когда имеются в больнице серьезные случаи заболевания, производятся врачами больницы поочередно; в экстренных же случаях врачи призываются немедленно в любое время дня и ночи. Ежедневно после обхода больных все врачи больницы принимают приходящих больных; по женским болезням прием производится 3 раза в неделю.

Администрация больницы состоит из членов М.Я. Кальварского, Л. Мешуреса, Я. Каминского и николаевского городского врача Л. Датнера.

Еврейская больница имеет 64 кровати: в мужском отделении 30 кроватей, столько же в женском и 4 кровати в родильном отделении. Как в мужское, так и в женское отделение принимаются бесплатно больные со всякого рода болезнями, кроме оспенных, дифтеритных, скарлатинозных больных за неимением здания для инфекционных больных.

Доход Николаевской еврейской больницы состоит из сумм коробочного сбора и из частных пожертвований... В 1895 году больница получила из сумм коробочного сбора 10 000 руб., а в последние 3 года больница получала по 12 000 руб. Сумма эта распределялась на жалование врачам и служащим, на продовольствие, отопление, освещение, медикаменты, на приобретение белья и обуви для больных, на приобретение инвентарного имущества и ремонт, на ремонт здания, на канцелярские расходы и на погашение долгов, оставшихся с прошлых лет.

Среди коечных больных (кроме евреев)

1894	13 православных
1895	13 православных
1896	8 православных
1897	4 православных
1898	19 православных

Число умерших среди больных (% от стационарных больных): от 10,46% в 1884 до 3,32% в 1894 году.

В течение 1898 года находилось в пользовании в больнице 945 человек, которыми проведено в больнице 14 751 день, также ежедневно среднее число было 40,4... Всех приходящих больных в 1898 году было 14 904 человека, которыми было сделано 35 550 посещений; среднее ежедневное число посещений было 97,38. Приходящим больным отпущено в течение 1898 года 18 690 лекарств.

Продовольствие одного больного в день составляло в 1895 году 23,1 коп., в 1896 году – 23,51 коп., в 1897 году – 24,7 коп., в 1898 году – 24,61 коп.

Количество как амбулаторных, так и коечных больных постепенно возрастает. Это увеличение было бы еще больше, если бы больница обладала еще большими материальными средствами, которые дали бы возможность расширить больницу и тем удовлетворить всем требованиям, предъявленным к ней обществом. К числу таких неудовлетворенных требований относится отсутствие отделения для инфекционных больных, что дает себя неприятно чувствовать в те годы, в которые свирепствует оспа, дифтерит и скарлатина. Но вопрос об устройстве заразного отделения для еврейской больницы уже в принципе решен, и в ближайшем будущем будет приступлено к постройке этого здания, особенно если частная благотворительность и Николаевское общественное управление придут на помощь больнице, тем более, что своим существованием еврейская больница облегчает работу Николаевской городской больнице, которая всегда переполнена.

[427, с. 81-87].

Сведения о коробочном сборе в г. Николаеве

Акциз в пользу общего коробочного сбора 1896-1900 гг.

1.	За продажу 1 фунта кошерного мяса	2 коп.
2.	За резку на кошер индюка, индейки, гуся	8 коп.
3.	уток и кур	4 коп.
4.	цыплят, утят и голубей	2 коп.
5.	За убой скота	
	за вола	1 р. 20 коп.
	за корову	1 р.
	за теленка, барана, овцу, козу	20 коп.

Установлено на совещании с оседлыми и зажиточными евреями Николаева.

Поступления от коробочного сбора 1896-1899 гг. – 37300 руб.

Расходы по коробочному сбору 1896-1899 гг.

На содержание еврейской больницы	12000
На пособие неимущим	7600
На содержание еврейского двухклассного училища	6200
На пособия бедным учащимся (в год)	800
На погребение бедных	1300
На содержание еврейской бани	800
Содержание еврейского стола при городской управе	780
На содержание старой главной синагоги	1510
На содержание новой хоральной синагоги	1510
На содержание молитвенных домов:	
ул. Привозная, № 53	350
Угол Таврической и М. Морской	400
Угол Черниговской и Б. Морской	400
Для ремесленников	250
ул. 3 Слободская, 30	100
ул. 1 Военная, 12	100
ул. Черниговская, 25	100
ул. Черниговская, 37	100
ул. Херсонская, 25	100
ул. Херсонская, 37	100
ул. Сенная, 42	100
ул. Мельничная, 84	100
Пособие дешевой столовой	1500
Преподавателю Закона еврейской веры	500
Еврейскому училищу Черни-Айзман	400
Всего	31000 руб.

[427, с. 158-159].

Николаевский
городовой раввин
августа 16 дня 1901 г.
№ 119

В канцелярию Николаевского Градоначальника

14 сего августа проповедник д-р Вайцман обратился ко мне через посредство г. Крепса с просьбой произнести одну проповедь в одной из местных синагог на еврейском жаргоне. Так как я сам проповедей не произношу, и желая дать возможность евреям послушать иногда живое слово с алтаря синагоги, я дал свое письменное согласие с тем, однако, чтобы я лично присутствовал на случай, если оратор станет уклоняться от темы, имеющей характер проповеди, остановить его. На таких же основаниях давал разрешение проповедникам на еврейском жаргоне и бывший раввин Богров, не предупреждая об этом полиции.

Вчера 15 сего августа, в 8 часов вечера, означенный проповедник явился в молитвенный дом, состоящий на Черниговской улице, № 15, и приступил к своей проповеди, которая 15 минут спустя была прервана господином Николаевским Полицмейстером, на том основании, как мне объяснил г. полицмейстер, что я не вправе был разрешить этого собрания, не доводя об этом до сведения полиции, а не сделал я этого потому, как я уже имел честь объяснить, что бывший раввин Богров никогда о таких собраниях полиции не сообщал, исключая очень сомнительных случаев, вследствие чего имею честь покорнейше просить Канцелярию Николаевского градоначальника сообщить мне, о каких именно собраниях, заседаниях и всяких сборищах я обязан доносить полиции.

И. д. Городового Раввина Л. Анчилович

[102, л. 9].

**Николаевская комиссия по раздаче пособий бедным евреям
(по данным за 1901 г.)**

Функционирует с 1892 г.	
Получает из средств коробочного сбора	12300 руб.
Расходует:	
- на обучение детей в хедерах	2300 руб.
- на содержание богадельни	1900 руб.
- на обучение бедных девочек в училище Ф.С. Вулих	600 руб.
- раздается бедным к Пасхе	1000 руб.
- на обучение детей в местных учебных заведениях	1200 руб.
- на обучение дочерей неимущих евреев в частном училище Д.А. Черни-Айзман	400 руб.

[428, с. 174].

**Николаевское общество пособия бедным евреям
(по данным за 1901 г.)**

Действительных членов общества	460
Фонды:	
1. Кружечный сбор.	
2. Капитал в пользу лиц, нуждающихся вследствие бывших неурожаев и упадка местной торговли.	
3. Специальный капитал в пользу бедных девочек, учащих в женском училище Ф.С. Вулих.	
4. Специальный капитал в пользу нуждающихся служащих местных торговых предприятий и мелких торговцев.	
5. Специальный капитал на призрение бездомных девочек-сирот.	
В 1900 г. поступило	897 руб.
В 1901 г. поступило	6445 руб.
На 1.10.1901 г. остаток средств	294 руб., 01 коп.

[428, с. 176-177].

Список еврейских хедеров в г. Николаеве по состоянию на 1902 г.

<i>№ п/п</i>	<i>Фамилия меламеда</i>	<i>Адрес (улица)</i>	<i>Кол-во учеников</i>
1	У.П. Шварц	Малая Морская, № 1/3	15
2	Б.Я. Новосельский	Потемкинская, № 85	18
3	Н.Ш. Фрейдсон	Котельная, № 2	20
4	М.М. Шур	Малая Морская, № 23	10
5	Г.А. Шухман	Херсонская, № 87	16
6	И.Б. Винарский	Херсонская, № 87	17
7	А.М. Аксельрод	Херсонская, № 73	7
8	Ц.М. Левин	Севастопольская, № 23	20
9	Л.С. Склярский	Привозная, № 57	14
10	П.А. Склярский	Потемкинская, № 85	22
11	Х.М. Либман	Мещанская, № 15	21
12	И.Г. Михельсон	Потемкинская, № 87	16
13	Л.М. Слонимчик	Кузнечная, №	19
14	Я.С. Лавит	Глазенаповская, № 81	16
15	М.Г. Клейман	Московская, № 51	27
16	М.М. Померанц	Херсонская	14
17	Я.П. Маймин	Рыбная, № 22	8
18	М.Я. Кац	Рыбная, № 110	10
19	Х.Е. Шапир	Потемкинская, № 77	14
20	М.Н. Нейман	Рождественская, № 45	13
21	А.Н. Ланчин	Московская, № 29	25
22	М.Н. Финкельштейн	Херсонская, № 87	17
23	М.К. Зусманов	Таврическая, № 51	26
24	А.И. Билянский	Московская, № 51	6
25	Ю. Фельдштейн	Московская, № 18	6
26	Г. Скобленков	Московская, № 18	7

[428, с. 107].

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
Господину Николаевскому Градоначальнику

Нижеподписавшихся евреев,
жителей г. Николаева

До нас дошло сведение, что комиссией, созванной Николаевской Городской Управой для раскладки сумм коробочного с евреев сбора на 4-х летие 1908-1912 года, назначено 800 рублей для уплаты за преподавание закона еврейской веры ученикам здешних классической гимназии и реального училища.

Назначение это мы считаем незаконным и несправедливым. Согласно параграфам 58 и 61 правил о коробочном сборе, суммы коробочного сбора должны расходоваться исключительно на нужды беднейших евреев, между тем как в обоих этих учебных заведениях обучаются преимущественно дети состоятельных и богатых евреев, которые сами в состоянии оплачивать учителя закона для своих детей. Для каждого состоятельного, а тем более богатого родителя, ничего не составляет платить по 8-10 рублей или даже 15 рублей в год, между тем, как восьмьюстами рублями, назначенными из коробочных сумм, можно и должно бы удовлетворить нужду многочисленного и все более увеличивающегося класса бедных и беднейших евреев. Из-за недостатка в средствах, этой же комиссии пришлось крайне сократить ассигновки на училища, обслуживающие самый беднейший еврейский люд, который не в состоянии платить и минимальную плату за самое элементарное обучение его детей. Приходится не удовлетворять крайних нужд еврейской больницы и других благотворительных учреждений; низвести до минимума сумму ежемесячных выдач самым беднейшим еврейским семьям, неспособным к труду калекам, сиротам и т.д.

Мы, поэтому, имеем честь просить Ваше Превосходительство возвратить суммам коробочного сбора, собираемым в большинстве с малосостоятельного класса, их прямое и законом указываемое назначение – благотворение исключительно бедным евреям, и ассигновку в 800 рублей на уплату за обучение закону веры в гимназии и реальном училище из сметы исключить.

г. Николаев
26 декабря 1907 года.

Далее 75 подписей.

[140, л. 23-24].

М В Д
Николаевский полицмейстер
марта 25 дня 1907 г.
№ 7192
г. Николаев
Херсонской губернии

Временному Николаевскому военному генерал-губернатору

В ночь на 6 марта в доме № 86 по Потемкинской улице в квартире, занимаемой учителем Николаевского казенного 2-х классного еврейского училища Абрамом Соломоновичем Дрезниным, была устроена, с преступной целью, сходка, на которой чинами полиции были застигнуты, кроме самого Дрезнина, нижеследующие лица, состоящие членами преступной партии «Палей-Цион»: Деражинский, Волынской губернии мещанин Иосиф Моисеев Видре, кишиневские мещане Исаак и Клара Гершевы Городищевы, пинская мещанка Мария Беркова Гольдвец, дочь николаевского временного купца Лея /Елизавета/ Григорьевна Оранштам, богоявленская мещанка Розалия Ильинична Ауздачер, николаевская мещанка Елизавета Шлемова Зильдович, николаевский мещанин Соломон Мордков Фрейденберг, пинский мещанин Мовша Гиршев Айзенберг, жлобинский мещанин Евсей Львович Вильнер, новомиргородский мещанин Хаим Иосифович Гольберг, студент Новороссийского университета Вениамин Меерович Штейн, николаевская мещанка Хана Менделеева Серебряная, Ита Моисеевна Шапиро, Клара Исааковна Литовская, Хана Израилевна Гольдерман, аптекарский ученик Иось-Цалик Ицков Мовергзон, Анна Яковлевна Аберзон, Полина Григорьевна Дыбнова, Герш Маркович Фрейденберг.

При произведенных обысках у Розалии Ауздайчер и Ханы Серебряной найдена нелегальная литература. Опрошенный помощником полицмейстера Савиным Абрам Дрезнин объяснил, что лица, обнаруженные в его квартире вечером 5 марта, есть его знакомые, которые собрались к нему в квартиру совершенно случайно для того, чтобы переговорить по вопросу о еврейском территориальном обществе.

Усматривая в действиях вышеназванных лиц нарушение обязательного постановления, изданного для жителей города Николаева 23 декабря 1905 г. за № 335/17404 п. V, я, с представлением переписки, прошу ваше Превосходительство подвергнуть всех их административному наказанию при тюрьме на три месяца каждого, по отбытии такового наказания, согласно отношению ко мне жандармского ротмистра Ерандакова от 6 марта за № 236, Дрезнина, Ауздайчер, Серебряную и Штейна выдворить из города Николаева, согласно п. 6 ст. 19 военного положения, докладывая при этом, что Дрезнин состоит учителем казенного 2-х классного еврейского училища, а Хаим Гольберг и Евсей Вильнер – учениками средне-механико-технического училища.

Полицмейстер Подгорный

[138, л. 234].

*Из «Отчета Николаевского коммерческого училища
имени Статс-Секретаря С.Ю. Витте за 1908-1909 учебный год
(шестой год существования)»*

Немало стараний было приложено Попечительным советом, чтобы увеличить определенную уставом Николаевского коммерческого училища процентную норму учащихся иудейского вероисповедания. Увеличение этой процентной нормы является... краеугольным камнем благополучия и процветания училища. Пользуясь единственно доступным в этом отношении путем, путем ходатайств, Попечительный совет обращается с таковыми как непосредственно к Министерству торговли и промышленности, так и к естественному покровителю училища графу С.Ю. Витте с просьбой поддержать его ходатайство перед названным министерством. Но все эти старания не дали никаких утешительных результатов: предписание Министра торговли и промышленности строго придерживаться пятидесятипроцентной нормы для детей иудейского вероисповедания оставлено в полной силе.

[377, с. 10].

***Из «Отчета правления общества попечения о бедных и
бесприютных еврейских детях г. Николаева за 1912 год»***

Попечительство по оказанию пособия недостаточным еврейским детям,
учащимся в местных учебных заведениях

Уплатено за обучение в 1 и 2 полугодиях 1912 г.

за 15 учениц в Мариинскую гимназию	165 руб.
за 10 учениц во вторую женскую гимназию	130 руб.
за 44 ученицы в третью женскую гимназию	550 руб.
за 21 ученицу в гимназию г-жи Рабинович	235 руб.
за 22 ученицы в женское коммерческое училище	242 руб.
за 34 учащихся в городское училище	247 руб.
за 3 учащихся в классическую гимназию	45 руб.
за 4 учащихся в реальное училище	60 руб.
за 2 учащихся в гимназию Веревского	20 руб.
за 1 учащегося в гимназию Березовского	30 руб.
за 8 учащихся в средне-механич. техническое училище	91 руб.
за 2 учащихся в коммерческое училище им. Витте	15 руб.
за 9 учащихся в Императорское музыкальное училище	93 руб.
за 4 учащихся в фельдшерско-акушерскую школу	55 руб.
за 1 ученицу в фельдшерскую школу при евр. больнице	10 руб.
за 2 учениц в торговую школу Чулковой	35 руб.
за 1 ученика в зубоврачебную школу	35 руб.
за 1 ученицу в профессиональную школу Зиновой	5 руб.
 Итого за 184 учащихся	 2063 руб.

[382, с. 34-35].

Ево Превосходительству Господину
Градоначальнику города Николаева

Довожу до вашаво сведения, что у Ицки Леута, живущаго на Потемкинской (в) доме Ходжаша № 86, находится семейство, состоящие из матери, сына и дочери. Фамилия натанзон, которые сюда приехали в 1909 году и не смотря (на это) продолжают жить в Николаеве.

Верно Поданный

(сохранена орфография документа)

На документ наложена виза (градоначальника): *Полицмейстеру расследовать, донести 10.VIII (1912 г.)*

Совершенно секретно

Поручаю приставу Московской части лично проверить право жительства означенного в сем семейства Натанзон и если окажется, что семейство не имеет права жительства в Николаеве, то немедленно выслать из Николаева и мне донести.

августа 17 дня 1912 г.

Полицмейстер *(подпись)*

[155, л. 213].

Министерство народного просвещения
 Одесский учебный округ
 Директор
 Александровского
 Средне-семиклассного
 механико-технического училища
 16 сентября дня 1912 г.
 г. Александровск
 Екатеринославской губернии

Его Высокородию господину градоначальнику
 г. Николаева

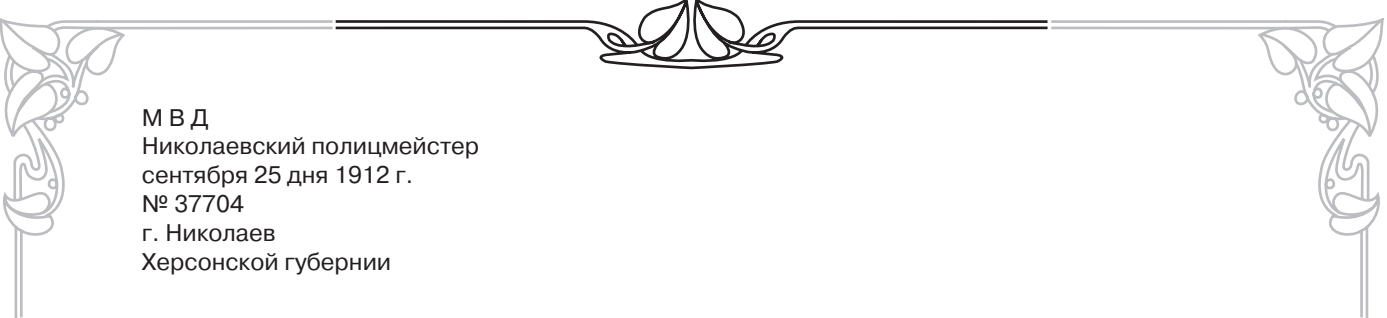
В дополнение к телеграмме от 14 текущего сентября, имею честь сообщить, что Вашему Высокородию, что абитуриенты вверенного мне училища проходят, наряду с теоретическими предметами, также и ремесла, работая в течение 4-х лет в учебных мастерских училища...

На основании выдаваемого им по окончании курса аттестата, абитуриенты Александровского технического училища получают звание техника после 2-х летней практической деятельности на заводах. Для получения этого звания Горинштейн поступил на завод в Николаеве.

Ремесленные мастера иудейского вероисповедания пользуются правом повсеместного жительства, абитуриенты же технического училища обладают знанием ремесла и технической подготовкой значительно более высокой степени, нежели простой ремесленный мастер.

Ввиду вышеизложенного, имею честь покорнейше просить Ваше Высокородие разрешить абитуриенту вверенного мне училища Иегуде Горинштейну иудейского вероисповедания дальнейшее проживание в г. Николаеве для продолжения технических и чертежных занятий на заводе, иначе он не будет в состоянии воспользоваться правом получения звания техника, предоставленным ему на осн. Ст. 1904 т. IX части I Св. Зак. Рос. Имп. изд. 1893 г.

Директор *(подпись)*

М В Д
Николаевский полицмейстер
сентября 25 дня 1912 г.
№ 37704
г. Николаев
Херсонской губернии

Николаевскому градоначальнику

Рапорт

Во исполнение резолюции Вашего Превосходительства, положенной на прошение херсонского мещанина Егуды Горинштейна, ходатайствующего о разрешении ему жить в гор. Николаеве для продолжения технических и чертежных занятий на местных судостроительных заводах, доношу, что за отсутствием в законе указаний на случаи, коими Горинштейн мотивирует свое право жительства в гор. Николаеве, я не нахожу оснований к удовлетворению его просьбы, тем более, что заводы имеются и в местностях еврейской оседлости.

Полицмейстер (*подпись*)

На документ наложена резолюция (градоначальника):
Ходатайство отклонить 27. IX

[155, л. 87, 92].

М В Д
Николаевский полицмейстер
августа 14 дня 1913 г.
№ 27155
г. Николаев
Херсонской губернии

Николаевскому градоначальнику

Во исполнение резолюции Вашего Превосходительства, положенной на прошение еврея Мортки Гальперина, ходатайствующего о разрешении ему жительства в гор. Николаеве, как поселившемуся до 1 августа 1906 года, не считая препятствием временной отлучки его из гор. Николаева, доношу, что, как оказалось, Гальперин поведения хорошего, сведений о его судимости не имеется. Поселился он на жительство в Николаеве до 1 августа 1906 года, но с 25 октября 1912 г. по 25 мая сего 1913 г. – отсутствовал в гор. Николаеве со своей семьей, ввиду болезни его сына Якова, которого врачом было предписано вывезти временно из Николаева в надежде, что перемена места жительства благотворно подействует на больного. Все же имущество просителя, как удостоверили свидетели, оставалось в Николаеве, в доме, где он проживал, а также и теперь проживает, а квартиру ликвидировал, почему я полагаю бы в ходатайстве Гальперину отказать.

Полицмейстер *(подпись)*

На документ наложена резолюция (градоначальника):

Разрешить остаться 21.VIII

[154, л. 443].

Показатели смертности, рождаемости и естественного прироста еврейского населения в Николаеве*

годы	все население города							в т. ч. еврейское население						
	всего	умерших	Умерших на I тыс.	родившихся	родившихся на I тыс.	естественный прирост	%	всего	умерших	Умерших на I тыс.	родившихся	родившихся на I тыс.	естественный прирост	%
1870	52318	1608	30,8	3322	63,5	1714	3,3	4796	65	13,6	215	44,8	150	3,1
1880	69893	2099	30,03	2724	39	625	0,9	9462	187	19,8	446	47,1	259	2,7
1894	78157	2318	29,7	3358	43	1040	1,3	14187	321	22,6	666	46,9	345	2,4
1895	78483	2355	30	3486	44,4	1131	1,4	14658	323	22	794	54,2	471	3,2
1897	81480	2626	32,2	3772	46,3	1146	1,4	15407	383	24,8	783	50,8	400	2,6
1898	82015	2831	34,5	3926	47,8	1095	1,3	15769	465	29,5	837	53,1	372	2,4
1899	84338	2839	33,7	4225	50,1	1386	1,6	16215	439	27,1	891	54,9	452	2,8
1900	85383	2700	31,6	4081	47,8	1381	1,6	16487	426	25,8	838	50,8	412	2,5
1902	97753	2264	23,2	3820	39,1	1556	1,6	19622	450	22,9	809	41,2	359	1,8
1903	99002	2581	26,1	3830	38,7	1249	1,3	19948	488	24,5	814	40,8	326	1,6
1906	100597	2385	23,7	3948	39,2	1563	1,6	19310	395	20,5	684	35,4	289	1,5
1908	102036	2839	27,8	3877	38	1038	1	19679	412	20,9	599	30,4	187	0,95
1912	109592	2149	19,6	4104	37,4	1955	1,8	20908	409	19,6	577	27,7	68	0,3
1913	111470	3310	28,9	4600	41,42	1290	1,2	20998	387	18,4	469	22,33	82	0,4
1914	117579	3289	27,9	4716	40,1	1427	1,2	21212	358	16,8	456	21,4	98	0,5

* подсчеты авторов.

[294, л. 3-24; 282, л. 24-53; 346; 354-366].

**СПИСОК ИСТОЧНИКОВ
И ЛИТЕРАТУРЫ**

1. Архивные документы

***The Central Archive for the History of the Jewish People.
Givat Ram. Jerusalem***

1. File No Ru – 407	4. File No HM 2/8451.3
2. File No Ru – 461	5. File No HM 2/8452.16
3. File No Ru – 535	

***Центральный государственный исторический
архив Украины в г. Киеве***

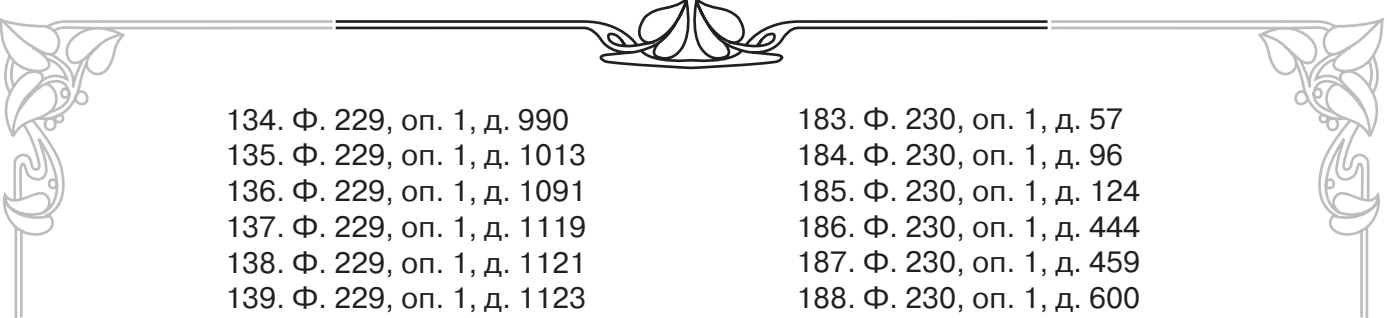
6. Ф. 356, оп. 1, д. 180	8. Ф. 356, оп. 1, д. 473
7. Ф. 356, оп. 1, д. 472	9. Ф. 356, оп. 1, д. 484

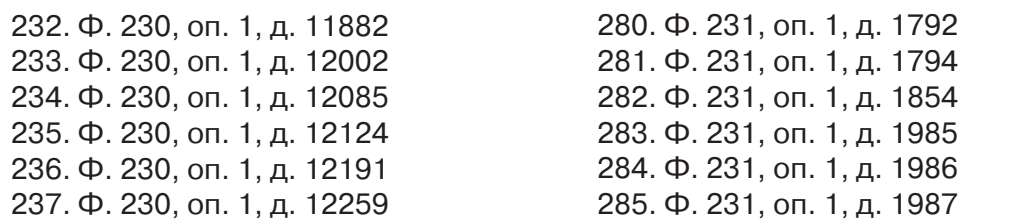
Государственный архив Николаевской области

10. Ф. 129, оп. 1, д. 3	23. Ф. 131, оп. 1, д. 403
11. Ф. 129, оп. 1, д. 6	24. Ф. 131, оп. 1, д. 508
12. Ф. 131, оп. 1, д. 6	25. Ф. 131, оп. 1, д. 922
13. Ф. 131, оп. 1, д. 9	26. Ф. 131, оп. 1, д. 945
14. Ф. 131, оп. 1, д. 22	27. Ф. 133, оп. 1, д. 833
15. Ф. 131, оп. 1, д. 38	28. Ф. 135, оп. 1, д. 961
16. Ф. 131, оп. 1, д. 45	29. Ф. 216, оп. 1, д. 32
17. Ф. 131, оп. 1, д. 71	30. Ф. 216, оп. 1, д. 39
18. Ф. 131, оп. 1, д. 89	31. Ф. 216, оп. 1, д. 42
19. Ф. 131, оп. 1, д. 123	32. Ф. 216, оп. 1, д. 46
20. Ф. 131, оп. 1, д. 160	33. Ф. 216, оп. 1, д. 226
21. Ф. 131, оп. 1, д. 302	34. Ф. 216, оп. 1, д. 228
22. Ф. 131, оп. 1, д. 275	35. Ф. 216, оп. 1, д. 257

36. Ф. 216, оп. 1, д. 268
37. Ф. 216, оп. 1, д. 275
38. Ф. 216, оп. 1, д. 277
39. Ф. 216, оп. 1, д. 314
40. Ф. 216, оп. 1, д. 595
41. Ф. 216, оп. 1, д. 630
42. Ф. 216, оп. 1, д. 715
43. Ф. 216, оп. 1, д. 716
44. Ф. 216, оп. 1, д. 740
45. Ф. 216, оп. 1, д. 832
46. Ф. 216, оп. 1, д. 1037
47. Ф. 216, оп. 1, д. 1112
48. Ф. 216, оп. 1, д. 1235
49. Ф. 216, оп. 1, д. 1266
50. Ф. 216, оп. 1, д. 1467
51. Ф. 216, оп. 1, д. 1828
52. Ф. 216, оп. 1, д. 3232
53. Ф. 216, оп. 2, д. 1
54. Ф. 216, оп. 2, д. 18
55. Ф. 216, оп. 2, д. 24
56. Ф. 222, оп. 1, д. 229
57. Ф. 222, оп. 1, д. 237
58. Ф. 222, оп. 1, д. 286
59. Ф. 222, оп. 1, д. 351
60. Ф. 222, оп. 1, д. 374
61. Ф. 222, оп. 1, д. 459
62. Ф. 222, оп. 1, д. 587
63. Ф. 222, оп. 1, д. 623
64. Ф. 222, оп. 1, д. 654
65. Ф. 222, оп. 1, д. 683
66. Ф. 222, оп. 1, д. 705
67. Ф. 222, оп. 1, д. 708
68. Ф. 222, оп. 1, д. 757
69. Ф. 222, оп. 1, д. 768
70. Ф. 222, оп. 1, д. 826
71. Ф. 222, оп. 1, д. 845
72. Ф. 222, оп. 1, д. 926
73. Ф. 222, оп. 1, д. 986
74. Ф. 222, оп. 1, д. 1016
75. Ф. 222, оп. 1, д. 1090
76. Ф. 222, оп. 1, д. 1091
77. Ф. 222, оп. 1, д. 1092
78. Ф. 222, оп. 1, д. 1093
79. Ф. 222, оп. 1, д. 1176
80. Ф. 222, оп. 1, д. 1189
81. Ф. 222, оп. 1, д. 1274
82. Ф. 222, оп. 1, д. 1281
83. Ф. 222, оп. 1, д. 1311
84. Ф. 222, оп. 1, д. 1361

85. Ф. 222, оп. 1, д. 1375
86. Ф. 222, оп. 1, д. 1442
87. Ф. 222, оп. 1, д. 1490
88. Ф. 222, оп. 1, д. 1525
89. Ф. 222, оп. 1, д. 1627
90. Ф. 222, оп. 1, д. 1628
91. Ф. 222, оп. 1, д. 1647
92. Ф. 222, оп. 2, д. 4
93. Ф. 222, оп. 2, д. 15
94. Ф. 229, оп. 1, д. 19
95. Ф. 229, оп. 1, д. 35
96. Ф. 229, оп. 1, д. 48
97. Ф. 229, оп. 1, д. 57
98. Ф. 229, оп. 1, д. 59
99. Ф. 229, оп. 1, д. 63
100. Ф. 229, оп. 1, д. 81
101. Ф. 229, оп. 1, д. 83
102. Ф. 229, оп. 1, д. 119
103. Ф. 229, оп. 1, д. 137
104. Ф. 229, оп. 1, д. 138
105. Ф. 229, оп. 1, д. 148
106. Ф. 229, оп. 1, д. 157
107. Ф. 229, оп. 1, д. 161
108. Ф. 229, оп. 1, д. 169
109. Ф. 229, оп. 1, д. 184
110. Ф. 229, оп. 1, д. 225
111. Ф. 229, оп. 1, д. 285
112. Ф. 229, оп. 1, д. 300
113. Ф. 229, оп. 1, д. 327
114. Ф. 229, оп. 1, д. 334
115. Ф. 229, оп. 1, д. 339
116. Ф. 229, оп. 1, д. 351
117. Ф. 229, оп. 1, д. 352
118. Ф. 229, оп. 1, д. 368
119. Ф. 229, оп. 1, д. 376
120. Ф. 229, оп. 1, д. 379
121. Ф. 229, оп. 1, д. 497
122. Ф. 229, оп. 1, д. 505
123. Ф. 229, оп. 1, д. 514
124. Ф. 229, оп. 1, д. 549
125. Ф. 229, оп. 1, д. 576
126. Ф. 229, оп. 1, д. 718
127. Ф. 229, оп. 1, д. 723
128. Ф. 229, оп. 1, д. 757
129. Ф. 229, оп. 1, д. 797
130. Ф. 229, оп. 1, д. 891
131. Ф. 229, оп. 1, д. 892
132. Ф. 229, оп. 1, д. 917
133. Ф. 229, оп. 1, д. 987

-
134. Ф. 229, оп. 1, д. 990
135. Ф. 229, оп. 1, д. 1013
136. Ф. 229, оп. 1, д. 1091
137. Ф. 229, оп. 1, д. 1119
138. Ф. 229, оп. 1, д. 1121
139. Ф. 229, оп. 1, д. 1123
140. Ф. 229, оп. 1, д. 1127
141. Ф. 229, оп. 1, д. 1153
142. Ф. 229, оп. 1, д. 1194
143. Ф. 229, оп. 1, д. 1315
144. Ф. 229, оп. 1, д. 1315
145. Ф. 229, оп. 1, д. 1361
146. Ф. 229, оп. 1, д. 1369
147. Ф. 229, оп. 1, д. 1434
148. Ф. 229, оп. 1, д. 1462
149. Ф. 229, оп. 1, д. 1474
150. Ф. 229, оп. 1, д. 1477
151. Ф. 229, оп. 1, д. 1537
152. Ф. 229, оп. 1, д. 1555
153. Ф. 229, оп. 1, д. 1595
154. Ф. 229, оп. 1, д. 1596
155. Ф. 229, оп. 1, д. 1597
156. Ф. 229, оп. 1, д. 1599
157. Ф. 229, оп. 1, д. 1620
158. Ф. 229, оп. 1, д. 1622
159. Ф. 229, оп. 1, д. 1637
160. Ф. 229, оп. 1, д. 1653
161. Ф. 229, оп. 1, д. 1667
162. Ф. 229, оп. 1, д. 1723
163. Ф. 229, оп. 1, д. 1807
164. Ф. 229, оп. 1, д. 1960
165. Ф. 229, оп. 1, д. 1962
166. Ф. 229, оп. 1, д. 2053
167. Ф. 229, оп. 4, д. 3
168. Ф. 229, оп. 4, д. 30
169. Ф. 229, оп. 4, д. 54
170. Ф. 229, оп. 4, д. 58
171. Ф. 229, оп. 4, д. 67
172. Ф. 229, оп. 4, д. 86
173. Ф. 229, оп. 4, д. 87
174. Ф. 229, оп. 4, д. 250
175. Ф. 229, оп. 4, д. 253
176. Ф. 229, оп. 4, д. 255
177. Ф. 229, оп. 4, д. 256
178. Ф. 229, оп. 4, д. 265
179. Ф. 229, оп. 4, д. 266
180. Ф. 229, оп. 4, д. 300
181. Ф. 229, оп. 4, д. 433
182. Ф. 230, оп. 1, д. 30
183. Ф. 230, оп. 1, д. 57
184. Ф. 230, оп. 1, д. 96
185. Ф. 230, оп. 1, д. 124
186. Ф. 230, оп. 1, д. 444
187. Ф. 230, оп. 1, д. 459
188. Ф. 230, оп. 1, д. 600
189. Ф. 230, оп. 1, д. 618
190. Ф. 230, оп. 1, д. 1031
191. Ф. 230, оп. 1, д. 1078
192. Ф. 230, оп. 1, д. 1342
193. Ф. 230, оп. 1, д. 1378
194. Ф. 230, оп. 1, д. 1902
195. Ф. 230, оп. 1, д. 2725
196. Ф. 230, оп. 1, д. 2647
197. Ф. 230, оп. 1, д. 3351
198. Ф. 230, оп. 1, д. 3353
199. Ф. 230, оп. 1, д. 3395
200. Ф. 230, оп. 1, д. 3474
201. Ф. 230, оп. 1, д. 3568
202. Ф. 230, оп. 1, д. 3705
203. Ф. 230, оп. 1, д. 3784
204. Ф. 230, оп. 1, д. 3808
205. Ф. 230, оп. 1, д. 4072
206. Ф. 230, оп. 1, д. 4100
207. Ф. 230, оп. 1, д. 5023
208. Ф. 230, оп. 1, д. 5359
209. Ф. 230, оп. 1, д. 7038
210. Ф. 230, оп. 1, д. 7273
211. Ф. 230, оп. 1, д. 7298
212. Ф. 230, оп. 1, д. 7618
213. Ф. 230, оп. 1, д. 7913
214. Ф. 230, оп. 1, д. 8108
215. Ф. 230, оп. 1, д. 8540
216. Ф. 230, оп. 1, д. 8625
217. Ф. 230, оп. 1, д. 8655
218. Ф. 230, оп. 1, д. 8796
219. Ф. 230, оп. 1, д. 9293
220. Ф. 230, оп. 1, д. 9623
221. Ф. 230, оп. 1, д. 9632
222. Ф. 230, оп. 1, д. 9639
223. Ф. 230, оп. 1, д. 10511
224. Ф. 230, оп. 1, д. 10734
225. Ф. 230, оп. 1, д. 10955
226. Ф. 230, оп. 1, д. 11124
227. Ф. 230, оп. 1, д. 11205
228. Ф. 230, оп. 1, д. 11436a
229. Ф. 230, оп. 1, д. 11437
230. Ф. 230, оп. 1, д. 11515
231. Ф. 230, оп. 1, д. 11730

-
232. Ф. 230, оп. 1, д. 11882
233. Ф. 230, оп. 1, д. 12002
234. Ф. 230, оп. 1, д. 12085
235. Ф. 230, оп. 1, д. 12124
236. Ф. 230, оп. 1, д. 12191
237. Ф. 230, оп. 1, д. 12259
238. Ф. 230, оп. 1, д. 12262
239. Ф. 230, оп. 1, д. 12347
240. Ф. 230, оп. 1, д. 12458
241. Ф. 230, оп. 1, д. 12492
242. Ф. 230, оп. 1, д. 12547
243. Ф. 230, оп. 1, д. 12562
244. Ф. 230, оп. 1, д. 12582
245. Ф. 230, оп. 1, д. 12638
246. Ф. 230, оп. 1, д. 12739
247. Ф. 230, оп. 1, д. 12798
248. Ф. 230, оп. 1, д. 12933
249. Ф. 230, оп. 1, д. 12945
250. Ф. 230, оп. 1, д. 12798
251. Ф. 230, оп. 1, д. 13104
252. Ф. 230, оп. 1, д. 13123
253. Ф. 230, оп. 1, д. 13178
254. Ф. 230, оп. 1, д. 13191
255. Ф. 230, оп. 1, д. 13263
256. Ф. 230, оп. 1, д. 13298
257. Ф. 230, оп. 1, д. 13566
258. Ф. 230, оп. 1, д. 13727
259. Ф. 230, оп. 1, д. 14216
260. Ф. 230, оп. 1, д. 14407
261. Ф. 230, оп. 1, д. 14427
262. Ф. 230, оп. 1, д. 14473
263. Ф. 230, оп. 2, д. 15
264. Ф. 230, оп. 3, д. 112
265. Ф. 231, оп. 1, д. 132
266. Ф. 231, оп. 1, д. 275
267. Ф. 231, оп. 1, д. 723
268. Ф. 231, оп. 1, д. 1276
269. Ф. 231, оп. 1, д. 1301
270. Ф. 231, оп. 1, д. 1346
271. Ф. 231, оп. 1, д. 1347
272. Ф. 231, оп. 1, д. 1353
273. Ф. 231, оп. 1, д. 1360
274. Ф. 231, оп. 1, д. 1393
275. Ф. 231, оп. 1, д. 1394
276. Ф. 231, оп. 1, д. 1427
277. Ф. 231, оп. 1, д. 1548
278. Ф. 231, оп. 1, д. 1644
279. Ф. 231, оп. 1, д. 1791
280. Ф. 231, оп. 1, д. 1792
281. Ф. 231, оп. 1, д. 1794
282. Ф. 231, оп. 1, д. 1854
283. Ф. 231, оп. 1, д. 1985
284. Ф. 231, оп. 1, д. 1986
285. Ф. 231, оп. 1, д. 1987
286. Ф. 231, оп. 1, д. 1945
287. Ф. 231, оп. 1, д. 1994
288. Ф. 231, оп. 1, д. 2014
289. Ф. 231, оп. 1, д. 2245
290. Ф. 231, оп. 1, д. 2246
291. Ф. 231, оп. 1, д. 2268
292. Ф. 231, оп. 1, д. 2274
293. Ф. 239, оп. 1, д. 44
294. Ф. 239, оп. 1, д. 58
295. Ф. 239, оп. 1, д. 78
296. Ф. 239, оп. 1, д. 117
297. Ф. 239, оп. 1, д. 151
298. Ф. 243, оп. 1, д. 6
299. Ф. 243, оп. 1, д. 28
300. Ф. 243, оп. 1, д. 31
301. Ф. 243, оп. 1, д. 89
302. Ф. 243, оп. 1, д. 99
303. Ф. 269, оп. 1, д. 9
304. Ф. 269, оп. 1, д. 11
305. Ф. 269, оп. 1, д. 18
306. Ф. 280, оп. 1, д. 7
307. Ф. 280, оп. 1, д. 9
308. Ф. 280, оп. 1, д. 10
309. Ф. 280, оп. 1, д. 21
310. Ф. 280, оп. 1, д. 27
311. Ф. 280, оп. 1, д. 36
312. Ф. 297, оп. 1, д. 88
313. Ф. 297, оп. 3, д. 1
314. Ф. 297, оп. 3, д. 31
315. Ф. 300, оп. 2, д. 4
316. Ф. 300, оп. 2, д. 10-27
317. Ф. 300, оп. 2, д. 28
318. Ф. 300, оп. 2, д. 31
319. Ф. 442, оп. 1, д. 49
320. Ф. 479, оп. 1, д. 31
321. Ф. 484, оп. 1, д. 1486
322. Ф. 484, оп. 1, д. 1520
323. Ф. 484, оп. 1, д. 1521
324. Ф. 484, оп. 1, д. 1522
325. Ф. 484, оп. 1, д. 1523
326. Ф.Р. 152, оп. 1, д. 140
327. Ф.Р. 5859, оп. 2, д. 5555-a

Государственный архив Одесской области

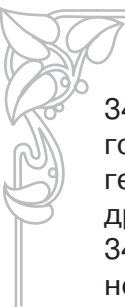
328. Ф.1, оп. 248, д. 1588
329. Ф.1, оп. 248, д. 3334
330. Ф.5, оп. 1, д. 193
331. Ф.5, оп. 1, д. 1528
331. Ф.5, оп. 1, д. 1528

Государственный архив Херсонской области

332. Ф. 1, оп. 1, д. 19
333. Ф. 5, оп. 1, д. 1

2. Законодательные и нормативные акты, опубликованные документы и материалы

334. Гимпельсон Я.И. Законы о евреях. Систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями Правительствующего Сената и центральных правительственных учреждений. В 2-х частях. – СПб., 1914.
335. Евреи Одессы и Юга Украины: История в документах / Авт.-сост. Л.Г. Белоусова, Т.Е. Волкова. – Одесса: ООО «Студия «Негоциант», 2002. – (Труды Гос. Архива Одесской области. Т. VII). Кн. I. (Кон. XVII – нач. XX вв.)
336. Еврейское население на Николаевщине: Документы и материалы / Ред. П.Н. Тригуб. – Николаев, 1996.
337. Еврейское население на Николаевщине: Документы и материалы / Ред. П.Н. Тригуб. Сост. Л.Л. Левченко, Л.И. Окорокова, А.В. Серединский и др. В 2-х т. – Николаев: Атолл, 2004.
338. Законы о вере и веротерпимости. С приложением свода разъяснений по кассационным решениям Сената / Сост. Я.А. Канторович. – СПб.: Изд. Я.А. Канторовича, 1899.
339. Именовань – город Николаев: историко-краеведческий выпуск. – Николаев: Дикий сад, 1989.
340. Инструкция по раздаче пособий бедным евреям г. Николаева. – Николаев: Русская типолитогр., 1892.
341. Краткий обзор начального народного образования в Херсонской губернии за 1897 год. – Херсон: Паровая типолитогр. О.Д. Ходушиной, 1899.
342. Краткий статистический отчет Николаевского губернаторства (Херс. губ.) за 1876 год. – Николаев: тип. М.В. Рюмина, б/д. (Таблица. – 1 л.).
343. Краткий статистический отчет Николаевского губернаторства (Херс. губ.) за 1877 год. – Николаев: тип. М.В. Рюмина, б/д. (Таблица. – 1 л.).
344. Краткий статистический отчет Николаевского губернаторства (Херс. губ.) за 1878 год. – Николаев: тип. М.В. Рюмина, б/д. (Таблица. – 1 л.).
345. Краткий статистический отчет Николаевского губернаторства (Херс. губ.) за 1879 год. – Николаев: тип. М.В. Рюмина, б/д. (Таблица. – 1 л.).
346. Краткий статистический отчет Николаевского губернаторства (Херс. губ.) за 1880 год. – Николаев: тип. М.В. Рюмина, б/д. (Таблица. – 1 л.).

347. Материалы для истории губернского города Херсона. Ордера Светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, Новороссийского генерал-губернатора // Записки Императорского Одесского Общества истории и древностей. – Т. XI. – Одесса, 1879. – С. 324-377.

348. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Херсонская губерния / Сост. полковник А. Шмидт. – СПб., 1863. – 601 с.

349. Материалы по делу народного образования в Херсонском уезде. Обзор деятельности Земства Херсонского уезда в деле народного образования в период времени 1865-1874 гг. – Херсон: Изд. Херсонского уездного земства, 1875.

350. Народное образование в Херсонской губернии в 1910 году. – Херсон: Изд. Херсонской губернской земской управы, 1912.

351. Национальная политика в императорской России. – Т. 1. Цивилизованные окраины (Финляндия, Польша, Прибалтика, Бессарабия, Украина, Закавказье, Средняя Азия) / Сост. – ред. Ю.И. Семенов. – М., 1997.

352. Николаев с его пригородами и хуторами по переписи, произведенной 27 апреля 1875 года. – Николаев: Изд. Николаевского Статистического Комитета, 1877.

353. Обзор Николаевского военного губернаторства за 1890 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Николаевского военного губернатора. – Николаев: тип. Ю.О. Якубовича, б/д.

354. Обзор Николаевского военного губернаторства за 1894 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Николаевского военного губернатора. – Николаев: Русская типолитогр., 1895.

355. Обзор Николаевского военного губернаторства за 1895 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Николаевского военного губернатора. – Николаев: Русская типолитогр., 1896.

356. Обзор Николаевского военного губернаторства за 1897 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Николаевского военного губернатора. – Николаев: Русская типолитогр., 1898.

357. Обзор Николаевского военного губернаторства за 1898 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Николаевского военного губернатора. – Николаев: Русская типолитогр., 1899.

358. Обзор Николаевского военного губернаторства за 1899 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Николаевского военного губернатора. – Николаев: тип. Л.П. Белолипского, 1900.

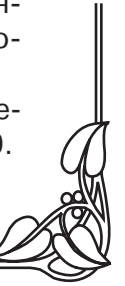

359. Обзор Николаевского градоначальства за 1900 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Николаевского градоначальника. – Николаев: тип. Л.П. Белолипского, 1901.

360. Обзор Николаевского градоначальства за 1902 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Николаевского градоначальника. – Николаев: типолитогр. Якубовича, 1903.

361. Обзор Николаевского градоначальства за 1903 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Николаевского градоначальника. – Николаев: типолитогр. Якубовича, 1904.

362. Обзор Николаевского градоначальства за 1906 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Николаевского градоначальника. – Николаев: типолитогр. Якубовича, 1907 г.

363. Обзор Николаевского градоначальства за 1908 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Николаевского градоначальника. – Николаев: типолитогр. Якубовича, 1909.

364. Обзор Николаевского градоначальства за 1912 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Николаевского градоначальника. – Николаев: типолитогр. Л. и И. Белолипских, 1913.

365. Обзор Николаевского градоначальства за 1913 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Николаевского градоначальника. – Николаев: типолитогр. Л. и И. Белолипских, 1914.

366. Обзор Николаевского градоначальства за 1914 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Николаевского градоначальника. – Николаев: типолитогр. Л. и И. Белолипских, 1915.

367. Отчет директора народных училищ Херсонской губернии о состоянии училищ дирекции в 1890 году. – Херсон: Изд. Херсонского Губернского Земства, 1891.

368. Отчет Николаевских школ грамотности, учрежденных в 1861 году, за 1903 год. – Николаев: типолитогр. Якубовича, 1904.

369. Отчет Николаевских школ грамотности за 1905 год. – Николаев: типолитогр. Л. и И. Белолипских, 1906.

370. Отчет Николаевских школ грамотности, учрежденных в 1861 году, за 1906 год. – Николаев: типолитогр. Л. и И. Белолипских, 1907.

371. Отчет Николаевских школ грамотности за 1907 год. – Николаев: тип. Е.И. Дорфмана, 1908.

372. Отчет Николаевских школ грамотности за 1908 год, учрежденных в 1861 году. – Николаев: тип. Е.И. Дорфмана, 1909.

373. Отчет Николаевских школ грамотности за 1909 год, учрежденных в 1861 году. – Николаев: типолитогр. Якубовича, 1910.

374. Отчет Николаевского коммерческого училища имени Статс-секретаря графа С.Ю. Витте за 1903-1904 учебный год. (Первый год существования). – Николаев: тип. А.Г. Шнейдера, 1904.

375. Отчет Николаевского коммерческого училища имени Статс-секретаря графа С.Ю. Витте за 1904-1905 учебный год. (Второй год существования). – Николаев: тип. А.Г. Шнейдера, 1906.

376. Отчет Николаевского коммерческого училища имени Статс-секретаря графа С.Ю. Витте за 1905-1906 учебный год. (Третий год существования). – Николаев: тип. А.Г. Шнейдера, 1907.

377. Отчет Николаевского коммерческого училища имени Статс-секретаря графа С.Ю. Витте за 1908-1909 учебный год. (Шестой год существования). – Николаев: тип. А.Г. Шнейдера, 1910.

378. Отчет Николаевского коммерческого училища имени Статс-секретаря графа С.Ю. Витте за 1909-1910 учебный год. (Седьмой год существования). – Николаев, 1910.

379. Отчет Николаевского Ремесленного и Мелкоторгового Ссудно-сберегательного товарищества за 1909 г. – Николаев. 1910.

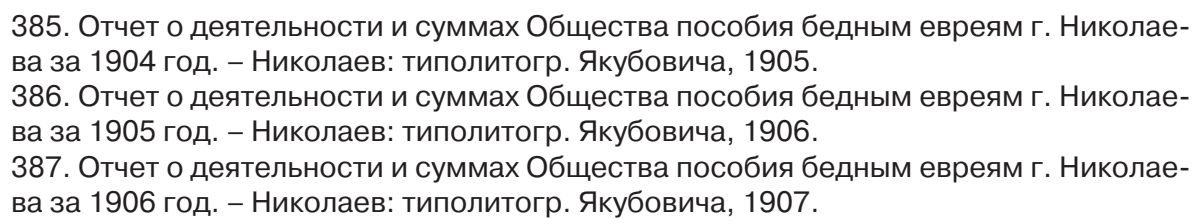
380. Отчет о движении сумм Николаевского собрания за 1910-1911 клубный год. – Николаев: типолитогр. Якубовича, 1911.

381. Отчет о действиях кораблестроительного департамента Морского министерства за 1860 год. – СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1861.

382. Отчет о действиях кораблестроительного департамента Морского министерства за 1861 год. – СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1862.

383. Отчет о деятельности и суммах Общества пособия бедным евреям г. Николаева за 1902 год. – Николаев: типолитогр. Якубовича, 1903.

384. Отчет о деятельности и суммах Общества пособия бедным евреям г. Николаева за 1903 год. – Николаев: типолитогр. Якубовича, 1904.

-
385. Отчет о деятельности и суммах Общества пособия бедным евреям г. Николаева за 1904 год. – Николаев: типолитогр. Якубовича, 1905.
386. Отчет о деятельности и суммах Общества пособия бедным евреям г. Николаева за 1905 год. – Николаев: типолитогр. Якубовича, 1906.
387. Отчет о деятельности и суммах Общества пособия бедным евреям г. Николаева за 1906 год. – Николаев: типолитогр. Якубовича, 1907.
388. Отчет о деятельности и суммах Общества пособия бедным евреям г. Николаева за 1907 год. – Николаев: типолитогр. Якубовича, 1908.
389. Отчет о деятельности и суммах Общества пособия бедным евреям г. Николаева за 1908 год. – Николаев: типолитогр. Якубовича, 1909.
390. Отчет о деятельности и суммах Общества пособия бедным евреям г. Николаева за 1909 год. – Николаев: типолитогр. Якубовича, 1910.
391. Отчет о деятельности и суммах Общества пособия бедным евреям г. Николаева за 1911 год. – Николаев: тип. Я.Н. Губермана, 1912.
392. Отчет о деятельности Николаевского комитета Общества охранения здоровья еврейского населения по сбору пожертвований в пользу беженцев евреев за 1915 год. – Николаев: тип. Е.И. Дорфмана, 1916.
393. Отчет о приходе и расходе сумм, поступающих на содержание Николаевской еврейской больницы за 1914-1915 года. – Николаев: тип. Я. Губермана, 1916.
394. Отчет правления Общества пособия бедствующим из евреев коммерческим служащим и мелким торговцам г. Николаева за 1905 год. Год второй. – Николаев: Русская паровая типолитогр., 1906.
395. Отчет правления Общества пособия бедствующим из евреев коммерческим служащим и мелким торговцам г. Николаева за 1906 год. Год третий. – Николаев: типолитогр. Якубовича, 1907.
396. Отчет правления Общества пособия бедствующим из евреев коммерческим служащим и мелким торговцам г. Николаева за 1907 год. Год четвертый. – Николаев: Русская типолитогр., 1908.
397. Отчет правления Общества пособия бедствующим из евреев коммерческим служащим и мелким торговцам г. Николаева за 1908 год. Год пятый. – Николаев: тип. Е.И. Дорфмана, 1909.
398. Отчет правления Общества пособия бедствующим из евреев коммерческим служащим и мелким торговцам г. Николаева за 1909 год. Год шестой. – Николаев: тип. Е.И. Дорфмана, 1910.
399. Отчет правления Общества пособия бедствующим из евреев коммерческим служащим и мелким торговцам г. Николаева за 1913 год. Год шестой. – Николаев: тип. А.И. Фефербойм, 1914.
400. Отчет правления Общества попечения о бедных и бесприютных еврейских детях г. Николаева за 1910 год. (Год седьмой). – Николаев: электропечатня А.Г. Шнейдера, 1911.
401. Отчет правления Общества попечения о бедных и бесприютных еврейских детях г. Николаева за 1911 год. (Год девятый). – Николаев: тип. А.И. Фефербойм, 1912.
402. Отчет правления Общества попечения о бедных и бесприютных еврейских детях г. Николаева за 1912 год. (Год девятый). – Николаев: тип. А.И. Фефербойм, 1913.
403. Отчет правления Общества попечения о бедных и бесприютных еврейских детях г. Николаева за 1913 год. (Год десятый). – Николаев: тип. А.И. Фефербойм, 1914.

404. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 год. – Т. XLVII. Херсонская губерния / Под ред. Н.А. Тройницкого – СПб.: Изд. Центрального Статистического Комитета, 1904.

405. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. В 45 т. 53 кн. – СПб., 1830-1843.

406. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. В 55 т. 131 кн. – СПб., 1830-1884.

407. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649 до 1873 гг.: Извлечение из Полных собраний законов Российской империи / Сост. В.О. Леванда. – СПб., 1874.

408. Руководство к русским законам о евреях / Сост. М.И. Мыш. – СПб.: тип. А. Бенке, 1914.

409. Свод законов Российской империи. В пяти книгах. – СПб., 1912.

410. Смета доходов и расходов города Николаева на 1898 год. – Николаев: тип. А.Г. Шнейдера, 1897.

411. Смета доходов и расходов города Николаева на 1900 год. – Николаев: тип. А.Г. Шнейдера, 1899.

412. Смета доходов и расходов города Николаева на 1904 год. – Николаев: тип. А.Г. Шнейдера, 1904.

413. Смета доходов и расходов города Николаева на 1906 год. – Николаев: тип. А.Г. Шнейдера, 1906.

414. Смета доходов и расходов города Николаева на 1908 год. – Николаев: тип. А.Г. Шнейдера, 1908.

415. Смета доходов и расходов города Николаева на 1909 год. – Николаев: тип. А.Г. Шнейдера, 1909.

416. Смета доходов и расходов города Николаева на 1915 год. – Николаев: тип. А.Г. Шнейдера, 1915.

417. Смета доходов и расходов города Николаева на 1916 год. – Николаев: тип. А.Г. Шнейдера, 1916.

418. Собрание постановлений и распоряжений Министерства Народного Просвещения, касающихся прохождения курса учениками и ученицами-евреями. / Сост. А. Григораевым. – Одесса, 1901.

419. Собственноручные распоряжения князя Потемкина-Таврического во время второй турецкой войны в царствование императрицы Екатерины II // Записки Императорского Одесского Общества истории и древностей. – Т. II. – Одесса, 1850. – С. 657-776.

420. Список раненым нижним чинам транспорта, прибывшего в Николаев из Севастополя. Апрель-август 1855 г. // Морской сборник. – 1855. – № 7, 8, 11, 12.

421. 1905 год на Николаевщине: Хроника, статьи и материалы по истории революции 1905 года на Николаевщине. – Николаев, 1925.

422. Устав о паспортах / Сост. Л.М. Роговин. – СПб., 1913.

423. Устав Николаевского еврейского человеколюбивого общества. – Николаев: тип. И. и Х. Фефербойм, 1908.

424. Устав Общества богадельни для бедных евреев города Николаева. – Николаев, 1903.

425. Устав Общества пособия бедным евреям города Николаева. – Николаев: тип. А.Г. Шнейдера, 1900.

426. Устав Общества пособия бедствующим из евреев ремесленникам г. Николаева. – Николаев: типолитограф. Якубовича, 1904.

3. Справочные и библиографические издания

427. Адрес-календарь и справочная книга. г. Николаев. На 1900 год. – Николаев, 1899.
428. Адрес-календарь и справочная книга Николаевского Градоначальства на 1902 год. – Николаев: Изд. Канцелярии Николаевского Градоначальника, 1901.
429. Адрес-календарь и справочная книга Николаевского Градоначальства на 1904 год. – Николаев: Изд. Канцелярии Николаевского Градоначальника, 1903.
430. Адрес-календарь и справочная книга Николаевского Градоначальства на 1912 год. – Николаев: Изд. Канцелярии Николаевского Градоначальника, 1911.
431. Адрес-календарь и справочная книга Николаевского Градоначальства на 1913 год. – Николаев: Изд. Канцелярии Николаевского Градоначальника, 1912.
432. Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской империи. – Изд. А.С. Суворина, 1895.
433. Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской Империи. – Т. 2. – Изд. А.С. Суворина, 1899.
434. Державний архів Миколаївської області: Анотований реєстр. – Т. 1. Фонди до-радянського періоду. – Миколаїв, 2006.
435. Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. – М.: Сов. энциклопедия, 1989.
436. Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе, его культуре в прошлом и настоящем / Под ред. А Гаркави, Л. Кацнельсона, в 16 т. – СПб.: Изд. Общества для научных еврейских изданий и изд. Брокгауз-Ефрон, 1906-1913. (CD Book)
437. Календарь и справочная книга города Николаева на 1882 г. – Николаев, 1882.
438. Краткая еврейская энциклопедия: В 11 т. – Иерусалим, 1976 -2003.
439. Крючков Ю.С. Старый Николаев. Топонимический словарь-справочник. – Николаев: Изд. Ирины Гудым, 2008.
440. Николаевцы. Энциклопедический словарь. – Николаев: Возможности Киммерии, 1999.
441. Памятная книга Херсонской губернии на 1911 год. – Херсон, 1911.
442. Памятная книга Херсонской губернии на 1914 год. – Херсон, 1914.
443. Памятная книга Херсонской губернии на 1917 год. – Херсон, 1916.
444. Путеводитель и адрес-календарь города Николаева на 1869 год. – Николаев: Тип. управления Николаевского порта, б/д.
445. Ремесла и промыслы Херсонской губернии. – Херсон, 1905.
446. Электронная еврейская энциклопедия // Ассоциация по исследованию еврейских общин в диаспоре. (Web version) www.eleven.co.il

4. Литература

447. Бабель И. История моей голубятни. Первая любовь // Конармия. Избранные произведения. – К.: Дніпро, 1989. – С. 179-197.
448. Багaley Д.И. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Исторический этюд. – К.: тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1889.
449. Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849-1911 гг. – М.: Мысль, 1991.
450. Владерчук А.Д. Судостроение в Николаеве после Крымской войны в 50-60 гг. XIX века // V Миколаївська обласна краєзнавча конференція. Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження. – Миколаїв, 2004. – С. 150-152.

451. Гайдай О.М. Правовое положение евреев в сфере народного образования в XIX – нач. XX ст.ст. // История еврейского народа: Материалы Шестой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. – Часть 2. – М., 1999. – С. 127-130.

452. Ге. Г.Н. Исторический очерк столетнего существования города Николаева при устье Ингула (1790-1890). – Николаев, 1890.

453. Гессен Ю. История евреев в России. – СПб., 1914.

454. Гессен Ю. История еврейского народа в России.: В 2-х т. – Ленинград, 1925-1927.

455. Гессен Ю. Николаев // Еврейская энциклопедия. – Т.ХІ. – СПб., 1906-1913. – С. 704-707.

456. Гіркий полин історії: масові політичні репресії серед єврейського населення Миколаївської області в 20-50-ті роки ХХ ст. – Вип. 1. – Миколаїв: Атол, 2003.

457. Гольденвейзер А.А. Правовое положение евреев в России // Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г. – М., 2002. – С.115-158.

458. Грабовская В.Н. Знакомые Пушкина кишиневского периода // Временник Пушкинской комиссии. – Вип. 27. – СПб.: Наука, 1996. – С. 132-145.

459. Градовский Н.Д. Торговые и другие права евреев в России в ходе законодательных мер. – М., 1886.

460. Гренібург О.В. Стан демографічної ситуації в Херсонській губернії за працями російських статистиків ХІХ століття // Південний архів. Збірник наукових праць. Історичні науки. – Вип. XXV. – Херсон: Вид. ХДПУ, 2007. – С. 30-37.

461. Гриневич Е. Еврейские адреса Николаева // Запорожские еврейские чтения. Выпуск 4. – Запорожье, 2000. – С. 231-236.

462. Гриневич Е., Гольденберг М. Еврейское образование в Николаеве в середине ХІХ – первой половине ХХ столетий // Шестые Запорожские еврейские чтения. – Запорожье, 2000. – С. 165-172.

463. Гриневич Е.В. К вопросу о еврейских погромах на Николаевщине // IV Миколаївська обласна краєзнавча конференція. Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження. – Миколаїв, 2002. – С. 238-241.

464. Гриневич Е. Деятельность еврейских учебных заведений Николаевщины в 20-30-е годы ХХ столетия // Доля єврейських громад Центральної та Східної Європи в першій половині ХХ століття. Матеріали ХІ Міжнародної наукової конференції. – К., 2003. [WWW-документ] <http://www.judaica.kiev.ua./Conference/Conf2003/50.htm>

465. Гриневич Е.В. Первая любовь Троцкого // VI Миколаївська обласна краєзнавча конференція. Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження. – Миколаїв, 2006. – С. 254-256.

466. Гузенко Ю. І. Діяльність Миколаївського товариства допомоги бідним євреям на початку ХХ століття // III Миколаївська обласна краєзнавча конференція. Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження. – Миколаїв, 2000. – С. 176-183.

467. Гузенко Ю.І. Становлення і діяльність громадських благодійних об'єднань на Півдні України в другій половині ХІХ – на початку ХХ ст.ст. (на матеріалах Херсонської губернії). – Миколаїв: Вид-во «Іліон», 2006.

468. Демчишин К. Еврейская благотворительность Николаева в 1789-1919 гг. // Одиннадцатая ежегодная международная конференция по иудаике. Тезисы докладов. Секция «История еврейской благотворительности. К 90-летию Джойнта». – М., 2004. – С. 3-6.

469. Двадцатипятилетие Николаевского Александровского реального училища (1873-1898 гг.). Историческая записка. – Николаев, 1898.

470. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775-1800 гг. – М.: Наука, 1959.

471. Дружинина Е.И. Южная Украина в период кризиса феодализма 1825-1860 гг. – М.: Наука, 1981.
472. Дубнов С.М. Новейшая история еврейского народа от французской революции до наших дней: В 3-х т. – М., 2002.
473. Дубнов С. Судьбы евреев в России в эпоху западной «первой эмансипации» (1789-1815) // Евреи в Российской империи XVIII – XIX веков. Сборник трудов еврейских историков. – Иерусалим-Москва, 1995. – С. 278-287.
474. Евреи в России: XIX век: А.И. Паперна. Из николаевской эпохи; А.Г. Ковнер. Из записок еврея; Г.Б. Слиозберг. Дела давно минувших дней / Вступ. статья В.Е. Кельнера. – М.: Новое литературное обозрение, 2000.
475. Еланский П.П. Местные исторические монографии. – Николаев: тип. А.Г. Шнейдер, 1869.
476. Зайденоман Л. Правовое положение евреев в России. – СПб: книгоизд. «Голос», 1906.
477. Заковоротный Д.И. Храмы Николаева. – Николаев, 2001.
478. Заковоротный Д.И. Храмы Прибужья. – Николаев: Изд. ЧП «Гудым», 2004.
479. Золотухин А. «Дело» о Дале // Вечерний Николаев, 8 ноября 2001 г.
480. Зубов Б.Н. Развитие кораблестроения на Юге России. – Калининград, 1990.
481. Исторический очерк деятельности Херсонского Губернского земства 1865-1899 гг. – Херсон: Издание Херсонской губернской земской управы, 1904.
482. Історія бібліотеки: Збірник статей до 120-річчя Миколаївської державної обласної наукової бібліотеки ім. О. Гмирьова. – Миколаїв, 2001.
483. История отечественного судостроения IX-XIX вв. В пяти томах. – Т. 1: Парусное деревянное судостроение / В.Д. Доценко, И.В. Богатырев, Г.А. Вахарловский и др. – СПб.: Судостроение, 1994.
484. История судебных учреждений в России. Сочинение Константина Троцины. – СПб, тип. Эдуарда Веймара, 1851. [WWW-документ] // Allpravo.Ru. – 2004.
485. Кабанчик И.Б. Евреи в Украине. Учебно-методические материалы (Приложение к курсам «История Украины» и «Всемирная история»). – Часть 1. – Львов, 2001.
486. Кабузан В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX в. (1715-1858). – М., 1976.
487. Калкутіна Н.В. Стан охорони правопорядку та боротьба з революційним рухом у Миколаєві на початку ХХ ст. // Наукові праці: Науково-методичний журнал. – Т. 48. – Вип. 35. Історичні науки. – Миколаїв: Вид. МДГУ ім. П. Могили, 2006. – С. 96-100.
488. Кандель Ф. Очерки времен и событий: Из истории российских евреев: в 3-х кн. – Иерусалим, 1988-1994.
489. Клигман Л. В дом ремесленника голод не заглядывает // «Мигдаль Times» № 60-61.
490. Клиер Дж. Д. Россия собирает своих евреев. (Происхождение еврейского вопроса в России: 1772-1825. – Москва-Иерусалим, 1999.
491. Ковалева О.Ф., Чистов В.П. Очерки истории культуры Южного Прибужья. (От истоков до начала XX века). В 2-х кн. – Николаев: Тетра, 2000-2001.
492. Коваль Г.П. Миколаївська міська дума як орган місцевого самоврядування (кін. XVIII – поч. ХХ ст.) // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. – Вип. 5. – Запоріжжя, 1999. – С. 159-166.
493. Коган Ф., Гриневиц Е. Черниговская улица моя // Яхад. – 2002. – № 4-5; 2003. – № 7.
494. Коган Ф. Страницы истории еврейской религиозной общины Николаевщины // Яхад. – 2003. – № 12-16.

495. Козлов С. Жизнь, преисполненная смысла // Вечерний Николаев, 19 марта 2002.

496. Конькова А.Ю. Законодательство Российской империи о составлении и оформлении метрических книг // Государство и право – 2000. – № 11. – С. 81-88.

497. Крючков Ю.С. История Николаева. – Николаев: Возможности Киммерии, 1996.

498. Крючков Ю.С. О мичмане Дале сужденном... // Радянське Прибужжя, 9 червня 1998 р.

499. Крючков Ю.С. Алексей Самуилович Грейг 1775-1845. – Николаев, 2001.

500. Крючков Ю.С. Евреи Николаева // Вечерний Николаев, 21 марта 2000 г.

501. Крючков Ю.С. Град святого Николая. Путеводитель по старому Николаеву. – Николаев: Возможности Киммерии, 2003.

502. Крючков Ю.С. Вольные подрядчики-судостроители // Вечерний Николаев, 13 июля 2002 г.

503. Крючков Ю. Храм Весты. Историческое эссе // Крючков Ю.С. На грани веков. Исторические повести. – Николаев: Изд. Ирины Гудым, 2007. – С. 332-404.

504. Кулишер М.И. История русского законодательства о евреях в связи с системой взимания налогов и отбывания повинностей // Еврейская старина. – 1910. – Вып. IV. (Сентябрь-октябрь). – С. 467-503.

505. Левченко Л.Л. Евреї на терені Миколаївського військового губернаторства у ХІХ ст. // Запорожские еврейские чтения. – Вып. 3. – Запорожье, 1999. – С. 17-24.

506. Левченко Л.Л. Судьба евреев в Николаевско-Севастопольском военном губернаторстве в ХІХ в. // Материалы Восьмой Международной Межрегиональной конференции по иудаике. – М., 2001. – С. 39-54.

507. Левченко Л.Л. Статистичний аналіз національного складу населення Миколаївського Військового губернаторства в ХІХ столітті (за матеріалами офіційної статистики) // Наукові праці : Науково-методичний журнал. – Т. 17. – Вип. 4. Історичні науки. – Миколаїв: Вид. МДГУ ім. П. Могили, 2006. – С. 37-42.

508. Левченко Л. Історія Миколаївського і Севастопольського військового губернаторства (1805-1900) – Миколаїв: Вид. МДГУ ім. П. Могили. 2006.

509. Лернер О. Евреи в Новороссийском крае. Исторические очерки. – Одесса, 1901.

510. Лифшиц Ю. Здание синагоги в Николаеве как краеведческая мифологема // Еврейська історія та культура в країнах Центральної та Східної Європи – Еврейське краєзнавство та колекціонування. Матеріали ХІІ Міжнародної конференції. – К., 2004. [WWW документ] <http://www.judaica.kiev.ua/Conference/Conf2004/47-2004.htm>

511. Лукьянов С.А. «Еврейский вопрос» в Российской империи на рубеже ХІХ-ХХ вв. // Закон и право. – 2007. – № 4. – С. 105-107.

512. Мельникова Н. Еврейское образование в Украине в ХІХ – начале ХХ вв. // Запорожские еврейские чтения. – Запорожье, 1998. – Вып. 2. – С. 102-106.

513. Миколаївщина: літопис історичних подій / За редакцією М.М. Шитюка. – Миколаїв, 2002.

514. Міронова І.С., Хаєцький О.П. Національні меншини Миколаївщини // Миколаївщина: шляхами тисячоліть. Обласна науково-практична конференція, присвячена 70-річчю утворення Миколаївської області 15 вересня 2007 року. – Миколаїв, 2007. – С. 111-140.

515. Михаил Леонтьевич Фалеев, или Начало города Николаева. – Николаев: тип. Штаба Главного Командира, 1864.

516. Михайлова Г. Огляд документів Державного архіву Херсонської області «Єврейське населення Херсонщини» // Єврейське населення Півдня України: Історія та сучасність. – Запоріжжя, 1995. – С. 79-82.

517. Миющенко В., Лифанов В. Николаев 1789-1989. Страницы истории. Справочник. – Одесса: «Маяк», 1989.

518. Моргулис М.Г. Коробочный сбор // Еврейская библиотека. Историко-литературный сборник. – СПб.: Общедоступная типография и литография А.Е. Ландау, 1878. – Т. 6. – С. 61-113.

519. Нариси з історії та культури євреїв України / Ред.-упор. Л. Фінберг, В. Любченко. – К.: Дух і Літера, 2005.

520. Непомнящий Б.З. Херсон еврейский. Трагедии и судьбы. – Херсон: Олди-плюс, 2004.

521. Никитин В.И. Николаевская хлебная биржа: прошлое и настоящее. – Николаев, 1993.

522. Николаев. Фотоальбом. – К.: «Мистецтво», 1989.

523. Никольский В. Дело С. Ландау // Николаев за неделю, 21 марта 2008 г. – С. 16.

524. Орлянский С.Ф. Евреи Юга Украины конца XIX – начала XX вв.: социально-политический аспект // Єврейське населення Півдня України. – Запоріжжя, 1995. – С. 28-36.

525. Оршанский И.Г. Русское законодательство о евреях // Еврейская библиотека. Историко-литературный сборник. – СПб.: Общедоступная типография и литография А.Е. Ландау, 1873. – Т. 4. – С. 7-16.

526. Павлюк А. Евреи в экономической жизни Николаева конца XVIII – начала XIX вв. (Ремесленники) // Материалы Девятой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. – М., 2002. – С. 329-331.

527. Павлюк А. Из истории Николаевской таможни // Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження. IV Миколаївська обласна краєзнавча конференція. – Миколаїв: Атол, 2002. – С. 80-82.

528. Павлюк А. Виселення євреїв з Миколаєва згідно з указом Миколи I від 20 вересня 1829 року // Південний архів: Збірник наукових праць. Історичні науки. – Вип. XXII. – Херсон: Вид. ХДУ, 2006. – С. 226-232.

529. Павлюк А. Євреї в економіці міста Миколаєва: хліботоргівля // Південний архів: Збірник наукових праць. Історичні науки. – Вип. XXIII. – Херсон: Вид. ХДУ, 2006. – С. 247-251.

530. Павлюк А.М. Євреї в економіці міста Миколаєва: ремісники // Південний архів: Збірник наукових праць. Історичні науки. – Вип. XXVII. – Херсон: Вид. ХДУ, 2008. – С. 74-78.

531. Пересунько Т. О чем поведал таинственный дом на бывшей Курьерской // Вечерний Николаев, 10 ноября 2005 г.

532. Полищук М. Евреи Одессы и Новороссии. Социально-политическая история евреев Одессы и других городов Новороссии 1881-1904. – М., 2002.

533. Пшеничный (Павлюк) А. Роль евреев в развитии хлеботорговли города Николаева // Материалы Восьмой ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике. Тезисы. – М., 2000. – С. 120.

534. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества / Под ред. В.П.Семенова-Тянь-Шанского. – Т. 14.(Новороссия и Крым) – СПб., 1910.

535. Руденко О.М. До історії єврейської колонізації Новоросії // Матеріали II Миколаївської обласної краєзнавчої конференції. Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження. – Т. II. Історія і культура. – Миколаїв, 1997 – С. 55-57.

536. Руденко О. Характер та напрямки єврейської колонізації у Новоросії // Південна Україна: проблеми історичних досліджень. – Миколаїв, 1998. – С. 144-148.

537. Сартор В. Международные фирмы в Российской империи, 1880-1917 гг. // Ежегодник экономической истории. – М., 2005. – С. 68-81.

538. Сацкий А.Г. Система подрядов Черноморского ведомства // IV Миколаївська обласна краєзнавча конференція: Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження – Миколаїв, 2002. – С. 60-62.
539. Сергиенко Д. Приложение к отчёту об Свято-Успенской церкви пос. Новопсков: Евреи Малороссии. [WWW документ] // <http://disi.org.ua/nav.php>, 19 февраля 2008 23:45:13 GMT.
540. Сінкевич Є., Кузовова Н. Проблеми національної освіти на Півдні України // Південний архів. Збірник наукових праць. Історичні науки. – Вип. VIII. – Херсон: Вид. ХДПУ, 2002. – С. 95-108.
541. Скальковский А.А. Хронологическое описание истории Новороссийского края: В 2-х ч. – Одесса, 1836-1838.
542. Скальковский А.А. Опыт статистического описания Новороссийского края: В 2-х ч. – Одесса, 1850-1853.
543. Соболев П. Єврейські погроми в Миколаєві // Щотижня, 6 вересня 1997 г.
544. Станиславский С.К. Истории колонизации евреев в Новороссии // Восход. – СПб, 1887. Июль-август.
545. Стрельский В.И. История Николаевщины. Часть I. Рукопись. (Отдел литературы по краеведению НОУНБ им. А. Гмырева).
546. Троцкий И.М. Евреи в русской школе // Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г. – М., 2002. – С. 353-364.
547. Хонигсман Я.С., Найман А.Я. Евреи Украины. (Краткий очерк истории). – Часть I. – К., 1992.
548. Хлопинська Л.Д. Із спогадів мандрівника Роберта Кер Портера // Наукові праці: Науково-методичний журнал. – Вип. 2. Історичні науки. – Миколаїв: вид. МФ НаУКМА, 2002. – С. 23-25.
549. Ципперштейн С. Евреи Одессы: История культуры 1794-1881 / Пер. с англ. – М.; Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, 1995.
550. Чередниченко Г. Водолечебница доктора Кенигсберга // Новый век. – 2001. – № 3-4. – С. 80-82.
551. Чистов В.П. Общественная библиотека в Николаеве (страницы истории) // III Миколаївська обласна краєзнавча конференція. Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження. – Миколаїв, 2000. – С. 176-183.
552. Шайкин И.М. История евреев Николаева // Запорожские еврейские чтения. Вып.2. – Запорожье. 1998. – С.130.
553. Шитюк М.М., Щукін В.В. Єврейське населення Херсонської губернії в XIX – на початку XX століть. – Миколаїв: вид. Ірини Гудим, 2008.
554. Шкварець В.П. Єврейське населення на Миколаївщині – сторінки історії // Еврейское население на Николаевщине: Документы и материалы. – Николаев, 1996. – С. 32-34.
555. Шкварець В.П., Мельник М.Ф. Історія рідного краю. Миколаївщина: навчальний посібник. – Миколаїв: вид. МДГУ ім. П. Могили, 2003.
556. Шмидт. А. Херсонская губерния. – СПб, 1863.
557. Штампфер Ш. Дифференциация по половому признаку и женское еврейское образование в Восточной Европе в XIX веке // Еврейское образование. – 2001. – № 2. – С. 119-145.
558. Щукін В.В. Про право поселення та проживання євреїв у м. Миколаєві (XIX – поч. XX ст.) // Актуальні проблеми політики. Збірник наукових праць. – Вип. 12. – Одеса, 2001. – С. 550-559.

559. Щукин В.В. О правовом статусе евреев в Николаеве и Севастополе (кон. XVIII – нач. XX вв.) // Материалы Девятой Ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике. Тезисы. – М, 2002. – С. 178-182.

560. Щукин В.В. Столыпинский циркуляр и второе выселение евреев из Николаева // IV Миколаївська обласна краєзнавча конференція Історія, етнографія, культура. Нові дослідження. – Миколаїв, 2002. – С. 236-237.

561. Щукин В.В. О правовом положении евреев в Николаеве и Севастополе (кон. XVIII – начало XX вв.) // Материалы Девятой ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике. – Часть 1. – М, 2002. – С. 192-202.

562. Щукін В.В. Єврейське населення Миколаєва в кінці XIX ст. (За матеріалами загального перепису населення Російської імперії 1897 р.) // Наукові дослідження в контексті історичних проблем. – Т. 2. Етнокультурні відносини, політика, право та економіка. – Миколаїв-Одеса, 2003. – С. 35-38.

563. Щукин В.В. Евреи и российская система образования в конце XIX – начале XX вв. (По материалам Николаевской области). // Материалы Десятой ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике. – Часть I. – М., 2003. – С. 384-391.

564. Щукін В.В. Дві спроби виселення євреїв з Миколаєва у XIX – на початку XX ст.ст. // Актуальні проблеми вітчизняної та світової історії, історії освіти, науки і техніки. Тези доповідей Міжрегіональної наукової конференції молодих вчених. 17 жовтня 2003 р. – Луганськ, 2003. – С. 58-61.

565. Щукин В.В., Павлюк А.Н. Из истории евреев на Николаевщине в начале XX века // Еврейское население на Николаевщине: Сборник документов и материалов. – Т. 1. – Николаев: Атолл, 2004. – С. 23-38.

566. Щукін В.В., Сугацька Н.В. Особливості дії законодавства Російської імперії по відношенню до євреїв в південноукраїнських землях (кін. XVIII – поч. XX ст.ст.) // Сучасна українська політика. Політики і політологи про неї. – К.; Миколаїв: вид. МДГУ ім. П. Могили, 2004. – С. 83-89.

567. Щукін В.В. Особливості правового становища єврейського населення Новоросійського краю (кін. XVIII – поч. XX ст.ст.) // Історія української науки на межі тисячоліть: Збірник наукових праць / Відп. редактор О.Я. Пилипчук. – Вип. 16. – К., 2004. – С. 251-256.

568. Щукін В.В. Основні тенденції новітньої української історичної гебраїстики // Історичні записки. Збірник наукових праць. – Вип. 3-4. – Луганськ: Вид. СНУ ім. В. Даля, 2004. – С. 182-190.

569. Щукін В.В. Євреї в органах міського самоврядування Новоросійського краю у II половині XIX – поч. XX ст.ст. // Вісник Східноукраїнського національного університету ім. В. Даля. Науковий журнал. – Луганськ, 2005. – № 4(86). – С. 169-174.

570. Щукін В.В. Євреї в земських органах та міських думах Херсонської губернії // Південний архів: Збірник наукових праць. Історичні науки. – Вип. XX. – Херсон: вид. ХДУ, 2005. – С. 51-55.

571. Щукін В.В. Єврейські приватні навчальні заклади в Херсонській губернії у II половині XIX – на поч. XX ст.ст. // Південний архів: Збірник наукових праць. Історичні науки. – Вип. XXII. – Херсон: вид. ХДУ, 2006. – С. 268-274 .

572. Щукін В.В. Єврейська благодійність у Миколаєві в II половині XIX – на поч. XX ст. ст. // Історичні і політологічні дослідження. Науковий журнал. Видання Донецького національного університету. – 2007. – №3/4 (33/34). – С. 135-139.

573. Щукін В.В. Джерела з історії єврейської благодійності в Миколаєві в кінці XIX – на початку XX ст.ст. // Південний архів: Збірник наукових праць. Історичні науки. – Вип. XXV. – Херсон: вид. ХДУ, 2007. – С. 221-224 .

574. Щукін В.В. Левірат в історії єврейського шлюбного права // Визначальні тенденції генезису державності і права: Збірник наукових праць. – Миколаїв: вид. «Ліон», 2007. – С. 254-257.

575. Щукін В.В. З історії професійної та спеціальної освіти на Миколаївщині // Миколаївщина: шляхами тисячоліть. Обласна науково-практична конференція, присвячена 70-річчю утворення Миколаївської області 15 вересня 2007 року. – Миколаїв, 2007. – С. 188-193.

576. Эттингер Ш. Формирование основных принципов и тенденций в политике русского правительства в отношении евреев после разделов Польши. // Россия и евреи: Сборник статей. – Иерусалим, 1993.

577. Янсон Ю. Статистическое исследование о хлебной торговле в Одесском районе. – СПб., 1870.

5. Пресса, периодика

578. Будущность. Газета (СПб).

579. Восход. Газета (СПб).

580. Недельная хроника Восхода. Газета (СПб).

581. Новый Восход. Газета (СПб).

582. Рассвет. Газета (СПб).

583. Хроника еврейской жизни. Газета (СПб).

584. Экономическая газета (СПб).

585. Южанин. Газета (Николаев).

586. Южная Россия. Газета (Николаев).

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово.....	3
1. Обзор литературы и источников (В.В. Щукин, А.Н. Павлюк).....	5
2. Правовое положение евреев в Николаеве (конец XVIII – начало XX вв.) (В.В. Щукин, А.Н. Павлюк).....	13
3. Еврейское население Николаева в 1788-1830 гг. (А.Н. Павлюк).....	31
4. Выселение евреев из Николаева в 30-х – 50-х гг. XIX в. (А.Н. Павлюк)	50
5. Еврейское население Николаева во II половине XIX – начале XX вв. (В.В. Щукин).....	62
6. Евреи в социально-экономической жизни города (А.Н. Павлюк).....	97
7. Религиозная жизнь еврейской общины (В.В. Щукин).....	125
8. Еврейские погромы в Николаеве (В.В. Щукин).....	148
9. Коробочный сбор, еврейская благотворительность, социальная помощь (В.В. Щукин)	168
10. Здравоохранение (В.В. Щукин)	207
11. Евреи в сфере образования и культурной жизни города (В.В. Щукин).....	223
Именной указатель.....	273
Список иллюстраций.....	296
Список сокращений.....	300
Приложения.....	301
Список источников и литературы.....	334

В.В. ЩУКІН А.М. ПАВЛЮК

ЗЕМЛЯКИ

Нариси історії єврейської общини міста Миколаєва

(кінець XVIII – початок XX ст.ст.)

Коректор – Кузнецова Л.М.
Комп'ютерна верстка – Рябошапка С.А.

Прийнято до друку 12.04.2008 р.
Підписано до друку 15.04.2009 р.
Формат 64x90^{1/16}. Папір офсетний. Гарнітура PragmaticaC.
Друк офсетний. Ум. друк. арк. 22,0. Наклад 1000 прим.
Зам. № 14.

Видавець і виготовлювач Гудим І.О.
54030, м. Миколаїв, вул. Адміральська, 20
Тел. 8 (0512) 37-37-18
8 (0512) 37-27-00
irina.gudym@gmail.com
gydim.nikportal.net

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи МК № 3 від 14.05.02